

Синдромът илусиона

F

i

n

a

l

z

i

Блеки Хол

В результате открытия вис-волн, владение которыми позволяло создавать заклинания, общество разделилось на две части: "видящих" (висоратов) и "слепых". Эва "слепая", но волей отца (высокопоставленного чиновника) она оторвана от матери и тех кому она была дорога. Заключив договор с отцом, что окончит институт с висорическим уклоном и взамен получит адрес матери, она переводится в столичный ВУЗ. Но по издевке судьбы Эва попадает в должники к местной звезде Мэлу. Сможет ли выжить тихая серая мышка среди ярких представителей висоратских семей? Сможет ли сохранить свой секрет? И так ли она безобидна как кажется?

Блэки Хол

Sindroma unicuma. Finalizi*.

Finalizi* (пер. с новолат.) — финальная

Посвящается Эве

И снова разум скажет мне: "Не тот",

Но перестанет ль сердце жарко биться,

Коль взгляд случайно упадет

На моего красавца-принца.

Я не могу отринуть взгляда нить,

Не слушая уверенных советов,

Смотрю в глаза того, кого хочу забыть:

"Лишь прикоснись, молю об этом!"

Что это? Лихорадка? Дрожь?

И чувства, и слова уносит ветром.

Одно я знаю, если ты уйдешь -

Мир без тебя останется бесцветным.

Где свет, где тьма — понять бы мне самой,

Чтоб в сумерках зари взлететь звездой.

Автор: Ольга (ПростоМария).

таю, таю)) Читаю, перечитываю — и таю)))

1. О нелегких буднях настоящих леди и о тех, других.

Есть обстоятельства, над которыми человек властен. Не устраивает размер груди — записывайся на прием к косметическому хирургу или корректируй габариты с помощью подручных висорических средств. Достала подружка — скажи, что она похожа на жирную бегемотиху. Надоело одиночество — растяни губы в улыбке и польсти пару раз окружающим. Хочешь признания и оваций — найми личного тренера, и через месяц выбьешь пул, не напрягаясь.

Но есть вещи, которые невозможно изменить.

Августу Аксёнкину удручали два неисправимых обстоятельства: её имя и день рождения.

За убогое имечко стоило сказать спасибо мамаше, которая, особо не напрягаясь, дала трем дочерям имена по месяцам рождения: Декабрина, Августа и Майя. Смехота и примитивизм.

Ограниченность ума и отсутствие фантазии у родительницы объяснялись просто: когда

родилась младшая из сестер Аксёнкиных, их отцу, чиновнику Департамента юстиции, еще не предложили место председателя совета директоров государственной монополии сотовой мегасвязи.

С годами мамочка стала умнее. Вздумай она увеличить численность семьи Аксёнкиных, то обязательно наняла бы лучших прорицателей и заказала долгосрочный гороскоп для младенца с приоритетами желательных имен. Увы, судьба рассудила иначе, посчитав, что супруги сделали свой выбор между наследником и сливками светского общества.

Вторым поводом для расстройств средней из сестер Аксёнкиных неизменно служил день рождения в последнем летнем месяце, вернее, тот факт, что она родилась на девять месяцев раньше Егора Мелёшина. Осознание того, что она оглашала мир младенческим плачем и марала подгузники задолго до появления на свет Мелёшина-младшего, заставляло чувствовать себя ущербной старухой. К тому же ехидна Майка не упускала случая поддеть сестру.

— Глянь, — Клюква протянула фотку, на которой было изображено нечто похожее на боксерскую перчатку с мочалкой наверху. — Спортивная серия.

Конечно же, собеседницу звали не Клюквой, а Евгенией Ляпис или Евгешей — любительницей эксцентричности и шокирующих выходок. Кислое прозвище внучке председателя Высшего законодательного совета подарили острый язык и язвительные замечания, набившие оскомину как у администрации лицея, так и у лицеисток. Евгеша не выделяла из своего окружения ни друзей, ни врагов, потому что была сама по себе. Она могла во время занятия сказать на весь кабинет, обращаясь к преподавательнице:

— А у вас лифчик из-под блузки выглядывает.

Девчонкам же говорила: "Твои зубы желтые как моча" или "У тебя воняет изо рта тиной" — и ни капельки не кривила душой. Но уколоть Евгешу ответной шпилькой не получилось бы при всем желании, потому что она являлась совершенством со всех сторон.

Аксёнкина и Евгеша не водили дружбу, но вели совместные дела. Их объединил взаимный интерес к общему увлечению.

Большинство людей чем-то увлекается. Кто-то собирает фантики или наклейки от бутылок, кто-то играет на гитаре, кто-то транжирит родительские деньги в увеселительных заведениях и модных салонах. А кто-то коллекционирует последствия *deformi**, запечатленные на фотографиях, и с волнительным удовольствием просматривает набитый картинками альбом — увлечение скандальное, порочное и возбуждающее. Поэтому для заинтересованной зрительницы боксерская перчатка с мочалкой оказалась лицом человека, обезображенного заклинанием до неузнаваемости. На следующем снимке камера бесстрастно зафиксировала лицо женщины, с глубокой продольной вмятиной ото лба к подбородку, похожей на отпечаток от биты — деформированный нос, провалившийся в череп, расплюснутый в лепешку рот, глаза, скошенные навстречу друг другу.

Каждый раз Клюква раздобывала новые жуткие неправдоподобные фотографии, наглядевшись на которые Аксёнкина подолгу смотрела в зеркало и любовалась собственной благородной внешностью с изящными чертами лица.

Знакомство с Евгешей несло пользу еще и тем, что время от времени она передавала новости от своей сокурсницы Басты, сестры Егора Мелёшина.

Баста была девчонкой вредной и глупой, считающей, что рассказы о похождениях братца удают будущую родственницу, и поэтому намеренно живописала в красках его амурные приключения, зная, что Клюква доставит "посылку" по адресу. Но адресата мало

задевали подробности из личной жизни Мелёшина-младшего. Августа давно отделила себя от стадатех, других, как бриллиант — от навоза.

Те, другие, могли сколь угодно цепляться за напрасные надежды и рассчитывать на невозможное, в то время как на ее стороне было одобрение Мелёшина-старшего.

Мало ли приятных молодых людей в высшем обществе, кроме Егора Мелёшина — старше, опытнее и при чинах? Разве сошелся на нём белый свет клином?

Перспективных молодых людей немало, но несвязанных обязательствами — крупницы, потому что для успешного карьерного роста приветствуется биография добропорядочного гражданина, который может взвалить на себя ответственность не только за благополучие молодой семьи, но и за общество в целом.

Так что если задуматься, возможная партия с Егором Мелёшиным выходила неплохой. Вернее, не кривя душой и не морща брезгливо нос, следовало признать, что партия с Мелёшиным-младшим получалась блестящей. Войти во влиятельную семью с давними традициями — невероятная удача, которая может выпасть девушке из семьи новоиспеченных нуворишей.

Лет до семнадцати Августу не беспокоило существование Егора Мелёшина на земле, несмотря на то, что они периодически пересекались на различных светских мероприятиях. В значительной степени ее интересовали состоявшиеся молодые люди, нежели ровесники, игравшие в мальчишеские игры и имевшие детские представления о жизни. Однако интерес к противоположному полу существенно ограничивался отдельным обучением в мужской и женской закрытых школах со строгими правилами.

Со скуки средняя из сестер Аксёнкиных переключила бы внимание на прислугу, но среди имеющихся кандидатур не нашлось достойных: водитель — подобоострастный слизняк, секретарь отца — очкастый хлыщ в годах, управляющий имением — толстый потеющий боров, чернь — не в счет. Сразу видно, что матушка не задумывалась об адюльтере под носом у муженька. Умная женщина на ее месте давно пристроила бы любовника в зоне досягаемости и брала от жизни все доступные удовольствия.

Несмотря на узкий круг высокопоставленных знакомств, Августа столкнулась близко с Мелёшиным-младшим, уже учась в лицее, на банкете в честь бракосочетания племянницы премьер-министра и заместителя министра природных ресурсов. Егор изменился: возмужал, раздался в плечах и поглядывал на девчонок с наглостью прожженного Казановы. И все равно он казался Августе прежним мальчишкой, играющим в машинки и пистолетики, но никак не возможным претендентом на руку, сердце и новую фамилию. До тех пор, пока не прилетела первая ласточка.

Старшая из сестер Аксёнкиных с треском провалила дебют на "Лицах года". Начитавшись высокоумных книжек, она вообразила себя натурой возвышенной и утонченной, коей оказался недостойн ее кавалер — сорокалетний финансист из министерства.

Вечером в отцовском кабинете разгорелся ужасный скандал, который подслушали чуткие уши Августы.

— Он же старый! — возразила, шмыгая носом, сестра. — И скучный! И не разбирается в литературе и философии.

— Молчать! — разъярился отец, переходя на визг. — Тебе, дуре, нужно радоваться приглашению и почитать за великое счастье! А кто будет тебя содержать, не задумывалась?! Прикажешь мне корячиться до старости, чтобы вас, дармоедок, кормить и счета

оплачивать?! Где дочерняя благодарность, я спрашиваю? Где?! У тебя же ни родословной, ни кожи, ни рожи! Зарылась в бестолковые книжки как червь и забиваешь голову пустой дребеденью! Немедленно звони ему и извиняйся!

— Не буду, — уперлась сестра. — Хочу по любви и по взаимному уважению!

— По любви захотелось?! — заорал родитель. — Я сейчас покажу любовь по жоппе ремнем!

Мамаша едва утихомирила его и уговорила оставить бедняжку на время в покое, чтобы та обдумала и осознала свой проступок.

Покой затянулся, отец сдулся и примирился. Со временем сестрица вдарилась в религиозность и начала посещать духовный кружок из таких же, как она, высокоумных дурочек, постепенно смещаясь в категорию старых дев. В итоге наилучшие побуждения папеньки, мечтавшего пристроить старшее чадо, с треском провалились.

Зато Августа призадумалась. Сестру она не жалела. Та сама оказалась виновата в топорной прямолинейности с кавалером. В большей мере среднюю из сестер Аксёнкиных обеспокоило, что ее родословная, оказывается, не так хороша и не так длинна, как у других девчонок, и что нельзя капризничать, перебирая женихов, а довольствоваться тем, что перепадет. А перепадать мог как сорокалетний вдовец с двумя детьми, так и седобородый дедушка — смотря с кем сговорится родитель.

Как выяснилось, отец не дремал и использовал любой удобный случай, прощупывая почву и выискивая подходящих претендентов. А кому легко, когда бабье царство висит хомутом на шее? Однажды, во время "мертвого" сезона в Моццо, Аксёнкины совершенно случайно оказались в близком соседстве с супругами Мелёшными, и главы семейств сблизились на почве любви к гольфу, переросшей в совместные обеденные и вечерние трапезы.

— Люблю уединение и тишину, когда хорошо думается, и принимаются нужные решения, — объяснил как-то за столом Мелёшин-старший причину пребывания в Моццо в межсезонье, и отец с подобострастием согласился.

Родитель ужасно боялся и сикатил перед начальником Департамента правопорядка, когда после неспешного разговора под сигару и бородатого анекдота закинул удочку:

— Посмотрите, Артём Константинович, какой у нас товар, — кивнул, показав на Августу, — а у вас солидный купец.

Она смущенно потупила взор, а Мелёшин-старший, окинув девушку внимательным взглядом, отвесил комплимент:

— Товар хорош, не спорю.

А "солидный купец" развлекался в это время где-то на заграничном курорте.

С тех пор семейству Аксёнкиных потекли приглашения на разнообразнейшие великосветские мероприятия и "посиделки" — столичные и загородные — и в том числе пригласительные билеты на "Лица года" с Мелёшиным-младшим в качестве спутника Августы, на которые ответила бы отказом полнейшая идиотка с мозгом со спичечную головку.

За это время средняя из сестер Аксёнкиных и Егор Мелёшин едва ли сказали друг другу больше десятка коротких фраз.

В первый раз Мэл — что за собачья кличка? — оглядел ее с интересом, и взгляд оказался таким же, как у его отца — откровенным, раздевающим. "Мужская особь должна смотреть так, словно хочет съесть вас" — вспомнила Августа фразу из женского журнала для

тупоголовых дур.

Больше Егор Мелёшин на неё так не смотрел. Он высиживал требуемое по протоколу время, выполнял необходимый минимум обязанностей по отношению к своей даме, после чего срывался с места и удирал в спетую и спитую компанию на поиски приключений. У каждого из них был свой круг общения, и Мэл не считал нужным идти на сближение, а гордость Августы родилась раньше неё, чтобы открыть рот и попросить о чем-то.

Круг знакомств Аксёнкиной был малочислен. Откровения возвратятся бумерангом в спину, — усвоилось ею четко. Лишь полезные связи, не более.

Егор Мелёшин успевал жить на полную катушку. Время от времени до Аксёнкиных долетали отголоски сплетен и скандалов, умело затираемых Мелёшиным-старшим. Мэл не расплылся на мелочи, вливая в различные пикантные истории.

В восемнадцать лет он умудрился связаться с женой иностранного дипломата, бывшей старше Мэла чуть ли не на десять лет. Поговаривали, будто красавица с экзотической восточной внешностью совратила его. Парочка встречалась втайне около двух недель, пока Мелёшин-старший, терпение которого истощилось, не вывел сына за ухо из спальни посла, пригрозив женщине публичным обвинением в растлении несовершеннолетнего и открытым судебным процессом. Муж-рогоносец, позабыв о мести, подхватил изменницу и срочно покинул страну. Вздумай посол возмущаться, ни его, ни неверную супругу не спасла бы никакая дипломатическая сверхнеприкосновенность.

Оторвавшись от фотографий с deformi*, Аксёнкина посмотрела в окно. Внизу, под окнами, прохаживался возле машины водитель Ляли Пляскиной, с которой встречался Мэл, отходя после скандала с иностранкой, пока не сообразил, что любвеобильность подружки не знает границ, в чем немало помог отчет службы оперативного слежения из ведомства Мелёшина-старшего.

"Наверняка Лялька спит с ним" — подумала Августа, разглядывая симпатичного молодого мужчину, беспокойно посматривающего то на запястье, то на двери лица. — "Ничего не боится — ни огласки, ни родительского гнева, ни общественного порицания".

Отец, до которого долетали сплетни о похождениях младшего Мелёшина, подмигивал маменьке и посмеивался молча в усы. Что смешного? Разве не оскорбительно, что Мэл отрывался так, словно вскорости ожидался апокалипсис? Вдобавок Августу раздражало заискивание родителя перед старшим Мелёшиным. Неужто возможное объединение семей стоило унижений? К взаимным соглашениям приходят солидно, не теряя достоинства.

И чем она, Августа, плоха? Почему другие развлекаются, а ей нельзя? Ей тоже хочется испробовать остренького, иначе жизнь промелькнет, наполненная серыми монотонными буднями.

Пару раз Аксёнкина даже соврала родителям, что идет к знакомой заниматься новолатинским, а сама ездила с сокурсницей Глашкой Игнатенко, дочерью главы Первого правительственного банка, в закрытый клуб "Вулкано". Там они сидели за столиком, потягивали слабоалкогольный пятислойный "бумбокс" и пропитывались атмосферой безудержного веселья. В переполненном клубе было шумно и вульгарно, от откровенных мужских взглядов и прямых намеков горели щеки, и кружилась голова.

Неизвестно, чем закончились бы поездки, будоражащие гормоны, не вмешайся случай, благодаря которому средняя из сестер Аксёнкиных осознала, что есть вещи, ради которых стоит закрывать глаза на мужское непостоянство, ибо в любой момент можно потерять всё.

Майка, глупая бездарная овца, стремительно догнала старших сестер в физическом

развитии, но застопорилась в умственном, и под удовлетворение сексуального интереса попался такой же озабоченный сынок министра легкой промышленности. Папарацци застукали парочку в самом разгаре отношений на заднем сиденье машины в центре столицы.

Репутации семейства Аксёнкиных светил грандиозный скандал, тем более незадачливый ухажер отказался нести ответственность, поскольку уже связал себя аналогичными обязательствами.

Из двух участников горячей страсти высшее общество выбрало виноватого, осудив половозрелую нимфетку. Отец в отчаянии рвал остатки волос на голове, мать истерично рыдала и пила капли, опозоренная дочь сидела взаперти и, подпевая незамысловатым песенкам в наушниках, изучала каталоги свадебных платьев, а светские сливки, посмеиваясь, перемальывали косточки незадачливому папаше, припомнив вызывающе снобистское поведение старшей из сестер. Шутки шутками, а отсутствие воспитания у дочерей и их безалаберность пошатнули кресло под председателем совета директоров. Авторитет Аксёнкина, как человека, неспособного держать семью в кулаке, оказался под угрозой. К тому же в прессе начали гулять шуточки и скабрзные анекдоты о безнравственности избранной молодежи, призванной быть примером для подражания прочим слоям населения. Новости переключались из газет на телевидение, распространяясь со скоростью огня по сушиняку. Поскольку правительство наложило жесточайший запрет на провоцирование негативных настроений среди общественности, карьера Аксёнкина грозила закатиться в ближайшие дни.

— Им только повод дай — с потрохами сожру-ут, — стонал несчастный отец, заболев от переживаний.

Не видя иного выхода, он обратился за помощью к Мелёшину-старшему. Когда Майка надела на палец обручальное кольцо, счастливый папочка едва ли не целовал ноги спасителю чести и достоинства, на что тот великодушно похлопал Аксёнкина по плечу:

— Какие могут быть счеты между родственниками?

Таким образом, Августа плавно перешла из претенденток в категорию фавориток, несмотря на подмоченную репутацию семейства Аксёнкиных. Напоследок Мелёшин-старший поинтересовался у неё невзначай:

— Наверное, боязно бывать без сопровождения в местах со скоплением подвыпившей публики?

В участливом вопросе прозвучало предупреждение: если рассчитываешь стать членом влиятельной семьи, будь любезна, не дискредитируй себя посещением сомнительных заведений. Достоинство легко уронить, но трудно очистить от грязи.

Диапазон возможностей и полномочий Мелёшина-старшего потряс среднюю из сестер Аксёнкиных. Тому каким-то немислимым образом удалось заставить новоявленного женишка Майки расторгнуть предыдущие обязательства и признать новые. Кроме того, Августа поняла, что каждый ее шаг находился под пристальным вниманием будущего родственника.

Свадьбу закатали будь здоров — на четыреста персон, и Майка язвила, крутясь перед сестрами в платье за пятьдесят тысяч:

— Обскакала я вас, целомудренных бабушек!

На торжественном мероприятии присутствовало семейство Мелёшиных в качестве особо почетных гостей. Мэл сопровождал Августу на официальной части и исчез из Банкетного дворца при первом же удобном случае.

Свадебные лимузины разъезжали всю ночь по столице, сигналив, и молодежь, напившись, орала, вываливаясь из люков, а через неделю Майка перевезла чемоданы в родительский дом, заявив, что не собирается жить с тупорылым козлом, у которого молоко на губах не обсохло, и таким образом перешла в категорию разбитных разведенки, добавив отцу седых волос и новых проблем с разделом имущества, нажитого в коротком браке.

Родителю пришлось излупить нерадивую дочь ремнем, но ума у дурочки не прибавилось. Да и припоздало вправление извилин на место. В лицей Майку теперь не взяли бы как побывавшую замужем. Поступать в институт считалось зазорным для девушек из окружения Аксёнкиных, поэтому восемнадцатилетняя балда опять села на шею родителям, готовя папаше новые потрясения.

Вторая ласточка прилетела с месяц назад.

Из подслушанного разговора родителей Августа узнала, что правительство надумало разделить монополию сотовой связи на несколько самостоятельных частей. Одежало рвали на куски влиятельные и денежные тузы, и Аксёнкин, будучи свадебным генералом, оказался пешкой в их играх.

Дробление означало существенное сокращение доходов семьи, привыкшей жить на широкую ногу.

— Боже, — заламывала руки мать, — на что нам теперь существовать? Пойдем по миру?

— Продадим имение, сократим штат прислуги. И вообще, скромнее надо быть, — буркнул отец, гремя графином. — Дочерей правильно воспитывать, а не валяться полдня в постели, почитывая дешевые романчики.

— Значит, я плохая мать?!

— А кто? Я, что ли? — заорал отец, с силой шмякнув по столу и разбив вдребезги что-то стеклянное. Августа, прислонившая ухо к стене, вздрогнула. — Воспитала на мою голову! Одна дура умная, вторая дура полная, а третья!... Может, не всё пропало? Может, в ней победит моя кровь? Если у нее не хватит ума окрутить Мелёшина, то на следующий год пригласительный билет достанется другой!

Это был удар ниже пояса. Безоблачное стабильное будущее распадалось как карточный домик, и не сегодня-завтра высшая лига намеревалась столкнуть ее, Августу, с небес на землю.

Видимо, бессонницей мучилась не только она.

На следующий день средняя из сестер имела разговор с матерью. Та никогда не усердствовала с нежными любящими объятиями, да и Августа не переносила на дух сентиментальные сюсюканья.

— Наступает момент, когда любому из нас приходится делать важный шаг, — сказала родительница, нервничая. — Я воспитывала тебя в строгости и благочестии, отец тоже сделал всё от него зависящее. Теперь ты должна постараться убедить Егора и объясниться с ним. Знаю, ты умная девочка и что-нибудь придумаешь.

Хороша советчица! Живенько переложила проблему на чужие плечи и сбежала, перекрестив пальцы. И что придумать? Увлечь Мелёшина-младшего в уголок и, порвав на себе платье, закричать о поруганной чести? Он посмеется и покрутит пальцем у виска. Нужно вынудить его дать клятву в серьезности намерений. Но как?

Словом, для счастья следовало постараться, потому что внезапно выяснилось, что никто не подаст его на блюдечке с голубой каемочкой.

А счастья хотелось. Хотелось удержаться наверху.

Втайне она примеривала фамилию, пробуя шепотом на слух. Мелёшина Августа Аркадьевна... Гораздо лучше, чем имеющиеся три "А".

Остался шаг до того, чтобы стать частью могущественной семьи. Только полная дура упустит шанс, за который стоило сказать спасибо родителю, вытянувшему для дочери наиудачливейший лотерейный билетик. Но ронять свое достоинство не хотелось, и прежде всего перед Егором Мелёшиным.

Так у Августы появилось еще одно увлечение: изучение его родословной помимо сухих схем в генеалогических справочниках. Она исследовала запутанные семейные связи, запоминала имена родственников — теток и дядей, кузин и кузенов, дедушек и бабушек.

Мать Мэла была приятной женщиной со спокойным характером и исполненными достоинства жестами. Типичная высокородная леди. Ее будущая свекровь. И, кстати, в свое время она вышла замуж за вдовца с двумя детьми, не став воротить нос, как некоторые капризные сестрицы.

Егор и его сестра Баста или попросту Мария родились во втором браке Мелёшина-старшего. От первой супруги у него остались тоже сын и дочь. Августа вспомнила: несколько лет назад высшее общество всколыхнула нелепая смерть наследника фамилии Мелёшиных. Старшая дочь удачно вышла замуж за первого советника премьер-министра, упрочив позиции семьи. Брат Севолод Константинович Мелёшин имел частную клинику, обслуживающую избранное общество, в том числе правительственную верхушку.

Определенно, войти в эту семью — лучшее, о чем может мечтать любая девушка. Однако мало стать частью семьи Мелёшиных. Нужно закрепиться, с помощью ребенка, а лучше двух. И тогда глава клана не надышится на внуков, а в особенности — на наследника фамилии.

Будут ли у неё с Мэлом отдельные комнаты так же, как у её родителей, и он станет приходить раз или два в неделю, чтобы отдать супружеский долг, пыхтя и сопя, а она — старательно постанывать, имитируя удовольствие? Вдруг Мелёшин-младший заведет интрижку на стороне?

А пусть бы и завел, так делают многие. Августе же проще. Ее воспитание не позволит терзаться ревностью, думая о любовницах Мэла и о способах их устранения. Для нее важнее страсть к заочно полюбившейся фамилии, к деньгам, к власти.

Неделю назад Клюква передала "привет" от малолетки — сестрицы Мэла:

— Говорит, окучивает какую-то, не из наших. Из простых. Интенсивно окучивает.

— Ну и что? — пожалала плечами Августа. — Они и раньше были. И где теперь?

— Сейчас не так. Гораздо круче.

— Без денег он не нужен.

Второй сорт — и есть второй сорт. Не брезгают выпрашивать цацки, меха, наличность.

— Всё может быть, — согласилась Клюква. — А если это серьезно?

Два дня назад Евгеша сказала:

— Эта деваха тоже будет на приеме. И у них всё было.

— Еще одна подстилка, — фыркнула Августа.

Интересно посмотреть, каких девиц предпочитает Мелёшин. Хотя далеко ходить не надо — Лялька каждый день сидит впереди на занятиях. Мэлу крупно повезло выбраться сухим из отношений с ней. С тех пор он не связывался с девушками своего круга, иначе на его шею давно бы села вторая Майка. Или нет, не села бы, потому что Мелёшин-старший

быстро бы урегулировал проблему.

Что ж, Августе не составит труда убить снисходительным взглядом ту, другую, раздвинувшую перед Мэлом ноги ради материальных благ.

Подготовка велась долго и тщательно, и Майка опять вылезла со своим языком. Ну, ей-то вряд ли повезет попасть когда-нибудь на "Лица года", поэтому пусть захлебывается собственным ядом. Неделю Августа выбирала платье и аксессуары, полдня перед приемом провела в лучшем столичном салоне, чтобы сразить кавалера наповал.

Мэл приехал — немногословный, элегантный, выглядевший сногсшибательно в темно-синем костюме. Поцеловал ладонь маменьке, пожал руку отцу, распахнул вышколенно дверь перед спутницей, подставив локоть, чтобы довести до машины.

Они отлично смотрелись вместе, об этом Августе говорили многие. Натуральная платиновая блондинка и темноволосый смугловатый молодой человек. Свадебные фотографии обещали стать сенсацией. Осталось поднатужиться и сделать последний рывок, чтобы приблизить важный день.

Только сегодня Аксёнкина неожиданно заметила, что угловатость и порывистость Мэла исчезли, уступив место неспешности движений человека, уверенного в себе и в завтрашнем дне. Рядом с ней по мощеной дорожке шел не вспыльчивый мальчишка и не горячий юноша. Ее вел к автомобилю молодой мужчина — интересный, волнующий. Они пройдут рука об руку под репортерскими вспышками и станут лучшей парой приема.

А Егор Мелёшин не заметил атласного платья шоколадного цвета, удачно оттеняющего белизну кожи. Не обратил внимания на искусную прическу, которую наводили одновременно четыре мастера. Не сообразил, что один из пальцев сиротливо дожидается долгожданного кольца.

"Не очень-то хотелось!" — отвернулась Августа к окну, усевшись в машину.

Она окончит лицей в начале лета, а Мэлу предстоит учиться еще один год, прежде чем можно будет говорить о брачном союзе двух фамилий. Ей останется присоединиться к сестрам и сидеть на шее у родителей в ожидании, пока Мелёшин-младший получит аттестат. Двусмысленная ситуация и еще один повод для зубоскальства насмешников, поэтому закрепление обязательств клятвой и колечком явилось бы гарантией серьезности намерений.

Господи, ну, почему мамашу угораздило родить ее на девять месяцев раньше Егора Мелёшина?

Мэл, не замечая присутствия спутницы, раз за разом набирал на телефоне чей-то номер и хмурился, недовольный тем, что абонент оказывался отвечать.

— Деревья в инее, — сказала Августа. Бросаться на него сейчас или при свидетелях? Нет, лучше при свидетелях.

— Что? — отозвался спустя минуту Мелёшин-младший, раздосадованно засунув телефон во внутренний карман пиджака.

— Деревья в инее, — показала она пальчиком.

— А-а, да, — кивнул Мэл и снова достал телефон, отвернувшись к окну.

Хотя дорожка покорила среднюю из сестер Аксёнкиных два года назад, шаги под прицелом камер и любопытных зевак неизменно были волнительным событием. Сотни лиц, софиты, ажиотаж... Не каждая леди выдержит с достоинством первый этап сегодняшних испытаний.

Ладонь Мэла протянулась, чтобы помочь выйти из машины — крепкая, горячая. Этими

руками он обнимал каждую из тех, других, и, прижимая к себе, нашептывал на ухо грязные словечки. Любил — до громких стонов, быть может, до крика. До царапин на смуглой спине, блестящей от пота...

"Как же невпопад вообразилось", — подумала Августа, смешавшись, в то время как ноги двинулись выверенно по зеленому покрытию. Она заученно развернулась и, улыбнувшись в объективы камер со стандартным сантиметром между губами, прошествовала с Мэлом под высокие арочные своды Дома правительства в Большой парадный холл.

Шикарные дивы в кричаще дорогих манто, блеск драгоценностей, представительные мужчины... Много знакомых лиц — из жизни и с экрана — кивают, здороваются. Пожимают руки, искусственно улыбаются, отвечивают стандартные комплименты. А Егор Мелёшин не сказал ни слова. Отошел в сторону и оглядывается, выискивая кого-то среди праздничной толпы. Друзей или ту, о которой упоминала Клюква?

Вряд ли. Мэл понимает, что постельные обжимания остались за кадром, а здесь — роскошь и великолепие высшего света, и Августа является его частью. Второй сорт попадает сюда случайно и выветривается с ближайшим сквозняком. А если второй сорт начинает мнить о себе сверх меры, достаточно задвинуть его в сторону брезгливым взглядом и меткой уничижительной фразой.

Егор Мелёшин сдал шубку и муфту в гардероб, но не спешил занимать места в Большом торжественном зале. Он всматривался в толпу и хмурил брови.

— Мы идем или как? — спросила недовольно Аксёнкина. — Меня сейчас затопчут.

— Да, идем, — ответил неохотно спутник, предложив локоть, и они двинулись в распахнутые двери, влившись в поток гостей. Мэл без конца оглядывался по сторонам, и это раздражало.

Лотерея выдала места в партере в середине ряда. Было бы замечательно, если тому (или той), кого тщетно выглядывал Мелёшин, досталось место с краю на последнем ряду или где-нибудь в глубине на третьем ярусе. Или вообще не хватило мест. Или выяснилось, что произошла непредвиденная ошибка, и кое-кого выгнали с позором под свист и улюлюканье.

Соседом Августы оказался незнакомый бородач, а со стороны Мэла села молодящаяся бабушка, отягощенная изумрудами на шее, в ушах и на пальцах. Она умудрилась пофлиртовать с кавалером Аксёнкиной, вызвав у той снисходительный смешок.

Августе показалось, что неподалеку мелькнула пестроволосая голова друга Мелёшина, и поначалу она хотела сказать ему об этом, но передумала. "Пусть помнет шею, чтобы стала гибкой и тонкой как у жирафа", — подумала мстительно, потому что Мэл беспрестанно оборачивался, обегая взглядом задние ряды, ложи и верхние ярусы, не прибегая к лорнету.

Ее спутнику пришлось успокоиться, когда погас свет, и в зале затихли покашливания и гул голосов. На сцену вышел премьер-министр.

Во время выступления Мелёшин сидел напрягшись. Казалось, он совсем не вникал в затяжную речь, однако в нужных местах хлопал вместе с залом и растягивал губы в улыбке, поддерживая шутки оратора. Августе же стоило большого труда не уснуть. Периодически она щипала свою ладонь и упрекала себя, что так и не научилась спать с открытыми глазами, хотя еще в прошлом году занесла этот пункт в список приоритетных дел.

Ближе к окончанию речи, перед проигрышем национального гимна, в бельэтаже произошла какая-то заминка, с шумом и повышенными голосами. В проходах забегали охранники с рациями. Гости начали оглядываться, однако премьер-министр бодро зачитал концовку, и после громких оваций расфуфыренная публика выслушала национальный гимн,

стоя в почтительном молчании.

Едва первые приглашенные потянулись из зала, как Мелёшин вскочил с места, намереваясь увлечь свою спутницу к выходу. "Нет уж", — улыбнулась Августа. — "Я — дама медлительная, в толчее задыхаюсь и поэтому дождусь, пока в помещении станет легче дышать".

В итоге они попали в Большой амфитеатр последними из гостей, заняв оставшиеся места в верхнем ряду, и снова Мэл выворачивал шею, ища одно ему ведомое. Или одну, — в этом Августа убедилась окончательно. Из-за друзей или родственников он не стал бы волноваться, изучая публику с озабоченностью.

Представление совершенно не понравилось Аксёнкиной. Примитивные иллюзии, слабые спецэффекты под заунывное нытье навевали сон, и она с трудом удержала зевок. Прошлогодня постановка оказалась более эффектной и грандиозной, а в этом году зря выкинули деньги на ветер.

Зато Августу заинтересовали выкрутасы зрителей. Прежде отхождений от сценария приема не бывало. Некоторые из присутствующих порывались помочь участникам представления, и охранникам приходилось выдвигать добровольных помощников. Вывели из амфитеатра и зачинщиков нескольких громких ссор, вспыхнувших в разных углах, причем среди них была парочка сцепившихся актрисок.

А еще Мелёшин под боком без стеснения вертел головой налево и направо, безуспешно разыскивая ту, другую.

"Кто она?" — отвлеклась Августа от скучного зрелища на арене. Логично предположить, что ровесница или помладше и наверняка учится в одном институте вместе с Мэлом. Матерая волчица, вырывающая зараз приличные куски наличности из кошелька Мелёшина-младшего.

Аксёнкина сконцентрировалась, и линзы плавно увеличили изображение, приблизив зрителей с противоположной стороны амфитеатра. Если отсеять дам по возрасту, а также исключить знакомые лица, то интересующих девиц останется не так уж много.

Это могла быть брюнетка с бровями, удивленно задранными к вискам. Нет, это не она.

Это могла быть восторженно хлопающая худосочная килька чуть пониже слева. Тоже не она.

Или квадратная бочка в безразмерном балахоне, занявшая толстой задницей два места на первом ряду. Нет, это не типаж Мелёшина-младшего.

Августа уверилась, что почувствует соперницу с первого же взгляда. Пусть Аксёнкина никогда не призналась бы себе в неожиданном открытии, но сидя в амфитеатре среди толпы, заходящейся в бурных аплодисментах, она вдруг поняла: у нее есть все права на Мэла, на его фамилию, и она не расстанется с ними так просто. Она укажет распутной девке её место, и объяснит Мелёшину, что в высшей степени оскорбительно, когда спутник манкирует своими обязанностями по отношению к почти невесте.

Когда кончилось представление, утомившее бессмысленностью и тупостью постановки, Августа заставила ждать своего кавалера, прихорашиваясь в дамской комнате, хотя идеальность невозможно сделать лучше.

Оглядев себя в зеркале, Аксёнкина усмехнулась. Мало ли чего хочет Мэл? Его отцу нужна утонченная невестка, настоящая леди из высшего общества, со вкусом в одежде и в стиле. Такая как она. Не зря же Мелёшин-старший выбрал именно Августу из веера подходящих девушек. К чему тогда уроки этикета, политес, риторика, философия, культура

искусств, занятия на фортепиано, обязательное знание четырех иностранных языков, уроки артистического искусства и пластика, не считая курса висорики? Она, Августа, хладнокровна, имеет твердый характер, способна принять правильное решение в критической ситуации, почтительна к старшим, уважает традиции, не опускается до мелочных дрызг и базарного выяснения отношений. Рядом с ней вульгарная второсортница проиграет всухую благодаря безвкусной одежде и дешевой внешности.

Выйдя из дамской комнаты, Аксёнкина позволила кавалеру увлечь себя к Большому банкетному залу, по пути разглядывая каждую девушку, мало-мальски похожую на ту, другую, рожденную её воображением. "Пусть помучается", — взглянула победоносно на Мэла, чья шея обрела невероятную подвижность.

Августа кивнула с царственной улыбкой супругам Мелёшиным, которых их сын не заметил, отвернувшись в сторону. Увидела, что в зал зашли ее родители, которые отправились на прием сразу же, как проводили дочь с почти женихом.

Она решила. Сначала Августа унижит ту, другую на глазах у Мелёшина-младшего и четырех тысяч гостей, а потом добьет ее и Мэла, поставив того в безвыходное положение, и вытянет клятву или обещание. Аксёнкина пока не придумала, как ей удастся выжать обязательство, но свято уверовала в удачу. Все получится.

В переполненном зале яблоку было негде упасть, но вскоре приглашенные образовали течение, проходившее краем большого помещения и огибавшее сцену. Служба распорядителей четко следила за регламентом приема.

В центре зала и по углам собирались завихрения — это группки гостей вели беседы. А Мэла тянула вперед неведомая сила, заставляя тянуть за собой и Августу. Не зная Мелёшина, она решила бы, что на его лице написано крайнее отчаяние. Он пытался ускорить шаг и оглядывался в толчее, тем самым, нанося пощечину за пощечиной самолюбию Аксёнкиной.

Неожиданно поблизости выплыл один из товарищей Мэла под ручку с розовощекой низенькой пышечкой. Денис Сахарок — наследник главы автомобильного концерна и дочка начальника Департамента по науке. Повезло же тупой корове заполучить обязательство о намерениях еще два года назад, — закусила губу Августу.

Сахарок кивнул в сторону центра зала и исчез в толпе. Мелёшин резко развернулся и замер, а вместе с ним замерла и Аксёнкина, чувствуя, как леденеет лицо.

Похоже, она недооценила ту, другую.

deformi *, деформи (перевод с новолат.) — деформация

2. Иногда один взгляд говорит больше тысячи слов

Мы с Петей прошли по зеленой дорожке так, словно каждый день прогуливались туда и обратно раз сто, не меньше. Позже Аффа сказала, что букетик в моих руках вызвал настоящее помешательство среди репортеров, иначе с чего бы камера неоднократно выхватывала наши со спортсменом лица во время выступления премьер-министра?

Хотя Вива предрекала полтора часа борьбы со сном, взбудораженность не дала мне успокоиться ни на секунду, поэтому я хваталась за Петю как за спасательный круг, а он хватался за меня, и в результате наша парочка смотрелась на экранах телевизоров такими милыми голубками, непосредственными и трогательными.

Если бы не светопритупляющие линзы, глаза без сомнений ослепли бы — от ярких софитов и прожекторов, от нестерпимого блеска драгоценностей, украшавших дам, от десятков тысяч лампочек из люстр, отражавшихся в зеркальном потолке.

Элегантность мужских костюмов настраивала на торжественный лад, и здесь мой кавалер не подкачал. Серый костюм сидел на Пете отлично, подчеркивая атлетическую фигуру, а небольшая бутоньерка на лацкане указывала на женскую руку, позаботившуюся об облике чемпиона. Рука была не моя, а Петиндой мамы, но посторонние об этом не догадывались и поэтому воспринимали нас как романтическую влюбленную парочку.

Вечерние туалеты женщин впечатляли. Гости красовались в изумительных платьях разнообразных фасонов, тканей и длины. Глядя на подола, шуршавшие по полу, на раскрытые веера, обилие украшений на каждой отдельно взятой даме и умопомрачительные прически, фантазия живо нарисовала аристократический бал при королевском дворе в честь... чего бы? А-а, неважно. Главное, что меня заразило пьянящей атмосферой праздника.

И, конечно же, стилистка оказалась права: практически каждый второй приглашенный появился на приеме в линзах с иллюзиями — статичными или подвижными. В любое другое время я полюбовалась бы ядерными грибочками или распускающимися розовыми бутонами в глазах, но сегодня иллюзорные спецэффекты лишь отвлекали от сути мероприятия.

Мне казалось, моя красота станет неповторимым исключением среди четырех тысяч человек, собравшихся в Доме правительства. Ан нет, в столице нашлось немало роскошных женщин — утонченных, ярких, эффектных. Оно и к лучшему. Если бы реакция гостей на мою изменившуюся внешность оказалась такой же, как у обитателей общежития, никакие успокоительные капли не помогли бы выдержать повторное потрясение.

И тем не менее, Петя ухаживал за мной как за бесценным сокровищем, а мужчины бросали заинтересованные взгляды, под которыми я робела и еще крепче цеплялась за чемпиона. Дамы разглядывали оценивающе мой наряд, задерживая взгляд на лице и платье.

В холле один старичок с седой бородкой неожиданно поцеловал мне руку. Выяснилось, что это какой-то именитый академик, и я, ни с того ни с сего, вдруг сказала, что учусь в институте у Стопятнадцатого и профессора Вулфу. Дедушка раскудахтался и с энтузиазмом затряс мою конечность, словно учеба под крылышком у столь замечательных людей явилась веским основанием для посещения "Лиц года", хотя на самом деле следовало уделить внимание Пете, а не мне.

На пригласительных билетах чудесным образом проявились посадочные места в бельэтаже слева от входа в Большой торжественный зал, и сцена оказалась перед нами как на ладони. Нашими соседями стали какой-то импозантный мужчина с бакенбардами, наверное, киноартист, и при нём дама в мехах, плюс непримечательная во внешности пара. На радостях я восхвалила судьбу, избавившую от соседства с многочисленными министрами, советниками, начальниками департаментов, а также от папеньки с его дылдой-женой.

Волнение не позволило мне зевать на выступлении премьер-министра, и каждое слово впиталось словно в губку — о достижениях в различных областях за прошедший год, о людях, благодаря которым эти достижения стали возможными, о показателях и коэффициентах роста, о слабых сторонах экономики, на которые следовало сделать упор в будущем. Может, кто-то и считал минуты, поглядывая нетерпеливо на часы, но я хлопала от души и смеялась над шутками, и Петя тоже внимательно слушал речь оратора. Совсем позабыла, что сижу в окружении нескольких тысяч висоратов.

Кстати, незадолго до начала речи спортсмен предупредил:

— Во время приема разрешается использовать волны только в амфитеатре на арене. Так что если зачешутся руки, придется выходить на улицу, — и хихикнул.

— Почему? — удивилась я, обрадовавшись, что никто не попросит показать мастерство создания заклинаний.

— В целях безопасности. Под одной крышей собралась куча народу, и у каждого свои тараканы в голове, — пояснил Петя. — Кто знает, что они учудят? Поэтому здесь повсюду датчики вис-возмущений.

Что ж, неожиданный запрет оказался немалым облегчением для слепошарой девицы, забравшейся в эпицентр висоратского веселья. Хотя если гости начнут обсуждать низкие гребни и высокие впадины на волнах из-за магнитных бурь на Солнце, мое невидение этих чертовых волн будет самым грандиозным разоблачением в прямом эфире.

Во время речи я совершенно случайно заметила людей в черных костюмах, стоящих в проходах и у стен. Невидимки слились бы полностью с полумраком зала, если бы оператор, разворачивая камеру, не осветил одного из них. Чемпион, которого толкнули в бок, пояснил шепотом:

— Это служба охраны из Департамента правопорядка. Разве не замечала? Они и вдоль дорожки стояли, и в холле кружили.

Умеют же товарищи быть незаметными, — напрягла я зрение, разглядывая безликие, похожие друг на друга фигуры. Наверняка среди асов маскировки находился тот, кто гонялся за мной по городу и нащелкивал материал для своего руководителя департамента.

Мне стало неуютно. Где-то в этом зале сидел отец Мэла и тоже внимал словам премьер-министра. Донесли ли Мелёшину-старшему о моем появлении на приеме?

Представление оказалось таким, как прогнозировала Вива. Блистательным, феерическим, заставляющим влюбиться в красочное зрелище раз и навсегда.

Конечно же, мы с Петей не смогли покинуть неспешно Большой торжественный зал, и где-то бочком, а где-то протискиваясь через толпу, просочились в амфитеатр и уселись во втором ряду задолго до начала развлекательной части приема.

Ряды поднимались вверх широким кругом, в центре которого располагалась арена. Ее огромный блин, покрытый красным сукном, распластался перед нами. Наверное, стоило забраться повыше, чтобы охватить взглядом сценическое пространство, — забеспокоилась я, но потом махнула рукой. Уж если публика рассаживалась на первых рядах охотнее, чем наверху, то мы сделали правильный выбор.

— Петя! Кажется, я оставила цветы в бельэтаже! — вспомнила вдруг.

— Не переживай, — утешил парень. — Невелика ценность.

Велика — невелика, а жалко. Хороший был букетик, красивый. Мне еще никто не дарил цветы.

Пока амфитеатр заполнялся, я успела потянуть шею, разглядывая в вышине потолок сложной конфигурации с множеством не то балок, не то огромных труб.

— Для лучшего звучания, — пояснил чемпион, тоже подняв голову вверх, и я ухватилась за него, с трудом сдерживая волнение. Предвкушение чуда неуклонно нарастало.

Несколькими рядами выше и левее помог устроиться своей даме, невысокой полненькой девушке в розовом платье, Дэн, товарищ Мэла. Сердце тревожно екнуло. Может, Мэл тоже где-нибудь поблизости? Сидит позади и смотрит сверху на меня с чемпионом.

Оставшееся до представления время было потрачено на беспокойное изучение зрителей. Хорошо, что прочие знакомые лица не попались на глаза, иначе мне вряд ли удалось вкушать в полной мере впечатлений от представления.

Когда погасла фундаментальная люстра, в амфитеатре наступила тишина, а затем

завучал голос — сначала тихо, потом сильнее и увереннее, пока не запел на полную мощь — звонко и до того красиво, что у меня аж мурашки пробежали по коже.

На арене в полнейшей темноте появилось множество фосфоресцирующих линий — зеленых, красных, желтых, синих, оранжевых — устроивших танец, заморозивший динамичностью и стремительностью движений. Линии переплетались, разбегались, образовывали абстрактные узоры, мигали, гасли и снова вспыхивали.

— Это давнишний фокус, — сказал Петя мне на ухо. — На них черные костюмы с краской, которая светится в темноте. Только не могу понять, как они синхронизируют мигание.

Я отмахнулась. Какая разница, кто и как делает? Главное, что невозможно оторваться от зрелища.

К сольному контральто присоединился хор — сперва женские голоса, а затем мужские, и музыка, набрав мощь, полетела под потолком амфитеатра, раздвигая стены и стремясь ввысь.

Танец мигающих полосок оказался прелюдией, на смену которой пришло царствие миражей.

На моих глазах в пустоте зародились вихорьки, которые постепенно разрослись, и вскоре над ареной поплыли величественные призрачные замки со шпилями, башнями и крепостными стенами, охраняемые свирепыми драконами. Летающие эфемерные создания выглядели как настоящие, начиная с усатых морд и заканчивая шипастыми хвостами. Крылатые кружили вдоль рядов, взмывая вверх и падая камнями вниз, сопровождаемые восторженными возгласами публики, и лишь немногим зрителям хватило смелости не отклоняться назад, когда фантомы пронеслись в непосредственной близости.

Воздушные миражи смела огненная конница, пронесшаяся смерчем по арене, обдав мне лицо и руки жаром. Пламя ластилось и плясало, покорившись музыке, и, глядя на замысловатые завихрения, я позабыла о том, что сила неукротенной оранжевой стихии ужасна и разрушительна.

Огонь пал под натиском водяных валов, рухнувших с потолка и разбившихся на мириады капель. На меня дохнуло водяной пылью. Крохотные частички воды зажили по собственным законам физики, устроив на арене круговерть, из которой рождались объемные фигуры различных существ — животных, птиц, людей. Подобный прием использовался в фонтане кафе "Инновация", но здесь, в амфитеатре, иллюзии, увеличенные в несколько раз, поражали размахом. Я, например, замерла от испуга, когда водяная фигура человека высотой метров шесть или восемь, привстав на одно колено, наклонилась к зрителям и сдула с раскрытой ладони морозящий дождь, вызвав дружный визг в рядах.

Короткие нечастые вспышки высветили тени, двигавшиеся по арене. Как правильно предположил Петя, создатели иллюзий оделись в черное, чтобы не отвлекать публику от представления. У меня же не укладывались в голове количество задействованных людей и объем технических средств, благодаря которым состоялось грандиозное представление.

А музыка диссонировала и вела за собой, заставляя сердце трепетать от восторга. Хор то позволял одинокому контральто вести сольную партию, то перекликался с ним, возносясь высокими нотами и опадая басами. На арене вода смиренно отступила перед холодом, в мгновение ока превратившись в сверкающие замороженные крупинки. Они зазвенели в унисон с певческим многоголосием, и от хрупкого хрустального перезвона защекотало резонансом в груди. Ледяная сияющая карусель ускоряла вращение под мелодию, которая

разрослась и зазвучала торжественно, наполнив зал.

Меня охватила эйфория. Казалось, я могла коснуться любой из нот, пронизывающих пространство музыкой.

Неожиданно пение оборвалось, и одновременно ледяное хрустальное облако взорвалось изнутри, расцветши как одуванчик тысячами голубоватых вспышек.

На несколько долгих секунд в амфитеатре воцарилась гробовая тишина, а потом грянул шквал невообразимых аплодисментов и криков: "Браво!", "Брависсимо!". Я тоже хлопала, отбивая ладоши, и лишь позже, придя в себя после потрясения, почувствовала, что мои щеки влажны от слез.

Ох, и наговорились мы с Петей! Нас обоих прорвало — мы жестикулировали, прерывали друг друга, вспоминая наиболее впечатляющие моменты, и не заметили, как добрались до последнего и самого важного этапа сегодняшних испытаний — Большого банкетного зала и гостей, его переполняющих.

Все-таки есть преимущество в том, что никто из разодетой публики не знает тебя, за исключением единичных товарищей, от встречи с которыми уберегает судьба. Вокруг десятки незнакомых людей, и можно слиться с толпой, растворившись в сутолоке приглашенных.

Большой банкетный зал назывался большим по праву. Он был действительно огромен — широкие окна, высокий потолок с лепниной, повсюду позолота, потускневшая перед блеском драгоценностей. Поскольку в закрытом помещении набилось четыре тысячи гостей — говорящих, смеющихся, покашливающих, шуршащих платьями, — то поднялся довольно-таки громкий гул.

Влившись с Петей в толпу, мы некоторое время прохаживались по течению, обсуждая представление в амфитеатре, но вскоре утомились и примолкли. Часы с гномиком остались в швабровке, поэтому, по моим предположениям, на один круг уходило в среднем около пятнадцати минут неспешного шага. Прогуливаясь с чемпионом под ручку, я разглядывала гостей и зал, начав нервничать. И долго мы будем натаптывать мозоли?

С другой стороны, хорошо, что про нас забыли. Может, меня минует близкое знакомство с премьер-министром? Я не гордая, а вот Петя, наверное, не сдастся легко, если нас не пригласят на помост для фотографирования, потому что в характере любого спортсмена заложено стремление к победе. Он разыщет распорядителей приема и потребует восстановить справедливость, то есть право пожать руку руководителю страны. Зря, что ли, Петя, тренировал крепкое рукопожатие?

Не миновало.

Каким-то немислимым образом чемпиона идентифицировали в прогуливающейся толпе. Мужчина в официальном черном костюме сказал что-то Пете на ухо, и кавалер потянул меня за собой, стараясь не отстать от проводника. У меня противно задрожали губы.

Рубля Леонисим Рикардович оказался именно таким, каким я его навоображала, когда изучала атлас политических деятелей. Премьер-министр походил габаритами на Стопятнадцатого, но если высокорослая фигура декана дышала статью полковника, то руководитель страны был грузен и мешковат. Нет, Рубля не был низок и толст животом, он выглядел большим вширь, а не в высоту. И еще от него ощутимо пахло потом.

Фотографирование на импровизированных подмостках поставили на поток. Пока мы ждали своей очереди, фотографы отщелкали снимки премьер-министра в компании сморщенного старичка с дрожащими ногами и симпатичной девушки в серебристом платье,

которая увела дедуся с костыльком со сцены.

Затем по ступенькам поднялись мы.

— Петр Рябушкин с дамой, — огласил мужчина, препроводивший нас до помоста.

Петя замешкался, потому что не знал, подать ли ему руку первым, или дожждаться, когда премьер-министр сам решит, здороваться или нет. В результате произошла небольшая заминка с чередованием рук, и Рубля рассмеялся, похлопав спортсмена по плечу. Петя покраснел.

— Что за прелестное дитя? — спросил премьер-министр, развернувшись ко мне.

— Эва, — сделала книксен. — Очень приятно.

— А уж мне-то как приятно, — забухал смехом премьер-министр, и его окружение развеселилось, оживившись, за исключением деловитых охранников. — И кто у нас заслужил награду?

— Петя, — сориентировалась я. — Чемпион по легкой атлетике.

— О! — восхитился Рубля. — В каком виде?

— Технические дисциплины, — поведал скромно Петя. — Метание, толкание.

Оказывается, мой кавалер поднимал не штангу и не гири, а я не знала. Он толкал ядро, метал копье, диск, молот и... что там еще закидывают подальше, чтобы стать чемпионом?

— Прекрасно, молодой человек, — премьер-министр снова похлопал Петю по плечу. — Сила должна быть во благо, а не во вред обществу, правильно говорю?

Спортсмен кивнул согласно, и я тоже поддакнула.

— Ну-с, встанем, — сказал Рубля, разведя руки в стороны, и фотограф показал, как правильно подойти к первому лицу государства, после чего наклонил наши головы и развернул тела под нужным фотогеничным углом.

— Деточка, не стесняйтесь взять меня под руку, — наклонился ко мне премьер-министр. — Надеюсь, я не страшен и еще могу потягаться со спортсменистыми мальчуганами?

— Конечно, — пискнула я, нерешительно ухватившись за его локоть.

— То-то же, — заявил громогласно Рубля. — Слышал, Иванов, что меня похвалили?

Худощавый мужчина со сжатыми в полоску губами кивнул, не отводя взгляда от блокнота, в котором что-то записывал. Очевидно, это был тот самый Иван Иванович Иванов, который при желании мог утопить любого гостя с помощью провокационных вопросов, если бы захотел.

Некоторое время нас щелкали, заставляя растягивать губы в улыбке, и поправляли сбившийся наклон головы и угол поворота.

— Ну-с, деточка Евочка, — сказал Рубля, — позвольте вашу ручку.

Смущаясь, я протянула ладонь, которую он поцеловал.

— Спасибо, — потупилась, застеснявшись.

— За что? — изумился мужчина. — Это вам спасибо. Давненько я не лобызал ручки прехорошеньким девушкам, потому что прехорошенькие девушки в наше время — сущая редкость. Ведь так, Иванов?

Иванов раздраженно взмахнул пером, мол, не отвлекай, и продолжил чирикать в блокноте.

— Студенты? — спросил у нас премьер.

Петя кивнул:

— Учимся в институте.

— Это хорошо, — признал Рубля. — И как? Нравится? Наверное, надоела учеба? Хочется поскорее заполучить аттестат и смотаться на волю?

— Наоборот, очень нравится, — выдал чемпион. — Я люблю сессии.

Вот ненормальный! Кто же поверит в сказку о мальчике, рвущемся на экзамены по второму кругу, несмотря на то, что первый круг сдан на круглые пятерки? Сейчас провокатор Иванов истолкует по-своему Петино простодушие, и понесется издевательское интервью на всю страну.

— Да? — оглядел Петю премьер. — Впервые встречаю студента, которого хлебом не корми, а позволь сдать пару лишних экзаменов. Вникаешь, Иванов?

Иванов проигнорировал обращение Рубли, предпочтя вникать в блокнотные записи. Он производил впечатление смельчака-самоубийцы, не боящегося гнева первого лица государства.

В целом премьер-министр выглядел простым дядечкой, каким мог оказаться сосед из дома напротив, если бы не одно "но". Рубля руководил целой страной — кричал на нерадивых министров на заседаниях правительства; разъезжал по регионам, выясняя, почему допустили засуху, сгубившую урожай; участвовал в закладке первого костыля железной сверхскоростной дороги, должной соединить запад и восток отчизны; проверял готовность современного социального медицинского центра к приему первых пациентов; с риском для жизни испытывал достижения отечественного вертолетостроения; вникал в проблемы овцеводов и успевал пожимать руки четырем тысячам гостей на бессмысленном светском приеме. У него наверняка нет ни минуты свободного времени, да и проблем под завязку, а надо же — сумел уплотнить ежедневное расписание неотложных дел и выделил строчку для пустых бесед и фотографирования со студентами, — подумала о Рубле с невольным уважением.

— А вы, деточка Евочка, тоже с усердием осваиваете учебный процесс? — спросил премьер-министр.

— Осваиваю, — не стала отрицать.

— Прекрасно! — захлопал в ладоши Рубля, словно я сказала невесть что сенсационное. — Отрадно слышать, что подрастающее поколение не прожигает жизнь впустую. Согласен, Иванов?

Иванов оторвался от блокнота, оглядел нашу компанию на подмостках и, кивнув, снова углубился в писанину. Ох, по мне лучше, чтобы он не отрывался от своих записулк, потому что взгляд у Иванова был таким, словно распорядитель видел насквозь, где зарыт скандал.

Когда мы спустились со сцены, следующим поднялся кудрявый колобок необъятных размеров с аналогичной необъятной дамой. Бедняга премьер-министр! Хочешь — не хочешь, а должен облагодетельствовать всех гостей, каждому улыбнуться и пожать или поцеловать ручки.

Протолкавшись через течение прогуливающейся публики, мы с Петей остановились в центре зала.

— Ну как тебе? — спросила я у спортсмена.

— Ноги дрожат и руки, — признался он.

— И у меня тоже.

— Как думаешь, хорошо вышло? Не оплошали? — обеспокоился Петя.

— Не знаю. Вроде бы нормально. Ты молодец, хорошо держался.

— И ты тоже, Эва. Спасибо тебе.

Однако радость по поводу завершения официальных процедур оказалась преждевременной. Я почувствовала, как меня приобняли за талию, и с изумлением увидела, что между мной и Петей просунулась клоунская физиономия в малиновом кудрявом парике, костюме с золочеными звездами и желтом галстуке на ядовито-зеленой рубашке.

— Рад знакомству. Астероид Кометович Звездкин, — протянул прищелец руку Пете. — Слыхали?

— Н-нет, — осторожно ответил спортсмен и покосился на меня.

— Немного, — также настороженно ответила я. Вот и нарисовалось второе действующее лицо марлезонского балета. Если первое чихало на нас, предпочтя блокнот к великой моей радости, то второе, наоборот, заинтересовалось. Ёлки-палки, с какой же люстры свалился этот чудик на наши головы?

— И что толкуют? — озаботился Звездкин. Один зрачок у него горел оранжевым, а во втором глазу крутилась белка в колесе. — Хорошее или плохое?

— Разное.

— Популярность не затоптать, — констатировал самодовольно клоун. Да, товарищ не умрет от скромности. — Значит, студентики?

— Да, — ответил Петя.

— У кого стырили билеты? — обратился по-свойски Звездкин к спортсмену.

Тот покраснел. Надеюсь, что от гнева.

— Никто не тырил. Их вручили за победу в чемпионате!

— Похвально, ребятишки. Пойдем, кое с кем познакомлю, — сказал чудаковатый тип и, не поинтересовавшись согласием, начал интенсивно подталкивать вперед.

В результате он притолкал нас к кружку, в котором заправлял — я узнала по фото из атласа политиков — Франкенштейн или начальник Департамента спорта.

— Это твои неприкаянные овечки, — сказал ему Звездкин и исчез в толпе.

Круг беседующих был исключительно мужским и суровым. Меня поприветствовали, кивнув, и вернулись к обсуждению насущных проблем спорта. Петя весьма удачно оказался просвещенным в нуждах и чаяниях чемпионов, поэтому с достоинством влился в разговор, отвечая на вопросы. Видно было, что ему льстило внимание мужчин гораздо старше его.

Куда же любители спорта отбуксировали своих дам? Может, и мне стоит отдохнуть где-нибудь в уголке, посидеть на стульчике? — переминалась с ноги на ногу и цеплялась за Петин локоть, на всякий случай держа наготове дежурную улыбку и поглядывая на рафинированное сборище.

Обычно так бывает в кино: герой скользит сонным взглядом по шумной толпе, пока в судьбоносный момент его не шибает по затылку, отчего герой поворачивает голову в том направлении, которое отметило дрыхнувшее подсознание. И тогда зрение проясняется, зрачки расширяются, а пульс резко подскакивает.

Получилось как в фильме. Нет, вышло гораздо круче, потому что роль киношного героя примерила я, которая, скользя взглядом по зале, еще не осознала, но уже почувствовала — по машинальному судорожному сглатыванию, по сбившемуся дыханию, по скачку сердца, ударившегося о ребра, — что спокойствию пришел конец. Ибо на обочине людского течения метрах в десяти, стоял Мэл и безотрывно глядел в мою сторону. Кажется, он был с дамой, но я не заметила её.

В голове зашумело, в глазах помутилось. Ой, худо мне! Не смотреть, не смотреть!

Взгляд лихорадочно заметался и остановился на начальнике Департамента спорта, но

не удержался и снова кинулся к Мэлу. А тот решительно вклинился между группками беседующих, имея определенную цель — добраться до центра зала. До меня.

Секундой позже в голове вообще всё перемешалось, и Мэл отошел на второй план.

— А вот и физкультурные гордости нашего отечества! — послышался знакомый голос за спиной, и к кружку мужчин, увлеченно обсуждавших проблемы спорта, присоединился никто иной как Леонисим Рикардович Рубля, встав между мной и рослым блондином с волосами, собранными в длинный хвост. Разговаривавшие потеснились и почтительно молчали, пока премьер-министр перездоровался с присутствующими, причем Пете пожал руку повторно и опять похлопал по плечу. Чемпион не ожидал великой чести и оробел.

Вместе с Рублей подошли несколько высокопоставленных чиновников из числа советников и министров, а позади встали стеной шкафообразные типы с одинаково бесстрастными лицами.

Я растерялась и запаниковала. Вива не предупредила о том, что первое лицо государства вздумает разгуливать как обычный человек по залу и вклиниваться в разговоры смертных, очутившись в каком-то шаге от меня. Сам премьер-министр бок обок со скромной студенткой!

— Отрадно знать, что земля наша не оскудела богатырями, — поделился Рубля радостью за страну.

— Наш департамент пропагандирует физическую культуру, начиная с младшего дошкольного возраста, — заметил Франкенштейн надсадно, словно его связки когда-то были изрезаны, как и лицо, а потом неудачно сшиты. — У нас действует многоуровневая система поощрений для участников и призеров, начиная от отдельных учреждений на местах и заканчивая чемпионатами страны.

— К сожалению, разногласия на международном уровне привели к развалу системы спортивного соревнования между государствами, — заметил мужчина с противоположной стороны кружка.

— А в чем причина? — оборвал его сосед. — В том, что не сумели прийти к единому соглашению, какие висорические средства считать стимулирующими препаратами, а какие — безвредными добавками.

— Молодой человек, позвольте поухаживать за единственной дамой в нашем обществе, — обратился вдруг премьер-министр к Пете, и все замолчали.

Чемпион залился краской и кивнул, проглотив язык. На моих щеках тоже запылали маки, потому что единственной дамой оказалась я.

По мановению волшебной палочки в руках у Рубли появились два бокала с желтоватым пузырящимся напитком, один из которых премьер протянул мне. Разросшийся круг мужчин тут же обзавелся аналогичными бокалами, которые разнесли невесть откуда взявшиеся официанты.

— Спасибо, — проямлила я, и, оторвавшись от Пети, приняла шампанское дрожащими руками.

Нельзя хлебать как лошадь, нужно осторожно пригубить, — вспомнились поучения Вивы. Небольшой глоток оставил на языке ощущение холодного, сладкого и газированного.

И опять глаза против воли скосились в сторону Мэла. Парень решил добраться до центра зала, прихватив свою спутницу, но не успели они сделать несколько шагов, как продвижение пары застопорила группка старушек. Дама Мэла остановилась, чтобы побеседовать с болтливыми бабушками, а сам он нетерпеливо переминался, бросая в мою

сторону взгляды. Красивый, уверенный и определенно в своей тарелке, — отметила я машинально, сделав еще один глоток. Подобные светские утренники привычны для столичного принца, поэтому он знает здесь всех и вся, впрочем, как и его спутница. Девушка стояла боком, закрываемая Мэлом, поэтому я разглядела лишь, что она блондинка.

Еще одна. С некоторых пор у меня предубеждение против светловолосых. Не нравятся они мне.

Сгоряча плотнула шампанского и едва удержалась, чтобы не закашляться, когда пузырьки газа ободрали горло.

— Представьте, Леонисим Рикардович, висоратов обвинили в умышленной стимуляции силы, выносливости, меткости, гибкости! — возмутился один из мужчин. — Опять же, что понимать под стимуляцией? Поливитамины и минералы или общеукрепляющие противовирусные средства?

— Можно спорить до бесконечности о преднамеренном использовании препаратов, искусственно усиливающих активность организма, но когда биатлонист надевает амулет, увеличивающий остроту зрения, или пловец смазывает тело мазью, уменьшающей силу трения воды, а конькобежец использует лезвия из стали с улучшенной кристаллической решеткой — это бессовестный обман! — воскликнул другой собеседник.

— Поддерживаю, — сказал широкоплечий мужчина, наверняка спортсмен. — Необходима постоянная коррекция перечня висорических средств, запрещенных к применению, чтобы исключить обвинения в мухлеже.

Петя с благоговением внимал умным словам, а мое внимание снова сместилось на Мэла, который оторвал свою даму от словоохотливых бабулек, но, не пройдя метра, влип в общение с другими гостями. Он бросил на меня раздраженный взгляд, словно обвинял в том, что не фиг было забираться в несусветную даль. Я-то в чем виновата? И вообще, как Мэл себе представляет: видные мужчины — и в том числе сам премьер-министр! — стоят кружком, чинно беседуют о насущных проблемах спорта, а тут некий наглый юнец протиснется, нахально оттолкнув Рублю и встрянет в разговор.

Хотя вряд ли. Мэл намеревался прорваться в центр зала явно не для спора о подмоченной репутации отечественной физкультуры. Стремление парня добраться до середины помещения грозило подмочить мою репутацию, а заодно и его собственную, — сглотнула я нервно. А о своей даме Мэл подумал? Если она догадается о мотивах странного поведения кавалера, то возмутится и не станет молчать. Какой девушке понравится, когда с ней обращаются небрежно, тем более, если девушка из высшего общества? Нет уж, будет спокойнее, если Мэл и его спутница застрянут среди болтающих гостей до конца приема.

— На сегодняшний день не представляется технически возможным отследить все средства, искусственно стимулирующие возможности организма. Каждый день появляются новые рецепты снадобий, конструируются новые обереги, разрабатываются модели спортивной одежды, которые защищают, повышают, улучшают, — констатировал Франкенштейн. — Но наш департамент интенсивно ищет пути выхода из создавшегося кризиса.

— Проще выпускать на спортивную арену, в чем мать родила, а перед соревнованиями держать участников в изоляции на хлебе и воде неделю или две, — сказал остряк справа.

Мужчины засмеялись, а я снова переключила внимание в сторону, чтобы проверить дислокацию интересующего объекта.

Мэл и его дама продвинулись еще немного, но их затормозила следующая компания

гостей. Парень обернулся в мою сторону, и издали показалось, что его глаза сверкнули зеленым. Мое волнение сменилось сердитостью. Разве нельзя подождать до окончания приема? Не терпится испортить праздник? А в том, что Мэл всё испортит, я не сомневалась. Зато его спутница вела себя на удивление спокойно, точно его звание кавалера было для нее обычным делом. Неужели женская интуиция не подсказала ей причину странного поведения Мэла? На месте девушки я бы залепила пощечину за оскорбление и удалилась из зала с гордо поднятой головой.

— Вы еще не заскучали, слушая нудные и серьезные разговоры? — голос премьер-министра оторвал меня от слезки за Мэлом. — Хорошенькие девушки должны обсуждать фасоны платьев и шубок, а не проблемы отечественного спорта.

Все опять замолчали и посмотрели на меня.

— Мне не скучно, — опротестовала я смущенно и сделала пару больших глотков. Шампанское ударило в голову. — Мир настоящих мужчин гораздо интереснее шубок.

Рубля захохотал, остальные вежливо заулыбались, в том числе и Петя.

— Настоящим мужчинам польстило внимание прекрасной дамы, — сказал комплимент премьер-министр и переключился на Франкенштейна: — Пока спортивные общества грызутся из-за собственных амбиций, мы должны довести наши стандарты допуска к соревнованиям до совершенства. До зеркального блеска, понятно?

Сколько же умных вещей говорили собравшиеся — и об анализах, и о просвечивании организмов, и о дисквалификации в случае поимки с поличным, и еще много о чем говорили, но у меня в голове творился невообразимый вертеп, потому что Мэл неуклонно приближался и тянул за собой свою даму. Они остановились метрах в трех, будучи задержанными какой-то представительной парой. Разговаривая, Мэл мельком посмотрел на меня, и этого оказалось достаточно, чтобы я махом осушила бокал шампанского и принялась за следующий, любезно поданный Рублей.

Игристый напиток дал о себе знать, притупив робость по случаю близкого соседства премьер-министра и прочих важных чиновников. Мысли растянулись, взгляд неустойчиво плавал, успев изучить участников кружка, заинтересованно обсуждавших проблемы спорта, и, не в силах остановиться в одной точке, неуклонно съезжал на Мэла и его даму. Девушка была почти одинакового роста с ним, стройна, в облегающем платье до пола и с искусной прической.

Мэл на мгновение повернул голову в мою сторону, послав мимолетную улыбку, отчего сердце пустилось вскачь как заяц. Неужто возможно восхищаться, ласкать, лелеять и злиться одним лишь взглядом, без слов? У Мэла получилось, потому что меня обдало горячей волной, и задрожали руки.

Терпение парня было на исходе, я поняла это по едва сдерживаемому пританцовыванию на месте. Еще мгновение — и Мэл наплюет на приличия и, бросив свою даму, подойдет ко мне и уведет за руку на виду у изумленного зала: на виду у Пети, у премьер-министра, у министров с советниками и прочих любителей тренированных мышц. Это конец! Долгожданный скандал для Иванова, который допрашивал неподалеку какого-то кучерявого мужчину и записывал показания в блокнотик.

Нужно срочно выбираться из кружка беседующих и покинуть зал. Может, притвориться, что я отравилась шампанским, и упасть в обморок на руки Рубле? Или шепнуть Пете, что мне захотелось внезапно в туалет?

Пока я судорожно придумывала, как поделикатнее сказать Пете о "пи-пи", глаза

заметались по залу и неожиданно выхватили поодаль, за спиной Франкенштейна, темноволосого мужчину, потягивавшего из бокала и со спокойствием на лице наблюдавшего за мной, а затем переместившего взгляд левее.

Меня захолонуло от страха. Я знала, куда смотрел этот человек. Он следил за сыном, который настойчиво стремился к середине зала, таща за собой свою даму.

По-моему, у меня задержался глаз. Или оба. Или тревожно задержалось, застучало сердце. Или меня затрясло.

Отец Мэла оказался таким же, как на фотографии из атласа политиков — с взглядом-рентгеном, мгновенно распознающим преступников по внешнему виду. Он видел меня насквозь и читал затаенные страхи как открытую книгу. Определенно, Мелёшин-старший заметил скандальное поведение сына и теперь мучился раздумьями, на какую глубину утопить причину в грязных сенсациях и не допустить, чтобы Мэл стал публичным посмешищем, а фамилию Мелёшиных полоскали на каждом углу.

В тот момент мое инкогнито повисло на волоске, будучи в шаге от грандиозного разоблачения. Нагрянуло то, о чем предупреждал профессор. В воображении стрелой пронеслись заголовки будущих газет, один хлеще другого: "Дочь заместителя министра — любовница профессора!" "Как зарабатывают оценки в свободное от экзаменов время!", "Дочь каторжанки с западного побережья на приеме в центре столицы!", "Слепая посмеялась над четырьмя тысячами висоратов!".

Ноги неожиданно ослабели, и чтобы не рухнуть на пол, я ухватилась за Петю, погладившего мою ладошку. В отличие от меня чемпион находился в нирване, стоя в обществе сильных мира сего.

Мелёшин-старший отвернулся, но я точно знала, что он смотрел на распорядителя Иванова и продумывал, в какие слова облечь сенсационную новость. А Мэл перестал притворяться и открыто пялился на меня с несходящей улыбкой.

Нужно бежать и как можно дальше! Срочно исчезнуть из зала!

В смятении я открыла рот, чтобы деликатно нашептать чемпиону о том, что хочу попудрить носик, но вместо этого выдала совершенно другое.

— Нет! — сказала одними губами Мэлу, оглядевшись по сторонам, не заметил ли кто-нибудь немого вопля. Хвала великой силе спорта, высокие чиновники увлеклись разговором.

— Пожалуйста, не надо! — снова послала Мэлу беззвучный призыв.

Улыбка парня истаяла, он нахмурился. Пойми же, непутевый, что из-за своего каприза ты губишь меня!

Как можно незаметнее, я микроскопически покачала отрицательно головой и опять послала неслышную мольбу:

— Не надо, прошу! — и коротко кивнула в сторону Мелёшина-старшего.

Невероятная удача, что в тот момент начальник Департамента правопорядка отвлекся, общаясь с каким-то мужчиной. Наверное, мое отчаяние дополнило картину достаточно красноречиво, а может, на лице проступил неподдельный страх, потому что Мэл смотрел на меня, сдвинув брови, в то время как его дама увлеченно рассказывала о чем-то слушателям.

Затем Мэл задрал подбородок, чтобы разглядеть поверх голов источник моей паники, и на его лице проступило понимание. "Да! Да! Да!" — мелко закивала ему, помогая для выразительности мимикой. — "Не топи меня ради непонятных желаний!"

Мэл помрачнел. Я видела, что пареньё покусывал нижнюю губу, задумавшись. Он прочитал вопль моей затюканной душонки! Он не станет провоцировать родителя

необдуманными поступками, ведь так? — посмотрела с надеждой на Мэла и бросила осторожный взгляд на Мелёшина-старшего.

К немалому облегчению начальник Департамента правопорядка переключил интерес в другом направлении, но радость испарилась, когда я увидела, куда обращено его внимание. Мужчина, который ранее беседовал с отцом Мэла, подошел к распорядителю и что-то говорил тому. Иванов почесал пером за ухом, обернулся в сторону довольно-таки обширной группы почитателей физкультурного движения и... направился туда. То есть сюда. То есть к центру зала, где я слушала разговор настоящих мужчин о спорте и обо всём прочем, с ним связанным.

До последней секунды во мне тлела надежда, что Иванов напомним премьер-министру о гостях у помоста, неохваченных фотографиями и рукопожатиями, или намекнет, что пора сворачивать пустую болтовню и заняться неотложными государственными делами. Даже когда распорядитель сообщил что-то Рубле конфиденциально, я надеялась, что он освежил память руководителя страны в части неподписанных указов и законов, сиротливо лежащих в папке в рабочем кабинете, а вовсе не обо мне. Кто я такая, чтобы рассказывать обо мне самому премьер-министру? У него и без того бездна нерешенных дел, чтобы забивать голову сенсациями об одной мелкой студентке.

— Неужели?! — воскликнул громогласно Рубля, прервав начальника Департамента спорта, рассказывавшего о планах на предстоящий год, и развернулся ко мне. — А вы, деточка Евочка, оказались запертой шкатулочкой!

Я?! — заметался мой взгляд по кружку замолчавших мужчин. Почему шкатулочкой? Почему запертой? Это плохо или хорошо? Как понимать слова премьер-министра? Что делать: падать в обморок или на колени и начинать каяться? Говорят, добровольное признание смягчает вину.

— Непременно зови, — велел Рубля распорядителю, и тот исчез в толпе. — Я немалое удивлен. Что же вы молчали, деточка, о родстве с Влашеками? Будем с удовольствием разоблачать вашу таинственность.

Почему-то слово "разоблачать" высветилось в сознании в виде дыбы и поднятого ножа гильотины.

Бокал шампанского махом влился в горло как вода, и я крепче вцепилась в опарашенного Петю. Товарищи из группы поддержки физкультурного движения стали раскланиваться, кружок почитателей спорта стремительно редел, а через толпу к нам шли Карол Сигизмундович Влашек с супругой, следуя за распорядителем. Моего папеньку вели на расстрел.

3. С ног на голову и обратно

Мы не виделись с отцом больше месяца, и конечно же, за столь короткий период разлуки родитель не изменился — не поседел, не растолстел и смотрелся элегантно в темном костюме с бабочкой вместо галстука. Хотя называть разлукой очередное швыряние в очередной ВУЗ не поворачивался язык. Расставание обычно бывает со слезами, засопливленными платочками и прощальными объятьями. Впрочем, я сама подписалась на рискованную авантюру и сама виновата в том, что меня мотало по институтам и колледжам, поэтому сентиментальные нюни были не к месту.

Фотография из библиотечного "боевого листка" не соврала. Мачеха воочию оказалась высокой и дородной, с прической, утяжеляющей и без того квадратный подбородок, а пышные складки на лифе зрительно увеличивали бюст женщины. Не знаю, специально ли

задумывался подобный фасон платья или непреднамеренно, но облик жены родителя показался мне безвкусным.

Отец ни жестом, ни взглядом не выдал удивления по поводу моего присутствия рядом с Рублей, как и мачеха. Ну, она-то ни разу не видела меня, так что удивляться нечему, а вот папаша вполне мог не узнать родную доченьку в новом образе "прехорошенькой девушки".

Премьер-министр поздоровался рукопожатием с родителем, а его супруге кивнул. Очевидно, по протоколу Рубля имел право целовать ручки дамам на свое усмотрение, за исключением обязательного лобызания после фотографирования.

— Карол Сигизмундович! — провозгласил руководитель страны. — Ты меня разочаровал.

Отец заметно побледнел, но ответил невозмутимо:

— Мое почтение, Леонисим Рикардович. Позвольте узнать, чем?

— Скрывал от меня свое сокровище, — объяснил премьер-министр и показал на меня. — Мы знакомы больше десяти лет, а я только сейчас узнаю, что у тебя есть красавица-дочь. Как прикажешь понимать?

Красавица-дочь нервно сглотнула. Непонятно, шутил Рубля или был искренне недоволен. Но чем?

Отец бесстрастно посмотрел на меня и перевел взгляд на вопрошавшего, однако не успел оправдаться. Поскольку на кону стояло многое — моя цель, моя жизнь, а также карьера родителя и счастливое будущее его семьи, — я решила, что петь в два голоса гораздо эффективнее, чем отбрехиваться в одиночку.

— Папенька всегда приучал меня к скромности. Он считает, что излишнее внимание расхолаживает и портит характер, и я с ним согласна.

— Вот как? — обернулся ко мне Рубля. — Смотрю, смелость — ваша семейная черта.

Иными словами мне указали: кыш, невоспитанная малолетка, когда беседуют взрослые государственные люди.

Я сконфуженно потупилась.

— Отчего же, Леонисим Рикардович? — ответил спокойно отец. — Я неоднократно заявлял о том, что воспитываю дочь от первого брака, и никогда не скрывал этого.

— Припоминаю нечто подобное, — наморщил лоб премьер-министр и погрозил отцу: — Ох, хитрец ты, Влашек! Вырастил дочь на выданье и помалкиваешь. Поди, гнобишь неземную красоту изо дня в день?

Родитель гнобил, но не красоту. Он и не догадывался, что с помощью косметики и хорошего визажиста можно из жабы сделать Василису Прекрасную.

— Папенька беспокоится обо мне. Мы с ним часто общаемся, а Айва Эдуардовна заменила мне матушку, и я советуюсь с ней по многим затруднительным вопросам, — снова встряла любящая доченька со своей нездоровой смелостью.

"Матушка" посмотрела на меня обескураженно и тут же заулыбалась во все тридцать два, согласно кивнув.

Ну, и пусть мне снова заткнут рот, назвав некультурной. Важнее выкарабкаться из немилости Рубли, ибо интуиция подсказывала, что лучше не вызывать недовольство премьер-министра. Вдобавок я мысленно поблагодарила себя, любименькую, за то, что в свое время ознакомилась с генеалогическим справочником, запомнив отчество мачехи и имена сестры и брата.

Однако Рубля не стал сердиться на мою разговорчивость.

— Приятно удивлен крепостью родственных уз в твоей семье, Влашек. На примере старшей дочери вижу, что прививаешь правильное мышление подрастающему поколению.

Беседа прервалась из-за внезапного появления в кружке высоких чиновников старичка-академика, моего знакомого из холла. Дедуся оторвался от соседней компании и влился в нашу, перетрясши руки министрам, советникам, охранникам, Рубле и облобызав ручку мачехе. Премьер-министр взирал на нахалюжного дедушку с долей изрядного изумления, но промолчал. Старичок сообщил собравшимся, что красавица — а именно я — вдобавок умница, каких свет не видывал, и стремится к знаниям как цветочек к солнцу. Шкафообразные охранники аккуратно выдворили разговорчивого академика за пределы особой зоны.

— Одобряю, Влашек, — сказал Рубля, проводив взглядом речистого дедулю. — Твоя метода воспитания дала плоды. Наша молодежь в большинстве своем избалована, щеголяет необоснованными амбициями и требует незаслуженного внимания. Гонору много, толку мало. В твоей дочери я увидел горячность и смелость, но в то же время скромность, почтительность, непосредственность, неиспорченность, ум. Мне нравится этот коктейль. И молодой человек есть. Связаны обязательствами? — обратился премьер к Пете.

— А-а... нет, — выдавил чемпион, придавленный общением с высоким руководителем. Петя рассчитывал максимум на официальные фотки и стандартное рукопожатие, а тут мало того, что полчаса беседовал о проблемах спорта в тесном кругу с первым лицом государства, теперь еще и о личном заговорили.

— Отличненько, — потер руки Рубля. — Хотя ты, Влашек, и рассердил меня своей скрытностью, так и быть, прощаю тебя за неожиданный брильянтик. Послезавтра у нас состоится званый обед. Посидим скромно, по-дружески. Будут все свои, человек пятьдесят, не больше. Записывай, Иванов: три приглашения семейству Влашеков. И про банкет не забудь, что запланирован в конце следующей недели.

Ой, мамочки! — взглянула с отчаянием на отца, лицо которого окаменело. Не нужны мне ваши обеды и банкеты, и "Лица года" даром не нужны. Будь проклят этот прием! Во всем Петя виноват и еще Мэл. Если бы не дурацкое поведение последнего, Мелёшин-старший не пошел бы ва-банк с обнародованием моего родства с Влашеками. Хотя о чем я говорю? Это не ва-банк вовсе, а показуха. Демонстрация возможностей. Уверена, у начальника Департамента правопорядка полно козырных тузов в каждом рукаве.

— Запомнил, Влашек? — спросил премьер-министр и поддел отца: — На всякий случай запиши в ежедневнике, чтобы не забыть: "Во вторник с супругой и дочерью не опоздать на обед к Рубле Л.Р."

Приняв насмешливую подколку с самым серьезным видом, папенька почтительно кивнул, а мачеха присела в реверансе.

Неожиданный разворот событий ударил меня обухом по макушке. Я уже приготовилась к разоблачению и, как следствие, к предстоящему позору и унижению; уже смирилась с тем, что отец не допустит краха своей карьеры и свернет мне шею, едва премьер-министр отвернется; уже попрощалась с мечтой, которая так и останется недостижимой, послав в пространство: "Прости, мама!". Но комплименты из уст руководителя страны, по большей части ошибочные, перевернули ожидания с ног на голову.

— Значит, деточка Евочка, это ваш первый выход в свет? — обратился ко мне Рубля, прервав раздрай в мыслях.

— Первый, — пискнула я, разволновавшись. Как бы мне хотелось, чтобы первый прием

оказался последним! Но по всему выходило, что мечте не суждено сбыться.

О Пете забыли, словно его не существовало. Вот, оказывается, что на самом деле главное — не лицемерная похвальба за спортивные достижения, а родство с кем-то нужным.

— Понравилось?

— Да, особенно представление.

Не скажешь же первому лицу государства, что прием — фуффло, нудное и неинтересное.

— Значит, не зря выкинули деньги на ветер, — хмыкнул удовлетворенно премьер-министр. — А меня праздники выматывают. Уже пять рубашек сменил и чувствую, нужно опять переодевать.

— Это тяжелый труд — быть радушным хозяином для нескольких тысяч гостей, — ответила я честно.

— Ох, хитрая лисичка, — пожурил лукаво Рубля. — Умеешь подмазать душеньку.

— Вовсе нет. Мой папенька трудится, не покладая рук, и часто задерживается на работе допоздна, стараясь на благо отечества, — выдала заученно.

Премьер-министр внимательно посмотрел на меня, и в голове всплыли слова Вивы о простоте. Достаточно ли я бесхитростна или переигрываю? Эх, Петю бы на мое место. Безграничным простодушием чемпиона можно мостить дороги.

— Ну-с, деточка Евочка, жду вас через два дня на обеде. Не забудете?

Разве забудешь, когда Петино приглашение на "Лица года" истрепало нервы будь здоров, задвинув сессию в дальний чулан?

— Очень польщена, Леонисим Рикардович, — осмелела я. Знать бы еще, где кончается порог храбрости, после которого смельчаку отрубают голову. — Но...

— Что "но"? — поднял бровь Рубля.

— Готовясь к столь замечательному приему, я лишилась сна и аппетита, и пришлось немало потрудиться, чтобы сдать экзамены. Боюсь, от переживаний перед званым обедом и банкетом завалю подготовку к сессии. Папеньке и матушке выпала большая честь быть приглашенными, и все мои помыслы будут о том, чтобы не разочаровать их и вас.

Ну, как, вышло туповато или следовало добавить надрыв в голосе?

— Запомню я о студенчестве, — признал премьер-министр, скушав высокопарный бред. — Когда заканчиваются экзамены в ВУЗах? — обратился он к министру образования, стоявшему в двух шагах.

— Через полторы недели, — пояснил тот. — Потом начинаются каникулы.

— М-м-м... Даю вам, Евочка, две недели на утрясание сессионных дел, а потом пожалуйста на чаёк... Так... Что намечается поблизости, Иванов?

— Сорокалетний юбилей по случаю образования министерства иностранных дел.

— Отлично. Не забудь разослать приглашения, понял?

Иванов скупно кивнул, строча в блокноте. Выходит, он успевает подрабатывать личным секретарем Рубли.

— Какие у вас отношения с братом и сестрой? — спросил вдруг распорядитель, когда я утвердилась в его безобидности и пушистости. — Как часто и плотно общаетесь?

Я растерялась было, но тут же сориентировалась, приготовившись вдохновенно поведать, что с кровными родственниками у меня теплые отношения, и что мы часто гуляем вместе и проводим семейные праздники. Ох, остановите меня кто-нибудь, ибо во вранье не знаю меры!

Полет приторной лжи прервал премьер-министр.

— Толай, Иванов. Сделал дело и гуляй отсюда, — приказал он. — Здесь тебе сметаны не наесться.

Распорядитель поправил воротник водолазки и не подумал послушаться.

— Иди, говорю, отсюда, — рывкнул Рубля, — и пером попусту не маши! Знаю я твои опусы, честному человеку от них за всю жизнь не отмыться. Самолично проверю, что настроил в блокноте. Чтобы о Влашеках — ни строчки в прессе, понял? Деточка и так едва сессию не испортила, а тут еще твоя братия станет кружить под дверьми денно и ночью, лишая сна и покоя. Ступай, лучше поищи мою супругу. У нее где-то здесь стихийное заседание общества филантропов.

Иванов высокомерно кивнул и растаял среди гостей.

— Что ж, деточка Евочка, удачи вам в сессионной борьбе, — потрепал меня по щеке премьер-министр. — И вам, молодой человек, успехов на спортивном поприще. Спорт — это жизнь! Берегите вашу девушку, понятно? — Петя сдавленно кивнул, потрясенный возложенной на него ответственностью, а премьер-министр обратился к моему отцу: — Карол Сигизмундович, помнится, ты обещал доклад по снижению затрат на освоение северных территорий. Где он?

— Простите, Леонисим Рикардович, доклад на чтении у Эрнеста Муланоровича.

— Второй месяц?! Отыщите немедленно Рафикова, — приказал премьер-министр "шкафу" за спиной. Тот кивнул и исчез. — Опять напился в зюю, аспид! Вам, Евочка, вникать не надобно. Ступайте, развлекайтесь, а то вечер близится к завершению. Мы же пройдемся с вашим батюшкой, заодно порассуждаем об основных вехах потерянного доклада. Ни в какие ворота не лезет — читать ценную работу второй месяц!

И Рубля в сопровождении родителя с мачехой и прочей свиты удалились по проходу, образованному подобострастно кланявшимися гостями.

Коньяка хочется, — отупело глядя вслед им, подумала я. Грамм пятьдесят, не меньше, и на закуску дольку лимона в сахаре.

Очнулась оттого, что Петя тряс меня за руку.

— Эва, как ты?

— Не очень, — призналась, потерев лоб.

— Я и не знал, что у тебя отец — министр, — сказал чемпион уважительно.

— Заместитель министра, — поправила машинально. Бой выдержан или предстоит еще один? Определенно, не стоит расслабляться, если Мэл будет по-прежнему тупить. Господи, все проблемы из-за избалованного столичного принца!

Хорошо, что Рубля не позволил распорядителю рыться в семейных хитросплетениях родословной Влашеков, не то настырный Иванов раскопал бы и вытащил на поверхность первый брак отца. И опять я убедилась: смотря под каким соусом подается новость, такое блюдо и получается в итоге.

— Видела, что премьер-министр трижды пожал мне руку? — вспомнил Петя волнующие моменты.

— Петечка, у меня в горле пересохло, — сказала я капризно. В конце концов, пережив стресс, хочется хоть раз в жизни почувствовать себя стервой, пусть малюпасенькой и неопытной.

— Здесь только шампанское и красное вино, — сказал расстроено спортсмен. — Больше ничего нет.

— Давай шампанское. Не хочу мешать.

Парень метнулся в сторону и вернулся с бокалом игристого напитка.

— Мне нельзя, — замахал рукой, когда предложила ему отпить.

— Боишься, что обвинят в искусственной стимуляции организма? — хихикнула я.

Петя тоже заулыбался:

— И дисквалифицируют, ага, — и мы оба рассмеялись. Нервное перенапряжение начало понемногу спадать.

— Заметила, какой Рубля жесткий? Потребовал: "Подать мне!" — и все кинулись выполнять.

— Да, крут на расправу, — согласилась с ним.

— Значит, теперь загуляешь по банкетам? — спросил чемпион.

— Вряд ли. До юбилея еще нужно дожить, а через две недели обо мне позабудут.

— Разве тебе не хочется? — удивился Петя. — Посмотри, как здесь здорово! Много полезных и нужных людей.

— К приемам нужно привыкать с детства, а меня уже не переделать.

— Скажешь тоже. На твоём месте я бы не отказался от приглашения, если премьер-министр забронировал место.

Вот ужас-то! — отпила нервно из бокала. Сам глава государства приготовил стул рядом с собой на юбилее! Нужно срочно изыскивать пути и причины, чтобы отвертеться от светского мероприятия. И где гарантия, что за грозящим празднеством не последуют другие?

Глотнув еще шампанского и немного успокоившись, я взглянула на проблему под другим углом, потому что приглашение Рубли на юбилей министерства по-другому и не называлось. Громадная такая проблемка. Необъятная.

Как говорится, из огня да в полымя. Если премьер-министр посчитал, что оказал великую честь семейству Влашеков, пригласив на междусобойную вечеринку правительственной верхушки, то глубоко ошибся. Благодаря внезапной мысли, осенившей Рублю, наша семейка влипла по самое не хочу. Одна ложь тянула за собой другую, и витки обмана накручивались на веретено интриг, прежде всего усложняя мою жизнь.

Во-первых, я не сомневалась, что папуля как специалист-экономист определил наметанным глазом стоимость моего нового облика и задумался о том, кто снабдил доченьку деньгами. Если учесть, что родитель не знал о существовании в природе переулочка Первых Аистов и при расчетах взял цены, действующие на бульваре Амбули, то итоговая сумма по прейскуранту составила тысяч пятьдесят, не меньше. Наверняка в голове у папеньки пронеслась туча предположений о том, каким образом мне удалось заработать немислимое количество денег, и он упал в тихий обморок, представив, сколько найдется желающих рассказать репортерам, что дочь заместителя министра экономики показывает мастер-класс в постели. В данном аспекте похвала Рубли о моей неиспорченности стояла под большим знаком вопроса.

Во-вторых, если на "Лицах года" гости находились в равных условиях, налагаемых запретом на использование вис-волн, то страшно предположить, что ожидало меня, невидящую, в узком кругу избранных висоратов, на юбилее какого-то министерства. В конце концов, я ведь не обученный шпион в тылу врага и обязательно спалюсь на неверном слове или неправильном движении.

Что обычно делают с созданными проблемами? Их решают. А если проблемы неустранимы? Тогда проще избавиться от их источника, то есть от меня, причем в срочном порядке.

Таким образом, мне светил закономерный конец, и никакие приглашения премьер-министра не помогли бы отсрочить завершение никчемной жизни. Любящий папуля не станет рисковать карьерой и благополучием семьи, повисшим на тонкой ниточке. Он устроит несчастный случай, отведя от себя подозрения в причастности, и будет скорбеть, убитый горем, на могиле любимой дочери, потому что из двух зол нужно выбирать наименьшее.

Может, сразу лишит себя жизни, к чему оттягивать неизбежное? Нет, умирать ради чужого сытого спокойствия как-то не хотелось.

Или отправиться в вольную жизнь, как сделал Алик, сбежав из интерната! — озарило меня, и новая порция шампанского закрутила мозги в данном направлении. Скитаться, странствовать, осесть где-нибудь в глубинке и тихо жить, радуясь каждому дню. У меня есть деньги, и немалая сумма! Завтра же сниму всю имеющуюся наличность, соберусь — мне недолго, куплю билет, уеду в глушь и спрячусь. Возможно, со временем проберусь на западное побережье и самостоятельно отыщу маму без идиотского условия отца о висорическом аттестате.

Спонтанная идея понравилась мне невероятно. К черту кабальные условия! — решила и выдула махом половину бокала. С сегодняшнего дня играю по своим правилам и в одностороннем порядке расторгаю сделку с родителем.

Как ни странно, меня совершенно не удивили быстрота и хладнокровие, с коими я раскрыла воображаемый грязный замысел папули, тут же поверив в детоубийственную фантазию.

— Пошли, посидим где-нибудь, — предложила чемпиону, отпив игристого. — Что-то ноги гудят.

К тому же, стоило обмозговать почетче план бегства, смутные контуры которого вырисовались в голове.

Мы с Петей начали пробираться мимо кружков с разговаривающими гостями, причем я старательно не смотрела туда, где находились Мэл и Мелёшин-старший. Однако выяснилось, что не так-то легко прорваться к долгожданным стульчикам. Нас втягивали то в одну компанию, то в другую и расспрашивали: о том, кто заполучил приглашение на прием, и страшно удивлялись, что счастливым оказался Петя, а не я; о том, в каких отношениях мы состоим с премьер-министром, с Влашкой и с Франкенштейном или, вернее, Капитцем. Чемпион отвечал на вопросы, к его мнению прислушивались и внимали, отчего Петя постепенно проникался собственной важностью и значимостью. Я потихоньку цедила шампанское, предпочтя помалкивать, поскольку из-за галдежа мне не удавалось сосредоточиться на обдумывании плана побега. Один мужчина, решив поухаживать, преподнес на бумажной гофрированной тарелочке шоколадную фигурку, и я с удовольствием съела, вдруг ощутив, что голодна.

Можно разузнать у горнистов поподробнее о западном побережье, — размышляла, скользя взглядом по залу и не отрываясь от содержимого в бокале. Информация стопудово пригодится, когда решусь пересечь линию фронта, то бишь границу каторжанского края. Также можно проконсультроваться у Алесса о тонкостях успешной нелегальной жизни на воле и при необходимости оплатить ликбез консультанта.

Мэл и его спутница по-прежнему циркулировали неподалеку среди гостей, но теперь парень не порывался творить глупости, хотя время от времени посматривал на меня, правда, без тени улыбки. Спасибо за понимание, — послала ему мысленную благодарность, и Мэл,

точно почувствовав, ответил слабым кивком.

Это мир столичного принца, — вздохнула меланхолично, оглядывая зал. Мэл придет на "Лица года" в следующем году и в последующем, и так далее до бесконечности, с очередной спутницей из своего круга, а может, с той, кому он предложит носить свою фамилию, и они будут разговаривать с многочисленными гостями, обсуждать общих знакомых, вспоминать смешные моменты с банкетов и званых обедов. А я заживу в лесной глуши, скромно и тихо, в избушке под мохнатой елью у скалы и буду набирать в самовар водичку из родника, а по вечерам сидеть на завалинке и смотреть, как зажигаются первые звезды на небе.

Воображаемая картинка выбила слезу и поспособствовала допитию шампанского, после чего я потребовала у Пети новый бокал.

Как и предрекала Вива, дамы пытались ущипнуть и задеть.

Одна гостья снисходительно заявила, что не видела на бульваре Амбули платья, похожего на мое.

— Ах, — парировала я, взмахнув беззаботно рукой, — сегодня весь зал появился в моделях с Амбули. Это скучно и приелось глазу, а мне хочется выглядеть особенной в чем-то по-настоящему эксклюзивном.

Действительно, поскольку в салоне "Элегия" мы с девчонками перелистали множество экземпляров из каталога, то мне казалось, что какие-то из платьев попались на глаза на приеме. Вдобавок невероятно повезло, что ни одна из расфуфыренных дам не знала о существовании переулка Первых Аистов, в котором ненаглядное платьице с бабочками дождалось на витрине своего звездного часа.

Другая женщина с огромным рубиновым ожерельем на шее попробовала усть меня мелкотой камешков в колье, но я отбила атаку, заявив, что поскольку девушка молодая и воспитывалась папенькой в строгости, то пошла на поводу у разумности, а не жадности. Уж не знаю, дурную ли славу создавала своему родителю, или наоборот, одарила ореолом святости — меня перестало волновать. За пазухой грелся припасенный камешек — бегство из столицы.

Когда я рассказывала очередной тетеньке, что Петя — чемпион из чемпионов и может закинуть к горизонту что угодно, мою ладонь обожгло мимолетным скользящим прикосновением, заставив замолчать на полуслове и замереть. Это Мэл прошел мимо, следуя за своей дамой, и присоединился к соседнему кружку. Он стоял теперь совсем близко, лицом ко мне, в каких-то пяти шагах, как и его спутница, и старательно отводил глаза.

Только сейчас я в полной мере разглядела даму Мэла. Она была необычайно привлекательна, но обладала какой-то холодной, замороженной красотой. Наверное, мгновенное впечатление сложилось из-за её светлых, практически белых волос как у снежной принцессы. Да, девушка оказалась настоящей Снегурочкой.

В это время спутница Мэла встретилась со мной взглядом, и столько презрительной снисходительности в нем плескалось, столько гадливости, что я отвернулась, не выдержав.

И почему я предположила, будто девушка наивна и не замечает очевидных вещей? Снегурочка заметила. Она знала причину, по которой кавалер усердно толкал ее в центр зала, и видела, к кому беспрестанно оборачивался Мэл, ставя ее в неловкое положение перед собеседниками. Она догадалась, что между мной и Мэлом было нечто большее, чем дружеское общение, но почему-то промолчала и не стала устраивать истерику и закатывать сцены ревности.

Бокал осушился махом.

Петя объяснял тучному мужчине, чиновнику министерства иностранных дел, о способах захвата ядра и молота и показывал на собственном примере, но суть разговора ускользала от меня, как и авантюрная задумка с бегством. Мой слух переместился влево, туда, где стоял Мэл. Поворачиваться я не решалась, чтобы не встретиться невзначай взглядами со Снегурочкой. Мне хватило отвращения в ее глазах, основательно испортившего настроение.

— ... Чудесная пара! — долетел обрывок фразы, сказанной визгливым женским голосом. — Смотрю на вас и не устаю умиляться. Пора, друзья мои, решаться. Сколько можно тянуть?

— Видите ли, Егору предстоит полтора года обучения в институте, — пояснила приятным голосом Снегурочка.

— Разве ж это причина? Лучше потратьте оставшееся время на подготовку к празднику. Советую заказывать аксессуары к свадьбе уже сейчас! — воскликнула тетка. К свадьбе?! К какой свадьбе? — Обещайте, Егор, прислать мне и моему супругу приглашение на ваше первое семейное торжество по случаю образования новой ячейки общества.

Наступило молчание, и пол под моими ногами покачнулся.

— Пока рано говорить об этом, — отозвался чужой, незнакомый голос, и до меня с торможением дошло, что говорил Мэл.

— Рано, молодой человек?! Мы, девочки, переспеваем, дожидаясь, пока вы, мужчины, решаетесь, — сказала кокетливо дама и засмеялась. — Поэтому зачастую нам приходится брать инициативу в свои руки. До чего же я обожаю обручения и сопутствующие им приемы и банкеты! Ваша матушка, Егор, уже составила меню?

— Нет, — ответил глухо голос. Чей? Почему уши заложило ватой?

Пол угрожающе завертелся перед глазами, и я ухватилась за Петю.

— Обещайте, молодые люди, прислать нам приглашения! Отказа не потерплю, — требовал настойчивый женский голос.

Я не услышала, что ответили молодые люди, потому что потянула Петю через толпу.

— Эва, куда ты? Мы же не договорили, — недоумевал чемпион, стараясь не отстать.

Передо мной мелькали незнакомые лица, какие-то перья, перстни на толстых пальцах, чей-то алый когтистый маникюр, а потом в глазах потемнело. Очнулась я сидящей на стуле, а рядом сидел на корточках озабоченный Петя.

— Эва, всё хорошо? Может, сбегать за врачом?

— Нет! — схватила парня за руку и отдернула, потому что его ладонь оказалась ледяной. Или мои пальцы были слишком горячими?

— Ты не заболела? — озабочился спортсмен. — По-моему, у тебя жар.

— Это от голода, — сказала слабым голосом. — Я ела в последний раз задолго до обеда.

— Немудрено, — проникся Петя. — Посиди здесь, сейчас что-нибудь принесу.

Я ответила кивком и признательным взглядом. Не могу отвечать. Не могу.

4. Взрослые дети играют во взрослые игры

Красивая пара. Хоть сейчас на обложку свадебного журнала.

А я-то, глупая, представляла, что когда-нибудь, в необозримом далеком будущем, Мелёшин наденет обручальное кольцо некоей абстрактной счастливице, и случится это в приближении к его седой старости. К тому времени наши пути давно разойдутся, и мне будет ровным счетом фиолетово, кто накинет семейный хомут ему на шею.

Наивная. И будущее оказалось близким — руку протяни и достанешь; и оказалось, что мне не наплевать, зная о предстоящей семейной идиллии Мелёшина.

До чего же паршиво, и голова туго соображает.

А ведь он знал. С самого начала — когда целовался в библиотеке и в пустой аудитории; когда предложил переночевать в его квартире; когда требовал приехать к нему после экзамена по символистике; когда настойчиво названивал по телефону; когда говорил о своей симпатии и желании встречаться, — Мелёшин знал, что на другом конце города живет красивая девушка Снегурочка, и что они предназначены друг другу.

Поэтому Мэл не давал никаких обещаний однокурснице Эльзуске. Он дал их другой, под одобрительные хлопки родственников породнившихся семейств и благословение Мелёшина-старшего.

Странное ощущение. Выворачивающее наизнанку.

Через год Мэл наденет Снегурочке кольцо на палец и назовет... как это? Суженой! Она станет варить ему кофе на кухне в черных тонах и нервировать капризами при выборе гардин в цвет обоям. Хотя нет, эта фантазия подойдет для людей проще раз в десять, нежели семейство Мелёшиных. Варить кофе для Мэла будет личный повар, а убранство особняка придумает модное агентство по подбору интерьеров.

Семья. Общая спальня. Совместные завтраки и ужины. Семейные праздники. Дети — двое или трое. Любящий дедушка — Мелёшин-старший.

Меня замутило. Разве на пустой желудок может тошнить?

Не помню, сколько времени просидела, глядя в одну точку, пока не появился Петя, принеся на бумажной тарелочке три песочных корзинки с салатной начинкой. Вяло жуя, я съела всё, потому что парень отказался.

— Спасибо тебе, Петя, — сказала тускло.

— Не благодари, — отмахнулся он. — Как самочувствие? Лучше? Я бы принес больше, но тебе не стоит набрасываться на еду и много есть. Потом еще принесу, хорошо?

— Спасибо, Петя, — погладила его ладонь. — Ты настоящий... — хотела сказать "друг", — ... ты мне очень нравишься, — выдала и удивилась.

Ха, я удивляюсь, значит, живу! Все-таки верна догадка, что слабость накатила из-за голода, а не из-за чьих-то подслушанных слов.

— И ты, Эва, нравишься мне, — улыбнулся чемпион. — И руки у тебя уже не такие горячие.

Да, и почему мне не может кто-то нравиться? — огляделась вызывающе. Из всей толпы, лениво фланирующей поодаль, лишь нам с Петей приспичило занять стулья у стены, и мы сидели в уголке, не привлекая особого внимания.

— Может, поедем домой? — предложил парень. — Хотя остался еще час до завершения приема, — добавил с заметным сожалением.

— Знаешь, Петя, пошли-ка, прогуляемся по залу, — подмигнула ему. — В конце концов, сегодня твой праздник. Когда еще представится такая возможность?

И мы пошли. Меня охватила неестественная жажда кипучей деятельности. Я громко смеялась, шутила, очаровывала мужчин, видя, как скрипели зубами от злости их дамы, и тут же вешалась на Петю, показывая, какие у нас с ним особенные отношения. Остаток вечера прошел как в тумане.

Мне казалось, я видела издалека отца с его женой, среди гостей промелькнул Мелёшин-старший под ручку с супругой. Еще Макес прошел мимо с незнакомой девушкой, а Дэн и его полненькая дама приобщились к соседней компании. И да, кажется, Мэла я тоже видела, или мне почудилось. Как только взгляд напарывался на него, в глазах тут же возникало темное

пятно. Может, это дефект линз? Или дефект в моей голове?

В общем, смотрела, как слепая, сквозь белоснежно-угольную парочку и улыбалась мимо.

Меня несло дальше, и остановиться я не могла. По-моему, во мне уместилось ведро шампанского, а может быть, два. Ближе к завершению вечера около нас с Петей собралась шумная толпа, все сыпали шутками и смеялись. И, правда, было очень весело. Я смеялась по поводу и без, а потом почувствовала, что заряд кончился.

— Петечка... — промурлыкала, повиснув на чемпионе.

— Что, Эвочка? — нежно спросил он. Петя тоже был в ударе.

— Мне нужно попудрить носик. Проводишь?

— Пойдем, — парень предложил локоть, и мы отправились в поход на поиски мест, где пудрят носы. По дороге смеялись до упаду, и опять на глаза напоззло пятно, когда мне показалось, что Мелёшин стоял неподалеку.

Чемпион пошел пудрить носик за дверь с табличкой "М", а я — за дверь с табличкой "Ж". Хорошо, что не наоборот, — посмеялась, закрываясь в кабинке на защелку, а через пару минут подошла к раковине и долго смотрелась в зеркало. За спиной отражалась стена с абстрактной мозаикой из бело-черных квадратиков.

Кто я?

Одна из многих. Как Изабелла или Эльза, или как та девчонка с цертамы*. В отличие от меня, они знали, что бесполезно надеяться на долговременные серьезные отношения, поэтому старались выжать из отношений с Мэлом как можно больше. Да ведь и я выглядела в глазах Снегурочки одной из многих! Расчетливой стервой без претензий, которой достаточно кинуть денежек и цацек в прожорливую пасть.

Я сползла на корточки.

Вот почему Снегурочка смотрела на меня как на развратную девку — доступную, распущенную, встречающуюся с Мелёшиным из-за его денег, греющуюся в лучах его фамилии и привилегий! Зная обо всех его увлечениях, что ей оставалось делать? Смотреть на соперниц свысока и с гордо поднятой головой, поскольку в итоге приз всё равно достанется Снегурке, а не прорве временных дешевок.

Опять стало муторно, и снова закружилась голова.

А с какой стати мне плакать из-за неожиданной новости о кольцевании Мелёшина? Можно подумать, я успела распланировать отношения с ним вплоть до алтаря, чтобы сидеть сейчас в каком-то туалете какого-то Дома правительства, кусать локти и грызть ногти из-за того, что меня опередила выскочка из высшего света.

Сплошные противоречия. Недавно я уверяла себя и Мэла, что совместное будущее с ним — нонсенс, и нам следует держаться как можно дальше друг от друга. Поэтому глупо сидеть у позолоченной раковины и разорять душу терзаниями. Сейчас поднимусь, подхвачу Петю под локоть, поеду домой в общежитие, и, может быть, поцелую чемпиона на крыльчке не как друга, а как... своего молодого человека. В губы! Обниму спортсмена и предложу зайти в гости, попить чаю. О как! А если Петя пригласит в гости для знакомства с мамой — назло соглашусь! Только кому назло?

И все же осознание факта, что есть та, с которой Мелёшин неразрывно связан, мучило, не желая отпускать. Вот, оказывается, с кем он проводил выходные, с кем ужинал на семейных вечерах, кому названивал в перерывах между лекциями. Снегурочка в его жизни была и будет.

Мэл не сгорал от пламенных чувств к своей спутнице, а может, специально проявлял недюжинное самообладание, чтобы не портить репутацию будущей невесты. Парочка демонстрировала на публике сдержанные, спокойные отношения людей, уверенных в стабильном совместном будущем. Правильно, к чему спешить как на пожар, если жизнь распланирована наперед до мелочей и записана в ежедневнике?

Жених, — обкатала на языке короткое и корявое слово. Почему-то в новом, семейном качестве Мэл смотрелся блестяще около Снегурочки как невесты, и тускнел рядом со мной в той же воображаемой ипостаси. Деньги тянутся к деньгам, власть — к власти, километровая родословная — к такому же раскидистому семейному древу. Естественный отбор, чтоб его. Генетика. Сильные висораты объединяют капиталы и передают способности детям и внукам.

Зачем он терзал меня звонками, намеками, прикосновениями? — стукнула зло кулаком по плитке и зашипела от боли. Ненавижу лицемера и обманщика! Хорошо устроился: создал для себя иллюзию свободы, перебирая подружек и не заморачиваясь особо, но все равно за спиной Мелёшина стояла тенью его Снегурочка.

Если бы Мэл рассказал о том, что после окончания института обяжет себя обязательствами и прочими сопутствующими атрибутами семейного человека, я бы ни за что не связалась с ним. Ведь не связалась бы? — переспросила себя и ответила утвердительно. И не думала бы о нем, гадая на заварке, и во время визажа у Вивы. Не вспоминала о нем чаще, чем о том, что нужно дышать время от времени.

Я не зарюсь на чужое. У меня есть достоинство, и нет неистощимого запаса сил, чтобы терпеливо сносить брезгливые взгляды чужих невест. Мелёшин же не посчитал нужным сообщать о наличии в его жизни Снегурочки, и тем самым, подставил меня в угоду сиюминутным желанием.

Стукнула дверь, и в дамскую комнату зашла женщина. Она прихорашивалась у зеркала — стройная и гибкая как кошка. И зрачки у нее были кошачьими, и ногти — такими же. Я поднялась на ноги и смотрела на свое отражение.

Снаружи ждал Петя, наверняка он начал беспокоиться из-за моего отсутствия. Стоило выйти к нему, но мне не хотелось покидать временное убежище.

Заиграла веселенькая мелодия, и женщина вытащила из сумочки телефон. Смелая! — посмотрела я искоса на неё. Наплевала на правила светского тона, не боясь быть обвиненной в дурном тоне.

— Да, котик, — промурлыкала незнакомка, взбив короткую мальчишковатую стрижку. — Непременно... Жду... Скучаю... Твоя в хорошем настроении?... Даю тебе час. Не успеешь — пеняй на себя. Уйду по гулять по клубам. Ну-ну, котик, не расстраивайся... побыстрее укладывай благоверную в постельку и догоняй меня. Целую, — отключилась она, не став выслушивать бляения позвонившего.

Напоследок взъерошив челку, женщина встретилась со мной глазами в отражении и усмехнулась. Подойдя ко мне, она поправила муаровый воротничок на платье:

— Когда-нибудь придется выбирать, какие роли играть — первые или вторые. Судьба — занятная штука, и вторая скрипка может в любой момент стать первой.

Женщина ушла, покачивая бедрами, а я, вздохнув, мазнула кончик носа у своего отражения. Нет уж, вторые роли определено не по мне. Я ангажирую первую роль — с тем, кто когда-нибудь даст мне обещание. С тем, кто останется со мной в тесной слабоосвещенной каморке. С тем, кто разделит со мной высокий балкон и будет угощать

меня душистыми яблоками. С тем, кто однажды скажет на ушко: "Знаешь, любимая, давай-ка заделаем сегодня маленького".

Мэл застыл у края людского течения и, засунув руки в карманы брюк, скользил взглядом по шумному сборищу.

Двое при входе, один — у помоста рядом с фотографами, трое прогуливаются в толпе. Люди отца из особого подразделения, преданные как псы — на десять порядков опаснее отъевшихся мордovorотов из службы охраны. Без жалости и без принципов, они пойдут по приказу в огонь и воду.

И как Мэл раньше не заметил? Почему не догадался?

Определенно, отец запугал ее. Возможно, шантажировал — чужими руками и языками. Намекнул на последствия в случае послушания.

А Мэл по наивности думал, что родитель не воспримет всерьез его интерес к непримечательной мышке. К его, Мэла, мышке с серым хвостиком, превратившейся сегодня в жар-птицу и вытворяющей черт знает что в группке гостей неподалеку.

Мэл не сомневался, что отец узнает, но что почует угрозу и решит подстраховаться — этого он не ожидал. Какая может быть опасность в девочке, легкой как облачко и с солнечной улыбкой?

И ведь не подойти к ней, не объяснить, не растормошить. Доверенные псы стерегут четко, и не стоит их провоцировать, иначе премьер-министр узнает поболее того, что ее родителем оказался Влашек, а вместе с Рублей узнает вся страна. Отец Мэла даже при неудачном раскладе карт умудряется выкладывать "флэш-рояль".

Мэл усмехнулся. Подумать только! Оказывается, вот кто перебрасывал ее из одного ВУЗа в другой, настойчиво требуя получения аттестата. Для чего? Почему первый заместитель министра пошел на огромный риск, чтобы слепая дочь завершила учебу?

А дочь подписалась на его условия, согласившись. Если бы она не согласилась, то он, Мэл, не столкнулся бы с ней, и между ними ничего не произошло. Была бы Ледышка в его жизни.

Он оглянулся на свою спутницу, сидящую неподалеку с бокалом в руке и смотрящую на шумное сборище. Аристократический профиль, надменный взгляд свысока, презрительное фырканье, молчаливое превосходство. Замороженная сосулька.

Проклятье! Ну, почему мышка не ответила на его звонки? Почему не нажала на единственную кнопку?

И теперь не видит его. Смотрит и не видит. Как слепая.

Смеется для крепыша-коротыша, очаровывает жирных боронов и старых козлов, улыбается похотливым липким взглядам, раздевающим её.

Руки сжались в кулаки, когда обрюзгшая рожа сально улыбнулась его девочке.

Разве не видишь, что это мишура, пустое? Обернись же, взгляни! Больно и мне, и тебе. Нам обоим.

Не видит. Смотрит и не видит.

Завибрировал телефон, поставленный на беззвучку.

— Это я, — сообщил Макес. — Выдвигаемся в "Вулкано" за полчаса до полуночи, чтобы без давки. Едешь?

— Нет.

Ему нужно придумать, как поговорить с мышкой сегодня, ибо завтра будет поздно. Она

не только не видит — она не услышит его. Не захочет слушать.

— Как знаешь, — протянул разочарованно Макес. — Сегодня желающих выше крыши.

— Ладно, бывай, — сказал Мэл и, отключившись, сунул телефон в карман пиджака.

Развернулся к своей спутнице и сел рядом, лицом к толпе, чтобы смотреть, как слюнявые рты целуют руку его девочке. Руки с побелевшими костяшками свело судорогой — придется разжимать кулаки клещами.

Ледышка отпила из бокала.

— Надолго мы здесь уселись? — спросила с величием королевы. Ничего не скажешь, стальная выдержка.

— Навсегда, — отрезал Мэл. — Хочешь — иди.

Ледышка промолчала. Он понял бы и принял, если б она вспылила, устроила истерику, обвинила, ударила, в конце концов. Ведь их общение могло быть более терпимым, насколько это возможно. Но Ледышка на то и была Ледышкой. Мэл никогда не понимал её и не чувствовал того, что скрывалось за застывшей, замороженной маской его спутницы.

— Хочу выпить, — вскочил, когда его девочка рассмеялась над шуткой усатого сублильного хлыща, и двинулся на поиски ближайшего официанта.

Неплохо бы промочить горло и решить, как вытащить ее из толпы.

Нужно обдумать. Самому не подойти, потому что пасут "особисты". Попросить Мака или Дэна? Она поймет, с какой стороны дует ветер, и тем более не станет слушать. Дождаться, когда отправится в дамскую комнату? Должна же пойти, ведь пьет, не переставая. Слеп, что ли, ее кавалер? Ну, попадись она Мэлу! Он обязательно надерет своей мышке хвостик за выхлестанное без меры шампанское.

В углу, за колонной, обнаружился хороший обзор. Никто не мешал ненужным любопытством, и не пришлось тянуть шею, чтобы без помех любоваться своей девочкой, — её стройными ногами под ужасно коротким платьем, пленительной улыбкой, — и слушать звонкий смех колокольчиком. А стайка вездесущих бабочек? За их порханием можно было следить часами, позабыв о насущном. И саму ее, похожую на экзотическую яркую бабочку, хотелось спрятать, укрыть руками от завистливых и жадных взглядов.

Мэл запоминал каждого, кто, по его мнению, нездорово дышал к его мышке, и первым в списке значился накаченный крепыш — чемпион.

— Ты что вытворяешь? — налетел Севолод из ниоткуда и стер рукой отражение на стене, разрушая *sresellum**. — С минуты на минуту здесь появится охрана! Хочешь, чтобы и тебя загребли?

— Пошел ты. Без тебя разберусь, — ответил грубо Мэл.

— Что ты себе вообразил, сопляк? Сколько выпил? Вставай! — Севолод рванул племянника за лацканы пиджака, принуждая подняться. — Сегодня черт-те что творится! Более двухсот случаев вис-возмущений! Рубля в ярости! Наделил Кузьму особыми полномочиями и повелел хватать виноватых без разбору, вменяя попытку покушения на высшее государственное лицо. Хочешь стать политическим?

— Чихал я на твоего Рублю, — оторвал его руки Мэл. — Трижды чихал и высморкался.

— Сейчас ты развернешься, щенок, и пойдешь отсюда, — сказал тихо и зло Севолод, оглянувшись, не привлекла ли перебранка внимание гостей. — Нет, ты полетишь быстрее стрелы.

— За отца переживаешь? — сорвался Мэл. — Да на*рать мне на него! И на вашу вонючую политику на*рать! Пусть сажают, мне по фигу.

— А о матери ты подумал? — спросил Севолод, приблизившись вплотную, лицом к лицу. — Что у тебя с рукой? — заметил ладонь, перевязанную платком, пропитавшимся кровью.

Что с рукой? Ничего интересного. Всего лишь треснул бокал, сдавленный, когда крепьш поцеловал его девочку в щеку.

— Не твое дело, — буркнул Мэл. — Отцепись. Уже ухожу. Доволен?

— Молокосос, — процедил родственник. — Сваливай отсюда. Дома поговорим.

— Плевал я на то, чтобы с тобой трепаться! — взорвался утихомирившийся было Мэл.

— Иди уже! — простонал Севолод, подталкивая племянника. — И отвези девушку домой. Не разочаровывай мать.

Мел не ответил и пошел краем зала, навстречу людскому течению.

— Господа! Тише, господа! — донесся за спиной голос Севолода. — Произошло недоразумение...

Снова завибрировал телефон в кармане пиджака. Чтобы ответить, пришлось орудовать левой неповрежденной рукой.

— Ты где? — поинтересовался Макес.

— В зале. Говорю же, никуда не еду.

— Кого пасешь? — спросил насмешливо товарищ. — Она уже шубку надела и перчатки натягивает.

— То есть? — похолодел Мэл, оглядываясь по сторонам и выискивая свою мышку. Упустил. Прошляпил.

— Оглох, что ли? Наши понемногу подтягиваются, а тут твоя с этим... чубчиком... спустились по лестнице и стоят у гардероба.

Нужно вниз, и как можно скорее. Черт, где осталась Ледышка?

— Мак, удержи их!

— Пять минут. Больше не получится.

— Десять! На десять минут!

За это время потребуется совершить невозможное.

— Пойдем, — приказал своей спутнице, сам не поняв, как добрался до другого конца зала в считанные мгновения. — Мы уезжаем.

Та и не подумала подняться со стула.

— Прием не кончился, — ответила ровно, не отрываясь от наблюдения за гостями.

— Как хочешь, — развернулся Мэл. — Я ухожу.

Ледышка поднялась с ленивой грацией светской львицы, набросила на плечо сумочку и молча двинулась следом.

— Ты смешон, — сказала вслед Мэлу, когда он в нетерпении сбежал вниз по лестнице.

— Зато ты чересчур серьезная, — обронил он, не притормаживая.

Мэл практически вылетел в пустынный холл, где около гардероба собралась приличная группа молодежи, намеревавшейся ехать в "Вулкано" на продолжение вечеринки, а неподалеку долбаный спортсмен помогал одеться его мышке и разговаривал с Маком, облокотившимся вольготно о стойку.

— Я - в дамскую комнату, — заявила беспрекословным тоном Ледышка и свернула в боковой коридор.

Стерва.

Мэл остановился в нескольких метрах, не приближаясь. От шумного сборища отделился

Дэн.

— Ты как? Тоже едешь? — спросил, подойдя. — Я свою уже отправил домой. Слышишь меня?

— Дэн, будь другом, уговори ее поехать в "Вулкано"!

— Не поедет, — прищурился Дэн, оглянувшись назад. — Мак и так уговаривает, и этак — ни в какую.

— Сделай, чтобы поехала! — схватил Мэл товарища так же, как недавно цеплялся к нему Севолод. — Отдам, что хочешь, только уговори!

— Ладно, — хмыкнул Дэн. — Коли не шутишь... Годовой абонемент на двоих в "Инновацию"!

— Заметано. Иди уже, — подтолкнул его Мэл. Дэн ухмыльнулся, покрутил у виска пальцем и двинулся с распростертыми руками к парочке:

— Куда спешите, Петр? Ваше чемпионство грех не отпраздновать в дружеской обстановке!

Молодежь, прознавшая о двойном поводе для веселья, поддержала идею повышенным галдежом, нестройными овациями и требованиями обмыть причину. Его мышка даже не обернулась, будто Мэла не существовало — терпимое равнодушие, поскольку у окна замер незримой тенью "особист".

Дэн уговаривал, Мак вторил ему, и чем сильнее они давили в два голоса, поняв, что спортсмен первым даст слабину, тем сильнее его девочка упрямылась. Мэл видел, как она упиралась — лицо недовольное, губы поджаты. Теперь ее уговаривал и коротыш-чемпион, которого удалось с легкостью соблазнить компанией светских деток.

Давай же! Соглашайся!

— Не поедет, — подошел пестроволосый, оставив Дэна воевать в одиночку и отрабатывать абонемент в столичном кафе. — Что у тебя с рукой?

— Царапина, — отмахнулся Мэл.

— Если зашивать, то на улице. Где ледышка?

— Пошла в туалет. Отвезу домой и вернусь в "Вулкано". Задержи ее там!

— С катушек съехал? — изумился товарищ. — И как ты это представляешь? Она же пока с места не сдвинулась.

— Сдвинется. Дэн уговорит. Задержи на полчаса, не дольше.

Макес покачал скептически головой:

— Не обернешься.

— Раньше буду, — заверил Мэл.

— Не понимаю, зачем паришься. Завтра поговоришь с ней, объяснишь, что к чему.

— Завтра будет поздно. Батя за ней держит пригляд. Пасет.

— Твоему бате сейчас не до нее. Сегодня он с Кузьмой сцепился.

— Старая песня, вернее, больной вопрос, — махнул рукой Мэл. — На повестке дня объединение дэпов* и Первого Д*, угадал?

— Оно самое.

— У бати это идея фикс. И что Кузьма?

— Заверещал. Обычно сразу в кусты прячется, а сегодня у меня глаз задергался от его воплей. До того разорался, что Рубле осточертела их грызня, и он повелел устроить проверку обоих департаментов — расходование дотаций, обоснованность потраченных средств, оперативность работы, продуктивность труда, обоснование численности. В общем, ревизия.

Полный аудит с завтрашнего дня. Твой батя рванул начищать перья и закручивать хвост каралькой.

— Оппа. Влетел нехило. А-а, выкарабкается, — махнул рукой Мэл.

— Твоя сегодня в ударе. Я, конечно, предполагал, что она... ну, нарядится, накрасится... Но чтобы не отвести глаз — такого со мной еще не было.

— Советую научиться отводить, — оборвал Мэл.

— Понял, не дурак, — заверил, посмеиваясь, товарищ и сообщил новость, успевшую устареть: — Кстати, она оказалась из Влашеков, слышал?

— Про это разве что глухой не слышал, — хмыкнул Мэл. — Хотя и глухие уже знают.

— Ее папаше тоже подфартило.

— В смысле? — испугался Мэл, проведя аналогию со "счастливым" родителем, напросившемся на незапланированную ревизию.

— Ты, вообще, где сегодня был: по залу гулял или витал в облаках? Нынче на "Лицах" только и делали, что выясняли отношения: здесь подрались, там поорали. Журналюги потирают ручки от радости и целуют перья с объективами: материала хватило на год и с большой горкой.

Мэл вспомнил, как у него нестерпимо чесались кулаки разогнать толпу, собравшуюся около его мышки, а еще всплыли слова Севолода о повальном нарушении запрета на пользование волнами. Мэл и сам проштрафился, создав на стене заклинание, чтобы без помех следить за своей девочкой.

— И что с её отцом?

— Рубля снял алкаша Рафикова и поставил министром Влашека.

— Министром?! — переспросил Мэл ошарашенно. — Министром экономики?

— Ну, не обороны же, — усмехнулся Макес. — Теперь твоя — завидная невеста. Поговаривают, будто Рубля имеет на нее виды для кого-то из родни.

— Облезет, — процедил Мэл, и в его глазах загорелись зеленые ободки. — Уведу ее. Сегодня же.

— Уведешь, уведешь. Не духарись. А как же спортсмен?

— Побоку.

К ним подошел Дэн:

— Лимон предупредил, что будут три машины, расходы поровну. Касса у него, для начала сбрасываемся по шугарю, если с дамой, то две бумажки.

— Кого ждем? — поинтересовался Макес, отдав банкноту с тремя нулями.

— Девочек. Если понравится какая-нибудь, заплатишь и за нее.

— Не вопрос. И за двух выложу без проблем, — сказал Макес, посмеиваясь.

— А она согласилась? — спросил нетерпеливо Мэл, отдавая купюру.

— Поедет, не ссы. Как приличная папенькина дочка, под присмотром кавалера. Кстати, Кирюха подбивает к ней клинья.

— Пусть Кирюха вспоминает все известные молитвы и заказывает панихиду, — потер кулак Мэл. — Спортсмен рассчитался?

— Выложил, не вякнул. Видимо, есть бабло. Ледышка идет, — предупредил Дэн, посмотрев за спину товарища, и пошел обратно к шумной компании.

Мэл помог надеть шубу вернувшейся из дамской комнаты Ледышке, для чего ему пришлось сходить к гардеробу за верхней одеждой, а его девочка смотрела сквозь него, будто на пустое место. Ну, ничего, еще не все звезды погасли на небе. Мэл заставит её посмотреть

ему в глаза. Притянет свою мышку за ушишки и заставит.

— Я заказал такси, — предупредил он Ледышку. — Подъедет через пять минут.

Та скривилась на миг, но тут же нацепила безразличную маску. Где же видано, чтобы девушка из высшего общества разъезжала в общественном транспорте, в котором, возможно, кто-то сморкался, вытирая пальцы об обивку, или блевал? Таких девушек, как Ледышка, положено катать на дорогой машине с личным шофером, без тряски и волнений.

— Пожалуй, я тоже поеду в "Вулкано", — сказала она.

— Ты?! — от удивления Мэл растерялся.

— Почему бы и нет? — пожала плечами его дама. — С тобой я буду в безопасности.

— Скорей, наоборот, — сказал негромко Макес и, не сдержавшись, коротко фыркнул.

— Тоже неплохо. Люблю рискованных мальчиков, — улыбнулась ослепительно Ледышка им обоим.

Хочется экстремальных ощущений? Что ж, сама напросилась, — усмехнулся Мэл.

— Хорошо, — кивнул он, заметив удивленный взгляд товарища. — Пошли, сейчас подъедут машины.

У ненависти обнаружился неожиданный побочный эффект. Она прояснила голову и насытила её мстительной яростью.

Поначалу я твердо отказывалась от навязываемого счастья в виде поездки в знаменитый клуб "Вулкано", где лучшие танцинги в столице, на которых отрывается элитная висоратская молодежь. Уж как заливался соловьем пестроволосый, как настойчиво расписывал прелести клуба Дэн, как поддакивал Петя: "Ну, Эвочка, ну, давай съездим!", а мне хоть кол на голове теши — не поеду, и всё. К тому же как нельзя кстати заныли ноги, накатила зевота, и начали слипаться глаза. Словом, навалилась апатия, намекавшая прямым текстом, что по биологическим часам давно пора лежать в кровати и видеть десятые сны.

Меланхолия длилась до той поры, пока Дэн не заикнулся, что Мелёшин тоже поедет в "Вулкано", и в моей голове точно кран с кипятком сорвало. Значит, столичный принц продолжит развлечение на полную катушку под ручку со своей мамзелью, а я должна сгорать от стыда под ее гневными взглядами и переживать о собственной бессовестности?!

Нетушки! Я покажу разбалованному товарищу, живущему легко и беззаботно, где раки зимуют! И докажу им обоим — Мелёшину и его невестушке, — что умею веселиться не хуже избранной висоратской молодежи. И заткну высокомерную снежную принцессу!

Ух, как я разозлилась! Злость бурлила во мне и клокотала, разрывая на части, круша запреты и устои.

Снегурочка приблизилась к кучкующейся молодежи, но сохраняла дистанцию, прозябая в одиночестве. Она словно возвела невидимую стену между собой и безалаберными детками. Еще бы, хохотать над тупыми шутками и вешаться на своего кавалера недостойно невесты Мелёшина, нужно соответствовать уровню.

Соответствуй, тянись к своей вершине, но не смей меня задевать, — покосилась я вызывающе.

Снегурочка фыркнула, дернув плечом, и задрала высокомерно подбородок.

Всё-таки странные у них отношения. Она сама виновата. Нечего потакать слабостям женишка к противоположному полу и переваливать проблему с больной головы на здоровую. Давно бы поставила Мелёшина на место и приструнила как следует, а если бы не помогло, то бросила и нашла другого — верного и надежного. Такого, как Петя, например.

Так мы и переминались у гардероба в ожидании сигнала, когда подъедут машины, а мое бурление не прекращалось. Наружная стена холла была полностью стеклянной — одно сплошное окно. Снаружи прохаживались молодцы из службы охраны, оглядывая площадь перед Домом правительства, залитую электрическим светом. В панорамном окне отражалось шумное молодежное сборище, в том числе я с Петей и Снегурочка в отдалении. Возможно, она тоже смотрела на меня в стекло и испепеляла взглядом, полным отвращения, но мне стало всё равно. Мне теперь как об стенку горох.

Да, я такая! Особенная. Сегодня на приеме вокруг вилось множество мужчин — противных и не очень, и даже попадались более-менее приятные экземпляры — и все они говорили комплименты, целовали лапку, и в их глазах читалось восхищение, к которому примешивалось еще что-то, названия чему я не знала, но эта непонятность позволила почувствовать власть над склонявшимися для поцелуя мужчинами. Захочу — и осчастливлю улыбкой. Захочу — и явлю немилость недоуменно изогнутой бровью. Захочу — и оскорблю насмешкой. Захочу — и взмахом ресниц заставлю ползти женишка Снегурки ко мне на коленях. А если кто не верит, докажу прямо сейчас.

Теперь я четко видела Мелёшина. Замутненное зрение, напавшее на меня в Большом банкетном зале, растворилось, и Мэл появился в фокусе зрения. Он топтался неподалеку у окна-стены вместе с товарищем и смотрел на меня также как в Большом банкетном зале — безотрывно, точно оголодавший.

Гляди, Мелёшин, мне не жалко. Это теперь не твоё. Любоваться можешь, а руками не тронь. Тискай свою замороженную невестушку или какую-нибудь другую счастливицу.

Я посмотрела на него и облизнулась с видом прожженной распутницы — медленно, пробежавшись языком сначала по верхней губе, а потом по нижней. Мелёшин сглотнул и взъерошил волосы. Чуть не бросился ко мне, но удержался. Интересно, как поживает его зверь?

Надеюсь, Снегурка поняла, кто играет первую скрипку в сердце её избранника? — усмехнулась я и, подмигнув развязно Мэлу, сложила губы бантиком, подставляя для поцелуя.

Мелёшина аж подбросило на месте. Разволновался, бедненький, заозирался — не ошибся ли, не почудилось ему? Не волнуйся, Мелёшин, не три глаза. Не почудилось.

Смотри, Снегурка, и запоминай. Он хочет меня. Меня, а не тебя. Попрошу — с крыши спрыгнет. Попрошу — под машину бросится. Попрошу — и унизит тебя при всех. Потому что он мой. Потому что я ненавижу — его, тебя, всех их, ржущих и хохочущих, зажавшихся висоратских деток.

— Машины подошли, — крикнул кучерявый парень, и шумная орава повалила к выходу, а следом поплелась и я, подгоняемая взбудораженным Петей.

Как предупредил Макес, у тротуара остановились три черных лимузина, похожих формами на тот, в котором мы с Петей отправились на прием. Автомобили были широкими, длинными и приземистыми.

Мелёшин усаживал свою альбиноску во вторую машину. Скатертью им дорога, и чтобы по пути свернули не туда, заплутав навечно, — послала я злобное пожелание, направившись через теплый пояс к автомобилям. Нам с Петей выпало залезть в первый лимузин, на заднее сиденье вместе с двумя парочками. Напротив, спиной к движению, уселись еще две пары. Не успела я расположиться, как парни достали зеленые пузатые бутылки и фужеры из спрятанного в нише бара.

— О! — оживились девчонки. — Первый тост — за классный вечер!

Какой же это вечер? Скорее, глубокая ночь.

Соседи по лимузину шутили, хохмили и смеялись, и Петя не отставал от них, зарядившись радостным возбуждением.

— Эва, — повернулся ко мне, протягивая фужер с шампанским. — Будешь?

— Нет, спасибо.

Злое настроение улетучилось. Я успела пожалеть, что согласилась на уговоры Пети и друзей Мелёшина. В клубе будет он сам, с ним будет его невестушка, поэтому придется усиленно изображать нежные чувства к Пете и найти силы, чтобы достойно выдержать презрительные взгляды Снегурочки. До сего момента девушка предпочитала отмалчиваться, но если откроет рот, то кто знает, вдруг из нее полезет не меньше гадостей, чем из Эльзушки? Может, выйти, пока машины не тронулись? — наморщила лоб, оглядывая респектабельный салон. Деньги есть, поймаю такси и поеду в общежитие. Мне нужно не веселиться, а обдумывать план бегства из столицы и предусмотреть множество мелочей.

Спонтанная мысль чуть было не воплотилась в действие, как вдруг дверца лимузина неожиданно открылась, и напротив нас с чемпионом уселся Мелёшин.

— О, какие люди! — воскликнул Петя и протянул ему руку. Спортсмен отбросил прочь требования здорового образа жизни и, распробовав вкус игристого, активно прихлебывал из фужера.

Мэл пожал протянутую ладонь.

— А где ваша дама? — спросил Петя. — Не поехала?

Мелёшин неопределенно махнул рукой, мол, не в курсе местонахождения своей спутницы. Ага, в последний момент вытащил ее из машины и отправил догонять эскорт пешком.

— А мы с Эвой решили расслабиться под завершение вечера. Правда, Эвочка? — чемпион притянул меня и поцеловал в щеку. Чмок получился влажный, звучный, и я не удержалась, чтобы вытереть след от поцелуя.

В глазах Мэла зародились зеленые огоньки. Пугай кого-нибудь другого своими фонариками, — посмотрела на него с вызовом и потребовала капризно:

— Петечка, мне захотелось шампанского.

Тот протянул фужер и отвернулся к галдящим и смеющимся соседям по машине. Определенно, моего парня затащило веселье шумной компании.

Лишь мы с Мэлом не веселились. Я сделала глоток, глядя на него, а Мелёшин прищурил глаза, чтобы спрятать разгорающуюся зелень в зрачках.

Ой, подумаешь, а мы и не боимся вовсе! — закинула ногу на ногу, и Мэл опустил взгляд куда-то в район моих сапожек. И вообще, поедем мы когда-нибудь или нет? Скоро повалит толпа из Дома правительства, и ваши лимузины до утра не выберутся из пробки.

Расстегнув шубку, чтобы не употеть, откинулась на спинку сиденья и с независимым видом смаковала крохотными глотками содержимое фужера. Дверца машины приоткрылась, и в щели появилась голова пестроволосого:

— Отыщется местечко для двух сироток?

Куда тесниться-то? Разве что падать на коврик в ногах.

— Уплотнимся, — не стал отказывать товарищу Мэл и переместился на противоположную сторону. — Привстань, — велел мне, уселся возле спортсмена, а меня посадил на колени. — Залезай, Мак.

Того не нужно было упрашивать. Он подтолкнул свою подружку, сам нырнул следом, и

парочка расположилась напротив, там, где секунду назад семафорил зелеными очами Мелёшин.

Я замерла с фужером в руке, напрягши спину, словно мне вместо позвоночника воткнули железный стержень. Сижу, значит, бочком на коленях у какого-то столичного принца, медленно соображаю о стремительной рокировке на сиденьях, а рядом мой парень хохочет с соседями по лимузину и рассказывает байки из спортивной жизни, приканчивая остатки шампанского напрямик из бутылки.

Плеснуть, что ли, ему в лицо из фужера? Или обоим: Пете и Мэлу. Каково?

Машина мягко тронулась, "Вулкано" стоял себе и не знал, что серая крыска собралась покорить его сегодня ночью, а чьи-то наглые руки крепко обхватили меня и прижали к горячему телу. И кто бы это мог быть?

certama*, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

Первый Д (разг., жарг.) — Первый департамент

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

spesellum*, спецеллум (перевод с новолат.) — зеркало

5. Противоречия

Ничего не поняла. Мелёшин сказал: "Привстань", я как заколдованная послушно выполнила указание, и вот тебе на! — отсиживаю ему ноги, а Петя — мой парень и кавалер по приему — не сподобился обернуться. А вдруг меня вытолкнули из лимузина и оставили у Дома правительства, потому что не хватило мест для желающих?

Еще бы чемпиону интересоваться мной, когда одна из девчонок, на сиденье напротив, в открытую строила ему глазки, и мое присутствие и присутствие ее спутника абсолютно не смущали девицу. Она строила не только глазки. Откиннутая пола шубы и сдвинутая целомудренная пелеринка явили грудь немаленького размера, распирающую тесный лиф платья.

Немудрено, что Петя, приличный благовоспитанный мальчик, ошалел от откровенных видов, предлагаемых к бесплатному осмотру. Ладно, я допускаю, что чемпион как всякий парень в кои-то веки дорвался до халявного зрелища, но как понять девчонку, запрыгивающую на чужого кавалера, несмотря на наличие собственного спутника под боком? Может, у них в высшей лиге развязное вызывающее поведение считается нормой?

Меня накрыло раздражение. Пусть нас с Петей связывают пока что дружеские отношения, я не позволю какой-то девке выставить себя на посмешище и отрезвлю её надменным взглядом и едкими словами, а опускаться до банального выдирания волос не собираюсь даже ради Пети. Он не заслужил, а девица — не соперница мне.

Так, сама не заметив, я уподобилась Снегурочке, для которой являлась аналогичной большой мозолью. Однако презрение не успело облечься в нужную форму.

— Петр, вы не против, что я устроил вашу даму к себе? — обратился Мелёшин светским тоном к спортсмену.

Тот обернулся с радостным лицом, прервав анекдот.

— Простите, Егор. Эвочка, пересядешь ко мне? — протянул руку, однако в голосе чемпиона я уловила легкое сожаление по поводу моего предстоящего согласия. Еще бы, тогда любование прелестями соседки по лимузину потеряет остроту. Но назло им всем — и Пете, и избалованной девице, и Мэлу — переберусь на колени к спортсмену, чтобы

обломать веселье.

Мелёшин, предугадав мой порыв, сжал объятия так, что у меня перехватило дыхание.

— Что вы, Петр, мне не трудно, — сообщил он с прежней любезностью, улыбнувшись приторно. — Тем более во время движения по оживленной трассе лучше не совершать перемещений по салону. Это чревато травмами для пассажиров во время крутого поворота, при маневрировании или на неровной дороге. Любой водитель знает об этом.

Что-то я не почувствовала ни одной кочки, чтобы подпрыгнуть и удариться макушкой о потолок салона, — покосилась сердито на Мэла. Машина ехала ровно и плавно, отчего временами создавалось впечатление, будто она вовсе не двигалась, а стояла где-нибудь у обочины.

Если Мелёшин не расцепит объятия, в моих легких скоро кончится воздух.

— Конечно-конечно, — закивал ответственный Петя и, видимо, вспомнил пожелание премьер-министра о моей целостности и сохранности. — Травмы для нас недопустимы. Спасибо, Егор, за предупреждение, и за помощь тоже.

Невероятно! Мелёшин опять вывернул ситуацию наизнанку получил благодарность неизвестно за что.

— В наше время стоит подстраховываться, чтобы обезопасить себя, — добавил Петя умную фразу и спросил у меня участливо: — Эвочка, ты не против?

Мелёшин сжал меня так, что в глазах выступили слезы, и я закивала согласно. По моему, содержимое фужера выплеснулось на платье. Козлина!

Чемпион схватил мою ладошку и мокро поцеловал ее.

— Петруша, ну, где же вы? — протянула томно одна из девчонок. — Без вас веселье заглохло. И чем закончился анекдот про гимнасток?

Непохоже, чтобы шумные соседи скучали. Шампанское вливалось в висоратские глотки ударными дозами, и на коврике под ногами каталось штук пять или шесть бутылок, которые компания, дурачась, время от времени распахивала ногами.

Петю не нужно было уговаривать. Как настоящий джентльмен он повернулся к просящей даме и присоединился к обществу.

Кольцо рук ослабло, и я с жадностью вдохнула воздух. Мелёшин, словно извиняясь за вынужденную меру, потянулся, чтобы потереться носом о мою щеку, но я в запальчивости отклонилась. Значит, Мэл решил, что на приеме не случилось ничего из ряда вон выходящего, и можно продолжить заигрывание, начатое по телефону?! Или по-прежнему думает, что, стоит ему коснуться меня, и я растаю восковой фигуркой? А может быть, считает, что удушение объятиями — невинная шалость, на которую не стоит обращать внимание?

Пусть не надеется! — фыркнула оскорбленно и со всей силы опустила каблук на правый ботинок Мелёшина, с мстительным удовольствием поелозив подошвой. Где-то рядом Мэл с шумом втянул воздух и вдруг уткнулся носом за мое ухо. Он едва не охнул вслух от боли, но успел сжать зубы и стенал молча, обдавая частыми горячими выдохами мою кожу.

Так тебе и надо! — заулыбалась я злорадно. Боль физическая — мелочь по сравнению с болью сердечной.

Хорошо, что Петя увлекся новым витком веселья и новым фужером с игристым, не то, обернувшись, он застал бы недвусмысленную картину. Интересно, на этот раз чемпион опять придумал бы правдоподобное и успокаивающее объяснение поведению Мэла или, наконец, протер глаза и врезал наглецу по физиономии?

Понемногу Мелёшин оклемался от великой чести, выпавшей его ботинку, и откинулся на спинку сиденья, однако руки не расцеплял. Он глядел на мой профиль, а я демонстративно смотрела на шумных соседей по лимузину, позабыв о недопитом шампанском.

Кавалер грудастой девицы, очевидно обидевшись на равнодушие со стороны своей дамы, отсалютовал мне початой бутылкой и поманил приглашающе рукой, но затем его взгляд сместился левее, и несостоявшийся ухажер спешно отвернулся, больше ни разу не взглянув в мою сторону.

Петя время от времени отвлекался от новых знакомых и поворачивался ко мне, чтобы погладить ладошку, но интервалы между поворачиваниями и поглаживаниями постепенно увеличивались. В такие моменты Мэл сжимал меня, но несильно, памятуя о недавнем покушении на ногу.

Баш на баш, — воротила я нос от Мелёшина. В какой-то миг чуть было не ринулась с его колен, чтобы махом пересечь к Пете, но подумала: а чего ради унижаться? Чемпион и так неплохо развлекается, а мне нетрудно вытерпеть соседство Мэла, к тому же на случай посягательств имеется второй нетронутый ботинок. Интересно, от моего каблука осталась такая же вмятина, как от перчатки Тёмы в крыше Мелёшинской "Турбы"?

Чтобы развлечь девчонок, парни создали несколько шариков, похожих на мыльные пузыри. Три или четыре из них лопнули практически сразу из-за нетвердости рук опьяневших авторов. В итоге под потолком машины витали два цельных сферических пузыря и один деформированный, с неустойчивой оболочкой, напоминавший желе.

Пузыри лениво парили по салону, компания гоняла их со смехом как назойливых мух, продолжая шумно веселиться, то есть попросту пить и тупо острить, заливаясь смехом. Думаю, покажи я палец, девчонки с парнями хохотали бы до упаду.

Как назло, уродливый пузырь плавал поблизости, но никак не хотел приближаться ко мне, уворачиваясь от попыток дотянуться до него. С досады я закусил губу. Неожиданно Мэл расцепил объятия и, вытянув руку, сделал пальцами несколько пассов. Летающее желе, притянутое *traheri**, опустилось в его ладонь, и Мэл поднес дрожащего уродца ко мне. Переливчатая поверхность пленки дрожала от малейшего колебания воздуха, отчего форма пузыря постоянно изменялась, рождая причудливую радужную игру света.

Я осторожно потрогала пойманного летуна. Пленка на ощупь оказалась плотной и не лопнула от прикосновения. Наверное, подвыпившие парни использовали при создании пузыря сочетание нескольких заклинаний — разрежение воздуха и ограничение прозрачной упругой оболочкой. С одной стороны, результат выглядел простенько, с другой стороны — за внешней простотой крылось умение совмещать многоуровневые заклинания, задействуя не две и даже не три волны, а больше.

Я поиграла с пузырем: надавливая на стенки, любовалась изменением волнующихся железных форм и игрой света. В какой-то момент обернулась случайно к Мэлу, а он смотрел не на ладонь с притянутым летуном, а на меня, и улыбался. Значит, посмеиваемся над моей детскостью?! — поджала губы и смахнула пузырь с его руки. Желе поплыло в воздухе, колыхаясь, а Мэл снова обнял меня.

Я поелозила, пытаюсь сбросить плен захвативших рук, впрочем, заранее зная о бесполезности попытки. Каким образом народные массы могут показать возмущение происходящим произволом, то есть назойливыми объятиями чужого женишка? Открыто протестовать, с флагами и митингом — мне же дороже. Свидетелями недовольства станут

несколько пар нетрезвых глаз, и у каждого из собравшихся в ограниченном пространстве автомобиля найдется свое мнение, не обязательно совпадающее с моим. Лучше не привлекать к себе ненужное внимание и незаметно доехать до клуба, где быстренько выбраться из капкана рук Мелёшина, а если он не отцепится добровольно, то воздействовать каблуком на его ботинок. Пока же предприму "глухую" забастовку и гордо отвернусь, как раз в сторону пестроволосого друга Мелёшина.

Повернув голову, я тут же пожалела, потому что Макес и его подружка целовались — увлеченно, слившись в страстных объятиях. На ногах спутницы пестроволосого красовались длинные блестящие сапоги, доходившие до середины бедра, а узкая полоска, обтягивавшая попу, символизировала юбочку.

Мои щеки запылали, и я перевела ошеломленный взгляд на веселящуюся компанию по соседству. Тут же полно посторонних! Разве можно, не стесняясь, тискать друг друга на виду нескольких человек?

Оказывается, можно. Еще одна парочка с краю отвлеклась от шумного действия и уделила внимание более интересному занятию, а Петя, накачиваясь спиртным, по-моему, вообще мало что видел, кроме прелестей девицы напротив.

Ужасно! Надо бы зажмурить глаза и для верности закрыть руками, потому что вид целующихся пар подействовал на меня нездорово, заставив сглотнуть. Чем бы промочить пересохшее горло?

У меня же есть шампанское, — вспомнила и затаилась остатками теплой жидкости, скривившись от противного вкуса. Куда бы выплюнуть? Холодное игристое пилось лучше, чем бодяга, из которой вышел газ. Мэл ловко выудил из моей руки фужер и стукнул ботинком по основанию сиденья. Снизу выехала небольшая пластиковая подставка с двумя колечками, в одно из которых он вставил стеклянную посудину.

Что Мелёшин себе позволяет?! Теперь я уже и выпить не могу, когда хочется? Да кто он такой, чтобы решать, что для меня лучше? И на что он намекает? На то, что пора переходить от питья к другим волнующим делам, последовав примеру друга? — вскипела я и сложила руки на груди, отвернувшись в сторону, то тут же подскочила как ошпаренная, отведя взгляд от целующейся парочки. Вправо не смотри — там Мэл поедает меня глазами, прямо не смотри — там Петя не отрывает взора от глубокого декольте, налево не смотри — там Макес приклеился к девице в сапогах до попы.

А ведь это не та девушка, с которой друг Мэла прогуливался по Большому банкетному залу, — вспомнилось некстати. На моей слегка нетрезвой памяти официальная дама пестроволосого выглядела скованно, демонстрируя светской публике длинное вечернее платье и пресную внешность, несмотря на тщательно подобранный макияж. Сейчас же в лимузине со Звенигородцевым целовалась яркая, незакомплексованная девица, не стесняющаяся показывать свои ноги, подчеркивая их длину. Не похоже, чтобы она была на приеме, её не пустили бы на официальное мероприятие в легкомысленной одежде.

Макес такой же бабник, как и Мелёшин! — осенило меня. Сплавил свою даму домой в девичью постельку и, не стесняясь любопытных глаз, поспешил развлекаться с другой — сговорчивой и доступной. Наверняка пестроволосый тоже связан обещаниями со своей избранницей, что не мешает ему отрываться на стороне.

Ненавижу! Все они одинаковы — детки из высшей лиги. Лицемерны и циничны, без стыда и совести, и в этом плане Мэл недалеко ушел. Несмотря на то, что его невестушка едет в следующем лимузине, он оставил ее в одиночестве и забрался в нашу машину с

определенной целью. И какая может быть причина? — фыркнула я гневно. Только одна, ушедшая недалеко от цели его пестроволосого друга.

И верно: рука Мэла осторожно прокралась под мое платье, заставив вспорхнуть чутких бабочек, и, дождавшись, когда они замрут, поползла по ноге.

Конечно же, следовало затрепетать и отдаться на волю прикосновений, обжегших жаром, как было ранее, едва Мэлу стоило дотронуться до меня. Очевидно, и сейчас он рассчитывал на нечто подобное. Козел! Неужели Мелёшин думает, что для меня не имеет значения, связан он кем-то обязательствами или нет? То есть он считает, что мне нужно радоваться оказанному вниманию и почитать за счастье его домогательства? Не на ту попал. Я не растеряю остатки самоуважения! — захлестнуло меня волной гнева.

Прихлопнув как таракана крадущуюся по чулку руку, я ущипнула ее, вложив в щипок все имеющиеся силы. Вот тебе, бесстыжий столичный принц, играющий на наивности добропорядочных девушек! — выкрутила прихваченную кожу на тыльной стороне ладони Мэла, закусив губу от усердия.

Страдалец не ожидал воинственной выходки и, сдавленно ойкнув, попытался выдрать конечность, захваченную инквизиторским щипком. Впустую старался. Я победоносно взглянула на Мелёшина. Что, съел? Бесполезно тягаться с разъяренной женщиной, когда затронута ее честь, ее совесть, когда обмануты ее чувства.

Видимо, болевой шок ввел Мэла в неконтролируемое состояние, потому что он сделал ответный ход, свободной рукой судорожно заправив локон за мое ухо, и, потянувшись, прикусил мочку.

Я вздрогнула.

Нет, не так. Меня прострелило — от пяток и до макушки. Острый импульс прошелся по нервам со скоростью взрывной волны, а Мэл прикусывал и посасывал, перейдя с уха на шею, и снова вернулся к мочке. Почему-то касания его языка не казались мне влажными и неприятными, как прикосновения Петиных губ, когда тот целовал меня в щеку.

Я не сразу заметила, что моя рука расслабилась и, позабыв о мщении, начала поглаживать ладонь Мэла, судорожно вцепляясь в ткань платья. А паразит решил, что красный свет сменился зеленым, и его конечность двинулась дальше, невзирая на недавнее поражение в виде будущего синяка на полруки.

Какая самонадеянность с его стороны! Нет, битва еще не проигра... не проиг... не про...

Мэл снова обхватил меня, и вовремя, потому что еще мгновение — и я бы упала с его колен. Ладонь взбиралась выше, поглаживая, его рот творил нечто невероятное, обласкивая вниманием небольшой участок кожи, но и этого мне хватило с лихвой.

По-моему, я помогала продвигаться руке Мэла, изучающей чулок на гладкость. Когда его пальцы добрались до резинки, он на миг замер, прервав нахальное наступление, но тут же, не дав мне протрезветь от ощущений, двинулся вверх по бедру, только еще крепче прижал к себе, и еще настойчивее стали его губы.

Только бы не застонать в голос, — мелькнуло где-то на периферии сознания, когда я откинулась назад, запрокинув голову, — пьяная, хмельная, но не от шампанского, а от близости Мэла, его напористости, от настойчивых ласк.

Я сильная. Немножко потерплю отвратительное поведение Мелёшина и покажу, как и где зимуют... О чем это я? Кто недавно заявлял, что поднятой бровью заставит Мэла плясать под свою дудку? Это я утверждала, гордая и независимая. Так и есть. Еще чуть-чуть

помучаюсь, а потом с негодованием нахлещу по мартовской котячьей физиономии.

Край зрения выхватил Макеса, с ухмылкой наблюдавшего за мной и Мэлом, в то время как его длинноногая подружка, зеркально скопировав Мелёшина, трудилась языком в районе уха пестроволосого.

О, ужас! Ушибленное сознание мгновенно вывалилось из блаженствующей неги. Я лихорадочно оттолкнула от себя Мэла, выдернула его руку, успевшую добраться до нижней составляющей кружевного комплекта, и натянула на колени платье, вызвав всполох стайки бабочек.

Мелёшин откинулся на спинку сиденья, зашипев через зубы от разочарования.

— Эвочка, тебя не укачало? — как нельзя вовремя повернулся Петя. Глаза у него блестящие, речь была нечеткой. — Долго еще ехать? — спросил он у парня напротив, тоже принявшего на грудь приличную порцию алкоголя.

— Около десяти минут, — ответил вместо него Макес.

— Спокойно, Эвочка, — авторитетно заверил чемпион, покачиваясь. — Скоря будим!

Я кивнула. Голова еще кружилась, но картинка проявила четкость. Хотела ответить спортсмену, но почувствовала, что внезапно охрипла, не сказав ни слова.

— Петруша! — крикнула одна из девчонок. — Без вас как без рук! У нас вышел спор. Помогайте!

— Сей момент, — кивнул Петя и бросился выступать арбитром между девицами, выясняющими, кто привлекательнее для мужчин — блондинки или брюнетки, в то время как парни хохмили и ржали над примитивными шутками, приканчивая, по-моему, десятую или пятнадцатую бутылку шампанского.

Боковым зрением я заметила, что Мэл подавал какие-то знаки другу, и тот, обернувшись назад, сказал что-то водителю. Маленькие лампочки в потолке машины погасли, осталась лишь одна в центре, бросающая тусклый свет на коврик и катающиеся бутылки. Салон погрузился в интимный полумрак.

— Оооо! — завопила веселая и пьяная компания. — Здорово! Класс!

Ничего хорошего в слабом рассеянном освещении я не увидела. Наш угол совсем потонул в темноте, как и противоположный, поэтому соседи по машине виделись нечетко, а Мэл снова пошел в наступление, пытаясь проложить рукой путь под платье с бабочками.

Меня не сбить с пути истинного! Я зла невероятно. Зла тем, что Мэл специально подстроил всё от начала до конца — совместное пребывание в лимузине, поездку у него на коленях, накачивание Пети спиртным, специально посадил напротив него девицу с вываливающейся из декольте грудью, специально выключил свет в салоне, чтобы оттянуться без помех. Значит, он развлечется, отряхнется, возьмет свою замороженную снегурку под руку и двинется на поиски новых девиц, а с чем останусь я? Так и буду на подхвате? Захотел — приласкал, почесав за ушком; взял, что хотел, и снова вернулся в мир высшего света, чтобы выполнять обязательства? Нет уж, не выйдет.

Сколь настойчиво Мэл стремился повторить предыдущую попытку, столь уверенно я отбивала его потуги — отбрасывала руку, вертела головой, когда он пытался коснуться губами мочки уха и шеи. Может, мое сопротивление выглядело ребяческим, зато оказалось действенным.

Наконец, Мэлу надоело, и он прекратил посягать на мой суверенитет, зато переключил внимание на себя — похоже, тер нос, задумавшись, или чесал макушку. Косясь, было трудно разглядеть в полумраке, что он делал. Может, ковырял в ухе?

— Эва...

Показалось, или кто-то меня звал?

— Эва...

Так и есть. Тихо, на пределе слышимости, ко мне обращался Мелёшин. Ну, что еще задумал? Решил покаяться и признаться в подлых намерениях?

Повернувшись к нему, я замерла. В глазах Мэла горела зелень, обволакивая шелковистым теплом. В изумрудных ободках плескалось и ластилось море — покорное, смиренное, преклоненное.

Наверное, Мэл загипнотизировал меня, иначе как объяснить, что он потерял своим носом о мой, а я не залепила ему пощечину. Мэл еще раз потерял и отправился "в прогулку" по моему лицу — кожа к коже — касаясь губами, щекой, носом, подбородком.

Он был моим. Я чувствовала его частое сбивчивое дыхание, его улыбку, его дрожь, когда он дотронулся ртом моих губ и "поехал" дальше, к переносице, к вискам и опять вернулся к губам.

Растерялись, застряли в горле возмущенные вопли. Ослабли, повисли плетьюми руки. Распалась, рассыпалась на кусочки воля.

Меня трясло. Нет, меня колотило от предвкушения. Сейчас. Еще мгновение — и он поцелует. Сначала коснется легко и невесомо, потом еще раз и еще, а затем отбросит манеры и сожмет, сдавит, взяв своё по праву. А я отдам — без сопротивления, добровольно; прося, умоляя о большем в машине, где полно любопытных глаз, в шаге от моего парня Пети.

Ну, поцелуй же! — начала искать его губы своим ртом. Хочу!

Оказывается, вот почему кололо сердце. Все эти дни оно невыразимо скучало по нему. По моему Мэлу.

Лимузин тихо дернулся.

— Приехали! — заорали парни. — Выгружаемся по одному!

Противоположная дверца открылась, запуская внутрь салона свежий воздух, охладивший пламенные щеки. Веселая компания соседей начала выползать наружу.

Приехали? Разве мы куда-то собирались?

— Черт! — ударил по дверце Мэл, спихнул меня с колен и вылетел из автомобиля. Следом за ним выбрались Макес и его длинноногая подружка.

Что это было? Где я? Куда направлялась и с кем?

— Эвочка, — промямлил над ухом чей-то заплетающийся голос. Петя?! Он-то откуда взялся? — Эвочка, ты в порядке? Не сотряслась?

Не сотряслась. В порядке. А для тех, кто запомнил, напомню: я согласилась поглядеть на лучшие танцинги столицы, и только что Мелёшин самым натуральным образом бросил меня, сбежав. Трусливый кобель!

— Выходим, Эвочка, — засюсюкал противно чемпион. — Потихоньку. Не сломай ножку. Погоди, я первый! — воскликнул он пьяно и вывалился из салона. — Держись за меня.

Это не мне нужно держаться за него, это ему нужно хвататься за меня, чтобы не упасть лицом на обесснеженный асфальт. Фу, до чего противно и стыдно знать, что твой парень оказался слабее тебя.

На удивление, Петина рука оказалась тверда, когда я оперлась на нее, чтобы выйти из машины. Застегнув шубку и закинув сумочку на плечо, оглядела салон и прихватила перчатки, свалившиеся под сиденье во время поездки.

Неподалеку, возле второго лимузина стоял Мэл, а рядом с ним — Снегурочка, сияющая снежной непотрепанной красотой невесты, готовящейся подарить себя суженому. Свинья! — послала полный ненависти взгляд в сторону парочки, вернее, в сторону Мелёшина, и он отвел взгляд. Не-на-ви-жу.

Есть только один способ избавиться от предательской зависимости, разрушающей меня как личность. Как можно быстрее убедить себя, что на свете полно симпатичных парней, с которыми можно провести вечер, а, может быть, и ночь.

traheri, трахери (пер. с новолат.) — притяжение

6. Извержение в "Вулкано"

Клуб не зря носил соответствующее название. Из макушки конусообразного здания бил вверх оранжевый столб света, символизирувавший раскаленное жерло, а красно-желтые бока стилизованного вулкана горели ярче огня, создавая на фоне ночного неба впечатляющую фантасмагорию красок.

Под сияющей вывеской оскалился пастью из сталактитов и сталагмитов вход в пещеру, возле которого собралась длинная очередь. Когда несколько счастливиц входили внутрь, пещерные челюсти смыкались, перемалывая и прожевывая попавшихся жертв, а затем черный зев снова приглашающе распахивался.

На запруженной автомобилями улице царило оживление, несмотря на то, что время перевалило за полночь, о чем сообщил Петя перед тем, как выключить телефон. Полезность спонтанного пьянства в компании золотой молодежи состояла для чемпиона в том, что он узнал много нового о закрытом элитарном клубе. Оказывается, в "Вулкано" не допускали репортеров, а также строго-настрого запрещали пользоваться техническими средствами, в том числе телефонами. Захотел позвонить — выходи на улицу, а в здании — ни-ни. Уж не знаю, каким образом работникам увеселительного заведения удавалось отслеживать нарушителей правил, но, судя по тщательному и долгому осмотру при входе, журналюг, пытавшихся пробраться внутрь, хватали горяченькими прямо у дверей и отпинывали как можно дальше.

В клубе также действовал запрет на пользование волнами, сообщил просвещенный Петя, во избежание конфликтов между посетителями и, как следствие, увечий. Я немало порадовалась этому известию. Получается, мне можно без опаски посещать места с большим скоплением народа. Но, как говорится, правила существуют для того, чтобы их нарушали, так что оставалось надеяться на бдительность обслуживающего персонала.

Молодежь, приехавшая из Дома правительства, высыпала из лимузинов и толклась отдельной шумной группой. Мелёшин стоял в некотором отдалении, как и его невестушка, и кого-то высматривал, вертя головой по сторонам.

Пусть хоть совсем свернет шею — только порадуюсь. А в общежитие принципиально не вернусь. Какими могут быть принципы у распутной студентки, совращающей чужих женихов? Правильно, гибкими, мобильными и легко перенастраиваемыми. Пять минут назад хотела вызвать такси — а сейчас не хочу. Мгновение назад хотела зарядить хук в челюсть Мелёшина на глазах у его спутницы и прочих свидетелей — а сейчас не хочу. Во-первых, у меня силенок не хватит и жалко руку, а во-вторых, я выбираю другое, более интересное занятие — развлечение в супермодном столичном клубе.

Хотя около "Вулкано" имелся теплый пояс, достаточный для растаивания снега, всё же на улице было прохладно. Как ни странно, на свежем воздухе Петя стремительно протрезвел

и теперь переминался рядом со мной на твердых ногах. Он подставил локоть и сам зафиксировал мою ладонь на сгибе, погладив её.

— Эвочка, все хорошо? — спросил с несчастным видом. — Похоже, я перебрал.

С моих губ слетел вздох облегчения. Хорошо, что у чемпиона хороший обмен веществ, и алкоголь, гуляющий в его организме, быстро выветрился, не то у Снегурки появился бы новый повод для высокомерных взглядов на пьяное посмешище, с коим меня угораздило появиться в клубе.

— Не страшно, — заверила тоном заботливой мамочки. — Все мы — люди, и ничто человеческое нам не чуждо.

— Я некрасиво себя вел, да? — выпытывал Петя и, разнервничавшись, взъерошил волосы.

— Нормально ты себя вел, — успокоила его. — Другие выглядели хуже.

Чемпион занялся самобичеванием:

— Эва, прости за невнимание к тебе! Сам не понял, что на меня нашло. Я же спиртное вообще не пью, а тут будто стукнуло по голове: хочу попробовать чуть-чуть один разочек.

Давай уж, Петя, договаривай, чем тебя приложило по пути в клуб и притянуло за уши, словно магнитом.

Мой кавалер старательно отводил глаза от роковой соблазнительницы из лимузина, а я старательно игнорировала будущую чету Мелёшиных. Надо же — так легко поддаться слабости! — закусила досадливо губу, промотав в памяти горячее тисканье в машине. Никакие установки и медитации не помогают, как ни программируй себя. И ничто не спасет от Мелёшина, вздумай он повторить попытку. Ну, расцарапаю ему лицо в кровь, ну, буду кидать в него всем, что под руку попадет, пока эта самая рука не устанет швыряться. Ну, обзову всякими ругательными словами, — от перемены мест слагаемых сумма не изменится. Зависимость неизлечима.

— Ты раньше бывал в "Вулкано"? — спросила у Пети, чтобы отвлечься.

— Не приходилось, — признался чемпион. — Говорят, здесь двадцать танцингов и музыка на любой вкус.

— А если я люблю колыбельные? — сострила, хихикнув.

— И колыбельные, и похоронные, и бальные, и рок, и классика, — уточнил Петя, повеселев.

— А нам куда? На прослушивание симфоний? — полез из меня юморок.

— Улыбаемся и топаем вперед резвым аллюром, — крикнул Макес, и группа великосветских деток, в том числе и мы с Петей, свернули в проулок между клубом и соседним зданием.

Нас запустили через неприметную дверь в обход официального пещерного входа. Лысый накаченный бугай в кожаной жилетке считал каждого входящего, а рядом с ним стоял кучерявый парень, который организовал нашу доставку от Дома правительства до клуба.

Мы с Петей прошли внутрь в числе первых, а Мелёшин и его дама потерялись где-то позади.

Единственным источником освещения в темном коридоре были круглые отверстия в стенах, похожие на дырки в сыре, через которые проникал свет: с одной стороны — красный, с другой — зеленый. В левое ухо залетала монотонная песня, а в правое — зажигательная композиция, волнующая кровь, и обе мелодии гасли на нейтральной

территории коридора, не смешиваясь. За каждой из стен кипела развлекательная жизнь.

Коридор вывел к странной пирамиде, оказавшейся лестницей из наслоенных перламутровых лепешек-ступенек под сводом, покрытым блестками. Дизайнер, придумывая причудливый интерьер, ушел от четких границ потолка и стен, заменив углы изгибами, наплывами и закругленными переходами. Вкрапления толстых багровых полос и брызги радужного перламутра создавали впечатление ирреальности пространства. Блестел и зал, похожий на огромный распустившийся цветок с бледно-розовой перламутровой сердцевиной, окруженной лепестками насыщенных красных оттенков. Глядя на столики, оформленные в виде раскрытых раковин, и коралловые лодочки сидений, я затаила дыхание от восторга, словно ребенок, впервые попавший в зоопарк. Музыка стучала басами, будоража, и сердце торопливо подстроилось под ритм.

Публика, кружившая среди перламутровых завитков, смотрелась крикливо и попугаисто. У парня, выделявавшего акробатические па в центре зала, была выбрита голова за исключением петушиного гребня в цвет яичного желтка. Мимо нас прошли две девицы, раскрашенные как настоящие ведьмы — с черными губами, жирно обведенными черными глазами, черными волосами и в черных одеждах. У столика-раковины сидели два парня в майках без рукавов, позволяя зевакам рассматривать спины и плечи с объемными татуировками. Желаящих размять кости на танцполе нашлось немного, в основном, народ осел за столиками.

Однако золотая молодежь не стала задерживаться в "морском" зале, а Петя благоразумно решил не отделяться от коллектива. Мало ли что может случиться в незнакомом месте, уж лучше держаться за новых знакомых.

Поднявшись по похожим перламутровым ступеням, мы очутились в следующем зале, являвшимся визитной карточкой клуба.

Большое помещение зонировалось с помощью освещения, высветившего сидячие места "жирафными" малиновыми пятнами на сиреновом фоне. В танцевальной же зоне мигали вспышки, шарили лазерные лучи и крутились разноцветные прожектора. Музыка заводила, поднимая настроение: ноги машинально притопывали, голова закивала в такт, а рот тихонько подпевал.

Нас провели в пустовавшую нишу недалеко от танцпола, где парни принялись сдвигать столики с причудливо вырезанными столешницами. И опять я заметила, что в интерьере напрочь отсутствовали углы, уступившие пальму первенства многократно повторяющимся плавным переходам, скруглениям, мягким линиям.

До сидячей зоны музыка долетала, будучи гораздо тише, но все равно приходилось говорить громко, чтобы Петя услышал меня. Видимо, при зонировании зала использовалось подавление звуковых волн, чтобы посетители, отдыхающие после бешеной пляски, не оглохли, но при этом устроители не стали полностью обеззвучивать пространство, чтобы держать публику в тонусе.

Нам с Петей выпало сидеть спиной к танцполу, поэтому мне приходилось оборачиваться, чтобы поглядеть на результат оригинальной фантазии в центре помещения — красный круг с огненными прожилками, посередине которого располагалась уменьшенная копия огнедышащей горы. Когда заканчивалась очередная песня или музыкальная композиция, из кратера вулкана вылетали либо искры, либо конфетти, либо мыльные пузыри, либо выстреливал залп ароматизированного дыма, или миниатюрное жерло палило вводящими в недоумение предметами — к примеру, белыми мужскими

шляпами или зелеными раскрытыми зонтиками, которые быстро таяли, сообщая о своей иллюзорности.

Определенно, зал пользовался сумасшедшей популярностью, потому что на танцполе наблюдались теснота и давка, однако плотность любителей подрыгать конечностями зависела от музыки. Под заводные композиции посетители слетались к кругу дружными мотыльками, а во время медлительных мелодий со смешанным ритмом танцинг редел.

Компания из Дома правительства расселась за объединенным столом, и некоторые сразу отправились в центр зала, чтобы размять мышцы. Сидящим у стены достался удобный длинный диван, а тем, кому выпало сидеть напротив, в частности, мне и Пете, предложили кресла в виде полусфер, оказавшиеся неожиданно удобными. Шубку я повесила на спинку кресла, как и сумочку.

Макес обнимался со своей временной подружкой с правого края стола, Дэн и его спутница попались мельком на глаза, когда отправились танцевать. Определенно, Мелёшинского бритоголового друга тянула за руку не та полненькая невысокая девушка, с которой он прохаживался на приеме. Нынешняя дама была роскошной блондинкой в облипенистых брючках. И этот такой же и туда же! — за неимением Дэна, канувшего в беснующейся толпе, я послала полную ненависти мысль в Мэла, как оказалось, усевшегося со своей Снегуркой практически напротив нас с чемпионом.

Послала ядовитую стрелу и отвернулась. У меня теперь эмбарго на всё, что связано с Мэлом. Государство по имени Папена объявило холодную непримиримую войну государству по имени Мелёшин.

— Кто хочет, тот заказывает! — крикнул кучерявый, обнимая свою спутницу. — Заказы не входят в кассу!

К нашему растянутому столу подбежали официанты.

— Пожалуй, ничего не буду, — сказал чемпион. — Мне хватило в машине. А тебе, Эва, необходимо что-нибудь калорийное, иначе опять будет упадок сил.

Я неопределенно пожала плечами. Если цены в клубе такие же, как в "Инновации", у меня наверняка упадут силы, потому что Пете не хватит денег, чтобы расплатиться.

Цены действительно зашкаливали, поэтому мне расхотелось читать об экзотических компонентах и сравнивать, в каких порциях больше миллилитров. Пролистав меню, я отложила его в сторону, однако мой кавалер открыл наугад и ткнул в какой-то коктейль стоимостью сто пятьдесят висоров.

— Петя! — схватила его за руку. — Это же дорого!

— Это нормально, — успокоил он солидно. — Не волнуйся, деньги есть.

Заказ выполнили моментально, поставив передо мной бокал с кремовым содержимым. Коктейль выглядел уважительно: не много и не мало, со сливками, растертыми фруктами и шоколадными шариками. К стакану прилагалась соломинка и фирменная клубная ложечка с оранжевым язычком пламени на конце длинной ручки. Вкусно, и можно жить.

Чтобы пресечь мало-мальское проявление слабости в виде подглядывания за Мелёшиным и его дамой, я упорно отводила глаза в сторону, рассматривая интерьер помещения и посетителей. Закинула ногу на ногу и, покачивая носком сапожка, тянула через соломинку высококалорийный напиток.

По кругу зала через равные промежутки стояли высокие пятнистые светильники с прозрачными пупыршками, похожие на щупальца осьминога. Они матово светились с чередованием разных цветов, и иногда внутри них происходило какое-то движение.

Объем коктейля понемногу уменьшался, и я, крутя головой по сторонам, ловила на себе мужские взгляды. На меня откровенно пялились и подмигивали с многозначительными улыбочками. Неподалеку за столиком незнакомый парень толкнул соседа в бок, и тот, развернувшись, пристально глядел на меня.

Интерес противоположного пола смущал. В первый момент я решила, что у меня вдруг размазалась тушь, или прическа превратилась в воронье пугало с первым боем полуночных курантов, но когда один из парней отсалютовал бокалом и развалился в кресле, явно вознамерившись наблюдать за мной, у меня загорелись щеки.

На приеме солидные дяденьки — чиновники, ученые, директора концернов и председатели компаний — целуя ручку, тоже смотрели на меня странно, блестя масляными глазами и одаривая учтивыми комплиментами. Мне льстило внимание зрелых состоявшихся мужчин, но в целом я чувствовала себя неловко. Многие из гостей годились в отцы, если не в дедушки, поэтому мысль о том, что у дяденек, кроме делового или вежливого интереса, наличествовали иные корысти, казалась крамольной. Да и как можно сравнивать, к примеру, мужчину с сединой в бороде, приличным брюшком и хвостом в виде ревнивой супруги и парня в черной рубашке, не сводящего с меня глаз? У незнакомца, занимавшего столик у стены, имелось немало неоспоримых преимуществ перед представительным чинушей в годах: он был молод, симпатичен и... симпатичен и молод. И еще свободен, по крайней мере, сегодня ночью. Еще нахален, коли посмел нагло глазеть на меня и посылать призывные улыбки, несмотря на присутствие Пети. В конце, концов, разве выявленных достоинств недостаточно, чтобы мое сердце забилося учащенно?

Повышенное внимание будоражило и приятно волновало. Разве найдется на белом свете хоть одна девушка, которую разгневает бесцеремонное мужское любопытство? Наоборот, в девушке неожиданно просыпаются доселе дремавшие врожденные инстинкты — кокетство, флирт, заигрывание.

Как бы поступила на моем месте благовоспитанная девица? Наверное, уткнулась носом в коктейль и не поднимала глаз от стола. В отличие от целомудренных девиц, у меня наличествовали гибкие принципы и задача минимум — получить удовольствие от незапланированной поездки в клуб. Зря, что ли, Петя заплатил за дорогущий коктейль? Поэтому, обернувшись в очередной раз вправо и заметив направленный на меня взор черноволосого парня, сидевшего в компании друзей, я мило улыбнулась. Надеюсь, вышло ослепительно, потому что парень отставил свой бокал в сторону и уставился на меня с надеждой, словно не рассчитывал, что на него обратят внимание.

Мне не жалко осчастливить улыбками весь зал, но всё-таки рядом сидел Петя, по отношению к которому мое чрезмерное добросердечие выглядело предательством, поэтому я решила поддержать чемпиона — трезвого, скучающего и оттого грустного. Еще бы ему не скучать среди элитных деток, постепенно подбирающихся к невменяемой алкогольной кондиции. И девица с пышными формами куда-то исчезла, наверное, отправилась на поиски более стоворчливого рыцаря.

Очень неудобно, что Мелёшин сидел напротив и не собирался уходить ни на танцпол, ни поудрить носик. Как ни отводи от парня взор, равнодушно посвистывая, а всё равно Мэл периодически попадал в объектив зрения. Сейчас он смотрел в ту же сторону, что и я минуту назад, а именно на темноволосого незнакомца, которому адресовалась моя сногсшибательная улыбка, а потом перевел взгляд на меня, одарив зеленой вспышкой в глазах. Знаем овших лампочках; не раз проходили, поэтому не боимся. Наоборот, делаемся

еще злее, а для сжимающихся кулаков подарим по эспандеру — пусть Мелёшин наращивает с пользой мышцы на радость поклонникам.

Поэтому, сделав вид, что стол опустел не только рядом со мной, но и напротив, я предложила чемпиону:

— Петь, может, пойдём, потанцуем? Смотри, наши уже давно там.

Под "нашими" подразумевалась компания молодежи, с которой мы приехали из Дома правительства.

— Не умею танцевать, — повинился мой кавалер. — Как медведь в посудной лавке. Но если поставят медляк, то попробуем. Береги ноги, потому что могу оттоптать.

Рассмеявшись, я поймала хмурый взгляд Мелёшина. Мэл и его невестушка сидели на расстоянии друг от друга. Она — с прямой осанкой, словно к её спине привязали гладильную доску — увлеченно вертела соломинкой, перемешивая содержимое бокала, а перед Мэлом стояли две пустые стопки. Ну, и что мне в твоей печали? — хмыкнула я и махом допила коктейль, да еще выскребла ложкой остатки.

Петя заерзал. Собственно говоря, он давно чувствовал себя неуютно в кресле, но я списала возню парня на затекшие мышцы. Ведь чемпионам нужно постоянно держать себя в тонусе, а не сибаритствовать расслабленно.

— Эвочка, — склонился ко мне Петя с озабоченным видом. — Можно мне отлучиться ненадолго? Понимаешь... Как бы это сказать...

— Понимаю, — погладила его по рукаву. — Иди, я никуда не денусь. Дождусь, и мы пойдём танцевать.

— Правда? — обрадовался спортсмен и шустро вскочил. — Я быстро, ты и не заметишь.

Не дождавшись ответа, он исчез в толпе. Оно и понятно. Когда приспичит, не до любезностей и расшаркиваний. Вообще удивительно, почему улучшенный обмен веществ в организме Пети затронул мочевого пузыря с большим опозданием.

Отвернувшись от неприятного соседства в лице Мелёшина и его дамы, я разглядывала танцующих в красном круге, постукивая в такт носком сапога. Неожиданно кресло чемпиона отодвинулось. Неужели он, как и обещал, обернулся стремительно, не дав мне и глазом моргнуть?

На Петино место уселся незнакомый парень, а по другую сторону от меня в пустое кресло приземлился второй незнакомец. Что им нужно? — лихорадочно завертелось в голове. Улыбалась ли я кому-нибудь из них или нет? Не помню, хоть убей. В неверном искусственном свете все парни кажутся одинаково симпатичными.

— Почему прелестная девушка скучает в одиночестве? — спросил тот парень, что сел по левую сторону от меня.

— Я не в одиночестве! Это временно, — ответила и замолчала, сконфузившись от глупости сказанного

Незванные гости вели себя миролюбиво и, похоже.... они решили познакомиться! Ой, мамочки, кажется, меня клеят! — разволновалась я и громко сглотнула.

— Временное когда-нибудь становится постоянным и нагоняет тоску. Не прощу себе ваше плохое настроение, — развил тему парень, улыбаясь. — Рэм. А ваше имя, прелестная незнакомка?

Я бросила растерянный взгляд на Мелёшина и поразились крайней неприязни, с которой тот смотрел на пришлого гостя. Так тебе и надо, столичный принц! — показала мысленно язык и лучезарно улыбнулась Рэму:

— Очень приятно. Эва.

— Эва, — распробовал парень мое имя и добавил многозначительно: — Вкусное и соблазнительное.

— Спасибо, — потупилась я, засмущавшись.

— Моего друга зовут Йорком, — кивнул новый знакомый за мою спину.

— Очень приятно, — ошастливила второго парня приветливой улыбкой. Тот учтиво кивнул и придвинулся ближе, забросив руку на спинку моего кресла.

— Чутье кричит мне, что вы впервые в клубе, — сказал Рэм. — Такую красоту нельзя не заметить.

Бац! — стукнул Мэл по столу опустевшей стопкой. Третьей по счету.

— Я угадал? — допытывался Рэм.

— Угадали, — стрельнула в него глазками.

— Не всё потеряно! — воскликнул парень. — С удовольствием устрою для вас экскурсию по клубу. Здесь немало интересных мест, в том числе и уединенных, — добавил он многозначительно.

Бац! — сжатый кулак Мэла ударил по раскрытой ладони. Начинается!

Рэм или не обратил внимания на агрессивный настрой, исходящий с противоположной стороны стола, или сделал вид, что не заметил. Я же ни на миг не усомнилась в том, что парень сумеет постоять за себя, если Мелёшин вздумает заняться рукоприкладством. От Рэма на километр фонило уверенностью и бесшабашностью.

— Значит, вы — завсегдатай клуба? — поинтересовалась у него.

— Бываю иногда, — ответил он туманно.

И Рэм, и Йорк — кстати, необычные имена, не то что какой-то Егор, достойный презрительного фырка — оказались очень и очень симпатичными ребятами: темноволосыми и темноглазыми, в приталенных рубашках навыпуск, застегнутых на средние пуговицы, отчего парни выглядели такими обаятельными мальчишами-плохишами. Подобный типаж обычно привлекает рой девчонок, слетающихся, словно мухи на мед. Парадокс!

Рэм общался, Йорк помалкивал, но я чувствовала его оценивающий взгляд, от которого наэлектризовывались волоски на коже. Родинка над верхней губой добавляла парню смазливой привлекательности, хотя какой бы киношно-романтической не была внешность Йорка, мне вдруг пришло в голову, что он запросто пересчитает зубы любому, посмевшему назвать его бабой.

Неужели найдется девчонка, которая не запищит от восторга, оказавшись в компании двух симпатичных парней? Неужели можно осуждать эту девчонку, тем более, если раньше противоположный пол не обращал на неё внимания?

— Позвольте угостить вас, Эвочка, — Рэм щелкнул пальцами, подзывая официанта. Рядом со мной появился высокий стакан с пятислойным содержимым, а перед парнями поставили бокалы с чем-то коричневым и бурлящим, словно в них шла непрекращающаяся химическая реакция.

— Это "бумбокс" — пояснил Рэм, улыбаясь, и придвинул полосатый бокал. — Слабоалкогольный коктейль для хорошеньких девушек. Нужно пить его правильно, слой за слоем. Сначала осторожно вытянуть соломинкой нижний слой с малиной, — сказал парень, посмотрев на мои губы. — Затем расправиться последовательно с мятным, ванильным, банановым слоями, и обязательно прикончить верхний, гранатовый слой, после чего сразу же поделиться послевкусием с соседом. Обычно способом передачи является поцелуй.

Его слова вогнули меня в краску. Сразу отказаться от угощения или пойти дальше, пофлиртовав немножко? Наверняка парень решил устроить розыгрыш. Не думает же он, что я буду целоваться с ним из-за какого-то коктейля? — посмотрела с сомнением на Рэма.

Взглянув на пасмурного Мелёшина, потирающего кулак, и заметив брезгливое отвращение на лице Снегурки, я решила:

— Хорошо, попробую "бумбокс", но давайте пить вместе: вы, я и Йорк.

— Необычно, — вздернул бровь Рэм. — Тогда и делиться впечатлениями будем втроем.

Я рассмеялась, стараясь не отвлекаться на угрюмого Мэла по другую сторону стола. Встречусь с ним глазами — и пиши пропало развлечение.

Питие коктейля вышло таким: Рэм "затягивался" соломинкой, потом я делала глоток своей трубочкой, а затем — Йорк.

С каждым новым слоем мне делалось все веселее и смешнее, и вскоре я заливалась над анекдотами, которые Рэм рассказывал весьма умело, обыгрывая в лицах. Или мне казалось, что шутки остроумны, а на самом деле мое поведение не отличалось от манер подвыпивших девчонок в лимузине?

Чем раскрепощеннее становилась я, тем больше мрачнел Мэл, наливаясь враждебностью как поспевающее яблочко на ветке. Его невестушка попыталась поддеть меня парочкой фирменных высокомерных взглядов, но ни один из них не попал в цель. Наоборот, я послала ей ответный взор, вложив в него всю нашедшуюся на тот момент жалость.

Бедняжка. Немудрено, что женишок использует любую возможность, чтобы сбежать от Снегурки. Ее обледенелое лицо заморозит кого угодно на расстоянии. А кто виноват? Так что снежной принцессе остается зевать в одиночестве, в то время как меня согревают пылкие взгляды двух симпатичных парней.

— Рэмул, Йорик, — раздался голос Макеса, прервавший веселье. Пестроволосый подсел к нашей дружной компании, но не стал протягивать парням руку для пожатия.

— А-а, Мак, — протянул Рэм. — А я хотел отдохнуть от тебя сегодня. Разочарован.

— Значит, кадрим наших девочек? — не стал развивать тему Макес. — Своих не хватает? Бери любую, в зале полно симпатичных тел... девушек, — исправился, взглянув на меня.

Что значит, "бери"? — возмутилась я. Можно подумать, девушки — как ведро с краской: взял и пошел, попользовался и выкинул. Что за неприкрытый цинизм у элитных мальчиков?

— Симпатичных много, а красивых — единицы, — сказал Рэм и поцеловал мою лапку.

Я смешалась, и негодование тут же улетучилось. К черту серьезность, и плевать на ребяческое поведение Мэла! Он мне никто, и звать его никак. Что хочу, то и творю, и Мелёшин мне не указ. Уже измучил своей флористической зеленью. А мне хочется повеселиться, и я осуществлю задуманное.

— Эвочка, разве этот молодой человек имеет право называть вас своей девушкой? — спросил Рэм, поглядывая насмешливо на Макеса, и я покачала отрицательно головой.

Пестроволосый нахмурился. Ему почему-то не нравилось мое общение с новыми знакомыми. Нашелся блюстититель нравственности. Пусть лучше изучает под лупой себя и своего дружка, — зыркнула на Мелёшина и напугалась. От него исходили волны ненависти.

— Может, кто-нибудь другой за этим столом имеет право называть вас своей девушкой? — спрашивал Рэм, намекая Мелёшину прямым текстом, и, по-моему,

посмеивался.

— А ты, смотрю, не вылезает из клуба, — оборвал его Макес. — Не жалко бабла?

— Так ведь не твоё же трачу, — ответил беззаботно Рэм. — Почему бы не развлечься, если заработал? Кручусь, как могу. Мой папаня не так богат, чтобы позволять швырять кредитками налево и направо.

Пестроволосый хмыкнул:

— Мне бы твои заработки, чтобы за ночь спускать по десять штукарей.

— Во-первых, поменьше, а во-вторых, не завидуй. Эвочка, кого вы предпочтёте: человека, который учится в военной академии и одновременно зарабатывает на жизнь, не спит ночами, вагоны разгружает, — при этих словах Макес скептически ухмыльнулся, — или мальчика, сидящего на родительской шее и тыкающего высоким происхождением и кучей родительского бабла? — закончил Рэм свой выпад, который опять был направлен в Мэла.

Костяшки на кулаках Мелёшина стали белее бумаги, а в глазах расширились и застыли зеленые ободки.

— Вы удивитесь, Эвочка, когда узнаете, что меня, Мака и... некоторых других за этим столом связывает крепкая школьная дружба, — поведал Рэм с иронией. — В детстве мы любили покуражиться. Хотите посмотреть мой фокус?

Я кивнула, и радужки Рэма вдруг поплыли, превратившись в слабо пульсирующие голубые звездочки.

— О! — выдавила восторженно. — Это линзы?

— Разве похоже? — спросил небрежно Рэм с обидой в голосе.

— Простите! Я и не думала, что у вас... что вы можете такое!

— Прощу, если согласитесь на танец.

— Соглашусь, — пожалала кокетливо плечами.

— Тогда допиваем "бумбокс" — и на танцинг, — бодро потер руки разговорчивый Рэм. Его друг, наоборот, не проронил ни слова, поэтому я толком не поняла, что он из себя представлял.

— А-а... обмениваться послевкусием обязательно?

— Не обязательно, — улыбнулся Рэм. — Но приветствуется.

Из пикировки парней неожиданно выяснилось, что Мэл, Макес и Рэм учились в одной школе, но последнего не взяли в "золотую" команду как не отвечающего критериям элитности. Рэм тут же поднялся в моих глазах, окутавшись ореолом романтичности. Воображение нарисовало затюканного мальчишку, убегающего от своры улюлюкающих богатеньких деток. Прошло время, и неуклюжий мальчуган вырос, превратившись из гадкого утенка в красивого и трудолюбивого лебедя всем бедам назло. Ой, какая красивая фантазия, и её объект тоже хорош.

В три соломинки мы допили оставшиеся два слоя "бумбокса", и я поняла, почему Рэм рекомендовал срочно приложиться к кому-нибудь губами. Последний слой оказался кислым и с наибольшим содержанием алкоголя.

— А теперь — танцевать! — встал Рэм и помог мне подняться, предложив локоть, а Йорк пошел рядом.

По пути мы задержались около оранжевого осьминожного светильника, заполненного изнутри светящейся вязкой массой. Внезапно под прозрачными пупырышками промелькнула темная тень, и я, отшатнувшись, попала прямиком в руки Рэма.

Парень на мгновение задержал объятия, а потом расцепил.

— Кто там? — спросила у него, показав на светильник. К моему стыду голос неожиданно охрип.

— Русалки. Живые, — сказал Рэм и, увидев мои расширившиеся глаза, рассмеялся. — Шучу. Это иллюзии. Эва, вы не перестаете меня удивлять. Смотрю на вас и не могу напиться вашей непосредственностью, гляжу — и не могу надышаться вашей красотой.

Я засмузилась от комплимента, а Рэм воспользовался заминкой и снова поцеловал руку.

Музыка — сильнейшее натуральное гипнотическое средство, игнорирующее защиту дефенсоров. Звуковые волны исподволь проникают в мозг и, войдя в резонанс с биением сердца и дыханием, заставляют тело вытворять необъяснимые вещи. Оно начинает жить своей жизнью, подчиняясь приказу: слиться с музыкой, стать единым целым и потечь со звуками в пространстве.

Выплеску адреналина немало поспособствовало эффектное цветовое сопровождение, общество симпатичных парней и танцующая толпа, бурно поддерживавшая композиции свистом и воплями. В общем, кто не был ни разу в "Вулкано", тот меня не поймет.

Видимо, мне на роду была уготована участь рабы танцпола. Мелодия вошла в кровь и, растворившись, потекла по венам. Я и не подозревала, что могу танцевать так, что вскоре около меня образовался широкий круг парней, и каждый пытался заигрывать. Даже Йорк приближался на провокационно близкое расстояние, однако Рэм следил за тем, чтобы дело не заходило дальше легкого флирта.

Я танцевала в окружении парней, — нет, в окружении мужчин, — ловила их восхищенные горящие взгляды, и мне нравилось ощущать себя желанной. Не знаю, может, это грязно и пошло, но я завелась еще сильнее и отдавалась танцу, позабыв о Пете, о скором бегстве из столицы, о Мелёшине с его невестой, об отце, мачехе и премьер-министре. Обо всем забыла.

Велика сила толпы, дрыгающей конечностями в такт музыке, ибо толпа и я в том числе находилась в трансе, сродни наркотическому. Композиции сменяли друг друга, и в перерывах между ними меня осыпало разноцветными звездочками и дождем из золотинок, обволакивало розовым дымом с клубничным запахом и забрасывало лимонной иллюзорной пеной. Наконец, быстрый блок сменился медленной песней, и Рэм, кивнув другу, обнял меня.

— Потанцуем? — спросил, улыбаясь.

— А то! — согласилась я. Адреналин пёр из меня как дым из трубы океанского лайнера. До чего же здорово живут люди, которые могут позволить себе приходить в клуб каждый вечер и сбрасывать груз забот в ритмичных телодвижениях!

В грустной песне певица рассказывала историю о том, что возлюбленный бросил её ради другой, и я, слушая, сравнивала судьбу песенной героини с собой. Ну и что? Меня совсем не задевает новость о скорой женитьбе Мэла. Пусть хоть сто раз женится и разводится — мне всё равно.

Значит, помогла увеселительная терапия! — воодушевилась я и взглянула на партнера, который уверенно вел меня в танце. Он улыбался, и в глазах у него мерцали голубые ершистые звездочки.

— Бабочки на платье непередаваемо прекрасны, как и их владелица, — сказал Рэм, наклонившись к моему уху.

Комплимент вызвал прилив смущения. Пора бы привыкать к лестии и не падать в обморок от шаблонного: "Ах, вы красивы!", но как привыкнуть, если любезности впитывались мной как влага в потрескавшуюся без дождей землю?

— Как вам удастся создавать их? — спросила Рэма, подразумевая под вопросом мозаику — такую же, как в глазах у Мэла.

— Никак. Произвольно, — ответил он. — Они активизируются, когда я смотрю на женщину, которую хочу.

От неожиданности я опешила и застопорилась, наступив Рэму на ногу.

— Простите... ой...

Вместо ответа он поднял мой подбородок и поцеловал — глубоко, захватив полностью губы и прижав к себе.

Рэм целовался классно, с этим не поспоришь. Улётно, — как говорили интернатские девчонки, расписывая в подробностях свидания с парнями. Я же улетала непонятно отчего: то ли от красивой песни, царапающей душу, то ли от недавних скачков на танцполе, то ли от близости симпатичного парня. Даже обняла его за шею, чтобы было удобнее.

Мак сканировал помещение. Тщетно, аура Дэна пропала, вернее, его самого не было в "вулканическом" зале. Уединился где-нибудь с тел... девушкой и наверстывает упущенное, когда нужен как никогда, — подумал с досадой Мак.

Зато аура Мэла пугала — черная как угольный смог, разраставшаяся, уродливая, страшная. Скоро рванет, Мак это видел и без волн.

— Ну, и зажгли вы в тачке, — поделился он с другом, когда они, войдя в клуб, отстали от остальных. — Ты же собирался объяснить ей. И возможность была.

— Сорвался, — взъерошил волосы Мэл. — Хотел — и забыл.

— Я бы тоже забыл, — схохмил Мак и осекся. Таких шуток Мэл не понимал.

— Еще успею, — заверил тот, скорее, себя.

— Не завидую. Тебе придется попотеть, — посочувствовал Мак. Аура девушки была нестабильной, оттого что хозяйка бросалась из крайности в крайность. А всем известно, что любая крайность тянет за собой далеко идущие последствия.

Мэл рассказал, что люди его отца "довели" лимузины до клуба и однозначно будут пасть неподалеку — как минимум двое.

— Короче, ты впух, — констатировал Мак. — По полной программе. Не представляю, как выкрутишься. Поехал бы домой, отоспался и завтра со свежими...

— Нет, — отрезал Мэл. — Только сегодня.

Своим упрямством зарабатывает на хребет проблемы, одну за другой, — посмотрел Мак на друга и отвернулся. Лучше не смотреть. Черная сажа грызла и сжирала саму себя, мутируя и увеличиваясь на глазах.

Долбаный провокатор! — переключил Мак внимание на бывшего одноклассника, танцующего в красном круге. Между Рэмулом и Мэлом с первого дня школьного знакомства возникла конфронтация, переросшая с годами в соперничество. Они выдирали друг у друга первые места на цертамах*, шлифовали покрышки в гонках за призовую кассу, отбивали красивых девчонок, на спор выясняли, кто больше пьет и не пьянеет.

После окончания школы жизнь развела непримиримых противников в разные стороны, чтобы изредка сталкивать лбами. Как, например, сегодня.

Внезапно Рэма отбросило сильным рывком. Некоторое время я не могла сообразить, где нахожусь и как оказалась в зале, набитом людьми, под лучами прожекторов. Прояснившееся зрение явило лежащего парня, которого подмял Мелёшин, усевшийся сверху с *aquticus candi** в руке — ужасающе огромным шаром, вобравшим в себя литров десять или больше воды.

Поскольку из-за популярности песни в круг вышло много народу, в толкотне о ЧП сообразили лишь те, кто оказался поблизости от эпицентра. Основная масса посетителей танцевала в прежнем режиме, не догадываясь о драме, разворачивавшейся неподалеку.

Зеваки потеснились, давая простор для дальнейшего развития событий. Конечно же, никто из зрителей не подумал о том, чтобы оттащить Мелёшина, обезвредив каким-нибудь хваленым висоратским методом. Оно и понятно: влезать — себе дороже.

О боже! Сейчас Мэл засунет в горло лежащего *aquticus candi*, и тот попросту захлебнется, набрав полные легкие воды. Совсем съехал с катушек!

В памяти встали картинки смертоубийственной драки Мелёшина с Тёмой в квартале невидящих, и мне поплохело.

Я бросилась к Мэлу. Его глаза поглотил зеленовато-молочный фосфор. Одной рукой Мелёшин сжимал горло Рэма, а другой — наращивал заклинание, добавив, наверное, литра два или три.

Aquticus candi сложен и нестабилен, в отличие от эфирных заклинаний этой группы. Нужен запас сил, чтобы с помощью волн создать и удерживать в замкнутом объеме атомы и межмолекулярные связи, но Мэл справился с задачей на ура, рассчитывая прикончить школьного товарища. Он же убьет ни в чем не повинного человека! Разве считается преступлением обычный поцелуй?

Судя по невменяемому виду Мелёшина, один-единственный судья вынес вердикт и решил привести приговор в исполнение. Мамочки, до чего же он был страшен в своей непредсказуемости! Вернее, ужасающе предсказуем. И всё из-за меня! Мэл сорвался из-за моего дурацкого флирта с незнакомым парнем. Что я наделала!

— Мэл, — присев перед ним, затрясла за лацкан пиджака. — Мэл, пожалуйста...

— Давай уже, — прохрипел Рэм. — С*ка! Из-за спины... Струсил вызвать на димикату*?

В ответ Мелешин еще сильнее сдавил горло. Видимо, он приковал руки Рэма каким-то заклинанием, потому что парень пытался оторвать пальцы от пола, но безуспешно.

Через толпу протиснулись Макес и Йорк, но не рискнули приближаться, наверное, ожидали от Мелёшина любого подвоха и, прежде всего, по отношению к поверженному.

Где же охрана? — закрутила я головой по сторонам. Где хваленая система датчиков вис-возмущений, молчащая, когда один висорат убивает другого на глазах у стада баранов?

Нет, не надо охрану! — заметалась мыслями. Мэла схватят, арестуют, заведут дело. Поднимется шумиха, начнется расследование, и тогда всплывёт на поверхность причина нападения — одна серая крыска, явившаяся катализатором чудовищного поведения мальчика из приличной висоратской семьи. И понесётся...

Что делать, что делать? — закусила я губу, лихорадочно соображая.

— Мэл, — затеребила парня с удвоенным рвением. — Мэльчик... миленький мой... хороший мой... любименький мой... Егорчик... отпусти, пожалуйста! Отпусти... — погладила его за рукав. — Прошу тебя... Мэл... Я виновата!... - опустила на колени рядом с ним и хлопнула носом из-за накативших невесть откуда слез. Неужели такова концовка

сегодняшнего веселого вечера? Неуравновешенный и опасный Мэл накормит ведром воды парня, всего-навсего поцеловавшего меня.

Зелень в глазах Мелёшина тускнела, пока не погасла совсем. Он отнял руку от шеи Рэма, и тот закашлял — с хрипами, словно туберкулезник, жадно глотая воздух.

Aquaticus candi сорвался с руки и, чуть помедлив, разлетелся брызгами, тут же впитавшимися в пол. Очевидно, подобная мера предусматривалась на случай, когда разгулявшиеся посетители обливались шампанским или чем-нибудь покрепче в градусах.

— С*ка, — Рэм сделал неожиданный выпад кулаком, но Мелёшин успел увернуться, скорее, рефлекторно.

Он выглядел как тяжелобольной. Его трясло и покачивало: из-за начавшейся отдачи или от осознания содеянного? Я же не решалась подойти к Мэлу, потому что боялась. Банально испугалась психа, едва не убившего человека из-за пустяка.

Макес подошел и тронул его за плечо:

— Нужно уходить, и быстро.

Мелёшин кивнул.

— Живи пока, — обронил свысока Рэму и посмотрел на меня.

Сердце сжалось в нехорошем предчувствии. Неужели следующей мишенью мстящего Отелло стану я, и никто не защитит меня, бедняжку? Йорк, Макес, Петя-я-я! Лю-юди-и!

Йорк помогал подняться своему другу, Макес замер выжидаяще, готовый в любую секунду дать стрекача от охраны, Петя сгинул в неизвестность, а люди, потеряв интерес к прерванному зрелищу, вернулись к делам насущным, то есть к танцам.

Мелёшин подошел и взял меня за руку.

— Пошли, — сказал кратко, и от многообещающих ноток в одном-единственном слове я приготовилась осесть на пол. Однако Мэл не разрешил рухнуть кулем, потянув за собой, и мои ноги послушно потопали следом.

Протолкавшись через танцующих и протиснувшись по узкому проходу между барными стойками, мы выбрались в темный коридор с сырными дырками на стенах, на этот раз желтыми и синими. Мэл торопился, и мне пришлось ускоренно перебирать ногами, иначе он оторвал бы руку.

Из "сырного" коридора Мэл вывел меня в обычный, освещенный редкими лампочками. Он спешил, выискивая нужную дверь, и, наконец, найдя, то, что ему было нужно, сорвал засов взмахом руки и сердитым рывком на новолатинице.

Я не боюсь, не боюсь, — твердила про себя, когда Мэл ворвался внутрь, затащив меня, и закрыл плотно дверь.

В темноте появился огонек *luxi candi** и повис под потолком, высветив служебную комнатку с каким-то хозяйственным хламом.

Мой рот на замке, на замке, — повторяла, точно новопридуманное заклинание. Нечаянное слово в любой момент могло разбудить в Мэле зверя — неуправляемого, непредсказуемого, чьи поступки не поддавались логическому объяснению.

Мы стояли друг напротив друга, и нас обоих потряхивало. Ну, Мэл-то, ясно-понятно, сообразил, что чудом не натворил бед из-за одной мелкой крыски, которую теперь решил придумать как источник проблем. Меня же трусило от страха.

— Ты сделала назло мне? — прервал он молчание, глядя исподлобья.

— Что?

— Целовалась с ним! — выплеснул Мэл. Судья вынес обвинение.

— Назло, — призналась не сразу, потому что вдруг поняла: Мэл ревновал — до бешенства и потери самоконтроля.

Из-за меня он поступился принципами висоратской чести, не сдержавшись. Я — его уязвимое место. Ахиллесова пята. Вот так — просто и сложно.

— С ним круче, чем со мной, да? — не успокаивался он.

И почему я смалодушничала, испугавшись, и поддалась порыву? Ведь он же никуда не делся, мой Мэл. Стоял передо мной — злой, взъерошенный, растрепанный, неуравновешенный.

— Отвечай! — рявкнул он, заставив вздрогнуть. Его опять затрясло, и в глазах появились зеленые всполохи.

Ну и пусть кричит, мне уже не страшно. Лишь защекотало под ложечкой, когда Мэл начал распалиться. И вовсе он не псих, а если ненормальный, то по моей вине.

Перед глазами промчались каледоскопом эпизоды прошлого: смеющийся Мэл, растерянный Мэл... Он же — нахмурившийся... Мэл с недоуменно поднятой бровью... Задумчивый Мэл...

Бездонный колодец под ногами раскинул темный зев. Нужно набраться сил и прыгнуть, поверив, что внизу меня обязательно поймают, не дав разбиться.

Я приблизилась к Мэлу и обняла. Провела рукой по щеке, и он не оттолкнул и не увернулся.

— Нет. Круто только с тобой, — ответила, боднув его носом.

— И это всё надела для спортсмена? — Его руки вдруг потянули подол платья вверх, забирая в складки, тревожа бабочек, и принялись поглаживать оголившиеся ноги.

Пружина затягивалась до предела — наша общая, одна на двоих. Отпусти — и она раскрутится, захватывая, всё, что окажется поблизости.

— Это всё — для него? — допытывался хрипло Мэл. Уткнулся носом в шею и мям мои ягодицы, не скрывая возбуждения. Наоборот, еще сильнее прижался и потерся пахом.

— Для тебя... С самого начала... — выдохнула, вцепившись в его плечи. — Больше... никого нет...

Мэл отстранился и провел по моим губам большим пальцем — грубо, истирая остатки танцевального поцелуя. Раза на три или четыре убирал одному ему видимые следы, — хорошо, что помада Вивы въелась намертво.

— Для меня, — заключил срывающимся голосом. — Для меня.

К черту всё. Оказывается, я давно этого хотела, но боялась признаться себе.

Его руки давили и сжимали, губы жгли, клеймя. Неважно, что после торопливых жадных объятий на следующий день проявятся синяки. Я предлагала, и Мэл брал — как своё по праву. И все же он отказывался поцеловать меня, несмотря на все мои попытки.

Разжав объятия, Мэл торопливо вытащил ремень из брюк, и, оглядев стену, повесил пряжку на крюк, сбросив с него какие-то балахоны. Рывком подтянул стул и посмотрел выжидающе, пытаюсь выровнять дыхание.

Сейчас или никогда. Он и я — в захудалой кондейке. Мой незнакомец из видения, предсказанного пророческим оком. И почему меня не удивило?

Я встала коленями на стул, ухватившись за конец ремня, а Мэл подошел сзади.

По телу прошла неконтролируемая дрожь, когда он медленно расстегнул замок на платье, приспустив его с плеч, а затем поднял подол, открывая взгляду кружевное белье с пажами. Предчувствия не обманули Виву.

Мэл прижался ко мне, и я чувствовала его нетерпение, его дрожь. И меня колотило от предвкушения.

Мэл поднял чашечки кружевного комплекта.

— Прогни спину, — велел хрипло. Послышался звук расстегиваемой молнии. — Еще прогни... Сильнее, — потребовал, и когда получил желаемое, простонал глухо, а вместе с ним и я, вцепившись в ремень, словно в спасительную соломинку.

— Эва... — выдохнул он. — Убью каждого... кто посмеет...

Это было непонятно что. Стихия. Жажда. Потребность друг в друге. Животный инстинкт и его утоление.

Спираль раскручивалась, ускоряясь.

Мэл притянул к себе за шею, и теперь его дыхание оказалось совсем рядом.

Он мучил, лаская, на пределе моего терпения. Я хныкала и выгибалась в его руках, а он наказывал и тут же прощал.

Кажется, просила его, требовала, чтобы быстрее. Куда уж быстрее? Мэл словно с цепи сорвался.

Как же мне хотелось отпустить чертов ремень, чтобы почувствовать мягкость губ, солоноватость кожи, жесткость темных волос! Страстно хотелось притянуть Мэла и обнять — до ломоты в сердце. Ради нескольких секунд я сделала бы что угодно. На колени встала бы!

Я уже на коленях. Проклятая *bilitere subsensibila**!

— Мэл... — умоляла, задыхаясь от пронзительных ощущений, — пожалуйста...

Он так и не дал прикоснуться к нему. Шаткий стул раскачивался в такт резким движениям. Если опущу руки, то свалюсь.

Наверное, когда люди испытывают удовольствие, в космосе вспыхивает сверхновая. Обязательно должна вспыхивать.

Тяжелое шумное дыхание опаляло разгоряченную кожу.

Мэл позволил откинуться на него обессиленно и лениво поглаживал меня.

— Отлично... — протянул довольно. Отклонил мою голову влево, и я дернулась от боли, пронзившей шею. — Это за каблучок, — послал на ушко интимный шепот. — А это за синячок, — добавил, склонив мою голову к правому плечу, и оставил аналогичный болезненный укус с другой стороны. Лизнул прикушенную кожу и подул, вызвав сдавленный стон.

— Приводи себя в порядок, — сказал Мэл. — Нам нужно поговорить. Буду ждать тебя в зале. И больше не шали.

Застегнул молнию на брюках, поправил галстук, пиджак, вернул замок на платье в первоначальное положение и вышел, закрыв за собой дверь.

Мэл не догадывался, но ему невероятно повезло, что "особисты" получили указание наблюдать и не вмешиваться. Отдавая приказ, Мелёшин-старший, выстроивший, как он думал, успешную стратегию, перестраховался и наступил на собственные грабли.

*aquticus candi**, акутикус канди (перевод с новолат.) — водный сгусток

*luxi candi**, люкси канди (пер. с новолат.) — световой сгусток

*dimicata**, димиката (перевод. с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

*certama**, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило,

нелегальное

bilitere subsensibila*, билитере субсенсибила (перевод с новолат.) — двухсторонняя сверхчувствительность

7. Параллельно

Выйдя в пустынный коридор, Мэл огляделся и быстрым шагом направился обратно, в "вулканический" зал. Комнатка подвернулась как нельзя кстати, словно специально дожидалась своего часа. Неизвестно, каково было её первоначальное назначение, потому что в крохотном помещении сохранилась полная изоляция от вис-проникновений.

О комнатухе знал ограниченный круг лиц. Как-то, в одно из шумных гульбищ в клубе, Макес скорефанился с Эмилем, сыном владельца "Вулкано", и тот по пьяни рассказал о непримечательной служебке. Предполагалось, что в кондейке можно уединиться с девчонками для "горячего" времяпровождения. Мэл воспользовался предложением единожды, и то неудачно. Девица, которую он подцепил на танцинге, сморщилась, увидев обстановку конурки.

— Милый, неужели не найдется местечка получше? — промурлыкала, повиснув на нем. Получше нашлось в машине на заднем сиденье.

Несмотря на то, что правилами клуба запрещалось использование волн, запреты частенько нарушались. Мэл сам стал тому примером, создав сегодня несколько заклинаний, а у "особистов" тем более могли быть особые полномочия на создание вис-возмущений и наличие оперативной связи.

Он на ходу достал телефон и проверил работоспособность — экран оставался стабильно темным. Глушат, как обычно.

На очередном повороте Мэл еще раз обернулся. Никого. Можно погордиться собой: "особисты" потеряли след.

В зале продолжалась танцевальная вакханалия, словно и не случилось недавно из ряда вон выходящее событие — попытка убийства на глазах у многочисленных свидетелей. Десятки ног успели затоптать место инцидента, и уже не представлялось возможным восстановить картину случившегося, за исключением пересудов и слухов. Мэл сунул бармену банкноту в пятьсот висов и получил телефон со встроенной автономной станцией. Он успел сделать короткий звонок, когда к нему протолкался Мак.

— Лицо прикрывай, здесь рыщут охранники, — посоветовал Мэлу, и тот, облокотившись о барную стойку, сделал ладонь козырьком. — Налетели сворой, но опоздали. Ходят и опрашивают, правда, теперь их поменьше. Часть ушла в другие залы, — рассказывал весело.

— А батины ищейки?

— Один точно здесь, а второго не чувствую.

Значит, заплутал в коридорах, отправившись вслед за Мэлом и его мышкой.

— Что Велюр? Слил охране?

— Успел свалить. Жди вызов на димикату*.

— Уже трепещу, — усмехнулся Мэл. — В следующий раз подумает, прежде чем лапать чужое.

— Велюр видел, как ты и она... как ты на нее смотрел... И сразу понял, что между вами искры летят. Поэтому знал, куда бить.

— Проехали. Теперь это мои и его счета.

— А где твоя? Круто было? — не утерпел Мак.

— Круто, — ответил машинально Мэл, вытягивая шею и пытаясь разглядеть Ледышку там, где бросил её в одиночестве.

— А дальше? — не отставал друг. — Познакомишь их и предложишь стать лучшими подругами?

Мэл удивленно посмотрел на него и рассмеялся, а затем, расталкивая толпу, двинулся к столу.

Отвратительное чувство, когда тебя унижают на глазах четырех тысяч гостей, и делает это не кто-нибудь посторонний, а человек, у которого, между прочим, есть обязанности как у кавалера. Аксёнкиной казалось, что над ней смеются и показывают пальцами, а Мелёшину было всё нипочем.

Та, другая, оказалась совсем непохожей на второсортницу, нарисованную воображением Августы. Не сразу и с большой неохотой Аксенкина признала, что девица, побывавшая в постели Мелёшина — а в том, что та побывала, не осталось сомнений — хороша собой, и этот факт заметил не только Мэл, глазевший на девчонку и пускавший сопли как клинический идиот. "Слюнявчик забыл надеть" — раздраженно посмотрела Августа на своего кавалера, чья голова неуклонно поворачивалась как стрелка компаса в одном направлении. Аксёнкиной пришлось вытягивать безнадежные беседы с гостями, и хоть в чем-то она получила удовлетворение — за умение вести великосветские разговоры ей стоило поставить наивысший балл. Родители гордились бы ею, а Мелёшин-старший кивнул бы одобрительно, узнав об аристократической сдержанности, обходительности со старшими, культуре языка, изысканности речевых оборотов, лишенных слов-паразитов и невразумительных "э-э-э" и "м-м-м".

Зато Мелёшин-младший бил все рекорды тупоумия, а точнее, тяжелого кретинизма.

Для любой девушки, почувствовавшей себя неуверенно, есть хороший способ вернуть самообладание. Нужно найти у соперницы недостаток — пусть даже крохотный и незначительный, но достаточный, чтобы укрепить пьедестал, пошатнувшийся под ногами. Однако чем дольше Августа изучала ту, другую, тем сильнее разочаровывалась. Поначалу она снисходительно улыбнулась, увидев вспархивающих бабочек на голубом платье. "Детство какое-то" — едва удержалась, чтобы не фыркнуть, разговаривая со строительным магнатом и его супругой. — "Точно моль, боящаяся нафталина".

Сравнение повеселило Аксенкину, но ненадолго. Платье, вкупе с обликом владелицы, смотрелось очень органично и никак не походило на недостаток. И к прическе не удалось придраться, и к макияжу, и к обуви, и от бесплодных попыток во рту делалось кисло, а причина оскомины улыбалась многочисленным гостям, и от её улыбки у Августы сводило скулы. Ну, почему у девчонки не лошадиный ржач или патологическая гундосость, а звонкий чистый голос? И над внешностью наверняка поработала целая команда специалистов, чтобы создать шедевр из убожества. Не толста и, к сожалению, не горбата, и фигура есть. Нос ровный, хотя ей подошел бы крючковатый с носопырками как дымоходные трубы. И ноги стройные, не кривые, хотя небольшое колесо посмешило бы Аксёнкину и примирило с унижением. Августа посмеялась бы и над слепцом Мелёшиным, не видящим дальше собственного носа, но, увы, недостатки, достойные внимания, так и не обнаружились.

Тогда Аксёнкина вообразила следующее: за идеальной внешностью той, другой скрывался убогий внутренний мир, вульгарность и отсутствие манер. Наверняка девица чавкала за столом, не отличала вилку от ложки, с шумом втягивала чай из чашки и мучила

окружающих зловонной отрыжкой. Придуманная фантазия успокоила Августу, и настроение перепрыгнуло на ступеньку выше.

Разговор соперницы с премьер-министром и новость, прокатившаяся по залу, о том, что та, другая, приходится дочерью заместителю министра экономики, сотрясла с трудом восстановленное спокойствие Аксёнкиной. Отнесение девицы в категорию второсортниц оказалось поспешным. Премьер-министр лично захотел видеть дочь Влашека на обеде для избранных, куда даже родители Августы не получили приглашение. Сам Рубля благоволил девчонке и в спешке тасовал брачную колоду.

Но Аксёнкина не была бы Аксёнкиной, поддавшись панике и ажиотажу в зале. К какой бы именитой семье не принадлежала та, другая, Мелёшин-старший не мог не знать об этом родстве, и, тем не менее, он не рассматривал возможный союз с Влашеками, а значит, его молчаливое одобрение стояло за спиной Августы и более ни за чьей другой.

И все же минус нашелся, и Аксёнкина порадовалась. Доченька заместителя министра экономики не отличалась строгостью нравов, коли запрыгнула на Мелёшина как течная сучка. Такая же как Майка — легкомысленная и не задумывающаяся о последствиях. Что ответил бы премьер-министр, узнай он, что девица, неожиданно смешавшая рынок невест — порченный товар? "Еще неизвестно, был ли Мэл у нее первым", — заработала голова Августы. Наверняка Мелёшин-младший не задумывался над тем, кому принадлежала пальма первенства. И если та, другая, рассчитывала получить обязательство о намерениях, то она жестоко заблуждалась. Мелёшин-старший не допустит наличие у претендентки подмоченной репутации, даже если в подмоченности виноват его сын, и вряд ли позволит развиваться тупиковым отношениям.

Сделанные выводы позволили позлорадствовать. Глупышка вздумала тягаться с ней, Августой, решив, что сможет захомутать Мэла плотской страстью. Наивная курочка. Для блага фамилии Мелёшин-младший сделает то, что велит его отец. Дети почитают родителей и поступают, как требуют того интересы семьи.

Аксёнкиной все же удалось плюнуть в ту, другую, причем дважды. Сначала Августа облила девчонку фирменным убийственным взглядом и с удовлетворением отметила растерянное и даже испуганное выражение, появившееся на лице той. "Не зарывайся!" — послала Аксёнкина мысленное предупреждение, взяв Мэла под локоть, но сия мера оказалась излишней — девица как ошпаренная отвернулась и больше не поворачивала головы, хотя до этого играла в призывные гляделки с Мелёшиным.

Второй случай подвернулся, когда супруга начальника Департамента юстиции, любительница преферанса и страшная сплетница, начала расспрашивать Мэла о намерении подарить колечко своей спутнице. За внешней любезностью старой кошелки пряталось тонкое ехидство, коим она стреляла в Августу, мол, смотри, деточка, твой кавалер водит тебя за нос, и тебе, неуклюжей корове, нужно брать его за жабры, иначе парень получит аттестат и выпорхнет на волю, а ты останешься ни с чем.

И все же, какой бы гримзой ни была любопытная собеседница, её речистость сыграла на руку Аксёнкиной. Однако ее спутник уворачивался от провокационных фраз, избегая прямых ответов.

"Обещаете прислать приглашение?"...

"Пока рано говорить об этом"...

"Обещаете рассказать о меню банкета по случаю помолвки?"...

"Еще многое не определено"...

Вот олух! Что стоило сказать: "Непреренно" или "Обязательно, при случае" или, на худой конец, "Моя маменька ориентируется лучше, спросите у нее"?

И в неудачах нужно видеть хорошее. Очевидно, та, другая, пребывала в счастливом неведении относительно будущего Мелёшина: строила планы, примеряла новую фамилию, выбирала фасоны свадебных платьев, и вот тебе на! — оглушительная новость сразила наивную дурочку наповал. Девчонка узнала, что оказалась увлечением Мэла — очередным, незначашим, временным.

Самолюбие Августы торжествующе захохотало. Хитромудрая девица залезла в постель к Мэлу, рассчитывая заарканить блестящего жениха, а он не посчитал нужным предупредить, что ей ничего не светит. То-то глупая овечка побледнела и с вытянутым лицом ринулась из толпы.

"Иди, поплачь в сторонке над своей горестью", — ликовала Аксёнкина, а расстроенный донельзя Мелёшин оглядывался вслед, наплевав на правила хорошего тона и совершенно не стесняясь присутствием своей дамы, отчего опускался в глазах Августы ниже и ниже. Разве не стыдно мужчине вести себя, словно озабоченному потаскуну, позабывшему о достоинстве?

Нетерпение, с которым Мэл стремился избавиться от Аксёнкиной и привлечь друзей к уговорам той, другой, злило. В конце концов, что он себе позволяет? Августа — не какая-нибудь дешевка, чтобы Мелёшин откровенно пренебрегал обязанностями кавалера.

"Что ж, он сам напросился", — решила она. Мелёшин-старший узнает об отсутствии воспитания у своего сына, как и его супруга. А еще можно с помощью Евгеши пустить слухок, что кое-кто из девчонок одаривает "легкомысленной" болезнью всех проходящих через постель, и, конечно же, упомянуть в сплетне новообретенную дочку Влашека.

Мелёшин усадил Аксёнкину во второй лимузин, а сам остался снаружи. Через тонированное стекло она видела, как он торопливо зашивал порез на руке (и когда успел пораниться?), а затем решительно направился к первой машине и сел в нее.

"Слабак и слепец!" — вскипела Августа. Распутная девка вертит им, как хочет, и устроила в холле представление, словно настоящая шлюха. Неужели Мелёшин не видит, что смешон? Наверняка девчонка вскружила головы и многим другим. В банкетном зале около нее вились толпы мужчин, и она расточала благосклонные отшлифованные улыбки, завлекая осоловевших глупцов в свои сети. Профессионалка.

По пути в клуб Аксёнкина откровенно скучала, но скуку скрашивали разнообразные предположения.

Та, другая, ехала сейчас в первой машине со своим кавалером, а рядом с ними сидел Мелёшин. Неужели спутник девицы ослеп и не замечает очевидных вещей? Мэл не знал полумер и шел напрямик к цели, топча мешающих ногами. Может быть, в лимузине началось выяснение отношений, и, как следствие, драка? О, было бы неплохо, если бы в начавшейся потасовке случайный удар пришелся в челюсть или в глаз легкодоступной девке, — воодушевилась Августа.

Вместе с ней во второй машине ехал Сахарок с незнакомой блондинкой, и они переговаривались на ушко словно голубки-молодожены. Аксёнкина хмыкнула. Было бы весело сказать дочке начальника Департамента науки, где и с кем проводит свободное время ее избранник, и посмотреть на реакцию. Хотя, скорее всего, толстушка знает об этом.

Соседи по салону развлекались, однако Августа осталась в стороне от веселья. Ей казалось, компания, собравшаяся в машине, перешептывалась, злословя в ее адрес. Нацепив

надменную маску, Аксёнкина отвернулась к окну. Её не унижить насмешливым взглядом или колкой фразой. Пусть себя унижают неудачники: Мэл, стелющийся перед той, другой, её кавалер, которому открыто наставляли рога, и та, другая, предлагающая себя мужчинам, не стеснясь.

К сожалению, мечты о мордобитии не сбылись. Правда, Мелёшин был мрачен лицом и выглядел дерганым, девчонка светилась злобой, а ее спутник усиленно протрезвлялся свежим воздухом, чтобы позорно не оставить содержимое желудка на асфальте.

Зато в клубе настроение Августа менялось как флюгер на ветру, и спокойствие пропало напрочь.

Разглядывая пляшущую толпу, она брезгливо морщилась. По убеждению Аксёнкиной под музыку дрыгали телесами только дебилы. Танцующие напоминали марионеток, которыми управлял невидимый режиссер, дергавший за ниточки. Августа ни за что не согласилась бы присоединиться к стаду тупиц, даже если Мелёшин уговаривал бы её, встав на колени. Впрочем, он и не вставал. Мэл вел себя как тюфяк с мозгами, перетекшими в область паха.

Неожиданная компания парней, пытавшихся завести знакомство с распутной девицей, повеселила Аксёнкину. "Посмотри, Мелёшин, на доступную шалавку, которая без боязни отправилась танцевать с двумя незнакомцами", — взглянула она победоносно на своего спутника, а тот вперился в танцпол, и вид у него был как у безумца.

Внезапно Мелёшин резко поднялся и, перемахнув через стол, ринулся в толпу. Эффектно, что ни говори. Августа на миг позавидовала той, другой, пробудившей в Мэле темное, нехорошее, неконтролируемое. "Может, он убьет её?" — подумала с надеждой Аксёнкина. — "Хватит унижаться перед легкомысленной дрянью!"

Что происходило на танцинге, она не видела, толпа закрыла Мелёшина и ту, другую. Однако когда в зале появились охранники, Августа сообразила, что в красном круге случилось что-то из ряда вон выходящее, и заелозила соломинкой в бокале.

Охранники ходили по залу, расспрашивали посетителей. Песня закончилась и началась новая, а Мелёшин не возвращался. Минуты в одиночестве показались Аксёнкиной вечностью. За опустевшим сдвинутым столом остались только она и нетрезвая парочка, тискавшаяся на диване. Что может быть унижительнее для девушки из высшего света, чем одиночество в дурацком клубе среди несоображающей пьяни?

Мэл появился неожиданно, вынырнув из толпы. Пройдя к своему месту, он обрушился на диван устало, но удовлетворенно, и, подзвав официанта, заказал коктейль.

И Августа поняла. Только что, в туалетной кабинке или, не дотерпев до неё, за ближайшим поворотом в коридоре Мелёшин поймел ту, другую, и сейчас сидел, сыто потягиваясь и улыбаясь своим мыслям.

Аксёнкиной стало жарко. От Мэла пахло утоленной страстью, выплеснутой на другую. От него разило чужими ласками, чужими духами.

Не сдержавшись, она потеряла переносицу, но тут же убрала руку — что за проявление слабости? Сейчас эта дрянь вернется и, как ни в чем не бывало, усядется напротив, пошлав ей, Августе, наглую улыбочку превосходства.

Холодная ярость затопила Аксёнкину. Она не позволит издеваться над собой и ответит достойно на любой жалкий выпад.

— Я вызвал машину, она скоро будет, — сказал Мэл, продолжая улыбаться. — Шофер отца отвезет тебя домой. Собирайся, я провожу.

— Знаешь ли, мне не хочется, — ответила ровно Августа, закинув ногу на ногу. Красиво, но Мелёшин не заметил.

— То есть? — воззрился он на свою даму.

— Не поеду, — заявила Аксёнкина, похихикивая над его удивлением. Невероятный осёл!

— Очень жаль, но мне плевать на твои желания, — ответил жестко Мэл, изменившись в лице.

Августа машинально сглотнула, заморгав. Мелёшин превратился в копию своего отца — властный, бескомпромиссный, привыкший, чтобы его указания беспрекословно исполнялись. Он не мальчик на побегушках, а Аксёнкина забылась, приняв его за слабака, прогибающегося под женским каблуком.

Сейчас бы повиснуть на нем, подгадав, когда появится та, другая, и поглядеть на представление в лицах. Но Августа так и не решилась переступить через свою гордость, как не сделала этого на приеме. Роль посмешища — не для неё.

— Я провожу тебя до машины, — заявил безапелляционно Мелёшин и вдруг замялся: — И, в общем... я несвободен. Дал обещание другой, и... она приняла его.

Наверное, Аксёнкину ударила flamma*, прошив сверху донизу, а может, ее поразил столбняк. В каком-то паршивом клубе, куда она поехала, чтобы своим присутствием показать распутной девице насколько та беспринципна, вульгарна и похотлива, кавалер Августы, сопровождавший ее на все официальные мероприятия, и к чьему присутствию она привыкла как к данности, вдруг заявил, что готов положить свою фамилию к ногам какой-то шлюшки, и вывалил новость буднично, как само собой разумеющееся. А где же гром с небес и разверзшаяся земля?

Аксёнкина ни на миг не усомнилась в том, что Мелёшин дал обещание той, другой. Должно быть, она хорошо его ублажила, и у Мэла зашёл ум за разум, и в голове помешалось, коли он наплевал на выбор своего отца.

— Интересно, когда ты принял знаменательное решение? — спросила Августа бесстрастно, а в груди запылал пожар.

— Недавно. Теперь я связан обязательствами, — сказал Мелёшин медленно, словно пробовал на слух свой новый статус, и он определенно ему нравился, судя по олигофренической улыбке.

Ублюдок! Неужто Мэл полагал, будто неизменная компания Аксёнкиной на чужих свадьбах, банкетах, вечерах, приемах, раутах, помолвках — незначащий для общественности факт? Мелёшин ведь не дурак и должен был сообразить, почему отец выбрал для него Августу в постоянные спутницы. Приличные воспитанные люди понимают это сразу, разве нет? И, тем не менее, Мэл посмел вывалить ее гордость в грязь.

Аксёнкина ударила бы его. Красиво, по-королевски, с достоинством оскорбленной леди, но опять её что-то удержало.

Неподалеку за столом уселся пестроволосый товарищ Мелёшина в обнимку со своей длинноногой подружкой.

Как же Августа ненавидела Мэла, ненавидела его друга, сообразившего, что и к чему, ненавидела стадо, вихляющее задницами на танцполе и задирающее руки к потолку! Но больше всего она ненавидела ту, другую.

Странное чувство. Оно горело где-то внутри (неужели там, где сердце?) и выжигало, оставляя опустошение. Раньше Аксёнкина не испытывала столь ярких ощущений. Возникшие

проблемы решались хладнокровно, без ущерба для нервных клеток. Она всегда считала себя прирожденным стратегом и действовала с холодной головой. В тандеме с Мелёшиным они дополняли бы друг друга: он — взрывной и импульсивный, и она — расчетливая и бесстрастная.

"Симпатичная мордашка девки неплохо смотрелась бы на фотографии с deformi*", — подумалось вдруг. Расплющенный нос пяточком, перекошенный рот, глазные яблоки, закатившиеся внутрь — отличный снимок из серии "Домашняя ферма". Мэл, увидев, кому подарил обещание под влиянием момента, тут же бросится забирать свои слова обратно.

— Пошли, я провожу тебя, — сказал Мелёшин, поднимаясь, и тут его взгляд упал на кресло напротив. — Черт!

Где ее шубка и сумочка?

Мэл закрутил головой по сторонам, словно ответ на вопрос крылся поблизости. Он торопливо пробрался вдоль стола к Маку, прервав обжимания парочки.

— Кто взял ее одежду?

— Не видел, — растерялся тот.

На их плечи опустились чьи-то ладони.

— Так, я не понял! — закричал оживленно Дэн. — Почему сидим? Наши уже спустились вниз, а вы торчите здесь! Лимон обещал бои. Через пять минут закроют лифт. Забыли, что ли? Ожидается самая классная часть развлечения!

— Не до боев мне, — отмахнулся Мэл.

— Странно, что не собираешься, — ухмыльнулся Дэн. — Твоя уже там, и чемпион при ней.

— Как при ней? — повторил севшим голосом Мэл. — Когда? Я же... Мы же...

— Да вот так. Я думал, ты в курсе. Чубчик пришел, забрал вещички, а потом я видел их у лифта.

— Гадство! — выругался Мэл.

Похоже, Эва всё-таки решила выпить досуха чашу его терпения. Он совершенно забыл о развлечениях, которые расписал Мак в холле Дома правительства.

— Идем или как? Лимон сказал, у нас... — Дэн посмотрел на часы, — осталось четыре минуты.

А ведь это хорошая возможность — поговорить с ней внизу. "Особистам" туда хода нет, а если попытаются давить, предъявят корочки и заговорят о полномочиях, то прокатятся на лифте впустую. Тот попросту не остановится на нужном этаже.

Но как быть с Ледышкой?

— Пошли, — сказал он своей даме. — Остался гвоздь программы.

— Какой же? — поинтересовалась Ледышка, улыбаясь, словно ее ужасно обрадовала новость о внезапной несвободе Мэла.

— Клубные бои. Если не хочешь, я пойду один. У выхода тебя будет ждать синий "Эклипс", номер 1111.

— Мелёшин, ты свинья, — сказала Ледышка, поднимаясь с замороженной улыбкой.

Впервые она высказалась грубо, но Мэлу было некогда удивляться. Он торопился выловить упрямую мышку, опять поступившую наперекор, чтобы объясниться с ней раз и навсегда.

— Знаю. Пока, — развернулся Мэл спиной.

— Я тоже хочу посмотреть на бои, — сказала Ледышка. — Никогда там не была.

Мэл раздраженно ответил:

— Ну, так поспеши.

Компания успела в последний момент. Дэн шепнул лифтеру условный пароль от Лимона, и кабина бесшумно поехала вниз.

Ураганная близость отозвалась запоздалой дрожью конечностей.

Штабели коробок, наваленный хлам в углу, тряпье на крючках и luxi candi* сверху, освещавший помещение в том же ракурсе, что и видении будущего. Но будущее несколько минут назад стало прошлым, очередная вежа оказалась пройденной, а я не успела подготовиться к тому, что видение воплотится в реальность буквально на следующий день после предсказания.

Если дело так и дальше пойдет, то в любой момент может нагрянуть следующее пророчество ока. О чем оно? Вылетело из головы. После Мэла в черепашке вообще не осталось цельных мыслей, мельтешили лишь непонятные обрывки, и воцарилась расслабленность.

"Больше не шали"... В устах Мэла фраза могла прозвучать с иронией. Моя шалость с флиртом обернулась для него тяжелыми последствиями. Мэл нарушил запрет на использование волн в стенах клуба, что ему будет? Он нечестно напал на висората, что тот сделает: подаст жалобу в отделение или потребует отмщения по-мужски, в димикате? Мэл оказался в одном шаге от убийства человека — и всё из-за меня.

"Пошालю", и Мэл влипнет в очередные неприятности, еще туже затянув петлю на шее. Поэтому его просьба была же и констатацией факта — спокойным признанием в собственной неуравновешенности.

Сумасшедший, — улыбнулась я, вспомнив его недавнюю напористость, и потрогала следы на шее — не у ключиц, но и не у подбородка. Как объяснить Пете их появление? Придется сказать правду. Некрасиво получится, но что поделать?

"Нам нужно поговорить". О чем? О том, как Мэлу избавиться от зависимости или как под неё подстроиться? Например, сосуществовать мирно с его невестушкой. Сядем втроем и обсудим вопрос доброжелательного соседства.

Нет уж! — поднялась со стула, покачнувшись. Рта не открою и не взгляну на Снегурочку. Заберу шубку и поеду домой. Если Петя вернулся, попрошу его вызвать такси. Хватит мне веселья в этот длинный-предлинный день.

Притворяя дверь, я в последний раз оглядела комнатку: ремень на крюке, тускнеющий шарик luxi candi* и стул с потертой обивкой.

Никогда не жаловалась на зрительную память и вроде бы повернула, куда следует, но дверь в зал словно провалилась. Не шарить же руками по стенам "сырного" коридора, нащупывая дверную ручку в темноте. Может, есть другой путь?

Повернув обратно, я столкнулась на перекрестке коридоров с каким-то парнем и от неожиданности отшатнулась назад. До меня не сразу дошло, что это был Петя, зато он узнал свою даму мгновенно.

— Эва, вот ты где! А я тебя повсюду ищу, сто кругов намотал, — обрадовался он.

Сложив руки на груди, я прикрыла ладонью шею и наклонила голову вправо в надежде, что на границе света и полумрака чемпион не заметит моего растрепанного и помятого вида. Не представляю, каким показался парню мой облик, наверное, красноречивым, ведь

любой взглянувший на меня сразу бы догадался, чем я занималась недавно. Однако спортсмена заботило другое.

— Эвочка, прости, пожалуйста! Ты, наверное, заждалась и отправилась на поиски? Представляешь, совершенно случайно я столкнулся в туа... в общем, познакомился с одним человеком, он работает в большой компании, занимается геологоразведкой. Пообещал свести с начальством, чтобы оценить мои проекты! — выпалил на одном дыхании мой кавалер. — Эвочка, не сердись! Я болван!

— Ладно тебе, Петя, извиняться. Лучше вызови такси, — попросила, закрываясь от него и отступая в тень.

Мне пришло в голову, что сейчас не резон объясняться с парнем. Кто знает, вдруг на него тоже нападёт сумасшествие, и, не выслушав и не вникнув, чемпион побежит разбираться с Мэлом, и завертится новая клоунада. Или будет еще хуже. Петя посмотрит на меня с брезгливым разочарованием и скажет: "Не знал, что ты умудряешься изменять за моей спиной".

Объяснюсь с ним, но не сегодня. У меня сейчас и подходящих правильных слов нет.

— Разве ты домой? — растерялся Петя. — Кстати, при мне твоя шуба и сумочка.

Только сейчас я заметила, что он держал в руке что-то меховое. Вспомнив о джентльменских обязанностях, парень невольно избавил меня от возвращения в зал под рентгеновские очи Снегурочки.

— Спасибо, Петя, — выхватила шубку и прижала к груди, надеясь таким образом прикрыть шею.

Спортсмен повесил сумочку мне на плечо.

— Я тебя и у дамской комнаты искал, но меня оттуда погнали, — сообщил простодушно. — Ребята, с которыми мы приехали, сказали, что в стоимость посещения клуба входят еще и состязания. Начнутся через десять минут.

— Какие состязания? — поинтересовалась, торопливо ощупывая сумочку.

— Они не уточняли. Объяснили, нужно спускаться на лифте.

— Петь, покажи, где туал... дамская комната, а то я совсем заблудилась.

— Пошли, здесь недалеко. Так мы посмотрим на состязания или как? — переспросил чемпион, пока мы шагали по коридору, и я практически зарылась лицом в мех. Надеюсь, это не выглядело странно.

— Петь, поздно уже. Хочешь — иди, — остановилась перед дверью со значком женского силуэта в широкополой шляпе.

— Нет, Эва, я уже один раз поступил по-свински, бросив тебя. Впредь такого не повторится. Домой — так домой, — заключил твердо мой кавалер.

В конце концов, он наверняка заплатил немаленькие деньги, чтобы нас ублажали в клубе, поэтому неудобно прерывать развлекательную программу на последнем этапе. А Мэл немножко подождет, пока мы с Петей посмотрим на состязания и вернемся обратно. Не хочу разговаривать с Мелёшиным, когда его невестушка сидит под боком. Должен же он понять, что у меня тоже есть гордость.

— Подожди меня, я быстро, — попросила чемпиона и юркнула в дверь.

В дамской комнате витали слабые запахи никотина. Видимо, недавно здесь плавал сизый сигаретный дым, но мощная вытяжка старательно очистила воздух в помещении.

Как ни странно, после уединения в кондейке моя внешность не изменилась — волосы не растрепались, синие капельки не растерялись, тушь не размазалась, разве что помада чуть

стерлась, и то у меня не было уверенности, так ли это на самом деле. А вот следы на шее маячили красными пятнами. Надев шубку, я максимально притянула капюшон, пытаюсь закрыть отметины. Поросёнок Мэл! Усложнил мне жизнь собственническими замашками. Хотя мое поведение тоже послужило источником проблем для него, так что можно считать возникшие неудобства взаимными.

Разве можно сожалеть о произошедшем в комнатке? Это было прекрасно и походило на налетевший шквал. Я и не подозревала, что способна отбросить скромность и без стеснения отвечать напору Мэла. Указывало ли это на мое легкомыслие и склонность к распутству? Отражение не ответило на этот вопрос, смотря нахмуренными бровями.

Мне так и не удалось привыкнуть к тому образу, который создала Вива. Из зеркала на меня смотрела красотка хоть куда, и подтверждением таланта стилистки стали восхищенные взгляды на приеме и в клубе. Но завтра, вернее, уже сегодня, мой облик станет прежним, и Мэл разочаруется превращением Василисы Прекрасной обратно в жабу, а те же Рэм или Йорк вообще не заметят серую крыску, предложи им отыскать меня в толпе.

Как бы то ни было, к разговору с Мэлом я пока морально не готова. Вымоталась — ревностью, обидами, ненавистью, прочими потрясениями и знакомствами, случившимися за сегодняшний нескончаемый день, плавно перетекший в ночь.

Будет день — будет пища. Поговорю с Мэлом завтра, например, в институте. Уж не знаю, о чем он собирается вести беседу, но для меня любой его довод заранее неубедителен.

Чемпион терпеливо дожидался меня напротив двери. Я куталась в шубку, делая вид, что мне зябко, и закрывала мехом капюшона отметины на шее.

— Пошли, Петь, поглядим на состязания, только недолго, и сразу домой. Ладно?

— Хорошо, — обрадовался парень. — Конечно, недолго.

Мы подошли к лифту, и Петя сказал что-то высокому тучному мужчине в кожаной жилетке, прислонившемуся к стене. Тот кивнул, и створки разъехались перед моим носом. Внутри было красиво, под старину: красный бархат, желтый металл.

— А где нам выходить? — спросила у чемпиона, отметив, что в кабине не было кнопок и цифр с указанием этажности.

— Ребята сказали, что лифт доставит напрямик. Это где-то в подвале, — пояснил Петя, а я, наивная, и не подумала заподозрить неладное.

Кабина шла мягко вниз и бесшумно остановилась.

— А что это за состязания? Тараканьи бега или петушиные бои? — спросила у чемпиона, выходя из лифта, и оглохла от рева глоток.

В помещении с высоким потолком стояла на возвышении квадратная площадка, освещенная мощными прожекторами и обтянутая толстыми канатами, а вокруг нее бесновалась толпа.

По площадке перемещались два человека в одеждах, похожих на облачение римских центурионов. Неожиданно в руке одного из них появился фиолетовый шар, который тот выпустил в противника. Нападение произошло стремительно, и второй мужчина попытался создать защитный экран, но не успел, и заклинание, попав в грудь, повалило его на пол. Толпа разразилась новым витком рева и свиста. К лежащему бросились несколько человек и склонились над ним, а затем переложили на носилки и унесли с площадки. К победителю подбежал человек в полосатой рубашке со свистком во рту и поднял его руку вверх.

Толпа взревела истерически, и тут до меня дошло, почему не сработали датчики висвозмущений, когда Мэл создавал заклинания. Регистраторы были отключены, потому что в

подвале клуба шли нелегальные бои с использованием волн.

8. Апокалипсис

Оказывается, в основе противоборства лежал коммерческий интерес. Когда рефери после свистка объявил усиленными голосовыми связками: "Иииии... пять тысяч уходят сегодня к Громиле Бэку!", зрители зашлись в аплодисментах и криках, надорвавших мои уши.

Я и не подозревала, что можно извлекать выгоду, нанося увечья заклинаниями. В интернате мальчишки определяли лидерство банд с помощью физической силы, хотя самые отчаянные все-таки пытались возмущать вис-волны в драках. Вообще-то в общеобразовательную программу не входило освоение воспитанниками азов висорики, поэтому пацанва занималась самообразованием, прячась по укромным местам, и днем или после отбоя экспериментировала с волнами: наобум или обменяв колонки, украденные из актового зала, на сомнительную расшифровку очередного заклинания. Зачастую результаты доморощенных опытов оказывались плачевными, вызывая ожоги, обморожения, переломы и прочие телесные повреждения у исследователей, но, тем не менее, любительский пыл не угасал. Алик неизменно прогонял меня, если на очередной сходке намечались эксперименты с волнами.

Но неважно, где — на димикате* или в драке на интернатских задворках — причинение вреда заклинаниями приравнивалось к уголовно наказуемым деяниям. Расследованием висорических преступлений занимался Первый департамент, бравшийся за дело рьяно и дотошно. В интернате провинившихся выявляли и наказывали, а если кого-то находили опасным для общества, то переводили в заведения с особым режимом, то есть в колонии для несовершеннолетних — Ледовитую и Стылую, расположенные на севере и востоке страны. Умом я понимала, что Алик сбежал из интерната вовремя, потому что шайка, в которой он состоял, нахулиганила достаточно, но сердце так и не смогло простить друга, бросившего меня, не попрощавшись.

На площадку вышли четверо мужчин с щитами и палицами, одетых под старину — в коротких тогах, плащах и сандалиях. Я отвернулась. Не люблю насилие, пусть добровольное и имеющее целью заработать наличность.

Противники не напрягались физически. Они выпускали палицами *airea candi** друг в друга и прикрывались щитами от встречных заклинаний под громкий рев толпы. Определенно, публика рассчитывала получить сегодня максимум ощущений. Зрители облепили площадку, сконцентрировавшись у канатного ограждения, поэтому два ряда кресел, расставленных по периметру помещения, пустовали.

Ноздри щекотал сладковатый запах. По толпе шныряли подозрительные личности и предлагали из-под полы энергетические алкогольные коктейли. Тут же принимали ставки на следующие бои.

— Танкер Громобой — шесть из семи! Кто поставит на конкурента? — надрывался какой-то тип. — Лучший бой сезона!

— Красотка, специально для тебя — с лимонным вкусом и ароматом, — парень с тонкими усиками потряс перед моим носом прозрачным пакетиком с длинной полосатой палочкой внутри. — Улётные ощущения! Тает во рту и без никотина.

— Не-не, — поспешила я вырваться из вертепа сомнительных соблазнов и потянула Петю к креслам. В отличие от меня, чемпион замороженно уставился на действие, происходящее за канатами, однако послушно потопал следом.

— Петь, если хочешь, сходи поближе, — разрешила я парню, усевшись и вытянув гудящие ноги.

— Нет, — отказался он. — Уже находился. Хватит.

Некоторое время мы сидели молча, наблюдая за боем. То ли на фоне прочих заклинаний *airea sandi** выглядело не таким зрелищным, то ли участники вели бой с ленцой, но у меня сложилось впечатление, будто они отбывали тяжкую повинность. Поначалу я вздрагивала каждый раз, когда воздушные вихри дергали щиты, коими прикрывались противники, но вскоре успокоилась. Похоже, мужчины били заклинаниями избирательно, стараясь причинить минимальный вред друг другу. Зрителям же быстро наскучил бой без острых ощущений. В толпе рос недовольный гул. Петя тоже разошелся, запрыгав в кресле:

— Мазила! — закричал, не сдержавшись, но его выкрик потонул в шуме помещения. — Слева нужно, а не снизу! Он же раскрылся! Куда бьешь? Надо родиться безруким и безголовым, чтобы промахнуться с двух шагов! Эвочка, я на секунду сбегаю и вернусь, ладно?

— Иди, не волнуйся. Здесь никто не мешает, — разрешила я благосклонно, и чемпион, сорвавшись с места, бросился к площадке, на которой бойцы неспешно перекидывались заклинаниями.

В толпе заулюлюкали и возмущенно засвистели. Публика заподозрила, что ее попросту водят за нос.

Я же устроилась поудобнее в кресле и начала украдкой позевывать. День выдался долгим, богатым на невероятные события и встречи; действие успокоительных капель давно кончилось, время перевалило далеко за полночь. Пора бы и честь знать, то есть потихоньку собираться домой. Сейчас закончится очередной бой, и мы с Петей вернемся обратно в зал. Туда, где меня ждал Мэл.

Интересно, он бывал здесь? Тоже свистел и кричал до хрипоты, требуя участников на мыло? Может, торопливо делал ставки на фаворита, как на цертаме*, и его лицо уродовала маска жестокого азарта, когда один из противников падал, подкошенный заклинанием?

Не буду думать об этом. Не хочу разочаровываться в Мэле.

Под недовольные выкрики зрителей противники на ринге быстро завершили бой, причем они явно берегли друг друга, стараясь причинить наименьшие повреждения. *Airea sandi** приличных размеров поднял бы побежденного над полом и перебросил через канаты, сломав позвоночник или шею, однако дело обошлось щитами, вырванными из рук воздушной стихией, и участниками, разметенными по углам площадки. Победителем стал мужчина, удержавший палицу и щит, и под разочарованный гул команда бойцов покинула место сражения. Правда, и выигрыш оказался значительно меньше — всего восемьсот висоров.

Петя рухнул рядом со мной.

— Слепошарые! — воскликнул в сердцах, и я вздрогнула. — Ни в глазах, ни в руках, ни в голове! Такое состязание испортили!

— Разве похоже на состязание? Тут из-за денег можно запросто остаться инвалидом.

— Эва, ты всерьез веришь в это? — удивился чемпион. — Они подыгрывали друг другу и симулировали. Сразу видно, что тянули волюнку. А где же дух соревнования?

— Почему слепошарые? — спросила я, сглотнув. — Может, новички? Неопытные, и всё такое...

— Ребята сказали, что в боях участвуют попеременно слепые и висораты, — пояснил спортсмен. — Иногда отдельно, а иногда вместе.

О, ужас! Тогда получится не бой, это будет бойня! Теперь понятно, почему участники вышли на ринг с палицами и щитами. При всем желании они не сумели бы создать поражающие или защитные заклинания.

Ладно, поглядели на зрелище — пора выбираться наверх, в зал, где остался неуравновешенный и непредсказуемый Мэл. Я пыталась представить, что он мог учудить, сообразив о моем упрямстве, — и не могла. Фантазия категорически отказывалась работать.

— Петь, пойдём...

Мои слова перекрыл дружный рев публики, встретившей воплями и свистом невысокого коренастого мужчину с неестественно широкими плечами и тонкой талией.

— Танкер Громобой! — возвестил рефери, и зрители зашлись в криках и аплодисментах. — Абсолютный победитель ушедшего года по кулачным боям!

Победитель сделал круг почёта по рингу. Он был бос и облачен в черные шаровары.

— Кто оспорит титул Танкера Громобоя? — вещал рефери, перекрывая шум в помещении. — Победивший заберет сегодня пятнадцать тысяч!

Толпа ответила усилением восторженных воплей, однако желающих перелезть через канаты не нашлось, а мастер кулачного боя, скрестив руки на груди, снисходительно поглядывал по сторонам, играя накаченными мышцами.

— Эвочка, я быстренько посмотрю и тут же вернусь, хорошо? — попросил умоляюще мой кавалер.

— Хорошо, — вздохнула, соглашаясь, и Петя снова ринулся к площадке, затерявшись между зрителями.

Среди публики, рвущей глотки, нашелся товарищ, надумавший вырвать приз в размере заявленной суммы. Доброволец перелез через канаты, стягивая на ходу футболку и демонстрируя худосочное безмускульное тело и копну длинных косичек. Интересно, каким образом он рассчитывает победить Танкера Громобоя? Может, претендент знает секретный прием и, не поморщившись, уложит титулованного дяденьку на обе лопатки?

Рисковый парень, очевидно, знал, но для начала решил набрать у зрителей бонусные очки. Он выделял немыслимые пируэты — и стойку на руках, и устрашающие повороты с подскоками, и "волчки", вызвав настоящее помешательство публики. Толпа, предвкушая невиданное развлечение, вела себя соответственно, впав в истерическое состояние. Да и я заразилась волнением против воли.

Акробат-доброволец прыгал и скакал вокруг Громобоя, и каждый показушный наскок сопровождался новым витком рева. Внезапно мастер кулачного боя сделал незаметный выпад рукой, и его противник с размаху расстелился, упав лицом в пол.

В зале наступила секундная ошарашенная тишина, а затем разразилась буря из криков, гвалта и свиста.

— Один! Два! Три!... - отсчитывал рефери, и зрители повторяли следом. — Восемь!... Танкер Громобой побеждает всухую!

Еще бы он не победил, — откинулась я в кресле, наблюдая, как неудачника-добровольца уносили с ринга. На задохлика с косичками достаточно дунуть, чтобы он отправился в нокдаун на неделю.

— Танкер Громобой покажет еще один мастер-класс, прежде чем заберет приз! — провозгласил рефери, и его слова потонули в нарастающем реве.

— Тан-кер! Тан-кер! — скандировала толпа, а ас кулачного боя, подняв руки, сделал новый круг почёта. Ясно-понятно, непобедимый победитель покрасовался с неприкрытым

торсом и получит за смотрины пятнадцать штукарей. Я бы тоже хотела ни за что, ни про что уехать из клуба с халявными денежками, причем немалыми.

Внезапно дружный лозунг смешался, перестав быть стройным, и уши распознали нечто похожее на "Пе-тя!", выкрикнутое в противовес, а затем мои глаза округлились, когда на ринг между канатами пролез не кто иной как мой спутник, с которым я сегодня посетила великосветское мероприятие года. Петя Рябушкин снимал на ходу галстук, пиджак и рубашку, бросая в толпу, и одежду подхватили чьи-то наманикюренные руки, а вишневый рот грудастой девицы из лимузина послал воздушный поцелуй следующему добровольцу.

Петя отважился померяться силами с непотопляемым Танкером Громобоем. Ма-ама!

Лозунг поменялся в противоположную сторону.

— Пет-ро! Пет-ро! — усиливался ор голосов, а букмекеры суматошно собирали ставки. Мне показалось, кто-то крикнул: "Петруша, я с вами!". Или: "Я ваша"? Вот наглая девица! Пусть завтра вешается чемпиону на шею, а пока он — мой кавалер.

Что делать? — заметалась, вскочив и снова сев. Из головы совершенно вылетело, что наверху дожидался Мэл, свирепея с каждым мгновением, улетающим в никуда. Нужно спасти Петю, пока его не унесли на носилках. Кстати, куда: в больницу или в морг?

По телосложению чемпион не уступал Танкеру Громобоем и был чуть выше, но ведь Петя занимался мирным видом спорта — забрасыванием всяких предметов с глаз долой, а не специализировался на мордобитии в нелегальных условиях.

Спортсмен размял плечи, шею и, держа кулаки у груди, начал обходить противника, прицениваясь. Танкер Громобой изволил выйти из состояния величественной статуи и небрежно ответил тем же.

Ринуться, что ли, к канатам и потребовать от моего парня, чтобы он вернулся за ограждение? Я и ногой топну для острастки.

— Петя! — крикну ему. — В конце концов, хватит ставить меня в неудобное положение! Пора домой!

И тут спортсмен сделал стремительный выпад, отчего голова Громобоя мотнулась назад. Это Петя попал по лицу противника. Он заехал по скуле непобедимого победителя!

Публика зашлась в диких воплях.

Похоже, Танкер Громобой не ожидал, что до его физиономии дотянется чей-то кулак, и некоторое время соображал, как такое могло произойти. Петя воспользовался моментом и пошел в атаку.

А затем началось сумасшествие. Помешалась толпа, помешалась я, помешался мирный добрый Петя, помогший когда-то мне с плафончиком для швабровки. О Громобое и говорить нечего. Словом, помешался весь мир, собравшийся в подвальных стенах "Вулкано".

Удары сыпались один за другим, противники кружили по рингу, зрители бесновались. В какой-то момент Петя увернулся от кулака Громобоя, и я заметила струйку крови, стекающую из уголка рта чемпиона. Наверное, накаченный крепыш выбил ему половину зубов! Почему участников боя не обеспечили перчатками и шлемами? — нервно кусая губы, кружила я на задворках толпы. Где организаторы зрелища?

Пробраться к рингу не получилось — публика окружила площадку плотным кольцом. Ничего не видно!

Пришлось вернуться к креслам, стоявшим на небольшом возвышении.

Петя и Танкер Громобой превратились в клубок тел, наносящих друг другу ужасные удары. Мне казалось, противники давно перешли на драку без правил, однако рефери не

останавливал бой. Когда Петя пропустил серию сильнейших апперкотов и зашатался, потеряв равновесие, у меня помутилось в глазах. Его же убьют — беспощадно и безжалостно!

Чтобы не упасть, я ухватилась за спинку кресла. Неожиданно в удалении от площадки, по левую сторону от меня, взгляд выхватил знакомую фигуру, сосредоточенно высматривающую кого-то в толпе. Это был Мэл и он искал меня!

Рядом с ним стояла Снегурочка, вззирающая со спокойным лицом на действие, происходившее на ринге. Разве можно быть невозмутимой, в то время как из Пети выбивают дух на виду у двух сотен людей?! Как Мэл посмел притащить свою замороженную принцессу?! Чтобы почирикать по душам?! Нам не о чем говорить! Никогда и ни за что! Ненавижу его, ненавижу! Пусть перекрутит шею, разыскивая — не покажусь ему! — напитавшись царящей агрессией, я отодвинулась, чтобы скрыться за возбужденной толпой от Мэла.

Но не все присутствующие в зале заразились атмосферой сумасшествия. По правую сторону от меня собралась довольно-таки многочисленная группа людей, молчаливо взиравших на бой, в том числе и те участники, что недавно сражались на палицах. Их равнодушный интерес к происходящему на площадке охолодил меня.

Слепые держались обособленно. Среди них было немало сильных крепких мужчин, почему они не вышли против Танкера Громобоя? Ведь для кулачного боя не нужны волны — лишь бы бить посильнее.

Зрители захлебывались в криках, скандируя: "Пет-ро! Раз-мажь!", а невидящие наблюдали молча за царящим у ринга хаосом. Спокойствие последних разительно контрастировало с истерией, охватившей публику. Наверное, в их глазах я тоже выглядела рафинированной особой, достойной презрения.

В этот момент на площадке один из измочаленных противников пропустил сокрушительный удар в челюсть и, закачавшись, рухнул на пол. Как у него талия до сих пор не переломилась? — пронеслось отвлеченно в голове, в то время как рефери выскочил в свет прожекторов и начал отсчет, а затем возвестил, задрвав руку Пети, пошатывающегося от усталости:

— Иии... вот он, удалец, поставивший под сомнение непобедимость Танкера Громобоя! Сегодня у нас появился новый лидер, который забирает призовые пятнадцать тысяч висоров!

Толпа обезумела. Зрители полезли через канаты и бросились к победителю, начав его качать. У Пети же ребра отбиты, и ушибов немерено, а они мочалят его, — снова заметалась я вдоль ряда кресел, испытывая облегчение, что бой закончился благополучно для чемпиона, как вдруг почувствовала тяжесть чьего-то взгляда.

Конечно же, это Мэл смотрел на меня оттуда, где я заметила его в первый раз, а затем поманил, не смущаясь присутствием своей невестушки. Снегурочка тоже увидела меня, но сразу же отвернулась. Ненормальный он, что ли? Неужели Мэлу не терпится унижить меня перед ней?

Вздернув нос, я и не подумала сдвинуться с места, и тогда Мэл решительно двинулся навстречу, вклинившись в бурлящую толпу. Если он взял с собой Снегурку, выцарапаю ему глаза! Ненавижу! Пусть попробует догнать, если получится.

Решив убежать от Мэла, я отправилась в обход по периметру помещения, для чего обогнула невидящих. Хотя их группа и поредела, обособленность и настороженное

поведение слепых держали меня в напряжении.

Внезапно неподалеку парень толкнул соседа, сказав громко:

— Куда прешь, слепошарый? Твое место с краю, пока не позовут!

В ответ обидчик получил по лицу не хуже поверженного Танкера Громобоя и ухнул в толпу, подмяв собой несколько человек. Близстоящие зрители, взбудораженные эйфорией боя, немедля поддержали упавшего, кинувшись на драчуна, на защиту которого встали его невидящие собраты. И конфликт понёсся, захватывая с каждым мгновением новых участников с обеих сторон.

Из искры моментально разгорелось пламя. Я сообразила, что драка переросла в неконтролируемую потасовку, когда меня грубо толкнули в спину, а над головой пролетел фиолетовый шар, разбившийся о стену, и, бросилась в междурядье кресел, чтобы укрыться.

Публика, не оклемавшись толком от зрелищного боя, поначалу не поняла, что происходит, а когда поняла, то помещение заполнилось женским визгом, и началась суматоха.

Нет ничего хуже паники, нельзя ей поддаваться, — твердила я себе, спрятавшись за спинкой кресла. Нужно подождать. Народ выпустит пар и остынет.

Но народ не остывал. Более того, с каждой минутой он распаялся всё сильнее.

Неожиданно погасли прожектора, и в наступившей темноте меня обуял животный страх, заставив сжаться, затаившись. Кто-то пробежал совсем рядом, нецензурно ругаясь, и, запнувшись, упал с разлету на пол. Ряд кресел без конца сотрясался, и мне чудилось, будто некто огромный шагал вдоль сидений, выдергивая за шкурку трусишек, укрывшихся в междурядье.

К потолку взлетели несколько *luxi candi**, прогоняя непроглядную темень.

Я заглянула в щель между креслами. Слабые огоньки заклинаний высветили картину всеобщего побоища. Кто и с кем выяснял отношения? Невидящие с висоратами? Совершенно невозможно было отличить, кто из них кто.

У лифта шло сражение, похожее на недавний бой Пети и Танкера Громобоя, сопровождаемое вспышками заклинаний. Парочка *veninati candi** врезалась в безликую копошащуюся толпу, вызвав в массах кашель и удушье. В ушах стояли крики, ругань, стоны, женские визги. Мимо пролетел человек, отброшенный *airea candi**.

Включилось аварийное освещение — две тусклых лампочки в противоположных углах зала, и мне послышалось, кто-то звал:

— Эва! Эва!!

Я высунулась из-за спинки кресла. В нескольких шагах, на полу боролись двое мужчин с переменным успехом. Неужели один из них — Мэл или Петя?

Вглядываясь в лица дерущихся, я с опозданием заметила летящий в мою сторону мутный переливающийся шар — огромный, сантиметров двадцать в диаметре, не меньше. Слишком поздно — уже не уклониться. *Deformi** шел точно в цель.

Меня парализовало от ужаса и неизбежности предстоящего. Почему хваленое пророческое око не показало этот миг в видениях будущего? Почему не предупредило? На каком основании заржавевший атефакт посчитал апокалипсис в подвале клуба недостаточно значимым событием, предпочтя фуфловые предсказания в виде яблочек и бабочек стянутой на затылок физиономии?

Однако пророческое око знало, что показывать. Оно четко фиксировало вехи судьбы, сплетенной свыше давным-давно.

Один из дерущихся, приподнявшись, замахнулся, чтобы ударить противника, и оказался на траектории полета deformi, предназначенного моему лицу. Заклинание врезалось в бок, разлетевшись брызгами, и мужчина на мгновение замер, а затем истошно завопил, заваливаясь на пол. Слава богу, это оказался не Мэл и не Петя.

Меня же будто что-то толкнуло. Беги, Эва, беги! — пронзила вспышка. Или кто-то кричал?

Выбравшись к стене, я поползла на четвереньках, стараясь не вслушиваться в страшный вой человека, которого deformi скручивало в бараний рог. Несчастный принял участь, уготованную мне.

От испуга меня заклинило, голова отказывалась соображать. Я и помыслить не могла, чтобы вернуться и оказать помощь мужчине, уродуемому заклинанием. Здесь каждый сам за себя.

Нужно где-нибудь спрятаться, найти норку, в которой пересидеть творящийся ужас.

По пути попала какая-то дверь, оказавшаяся незапертой. Всё ж лучше укрыться за ней, чем быть мишенью под обстрелом заклинаний.

Я вползла на четвереньках в небольшое помещение, освещенное слабой лампочкой, бросившей красноватые отсветы на потолок и одинаковые шкафчики вдоль стен.

Спрячусь в раздевалке и выжду, пока перегорит безумие, поглотившее рассудок людей. Забьюсь в уголок и сожмусь в комочек.

Агрессия. Сумасшествие. Аффект. Я уже сталкивалась с подобным, и не раз.

Однажды на севере после дружеского матча по футболу между двумя ВУЗами, болельщики проигравшей стороны устроили погром, требуя реванша. Они били витрины, переворачивали машины и поджигали. Трех студентов из лагеря победителей забили насмерть, не считая несколько десятков раненых. В ту ночь мы с девчонками прятались в общежитии под кроватями, боясь, что до нас тоже доберутся и сожгут вместе с казенными хоромами. Дэпы* уладили беспорядки к утру, однако случившееся потрясло весь город. С тех пор я зареклась ходить на спортивные мероприятия с массовым выбросом адреналина.

Во время учебы на юге мне довелось побывать на институтском конкурсе "Южная красавица", который не состоялся по причине начавшегося выяснения отношений между участницами. Сцепившихся претенденток на звание первой красотки разнимали водой из брандспойта, для чего администрация ВУЗа вызывала пожарные машины. Позже многим из несостоявшихся конкурсанток пришлось перенести неоднократные косметические операции, а две девушки ослепли, натуральным образом лишившись глаз в жестокой женской склоке.

В столовой столичного института недавно приключился пожар, во время которого обгорел Сима Чеманцев, а люди потеряли человеческий облик и превратились в обезумевшую от страха массу, калечившую себя и друг друга.

Поэтому я не люблю большие скопления народа. Толпа неконтролируема и неуправляема. Она затопчет и размажет без сожаления.

Понемногу нервная дрожь перестала пробивать с макушки до пяток, и я подуспокоилась. Все-таки судьба удачно толкнула меня в первую попавшуюся дверь, поскольку ни о каком здравом уме в тот момент не шло речи. Телом управлял животный инстинкт самосохранения.

Зачесался палец на руке — это "подарок" Некты проявился тонкой цепочкой волосинок-звеньев. Я потрогала паутинный рисунок.

Все мы хороши задним умом. Почему моя интуиция уснула, когда у дамской комнаты Петя заговорил о состязаниях? Какие ж это состязания? Это убивание себе подобных.

А коли отправились посмотреть на состязания, следовало сообразить, чем может кончиться дело, и раскапризничаться, потребовав вернуться наверх — пусть не в общество Мэла и под ледяные очи Снегурки, но вызвать такси и поехать в общежитие. Я же, бесхребетная размазня, наступила на старые грабли, разрешив великодушно: "Конечно, Петя, иди, поглазей на бой", и получила закономерный итог.

А могла бы лежать сейчас в мягкой постельке и вяло отбрыкиваться от Аффы, приставшей с расспросами о приеме. Вместо этого сижу в каком-то пыльном углу, подметая подолом шубки пол, а за дверью творится черт знает что, и неизвестно, выберусь ли невредимой из подвала и попаду ли домой.

И вообще, следовало отказаться от поездки в клуб еще на этапе уговоров. Если бы да кабы.

Никаких сил уже нет. В общагу хочу, спать хочу.

А Петя-то каков! Взял — и вышел на ринг. И ведь победил хвастливого Танкера Громобоя! А нечего было тому расхаживать как павлин, выпятив сто пятьдесят накаченных грудных мышц.

И все-таки Петя удивил. Не ожидала от него подобной прыти и стремления к победе, и наличие азарта не предполагала. Хотя, наверное, чемпион таков и есть. Мы с ним встречались редко и общались мало, поэтому я успела разглядеть в Пете лишь простодушие и искренность, иногда чересчур прямолинейную.

Выбрался ли он наверх? Цел и невредим или лежит, скрюченный deformi*? И где Мэл? Прикрывает Снегурочку от заклинаний как настоящий джентльмен или успел найти выход и везет невестушку домой, успевая обмахивать? Туда им и дорога. Не сомневаюсь, Мэл выберется из любой безвыходной ситуации.

Я прислушалась к звукам: вроде бы крики снаружи стали тише. Подожду немного и попробую выглянуть в зал.

Неожиданно дверь распахнулась, и в раздевалку вбежали несколько человек. Послышался противный скрежет металла, волочимого по полу. Трое мужчин ворочали шкафчики, в то время как четвертый, закрыв глаза, сидел, привалившись к стене.

— На-ва-лись! — скомандовал один из мужчин, и его товарищи накренили стойку из шкафчиков, забаррикадировав выход из помещения. С противоположной стороны по двери интенсивно долбили, отчего та ходила ходуном.

— Гниды! — пробурчал кудрявый и, сплюнув, выругался цветисто, а затем направился к уцелевшим шкафчикам и начал переодеваться, снимая театрализованный костюм воина прошлой эпохи.

Нужно забиться подальше, чтобы меня не заметили. Проснувшаяся интуиция кричала, что лучше не высовываться, потому что в глазах невидящих я была олицетворением зажавшегося висоратства. К тому же мужчины через каждое слово сыпали ругательствами, что указывало на крайнюю степень обозленности.

— С*ка, все-таки задел заточкой... Я тоже воткнул нехило гаду, чтоб на всю жизнь запомнил, на кого полез...

— Видел, как того козла подбросило к потолку? А ты говорил, не умею обращаться с палицей...

— Ломово, что у них небольшой запас. Быстро истощаются.

— Туже бинтуй... Осторожно! Не задень дефенсор*...

— Без дефенсоров сразу бы каюкнулись. Сплясали бы канкан по заявкам.

— Плохо, что ничего не заработали. Я сегодня пустой.

— А мы поделили. Вышло по двести на нос.

— Зато кулаками почесали. Слышь, я все-таки проредил тому кренделю прикус. Достал он меня со своим золотым зубом!

— Видел. Гонору много, а умений — с воробьиную какашку. Сдулся после третьего заклинания.

— Как будем выбираться?

— Выйти не дадут, верняк.

— Может, обождать?

— Ждут у моря погоды. Нужно тикать, пока не нагрянул закон. У меня уже два привода.

— И как? Выйди да поклонись и подними лапки. И не забудь попросить, чтобы накормили парочкой заклинаний.

— Пошел ты!

— Хватит! — рявкнул чей-то голос, заставив спорящих замолчать. — Что-нибудь придумаем.

Я осторожно выглянула из своего угла. Кудрявый обматывал бинтом предплечье товарища, третий, лысый, с головой как бильярдный шар, переодевался, снимая доспехи гладиатора.

— Оппа, — сказал тот, кому бинтовали рану, — мы не одиноки в этой вселенной. Вылезай, дамочка, по-хорошему, и не вздумай ерепениться. Если пальцем шевельнешь — руки повыдергаю. Поняла?

Его друзья обернулись в ту сторону, куда смотрел говоривший, и я поняла, что мое пребывание в раздевалке перестало быть тайной. Еще бы — трусливое сопение разносилось, наверное, по всему помещению.

Выбравшись из угла, прижалась к стене.

Тип с перебинтованным плечом подскочил и толкнул меня в круг мужчин.

— Вынюхиваешь, змея? Как пролезла? Держи руки впереди!

Нельзя показывать свой страх. Я никого не трогала, и значит, за мной нет вины.

— Ничего не вынюхиваю! Сам такой!

Раненый замахнулся, но его кудрявый товарищ перехватил руку:

— Джем, мы не бьем женщин. Остынь.

— А если женщина кидает в тебя заклинание, тоже промолчишь? — выкрикнул Джем. По сравнению с прочими он выглядел гораздо моложе, почти мой ровесник. — Я бы им всем вырвал языки и не пожалел.

— Уймись, — сказал мужчина, сидевший у стены. На вид он оказался самым старшим, с заметной сединой и глубокими складками у рта.

— Видела, что паскуды творят? — Толкнул меня Джем к нему. — Убирай то, чем твои дружки накормили, и побыстрее, или оторву голову!

От силы толчка я упала на колени рядом с мужчиной.

— Джем! — осадил тот. — Не трогай её и не запугивай. Мы не изверги.

— Можешь снять симптомы? — присел на корточки лысый.

— Я... что у вас болит?

— Что у нас болит? — передразнил Джем. — Всего лишь нога отказала, и током

ударило.

— П-помните, какого цвета были заклинания? — обратилась к мужчине.

— За идиотов нас держишь? — вскричал Джем, и я сжалась испуганно. — Об этом каждый ребенок знает! Фиолетовый обездвижил ногу, а от белого начались судороги. Я, что ли, учить тебя должен? А есть с ложки тебя не нужно учить? Излечивай немедленно!

— Успокойся, Джем, — сказал кудрявый. — Запугал девчонку хлеще дьявола.

— Фиолетовый — это *perve sandi**, — пояснила дрожащим голосом. — Онемение пройдет через несколько дней, в зависимости от размеров заклинания. Если обратиться в больницу, то симптомы устроят раньше. А белый... куда он попал?

Сидевший приложил ладонь чуть ниже правой ключицы, и в качестве иллюстрации его затрясло. Мышечный спазм длился несколько секунд, прежде чем мужчину отпустило.

— Это *piloī sandi**...

— Говори по-человечески и лечи! — потребовал Джем, и товарищи вытолкали его из круга.

— Концентрированный электрический заряд. Попадая в ткани, вызывает болезненные судорожные сокращения мышц, иногда с потерей сознания.

— Можешь убрать? — спросил лысый.

— Я не врач. Ему нужно в больницу, — пояснила, заикаясь.

— Что же ты можешь? — снова вклинился Джем. — Вилять задницей и бросать заклинаниями в спину?

— Я ни в кого не бросала!

— Лживая змеюка! — разъярился парень.

— Иди отсюда, — мужчины опять вытолкали его, а сидевшего скрутил повторный спазм. Плохо, что *piloī sandi** попал практически в грудную клетку. Электрические заряды постепенно растекутся по тканям и достанут до сердца.

— Джем... у меня дочь её возраста... — зашевелил одеревеневшим языком мужчина, когда приступ кончился. — Так нельзя...

— А у меня сестра, — возразил Джем. — И что с того? Не собираюсь сюсюкаться с висоратской дрянью!

— Что это? — посмотрел в ноги лысый. — Дым?

В воздухе отчетливо запахло горелым.

— Выкуривают, гады, — пробормотал Джем и посмотрел злобно на меня. — Твои гады подпалили!

— Она не причем, — сказал лысый. — И задохнется вместе с нами.

— Может, сказать им, что у нас висоратская девчонка? — предложил кудрявый.

— А они, добренькие и наивненькие, поверят и выпустят, — съязвил Джем. — Нам бесповоротная крышка. Трындец.

— Нужно попробовать, — настаивал кудрявый, и они протиснулись между шкафчиками, заклинившими дверь. — Эй! С нами висоратка!

То есть как задохнемся? Неужели нас заживо сожгут? Пятерых взрослых людей, у которых есть семьи, и каждый из которых строит планы и мечтает о чем-то.

Абсурд какой-то. Бесчеловечная чушь и неправда.

А вдруг это иллюзия? Если так, то она получилась правдоподобной, как и асфиксия, которая наступит, когда иллюзорный дым заполнит легкие. Как быстро закончится действие задымляющего заклинания: раньше, чем мы умрем, или позже?

Серые патлы расползались по раздевалке — настоящие или нет? Если усердно раздумывать, недолго и задохнуться, а проверять реалистичность дыма как-то не хотелось.

Пробравшись между поваленными шкафчиками, я потеснила Джема и кудрявого, заколотив по двери:

— Эй! Здесь люди! Мы же сгорим! — крикнула и закашлялась. Через щели текла дымная река. — Кто-нибудь слышит?

— Иди отсюда, дамочка, — оттолкнул меня Джем, тоже кашляя и потирая слезящиеся глаза. — Можешь распаковывать чемоданы. Будем жарить крылышки вместе. Никакого толку от тебя нет.

Он прав. От меня никакой пользы. Ничего не могу — ни дождевую завесу создать, ни паршивенькую октаграмму нарисовать и посмотреть, что творится в зале, ни послать Мэлу маячок о своем неожиданном заточении.

Помещение заполнялось дымом, и сидящему дяденьке помогли подняться, чтобы он не задохнулся.

— Уйдем по вентиляции, — показал лысый на серебристый круг с мелкой сеткой под потолком.

— Там узко. Застрянем, — заявил авторитетно кудрявый.

— Жить захочешь — пролезешь. Помогайте!

Втроем мужчины двигали стойки со шкафчиками и наваливали друг на друга, громоздя пирамиду, и я прониклась невольным уважением к невидящим. Чтобы ворочать сварными металлическими махинами, требовалась большая силища.

— Клади устойчивей! — кричал лысый.

Я без конца кашляла, уткнувшись в мех. Глаза слезились. Дяденька рядом со мной оперся о стену, стоя на здоровой ноге. Периодически его били судороги: хорошо, что кратковременные, поскольку длительные спазматические сокращения мышц чреваты тяжелыми последствиями. В учебнике по нематериальной висорике также упоминалось, что в некоторых случаях электрические заряды самозатухали в тканях. Вот было бы прекрасно!

Кудрявый ловко забрался по импровизированной баррикаде и начал возиться с решеткой.

— Давай быстрее! — крикнул Джем, кашляя. — Сдохнем скоро!

— Погоди, тут не за что зацепиться.

Происходящее показалось мне вдруг полной нелепостью, спланированным и хорошо инсценированным спектаклем, целью которого стояло мое разоблачение. Сейчас дым исчезнет, кудрявый подойдет к двери и откроет ее, впустив в раздевалку толпу зрителей. "Достаточно!" — скажет Джем, спрыгивая с пирамиды из шкафчиков. — "Ты не прошла испытание. Ты — не висоратка!". "Лгунья!" — добавит лысый. — "Я поставил на тебя тысячу висоров и проиграл".

Я с подозрением взглянула на актеров, выискивая проколы в их поведении, но внимание мужчин сосредоточилось на вентиляционной решетке, а не на мне, неземной красавице с дрессированными бабочками на платье, и никто не собирался ловить обманщицу с поличным. Уф, наверное, углекислый газ подействовал на голову, выудив из закоулков памяти застарелые страхи.

Кудрявый рывком дернул на себя сетчатый круг и отшвырнул в сторону.

— Достаточно широко, — сказал, подтянувшись на руках и заглянув в открывшийся проем. — Разве что задница Пепла застрянет, поэтому он ползет последним.

Невидящие рассмеялись, перемежая смех с кашлем.

— Чем тебе моя задница не угодила? — проворчал лысый, залезая вверх. — Дай глянуть.

— Михалыч пойдет первым, — Джем показал на мужчину с парализованной ногой. — За ним остальные.

— И девочку возьмем, — сказал Михалыч.

— Нет уж, — отрезал парень. — Пусть сама выбирается. Станет невидимой и пройдет через стену.

— Таких заклинаний не существует, — пробормотала я, кашляя.

В конце концов, мне рано помирать, я еще до мамы не добралась и на балконе не постояла, а значит, выкарабкаюсь. И ни в какую вентиляцию не полезу. Пусть в фильмах супергерои ползают по злачным местам и совершают подвиги, шевельнув мизинчиком, а здесь реальность, пусть и слегка задымленная.

Да и не достану до вентиляции. Не допрыгну и не дотянусь, поскольку руки слабые.

— Я пойду последним, — заключил Михалыч.

— Идите сейчас, пожалуйста, — попросила его. — Не волнуйтесь, я выберусь. Всё будет хорошо.

— Куда ж ты выберешься, деточка? Прямоком в рай? — погладил он меня по голове и пожурил шутливо: — Слушайся батьку, не то ремня всыплю.

Я поняла, что без меня Михалыч не сдвинется с места.

Джем подтянулся на руках и исчез в вентиляционном проеме. Лысый обернулся:

— Не передумал, Михалыч?

— Я ж застопорю, — ответил тот, и в подтверждение слов мужчину снова скрутил спазм. По-моему, у Михалыча заскрипели зубы, сжатые судорогой.

— Пойдемте, — потянула его, когда приступ закончился.

Беспрерывно кашляя, мы полезли вверх по баррикаде из шкафчиков, и кудрявый помогал Михалычу взобраться. К этому времени дым заполнил помещение. Он весьма реалистично драл горло, вытесняя кислород из легких.

— Быстрее, — поторопил Пепел и исчез в вентиляционной шахте. Следом кудрявый подтянулся на руках и пропал в черном проеме.

— Забирайся ко мне на плечи, — велел Михалыч, наклоняясь и подставляя спину.

— Я же... Может, разуться? — спросила, кашляя.

— Залезай как есть, и почаще задерживай дыхание.

Я набросила ремешок сумочки на шею, неуклюже уселась к мужчине на плечи, и он медленно разогнулся, пошатываясь.

— Теперь вставай ногами и опирайся о стену. Не бойся, я удержу.

Михалыч действительно удержал, хотя меня болтало из стороны в сторону с риском навернуться вниз с пирамиды шкафчиков. Отвратительная координация движений у неспортивной поганки! Акробатические трюки — определенно не моя стихия. На мужчину накатила очередная судорога, и он вцепился в мои щиколотки. Хорошо, что я не сняла сапоги, не то было бы гораздо больнее.

Кое-как восстановив равновесие, я оказалась по пояс перед вентиляционным проемом. Черный провал выглядел пугающе.

— Залезай и сразу головой налево, — прохрипел Михалыч и закашлял.

Решившись, я завалилась в проем и заползла в шахту — крайне неловко и неуклюже.

Наверное, мои ноги в чулках то и дело оголялись перед мужчиной, но и мне, и ему было не до стыдливого смущения. Вентиляционный туннель оказался темным, квадратным и узким, поэтому не представлялось никакой возможности развернуться и помочь Михалычу забраться.

В шахте дым быстро протягивался, и дышалось гораздо легче. Пахло металлом и потревоженной пылью. Наверное, проползшие ранее мужчины собрали со стенок всю грязь и паутину. Уж если я пригيبала голову, представляю, каково пришлось им протискиваться вперед при немалой мускулатуре.

Заныли ладони. Я подула на ссадины, заработанные в попытках удержать равновесие, стоя на плечах Михалыча.

Пришлось подождать, прежде чем мужчина забрался следом. Меня начало раздражать волнение из-за его долгого отсутствия, но неожиданно туннель вздрогнул, сзади закричали и закашляли, и я обрадовалась Михалычу как самому дорогому человеку на свете.

И мы поползли вперед. Наверное, чулки ободрались на стыках тысячу раз, не меньше, и дырки тут же затягивались чудесным образом. Приходилось часто останавливаться, когда Михалыча било в очередной судороге, и стенки туннеля мелко вибрировали.

Нам повезло, что шахта была расположена горизонтально и имела небольшой уклон вверх, практически незаметный. Местами вентиляционные туннели пересекались, и тогда я на ощупь проверяла, в какую сторону ползти. Если на пальцах не ощущались частички пыли, значит, недавно здесь прошли товарищи Михалыча.

В тесном ограниченном пространстве меня поначалу одолела фобия. Казалось, будто шахта висит в пустоте на немыслимой высоте и в любой момент может рухнуть, не выдержав нашего веса. Михалыч успокоил, заверив, что вентиляция проложена в кабель-канале, а стенки туннеля "гуляют" из-за незначительной упругости металла, из которого они изготовлены.

Шахты опоясывали различные помещения клуба, вытягивая спертый и потный воздух из залов. Свет, проникающий через сетчатые решетки вентиляции, разбавлял крошечную темноту туннеля. Я даже придумала такую эстафету: сначала доползти до красного пятна, затем добраться до зеленого, следом — до желтого.

Как ни странно, от раздевалки вентиляционная шахта повернула направо, и мне не довелось посмотреть, что стало с клубным подвалом, как не удалось увидеть Мэла и Петю. Зато туннель пролегал мимо прокуренных туалетов, и я едва удержалась, чтобы не раскашляться. Мы проползли, наверное, больше десятка залов, в которых публика предавалась танцевально-развлекательному экстазу, и никто из гостей не подозревал, что внизу случился апокалипсис местного масштаба.

Мне начало казаться, что шахта никогда не кончится, и что мы застряли в вентиляции, став вечными пленниками клуба. Новые посетители будут приходить в "Вулкано" и слушать завывания в стенах, а им будут объяснять, что это красивая легенда о пятерке авантюристов, не сумевших совершить побег из подвальных катакомб и умерших где-то посередине пути.

Постепенно в туннеле стало свободнее, наверное, он расширился, а затем мы с Михалычем догнали его товарищей, успевших уползти вперед. Они тихо переругивались.

Как утверждал Пепел, вскоре несколько шахт должны были объединиться в одну, которая привела бы к вентиляторам, поэтому следовало выбираться из туннеля раньше, то есть спрыгнуть с подножки поезда на полустанке, пока нас не намотало на лопасти громадных механизмов. А то, что до них недалеко, не подлежало сомнению, поскольку

ощутимо тянуло, и появился гул.

Я передавала Михалычу слова спорящих, а он молча слушал. Его измотали бесконечные приступы, длительность которых увеличилась, а интервалы между ними сокращались. Вот бы помочь ему! Но как? Нужно везти Михалыча в больницу.

Наконец, процессия отправилась дальше, и вскоре я доползла до перекрестия нескольких туннелей. Теперь дуло прилично, помогая продвигаться вперед, а гул усилился.

— Дальше нельзя! — закричал кто-то, наверное, Джем. — Нас затянет!

— Здесь воздушный карман, в нем должен быть дубль-люк! — крикнул Пепел.

Послышался глухой стук.

— Ещё! — крикнули впереди. — Надави!

До меня долетел свежий порыв, принесся запах выхлопных газов и шум города.

Обалдеть. Кому расскажешь — не поверят. Сижу в вентиляции в компании четырех мужчин, а на улице глубокая ночь или раннее утро. Ничего необычного, всё в порядке вещей, словно мне не впервой выбираться из развлекательных мест экстравагантными способами.

— Метра два-три! — послышалось впереди. — Лестницы нет!

Шахта еле слышно содрогалась. Я насчитала три толчка и осторожно поползла вперед. Глазам открылось расширение в туннеле, наверное, воздушный карман, о котором упоминал лысый, и квадратная дыра сбоку, через которую задувал морозный воздух, и виднелись белесые облака на темном небе. После тесной шахты у меня закружилась голова от открытого пространства.

— Прыгай! — крикнули внизу.

Одинокий фонарь на углу, длинные тени, какие-то строения, баки у стены и мужчина, тянущий руки вверх. Мамочки, да ведь я разобьюсь!

Вдалеке завопили сирены.

— Прыгай, говорю! — потребовал кудрявый. — Не бойся, удержу. И не хватайся за края, а то руки оторвешь!

Свесив ноги, я зажмурилась и соскользнула вниз с тонким писком, упав на импровизированный мат, то есть на кудрявого.

— Чуть башку из-за тебя не проломил, — пробурчал он, поднимаясь и помогая мне встать. — Маленькая, а тяжеленная. Зато ножки — ничего, и чулочки тоже.

А я не смутилась и не покраснела из-за задравшегося при падении платья, потому что слишком устала.

— Спасибо вам, — поблагодарила кудрявого.

— Не за что. Сейчас Михалыча спустим и тикаем к проспекту.

Мужчина, замыкающий вояж по клубной вентиляции, рухнул как подкошенный. Его опять била судорога.

— Михалыч, ты как? Ноги-руки целы? — ощупал его кудрявый.

— Вроде бы, — выдавил тот.

— Не нравится он мне, — сказал кудрявый тихо. — С него пот льет ручьями, и лихорадит. В любой момент язык откусит. Пошли, поймаем машину.

— А остальные? — поглядела я по сторонам. Кроме нас троих, в проулке никого не было.

— Двинули кто куда, и нам нужно поторапливаться. Слышишь, соловьи заливаются?

Действительно, шум города разбавился визгливым многоголосием сирен.

Кудрявый подхватил Михалыча и потащил по темному проулку, а я шагала рядом и

беспрестанно оглядывалась, не в силах поверить, что выбралась на поверхность, что иду по твердой земле и дышу почти свежим столичным воздухом. Мне казалось, мы затерялись в нереальном, неправильном мире без правил и законов, и за поворотом нас ждало возвращение в задымленную раздевалку в подвале. Путанице в голове способствовало то, что путь пролегал вдоль глухой стены здания, абсолютно непохожего на "Вулкано". С фасада клуб потрясал воображение фееричностью красок и необычностью форм, а сейчас по левую руку от нас тянулось темное высотное строение.

Однако морозец был самый, что ни на есть, реальный. Чтобы не озябнуть, я натянула перчатки и капюшон. Наверное, шубка из кролика после путешествия по вентиляционным туннелям стала шубкой из крота, жившего в угле.

— Где мы? — спросила у кудрявого.

— На задворках, — сплюнул он и выругался. — Чертов ср*ный клуб! С*ки, чуть заживо не сожгли!

Только сейчас, когда извилины продулись на ночном морозце, я осознала масштабы нечеловеческой злобы, из-за которой едва не погибли пять человек, и я в том числе. Вот так запросто — создать задымление, пусть иллюзорное, и, похохатывая, выкуривать слепых, словно они не люди, а какие-нибудь крысы или тараканы.

— Михалыч, в больницу? — спросил кудрявый.

— Н-нет, — засипел тот. — Д-домой.

— Какое "домой"? Не ровен час, отдашь концы.

— Д-домой! — задергался мужчина.

— Ладно, как скажешь. С одной стороны, хорошо бы в больницу, с другой стороны, там уже ждут, голубчики.

— Михалыча нужно показать врачу, — потребовала я. — Сами видите, что он плохой.

— Мало висоратских носов он сегодня оприходовал, да? — ответил кудрявый. — У нас свои врачи есть, не хуже. А если надумает помереть, то уж лучше дома, нежели семью заставят выплачивать компенсации на лечение висоратских морд, поняла?

— Поняла.

Может, Михалыч и Петин нос сломал или вывихнул челюсть Мэлу?

Мы вывернули из проулка и попали в освещенную теплую зону. Кудрявый прислонил Михалыча к стене здания и бросился ловить машину.

А у меня как назло нет телефона. Узнать бы, что случилось с Петей, и не пострадал ли Мэл.

Отвратительно широкий проспект.

Как же я устала!

У обочины остановилось знакомое клоунское такси с малиновыми ромбиками по бокам. "Десять и два сверху".

— Деньги есть? — бросился ко мне кудрявый. — У меня ни капли бабла, не успел заработать.

— У меня двести висоров, — я поспешно достала бумажки.

— Сотенку пока придержи, а вторую давай, — сказал кудрявый. Подхватив Михалыча, он поволок его к машине и завалил на заднее сиденье. — Садись с ним, только за руку не бери. Сожмет и пальцы переломает, — объяснил и занял место рядом с водителем. — Нам на Спичечную и... куда? — повернулся назад.

— На Институтскую, — добавила я торопливо, охваченная радостью. Дом, милый дом, я

еду к тебе!

— За двести в один адрес, — объявил водитель ночной тариф.

— Как за двести? — подкинулся кудрявый.

— Почему за двести?! — воскликнула я одновременно с ним.

За двести висоров пешком дойду до общаги, если не заблужусь по пути. А нужно еще Михалыча доставить домой.

— Ты сказал, что за сто развезешь, — напомнил кудрявый.

— За сто — одного пассажира и в один конец. А чтобы кататься по городу, гони пятисотку.

— Ну, ты жук! — огрызнулся кудрявый. — Какая тебе разница, одного везти или троих?

— Не нравится, проваливай, — парировал агрессивно водитель. — И девку с дедом забирай, у меня полно клиентов.

— Ладно, ладно, — сказал примирительно кудрявый и обернулся ко мне: — Давай еще сотню.

Я протянула вторую бумажку.

— Поедем на Спичечную, а там уж разберемся, что делать, ладно?

На Спичечную, так на Спичечную, всё равно некуда деваться.

— Тебя как зовут? — обернулся кудрявый, когда машина тронулась.

— Эва, — ответила, зевнув.

— А я Кирилл. Будем знакомы.

Пора бы уж познакомиться, когда прошли вместе через дым и вентиляционные трубы.

Навстречу такси проносились вереницы машин скорой помощи и черные тонированные машины с мигалками, наверное, из Департамента правопорядка или первачей*. Михалыча лихорадило беспрерывно, и он сдавленно стонал. Видимо, боль была невыносимой, коли сильный крепкий мужчина не смог сдержать голос.

У любой усталости есть предел.

Мой предел — это крутой обрыв перед бездонной пропастью. Нет, это стена без конца и края, в которую упираешься носом, а ноги бессильно разъезжаются в разные стороны.

В такси меня разморило, и я задремала.

Мне снился нескончаемый длинный-предлинный день, который начался утренними сборами и проводами на прием, продолжился великолепным представлением в амфитеатре Дома правительства, знакомством с премьер-министром, встречей с отцом и мачехой и сбившей с ног новостью о том, что Мэл несвободен. Автомобиль ехал, и сон наматывался на колеса, завершившись несостоявшимся убийством в клубе, уединением с Мэлом в убогой комнатухе и побоищем во время нелегальных боев.

Как много событий для маленькой крыски! Столько потрясений и стрессов, от которых любая голова опухнет, сойдя с легкостью с ума!

Смутно запомнила, что машина остановилась в заснеженном квартале, и кудрявый тащил Михалыча по тротуару, а того, с обескровленными губами, трясло в судорогах. Я шла следом и спала на ходу, отмечая мимоходом ущербные ступени лестницы, разрисованные стены, мусор по углам.

Кирилл стучал в зеленую дверь с аккуратными цифрами "1" и "5", выведенными краской.

Какие-то женщины охали, суетились, всхлипывали. Плакал младенец, сохли пеленки, отчего на кухне была влажность.

— Его нужно в ванну, — сказала я вдруг. — Есть ванна?

— Ванна? — переспросил Кирилл. — А ты-то откуда знаешь?

— Мы в интернате так делали.

Я вспомнила: после неудачных попыток создания *piloi candi** мальчишки целыми днями отмокали в местном пруду. Вода облегчала мышечные судороги, снимая боль. Хоть убей, а не пойму, почему помогало.

В теплой воде Михалычу действительно полегчало, и он задремал.

— Кушать будете? — спросила его жена, утирая глаза платком.

— Не до того. Поспать бы, — махнул рукой Кирилл, и я согласилась с ним.

Нам выделили скрипучий диван в комнате, и Кирилл, стянув разве что толстовку, рухнул одетым и тут же захрапел.

Я тоже сняла шубку и сапожки, и, прислонившись спиной к спине кудрявого, провалилась в беспробудный сон.

Сновидения навалились отголосками пережитых моментов. Меня болтало и ворочало. Я разговаривала с непонятными размытыми тенями, ругалась, просила, требовала. Продиралась через фейерверки вспышек, кружилась, прыгала, куда-то ползла.

Пробуждение тянулось и тянулось, пока глаза не раскрылись, уставившись бессмысленно на солнечный зайчик на потолке.

Оказалось, во сне я перекатилась к батарее, которая жарила изо всех своих чугунных сил. Кирилла уже не было, зато около дивана стоял малыш в трусиках и маечке и сосал пальчик, сосредоточенно уставившись на меня.

— Привет! — улыбнулась ему, но ребенок не отреагировал и ушлепал босиком на кухню, где гремела посуда, и тянулись аппетитные запахи.

Ну вот, напугала дитяtku. Наверное, выгляжу как баба Яга из сказки — растрепанная, с потеками туши после слезолития в дыму, а во рту поганое ощущение. Хотя Кирилл не сказал ночью ни слова о моем непрезентабельном внешнем виде, но ведь в суматохе он мог и не заметить.

Комнатка напоминала мою швабровку размерами и куцостью обстановки. Вскочив с дивана, я охнула, с трудом разогнув ноги в коленях. Определенно, долгие километры ползком к свободе не обошлись без отекавших суставов и синяков. Руки тоже не могли похвастать чистотой, как и идеальные некогда ногти, под которыми успела набраться грязь. На ладонях остались ссадины от цепляния за шершавую стену раздевалки.

Кое-как надев сапожки, я повертелась, оглядывая себя и оценивая потери в облике. Внешне платье выглядело так, будто минуту назад было куплено в магазинчике Лили. Бабочки послушно вспархивали и прикреплялись к подолу, а чулки сияли нетронутостью чудо-капрона. Зато шубка, брошенная в изголовье дивана, превратилась в продольного черного полосатика. Жалко её, но убиваться не буду. Лучше быть живой и в испорченной шубке, чем задохнуться в дыму, и тогда никакие радости жизни уже не понадобятся. У меня будет десяток шубок, дайте только добраться до общежития!

В трех шагах от кухни попался трельяж в коридоре. Придирчивый осмотр выявил коричневые следы на шее, то есть попросту засосы, уцелевшие клипсы в обоих ушах (вот чудеса!), а также уникальную стойкость косметики, наложенной Вивой. Даже на губах сохранилась помада, правда, поблекшая. Отличный результат, если не считать того, что я заволновалась: как удалять сверхстойкий макияж стилистки? А может, не стоит избавляться от него? Это же воплощенная мечта любой женщины — красивое лицо на год или на два.

Или навечно! И прическа в целом сохранилась. Слегка растрепалась, но легкая небрежность в укладке волос неплохо смотрится. Да я конфетка хоть куда! Могу прямо сейчас отправиться во второй забег по приемам и клубам.

Нет уж, — присела на краешек тумбочки. Хорошего помаленьку, иначе быстро наступает передозировка, опасная для здоровья.

На тесной кухне, заставленной баночками, кастрюльками, посудой и прочей кухонной утварью, полная черноволосая женщина крутилась у плиты, жаря сразу на трех сковородках оладьи, а за столом сидели Кирилл и светловолосый мужчина и хватали горячие лепешки с пылу с жару.

Незнакомец оказался зятем Михалыча, вернувшимся с ночной смены, с красивым именем Иван. Босоногий малыш был старшим внуком Михалыча, а младшей внучке Тасеньке едва минуло три месяца.

Очевидно, Кирилл успел рассказать историю нашего знакомства, потому что вопросов мне не задавали, разве что зеленоглазая дочка Михалыча, такая же статная как её мать, посматривала на меня сердито, пока сыночек играл с иллюзорными бабочками.

— Что с Михалычем? — спросила я Кирилла.

— Лучше. Сейчас спит. Если хочешь, сходи, умойся.

— Ему же нельзя из ванны! — воскликнула я. — Как минимум сутки или дольше.

— Не волнуйтесь, — сказала жена Михалыча. — Приходил врач, снял обострение.

— Правда? — переспросила я подозрительно у Кирилла.

— Правда. Пока ты дрыхла, приходил, посмотрел, послушал и прописал, что нужно.

Что же за врач такой, который прибыл по срочному вызову и устранил симптомы заклинания за короткое время? — поглядела недоверчиво на Кирилла. Если, конечно, не Севолод Мелёшин, услуги которого стоят баснословные деньги, — хмыкнула скептически.

В ванной, такой же затрапезной, как и прочие помещения обиталища Михалыча, я привела себя в относительный порядок. Руки жутко щипало от мыла. Что поделатъ, не висораты мы, чтобы заживлять раны на глазах. Зато "колечко" Некты, успокоившееся вместе со мной, опять ушло под кожу.

В целом хозяева отнеслись ко мне приветливо, но настороженно, хотя и со сдержанным любопытством. Наверняка не каждый день у них в гостях бывали роскошные светские красавицы с журнальных обложек и ели запросто оладьи со сметаной, не морща брезгливо нос при виде неприбранной кухни. А возможно, хозяева ожидали, что я продемонстрирую чудеса висоратских умений, ведь для слепых мало-мальское заклинание сродни волшебству. Что ж, придется их разочаровать, пусть даже покажусь высокомерной.

Жена Михалыча предложила позвонить, если таковое требовалось, но в моей памяти не отложилось ни одного телефонного номера. Достижения прогресса плохи тем, что мы надеемся на них, а в ответственный момент приходится надеяться на себя. Как приеду в общежитие, первым делом выучу номера телефонов Аффы, Стопятнадцатого, Альрика и... всё, пожалуй, — поклялась себе.

Зять Михалыча вызвался развезти нас с Кириллом по домам. Актуально, если учесть что денег у меня не осталось. Катерина — женошка Ивана и дочка Михалыча — настояла, чтобы мужчины сначала подбросили меня к институту, а затем уже разбирались с доставкой Кирилла. Только выйдя на улицу, я поняла причину ее антипатии. Молодая женщина видела во мне разлучницу, искушающую благочестивых мужей, и решила хотя бы таким образом поскорее избавить супруга от соблазна. Ну и ну! А ведь мужчины не дали повода думать, что

моя неземная красота покорила их сердца. Ну, Иван-то, понятно, — семьянин при двух детях и жене, а в глазах того же Кирилла я была висораткой, недостижимой как звезда на небе, знакомство с которой грозило проблемами и неприятностями.

Иван, узнав о маршруте, предложил ехать окраинами. Я заметила, что он, собираясь, пошептался с женой и снял с шеи амулет.

— Иван! — сказала, возможно, громко, потому что его жена, качая на руках младенца, вздрогнула испуганно, а он втянул голову в плечи. — Иван, не снимайте дефенсор*. Я никому не расскажу, обещаю. И о Михалыче не скажу, и о Джеме, и о Кирилле, — посмотрела на кудрявого, и он понимающе ухмыльнулся. — И не подам жалобу ни первачам*, ни дэпам*, — при этих словах Кирилл сделал удивленное лицо, мол, надо же, какой жаргон знает висоратка из высшего общества. — Да и на что жаловаться? Михалыч и Кирилл спасли мне жизнь, а это самое главное. Так что считайте, мы с вами не встречались, но за оладушки большое спасибо, очень вкусные.

Мужчины сели впереди, а в мое владение отдали заднее сиденье машины: лежи — не хочу.

Хорошо, что Иван придумал ехать окраинами. Заснеженные малолюдные улицы и сугробы на обочинах настроили меня на умиротворяющий размышленческий лад. Время близилось к обеду, и я успела пропустить две консультации — по теории снадобий и по матмоделированию процессов. Наверное, Аффа испереживалась из-за моего отсутствия. Интересно, где сейчас Петя? Как исполнительный отличник явился ранним утром в институт или продолжил ночное знакомство с девицей из лимузина и транжирит выигрыш, застряв до утра в клубе? Почему бы и нет? Висораты выплеснули зашкаливающий адреналин, подкоптили слепых и вернулись к прерванным развлечениям.

Я скривилась. Мог ли Петя принять участие в поджоге раздевалки? Ведь в клубном подвале он неприязненно отнесся к невидящим, а если когда-нибудь узнает обо мне правду, то выскажется гораздо резче и прямолинейнее.

Где провел ночь Мэл? Отвез слабонервную невестушку домой и успокаивал, оберегая от обморока, или помчался к родителю, чтобы поведать из первых уст о произошедшем в подвале "Вулкано"?

Похоже, машина Ивана увидела свет задолго до гражданской войны. Она фыркала, дергалась и глохла на перекрестках, но, тем не менее, героически доползла до ограды института.

Родные края, отчизна моя! — пело сердце в нетерпении, готовое обнять куряг, дымящих у калитки. А еще пробегусь по парку и вспугну ворон, облепивших черные вязы, и оседлаю первого приглянувшегося ангела на аллее!

Иван припарковался поодаль от стоянки. Кряхтя, я выбралась наружу на несгибающихся ногах, Кирилл тоже вылез.

— Громко не хлопай! — крикнул Иван.

— Поздно, — ответил Кирилл, успев бахнуть дверцей. — Значит, здесь учишься? — кивнул он на здание института.

— Вроде того. Хотя толку немного.

— Много-немного, а ты спасла жизнь Михалычу.

— Вот еще! Это ты и Михалыч спасли меня и не бросили! — воскликнула с жаром. — Если бы не вы, я бы...я бы...

— Ладно, не распускай нюни, — испугался Кирилл, решив, что сейчас разревусь.

Будто чувствовал, что собираюсь пустить слезу. Наконец-то я дома! В трех шагах от общаги! Приду, завалюсь на кровать и буду отсыпаться до следующего экзамена, а там хоть трава не расти — после пережитых стрессов пересдачи не страшны, и плевать на пожелание премьер-министра о скором завершении сессии.

Вот это да! Неужели мне целовал руку сам премьер-министр?! — чуть не села в сугроб, позабыв о попутчиках. Неужели сам Рубля пригласил меня на праздничный обед? Кстати, я ведь собиралась бежать из столицы.

— Эй, с тобой всё в порядке? — спросил Кирилл, встревоженный моим ошалевшим взглядом, уставившимся в одну точку.

— Нормально, — успокоила его, вернувшись в действительность. — Ударилась головой в вентиляции и шишку набила.

Кирилл рассмеялся. На прощание он пожал руку — крепко, по-мужски, и я улыбку ему как хорошему другу.

— Вернешься в "Вулкано"? — спросила у него.

Кирилл покачал головой:

— Наверное, нет. Ну, ладно, бывай.

Возможно, мы с ним больше не увидимся, как с Михалычем, Джемом, Пеплом и с Иваном и его семьей. Хотя я ничем не отличаюсь от них, всё же пути, сведшие нас этой ночью в "Вулкано", разойдутся сегодня в разные стороны.

Из-за поворота вынырнула черная спортивная машина и проехала мимо со страшным визгом тормозов. Ее развернуло на дороге и занесло на обочину. Дверца автомобиля открылась, и из него вылез... Мэл! В надетой наспех куртке, бледный, взъерошенный.

Боже мой!

Я попятилась. Мэл был страшен. Он приближался, и в его глазах полыхали зеленые огни, а кулаки сжимались и разжимались.

— Кто это? — спросил Кирилл. — Это твой, что ли? Может, ему объяснить?

— Ой, не надо, — залепетала я, пятясь мелкими шажками к калитке. — Уезжайте, пожалуйста, пока он никого не убил.

Кирилл хмыкнул:

— Справишься?

Подойдя, Мэл одарил его сверкнувшей зеленью в глазах. Он явно разрывался между тем, чтобы наброситься на Кирилла и ринуться за мной, но мгновенно определился с приоритетами.

— А ну, иди сюда, — зашипел, потянувшись через капот соседней машины, и ухватил меня за рукав.

Сердце зашло от страха. Вырвавшись, я засемила вдоль ряда автомобилей к калитке, позабыв о ноющих коленках. Мэл не отставал.

Ой, мамочки! Сейчас воплотится моя самая страшная фантазия: Мэл, в каждой руке которого пылает разрушительное заклинание, а позади тянутся институтские руины.

Пробежав половину аллеи, я обернулась — Мэл следовал за мной. Метнувшись на крыльцо и позабыв о возможных звонках и воздушных волнах, ворвалась в холл. В любое другое время я порадовалась бы возвращению в обитель знаний и расцеловала мордашку Монтеморты, послав воздушный поцелуй святому Списуилу, но сейчас мне было не до сантиментов.

Где спрятаться от Мэла? В архиве? На чердаке? У Стопятнадцатого в деканате? У

профессора?

Пока я в панике кружила под люстрой, Мэл вошел в холл и направился ко мне, точно лайнер, рассекающий океанские просторы. Перед ним расступались и с опаской смотрели вслед, девчонки тянули шеи и взволнованно переговаривались. Сегодня Мэл напугал добрую треть института, а уж я-то как перетрусилась!

Не придумав ничего лучше, бросилась в северный коридор и взбежала на третий этаж, кинувшись в женский туалет. Мэл меня не найдет, а если отыщет, то не посмеет сюда зайти — здесь нейтральная территория.

Посмел. Зашел.

Хлопнул дверью так, что осыпалась побелка с потолка, и закачались плафоны. Первокурсницы, прихорашивавшиеся у зеркала, выскользнули из туалета дрожащими бледными тенями.

Я отступала к окну, а Мэл подходил и по ходу открывал кабинки — одну за другой. Двинет кулаком по очередной дверце, та долбанет с силой о стенку, а Мэл идет дальше, заставляя меня вздрагивать всем телом и едва ли не подпрыгивать.

Вот и захлопнулась ловушка — за спиной подоконник. Все-таки стоило бежать к Стопятнадцатому.

Мэл подошел совсем близко, и я отклонилась к окну, сжавшись. Боюсь, боюсь!

Кипящая зелень в радужках обжигала на расстоянии. Сумасшедший, неуправляемый...

Он сжал мой подбородок рукой, лишая возможности кричать и звать на помощь, и всматривался в глаза несколько долгих секунд, а затем вдруг обнял крепко, прижав к себе. Сдавил так, что хрустнули ребра, и уткнулся носом в мои волосы, бормоча:

— Эва... Жива... Жива...

airea candi *, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

veninati candi *, венинати канди (пер. с новолат.) — ядовитый сгусток

luxi candi *, люкси канди (пер. с новолат.) — световой сгусток

deformi *, деформи (перевод с новолат.) — деформация

dimicata *, димиката (перевод с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

certama *, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

первачи* (разг., жарг.) — служащие Первого департамента: дознаватели, следователи

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

nerve candi *, нерве канди (перевод с новолат.) — нервосгусток

piloi candi *, пилой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

9. Точки над і

Жива...

Стою, уткнувшись лицом в куртку Мэла, и пытаюсь не задохнуться.

Этому способствовало невообразимое стечение счастливых обстоятельств и как итог — короткое слово из четырех букв.

В драке меня могли изувечить физически и заклинаниями, попадись я под руку. Там не разбирались, кто свой, а кто — чужой.

Невидящие могли оставить меня задыхаться в дыму. Они могли бросить меня в любой момент или прибили сразу же, как заметили в раздевалке.

Вентиляционная шахта могла оказаться размерами с носовой платочек, но вместила четверых упитанных мужиков и меня в придачу, позволив нам выбраться наружу.

Я могла сломать ногу, упав с пирамиды из шкафчиков, или расшиблась бы, прыгая из люка на асфальт.

Могло случиться многое, что лишило бы меня удовольствия попасть в удушающие объятия Мэла, и теперь я стою, сжатая как гармошка, и слушаю, как стучит его сердце — как оно молотит, не в силах успокоиться.

Попробую обождать и пока не вякать недовольно из-за устроенного произвола. Одно неверное слово может стать красной тряпкой для быка, и от меня не останется мокрого места.

Мэл сбивал с толку очередной непредсказуемостью. Он долго не размыкал рук, и я чувствовала его напряжение, похожее на сжатую пружину. Очнувшись через какое-то время, Мэл ослабил объятия и начал ощупывать меня.

— Ты ранена? Пострадала? — спросил озабоченно.

— Цела, — ответила я неуверенно, торопясь надышаться.

Конечно же, он не поверил.

— Что это? — развернул мои ладони вверх. Как знал, где искать.

— Небольшие ссадины, — попробовала вырвать руки.

— Ничего себе, небольшие! — воскликнул он обеспокоенно. — Кожа содрана. Сейчас заштопаю.

— Спасибо, Мэл, не стоит. Они и так заживут.

— Не дергайся! — приказал парень, проигнорировав вежливый отказ, и мне осталось подчиниться.

— Не усердствуй, а то будет отдача.

— Знаю, — ответил Мэл резко.

Пока он с сосредоточенным видом накладывал невидимые стежки, я смотрела на него и опять любовалась каждой черточкой волевого лица. Мазохистка фигова! Мэл выглядел уставшим, с несходящей складкой меж нахмуренных бровей, отчего казался старше своего возраста.

Некоторое время мы молчали, пока он залечивал ссадины на левой руке и взялся за правую. Там, где приложилось и подействовало заклинание ускорения, начиналась регенерация тканей и появлялась розовая кожица.

— Тонковато. Не сдери повторно, иначе будет насмарку, — сказал Мэл, я кивнула, и снова наступила тишина, прерываемая стуком капель из крана о раковину.

Занявшись лечением, Мэл постепенно успокаивался. Дерганность движений помаленьку сгладилась, складка на лбу исчезла. В какой-то момент он слабо улыбнулся, отвлекшись на меня, но тут же вернул себе серьезный деловой вид.

— Расскажешь, как провела ночь? — спросил, закончив со штопаньем ссадин на второй руке.

— А ты?

— Могу. Погоди. — Мэл выудил из кармана телефон и споро выбрал нужный номер. Ответа абонента не пришлось долго ждать. — Это я. Всё в порядке. Она со мной, в институте... Да... Передай остальным... С меня причитается.

Убрав телефон, Мэл опять обнял меня, слава богу, не став сжимать в стальном захвате, и отклонился, рассматривая.

— Из-за тебя, Папена, я погряз в долгах, — сказал спокойно.

— Я тебя не просила, — ответила вызывающе, пытаясь скрыть нервозность. Сейчас начнет требовать встречный долг на покрытие своих новоприобретенных задолженностей.

— Не просила. Я боялся самого худшего.

— Чего же? Как видишь, жива, здорова, и насморк не мучает.

— Это хорошо, — вздохнул он и вдруг воскликнул: — Черт возьми, это прекрасно! Ты понимаешь, что тебе невероятно повезло?

— Понимаю, — буркнула недовольно. — Я сама кузнец своего счастья. Спасибо за помощь.

— Эва... — начал Мэл и уставился в окно, взъерошив рукой волосы. Продолжая обнимать меня, он достал из кармана какую-то баночку, и, откупорив, начал пить. Что это? Напиток, прихваченный впопыхах из клубного подвала? Вроде бы от Мэла не пахло алкоголем, да и за руль он не сел бы, будучи нетрезвым.

Я протянула руку, и Мэл подал баночку. На ней был нарисован юноша в крылатых сандалиях, взмывающий к небесам, а ниже надпись гласила: "Энергетик ультралёгкость". Содержимое пахло кофе и еще чем-то, похожим на миндаль и карамель.

— Зачем? — вернула баночку, и Мэл допил из нее в несколько глотков. Сжав пустую жестянку рукой, он метко забросил лепешку в урну у зеркала.

— Чтобы не спать. Я ведь не спал, Эва, — пояснил, снова обняв меня.

Нечего обвинять других в бессоннице. Так Мэлу и надо! Он заслужил хотя бы толику моих страданий. Пусть на своей шкуре поймет, каково мне было видеть его вместе с замороженной принцесской. С без пяти минут его невестой.

— Я тебя искал.

Вот так новость! А я-то думала, он утешал свою Снегурочку и отпаивал каплями будущего тестя с тещей. Не поздновато ли для поисков? День на дворе, солнце в зените. Мэл искал, а я сама нашлась. Видно, не там искал или врет.

— Интересно, где? По подвалу рыскал?

— Сначала в подвале, — подтвердил он ровно. — Потом Мак искал по первачам* и дэпам*, Дэн — по больницам, а я... по моргам.

Я решила, что ослышалась. Дурацкая шутка и несмешная.

— То есть как по моргам? Неужели и туда...?

Мне не хватило сил договорить. Перед глазами возникла картина драки в клубном подвале. Люди, сошедшие с ума, крики, стоны, ругательства... Ужасно.

— И много?

— Раненых? — усмехнулся Мэл. — Достаточно.

— Нет... тех, которых... — в моих легких вдруг скончался кислород.

— Лучше не спрашивай, — Мэл выпустил меня из объятий и опять отвернулся к окну.

Значит, в массовом побоище не просто наносили увечья друг другу. Там погибли люди, и, судя по посуровевшему лицу Мэла, таковых оказалось немало. Возможно, deformi*, предназначенное мне и попавшее в другого человека, вывернуло его шею, сломав с хрустом позвонки, или скрутило, согнув натрое, и превратило в тряпичную куклу. В пожизненное растение.

Меня затошнило.

Неисповедимы наши пути. Решил человек воскресным вечером поднять настроение в клубе, а в результате отправился прямиком на каталке в морг. Или пришел в "Вулкано" не

развлекаться, а заработать денег, как, к примеру, Кирилл или Джем, или Михалыч.

— А Петя? Что с ним? Он... жив? — вдруг осипла я, не заметив, что приложила руку к груди и затаила дыхание в ожидании ответа. Мэл знает, что стало с чемпионом. Он не может не знать.

— Жив твой Петя. Цел и невредим. Посидит денек-другой в отделении, очухается и поймет, что натворил, — процедил Мэл и вдруг закричал: — Какого черта ты поперлась с ним вниз? Разве трудно было пойти в зал? Я же просил!

Просил он, видите ли! Он приказал, а не просил, и не соизволил поклониться и сказать "пожалуйста".

— Да, трудно! — распалилась я моментально. — Ножки заболели! Расхотелось вдруг!

— Он же бросил тебя! — кипятился Мэл. — Полез на долбаный ринг, сволочь!

— Петя — не сволочь! — закричала из чувства противоречия, хотя Мэл сказал правду.

— Нет, он хуже! — рассвирепел Мэл. — Он должен был защитить тебя!

— Тебе-то какая разница, кто меня защищает? Ты же свою Снегурку прикрывал! Вот и иди к ней, обнимайся! Радуйтесь, что живые и здоровые! Торопись заказать свадебное меню и примерить колечко! — выкрикнула, и почему-то что последние слова получились с надрывом и едва сдерживаемыми рыданиями.

Что со мной? Я ведь сильная и справлюсь со всеми проблемами, — разозлилась на прорвавшуюся слабость.

— Эва, что ты несешь? — встряхнул меня Мэл.

— Я несу?! Это я несу? Отпусти меня!

— Никаких колец! Никакой свадьбы, слышишь? — тряс он меня, а я закрывалась руками. Укроюсь в створках раковины, спрячусь от правды. — Я дал обещание тебе! Тебе, Эва! И отец знает, я сказал ему об этом!

— К-какое обещание? К-какой отец? — от неожиданности я растерялась.

— В клубе. В той комнате. Неужели не помнишь?

Воинственный пыл мгновенно угас, и я ошарашенно смотрела на Мэла.

— Не помню. То есть помню... отрывочно... общий смысл, — смешалась, вспомнив горячие объятия в замызганной кондейке.

— И ты сказала "да", — продолжил Мэл. — Ты согласилась. Приняла обещание.

— Я так сказала?

Наверное, мое "да" прозвучало как "да-а-а" с придыханием, когда Мэл истязал жадной лаской.

— Совершенно верно. Я сказал... — он обхватил мое лицо ладонями и наклонился — дыхание к дыханию: — Что только с тобой... И только о тебе...

— Разве?... Не помню... — выдавила я потрясенно, хватаясь за Мэла.

— Это мне в плюс, — улыбнулся он, покрывая легкими поцелуями мое лицо — нос, щеки, веки, лоб.

— А как же она? А как же ваша... — пролепетала бессвязно, теряя ориентацию в пространстве.

— Тс-с, — Мэл приложил палец к моим губам и обхватил второй рукой, а то бы я точно навернулась. — Никого нет и не будет. Кроме нас с тобой.

— Никого не будет... — повторила как загипнотизированный попугайчик. Я и Мэл — только мы вдвоем. — погоди! — оттолкнула его. — Ты сказал отцу?

— Да. Поставил перед фактом сегодня утром.

Пол под ногами покачулся. Вот и сбылись предсказания профессора. Вернее, они скоро сбудутся, потому что война объявлена, и не мной. Мэл, Мэл, что же ты натворил...

— Эва, в чем проблема? — нахмурился он. — Мой отец угрожал тебе? Шантажировал? Скажи!

— Разве ты не видел, на что он способен? Он докопается! Он узнает! — начала я вырываться из его объятий.

— Стой и не вздумай сбежать, — приказал Мэл, и, водя руками вокруг себя, наспех разбросал невидимые узелки в разные углы туалета.

— Что ты делаешь?

— Стусис*, чтобы перемешать звуковые волны.

Знакомое заклинание, когда-то лишившее меня половины реденьких волос. Теперь "вертушки", кружа по туалету, будут путать звуки, и наш разговор станет похожим на запись, издаваемую зажеванной магнитофонной лентой. Предусмотрительный ход на случай, если кто-нибудь вздумает подслушать.

— Если мой отец решит воспрепятствовать, ему же будет хуже — я предупредил его.

— Думаешь, он воспринял всерьез твои слова? Ты видел, с какой легкостью все узнали, что я — дочь заместителя министра!

— Во-первых, об этом узнали бы и без его участия. Ты не смогла бы исчезнуть с приема незамеченной, — успокоил Мэл, обняв меня, но моя тревога не убавилась. — А во-вторых, бери выше. Теперь ты дочь министра экономики.

Я уставилась на него в изумлении:

— В каком смысле?

— Рубля понял, что лишь твой отец способен спасти национальную экономику, и назначил его вчера министром, — потерял носом Мэл о мою щеку, но я отклонилась.

— Вот видишь, это не шутки! Посмотри, какие игры идут в верхах! Сегодня кто-то министр, а завтра он сидит на скамье подсудимых за растраты! Семьи объединяются в политические союзы, а ты смешал карты своему отцу. На приеме он показал, с какой легкостью может потопить меня, понимаешь? И утопит без жалости, потому что нашел достаточно информации!

— Эва, не паникуй. — Мэл попытался поцеловать меня, но я уворачивалась. — Если отец сделает что-нибудь, что навредит тебе, я устрою так, что он пожалеет об этом.

— Он передаст те фотографии в газеты и придумает мерзкие заголовки!

— Какого же ты мнения о моем отце, — усмехнулся Мэл.

— Уйди! — отпихнула его. — Тебя всё равно не переубедить. Ничего не было!

— Отчего же? Охотно верю, — сказал Мэл, и я воззрилась на него потрясенно. — А что такого? Ничего особенного, — пожал он плечами. — Ведь могут быть у моей девушки собственные деловые интересы, так?

— Так... — согласилась нерешительно, поскольку в голове всё перепуталось после фразы "у моей девушки".

— Скажи только одно, Эва, — прошептал он, склонившись к моему уху, — это незаконные деловые интересы?

Мы долго смотрели друг другу в глаза, прежде чем я отвела взгляд и кивнула, а Мэл почему-то обрадовался. Неужели он примирился со снимками, на которых я общалась с профессором? Невероятно!

— Зато для всей страны содержимое фотографий преподнесут в совершенно ином

ракурсе, — пробурчала, отклоняясь, пока Мэл, впав в игривое настроение, пытался поцеловать меня. До чего же у него просто! Позвонил отцу и сказал: "Папа, не трогай девушку, к которой у меня возник интерес" или сообщил еще прямолинейнее: "Папа, мне хочется с ней, поэтому пришлось дать обещание".

Боже мой! — вдруг осознала сказанное Мэлом. Он же разбудил спящую собаку! Мелёшин-старший давно спланировал объединение двух сильных висоратских семейств и построил дальновидные стратегии, из которых можно извлечь пользу, а тут сынок взял и распоясался, вздумав своевольничать и высказывать свое мнение, что он хочет и что не хочет. И кто же окажется в результате виноватым? Определенно не капризный столичный принц, которому вдруг взбрендило. Вину взвалит на причину, заставившую сына пойти поперек отца! А что в таком случае делают с причиной? Её стирают с лица земли, чтобы и памяти о ней не осталось. И неважно, что у причины отец — министр экономики.

Мой отец — министр! — осознала и эту новость. Теперь он уязвимее вдвойне, втройне! Родитель стал уязвимее многожды, чем раньше. Малейшая инсинуация, и он окажется на дне.

Отец поднялся на ступеньку выше, а новое положение, как говорится, обязывает. Теперь его биографию будут заново трепать на каждом углу, перетряхивая подробности из личной жизни, и простую фразу: "Был разведен" преподнесут обывателям в совершенно ином свете. "Министр экономики был женат на каторжанке с западного побережья, и от первого брака у него есть дочь — уголовное отродье, которое постигает тонкости висорической науки".

Журналисты начнут перетирать эту новость и станут строить гипотезы, а передалась ли по материнской линии дурная наследственность ребенку, то есть мне. Действительно ли дочь министра экономики видит волны? — поставят под сомнение мою принадлежность к висоратам. И тогда меня попросят продемонстрировать умения, чтобы опровергнуть слухи. Сам Рубля поставит на личный контроль выяснение подробностей обо мне.

Выход один — бежать! Так далеко, как получится. Спрячусь, зарююсь, укроюсь. Пока не поздно, заставлю Мэла отказаться от своих слов и запишусь на прием к его отцу, чтобы убедить — я не встану на пути семейного счастья Мелёшина-младшего.

— Эва, куда ты рвешься?

— Неужели ты не понимаешь? — простонала в отчаянии. — Забери свое обещание, я возвращаю его!

Мэл нахмурился, игривость слетела с лица, ставшего надменным.

— Вот как? Значит, ты привыкла с легкостью швыряться обещаниями, данными тебе?

— Мэл... он развернет компанию против отца... будет пилить, подтачивать... Если мой отец рухнет, с ним рухну и я!

— Почему ты так переживаешь? Я же сказал, что он не сделает этого.

— Он сделает, как нужно твоей семье. Мэл, он раскопает... Наверное, он уже нашёл и ждет удобного случая...

— Эва, ты делаешь из моего отца монстра.

— Ты не понимаешь! — выкрикнула я. — Моя мать — с западного побережья!

— Ну и что? — все еще не вникнув, улыбнулся Мэл.

— Она — преступница! Уголовница! Я родилась там! И поэтому слепая!

Улыбка сползла с его лица. Мэл отстранился, и вид у него был обалдевший, как если бы его ударили по голове тяжелой кувалдой. Нужно убедить Мэла, пока следы горячи и ещё дымятся.

— Ты дал обещание легкомысленно, не узнав толком обо мне. Даже если твой отец промолчит, чтобы скандал не аукнулся вашей семье, каково будет тебе? Рано или поздно журналисты закономерно раскопают этот факт из моей биографии, и пусть о новости узнают без шума и пыли, на твоей репутации появится грязное пятно. Мало того, что я слепая, к тому же во мне течет наполовину плохая кровь. Тебе укажут, что ты попрал чистоту висоратской расы! Перед тобой закроются двери в политику, в большую коммерцию. Тебе перестанут подавать руку, а за спиной будут перешептываться. Подумай о матери! — воззвала я к святому и продолжила горячо уговаривать: — Мэл, не губи прежде всего себя! А я... Я получу аттестат и уеду к маме. Отец обещал дать ее имя и адрес.

Мэл выслушал тираду, уставившись в окно.

— Значит, вот почему ты учишься здесь. Из-за адреса, — сказал задумчиво.

— Да. И ничего не изменится. Я отправлюсь на побережье.

— Твой отец заставляет тебя?

— Нет, я сама этого хочу. Я всю жизнь мечтала об этом, с тех пор, как он увез меня оттуда.

Мэл хмурился и кусал губы, избегая встречаться со мной взглядом.

Оказалось, очень просто развести мосты между нами, а я, глупая, старалась впустую, потратив уйму времени. Следовало всего-навсего сказать о моих корнях. Стыд и позор висорату, чье родословное древо длинно как борода дряхлого старца, спутаться со слепой, к тому же наполовину гнилой. Волшебству и магии, или, по-научному, умению обращаться с вис-волнами, накопленному предками и сосредоточившемся в родовитом отпрыске, не следует растрачиваться по пустякам. Опыт должен послужить на благо семьи, чтобы усилить ее позиции в обществе, и его нужно передать следующим поколениям — для приумножения и удержания на вершине. К избранности приучают каждого висората с детства, а что говорить о столичном принце, впитавшем свою исключительность с рождения.

Вот и всё, Мэл. Мне не нужно повторять, ты понял сразу. Однажды ты примирился с тем, что я слепая, хотя эта новость поначалу потрясла тебя. Но теперь ты понял, в какую сторону дует ветер. А подул он в лицо и собьет с ног, если не развернешься ко мне спиной. Реальность перевесила эмоции. Рассудив здраво, ты признал, что страсть приходит и уходит, а жизнь длинна, и от сделанного выбора зависит твое будущее, которое запланировано ровным, безветренным и солнечным. Дорога давно проторена твоим отцом, и тебе шагать по ней под руку с замороженной принцесской.

— Поэтому поспеши и срочно извинись перед своей... И объясни отцу, что был пьян и ляпнул чушь, если всё еще желаешь мне добра, — протараторила скороговоркой, завершив речь, надеюсь, убедительную.

— Не учи меня жить, — оборвал Мэл, засунув руки в карманы куртки.

Его резкость покорила, но она была заслуженной.

— Хорошо. Мне нужно в общагу, — протиснулась мимо него.

— Я провожу.

— Не стоит любезности.

— Я провожу! — повысил он голос, окинув меня взглядом — сумрачным, непонятым. Таким же, как в то утро, когда Мэл появился после двухдневного отсутствия в институте. Словно он изучал меня, открывая новые грани, и выискивал прочие неприятные сюрпризы, которые таились во мне.

Мы вышли из туалета и спустились в холл. Просто шли рядом: я, вцепившись в ремешок

сумочки, переброшенной через плечо, и Мэл, не вынимая рук из карманов. Попадавшие навстречу студенты расступались и шушукались за спиной.

Стойку у раздевалки оккупировали несколько парней, и среди них мелькнула пестроволосая голова Макеса. Увидев меня с Мэлом, кто-то многозначительно присвистнул, однако отражение Мэла в одном из зеркал ответило мрачным видом и раздраженным взмахом руки, мол, всё пошло совсем не так, как планировалось. Лицо Макеса вытянулось.

И до общежития дошли — рядом и молча.

Знакомые стены встретили привычной обшарпанностью и блеклой лампочкой в закутке. Мне бы почувствовать радость от возвращения в родные пенаты, но не получалось, пока рядом был Мэл. Накатило опустошение, смешанное с отчаянием.

Я постучала в дверь соседок, а Мэл, прислонившись к стене, наблюдал за мной.

Открыла мне Лизбэт. Вот уж с кем я не ожидала встретиться.

— Привет, — поздоровалась, растерявшись, и вместо ответного "здрате" получила пакет со своими вещами. — А где Аффа?

— В институте, — ответила соседка коротко. — Просила передать, как вернешься.

— Спасибо.

Благодарность ударилась в закрывшуюся дверь.

Порывшись в пакете, я достала ключ. То ли руки тряслись, то ли запомнила, как нужно открывать, но у меня не получалось повернуть замок.

— Дай, открою.

— Я сама.

— Дай ключ, — потребовал Мэл, и я подчинилась.

Последние мгновения, когда он рядом. Мэл понял свою ошибку и признал свою поспешность. Он поедет к Снегурочке, извинится и в качестве примирения преподнесет сто алых роз. Почему сто и именно алых? Не знаю, просто так пришло в голову.

Я кусала губы, потому что глаза подозрительно часто моргали, а картинка вдруг начала расплываться.

— Не в ту сторону поворачивала, — сказал Мэл, возвращая ключ и открывая дверь.

Подхватив пакет и выдернув ключ, как если бы Мэл был прокаженным, я заскочила в швабровку и прислонилась лбом к захлопнувшейся двери.

Пакет выпал из ослабевших рук, как и ключ, покотившийся по полу и затормозивший у тумбочки.

Мэл стоял с противоположной стороны — удаляющихся шагов я не слышала. Когда он уйдет, чтобы восстанавливать порушенное будущее?

Как же болит сердце — то колет пронзительно, то ноет тупой болью...

В этот момент в голове оформился окончательный диагноз. Сколько бы я не воспитывала в себе силу воли и хладнокровную уверенность, а видеть Мэла — счастливого, успешного, уладившего проблемы, случившиеся из-за меня, — не смогу. Не смогу принять, что он поедет к Снегурочке и, встав на одно колено, попросит ее руки.

Уеду, убегу, спрячусь — от себя. Нужно вылечиться. Ведь я неизлечимо больна, и источник недуга — Мэл. До чего скоротечная болезнь — длится меньше месяца, а уже последняя стадия.

Мэл не уходил, я чувствовала. Наверное, он тоже понял, что пошел отсчет последних минут, когда между нами всего лишь шаг, разделенный тонкой преградой.

В дверь постучали, и я вздрогнула.

Приложила ухо — с той стороны тишина.

Раздался повторный стук — громче и требовательней.

Открою, чтобы увидеть в последний раз. Чтобы запечатлеть его лицо в памяти.

Кому я вру? Оно навечно там.

Мэл, похоже, не ожидал, что дверь отворится, и приготовился стучать повторно.

— Я тут подумал... — взъерошил волосы знакомым до боли жестом и шагнул в швабровку, оттесняя меня. — Ты не сможешь расстегнуть замок... на платье... — сглотнул и замер.

Полосатая шубка полетела на тумбочку, за ней отправились перчатки и сумочка, и я развернулась к Мэлу спиной.

Бегунок медленно, миллиметр за миллиметром, разводил звенья молнии в стороны. Платье упало к ногам, бабочки вспорхнули, а я осталась в сапожках, белье и чулках.

Мэл обошел справа.

— Какая ты... — оглядел меня с восхищением и, недоговорив, замолчал.

Он скинул куртку, содрал галстук, сорвал с себя пиджак, в котором красовался на приеме, и отшвырнул рубашку куда-то в сторону.

Взял меня на руки, донес до кровати и бережно опустил.

— Эва... ты же видишь... я не могу...

... не могу без тебя...

crucis *, крүцис (перевод с новолат.) — крестовина

deformi *, деформи (перевод с новолат.) — деформация

первачи* (разг., жарг.) — служащие Первого департамента: дознаватели, следователи

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

10. Точки над і /2

Я поцеловала Мэла в ключицу, и он потянулся.

— Можно... лизнуть? — спросила и сконфузилась. Еще решит, что ненормальная.

Мэл улыбнулся и обнял меня.

— Соленый, — заключила, распробовав его кожу на вкус.

— Не всем же из присутствующих здесь быть сладенькими.

Погладив его плечо, я пробежалась по руке от родинки к родинке. Сейчас растаю — от ощущения жестких волосков и влажной вспотевшей кожи подушечками пальцев. Мэл потрудился на отлично.

— Неужели нравится? — удивился лениво.

— Очень, — прижавшись, я уткнулась носом в его шею. — Очень нравится.

Моя *bilitere subsensibila** блаженствовала.

— Эвка, ты меня разбалуешь. — Мэл не сдержался и фыркнул: — Щекотно. Если честно, именно так и хотел. Чтобы не наскоком и не второпях. Чтобы видеть тебя всю.

Засмутившись, я попыталась прикрыться простынкой.

— Не надо, — отвел он мою руку.

— У тебя с ней что-нибудь было? — поспешила я перевести разговор в другую сторону, уж больно обжигал взгляд Мэла.

— С кем?

— Со Снегурочкой. Которая была с тобой на приеме.

— Абсолютно ничего. Она не в моем вкусе. Мне нравятся мышатки, которые имеют

тенденцию превращаться в бабочек. Эвка, когда я увидел тебя на приеме... — не договорил он, замолчав.

Что за раздражающая манера останавливаться на полпути? Сказал "А" — говори "Б".

— Значит, до приема серые будни заполонили мир беспросветностью, — надулась я понарошечно.

Мэл поцеловал меня.

— Лучше серые будни, чем то, что я пережил сегодня ночью. Я уж думал, что... словом, предположил самое худшее.

— А ты тоже...? Там ведь были невидящие и висораты... Ты тоже их...?

— Не спрашивай, — откинулся он на спину, заложив руки за голову, а я устроилась у него под боком, вырисовывая на груди узоры. — Как узнал, что ты поехала вниз, так захотел всыпать ремня, но он остался, сама знаешь где, — хмыкнул Мэл. — А тут условие: через пять минут закроют лифт. В общем, спустились, а там твой... уже не твой... а там спортсмен наяривает на ринге. Убил бы его за то, что он оставил тебя одну. А потом началось. Эва, я же видел тебя! Видел твой deformi*, который достался другому... — Он снова обнял меня крепко, поглаживая спину. — Так и не смог пробиться к тебе, ведь ты была с противоположной стороны, а каша заварилась — будь здоров... В общем, не для твоих глаз и ушей. Помимо заклинаний вдобавок немало порезали. Я впервые столкнулся с таким... — Мэл поглядел на свою ладонь, словно вспоминал, как в ней рождались заклинания, которые он бросал в противников. В невидящих.

— А Снегурочка? Что с ней стало?

— Пихнул ее между креслами. Кстати, ты молодец, тоже догадалась, — похвалил он. — Позже мне сказали, что хозяева клуба до последнего момента надеялись уладить конфликт самостоятельно, поэтому затянули с вызовом скорой, первачей* и дэпов*. — Мэл взглянул на меня виновато, будто имел прямое отношение к департаменту, которым заведовал его отец. — И с большим опозданием пустили грузовой лифт и пассажирский. Оказывается, там нашли уйму нарушений: отсутствие санитарии, пожарной сигнализации...

— Хорошо, что вентиляция оказалась на уровне, — усмехнулась я.

— Вентиляция?

Пришлось вкратце рассказать о перипетиях моих прятков и мытарствах в коммуникационных трубопроводах, а также о ночевке у невидящих.

Мэл заставил меня повторить рассказ дважды и каждый раз задавал новые вопросы: сколько было мужчин? не обижали ли они? не приставали? не оскорбляли? где переночевала и как? что кушала?

Я повествовала максимально сжато, не называя имен, паролей и явок, о чем напрямик предупредила Мэла.

— Если бы я знал! — снова сжал он меня в объятиях.

— А дальше что произошло?

— Дальше?... Понаехала туча важных лиц и немерено дэпов* с первачами*. Поскольку остановить драку мирным путем не получилось, им пришлось запускать в подвал слезоточивый газ.

— Неужели? — ахнула я, приложив руку ко рту.

— Я успел создать овито* — для себя и... ну, для Снегурочки, поэтому, когда всё закончилось, мы выбрались оттуда на своих двоих. Воспользовались суматохой. Посадил ее в машину отца и отправил домой, а сам вернулся назад. В департаменте отца работает мой

знакомый, поэтому на меня закрыли глаза.

— А остальные? Макес, Дэн, их подружки?

— Про подружек не знаю, а Мак и Дэн выдюжили, сообразили, что к чему, — сказал Мэл, и его лицо вдруг посуровело, будто он вспомнил нечто неприятное. — Спустился, а внизу полнейший ералаш, и тебя нигде нет. В общем, мы искали среди раненых, арестованных и... погибших, — выговорил он неохотно, — а другие дежурили в общаге, перед институтом и на всякий случай в холле у Списуила, чтобы наверняка не пропустить.

— Мэл, бедненький, — всхлипнула я, расчувствовавшись. — Тебя, наверное, отдача скрутила?

— Уже прошло. Да и несильно прихватило, потому что вовремя остановился. А этот свинарь бросил тебя и не защитил! Пусть выползет из отделения, начищу ему рыло до блеска! — разошелся неожиданно Мэл.

— Не надо, пожалуйста! Хватило того, что произошло в клубе.

— Поглядим, как он будет умолять, чтобы ты простила, — предупредил Мэл, не отказавшись от физической расправы. — Слушай, получается, я должен сказать спасибо тем... ну, тем, которые спасли тебя из раздевалки...

— Представь, вдруг вентиляция оказалась бы во-от такой? — Я состроила руками крошечный квадратик. — А если бы они бросили меня одну?

— Эва! — он снова прижал меня, потрясенный возможным исходом. — Но ведь в общем зале ничего не горело, иначе мы задохнулись бы. Выходит, вас выкуривали иллюзорно. Ну, попадись мне этот гадёныш! — ударил Мэл кулаком по стене. — Эва, заткни уши.

Рассмеявшись, я опять устроилась под боком, вырисовывая крендельки на его груди.

Некоторое время мы молчали.

— Мэл, что теперь с нами будет? Твой отец и мой отец...

— С моим я разберусь. А что твой?

— Он не позволит погубить в одночасье то, что выстраивал годами. Ему проще избавиться от меня, чем рисковать карьерой и семьей.

— Не понимаю его логики. Он же всегда был на виду: сегодня чуть чаще, вчера чуть реже. О его первом браке знали, и о тебе тоже.

— Разве ты знал? В генеалогических справочниках обо мне нет ни слова, в популярных энциклопедиях вообще пишут краткую биографию без упоминания о разводе и о дочери. Если бы не прием, я бы доучилась до последнего курса, и никто не догадался бы, что мой отец — министерская шишка. В свое время он создал в узких политических кругах имидж родителя, который не бросил ребенка, несмотря на ошибки молодости. Это такая хитрая тактика, изображающая бесхитрость. Все мы ошибаемся, ведь так? Люди готовы принять и простить, когда человек отбрасывает гордость и идет с покаянием. У отца получилось. Возможно, он рассчитывал выжать еще что-нибудь из наших семейных отношений, но основную роль я сыграла, поэтому он в любой момент может расторгнуть наше соглашение и переиграть по-своему.

— Что-нибудь придумаем, — притянул меня Мэл. — В любом случае, твой отец просто так не избавится от тебя.

— Получается... мы объявляем войну, — заключила я неуверенно.

— Ты боишься? Думаешь, заварю кисель и свалю в самый ответственный момент?

— Мне страшно. Мэл, мы знакомы месяц, и за это время моя жизнь успела встать с ног

на голову.

— Было бы проще, если бы оба папаши смирились с нашим выбором и дали нам возможность самим разобраться. Но если они не хотят по-хорошему, придется заставить их понять.

— Может... не стоит так решительно? Вдруг у нас не получится?

Мэл поднял мой подбородок и заглянул в глаза:

— Не собираюсь быть пешкой в чужих планах и готов рискнуть по этому случаю. А ты?

— А то, что я сказала в туалете... Разве оно не имеет...

— Не имеет, — прервал он, накрыв мои губы поцелуем.

— А я струсилась, — сообщила, когда мы, оторвавшись друг от друга, восстановили дыхание. — Хотела убежать из города.

— Куда убежать? — не понял Мэл.

— Собрала бы вещи и уехала отсюда. На восток, на север... может быть, на юг... А потом двинула бы к маме. Прием создал кучу проблем. Рубля пригласил меня на какой-то банкет. Он не отвяжется просто так. И потом... я считала, что ты и Снегурочка... Я не смогла бы жить, думая о вас каждую минуту.

— Эва, впредь не принимай серьезные решения в одиночку, — нахмурился Мэл. — Теперь мы вместе и будем решать вдвоем, поняла? А про Снегурочку забудь. Я тоже не смог бы жить спокойно, зная, что ты где-то рядом, и с тобою другой.

И, конечно же, не менее пятнадцати минут ушло на подтверждение наших взаимных признаний.

— Что это? — спросил Мэл, изучая мою руку. Водил по линиям ладони, рассматривал на свету, поглаживал пальцы. Я устроилась у него на плече. Меня развезло — от жара его тела, от того, что он мой, и от того, что мы лежали в узкой кровати, бесстыдно нагие и утомленные.

— Что это? — повторил Мэл. — Кто подарил?

Да уж, замечательный подарочек. "Колечко" Некты обвило палец, сигнализируя о недавнем всплеске страха в туалете, когда речь зашла о возможных разоблачениях. А я не заметила появления цепочек-волосинок, увлекшись переживаниями.

— Это... татуировка. Временная, — напряглась, когда Мэл попытался снять "колечко".

— Не помню, — свел он брови. — Когда сделала?

— На той неделе. Пока тебя не было в институте.

— Зачем? — допытывался Мэл.

— Назло. Просто так. Захотелось.

Если уж врать, то вдохновенно. Поделюсь подробностями о путешествии в подземелье, о Некте и о профессоре, а Мэл не успокоится и потащит меня в администрацию института. Он устроит разбирательство и будет требовать наказания для разгильдяя, подвергшего мою жизнь опасности. "Подумать только! — выступит Мэл с обвинительной речью. — Мою Эву могло сожрать мохнатое чудовище, и мы никогда не встретились бы с ней". Поэтому правда о "колечке" пока что останется за семью печатями. Не хочу осложнений для Стопятнадцатого и Альрика, потому что мужчины сделали много хорошего для меня.

И все же воображаемое присвоение "моя Эва" в воображаемом обвинении умилило.

— Прощаю, — выдал Мэл с величием короля, и я воззрилась на него в удивлении. — Но лишь потому, что на прошлой неделе мы оба куролесили.

— А... — хотела сказать, что и спрашивать не буду, если надумаю украсить все пальцы

на руках и на ногах татуировками, но промолчала. — А ты как куролесил? Полол грядки в оранжереях у Ромашки?

— Полол, полол, — обнял он меня. — Полол и скучал. Вырву травинку и о тебе думаю. И вместо сорняков повыдергал полгектара шоколадной свеклы.

— Ну да, — протянула с сомнением, возобновив написание кренделей на груди Мэла. — Так я тебе и поверила!

— У кого угодно спроси!... Да вот у Мака! Хочешь, позвоню ему, и убедишься, что не вру?

Я рассмеялась:

— Значит, теперь в меню столовой появятся шоколадно-овощные пудинги.

— Фу-у, — скривился Мэл. — Что получилось?

— Где?

— Вот здесь, — похлопал он по груди.

Я смутилась. Все-таки Мэл уследил за невидимыми письменами.

— М плюс Э равно что? — он схватил мой палец и, потянув, поцеловал руку. — Классная у тебя кровать! — отвлекся, покачиваясь. — Я банок восемь выдул, не меньше, а действие "Энергетика" скоро кончится. Могу отрубиться в любой момент. Нужно бы еще купить.

— Мэл, нельзя увлекаться. Сейчас ты в тонусе, а потом будет хуже.

— Не волнуйся. Слушай, ты не проголодалась? Я со вчерашнего дня не ел. Только сейчас понял, что сожр... съел бы слона.

— А у меня нет ничего, что можно пожевать, — растерялась я, вспомнив, что отдала остатки припасов Радику, рассчитывая сменить рацион и закупить вкусностей.

Мэл перевернул меня на спину и навис сверху.

— Запомни, Эвочка, жуют коровы травку, а мужчинам нужно мясо. Горы мяса, чтобы вгрызаться и насыщать организм калориями, — защекотал меня, вызвав писк и визг.

— А где же... я его... возьму? — выдавила сквозь смех.

— Поехали, где-нибудь поедим.

— Ну... не знаю....

Соглашаться или нет? Не успела я вернуться домой, как мне снова предлагают куда-то отправиться. Этак забуду, как выглядит швабровка, и о сессии не вспомню совсем. К тому же после случившегося в "Вулкано" как-то боязно заглядывать в места, где много народа.

— Поехали, — упрашивал Мэл. — А то свалюсь без сил.

Его довод убедил. Хватит хлестать пустые тонизирующие коктейли. Они поддерживают организм некоторое время, но наступает предел, после которого обрушивается усталость. Возможно, сытый желудок прибавит Мэлу сил и сгладит обострение.

— Хорошо. Но мне нужно их снять. — Я прикоснулась к прическе, в которой намертво укрепились синие сверкающие слёзки.

— Зачем? Поехали так.

Вот ведь мужчины! Не понимают, что на приеме вечерняя укладка смотрится кстати, а в повседневности выглядит странно и смешно.

— Мне неудобно. Позвоню своей стилистке. Если она дома, быстренько сбегая, и она снимет.

— У тебя и стилистка есть? — спросил Мэл, посмеиваясь.

— Есть, — ответила я с вызовом. — Отвернись или закрой глаза, мне нужен телефон.

Конечно же, он не подумал послушаться, пока я шмыгала за пакетом. Точнее, для виду зажмурился, но ровно на две секунды.

— Мэл! — возмутилась я, прикрывшись простынкой.

Рассмеявшись, он обнял меня сзади и поцеловал в висок:

— Не заставляй не смотреть на тебя. Все равно не удержусь.

Выудив из пакета зелененькую "Приму", я включила её. На экране высветились шестнадцать пропущенных вызовов от Мэла, датированных сегодняшним числом.

— Где живет твоя стилистка?

— Двумя этажами выше... Тс-с, — прижала я палец к губам, вслушиваясь в гудки.

Вива весьма удачно оказалась на месте, совершенно не удивившись звонку.

— Приходи, сниму за пять минут, — успокоила она. — И захвати набор косметических средств, которые купила в салоне.

— Я ненадолго, — сказала Мэлу извиняющимся тоном. — Подождешь?

— Не вопрос, — улыбнулся он.

Надевая юбку и свитер, я сняла чулки, безумно понравившиеся Мэлу. Увидев покрасневшие колени, он нахмурился, вознамерившись снять отек очередным заклинанием.

— Почему не сказала сразу? — ощупал коленку, и я ойкнула от боли.

— Мэл, у тебя и так силы на пределе, того и гляди начнется отдача.

С трудом мне удалось отговорить его от скоростного лечения, предложив заехать в аптеку и купить противоотечную мазь. Он опять прижал меня к себе, словно таким образом пытался забрать воспоминания о ночном апокалипсисе в "Вулкано".

Хотя я предупредила Мэла о пяти минутах, но, захватив влажные салфетки, заглянула по пути в туалет. Это мужчинам легко, а женщинам приходится отдуваться за удовольствия.

Перед уходом, с большим смущением из тумбочки была извлечена и вскрыта коробочка, купленная Мэлом в аптеке после ночевки у него в квартире. Пока я наводила морс из витаминного сиропа, успокаивающих капель и порошка из саше, Мэл вскочил с кровати, на ходу застегивая брюки. Подошел сзади и обхватил меня, просматривая второй рукой упаковки: отставил в сторону знакомый флакончик с витаминным концентратом, повертел в руках пузырек с профессорской бодягой, подбросил вскрытую коробочку с саше.

— Нужно еще купить, — сказал вполголоса, поцеловав меня в шею. — Стандарта три или четыре...

Я чуть не пролила на себя содержимое стакана, и не от потрясения наполеоновскими планами Мэла, а от его настойчивых рук, от его напористости, от него самого. И еще от предвкушения.

— Быстренько схожу и вернусь, — выскользнула из объятий. — Ладно?

— Ладно, — ухмыльнулся он.

О том, что думает человек, нетрудно определить по его мимике.

Он выходит в коридор, не позаботившись накинуть рубашку, и, возвращаясь из туалета, сталкивается с однокурсником — соседом своей девушки по общежитию. Человек здоровается с ним рукопожатием, и сосед добродушно замечает:

— Хоть бы *veluma silencie** поставили. Невозможно билеты учить.

— Неохота. Лучше купи затычки для ушей. И вообще, привыкай, — хлопает тот однокурсника по плечу и идет в комнатушку.

Убогий закуток, как, впрочем, и всё общежитие. Но человек рассчитывает переубедить

свою девушку переехать к нему, и, кажется, знает, как это сделать. Только бы не потерять голову, прежде чем он вытянет согласие.

У человека есть в запасе время. Он подходит к тумбочке и выдвигает ящик. Самодовольная улыбка появляется на его лице. Человек берет склеенный серебристый блинчик и, подбрасывая в руке, вынимает обрезанную криво цветную фотографию, являющую вырезкой из журнала. Рассматривает изображение и, улыбаясь, кладет обратно. Достает брошку из витых прутиков на шнурке — ту самую, которая была у его девушки той ночью в квартире. Он подносит украшение к глазам и изучает замысловатый узор, поглаживая пальцем гибкие перевития.

Возвращает на место. Следующим настает черед небольшого ключика с пластиковой биркой, на которой выбито скромно и элегантно: "1ПБ". Человек знаком с этой аббревиатурой, повторяющейся на обеих сторонах пяти его кредиток. Первый правительственный банк. Человек хмурится и задумывается.

Перебирает хозяйственную мелочевку, замечает кучку монет. Ничего интересного. Ящик задвигается.

Человек подходит к столу, на котором хозяйка бросила впопыхах телефон.

Слух человека обострен. Он услышит, когда его девушка повернет ручку двери на третьем этаже, куда отправилась по своим женским делам.

Человек пролистывает список номеров, внесенных в память телефона. Усмехается, увидев над своим номером букву: "М" и знак вопроса рядом. Ему приходит в голову мысль переименовать, подшутив, но тогда его девушка поймет, что телефоном воспользовались без ведома.

Человек мрачнеет, когда видит на экране слова: "А.Г. Вулфу дом." и "А.Г. Вулфу рабоч."

Он пролистывает журналы принятых и непринятых вызовов, отправленных и прочтенных сообщений. Его не успокаивает отсутствие означенного А.Г. Вулфу в списках произведенных контактов.

Человек кладет телефон на то же место, где его оставила владелица. Настроение испорчено.

Он подходит к подоконнику и замечает скрученный рулончик. На альбомном листе карандашный набросок. "Внутренники подарили на Новый год" — вспоминает человек объяснение своей девушки. Вынимает свой телефон из кармана куртки и ищет нужного абонента, прислушиваясь к звукам в коридоре.

— Здорово... Рад слышать... Есть дело. Нужно прочитать рисунок... Портрет. Женский... Карандаш... Недели три или больше... Кто, где, когда, почему. Причины, отношения... Уж постарайся. За мной не заржавеет... Вечером завезу. Жди.

Он рассоединяет вызов и вкладывает телефон и скрученный лист с рисунком во внутренний карман куртки. Если за неделю она не обратила внимания, то и сегодня не заметит пропажу.

Человек укладывается на кровать, подложив подушку под спину, и скрестив руки на груди, задумывается.

Свое нужно контролировать и держать в кулаке крепко, чтобы в один прекрасный момент не упустить из рук, и нет ничего зазорного в том, чтобы периодически проверять телефон. Или время от времени забираться на чердак и прочитывать переписку с неким А. Или следовать на хвосте по вечернему городу, чтобы опровергнуть подозрения, лишаящие спокойствия.

Своё нужно беречь.

Человек найдет того гада, который произдевался над его девочкой. Подумать только, он мог не увидеть ее живой, если бы не чернь, спасшая ей жизнь. Человеку в общем-то наплевать на невидящих, пока не затрагиваются его интересы. Неизвестный с*кин сын получит по заслугам за то, что посмел создать задымляющую иллюзию и выкуривал людей, похихатывая над мольбами о помощи. Человек отыщет урода — по протоколам допросов, по показаниям очевидцев — и заставит испытать то же, что пережила его девочка, задыхаясь в дыму.

Человек вспоминает, как тащил по коридорам клуба Ледышку, а она словно в заторможенном кино перебирала ногами, запинаясь и спотыкаясь. В ее глазах застыл ужас, ставший отражением случившегося в клубном подвале. Швырнув Ледышку на заднее сиденье машины, человек заявил:

— Скажешь своему отцу, что тебя не интересуется партия со мной, и то же самое дашь понять моему отцу. — И когда Ледышка надменно задрала подбородок, добавил: — Иначе я под присягой дам показания, что ты умышленно бросила deformi* в висората без предупреждения. Поняла?

Ледышка повернулась в профиль. Она прекрасно поняла, о ком шла речь, как и то, что попади заклинание в адресата, сама схлопотала бы сдвоенное deformi*. В этом уверили глаза человека.

— Я предупредил. Не пытайся переиграть меня.

Под угрозой человек подразумевал и другое. Ледышка может выдвинуть встречное обвинение, потому что, пытаясь пробиться к своей девочке, он не делал различий между чернью и висоратами, одинаково калеча и тех, и других — физически и заклинаниями. У человека найдется оправдание — самооборона, и ему поверят, ведь его отец — начальник Департамента правопорядка. А Ледышка окажется полной дурой, если развернет войну.

Своё нужно охранять.

Цепко, как клещ. Не выпуская. Как все Мелёшины.

Отмечать территорию.

Она надумала бежать? Смешная. И зря боится.

Она — невидящая, и ее мать с западного побережья? Мелочи. Она — дочь министра экономики, и этот плюс перевесит имеющиеся минусы. А тайны легко сохранить и спрятать, ведь до сих пор Влашек умудрялся обеспечивать инкогнито дочери.

Человек вытягивает ноги и ухмыляется. Все-таки интуиция не подвела его. Едва девочка впервые появилась на лекции у Лютика, принеся с собой тонкий весенний аромат, человек мгновенно понял — это его. Хотя сопротивлялся поначалу, только время потерял.

Человек признает еще кое-что. Его девочка имеет над ним исключительную власть, и ему это нравится.

bilitere subsensibila*, билитере субсенсибила (перевод с новолат.) — двухсторонняя сверхчувствительность

deformi *, деформи (перевод с новолат.) — деформация

первачи* (разг., жарг.) — служащие Первого департамента: дознаватели, следователи

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

ovumo *, овумо (перевод с новолат.) — яйцо

veluma silenche*, велюма силенче (перевод с новолат.) — покров тишины

11. Индивидуальности

Вива вернулась к прежнему амплуа: ядовитым цветам, гротескной внешности и несочетаемой одежде.

— Ну, как? — поинтересовалась, усадив меня на табурет перед трюмо, и начала собирать синие слезки с волос устройством, похожим на расческу. Капельки, наэлектризовавшись, послушно цеплялись к мелким круговым зубчикам.

— Ты — мастер! — воздала я хвалу таланту стилистки, и она благосклонно приняла её. — Все упали! Все валялись в ногах.

— Заметила, — кивнула Вива и пояснила: — Смотрела по телеку. Прием оказался на высоте, вечер удался.

Еще бы не удался. Мне поцеловал руку сам премьер-министр, затем приключилась грандиозная драка, половина ночи прошла в ползаниях по грязным трубам, а сейчас в швабровке дожидался Мэл, который снова мой парень, и, кажется, на этот раз у нас всё серьёзно.

— Это Петя? — спросила девица, сощутив глаз, и сперва я не сообразила, что подразумевалось под вопросом, а когда поняла, то моя физиономия зарумянилась.

— Очень заметно?

— Не то слово, — фыркнула она и ткнула в темный след на шее, оставленный мне на память Мэлом. — Сама-то довольна?

Румянец на моих щеках усилился.

Не знаю, что ответить, и не могу толком объяснить. Волнует. Будоражит. Еще вчера я старательно возводила преграды между собой и Мэлом, а сегодня, разрушив одним ударом нагороженные препятствия, с радостью ринулась в его объятия. И получившийся результат нравился мне до дрожи.

— Ага. Только это не Петя.

Стилистка на мгновение замерла, встретившись глазами с моим отражением.

— Так и знала, — хмыкнула она. — Во время визажа ты думала не о нем. Скажешь сама, или узнаю в институте?

— Это... Мэл, — призналась я, помедлив. Глупо скрывать то, что рано или поздно станет явным. — Мелёшин Егор. С моего факульте...

— Знаю, — прервала Вива и опять хмыкнула. — Однако.

— Что "однако"?

— Ничего. Принесла?

Я потрясла пакетом с бутылками, купленными в магазинчике при салоне. Девица выставила тюбики и баночки на трюмо, снабдила меня ватными дисками и провела краткий ликбез по правильному удалению макияжа.

— А мне хотелось остаться красавицей на полгода, — посетовала я с шутливым огорчением, прыскавая из аэрозольного флакончика на ватку.

— Ходи хоть десять лет, но кожа не дышит. Она устает и быстро старится, и никакие омолаживающие процедуры не спасут. Толстая шпукатурка предназначена для исключительных случаев. В повседневной жизни нужно пользоваться мягкой и легкой косметикой, но в любом случае, её тоже стоит удалять на ночь.

— Сколько времени продержится укладка? — покрутила я головой. Перипетии последних суток подрастрепали прическу, но в целом беспорядок смотрелся непринужденно и очаровательно.

— До первого мытья волос. Используй этот шампунь. — Вива показала на флакон с веселой дождевой тучкой на этикетке. — Видишь значок концентрированной пользы "шесть в одном"?

Прочие средства из пакета были призваны увлажнять, питать, тонизировать и восстанавливать кожу, перенесшую испытание неземной красотой.

Лицо в зеркале, лишённое сверхстойкого макияжа, показалось мне серым и невзрачным. Вернусь в швабровку, а Мэл не заметит, что я пришла, и будет поглядывать на дверь в ожидании красотки, сведшей его с ума на приеме.

— Мелёшин непрост, — сказала вдруг девица. — Его нужно уметь удержать. Если хочешь, помогу за двести висов в месяц. Косметика, стиль, одежда, причёски... За разовый визаж — в ресторан или театр — отдельный тариф. Согласна?

Театры, рестораны... До сего момента я не отождествляла Мэла и серьезные интеллигентные заведения, потому что мой парень (ведь мой же? ураааа!!) тешил свое эго, побеждая в нелегальных цертамах*, участвовал в димикатах*, отрывался в клубах и столовался в молодежной "Инновации". Но слова Вивы заставили призадуматься.

Помимо развлечений Мэл наверняка исполнял светские обязанности, посещая приемы, ужины, банкеты и прочие мероприятия, организуемые в высшем обществе. Воображение тут же представило Мэла на премьере сезона в Опере, в строгом костюме с галстуком-бабочкой, поднимающегося по беломраморным ступенькам шедевра мировой архитектуры под руку со Снегурочкой. Эх, до чего же хорошо они смотрелись в неожиданной фантазии. Можно сказать, идеальная пара. Поэтому, несмотря на заверения Мэла, мне не верилось, что он ни разу не повелся на внешность снежной принцесски.

Вива права. Если по какой-то причине моя личность втемяшилась в голову столичного принца, не стоит обольщаться, что, глядя изо дня в день на меня, бледную и невзрачную, он будет проникаться глубокими чувствами. Я хочу видеть восхищение в глазах Мэла, хочу сводить его с ума, хочу, чтобы он думал обо мне каждую свободную минуту. Да-да, откроем маски. Оказывается, под личиной невзрачной крыски прячется вселенская эгоистка. Эгоистище.

— По рукам, — согласилась я. К чему торговаться? Ради Мэла, выложу, не задумываясь, и двести, и триста, и тысячу висоров. — А может, сразу облагородишь? Авансом.

— Могу, — кивнула девица. — Сегодня сделаю прозрачный макияж, чтобы кожа отдохнула

Ее руки порхали вокруг моего лица, и легкие касания заставляли жмуриться от удовольствия.

— Ретушь? — кисточка коснулась болезненного следа на шее.

— Да, если нетрудно.

Не собираюсь выставлять напоказ свою пятнистость. Я и так шифровалась как разведчик, прикрывая укусы Мэла, отомстившего за знакомство моего каблука с его ботинком и за невинный щипок. Мэлу легко: выскочил из машины, поколдовал — и хромота с синяком исчезли за пару минут. А мне что делать? Маскирующая ретушь снимется вечером, и следы на шее снова проявятся. Может, купить осветляющий лосьон?

— А как узнать, давали мне обещание или нет? — неожиданно сорвалось языка, пока Вива водила щекотно кисточкой. В голову вдруг пришло, что она может дать дельный совет, коли учится на элементарном факультете.

Стилистка фыркнула:

— Я же предупреждала, чтобы ты не напивалась.

— Употребляла в меру, — деланно обиделась на обвинение. — У меня это... память отшибло.

— Видно, хорошо тебя приложило, — захихикала беззвучно девица и оторвалась от работы, чтобы не испортить начатое.

Я уж пожалела, что спросила.

— Могу помочь. — Вива снова фыркнула, не сдержавшись. — Выбирай — гипноз, ясновидение, чтение памяти. За триста висов — легко.

Молодец! Вот кто, не стесняясь, извлекает выгоду из своих способностей. А кому охота трудиться вхолостую, когда руки растут из нужного места, и голова правильно сидит на шее? Жаль, что ни один из предложенных способов не подходил, так как предусматривал снятие дефенсора*.

Девица продолжила:

— Или рассчитывай на свою интуицию. Есть действенный способ: возьми руку пообещавшего и приложи чуть правее своего сердца. Считается, что там обиталище души, хотя это спорный вопрос. Закрой глаза, отключись и прислушайся.

Взять Мэла за руку, сконцентрироваться, вслушаться... И как долго ждать, прежде чем интуиция подтвердит слова, пролетевшие мимо сознания в горячий момент? Час или два? Моя интуиция похожа на упрямого козла: то ее сутками с места не сдвинешь, а то скачет впереди — только копыта сверкают.

— И что должно произойти?

— Знамение, — сказала Вива и опять фыркнула. — Наверное. Ёкнет сердце или в голове раздастся голос. Не знаю. Вообще-то я не пользуюсь этим способом, потому что помню и свои обещания, и чужие. Глядись.

Не зря я возвела девицу в ранг моей постоянной стилистки, несмотря на её эксцентричный внешний вид. Сотворенный макияж освежал лицо, делая черты выразительными; правда, он не повторял ту сногшибательную красоту, что на приеме валила мужчин штабелями. Заметна линия скул, ресницы, брови, губы... В целом, приятненько и миленько. Самое главное, нравиться себе, тогда я и другим понравлюсь. В частности, Мэлу.

— Спасибо. Высший пилотаж, — отвесила я заслуженный комплимент.

Вива протянула тюбик с помадой:

— Держи. Сдаю в краткосрочную аренду.

— Спасибо. А зачем?

— Теперь придется часто подкрашивать, — пояснила многозначительно стилистка для особ, неискушенных в косметическом искусстве, и я смущенно потупилась.

— Еще раз спасибо. За мной оплата.

— Иди уж, — выпроводила она меня и у двери фыркнула, старась сдержать смех. — И купи диктофон, если память отшибает.

В обновленном облике, сотворенным Вивой, ко мне вернулась уверенность, потерявшаяся было после ликвидации красивой внешности. Наверное, особа вдумчивая и возвышенная воспользовалась бы моментом свалившегося одиночества и, остановившись в лестничном пролете, взялась обдумывать и обсасывать случившееся за последние сутки, но мне было недосуг. Я спешила к Мэлу. А с обещанием как-нибудь разберемся, где наша не пропадала.

— Привет, не скучал?

Мэл лежал на кровати, скрестив руки на груди, и от него за километр веяло раздражением и недовольством. Что произошло за каких-то... п-цать минут? Неужели рассердился, что я вернулась позже, чем обещала?

— Иди сюда, — протянул руку Мэл, и когда я подошла, практически уложил на себя.

— Что случи...?

— Поцелуй, — потребовал он, прервав.

Ну, ладно, сделаю, как просишь. Что же лишило тебя умиротворенного настроения? Соседи сказали что-нибудь неприятное, или позвонил твой отец, и у вас состоялся разговор по душам?

— Не так, — потребовал Мэл. — Поцелуй так, чтобы я видел.

Я растерялась. Что он хочет увидеть? Ищет подтверждение серьезности наших отношений? Или не уверен во мне? До сих пор из нас двоих верховодил Мэл, проявляя настойчивость в разговорах, в делах, в принятии решений; я же являлась стороной, принимающей его напор.

В глазах Мэла читалось... разочарование?

Напрасно он недооценивает меня.

Забравшись на кровать, я уселась на него и выполнила просьбу, вернее, ультимативное требование. Поцеловала, и когда наши губы разомкнулись, Мэл откинулся на подушку, шумно выдохнув. Ага, впечатлило? Оказывается, я тоже не лыком шита и способна отшибить кое-кому память.

Дорожка из поцелуев сместилась вниз по шее, проскользнула между ключиц и двинулась по атласной коже груди... миновала твердые мышцы пресса... ниже, к тонкой полоске волосков, уходящих под пояс брюк.

И мне нравилось то, что я видела. Мэл смотрел, не отрываясь, и в его радужках разгорались зеленые ободки. В какой-то момент он сглотнул и закрыл глаза, отдавшись ощущениям. О, да, я способна на большее! Мэл в моих руках, он — мой!

Спустилась еще ниже, расстегивая молнию на брюках, и замерла в нерешительности. Я не сумею, не смогу.

Мэл опять глядел на меня и кивнул, подавшись вверх.

У меня не получится.

Он разочарован во мне. Он выдыхает и отводит взгляд. Губы поджаты, брови нахмурены.

Не хочу терять власть над ним, поэтому опускаю голову.

— Ооо, — слышу слабый стон, и Мэл подается вперед. Поначалу теряюсь и не могу подобрать ритм, но, как ни странно, вскоре у меня получается.

Руки Мэла вцепились в простыню, а голова запрокинута, но уже в следующую секунду он смотрит, оплаывая волю изумрудной зеленью глаз. Не удержавшись, Мэл запускает руку в мои волосы, надавливая, ускоряя движения, и сам подается навстречу.

Сумасшедше. Не узнаю себя. Это не я. Меня заводит то, что я делаю. Это развратность?

Мэл мычит нечленораздельно через сжатые зубы. Его лицо искажается, он закусывает губу и не сводит глаз, продолжая направлять меня. Неожиданно вторая его рука вырисовывает вензеля в воздухе и бросает какое-то заклинание в сторону.

Он не позволяет мне отстраниться. И не сдерживается, выплескивая стон — громко, в голос, и бессильно отваливается на подушку.

— Сорвалось, — смеется, взъерошивая волосы.

— Что сорвалось? — спрашиваю, вытирая губы. Не сказать, чтобы было неприятно или противно. Скорее, непривычно.

— *Silenchi**. Твой сосед так и не выучит сегодня билеты. Иди сюда, — тянется ко мне Мэл.

Он вспотевший. Уставший. И довольный.

Кто говорил, что от потных мужчин воняет точно от коней? Это девчонки в интернате, морща носы, делились циничными подробностями взрослой жизни. От Мэла пахнет разомлевающим удовольствием, тягучей сиропной истомой.

Он целует и прижимает к себе.

— Наверное, у меня плохо получилось, — нерешительно мямлю, зарываясь пальцами в его волосы.

— Разве? — Мэл поглаживает меня.

— Ни разу не делала. Тебе понравилось? — выведываю, испытывая прежнюю неуверенность. Мне жизненно важно знать, что Мэл без ума, что он в восторге.

— Спрашиваешь! — хмыкает он и перехватывает мою руку, целуя пальчики.

— Ты соленый, — вспоминаю его вкус.

— Всё правильно. Я соленый, ты сладкая, — трется щекой. — Поехали лопать? Есть хочу — сил нет.

Мэл высказался категорически против того, чтобы его девушка отправилась в люди в короткой юбке. Свое несогласие он объяснил примерно так:

— Нет — и всё.

Пришлось уступить ему, переодевшись в штаны, и заодно отложить в сторону шубку, испорченную многострадальными ползаниями. Выгребая мелочь из тумбочки, я заметила бывшее перо Мэла, превратившееся в блинчик, рядом с его фотографией, и воровато оглянулась. Заглядывал ли Мэл в ящик в мое отсутствие?

Он выглядел беззаботным, мурлыча под нос, и застегивал манжеты рубашки.

Вот ведь возвела напраслину на человека. Хорошо, что хватило ума не озвучить. Мэл не уронил бы свое достоинство, рыская по моим вещам, потому что знает: следует уважать чужое личное пространство, а еще доверять друг другу, иначе подозрения убьют даже самые крепкие отношения.

Успокоившись, я незаметно надела брошку и задвинула серебристый блинчик с фотографией в дальний угол ящика, присыпав хозяйственной мелочевкой. Итак, отправляемся в люди с Мэлом. С моим парнем.

Ох, что-то меня затрясло.

Путь от общаги до ограды института мы проделали, обнявшись. Я смущалась, хотя аллея со стоянкой удачно пустовали, и от волнения забыла посчитать пятки ангелов, отправившихся на небо с докладом к Создателю.

Черная машина, знакомая по утреннему фееричному появлению у института, стояла в среднем ряду. Интересно, кто ее переставил, выдернув из сугроба? Макес или дорожная служба?

Мэл открыл передо мной дверцу пассажирского сиденья, и я впорхнула в салон движением, отточенным на уроках политеса.

— Новая? — спросила, оглядывая внутреннее убранство автомобиля — не менее респектабельного, чем его несчастливые предшественники.

— Временно пользуюсь, пока "Турба" в ремонте, — пояснил Мэл, щелкая рычажками и кнопками на передней панели. Я хихикнула, не сдержавшись.

— Что смешного? — улыбнулся Мэл.

— Ты похож на командира самолета. Не хватает шевронов и фуражки.

— Пристегнись, Эвочка. Сейчас взлетим, — предупредил он, вырубив задним ходом со стоянки.

У водителя было отличное настроение, у меня — тоже. Частота ударов сердца, наверное, превысила все мыслимые пределы. Близкое присутствие Мэла будоражило, мешая сосредоточиться. Мысли хаотично скакали, поэтому я плюнула на попытки поймать хотя бы одну здравую мыслишку, и смотрела то в окно, то на Мэла. Мы переглядывались и улыбались.

Случайный взгляд в сторону выхватил сферу Большой спортивной арены, на которой Петя ставил рекорды и получил чемпионский титул. Знакомое направление.

— Не хочу в "Инновацию".

— Почему? — притормозил Мэл, сбавив скорость.

Значит, я угадала — он направлялся туда, где привык вкушать изысканную пищу, не обращая внимания на длину счета. Зато на моих зубах скрипели висоры при каждом глотке коктейля, выпитого в "Инновации".

— Там дорого.

Мэл ловко перестроился в крайнюю полосу и остановил машину у обочины.

— Значит, так. Мы собираемся есть... — он посмотрел на запястье, — то есть обедать. Расходы — моя проблема, не твоя.

— Мэл, в "Инновации" очень дорого! Давай заедем в другое место. Разве в столице негде поесть?

— Спасибо, после общепита у меня полдня болит желудок.

— Потому что обед за десять висоров, а не за двести?

— Потому что котлеты жарят на трехнедельном жире, и крем-суп сварен из суррогатов.

— Зачем тогда ходишь в нашу столовую? — удивилась я.

— Затем.

Я поджала губы. Вот капризуля! "Мой изнеженный организм усваивает лишь молодую оленину, вымоченную в белом вине и обжаренную без масла до тонкой хрустящей корочки". Ладно, так и быть, поедем в твою уникальную и неповторимую "Инновацию".

— Ладно, выберем что-нибудь другое, — согласился хмуро Мэл и пригрозил: — Первое, которое попадется по дороге. И не вздумай экономить. Знаю я тебя: закажешь минеральную воду, выпьешь стаканчик и скажешь: "Уф, наелась до отвала". Я видел, как ты питалась в столовой, и если... В общем, закажу сам, поняла? И чтобы всё съела! А не съешь, свяжу и насильно накормлю.

Возьму и надуюсь на его слова. И ведь Мэл разгадал хитрый замысел. Сейчас столичный принц начнет тратить деньги, ублажая меня, в то время как в банке впустую пылятся больше ста тысяч висоров.

— Эва, не обижайся, — погладил он мою щеку. — Ты как птичка. В чем только душа держится?

Ага, птичка-невеличка с типом фигуры А и зашкаливающим индексом талии и бедер.

— Давай поделим расходы поровну?

— Никаких "поровну", — отрезал Мэл, и мы отвернулись друг от друга, каждый в

раздраженных чувствах.

Не понимаю его. Может, Мэл решил, что у меня возникли сомнения в его щедрости? Вовсе нет. Я не хочу уподобляться бывшим подружкам Мэла, чтобы не выглядеть пиявкой, присосавшейся к его кошельку.

Первое попавшееся кафе оказалось на том же проспекте, метрах в трехстах. Мэл не разрешил мне самостоятельно выходить из машины, и я выбралась наружу, когда он открыл дверцу и предложил руку. Ну, как Мэл умудряется совмещать воспитание и вредность? — поджала губы, глядя на его насупленное лицо.

Он с недовольным видом занял столик в неглубокой нише, недовольно просматривал меню, недовольно тер бровь, ожидая, когда принесут заказ.

Мое нескромничанье обошлось в сто висоров за три блюда и стакан сока — не так уж дорого для заведения на центральном проспекте столицы. Мэл не стал мелочиться, объем кафе на двести десять висоров. Оно и понятно, ведь оголодал человек, а после затяжного стресса нужно усиленно питаться.

А ведь Мэл испереживался, покуда искал меня, мотаясь по... моргам, — вспомнилось неожиданно. Ездил по городу, а сердце замирало от страха: вдруг пропажа отыщется в следующем? Каково это — стоять у каталки, не решаясь приподнять простынь, потому что боишься увидеть любимое лицо? А вокруг десятки похожих каталок, и на каждой — чьи-то сестры или братья, мужья или жены, чьи-то взрослые дети. Ужас! На месте Мэла я поседела бы от переживаний в первую же минуту. И вообще, не представляю, как повела бы себя, поменяйся мы с ним ролями. Билась в истерике или, собрав волю в кулак, искала его — живого или мертвого?

И вовсе я не дуюсь на Мэла. Только не знаю, как теперь подобраться к нему.

Мы ели молча, уткнувшись в тарелки, и я постоянно одергивала себя: не торопиться, локтями на стол не заваливаться, в ухе не ковыряться. Смешно, конечно, но Мэл сноровисто резал ростбиф, насаживал кусочки на вилку и ел с непринужденной элегантностью, если это слово применимо к приему пищи. И до того аппетитно у него получалось, что у меня невольно потекли слюнки, однако я сдерживалась и вяло ковырялась в лазанье, чтобы не оказаться посмешищем рядом с великолепным Мэлом.

Ко всему прочему он, вообще, оказался воспитанным товарищем, то есть джентльменом. И в машину усаживал, и двери открывал, пропуская вперед, и институтскую калитку придержал, и повесил обе куртки на вешалку в кафе, и стул отодвинул, предлагая сесть. Очевидно, столичный принц вобрал манеры с младенчества вместе с детским питанием для грудничков. Я могла бы часами любоваться его движениями, отшлифованными до безупречности, и к любованию примешивалась легкая грусть: мое воспитание определенно не дотягивало до уровня Мэла, иначе почему я порывалась выскочить из машины, не дожидаясь, когда он откроет дверцу, и не принимала как данность расходы за обед, оплачиваемые им?

— Иди сюда, — вдруг поманил Мэл.

— Я?! Зачем? — растерявшись, посмотрела по сторонам.

— Ты ничего не ешь.

— Ем, просто незаметно.

И культурно. Щиплю травку, можно сказать.

— Не верю. Иди сюда, — потребовал Мэл. — Будем есть вместе.

Я огляделась. Кафе не изобиловало посетителями, и на нас не обращали внимания. Ну,

сидит парочка, ну, ест — что такого?

В общем, мне пришлось усесться к Мэлу на колени. Так мы и поели — сначала опустошили его тарелки, затем переключились на мой заказ. Мэл поочередно кормил меня и себя, отправляя кусочки в рот. Он справился с задачей блестяще, лихо орудуя ножом, вилкой и ложкой. Под завершение трапезы мы уже целовались, перемежая еду с удовольствием — коротенько и мимолетно, чтобы не привлекать внимание посетителей и обслуживающего персонала.

В итоге разногласия исчерпали себя, и я возликовала: Мэл опять рядом, а большего и не требовалось. Да и были ли разногласия? Так, мимолетное недопонимание.

— Тебе определенно нужна юбка, — сказал он на ухо после очередного поцелуйчика, чем вызвал у меня прилив смущения. — Но длину я подберу сам.

Сам — значит, сам, — согласилась я, не вникнув особо в его заявление. Сегодня получился лучший обед в моей жизни — тихий, уютный и спокойный. С человеком, который стал необходим мне как воздух.

Конечно же, счет, принесенный официанткой, не подлежал обсуждению или робкому вяканью, и, когда Мэл расплатился кредиткой, мы отправились в аптеку.

*cilenchi**, *силенчи* (перевод с новолат.) — тишина. Упрощенный аналог *veluma cilenche* (покрова тишины), уменьшает громкость звуков

*dimicata**, *димиката* (перевод с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

*certama**, *цертама* (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

*defensor**, *дефенсор* (перевод с новолат.) — защитник

12. Неожиданные открытия

Настроившись на катание по городу, я удивилась, когда через пару минут машина вывернула к знакомому "Аптечному раю", и Мэл ювелирно припарковался на стоянке между двумя автомобилями.

— Похоже, ты знаешь каждую улочку в столице.

— Знаю, — не стал он отрицать. — Иногда участвую в рогейнах*.

— В чём?!

— В ориентировании по городу на машинах. Долго объяснять, потом расскажу, — отмахнулся Мэл. — Пошли за покупками.

— И выигрываешь? — допытывалась я.

— Эва, тебе важно знать об этом? — мазнул он по моему носу и заодно проверил качество обматывания шеи шарфом.

Важно ли мне знать? Получается, всё, за что он ни возьмется, заканчивается успехом. А за моими плечами сколько достижений? Пока ни одного. Разве что посчитать победой адрес мамы, который даст отец после получения мной аттестата, но до цели еще нужно доползти.

Ну, вот и выплыла еще одна подробность из жизни моего парня, — подумала я, шагая к "Аптечному раю" в обнимку с Мэлом. Оказывается, он участвует в каких-то рогейнах и наверняка выигрывает, хотя и не хвастает.

Неожиданно. А впрочем, чему удивляться? Теперь каждый день будут открываться новые детали в наших биографиях и характерах, потому что получилось шиворот-навыворот: не зная толком друг о друге, я и Мэл пошли на поводу у своих желаний, решив — всё, теперь мы вместе. Правильно ли это?

Наверное, прежде чем делать выбор и затевать конфликт с родственниками, стоило сесть друг напротив друга и рассказать о себе — что любим, чем увлекаемся, есть ли друзья-приятели, какие отношения с родственниками, каким видим свое будущее и прочую анкетную чепуху. Глядишь, узнали бы много неожиданных или неприятных подробностей и тут же открестились от своих обязательств.

Мэлу будет, чем поделиться, а вот мне... О чем я могла поведать, исключая данные клятвы, обеты и обещания о молчании? О невнятном детстве на побережье, о тетке-садистке, об интернате, об Алике, о пренебрежении и холодности отца, о мытарствах по ВУЗам, об отсутствии друзей и постоянном страхе разоблачения?

Нет, видно, идея с откровениями преждевременна.

В "Аптечном рае" Мэл оттолкнул меня в раздел косметических средств, заявив, что купит всё необходимое, и велел не отходить от стеллажа, не выбрав что-нибудь заинтересовавшее, а сам отправился вглубь зала-ангара.

Я долго перебирала коробочки и флакончики, рассеянно читая этикетки на упаковках. Что выбрать, если самый дешёвенький ценник сигнализировал чудовищными цифрами "350"? Наконец, среди товарного разнообразия, призванного доводить внешность до умопомрачительного идеала, попался мизерный тюбик универсального геля-антиоксиданта, обладающего кучей полезных свойств, в том числе антицеллюлитным и омолаживающим эффектом. Знаю, Мэл посмеется над моим выбором, но последним пунктом в инструкции по применению значилось удаление подкожных гематом различной длительности существования, а в быту — синяков.

Помажу на ночь, и к утру следы на шее пропадут. А если не исчезнут, вернусь в "Аптечный рай" и устрою скандал, требуя возврата полтысячи висоров за халтуру и обман клиентов. Если, конечно, Мэл согласится на покупку.

Мэл согласился. Глянул мельком и положил в корзинку, которую отдал в окошко кассы. Я же отошла подальше, чтобы не слышать, какую сумму назовет кассирша, иначе не удержусь и начну всплескивать руками, причитая о безумных тратах.

Рассчитавшись, Мэл подхватил большой пакет с оттягивающимися ручками, и мы отправились к машине. Оказывается, он купил несколько банок "Энергетика", и, открыв одну, выпил в присест.

— Не боишься переусердствовать со стимуляторами?

— Могу не пить, но кто станет меня бодрить? — Мэл поставил пустую банку в выемку дверцы. — Я не уснул в кафе лишь потому, что ты была рядом.

Да уж, оживила поцелуйчиками и обжиманиями, зарядив порцией бодрости.

— Вдруг уснешь в машине? — допытывалась я озабоченно. Мало того, что пострадаем мы с Мэлом, неуправляемый автомобиль зацепит соседей или вылетит на встречную полосу, устроив аварию.

— Я знаю предел своих сил и не сажусь за руль, если не уверен, — ответил Мэл резко. — Колени болят?

— Есть немного. Уже привыкла.

— Потерпи. Я купил мазь, спрей, аппликаторы с пропиткой, эластичные бинты. Отек должен быстро спастись.

— Спасибо! — потянулась я к Мэлу, и он охотно поддержал поцелуй. — Наверное, ужасно дорого?

— Нет. Там еще пять упаковок... сама знаешь чего, — показал Мэл на пакет, и я

стыдливо опустила взор. В конце концов, к чему смущаться, как девочка? Мэлу нравится, мне — тоже, значит, в этом нет ничего грязного и пошлого.

— Куда теперь? — посмотрел он на панель. На электронном табло светилось: "14:32".

— Я хотела попросить тебя... — начала нерешительно, впрочем, догадываясь об ответе. — На моей сумке сломался замок, а конспекты и прочую ерунду некуда складывать...

— Не проблема. Заедем и купим.

И почему меня не удивили его слова?

— Мэл! — обратилась я к своему парню и глубоко вздохнула. — Дай мне высказаться и не спорь, пожалуйста, ладно? Уважай мою точку зрения. Так вот, сегодня ты купишь сумку, а завтра я верну тебе потраченное. — Брови Мэла поползли вверх от изумления. Он хотел возразить, но моя ладонь накрыла его рот. — Я согласилась с обедом в кафе, с лекарствами и косметикой, но не могу принять большего, понимаешь? Не хочу смотреться присоской к твоим висорам. Между прочим, у меня есть свои.

Мэл внимательно выслушал взволнованную и путаную речь.

— Странно. Наличность имеется, а работаешь в архиве за мелочевку.

— Потому что деньги появились недавно... Перед приемом.

— Вот видишь, — обрадовался Мэл, — зря ты наговаривала на своего отца. Ничего человеческого ему не чуждо.

— Отец ни при чем... Он не дал ни висора... — выдавила я через силу. Трудно начинать, но нужно.

Лицо Мэла окаменело.

— Вот как? Тогда откуда денежки? От бескорыстного спонсора? — поинтересовался он спокойно, но в голосе засквозила знакомая ирония.

— Заработала! — огрызнулась я в ответ, и Мэл скептически хмыкнул. — Продала кое-что. Одну вещь.

— И, конечно же, не скажешь, что продала?

— Нет. Извини, не могу.

Мэл задумался, покусывая губу изнутри.

— И эти деньги... — начал он, принуждая меня закончить фразу.

— ... истрачены на прием. Правда, не все. Кое-что хранится в банке, — опустила глаза, стыдясь. Когда-то я обманула Мэла, уверив, что проблем с подготовкой к "Лицам года" не возникнет, и отец оплатит расходы.

Мэл тоже вспомнил тот разговор:

— Но ведь ты... — Он потер лоб, осознав истинное положение дел. — Получается, ты не сказала отцу о приглашении?

— Предупредила за пять минут до отъезда из общежития. Я не могла сказать ему, пойми! Он бы не допустил моего появления на "Лицах года"!

— Откуда ты знаешь? — хмыкнул с сомнением Мэл. — И моего отца считаешь монстром, и своего. Вдруг всё совсем не так, и у тебя мания преследования?

— Это не мания! — голос задрожал от необоснованного поклепа. — Когда у меня кончились деньги, он велел самостоятельно зарабатывать на жизнь, чтобы ценить каждый висор, и приказал до марта не соваться с просьбами! А что я умею?

Мэл не выдержал: подвинулся и притянул к себе.

— Тише, тише, успокойся. Ты храбрая девочка. Не представляю, как смогла выжить на

архивную мелочевку.

— В-вообрази... Позвонила бы ему... П-порадовала... "Папуля, меня пригласили на "Лица года"... — полилось из меня сбивчиво. — И он, не задумываясь, упек меня в психушку... Если бы не прием, я не стала бы ни во что ввязываться! К тому же Стопятнадцатый включил меня в льготную программу для сотрудников института.

— Ладно, — протянул задумчиво Мэл. — Стало быть, ты отправила отца лесом. Или полем. А почему не сказала мне, что нужны деньги?

— Потому что. Занять десять тысяч — не шутка. Я бы не вернула их до конца жизни.

— Сколько?! Всего десять?! — переспросил он удивленно. — Ну-у... это большая сумма... в сравнении со ставкой в архиве... Итак, что имеем? Твой отец денег не давал, но на приеме ты появилась. Закономерно, что сейчас он в раздумьях, где его дочь достала шиши, так?

— Так, — согласилась с неохотой. Мэл быстро выстроил верную логическую цепочку и вскоре должен был задать закономерный вопрос, которого я боялась.

— И как объяснишь, когда отец спросит: "Откуда деньги"?

— Не знаю. Он сказал, что если я бездарная... то... могу торговать собой! — выпалила и отвернулась.

В салоне повисла тишина.

— Ну... ведь твой отец неспроста сказал это, — ответил сипло Мэл через некоторое время и прочистил горло. — Не понимаю, зачем? Если бы ты... последовала его совету, то просочились бы слухи, и его карьере однозначно пришел конец.

— Отец прочитал протоколы допросов после пожара в столовой. Хотел выяснить, не спалилась ли я перед первоотдельщиками, а заодно узнал, что его дочь провела ночь в одной кровати с братом пострадавшего. Ну, и разъярился.

Мэл не ответил. Он долго молчал, а я боялась обернуться и возила пальцем по двери. Чуть не протерла обшивку до дыры, когда за спиной раздался короткий смешок.

— Вот так воспитатель! — заключил Мэл, почему-то не став возвращаться к вопросу о совместной ночевке с Капой и о том, выполняла ли я рекомендации отца по способам выживания. — Ну, какая из тебя продажная стерва? Ты же бодаешься со мной из-за каждого висора и пытаешься всучить деньги после каждой покупки. И твой отец тоже знал, что не сможешь... и слава богу! Он разозлился, как пить дать. Так бы и сказал, мол, выкручивайся, как сумеешь, но зачем унижать?

— Потому что так было всегда, — отозвалась я хмуро.

— Ох, Эва! — снова притянул меня Мэл. — Ты кладезь сюрпризов.

— Плохих или хороших? — пробурчала я, устраиваясь поудобнее, и наши пальцы переплелись.

— Сногсшибательных, — ответил он со смешком. — Осталось дело за малым — придумать правдоподобное объяснение для твоего отца. И много денег в твоей банковской ячейке?

— Много. Не скажу. Я обеспеченная девушка и могу приглашать тебя в "Инновацию" каждый день.

— Богатенькая моя, — поддел Мэл, развеселившись. — Независимая. Неприступная.

— Да, я такая, — ответила с той же интонацией. — Завтра съезжу в банк, а пока займешь немного?

— Папена! — начал он угрожающе, но прокхыкался и продолжил более спокойным

тоном: — Эва... Пойми и ты меня. Как предлагаешь выполнить твою просьбу? Это же дикость — одалживать своей девушке деньги на покупку сумки. Поэтому поступим следующим образом: сегодня ты закроешь глаза на траты, а завтра я отвезу тебя, куда хочешь, и тогда поговорим о расходах и доходах. И лучше не нервируй меня, Эва.

Некоторое время мы молчали, взбудораженные разговором. Раздражение Мэла моими феминистическими выходками было понятно, но его доводы тяжело усваивались. А какие у него доводы? "Потому что!" — и всё тут.

— Ты заметила, что мы бываем недовольны словами или поступками друг друга? — спросил Мэл, и я кивнула, соглашаясь. — Давай определимся: чтобы не доводить до крайности, сразу же выкладывать о причинах недовольства. Идет?

— Ну... это как?

— К примеру, чем тебе не понравилось, что я оплатил обед и покупки в аптеке?

Я замялась, переключившись на откручивание пуговицы с куртки Мэла.

— Потому что становлюсь похожей на попрошайку, тянущую из тебя деньги. Дай на то, дай на сё.

— Эва! — хмыкнул он и, не сдержавшись, тихо рассмеялся. — Это крохи того, что я могу дать. Я хочу подарить тебе весь мир.

— Мне не нужен мир, мне нужен ты, — проворчала я, прикорнув на груди Мэла, и почувствовала легкое прикосновение к волосам — поцелуй.

— Ладно, как-нибудь разберемся с твоим альтруизмом.

Пришла моя очередь выслушивать объяснения.

— А почему ты хмурился в кафе?

— Потому что ты не захотела в "Инновацию", потому что вздумала делить расходы... Дама не должна тратить деньги, это делает ее спутник. Так принято.

Принято — не принято. Может, когда-нибудь я стану мыслить по-другому, но пока не могу перестроиться.

— А в общаге почему хмурился? — задала следующий вопрос и пояснила: — Когда я пришла от стилистки.

Мэл замер, напрягшись. Застыл как скала.

— Я решил, что... Ладно, не бери в голову...

— Нет уж, договаривай. Уходила — всё было хорошо, вернулась — у тебя тучи на лице. Капа ляпнул что-то глупое, да?

— Тучи... — повторил Мэл и нехотя ответил: — Я ждал и вспоминал... разные моменты — в институте, на приеме, в клубе... В общем, в голову опять полезла всякая чушь. Мне захотелось, чтобы ты показала... чтобы доказала... Прости, если заставил.

— Мэл, — потянулась и поцеловала его, — я не пожалела, и не думай.

— Ну, и хорошо, — выдохнул он и расслабился. — Значит, едем за сумкой?

— В переулок Первых Аистов. Знаешь, где это?

Мэл хмыкнул:

— Бывал когда-то.

Мы ехали молча. Короткий день заканчивался, солнце давно спряталось за зданиями, спеша уйти за горизонт. Небо, еще светлое на западе, с востока наливалось подступающей темнотой. Здания окрасились иллюминацией, засияли призывные плакаты и вывески, стала заметней немая реклама, крутившаяся на больших экранах. Небоскребы расцвели пока еще редкой "шахматкой" светящихся окон. По проспекту в одном направлении двигались не

менее восьми автомобилей — каждый по своей полосе, и пару раз нам пришлось постоять в пробках, правда, недолгих.

Мэл вел машину уверенно, отточенными до автоматизма движениями — не глядя, ворочал рукояткой коробки передач, не глядя, нажимал кнопки на панели. Он любит технику, любит трассу и скорость, — пришло вдруг на ум. Внезапно Мэл, не отрываясь от наблюдения за дорогой, схватил мою ладонь и положил к себе на колено.

— Не убирай, ладно?

— А как же...? — растерялась я. — Ведь неудобно...

— Удобно, — заверил он и опроверг сомнения, успевая поворачивать руль и вертеть нужные тумблеры.

Любуясь водителем, признала: я — ужасная собственница. Представила, что раньше рядом с Мэлом сидели другие девчонки, вот также положив руку на его колено, и в голове будто замкнуло клеммы.

Сколько их было — мимолетных и тех, что "на подольше"? Выбирай — не хочу.

Но Мэл выбрал меня.

Мы знакомы с ним от силы месяц, половину которого он либо игнорировал меня, либо допекал, показывая свое висоратское превосходство. Его отец заведует Департаментом правопорядка, который на слуху у каждого гражданина — законопослушного и не очень. Родословная Мэла тянется в генеалогическом справочнике на нескольких страницах. Он привык ни в чем себе не отказывать. Почему же Мэл заикнулся на мне, непримечательной девчонке?

Особыми талантами не блещу, как и красотой. Я — одна из тысяч, и у любой другой конкурентки гораздо больше шансов оказаться рядом с Мэлом.

Но это со мной он мчится сейчас на машине по городу, озаботившись покупкой новой сумки.

Это со мной Мэл шутит, рассказывает что-то, спорит, упрямится, смеется.

Это из-за меня Мэл объявил ультиматум отцу и распрощался с почти невестой, и даже моя биография с гнильцой и отсутствие висоратских умений не поколебали его решимости.

Это его волнует, чтобы меня не просквозило после теплого салона.

Это он нашептывал сегодня слова, от которых горели мое лицо и тело. Это Мэл заставил позабыть о стыдливости и сдаться на милость его рук и губ — то агрессивно настойчивых, то мучительно нежных. Это его глаза заверили: "Нет ничего шокирующего в том, что мы сделали. Наоборот, получилось прекрасно, и твое удовольствие стало лучшей наградой для меня".

Это Мэл хочет подарить мир, хотя мне достаточно Мэла.

Неужели это и есть счастье?

— Эва, мы на дороге... — голос Мэла дрогнул. — Лучше верни руку на колено, пока не приключилась авария.

Разве я виновата, что конечности совсем обнаглели и функционируют отдельно от сознания? Стыдобень, да и только.

Сострою невозмутимый вид и недрогнувшим голосом заведу светскую беседу.

— Ты бывал в Опере?

— Неожиданный вопрос, — ответил Мэл, смотря в зеркало заднего вида. — Бывал.

— И как? Понравилось?

— Скучно. Неинтересно. По сцене ходят, руками машут, поют, а о чем — не разберешь.

— Избалованный, — пожурила его, хихикнув. — Это же о-пе-ра!

— Ну и что? Таким как я вручали программки с кратким содержанием. Знаешь, что мне больше всего в них нравилось? Слово "Антракт".

Я рассмеялась.

— Тогда почему ездил? Потому что нужно?

— Да, — кивнул Мэл.

— Со Снегурочкой?

Он помедлил с ответом:

— С ней.

— А я видела Оперу в атласах мировой архитектуры. Необычное здание. А внутри красиво?

— Наверное. Не замечал. Хочешь сходить?

Я неуверенно пожала плечами. Побоище в клубе надолго отбило тягу к посещению мест с большим скоплением народа.

— Значит, ходим когда-нибудь, — решил Мэл за нас двоих.

Машина проехала мимо бульвара Амбули, но в последний момент Мэл повернул руль вправо, и путь пролегал вдоль залитых светом павильончиков и украшенных гирляндами деревьев. Я приклеилась к окну, и когда сияющее великолепие огней осталось позади, вздохнула восхищенно:

— Красиво, правда? Спасибо!

— Не за что, — улыбнулся Мэл. — В столице много интересных мест, обязательно покажу их тебе. И клади руку обратно.

Я охотно подчинилась требованию.

— Откуда знаешь о переулке Первых Аистов? Из-за своего рогейна? Ни в жизнь не поверю, что ты покупал что-нибудь в тамошних магазинах.

— Проезжал мимо, — пояснил Мэл, взглянув на меня мельком.

Почему-то в переулке Первых Аистов дышалось легче, и не потому что воздух был менее загазован. Выхлопными газами воняло, как и везде, и было также шумно и оживленно, но сам переулок пропитался... романтикой, что ли?

Хотелось подхватить Мэла за руку и пройтись — сначала по одной стороне, затем по другой, засматриваясь на витрины разношерстных магазинчиков, потом посидеть в кафе, согреваясь чашкой чая, и съесть одно пирожное на двоих. Хотелось прижаться к Мэлу и обнять крепко-крепко, чтобы никогда не отпускать.

Что-то я размякла. Определенно, в переулке даже думалось по-другому, и в голову лезли сплошные сантименты.

Мы зашли в знакомый галантерейный магазинчик, и Мэл опять удивил меня. Перебирая представленный ассортимент, он со знанием дела расспрашивал продавца, выясняя: а какая вместимость сумки? а какой процент сжатия веса? а есть ли улучшение по объему? а сколько строчек в швах — две или три? какова длительность гарантии на улучшенные свойства? Мэл проверял легкость движения собачек на замках, наличие страховки в виде кнопок, если разойдется молния, считал внутренние отделения и карманы.

Он не напирал, говоря: "Смотри, мне нравится вот эта сумка, потому что в ней то-то и то-то, в отличие от других", а позволял выбирать мне, слушая его разговор с продавцом. Обо мне еще никто не заботился, поэтому я совершенно расклеилась, расчувствовавшись.

— Может, вот эту? — показала на синюю сумку с желтыми вставками.

— Берем, — подтвердил выбор Мэл.

Моя новая сумка могла трансформироваться в рюкзачок, забрасывалась на плечо или просто неслась в руках. Улучшения в материале сжимали каждый килограмм уложенных вещей на 85 %, но ограничение по максимальному весу составляло пятьдесят килограмм. Я вспомнила, на занятиях профессор говорил, что не стоит гнаться за аховыми процентами сжатия, потому что улучшения быстрее изнашиваются, однако продавец дал гарантию на пять лет и понижение сжимаемости на каждый последующий год пользования в размере пяти процентов.

В сумке имелось несколько потайных отделений и удобных карманов, так что вздумай я положить туда полцентнера нужных вещей, они с легкостью нашлись бы без долгих поисков и перетряхивания содержимого.

Единственным минусом сумки была нулевая сжимаемость по объему, то есть попросту отсутствие бездонности. Иными словами, саквояжик не сохранял удобу при укладывании в него крупногабаритных вещей, но данный недостаток меня мало волновал.

Когда мы вышли из магазинчика, я потянула Мэла в сторону кафе, в котором устраивала субботний перекус с девчонками.

— Пойдем. Хочу тебя угостить.

— Чем это?

— Не спорь. Теперь плачу я.

Как ни странно, Мэл согласился. В кафе было шумно — гораздо многолюднее, чем в полупустом заведении на центральном проспекте. Мы уселись за угловым столиком, сдвинув стулья. Мой парень пил крепкий кофе, передо мной поставили чашку чая, а посередине водрузили воздушное пирожное, усыпанное вишнями.

Глядя на заказ, я потеряла дар речи.

— Смотри, на картинке нормальные вишневые вишни, а здесь и оранжевая, и зеленая, и желтая, и синяя. Девушка! — крикнула я удаляющейся официантке, чтобы та вернулась и устранила безобразие в виде уродливых фруктов.

— Стой, Эва, — потянул меня Мэл, призывая успокоиться. — Наверняка вишни вымачивают в сиропах с красителями. А вообще, в Национальном музее есть экспозиция, называется "Параллельный мир", там в кадках растут квадратные апельсины и синие яблоки.

— Зачем? — Я не совсем успокоилась после потрясения с вишнями. — Какой толк в синих яблоках?

— Никакого толку. Необычно. Мир не такой, каким мы привыкли его видеть. Сходим туда как-нибудь. Посмотришь на песчаную реку, полистаешь круглые книжки.

— То есть как круглые? — наморщила я лоб, пытаясь представить шар, который можно читать.

— Там увидишь. А сейчас открой ротик, будем кушать... ам-ам... вишенки, — Мэл поболтал желтой ягодкой, взяв ее за черешок.

Вишни оказались съедобными, пирожное таяло на моем языке и во рту у Мэла.

— А ты, оказывается, сладкоежка, — поддела его, когда он зажал губами ложку с кусочком пирожного, не желая отпускать.

— Угадала, — улыбнулся Мэл. — Помнишь, тогда в "Инновации", ты предложила спортсмену мороженое, а он отказался? Был бы я на его месте! Поедем туда как-нибудь, а? Хотя бы из-за мороженого.

— Поедем, — согласилась я, сделав глоток, и добавила лукаво: — Или из-за мягких

диванов?

— Из-за них тоже.

Десерт вышел отличным, как и компания, в которой он поедался.

рогейн* — командная или индивидуальная игра, предполагающая ориентирование на местности.

13. Уступки

Когда мы вышли из кафе, на город напоззли ранние сумерки, и в переулке стало еще уютнее. Поскрипывание снега под ногами пришлось бы как нельзя кстати, но увы, все ровные поверхности закатали под асфальт, за исключением черных прямоугольников зимующих газонов.

В голове царила приятная пустота, заботы улетучились, будучи задвинуты в дальний угол, но меня по-прежнему не отпускала взбудораженность из-за близкого присутствия Мэла. Мы не просто встретились, поговорили и разошлись в разные стороны. Мы остались вместе и теперь решали вдвоем, что делать и куда пойти. Еще вчера я жила сама по себе и самостоятельно принимала решения, пусть не всегда верные, а сейчас рядом шел человек, вдруг ставший частью моей жизни, и с его мнением следовало считаться.

— Теперь куда? — спросил Мэл, заводя машину. — Пятый час вечера.

Куда? Этим вопросом я не задавалась. Совсем позабыла, что будни никто не отменял, и нужно думать о завтрашнем дне. В компании моего парня мозги отказывались трудиться, и жилось настоящим — волнительным и кружащим голову. Ох, похоже, от непривычки у меня возникла передозировка обществом Мэла.

Так куда? В общежитие, наверное. Прилечь на кровать, обдумать перемены, свалившиеся за последние сутки, посплетничать с Аффой, не забыть о Радике и угостить его чем-нибудь вкусеньким.

Радик! В общаге не осталось ни кусочка съедобностей, а в институте дядя парнишки ждет, когда подчиненная изволит появиться на работе, потому что понедельник никто не отменял! — чуть не стукнула себя по лбу, вспомнив, что до сих пор числюсь младшим помощником архивариуса.

Понедельник! День, на который я назначила встречу с неизвестным А., представителем славного племени горнистов, а также умудрилась пропустить консультации, посвященные сессии.

Сессия! Послезавтра экзамен по матмоделированию вис-процессов, а в голове гуляют скудные и бессвязные обрывки знаний, почерпнутые из одиночных лекций по данному предмету.

И еще Мэл, спрашивающий, когда жать на газ и в какую сторону поворачивать руль.

А ведь он не спал больше суток и вымотан, хотя умудряется держаться на стимуляторах.

Высыпав оставшуюся мелочь из сумочки, я пересчитала монетки. После откушанного в кафе десерта на руках осталось около шестидесяти висоров. Достаточная сумма, чтобы купить продуктов на пару дней в недорогом магазине на окраине.

— Мне нужно в институт, а тебе стоит отоспаться, — сказала, ссыпав деньги обратно.

— Зачем в институт? — поинтересовался Мэл, крутя тумблер на панели.

— В архив на подработку.

— У тебя теперь есть наличность, к чему гробиться из-за мелочевки? Увольняйся — и дело с концом.

— Мне надо, — заявила я упрямо. — Уволюсь, когда кончится сессия, а пока буду помогать Штуссу, и суть не в деньгах.

— Может, дело в солидарности? — усмехнулся Мэл.

Что он хочет сказать этим? Что меня и архивариуса роднит слепота и отсутствие способностей в висорике? Вовсе нет. Я хочу помочь начальнику, потому что... хочу. Любой труд достоин уважения. Тем более, у меня получается, и маленькие достижения позволяют не чувствовать себя безнадежной и бесперспективной.

— В ней, — ответила я неожиданно для себя, хотя собиралась поспорить.

— Хорошо, — согласился Мэл. — Подожду тебя и заодно отработаю штрафные часы в спортзале.

Ах да, мой парень восстанавливает честное имя, потрепанное плохим поведением. Это хорошо. Но то, что отрабатывает в спортзале, меня совсем не устраивает.

— А нельзя попроситься в сортировочную утиля?

— Ты и у Асмодея успела побывать? — ухмыльнулся он. — Вряд ли получится. Мне не доверят мусорное гов... богатство.

Зато перебрасывать маты, на которых кувыркались гимнастки, очень даже доверяют. А Мэл заодно поглазет на осанистых спортсменок и охотно пофлиртует с ними.

Я закусила губу.

— Эва, выкладывай, о чем думаешь, — велел он. — Тебе что-то не нравится.

— Да, не нравится! — выпалила я и отвернулась к окну. — Там полно девчонок.

За спиной раздался смешок. Мэл придвинулся, обхватил меня и поцеловал в щеку.

— Девчонок полно, а ты — одна.

Слабенькое утешение, которое совершенно не притупляет всколыхнувшуюся ревность. Нужно доверять Мэлу, потому что сомнения разрушают даже самые крепкие отношения. Ведь он доверяет мне. Сказать ему или нет о конспиративной встрече на чердаке?

— После архива хочу встретиться с одним человеком, — сказала я, решившись.

Мэл нахмурился и отстранился.

— С кем?

Слово — не воробей. Поздно идти на попятную, да и неохота, потому что в предстоящей встрече с Агнаилом нет ничего предосудительного.

— Этот человек работает в институте.

Рука Мэла сжалась в кулак.

— Хромой? — спросил он, помолчав.

Я сразу поняла, кого подразумевал Мэл, и меня неприятно кольнуло напоминание об увечности профессора. В первую очередь физические недостатки замечают недалёкие люди. Прежде всего, Альрик — преподаватель, ученый с мировым именем, интересный собеседник и, конечно же, симпатичный мужчина с исключительным обаянием. Но лучше не распалять Мэла нравоучением и расписыванием достоинств профессора.

— Нет, это горнист. Один из тех, кто обслуживает горн.

— Папена, ты удивляешь меня с завидной регулярностью, — потер лоб Мэл. — Всего месяц в институте, а умудрилась познакомиться с желторотиком.

И опять меня покорило снисходительное прозвище, слетевшее с его языка.

— Он не желторотик, а горнист, — оскорбилась я за всю братию ребят в солнечной униформе. — Будешь насмехаться, ничего не скажу.

— Ладно, прости, — сказал Мэл примирительно. — Ожидал чего угодно, но о жел...

горнистах даже не подумал.

— Ты с ними тоже знаком?

— Вот еще! Зачем мне? — фыркнул Мэл и посерьезнел, заметив мое сердитое лицо. — Видел однажды издали. Скажешь, как познакомилась с ним?

— Мы случайно встретились, один раз, и выяснилось, что он с западного побережья, — ответила я и солгала самую малость, объединив образы Марата и Агнаила. — Потом оказала кое-какую услугу, и он предложил отблагодарить. Общаемся записками. Хочу расспросить у него о маме. Может быть, он знает её. Если так, то отец со своим чертовым требованием в получении аттестата мне не нужен. Обойдусь без него.

Некоторое время Мэл обдумывал сказанное и озвучил то, что посчитал самым важным в моих словах:

— Интересно получается. Незнакомый горнист, с которым ты случайно столкнулась, взял и выложил тебе, висоратке, что живет на побережье. Или ты привираешь, и на самом деле вы встречались чаще, а, Папена?

— Думай что угодно, — оцетинилась я в ответ. — Предупреждаю честно: после архива собираюсь поговорить с ним. Тебя не понять. Скрываю — плохо, говорю правду — то же самое. Что тебе не нравится?

— То же, что не понравилось тебе в отработке штрафа в спортзале, — ответил хмуро Мэл.

Я смешалась, не зная, что сказать.

— Пошли вместе, — предложил он. — Где назначена встреча?

— На чердаке. Получается, я не предупредила, что могу прийти не одна. Так нельзя. Он решит, что его подставили, и ничего не скажет. Горнистам запрещено бывать на верхних этажах. Надеюсь, ты не сдашь его администрации?

— Никогда не стучал, — сказал Мэл с ноткой высокомерия. — Не знал, что в столице много выходцев с побережья.

Его слова прозвучали примерно так: "Не догадывался, что вас понаехало видимо-невидимо, и на каждом шагу парень из высшего общества наталкивается на уголовное отродье".

— Закрой глаза, если противно, — вспыхнула я как спичка. — Не волнуйся, твоя любимая столица не погрязнет в преступности. Каждый горнист, отработав долг, возвращается обратно.

— Эва, ты как всегда поняла иначе, — ответил раздраженно Мэл. — Я думал, с побережья непросто выбраться, поэтому удивился. По крайней мере, попасть туда нереально.

— А я попаду! — разве что ногой не получилось топнуть для иллюстрации намерений.

— Для этого потребуется виза и предварительное согласие нескольких департаментов и министерств, точно не знаю, каких. Возможно, сам Рубля подписывает разрешение на въезд туда. Ты обговорила с отцом условие: аттестат в обмен на адрес. А он пообещал оформить пропуск на побережье?

— М-мы об этом не... Не знала, что это сложно, — промямлила я ошарашенно.

Когда заключалось соглашение с родителем, мне было невдомек, что папаша не без оснований называл меня каторжанской бестолочью. Озарение наступило недавно, когда на запястье Марата мелькнул браслет со звеньями, в точности похожими на рисунок брошки.

В моем представлении приезд к маме выглядел гораздо романтичнее, без разрешений и

пропусков, поскольку на подкорке отложились авантюрные бредни интернатских мальчишек, мечтавших дать дёру на запад, на восток, на юг — неважно куда, лишь бы подальше. Поэтому план проникновения на побережье не требовал особой проработки. Приеду к пропускному пункту, постучусь, и меня пропустят. А если откажут, то можно пойти другим путем. Когда зубастые псы-монстры отвлекутся на брошенное им мясо, смело пролезу под проволокой, перекусив кусачками, или перепрыгну через ограду. А что? Я смогу. Отойду подальше, разбежусь, перескачу и скроюсь в кустах, запутывая следы.

В общем, шутки шутками, но эти мелочи казались незначительными. Главное — адрес мамы как венец миссии, а с остальными проблемами можно разобраться по ходу.

Наивная простота.

Видимо, Мэл испугался моего убитого вида, потому что принялся утешать.

— Эва, мы что-нибудь придумаем. Всё будет путём.

Еще бы ему не струхнуть. Наверное, я почернела лицом, вот так, между делом узнав, что моя мечта растоптана и разбита вдребезги в шаге от цели. Папаша хитер. Наверное, он потирал ручки, поймав простодушную дурочку-дочку в капкан соглашения. В самом деле, к чему адрес, если мне никогда не удастся попасть на побережье?

— Не убивайся раньше времени, — успокаивал Мэл. — Поговоришь с отцом, и он поможет с визой. А если не согласится, найдем другой способ. Только не падай духом.

— Ты прав. Постараюсь.

Радости жизни померкли, уступив место смятению после слов парня о сложностях с въездом на побережье. Получается, цивилизованным путем попасть туда практически невозможно, разве что совершить преступление, и тогда суд постановит выслать меня на пожизненное поселение в западные территории. Закон я обманула не единожды, однако решать проблему методом явки с повинной как-то не хотелось.

В конце концов, куда папаша денется? Ну, получу аттестат и помашу бумажкой, что толку? Все равно не смогу прижиться в висоратском обществе, тем более в статусе министерской дочки. Предложу-ка родителю устроить мне аспирантство и сбор материала для будущей диссертации непосредственно на месте, а именно на побережье. Уеду и пропаду для всех, чем не выход?

Но до аттестата еще нужно дожить. Мной заинтересовался премьер-министр, который пришлет к окончанию сессии приглашение на банкет, а там недалеко до пронырливых журналистов, роющихся в белье семейства Влашек. Удивительно, что отец до сих пор не дал о себе знать и не назначил встречу. Ведь номер моего телефона определился сразу же, когда я позвонила перед приемом от Вивы.

И все же, как ни крути, а идея хороша — под видом научно-исследовательской работы уехать на побережье. Осталось убедить отца, но сначала нужно окончить институт, а еще раньше удостовериться, что отец не планирует избавляться от меня из-за появления на "Лицах года", в чем я сильно сомневалась. Может, все-таки сбежать, пока не поздно?

— А ты знаешь что-нибудь о побережье?

— Особо не интересовался, — ответил Мэл, пристегиваясь ремнем. — Слышал краем уха на приеме, и то давно. Один чиновник жаловался, что при оформлении визы возникла ужасная волокита. Насчет встречи с горнистом... Если считаешь нужным — иди. Позвони мне, как выйдешь из архива и когда поговоришь с ним. Встречу тебя, и мы поедем домой.

Согласие, высказанное спокойным тоном, оказалось сродни чуду и удивило меня безмерно. Памятуя о конфликтах, случившихся у Мэла с Тёмой и Рэмом, я приготовилась к

ультимативному недовольству, но поскольку не чувствовала себя виноватой из-за предстоящей встречи с горнистом, то по всей вероятности мы поссорились бы.

— Скажи хоть, как его зовут? — спросил Мэл, сдавая задним ходом из "кармана".

— Агнаил. Только никому не говори, а то его накажут за то, что отлучился от горна.

— Своеобразное имечко, — хмыкнул Мэл, вырвав на дорогу, и машина двинулась по переулку.

— Кому как. Пстой! Куда мы поедем после института? — дошло до меня с опозданием.

— Ко мне домой.

— Зачем? — изумилась я.

— Зачем люди едут домой? Чтобы принять ванну, посмотреть телевизор, поужинать и лечь спать, — объяснил Мэл.

— То есть ты приглашаешь к себе? — Мои извилины били все рекорды по тупомыслию. Очевидно, запас углеводов, почерпнутый из десерта, досрочно переработался, и наступило сообразительное голодание.

— Переезжай ко мне, — предложил он без обиняков. — Знаю, тебе не нравятся высокие потолки, но мы что-нибудь придумаем.

Я в замешательстве переваривала услышанное.

Переехать к Мэлу... Старая песня за небольшой разницей: теперь у меня есть деньги, чтобы не зависеть от него. Но переезд в первый же день... Две зубные щетки в стакане, мое белье в горошек, сохнувшее на сушилке, опухшая после сна физиономия — непричесанная и без косметики, женские мелочи и бардак, который я принесу с собой, друзья Мэла, которые заявятся к нему в гости... А что говорить о его родителях, сестре и прочих родственниках?

Радикальное предложение. Пугающее.

— Хотя бы переночуй, — настаивал мой парень.

— Мэл, у меня же сессия! Между прочим, как и у тебя. Послезавтра следующий экзамен, а я готовлюсь с бухты-барахты. Ни разу не открыла конспекты. Как учить, когда ты рядом? У меня же мозги набекрень! Только о тебе и думаю.

Властитель моих дум ответил не сразу, поглядывая в зеркала заднего вида.

— Ладно. Провожу тебя до общаги, и баиньки.

Я посмотрела на него с подозрением, однако не заметила подвоха в быстром согласии.

— Конечно, Мэл, ты вторые сутки без сна, — подхватила идею с жаром. — Тебе нужно выспаться. Давай, отвезешь меня и сразу поедешь домой.

— Нет, — отказался он. Вот упрямец! — Значит, в институт?

— У меня остались деньги. Можешь подбросить к какому-нибудь магазину, а то в общаге кончилась еда?

— Отвезу, куда скажешь, но свои висоры положи в карман, — сказал устало Мэл. — Мы, кажется, договорились.

— Хорошо, — согласилась я с неохотой. — Но это должен быть недорогой магазин, где батон хлеба стоит не двадцать висоров, а два.

— Понятия не имею, сколько стоит хлеб, — пожал плечами Мэл, не отрываясь от дороги.

— То есть как? У тебя же полный холодильник.

— Домработница покупает продукты по списку матери раз в неделю. Даю ей два шукаря, обычно хватает.

Вот оно что. Мама Мэла заботится о сыне и беспокоится, чтобы ее принц не оголодал, ведя разгульный холостяцкий образ жизни.

— Неужели все съедаешь? — вспомнила я забитый до отвала агрегат в квартире Мэла. Содержимое разве что не вываливалось оттуда — настолько плотно были заставлены полочки.

— Не съедаю. Что я, верблюд, что ли? — хмыкнул Мэл. — Домработница полностью заменяет продукты свежими, а остальное меня не колышет.

Немыслимая роскошь по моим меркам, а Мэл ни разу не задумался о круговороте пищи в своем холодильнике. Вспомнив, как мы с Радиком дрожали от предвкушения, поглядывая на прозрачные колбасные ломтики, я испытала нечто похожее на... гнев?

Все-таки мы с Мэлом из разных миров. Это судьба, кому и кем угораздило родиться. Кто-то считает каждый висор, растягивая наличность от получки до получки, а кто-то не задумывается, куда исчезает содержимое холодильника каждую неделю. Наверное, рачительная домработница, утаскивает на себе, надрываясь, — подумалось сердито.

Почему я злюсь? Быть может, у женщины большая семья, или она раздает продукты знакомым — таким же невидящим, — тут же оправдала я труженицу отдельно взятой квартиры Мелёшина-младшего. Возможно, сам того не подозревая, Мэл кормит полквартила слепых изысканными полуфабрикатами из молодой оленины, вымоченной в вине. Тогда он прощен, — вынесла вердикт.

Мэл взглянул на меня мельком.

— Расстраиваешься из-за того, что я сказал о побережье?

— Да, — ответила я коротко, решив не опровергать гипотезу. Не рассказывать же ему о каждом чихе и о каждой мысли.

Мэл отыскал на ощупь мою руку и сжал.

— Все будет отлично. Куда заедем? Не разбираюсь в продуктовых магазинах.

— Давай остановимся ближе к окраине. Там должно быть дешевле.

Мой водитель поджал губы, но ничего не ответил.

Город закутался в зимний вечер. Асфальт убежал под колесами, мелькали столбы с фонарями, навстречу по проспекту тянулись вереницы автомобильных фар — желтых, белых, голубоватых. После рабочего дня люди возвращались домой — к семьям и близким. А где мой дом?

Мэл пригласил переехать к нему.

Скоропалительное предложение, к которому я не готова. В моем понимании, прежде чем говорить о совместном проживании, следует сперва изучить привычки друг друга, пристрастия, характеры. К вопросу о житие под общей крышей нельзя подходить на авось, потому как существование бок о бок подразумевает ограничение свободы для нас обоих. Нам придется подстраиваться под интересы друг друга, ломать устоявшийся ритм жизни, перекраивать привычный распорядок дня, отчитываться, где был и что делал.

В швабровке я сама себе хозяйка — что хочу, то и ворочу. А в квартире Мэла все равно, что в гостях. Хотя предложение переночевать у него взбудоражило, — признала со смущением и вспомнила вечерний молчаливый "разговор" по телефону, когда меня страстно потянуло домой к Мэлу. Вот закончится сессия, и подумаем о приглашении в гости... на ночь.

Окраины начались одновременно с заснеженностью улиц, уменьшением этажности зданий, увеличением количества жилых домов и ухудшением дорожного освещения из-за

нерабочих фонарей. Мэл припарковался на скромной стоянке перед магазином, расположенным в пристройке к пятиэтажному дому. Он помог выбраться из машины, придержал дверь магазина, пропустив меня и какую-то бабулю вперед, но дальше входа не пошел.

— Ничего не понимаю в этом. Выбери, что нужно, а я подожду здесь.

Столичный принц, не привыкший отступить, спасовал перед макаронами и крупой! Мэл заметил веселье на моем лице и развел руками, констатируя: мол, есть вещи на белом свете, в которые недоступны пониманию их высочества.

— Иди уже, — кивнул, посмеиваясь, на стеллажи, и уселся на подоконник.

Чтобы не разорить Мэла обжорством, я решила выбрать продукты на сегодняшний ужин и завтрак. С дальнейшим питанием определюсь, когда возьму деньги из банка. И вообще, мое богатство позволяет купить холодильник размерами не меньше, чем у Мэла, и напихать еды снизу доверху.

Магазин был небольшим, ассортимент товаров — небогатым, но их оказалось достаточно, чтобы глаза разбежались в разные стороны, а во рту скопилась слюна, несмотря на недавний плотный обед и десерт. Меня так и подмывало пройтись вдоль тесного ряда, и, не глядя, сгрести в тележку всё, что попадет под руку. Усилием воли я все же заставила себя отвернуться от скоропортящихся продуктов и от больших бадей, рассчитанных на много едоков.

Покуда меня носило волнами покупательского азарта по магазину, Мэл успел вынуть телефон и с кем-то разговаривал. Интересно, с кем? — встрепенулось ревнивое чувство при взгляде на его оживленное лицо.

Не буду выпытывать, потому что доверяю.

"Не волнуйся, мама, я жив-здоров. Заехал со своей девушкой в магазин и скоро двину в институт. Представляешь — я и продукты! Когда такое было?"...

"Маруська, ты собираешься возвращать записи, которые утащила на позапрошлой неделе? Хочу устроить ужин при свечах для своей девушки. Как назло — ни одной приличной композиции"...

"Отец! Решено — я женюсь!"...

Ой, нет, лучше так: "Отец, я не посрамил фамилию Мелёшиных во время драки в клубе"...

"Дядя, у твоей машины движок слабоват. Я столкнул эту рухлядь с обрыва, чтобы не позориться, и катаю свою девушку на самом быстром автомобиле в мире"...

"Бе-бе-бе, Снегурочка, со мной на переднем сиденье сидишь не ты, а красивая интеллектуалка с ногами от ушей"...

Последний вариант разговора понравился мне больше всего.

— Наконец-то, — выдохнул с облегчением Мак. — Я уж думал, ты до утра отключил трубу. Или у вас ничего не вышло?

— Вышло, — сказал Мэл довольно. — В общаге. Три раза.

— Значит, всё путем. Теперь успокоишься?

— Остались кое-какие мелочи, но в целом — ништяк. Спасибо за помощь.

— С тебя "Турба" на месяц, — напомнил Мак.

— Какой месяц? — возмутился Мэл. — Договаривались же на неделю.

— Давай на три! Какая разница? Теперь тебе будет не до тачек.

— На две, и ни днем дольше.

— Ладно. Отцу сказал?

— По телефону.

— А он?

— Ничего. Выслушал — и всё.

— А матери?

— Скажу при встрече.

— А нам ведь повезло, — сказал вдруг Мак. — До сих пор не понял, как удалось выбраться. "Вулкано" закрыли, имущество описывают, идут повальные аресты и допросы. Трясут по верхам. Найдены нарушения, на которые отвели глаза при выдаче разрешений. Батя не говорит напрямик, но я слышал — больше двадцати погибших, около ста раненых и покалеченных, среди них есть тяжело увечные заклиниваниями. Рубля орет, приказал устроить секир-башку всем без разбору... В департаментах начались проверки, министерства перетряхивают...

Слушая, Мэл поймал взгляд Эвы, стоявшей у крайнего стеллажа с банкой в руках, и улыбнулся. Она ответила тем же.

Мак какое-то время рассказывал о последствиях гулянки в клубе, пока не сообразил, что треплется в пустоту.

— Алё. Оглох, что ли?.. Алё!... Ничего не слышу... У тебя батарея села. Перезвони, — сказал и рассоединился.

14. Стратегии

Идея с аспирантурой приободрила. Смотря из окна машины на однотипный городской пейзаж, я придумывала слова, которые скажу отцу; он выслушает, согласится с доводами и передумает избавляться от меня. И быть может, у папеньки родится план по ловкому ускользанию от навязчивого интереса Рубли. Осталось всего-то полтора года попрятаться по углам, а за это время, глядишь, внимание премьер-министра переключится на новых дебютанток или на великие дела и свершения. Родитель своевременно подсуетится, походатайствует об оформлении визы, и я уеду к маме. Туда, где меня ждут! — заездила нетерпеливо, как если бы отъезд был запланирован, самое позднее, на завтра.

Уеду, а Мэл останется здесь?

За сегодняшний день он узнал обо мне достаточно нелицеприятных вещей и принял их, а ещё понял, что я рвусь на побережье любым способом, потому что это моя идея фикс. И возможно, успел пожалеть о том, что дал обещание.

Даже если мы отстоим свое право быть вместе, имеет ли смысл опутывать себя грузом обязательств, или стоит подходить к проблеме проще, как говорит Мэл? Ведь мы можем вскоре надоесть друг другу пуще горькой редьки и с радостью разбежимся в разные стороны.

Жаль, по лицу водителя не видно, каково его мнение по поводу суеты из-за побережья. Зато Мэл выглядел уставшим, несмотря на поддержку тонирующим напитком, и я, не сдержавшись, провела рукой по темным жестким волосам. Парень коротко улыбнулся в ответ и вернулся к наблюдению за дорогой.

Когда машина остановилась у решетки института на заметно поредевшей стоянке, мне удалось выжать из себя:

— Мэл... Если когда-нибудь я уеду на побережье... Это будет билет в один конец...

Его руки сжали оплетку руля.

— Догадываюсь.

— Если хочешь, верну твоё обещание.

— Не хочу, — отрезал он раздраженно. — Мы сейчас здесь и сейчас, а что случится завтра, никто не знает.

Ошибаешься, Мэл. Мне известно моё будущее. Правда, предсказания из области "ткнул пальцем в небо", но общий смысл видений понятен. Я попаду на побережье, в этом нет сомнений, а потом... В одной из картинок мелькал особняк. Попадают ли в запретной зоне газоны, ажурные кованые решетки и шпили на башенках? Крайне сомнительно, если это не владения самого большого начальника на каторжанской территории. Может, пророчество, сделанное оком, намекает, что когда-нибудь я вернусь обратно? Возможно. Вдруг со временем запреты исчезнут, визы порвут, разрешения отменят, и граница между западом и востоком сотрется? О, это было бы чудесно.

Какое предсказание на очереди? Вылетело из головы.

Мэл не дал собраться с мыслями. Сунув в каждый карман куртки по банке "Энергетика", открыл дверцу и помог мне выбраться.

— Пакеты заберу позже, — сказал сухо, и больше мы не обмолвились ни словом.

Мой спутник подставил локоть, а в другую руку взял новую сине-желтую сумку. Мы возвращались в институт как пара: миновали калитку, прошли по аллее и поднялись по ступенькам мимо кучки студентов, тайком куривших на крыльце, потому что им было лень бежать к калитке. Мэл распахнул передо мной парадную дверь, и я вошла в холл, ощущая спиной любопытные взгляды.

Мой парень по-джентльменски помог снять куртку, сдал одежду в раздевалку, и от его хмурой молчаливости и лощеной предупредительности мне стало не по себе. К тому же, не успев переодеться после приема, Мэл выглядел непривычно торжественно в будничной обстановке будничного дня.

В холле было малоллюдно, но студенты, сидевшие на постаменте со Списуилом, уставились на нас с Мэлом во все глаза. Мне показалось, что и скульптурный святой развернулся в другую сторону, чтобы поглазеть, как мы пойдем к подъемнику.

Неожиданно из северного коридора вынырнули парни с четвертого курса элементарного факультета и, обогнав нас, зашли в кабину.

— Заходи, Мэл. Потеснимся, — ухмыльнулся один из них, рослый тип с выбритыми висками, и с улыбочкой кивнул мне, оглядев с головы до пят.

— Спасибо, — сказал Мэл, притянув меня к себе, и мы вступили в подъемник. Бритый нажал на единственную кнопку, и кабина тронулась вниз.

Попутчики кхыкали в кулак, обменивались многозначительными взглядами, делали вид, что увлечены изрисованными стенами и потолком, но разглядывали нас — кто исподтишка, а кто — откровенно и с ухмылкой.

Мэл прижал меня еще крепче, и когда парни вышли из подъемника, сказал на ухо:

— Как отработаешь, сразу позвони. Из архива не выходи. Подожди, когда приду.

— Зачем?

— Можешь хоть раз в жизни сделать то, о чем тебя просят? — вспыхнул он.

Я обиделась:

— Могу, и не раз, но когда говорят вежливо и объясняют причину.

— Пошли, — потянул меня Мэл по коридору, залитому электрическим светом. — Просто позвони и дождись, ладно?

— Хорошо, но зачем такие сложности?

— Да затем! — вскипел он. — Не видишь разве, что к тебе клеились?

— Ко мне?! — не успела я толком удивиться, потому что Мэл распахнул дверь архива.

В отличие от пустовавшего холла подвальное помещение напоминало гудящий улей, какой обычно бывал перед экзаменами, и с непривычки я оглохла. На мгновение меня обуял страх, что в архиве может случиться нечто похожее на побоище в "Вулкано", но противное щекочущее чувство тут же отпустило. Не хватало обострения фобий, на ночь глядя.

Мэл довел меня до стола выдачи заказов, демонстративно поцеловал в щеку, сунул свежеприобретенную сумку в руку, посмотрел многозначительно, мол, рассчитываю на послушание, и удалился из архива.

Что это было? — посмотрела я на закрывшуюся за ним дверь и заметила обращенные на меня взоры. В помещении стоял рабочий гул, но теперь казалось, что ко мне привлечено внимание всех присутствующих. Заробев, я поспешила укрыться от навязчивого ощущения за перегородкой, где столкнулась нос к носу с архивариусом.

Сегодня начальник выглядел вполне здоровым, успев окрепнуть за выходные. Нос приобрел нормальные размеры, глаза не слезились и голос не гундосил, когда мужчина знакомо просипел:

— Эва Карловна, вы как нельзя кстати. У нас опять завал с рассортировкой.

— Конечно, — метнулась я к столу, заваленному кучами папок с подшивками.

Мне не понадобились разъяснения, что и как делать. Мы с архивариусом понимали друг друга с полуслова, потому что успели стать маленькой сплоченной командой, работавшей споро и слаженно.

Хорошо, что Штусс не перебазировал меня на выдачу материалов страждущим, а крутился в одиночку как белка в колесе. Народу привалило видимо-невидимо, и я сновала от стеллажа к стеллажу, расставляя по полкам документы, которые начальник через секунду выдавал студентам.

В былые дни я работала, одновременно умудряясь погружаться в свои проблемы, а сегодня даже кадки и горшки с растениями прошли мимо сознания, потому что к беготне приплюсовалась растущая нервозность. Чудилось, что студенты, толпившиеся в очереди, тянули шеи как страусы, чтобы разглядеть меня, снующую за перегородкой.

Два часа потонули в рабочем тумане, и я очнулась, когда затренькал телефон, да и то услышала звонок лишь потому, что пробежала мимо. Не сразу вспомнив, что аппарат лежит в сумочке, купленной для приема, долго ковырялась с замками-молниями.

— Почему не звонишь? — спросил Мэл, едва телефон очутился возле уха.

— Разве надо?

— Папена! — распалился он. — Кажется, мы договаривались. Два часа проходит — ты звонишь. Уже натикали две минуты сверх положенного.

— Ой, Мэл, я забегалась и забылась. Всё, сворачиваюсь.

— Жди, сейчас буду.

Пока я мыла руки, в архиве началось настоящее паломничество студентов, сдававших материалы, и беспорядок на служебном столе приобрел поистине ужасающие размеры — значительно больше и выше, чем до моего прихода. Архивариус облился потом, списывая со студентов документы. Бедняга, ему придется всю ночь расставлять папки по полкам или посвятить уборке раннее утро.

В возникшем столпотворении мне не удалось толком попрощаться с начальником. Появился Мэл в куртке, протиснувшись через толпу. Забросив на плечо сумку, он опять

обнял меня и повел из архива.

Чтобы уехать на подъемнике, пришлось выстоять в очереди, щуря глаза от невыносимо яркого света, и пока мы ждали, Мэл обнял меня, отгородив от остальных студентов. Мне же было не по себе от направленных на нас взглядов, и я прижималась к нему, чтобы спрятаться от чужого любопытства.

В результате мы поднялись в холл на битком набитом подъемнике, вместе с теми парнями, с которыми спускались вниз, и тип с бритыми висками улыбался мне в открытую, а потом подмигнул.

Едва я вышла из кабины, как Мэл потащил меня в северо-восточный коридор, вверх по лестнице и затолкал в темный закуток.

— Видишь? — сказал тихим шепотом, оглядевшись.

— Что? — спросила я также тихо.

— Все уже знают.

— О чем?

— Что твой отец — министр.

— А я думала, все знают, что мы с тобой вместе.

— При чем здесь это? — взорвался Мэл. — Как раз это мало кого волнует. Давка в архиве — верхушка айсберга, а что будет завтра на консультации?

— То есть они сбежались, чтобы посмотреть на меня? — сделала я открытие и удивилась. — Но почему?

— Теперь ты — дочь министра. Готовься к новым знакомствам, к новым друзьям, которые раньше не замечали тебя в упор. Привыкай к лестям и лицемерию.

Я представила липнущие ко мне взгляды, перешептывания, нескромное заигрывание на грани хамства — и ужаснулась. Не нужно мне такое внимание. Мне вообще не нужно, чтобы меня кто-то замечал, кроме Мэла.

Однако мой парень видел дальше и знал больше, чем чужое любопытство и попытки флирта с девчонкой, ставшей вдруг популярной в студенческой среде.

— Когда узнают, что ты живешь в общежитии, то повалят толпами, — продолжил он просвещать. — Тебя будут перехватывать по пути в институт и обратно, станут докучать с просьбами о помощи. Потом узнают номер твоего телефона, и тогда хоть вешайся. Сколько ни сделаешь людям добра, а все равно тобой будут недовольны.

Перспективы, коротко разрисованные Мэлом, ужасали. За один день моя жизнь успела перевернуться с ног на голову, и положение "вверх тормашками" вызвало полнейшую дезориентацию в пространстве.

— Неужели всё так плохо? — промямлила я ошарашенно.

— Думаешь, это шуточки? — не унимался парень. — Хорошо, если будут доставать тихо-мирно, а вдруг вздумают угрожать? Запросто нашьют порчу или бросят заклинание в спину, или похитят, чтобы требовать выкуп с твоего отца, да еще снимут дефенсор* и прочитают память, или под гипнозом заставят делать отвратительные вещи.

Я внимала Мэлу, вцепившись в рукава его куртки, и с каждым словом мне становилось всё страшнее.

Спокойствию пришел конец. Моя норка не защитит от полчищ "доброжелателей". Мою жизнь выставят на публичное обозрение, и, как пить дать, вскоре я спалюсь на великой лжи с висоратством.

— Теперь понимаешь, почему верхушка не учится вместе с простыми? — спросил Мэл,

успокаивая меня поглаживаниями. — Потому что у нас разные статусы.

— Но ты же учишься!

— Сравнила! Я парень, а ты девушка.

— Какая разница?

— Большая. Что позволено мужчине, то нельзя женщине, — сказал он и, упреждая мое возмущение, добавил: — Так принято в наших кругах.

В его кругах... Или его круг стал моим, потому что после назначения отца министром меня автоматически отфильтровало к сливкам общества? К Макесу, Дэну, Басте, Снегурочке и прочей компании высокородных деток.

— Не хочу в ваши круги. Высоко и падать больно, — проворчала недовольно. — Хочу пониже.

— Теперь уже никак, Эва. Случившееся не изменить.

Просто замечательно. Меня забросило рикошетом в высшую лигу, но счастья по этому поводу почему-то не испытываю. Сплошные осложнения и покрытое мраком неизвестности будущее. Кто говорил, что оно предсказано? Дурацкое око. Нужно показывать не малопонятные картинки, а выдать на каждый день подробную инструкцию по выживанию врунов, притворяющихся висоратами.

Я высунула руку в свет коридора. Гномик на часах показывал десять минут до восьми.

— Мне пора на чердак.

— Я провожу, но через холл не пойдем.

— Почему? Все уже ушли.

— Все, да не все. Те, кому нужно, видели, что ты не забирала одежду из раздевалки. Слышишь?

Я прислушалась. На верхних этажах институт вымер, зато снизу доносились голоса, указывавшие на то, что народ не спешил покидать первый этаж.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Получается, теперь мне придется ходить по институту с оглядкой и шараться от каждого студента. Безрадостный вывод. Что делать? Перевестись в лицей для девиц из высшего общества — туда, где учатся Баста, Снегурочка и некая Ляля, о которой упоминала девчонка с цертамы*?

Ни за что. Лучше обрубить, обрезать — и концы в воду.

И снова побег из столицы показался мне наиболее удачным решением накопившихся проблем, похожих на гнойник, готовый лопнуть в любое мгновение.

— Скажи спасибо спортсмену за приглашение на прием, — сказал Мэл, видимо, почувствовав мое смятение. — Может, переедешь ко мне? Получится гораздо спокойнее для нас обоих. Ты будешь рядом, и я перестану бояться за тебя.

Переехать к нему. В свете новых обстоятельств его предложение казалось уже не таким диким, как днем. Мой дом — моя крепость, точнее, это крепость Мэла. У него надежно, внизу Архип за стойкой, в доме живут приличные люди. Мэл защитит — в институте и по пути домой. За ним как за каменной стеной, — прижалась к нему сильнее.

— Ну, как? Поедем? — спросил он с паузой, словно прощупывал мое настроение. — Давай хотя бы попробуем.

— Я подумаю. Немножко подумаю и скажу, ладно?

— Немножко — это сколько? — поинтересовался Мэл со смешком.

— Ну... это меньше, чем немного, но больше, чем немножечко, — пояснила, вызвав смех парня. — Но мне все равно надо в раздевалку. Без куртки околею.

— Наденешь мою, — сказал он. — Пошли.

Мэл провел меня по запутанным коридорам и переходам, ни разу не заблудившись, и вскоре мы вышли к чердаку. Я надела куртку, оказавшуюся чуть выше колена, и руки утонули в рукавах.

Мэл закинул мне на плечо сумку и помог взобраться по ступенькам, поддерживая снизу.

— Не забудь позвонить, — напомнил, легонько шлепнув по пятой точке, и удалился.

Кто бы сомневался? Неизвестным А. оказался тот самый Агнаил, возлюбленный завхозши из подвальных катакомб, с которым я столкнулась во второй день пребывания в институте.

Горнист стоял рядом с раскрытым чердачным окном, не боясь застудиться и заболеть. Свет уличного фонаря проникал через распахнутые створки и падал неровным прямоугольником на угол и часть стены, к которой прислонился парень.

Отодвинув парочку поломанных стульев, я разместила напротив Агнаила, скопировав его позу.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — улыбнулся юноша. — Отсюда неплохой вид, — кивнул он на окно.

— Как мазь? Помогает?

— Спасибо. Очень выручает. И за фрукты большое спасибо.

— Не за что. Мне было не трудно. Спасибо за рисунок.

— Не за что. Рад, что понравилось.

Протокол был соблюден, мы замолчали. Агнаил смотрел на меня, а я — на него. Язык прирос к нёбу, нужные фразы, заготовленные заранее, выветрились из головы.

Время идет, а у меня не получается и слова выдавить, — отругала себя за нерешительность и прокашлялась, пытаясь сгладить неловкость.

— Я ищу одного человека... Очень хорошую знакомую... Это женщина... Лет сорока или больше, но не старше пятидесяти... — начала объяснять, спотыкаясь на каждом предложении, но постепенно дело пошло на лад. Агнаил слушал с вежливым интересом. — Она живет на побережье. — Белесые брови горниста поднялись домиком и тут же вернулись обратно. — Может, вы знакомы с ней?

— Как ее зовут?

— Имени не знаю. А фамилия... Папена. Ударение на "е".

Агнаил задумался, переведя взгляд к окну.

— Простите. Фамилия мне незнакома. Есть какие-нибудь отличительные приметы? Родинки, шрамы, родимые пятна?

Какие могут быть приметы, когда я не могу вспомнить лица?

— Она носила брошку на шнурке! А на брошке был узор из веточек ольхи.

Агнаил посмотрел на меня, но ничего не сказал. И не скажет, потому что я висоратка, пусть добренькая и подкармливающая несчастных горнистов подачками. Потенциальный враг.

Наконец, юноша покачал отрицательно головой:

— Простите, если не смог помочь.

От расстройства на глаза навернулись слезы. В моих мечтах разговор заканчивался радужно: Агнаил говорил адрес мамы и более того, сообщал доверительно, что их дома находятся по соседству, и что они ходят друг к другу в гости по выходным.

— Как же так? Я думала...

— На побережье проживают более пятнадцать тысяч человек, — пояснил горнист. — Это ссыльные, их дети и внуки, а также те, кто попадает туда за совершенные преступления. Спросите меня о южной оконечности побережья, и я отвечу на любой вопрос, но о женщине с фамилией Папена не могу ничего сказать. — Юноша снова покачал головой. — Спрошу у остальных, и если кто-нибудь знает о ней, сообщу.

— Спасибо!

— За что? — улыбнулся он. — Это всё?

— Нет! — воскликнула, не сдержавшись. — Если вы вернетесь обратно... Пожалуйста, найдите её! Передайте, что тот, кого она ждет, обязательно приедет. Пусть она дожидется!

— Хорошо, — кивнул Агнаил, и я поверила ему.

— А можно передать ей что-нибудь?

Горнист снова покачал головой.

— Нам запрещено провозить посторонние предметы. Мы уезжаем с тем же, с чем приехали сюда.

— А Марат уехал?

— Да.

— Потом ваша очередь?

— Нет, — снова улыбнулся Агнаил. — Через три месяца уезжает Стась. Я передам ему вашу просьбу.

— Спасибо! Мне казалось, на побережье все знают друг друга. Один большой город.

— Типичное заблуждение, — негромко рассмеялся парень, и смех у него был дробным, но приятным. — На территории побережья имеется пять больших поселений по числу округов, не считая множества мелких. Моя семья живет на хуторе в три двора, а в шести километрах от нас — небольшая деревня.

Я заворожено слушала, уставившись на рассказчика.

— Расскажите еще, пожалуйста!

— У нас пять округов. Официально поселениям не присваивают названий, только номера. Чем мельче населенный пункт, тем длиннее число. Мой шифроадрес состоит из пяти цифр. Первая цифра — тройка. Это номер округа. Но между собой мы называем его Русалочьим, потому что в нашем краю много озер.

— Русалочий... — повторила я зачарованно, и воображение тут же взлетело, преподнеся с высоты птичьего полета голубые чаши с неровными краями, окаймленные лесами, и облака, купающиеся в прозрачной воде. — Расскажите еще, пожалуйста!

И Агнаил рассказал о своей родине, о местах, где родился и вырос, и его непримечательное лицо стало необычайно красивым, озарившись внутренним светом. Он поведал о волнуемом на ветру ковыльном просторе; о горных речках, превращающихся в смертоносные потоки во время летнего таяния ледников и пересыхающих до жалких ручейков ближе к осени; о сосновых борах и березовых рощах; о болотистых топях; об островах на реке Беленькой, оборачивающихся по весне кораблями с белокипенными парусами цветущей черемухи; о сухом камыше, растрепленном птичками ремезами для новых гнезд; о пологих холмах, усеянных клубникой, тающей на языке.

Кроме Русалочьего, на западном побережье были еще четыре округа: Березянка, Родниковое, Магнитная и Няша-Марь*. Не безликие номерные административные единицы, а открытые пространства, пропахшие запахом скошенных трав, соленым морским ветром и болотной трясиной. И где-то там, в одном из округов, жила моя мама. Наверняка она не

сидит, сложа руки. Моя мама трудолюбива. Чем она занимается? Кем работает?

— Еще, пожалуйста, — в который раз попросила Агнаила, жадно впитав его рассказ.

— С удовольствием, но мне нужно идти, — сказал горнист. — Время не ждет.

Только сейчас я заметила его серьезное лицо, давно растерявшее улыбку, и только сейчас поняла, что он стал говорить медленнее, растягивая слова, будто настороженно прислушивался к чему-то.

Агнаила звал горн.

— Мне пора. Простите, — сказал юноша извиняющимся тоном.

— Это вы простите, что заболтала! А можно еще встретиться? Вы красиво рассказываете.

— Хорошо. Оставьте записку, и мы договоримся о встрече.

— Спасибо вам! — поблагодарила от души, взглянув мимоходом в чердачное окно. Институтский парк показался мне дешевым и безвкусным заменителем безбрежных просторов западного побережья.

Выбрав на телефоне номер Мэла, я не успела открыть рта, как парень сказал кратко: "Иду" и рассоединился. На середине спуска по лестнице меня подхватили и помогли слезть со ступенек. Возлюбленный завхозши ловко и бесшумно спустился следом.

— Егор, — протянул ладонь Мэл, в то время как второй рукой крепко прижал меня к себе.

Горнист помедлил и ответил на рукопожатие, улыбнувшись. Как на чердаке, так и спустившись вниз, он избегал поворачиваться к нам спиной.

— Агнаил. Очень приятно.

— Взаимно, — кивнул вежливо и корректно Мэл.

— До свидания, — попрощался юноша и исчез в боковом коридоре.

— Его тянет к горну, — пояснила Мэлу. — Скоро должен быть звонок.

— Не замерзла?

— Употела. Куртка греет как печка. И пахнет тобой.

Куртка действительно пропиталась запахом той знаменательной туалетной воды, которой Мэл напрыскался в день нашей первой встречи.

— Отметим окончание дел, — хмыкнул он и поцеловал меня — затяжно, по-хозяйски; придержав за затылок, чтобы не вздумала отстраниться. А я и не собиралась.

Его губы пахли кофе и карамелью. Сколько же банок "Энергетика" Мэл выдул за вечер?

Целовался парень отлично, этого умения ему было не занимать. Из головы вылетели разом все мысли, осталась лишь одна: чтобы он не останавливался. Хорошо, что я успела ухватиться за Мэла, а то не устояла бы на ногах.

— Пойдем? — спросил кто-то над ухом, и с большим торможением я сообразила, что ко мне обращался Мэл.

Нет, нет, слишком рано!

Потянулась к нему, но он отстранился.

— Продолжим у меня? — спросил, и от чувственного тона по коже пробежали мурашки.

Да, да, продолжим! — завопило сердце. Эй, а как же сессия? — напомнил здравый смысл.

— Я должна готовиться к экзамену! — простонала с досадой, и меня затопила волна вселенского огорчения.

— Ладно. Но ты ведь подумаешь, как обещала? — продолжал мучить проникновенным голосом Мэл. — Подумаешь и согласишься, да?

— Да... — выдохнула и облизала губы. — Чуть-чуть подумаю... и завтра скажу.

— Ладно, — кивнул он и, приобняв меня, повел вниз.

Лишь в холле к ногам вернулась прежняя твердость, а походка обрела равновесие, и я вспомнила о разговоре с горнистом, содержание которого улетучилось из головы стараниями Мэла. К этому времени зал с зеркалами опустел, лишь Монтеморт, распластав тушу на полу, положил голову на мощные лапы и дремал.

Мэл помог мне надеть куртку, взятую из раздевалки, и, не забыв о сумке, препроводил к выходу. Я начала привыкать к комфорту, коим он окружил меня. Мэл открыл дверь, пропуская вперед, галантно подал руку, помогая сойти по ступенькам с крыльца, и поддержал за локоть, упреждая случайное падение на аллее.

Мы сходили за пакетами, оставшимися в машине, и моя голова окончательно проветрилась от приступа хочи по терминологии Вивы.

— Спасибо, очень приятно, — поблагодарила Мэла, когда он открыл калитку. — За мной еще никто не ухаживал.

Интересно, наличие манер у столичного принца в крови, или он старается произвести впечатление? Наверное, это врожденное, — решила я, вспомнив, как он пропустил бабулю в магазин, а в "Аптечном рае" помог женщине собрать коробочки, вывалившиеся из пакета, у которого разошелся бок.

До общежития мы дошли молча. Одной рукой Мэл обнимал меня, а в другой нес покупки и сине-желтую сумку. Страсти-мордасти, которые он расписал в полутьме институтского коридора, успели стереться, придавленные красочным повествованием Агнаила о западном побережье. Я снова перенеслась в воображаемый мир, созданный благодаря рассказу горниста, а Мэл не прерывал тишину, потому что... наверное, понял, что мне нужно время для переваривания информации, полученной на чердаке.

Он проводил до швабровки, помог открыть дверь и поставил пакеты у входа.

— Ну, пока? — спросила я неуверенно.

— Пока, — согласился мой парень, продолжая опираться плечом о косяк.

Целый день с Мэлом. Сейчас он уйдет, и я останусь одна. Наверное, без него сразу же разучусь ходить. И двигать руками — тоже. И забуду, как нужно говорить.

Не представляю, как раньше существовала без него.

Потянувшись, я обняла Мэла и словно подпиталась энергией. В его руках было уютно и надежно, и ужасно не хотелось расставаться.

— Поезжай. Тебе нужно выспаться, — затараторила, чтобы случайно не пригласить парня к себе.

— Спокойной ночи, — сказал он, поцеловав меня в щеку, и ушел, а я еще добрых пять минут стояла у двери, прислушиваясь к давно стихшим шагам.

Мэл запугал нерадостными прогнозами. Поначалу мне чудилось, что сейчас всё общежитие повалит заводить с дочкой министра, то есть со мной, полезные знакомства и налаживать нужные связи. Но время шло, никто не стучал в дверь, и волнение понемногу улеглось. Однако не стоило расслабляться, следовало быть настороже и держать уши начеку.

Сперва я отправилась к Радику, чтобы пригласить на ужин, и на каждом шагу прислушивалась к звукам, ожидая в любой момент подвоха, обещанного Мэлом. Случайно или нет, но обошлось без приключений и обострений нервозности.

В отличие от парнишки его сосед не церемонился.

— Привет, красотка, я заценил вчера твой прикид, — вlepил мне прямо в лоб, стянув наушники. — Потусим где-нибудь вечером?

— Нос не дорос, чтобы тусить. Радик, я за тобой.

Юноша покраснел, но, тем не менее, послушно обулся.

— Наверное, нехорошо, что мы идем к тебе в гости, — сказал по пути к швабровке.

— Почему?

— А почему ты скрывала правду? — вместо ответа набросился парнишка.

— Какую правду? — от удивления я остановилась.

— Что ты из этих, — он показал пальцем в потолок.

— Так... Пошли-ка, — я схватила его за рукав и потащила по коридору. Придя в швабровку, всучила ему пакет с продуктами и оттолкала в пищеблок. — Мой и чисть, потом поговорим, — велела, вывалив картофелины в раковину.

— Ого! — заблестели глаза Радика, но он тут же опомнился. — Это из жалости?

— Это потому что, хочу поужинать с тобой. И я рада, что в своё время познакомилась именно с тобой, а не с твоим озабоченным соседом, понял? Сегодня на меня свалились деньжата, и мне хочется шикануть. И не вздумай отказываться и стесняться, а то запихаю кожуру тебе в рот.

Глупая и детская угроза, но на парнишку подействовала, и он рассмеялся, став прежним собой.

Картофель чистился и варился, бутерброды сооружались, и при виде вкусностей лицо Радика вытянулось от радостного удивления.

Наш ужин удался на славу.

— Ты вчера была очень красивая, — сказал парнишка, наевшись. — У меня даже язык онемел, а внутри что-то запело.

— Твой зверь?

— Не знаю. Может быть, это он. Зато твоя зверюга мне теперь оч-чень нравится.

— Радик! — напомнила ему о запрете на животных во внутренних.

Парнишка пропустил восклик мимо ушей.

— И я знаю, почему. Это из-за вчерашнего парня, с которым ты уехала на прием?

Я посмотрела на Радика с укоризной. До чего же неисправимый товарищ.

— Нет, не из-за него.

— Значит, из-за того, который был с тобой в общаге?

Не имело смысла скрывать правду, которая завтра обрастет сталактитами слухов.

— Уау! — выдохнул Радик. — Хотелось бы взглянуть на его зверя. Должно быть, это нечто.

Я бы тоже посмотрела, расплющив нос об стекло, но поскольку дама принципиальная, то от своих слов не отказываюсь.

— Хватит о зоопарке. Откуда ты узнал об этом? — показала пальцем в потолок. — По телеку видел?

— Не, я к дяде не ходил. Готовился к экзамену. Сегодня вечером случайно услышал в библиотеке. Сзади сидели ребята с вашего факультета, и у одного заиграл телефон. Ну, и понеслось.

— Да? — я неприятно поразила скорости, с коей распространились слухи по институту. Определенно, в наши дни телефон как средство общения убыстрил обмен

сплетнями, распространяя их в геометрической прогрессии.

— Если бы я сразу знал, кто твой отец, то не подошел бы тогда в архиве, — сказал Радик, напомнив тем самым о нашей первой встрече.

— Ничего себе! — возмутилась я. — Значит, для тебя главное — не зверь, а статус?

— Для меня — нет, а для дяди это важно. Он считает, что от таких как ты, нужно держаться подальше, чтобы не нажить проблемы.

"От таких, как я". Как прокаженная или ущербная. Скоро и до архивариуса докатятся новости, начавшие гулять по институту, и он запретит племяннику общаться со мной.

— Обещай, что не перестанем дружить, даже если дядя приставит тебе нож к горлу! — схватила парнишку за руку, и он ошалело воззрился на меня.

— С ножом ты загнула, конечно...

— Обещай!

— Вообще-то и не собирался переставать. То есть дядя — мне не указ в этом вопросе. А твой парень?

— Он не против, — заявила я самоуверенно, помня о разрешении Мэла незадолго до размолвки с компрометирующими фотографиями. Ведь он же согласился на встречу с горнистом, значит, даст "добро" и на трапезы с Радиком.

Перед расставанием я снова снабдила парнишку продуктовой заначкой. На сытый и довольный желудок и учиться легче. После отварной картошки в масле и многослойных бутербродов с ветчиной и сыром у Радика даже настроение заблестело. А уж орешки в сгущенном молоке покорили нас обоих, и половина банки ушла влет под свежесваренный чаёк и ароматный батон.

Странно, что Аффа не заглянула в швабровку, пока мы с Радиком готовили, бренчали посудой и топотали туда-сюда из пищеблока и обратно. Когда юноша ушел, я постучала к соседкам. Девушка будто стояла с противоположной стороны двери и сразу же вышла в коридор.

— Аффа, спасибо за сохранность шмоток, — поблагодарила я соседку и заметила её хмурое лицо.

— Не за что. Понравилось на приеме?

— Более-менее, — пожала я плечами. Еще подумает, что перед ней избалованная зрелищами жеманная девица, но, говоря по правде, единственной сахарной косточкой на приеме оказалось представление в Большом амфитеатре. — Ты по телеку смотрела?

— Да. Ты очень фотогенична. Тебя раз десять показали — с цветами и чемпионом. Как влюбленных голубков.

Голубок сидит сейчас под арестом, и о нем позабыли, — пришло на ум некстати. А красота — наносное.

— Это Вива постаралась. И тебе спасибо, что посоветовала обратиться к ней, хотя поначалу я не верила.

— На здоровье, — ответила хмуро соседка.

Может, ее обидел тот тип, что в цирк пригласил?

— Пошли ко мне чай пить! Заодно поболтаем, — предложила я Аффе.

— Некогда. Учю билеты, — ответила она неприветливо. — Значит, ты теперь с Мелёшиным?

Я растерялась. В принципе, к чему таиться? Наверняка Мэл прошел днем по общежитию не бледной тенью.

— Вроде бы...

— "Вроде бы"... — передразнила она. — Твоё "вроде бы" не давало мне два часа сосредоточиться на учебе. Вся общага слушала твоё "вроде бы".

Я опешила. Стояла и открывала и закрывала рот, а голос пропал.

Ужас. И еще стыд. Наверняка Капа тоже слышал. И те, кто живет на втором этаже, приложили ухо к полу. В общем-то, и прислушиваться особо не надо — стены тоньше промокашки.

Отвратительно. И Радик слышал. Нет, он не мог, его комната в другом крыле.

Хуже не бывает.

— Спасибо, — ляпнула я невпопад и пошла в швабровку, а Аффа не сказала: "Извини, Эва, я погорячилась. Забудь о том, что услышала".

За спиной хлопнула дверь соседок.

Уши горели, лицо пылало. Я посмотрела на кровать, и в голове пронеслись эпизоды уединения с Мэлом. Меня затрясло.

Кое-как навела смесь из витаминного сиропа с успокоительными каплями, и, по-моему, напутала с дозировками, ливанув в стакан без меры.

Что обо мне подумают? Мало того, что теперь я для всех — дочка министра, завтра к этой новости добавится сплетня о жарких постельных утехах и моей ненасытности и о прочих гадостях, которые смогут изобрести извращенная студенческая фантазия и искаженное сарафанное радио.

Как теперь глядеть людям в глаза, зная, что они знают? Как пойти завтра в институт и смотреть гордо и высокомерно на шушukaющихся девчонок и похабно подмигивающих парней? Что лучше — огрызаться на пошлые намеки или игнорировать?

Я не смогу. Лучше останусь в общаге. Или сбегу из города.

Наверное, поэтому бритый парень в подъемнике вложил в свой взгляд особый смысл.

Невыносимо стыдно.

Пытаясь отвлечься, я сходила в душ, где смыла с волос сверхстойкую укладку Вивы, а затем намазала чудодейственным гелем темные следы на шее. Бутылочки и флаконы с косметикой встали ровным заборчиком на крышке тумбочки, и выяснилось, что мне необходима дополнительная полочка, а лучше две — из-за тесноты, образовавшейся на заставленной бардаком поверхности.

Далее наступил черед коленей, героически проползших от начала и до конца по коммуникациям развлекательного клуба. Хотя болезненные ощущения в суставах притупились за день, смазав и поппикав на припухлости, я почувствовала облегчение, да такое, что тут же захотелось вспорхнуть и запрыгать без усталости. Жаль, не нашлось повода и соответствующего настроения.

Конспекты не усваивались, потому что в голову лез невообразимый ералаш, вытеснивший слабые попытки вклинить в память хотя бы пару билетов. В общем, тетрадь с лекциями бестолково перелистывалась, и процесс сопровождался катанием по столу серебристого блинчика, бывшего когда-то пером.

"Проклятие и благословение считаются величинами противоположно равнозначными и в векторной форме выражаются..."

Наверное, Мэл уже спит. Завтра он позвонит или сразу придет в общежитие и, конечно же, продолжит испытывать мою кровать на прочность. А я не смогу, зная, что невольными свидетелями наших постельных опытов станет половина общежития.

"В правой части уравнения проклятия суммируется причиняемый вред, в левой части — противодействие или откат. Обе части равны при следующих условиях..."

Неприязнь Аффы к Мэлу перевесила наши дружеские отношения. Девушка сделала много хорошего для меня, за что я ей благодарна, но она так и не смогла перебороть антипатию к моему парню и вылила недовольство в грубой словесной форме. Обидно за скабрзные слова Аффы и стыдно признавать, что она права.

"Причиняемый вред выражается суммой слагаемых — несчастий, болезней и ущерба. Противодействие (откат) выражается произведением количества негативных последствий на число лиц, охваченных откатом..."

Может, принять предложение Мэла и переехать к нему?

Во всяком случае, силком меня никто не тащит. Заодно узнаем друг друга ближе и если не уживёмся под одной крышей, в любой момент сниму комнату в квартале невидящих, как мечтала вначале.

"В центре волновой схемы располагается лицо, инициировавшее проклятие, далее откат охватывает последовательно родственников, близких, друзей. С удалением от центра волны отката затухают..."

Мальш, которого подбрасывали чьи-то руки в пророчестве, — похож ли он на Мэла? — разволновалась я неожиданно, и в горле защекотало.

Мэл не подозревал, но в оставшееся до сна время к нему примерялось внезапное отцовство в разных ракурсах, и воображение рисовало пасторальные картинки, заставляя меня умиляться и мечтательно вздыхать.

Конспекты были заброшены куда подальше, как и гниющая яма прочих проблем.

В дверь стучали — негромко, но требовательно.

Нащупав на столе фонарик, я посветила на часы с гномиком. Половина второго. У кого в ночную глухомань кран сорвало или унитаз засорился?

Прошлепав на носочках по ледяному полу и чертыхаясь на каждом шагу, открыла дверь. В коридоре стоял мой парень.

— Мэл?! Что случилось?

Он обошел меня, на ходу снимая куртку, и бросил её в угол под ветви страшного голубого дерева.

— Тоже не спится? — спросил, стягивая пуловер и швыряя туда же, а затем разулся.

— Кому? Мне? — изумилась я и потеряла левый глаз. Очень даже хорошо спалось, пока Мэл не заявился.

— А мне никак. Видимо, получился передоз с "Энергетиком".

Мэл подошел к кровати, на ходу снимая брюки и футболку. Панцирная сетка провисла под его весом.

— Классно, — сказал он, потягиваясь. — Иди спать.

Закрыв дверь и подсвечивая фонариком, я подошла к постели и замерла в нерешительности.

— Выключай. Глазам больно, — потребовал Мэл и, стянув носки, бросил к прочей скинутой одежде. Я осторожно прилегла на краешек кровати, потому что мой парень занял собой практически две трети постельного пространства.

— Не тесно? — спросила шепотом.

— Неа. Тепло, — обнял он меня. — Дома кровать большая, а греть некому.

И через две секунды Мэл уже спал.

Ну и ну.

Я повозилась, устраиваясь. Повернусь-ка на спину, потому что неудобно лежать на боку.

И на спине неудобно. Конечности переплелись: не поймешь, где мои, где — Мэла.

Вздохнув, я осторожно отодвинула его руку. Попила водички, сходила в туалет, посмотрела на себя в зеркало — ну, сонная тетеря, — и вернулась в швабровку.

Посидела на краю кровати, поджав ноги. В конце концов, не на полу же спать. Буду приноравливаться к тому, что есть, вернее, к тому, кто дрыхнет на моей кровати.

Мэл пробормотал что-то над ухом и забросил на меня руку.

Сносно — тепло, но тесно. Полвторого ночи, на потолке свет от уличного фонаря пролез узкой щелкой за шторку, мой парень посапывает рядышком, а у меня сна — ни в одном глазу.

certama*, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

Няша* — зыбкое болотистое илистое или глинистое место.

Марь* — заболоченный редкостойный листовенничный лес среди болот

15. У каждого своя боль

Более отвратительной ночи еще не бывало. Даже теткин сундук — и тот казался сейчас просторнее, чем кровать в швабровке в компании Мэла.

Мне так и не удалось толком уснуть, и половина ночи прошла в состоянии дремоты. Едва организм отключался, проваливаясь в сон, как начинал ворочаться Мэл. Или я просыпалась оттого, что затекла рука или нога. Или из-за неудобного положения ныла спина.

Как ни парадоксально, к дискомфорту примешивалась толика волнения из-за непривычности ситуации. Совместный сон в одной постели виделся мне гораздо более интимным, чем самая жаркая страсть. Мэл то обнимал меня, то забрасывал ногу, то, наоборот, притягивал мою ногу и клал на себя. То мы оказывались лицом друг к другу, а то он прижимался к моей спине, и его сонное дыхание шевелило волоски у шеи.

Зато неудобства, связанные с теснотой, были нипочем для Мэла. Парень наверстывал упущенное вчерашней бессонной ночью и усугубленное энергетическими напитками.

Промучившись до половины четвертого утра, о чем сообщили стрелки на часах, изредка подсвечиваемых фонариком, я опять сходила по гигиеническим делам, и после лунатической прогулки мне удалось забыться поверхностным сном, вздрагивая от каждого шороха, от скрипа и колыхания кровати, когда ворочался Мэл.

У любой усталости есть предел, и организм все-таки сдался. Несмотря на то, что в коридоре захлопали двери и послышались голоса соседей, мое сознание самым наплевательским образом вырубилось, погружившись в глубокий сон без сновидений.

Глаза открылись, когда за окном окончательно рассвело, и я потянулась, разминая затекшие мышцы. Мэл спал, отвернувшись лицом к стене. Он лежал на животе, укрывшись до пояса одеялом, и засунул руку под подушку.

Не знаю почему, но меня бесконечно умилила картинка спящего Мэла. А утренняя тишина, задернутая шторка на окне, медленно поворачивающийся плафончик, атмосфера обжитости и легкой захламленности крошечного жилища лишь добавили уюта и

безмятежия.

Порой незначашие моменты врезаются в память, оставляя неизгладимый след, как, например, сегодняшнее утро.

Я смотрела на Мэла и любовалась им. Спящий мужчина — невероятно красивое зрелище, похожее на ожившее полотно художника: неровная линия позвоночника, выступающие лопатки, рельефные мышцы, смугловатая кожа с россыпью веснушек на плечах и у шеи. Маленькое чудо. Столичный принц — высокомерный и неприступный в институте, и теплый и домашний в общежитской комнатухе, в постели со мной.

Словно почувствовав, что за ним наблюдают, Мэл перевернулся ко мне, и обнял, и его руки подарили чувство защищенности.

Небритость, проявившаяся к утру на лице парня, тоже умилила. Представив Мэла с бородой и усами, я не сдержала фырка. В моем понимании бородатость ассоциировалась с преклонным возрастом и внуками на коленях.

Вспомнив о рекомендации Вивы, взяла ладонь парня и погладила; провела пальцем по линиям и мелким морщинкам и приложила к груди, как посоветовала стилистка. В ответ — ничего: ни интуитивного толчка, ни внутреннего голоса. Видимо, шестое чувство проснется гораздо позже и как всегда не вовремя, либо вообще не откликнется.

Печально. Я, конечно же, верила Мэлу. Он не солжет в серьезных вещах, но мне хотелось удостовериться в его словах, чтобы погреть душу.

Неисповедимы дороги судьбы. Месяц назад мне и в голову не пришло бы, что нас с Мэлом притянет друг к другу как два разнополярных заряда. Я вообще не знала, что на белом свете существует парень Егор Мелёшин.

А если бы мы никогда не встретились — столичный принц и слепая? Мэл продолжал бы жить в своем мире: катал на машине подружек, меняя каждый месяц как девчонок, так и автомобили; развлекался бы как мог; запланированно женился, пополз в карьерную гору. Жил бы ровно и стабильно. Быть может, однажды я шла бы по улице, а мимо проехал бы свадебный лимузин, везущий Мэла со Снегурочкой, и ни у меня, ни у парня не ёкнуло бы тревожно сердце.

А если б мы столкнулись гораздо позже, и у Мэла была бы семья: снежная принцесска и дети, да и я вышла бы замуж, например, за Тёму? Потянуло бы нас друг к другу?

Какие силы решили свести нас и переплели судьбы?

Сама бы я никогда не рискнула сделать первый шаг, — признала, вздохнув. А Мэл решил — Мэл сделал. Он сильный, умный, великодушный. А какая у него улыбка!

Он... таких, как Мэл, не бывает.

Ясно как день, и не имеет смысла отпираться — я влюбилась как кошка. Нет, как замутысканный котенок, но обязательно стану хищницей и не упущу Мэла из своих когтей. Заточу их до кинжальной остроты и зеркального блеска, чтобы никто не смел покушаться на чужое, ибо Мэл — мой.

Егор, — произнесла беззвучно. Е-гор. Егорчик. Гошик.

Непривычно.

Не раздался гром с небес, и память не озарилась воспоминаниями о подробностях уединения в подсобке "Вулкано", но я вдруг почувствовала: Мэл действительно дал обещание, получив ответное "да" о принятии обязательства. Вот так просто и с уверенностью поняла, что он не покривил душой, и в моем сердце установился штиль.

Мэл заворочался, собираясь вот-вот проснуться, и я смежила веки, притворившись

спящей.

Колебания постели и прочие звуки рассказали, что он потянулся, позевал, протирая глаза, полежал немного и встал, аккуратно перелезши через меня. Вороватое подглядывание за парнем сквозь сощуренные ресницы выявило, что он натянул брюки и вышел из швабровки. С его уходом в кровати стало гораздо просторнее, и я оценила прелесть одиночного сна на узких панцирных койках.

В голову пришло, что с появлением Мэла перестал сниться сон о лесе и о таинственном хозяине. Наверное, потому что перемены в жизни закончились, если следовать объяснениям Аффы, или потому что сегодня не удалось толком выспаться, а вчерашней ночью я, наоборот, вымоталась до невозможности.

При мысли о соседке вспомнились ее грубые слова, и опять нахлынул вчерашний стыд.

Мэл вернулся — с влажными волосами и, стянув брюки, перелез через меня, снова заняв кровать, отчего я скатилась к нему под бок. Судя по руке, закрывшейся под мою майку и поползшей вверх, парень выспался.

— Эвочка, — раздался тихий голос, — ты же не спишь.

— Сплю. — Голос дрогнул, когда пальцы добрались до груди. — Крепко.

— Спи-спи, не помешаю, — сказал Мэл, и, развернув меня на спину, навис сверху и задрал майку.

— Мэ-эл, — протянула я сдавленно, пытаюсь вернуть ее обратно.

— Приподнимись. — Парень шлепнул по моему бедру, и когда я машинально выполнила требование, ловко стянул пижамные штанишки вместе трусиками.

— Не на-адо, Мэл...

Какое там. Его "хочу" говорило само за себя.

Некоторое время прошло в моих попытках уклониться от нетерпеливой настойчивости Мэла. Наконец, ему надоело.

— Эва, что происходит?

— Ничего. Не хочу здесь.

— Почему? — нахмурился он.

— Здесь хорошая слышимость, — пояснила, смущаясь. — Мне неудобно. Вся общага узнает, как мы... как я...

— Та-ак... Ясно. Кто сказал? Чеманцев? — спросил Мэл, взглядываясь пытливо в мое лицо.

Кошмар! Если бы еще и Капа поделился впечатлениями от невольного подслушивания, я бы сразу сбежала из общежития, куда глаза глядят.

— Нет, не он.

— Тогда кто? — допытывался Мэл.

— Разные люди... Все говорят... — ответила уклончиво.

Парень помолчал, соображая.

— Соседушка, значит? — догадался он.

— Вовсе нет... Просто на самом деле громко. И все знают. И в институте не промолчат, — сказала я, отведя взгляд к стене.

— Больше не скажут ни слова, — пообещал Мэл, и его рука сжалась в кулак. — А кто попробует, тот останется без языка. Скрепки есть? Или кнопки?

— 3-зачем? — удивилась и испугалась, что Мэл надумал отомстить моей соседке за излишнюю разговорчивость. — Нету.

— Значит, *veluma silenche** не растянуть, — заключил он и, привстав, начал выделять пассы в воздухе.

— Что это? — Я приподнялась на локтях, наблюдая за отрывистыми движениями. Не видя волн, трудно навскидку угадать создаваемое заклинание.

— *Cilenchi**.

Теперь понятно. Как написано в учебнике, необходимо взять несколько волн — чем больше, тем эффективнее — и, растягивая их, добиться пружинного сокращения, гасящего звуковые колебания. Радиус действия заклинания невелик и не поглощает полностью звуки, но громкость уменьшает.

Я сглотнула. Мэл не отказался от намеченного, потому что никогда не сворачивает в сторону.

— Ну? — спросил, устраиваясь надо мной. — Продолжим?

— Не поможет, — пискнула, сопротивляясь, когда руки и губы Мэла снова активизировались.

А потом мне стало все равно, слышал нас кто-нибудь или нет.

*Veluma silenche**, чтоб его.

Ни одна вошь не смеет указывать, как ему следует заниматься любовью со своей девочкой, и он будет делать это так, как посчитает нужным: тихо, заглушая стоны, которые издает ее охрипшее горло, или выбивать мольбы о том, чтобы он любил сильнее и быстрее. Он будет упиваться ее голосом, ее чувственностью и лихорадочной пылкостью.

*Cilenchi** — сносное заклинание и хорошо работает в небольшом диапазоне расстояний, но в некоторых случаях оно бесполезно.

Спинка кровати ритмично ударяет по межэтажному стояку отопления. Вот так, прекрасно. Чтобы все общежитие знало, кому принадлежит та, чья страсть охватывает тебя жидким пламенем удовольствия.

Хорошая кровать, и четыре этажа прислушиваются к монотонному металлическому стуку.

Еще, еще...

Он уверен, что получит согласие.

Цель оправдывает средства, а именно:

— сделанный в магазине звонок однокурснику с расспросами о жите-бытье и вываленная между делом новость о том, что незаметная девчонка с потока, подрабатывающая в институтском архиве — дочь нового министра экономики. Нужно знать, кому звонить, и тогда сплетня разлетится быстрее одуванчикового пуха на ветру;

— искусственное нагнетание возможных последствий популярности и театральный надрыв в голосе заставляет девочку прижиматься к нему, дрожа, и смотреть с надеждой — он защитит;

— "жучок" во внутреннем кармане куртки позволяет слышать разговор с желторотиком от и до. Спасибо техническим средствам из арсенала службы отца, которые всегда под рукой.

Соседка — редкостная язва, но тоже помогла, того не подозревая. Но её "помощь" не означает, что он благодарен. К тому же подруженька настроена против него и постоянно подзуживает. А коли проблема возникла, надо ее решать.

Отличное начало дня.

— Это было великолепно, — прижалась я к Мэлу, утопая в расслабленной неге. —

Егор...

— О! — взглянул он удивленно. — Оказывается, у меня есть имя.

— Егорчик...

Парень фыркнул.

— Жорик?

Он шутливо шлепнул меня, выражая недовольство.

— Гошик?

Мэл скривился.

— Твое имя никак не уменьшается, — надулась я.

— И не нужно меня уменьшать, — рассмеялся он.

— А мне хочется. Чем плох Гошик, к примеру?

— Вроде бы ничем, — задумался Мэл. — Но как-то... По-детски, что ли...

— Сам ты дитё, — обиделась я. — А "Егор" звучит официально и по-взрослому.

Мимика Мэла выдала нечто невообразимое.

— Ладно. Как тебе хочется меня называть?

Я задумалась.

— Гошик... — мякнула томно, поцеловав его. — Или Егор! — перешла на повышенный тон и возмущенную интонацию.

— Лучше быть Гошиком, — согласился он. — Эва, я давно хотел спросить...

— О чем? — обняла его, разве что не размурлыкавшись.

— Понимаешь... — замялся Мэл. — Ты же девушка...

— Логично, — хмыкнула я на верное замечание.

— Ну, и когда мы с тобой... в квартире... словом...

Мне стало смешно от его невнятности и явного смущения.

— Словом?

— Ну... у тебя же был кто-то до меня...

Благодушие слетело, и я, отбросив руку парня, села на кровати, прикрывшись простышкой.

— Значит, вот как, — сказала глухо.

Выходит, всё это время Мэлу не давала покоя мысль, о том, кто оказался первым, опередив его. А также был ли второй, третий и так далее по нарастающей.

— Это плохо? — В моем голосе прозвучал вызов. — Ты тоже не похож на невинного ангелочка.

Мэл сел рядом.

— У парней другое отношение к этому. Проще, что ли... А когда девушка решается впервые, значит, она... Черт! — взъерошил он волосы. — Для каждой девушки этот шаг важен... как и человек, с которым она... И, наверное, этот человек до сих пор важен для тебя... Наверное, он много значил в твоей жизни. Ты... — застопорился Мэл, — часто думаешь о нем?

Что ответить? Сказать, что не важен — значит, признать свою распущенность, мол, потеряла девичью честь с тем, кто попался под руку. Сказать, что важен — значит, предать себя. Я шагаю по жизни с грузом однажды принятого решения, которое не забуду никогда.

— Наверное, постоянно сравниваешь его со мной, — продолжал Мэл, и в его голосе

сквозила неуверенность. — С ним было круто?

— Круто с тобой, — ответила, внезапно устав от разговора. Радости утра померкли. — Тебя никто не переплюнет... Егор. А с тем... с ним было всего лишь раз. И я ненавижу и тот единственный раз, и его, — сказала, отвернувшись к окну.

— Эва! — Мэл опустил передо мной на корточки, всматриваясь в мое лицо, а я изучала цветочки на шторке, избегая встречаться взглядами. — Эва! — сжал он мои ладони. — Я убью его, — заключил он, придя к каким-то своим выводам. — Даже если не скажешь, кто, я сам найду его.

— Не надо никого искать, — сказала глухо. — Он умер.

— То есть? — растерялся Мэл. — А как же...? Значит, это ты его?... Тьфу, что несусь! — стукнул себя по лбу. — В смысле, взял и умер? Сам по себе?

— Сам по себе. Проехали.

Мэл пересел на кровать, по-прежнему не отпуская мою ладонь, и гладил её.

— Я рад, — признался, но не стал развивать тему и объяснять причину внезапного оптимизма.

Мы сидели и молчали. Расспросы парня разворошили неприятные воспоминания, пробудив угрызения совести, и мое настроение упало вниз.

— А каким был твой первый раз?

— Обычным. Так себе. Плохо помню, — пожал плечами Мэл.

Еще бы. У него этих разов — первых и вторых и последующих — бесконечная лента Мебиуса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Будешь завтракать?

— Буду, но кашу можешь сразу выбросить в помойку.

— Привереда, — обиделась я за неприготовленную кашу. Хотя крупа закончилась, но все равно было делом принципа оскорбиться за свой вполне питательный рацион.

Завтрак состоялся в пищеблоке. Мэл крутился поблизости, изучив все уголки общежитского закутка, и лицо парня излучало скепсис. Извините, нам не до стерильности, — насупилась я, водружая сырненький ломтик на бутерброд.

— Жаль, нет зубной щетки и станка, — подсадовал Мэл, изучая ветхую оконную раму, и отковырнул кусок отслаивающейся краски.

— Купи и носи с собой.

— Я бы носил, но ты ведь подумаешь: "Ага, если у него при себе щетка, значит, ему не впервой ночевать вне дома".

Точно! Я и не догадалась взглянуть на ситуацию в ракурсе, расписанном Мэлом. Невинная зубная щетка и заодно станок тут же были отнесены в разряд неопровержимых улик. Если замечу, что парень носит их с собой, значит, есть основание для подозрений и ревнивых обвинений.

— Тогда купи и оставь у меня, — предложила ему.

— Зачем, если ты и так ко мне переедешь? — пожал плечами Мэл, чем вызвал мое смущение. Как он догадался, что его предложение заочно принято?

Пока закипал чайник, Мэл успел сходить в душ, воспользовавшись моим полотенцем и содержимым пары флаконов из числа расставленных на тумбочке, и теперь от него пахло смесью шоколада и лимона. Парень вел себя прилично и не вышел из общественного места голым или с полотенцем, намотанным на бедра. Покуда он плескался в душевой, я успела

изучить себя в зеркало и порадовалась заплаченным не зря денежкам за косметический чудо-гель: темные следы на шее исчезли за ночь.

Пить чай со сгущенным молоком пришлось из одного стакана с подстаканником-грифоном. Как ни странно, Мэл покривился не из-за того, что совместное питание некультурно и невоспитанно, а потому что привык употреблять по утрам приличную порцию крепкого молотого кофе со сливками и тремя кусочками сахара, который выдавал специальный автомат на его кухне — лишь засыпай ингредиенты и подставляй кружку.

— Откуда у тебя это? — я коснулась небольшого шрама над бровью.

— Брат оставил на память.

Ничего себе, любящий родственничек. Получается, кроме сестры Басты у моего парня есть брат.

— Ого! Не поделили машинку?

— Нет, он уже вышел из детского возраста, когда я играл в игрушки. Мне тогда было четыре. Теперь уж не помню точно: то ли я разозлил Глеба чем-то, то ли случайно рассказал отцу, не сообразив, что наябедничал, но брат пришел в мою комнату и дал хорошего пенделя, а за то, что сопротивлялся, добавил паровозиком от железной дороги. Кровищи было немерено. Мать перепугалась, да и брат струхнул. Это позже я понял, что мог потерять зрение, а тогда воспринимал больницы и врачей как новую игру.

— А почему не убрали шрам? При наличии денег удалить его проще простого.

— Отец не разрешил. Специально оставил как напоминание Глебу, что тот поднял руку на единокровного родственника.

Да уж. Папаша у моего парня — жесткий воспитатель.

— Но сейчас-то вы с братом живете мирно?

— Нет, — ответил Мэл. — Он умер.

— Как так? — рука с бутербродом замерла у рта. — То есть... прости. Я не знала.

— Не извиняйся. Это случилось давно. Восемь лет назад.

— Ужасно терять близкого человека, — сжала я руку Мэла. — Твой отец, должно быть, чуть с ума не сошел от горя.

— Не сошёл, как видишь. Пережил. Он сильный.

— А ты?

— А что я? Знаешь, что меня больше всего поразило тогда? Мой брат — сильный, способный, у него потенциалы зашкаливали — и абсолютный, и относительный, и без фамильёзов* никогда не выходил из дома... Фамильёзы — семейные реликвии или артефакты, — пояснил Мэл, заметив мое удивление. — Не знала?... В общем, носил амулеты, обереги, мощный дефенсор*, а погиб обычно, и никакие волны не спасли. Возвращался домой и поскользнулся на обледенелой лестнице. С размаху ударился затылком — и мгновенная смерть.

Я молчала.

— Знаешь, почему растаивают снег? — спросил Мэл.

— Слышала, лет семь назад власти напали скопом на город и лишили его зимы, — пошутила плоско.

— Это отец пробил законопроект об обязательном растаивании снега в столице, хотя ему не удалось протолкнуть в полном объеме таблицу штрафов для уклоняющихся. Поэтому на окраинах, где живет народ попроще, на улицах лежат сугробы, как всякой нормальной зимой, зато в центре — затянувшаяся поздняя осень.

Или ранняя весна.

Смерть брата Мэла — скоропостижная и абсурдная — заставила задуматься над тем, клубок какой длины отмотала нам судьба. Все мы ходим под солнцем, и в любой момент нелепая случайность может оборвать жизнь. Кого винить в нечаянной гибели своего ребенка? Оттепель и последующее похолодание, превратившее лестницу в каток, или нерадивого дворника, вовремя не отдолбившего лед со ступенек? Или во всем виновата зима?

Страшно, когда родители хоронят своё дитя.

— А твоя мама? Как она пережила этот удар?

— Поддержала отца. Глеб был неродным ей, — сказал Мэл и снова пояснил: — Отец женился дважды. Когда его первая жена умерла, он выбрал мою мать.

Вот как. У Мелёшинского родословного древа запутанные хитросплетения, и за каждым листочком кроются чьи-то трагедии или счастье.

— Получается, Баста и ты...

— Мы — дети второй волны, — усмехнулся Мэл. — Есть еще старшая сестра от первого брака отца. Она давно замужем, и моей племяннице скоро десять.

— Мэл... Егор, — исправилась я и погладила его руку. — Это тяжелая история. И все равно мне завидно. У тебя сестры, брат...был. Должно быть, здорово иметь большую семью.

— Кому как. С Маськой мы поначалу постоянно цапались, но потом отношения стали помягче... С братом после того, как он запулил мне в бровь, общались так себе — ни горячо, ни холодно. У него были другие интересы, как и у Альбины... у старшей сестры, — добавил Мэл.

Получается, Мэл — единственный сын Мелёшина-старшего, не считая двух дочерей. После гибели старшего брата он наследует фамилию или как там принято у принцев? Мэл — преемник титула.

Приехали.

Его отец съест меня живьем и не подавится, потому что посмела перейти дорогу драгоценному сыночку и увела с пути истинного.

veluma silenche*, велюма силенче (перевод с новолат.) — покров тишины

cilenchi*, силенчи (перевод с новолат.) — тишина. Упрощенный аналог veluma silenche (покров тишины)

фамильёзы* (жарг.) — старинные семейные артефакты, реликвии, передающиеся из поколения в поколение

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

16. Взаимоотношения полов

Поскольку консультацию по матмоделированию вис-процессов мы пропустили, решено было поступить так: Мэл отправится на лабораторный практикум по снадобьеварению, отработанный мной ранее, а я потрачу время, бегая между стеллажей в архиве. Потом парень планировал отвезти меня в банк.

Привычную и невзрачную одежду — свитер со штанами — освежили ажурные сапожки на каблуках. Вива оказалась права: в удобной обуви ноги не уставали, и походка была уверенной, как у без пяти минут модели.

Печалившаяся полосатая шубка вызвала у меня приступ жалости к потраченным деньгам и к запорченному меху. Неужели продавец обманул, сказав, что модель с

улучшениями? При случае спрошу у стилистки, можно ли восстановить былую красоту. Я бы и у Аффы поинтересовалась, но теперь уж и не знала, стоило ли заводить разговор с девушкой. Она дала ясно понять, что не желает общаться.

Помимо испачканной шубки встал вопрос о макияже. По сравнению со мной вчерашней сегодня в зеркале отражалось бледное невыразительное существо, и даже помада Вивы не спасала положение. Осознав, что при желании из меня можно сделать сногшибательную красотку, я испытала острое недовольство теперешней внешностью. Следовало срочно устранять проблему, но декоративной косметики у меня не было. Бегать каждый раз к Виве неудобно, к тому же она сейчас наверняка в институте. Чтобы быть красивой в любое время суток и не зависеть от различных обстоятельств, мне пришло в голову попросить девицу об участии в покупке разных женских штучек и о консультации по макияжу.

Собираясь в институт, я заодно подсунула Мэлу старую сумку, чтобы он определил неисправность и сказал, стоит ли отдавать ее в починку или не жалеть и выбросить на помойку. Парень поводит бегунком туда-сюда, заглянул внутрь, повертел со всех сторон, покусал губы в задумчивости и вынес заключение:

— Здесь навязали наузы*. Топорно и небрежно, потому что спешили. Отложи в дальний угол, и может быть, через месяц или два они расползутся. А лучше выброси. Сумка исчерпала себя.

Что верно, то верно. Улучшения давно стерлись, и каждый килограмм складываемых вещей, похоже, теперь утраивался. Таким образом, судьбинushка сумки, послужившей мне верой и правдой с интернатских времен, была предрешена. Хватит держаться за прошлое, нужно смело глядеть в будущее.

— И кто же тебя так любит, а, Папена? — прищурился Мэл. — Можно сказать, уделяет особое внимание.

Я успела заметить, что когда он называл меня по фамилии, это означало очередную обвиняющую вспышку ревности, только не поняла, при чем здесь подлое покушение на старую сумку.

— Тоже хотелось бы знать. И главное — за что "меня любят".

— Иди сюда, — притянул меня Мэл, устраиваясь на кровати, и когда я села к нему на колени, сказал: — Запомни, услышу что-нибудь на тему "меня любят" — сразу оторву башку тому любителю. Понятно выразился?

— Я же сказала с противоположным смыслом! — возмутилась его ультиматумом.

— В любом смысле. Разбираться не буду.

Временами моего парня чересчур заносит. А ведь может быть человеком, когда хочет, — вспомнилось его мирное согласие о разговоре с горнистом. Кстати, Мэл не задал ни одного вопроса о встрече на чердаке, и это удивляло. Или ему была неинтересна суть беседы с Агнаилом, или он не рассчитывал, что я поделюсь информацией — личной и сокровенной, и поэтому не лез, докучая.

— Вот и помоги найти того, кто посылает "подарочки", — разозлилась я. Угрожать мы все горазды. — Ой, то есть помоги разоблачить того, кто строит козни, — исправилась, заметив красноречивый взгляд Мэла.

— Козни строит баб... Здесь чувствуется женская рука. Это месть или предупреждение. Как думаешь, за что?

Вот и говори прямо, к чему юлить? Без сомнений, поклонницы профессора не дают мне житья и покоя, наплевав на то, что их кумир несвободен. И ведь Мэл давно догадался о

причине злопыхательств, но хочет получить ответ из моих уст.

— Замок клеем залили — раз, сумку вывели из строя — два... — размышлял Мэл. — Что еще?

— Crucis* запустили в волосы, — поведала с неохотой.

— Значит, поэтому постриглась, а не из-за жевательной резинки?

Я промолчала и в глазах Мэла прочитала упрек: "Ты, Папена, соткана из лжишки, лжи и лжищи, и любое твое слово нужно перепроверять на сто раз". Не признаю обвинение! — вскинула голову. В ту пору мы были никем друг для друга, поэтому я была вольна недоговаривать и врать направо.

— Значит, crucis* — это три, — посчитал парень. — Еще?

— Возможно... В субботу у пакета оторвались ручки. Прочный, между прочим, был пакет. Рассчитанный на двадцать килограмм продуктов.

— Это четыре, — продолжил считать Мэл. — Наверняка были и другие попытки, но ты их не заметила. Тебе что-нибудь дарили?

— Нет. Разве что внутренники сделали плафончик... ну, и портрет нарисовали, — показала я на подоконник, на котором лежал свернутый бумажный рулончик. — Еще перед приемом Петя дал цветы, но я их забыла в торжественном зале. — При этих словах Мэл скривился. — Особо и дарить-то некому.

— Теперь понимаешь, что тебя нельзя оставлять одну? "Доброжелатель" устроит очередную гадость, а ты не увидишь.

Я надулась на его слова. Сказал бы напрямик, что слепощарая, и не нужно изображать воспитанность. Хотя парень прав. Из-за того, что не вижу волн, могу спалиться на любой мелочи.

— Ты говорила, что немножко подумаешь о переезде, — напомнил Мэл, надевая пуловер. — И "немножко" закончилось секунду назад.

— Кто сказал?

— Я. Разве ты не слышала, как оно закончилось? — удивился он искренне, чем вызвал у меня хихик.

— И как же? — спросила, подойдя к нему и обняв.

— Лопнуло как воздушный шарик. Говори! — потребовал Мэл, обнимая в ответ.

В голове снова пронеслись расписанные Мэлом ужасы, ожидавшие меня в институте и вне его стен, а также слова Аффы, не постеснявшейся назвать некоторые вещи своими именами. Вдобавок напугало предположение парня о новых "покушениях". Кто знает, какие пакости придумают фанатки профессора?

— Хорошо. Давай попробуем. Я переночую у тебя сегодня, а там поглядим.

— Отлично! — просиял Мэл и закрепил согласие поцелуем. Сладко и туманит голову, но опять придется подкрашивать губы.

К дальновидной стилистке улетело мысленное спасибо за аренду тубика, отражение в зеркале кивнуло мне в последний раз, и мы отправились в институт — Мэл и я. Шли и обнимались, потому что теперь вместе, а у меня тряслись поджилки, и дрожал голос.

— Слушай, Мэ... Егор, — произнесла непривычное имя, — а Петя так и сидит в отделении?

— Почему мне знать? — ответил он грубовато.

— А... можно вызволить его оттуда?

Тон Мэл сменился, став насмешливым.

— Папена, на этот раз ты меня разочаровала. Я еще вчера ожидал, что рванешь выручать бедолагу, позабыв обо всем на свете. Так вот, до спортсмена мне нет никакого дела. Пусть как хочет, так и выкручивается. Он заслужил.

Я поняла, что Мэла не удастся уговорить и упросить. А ведь он мог бы помочь: позвонил, кому нужно, прощупал почву, разузнал, что с Петей, и не убили ли его на допросах.

— Ой, Мэл... Егор, а арестованных не избивают? — пришла в голову жуткая мысль, навеянная разыгравшимся воображением.

— Не избивают. Успокойся. Возможно, его уже отпустили. Наверняка позвонил предкам, и те вызволили сыночка. Внесли залог или дали поручительство. И больше не напоминай о нем, Эва. Мне хватило того, что он обнимал тебя на приеме, — закончил раздраженно Мэл.

Чем ближе к институту, тем страшнее.

— Расслабься, — сказал вполголоса Мэл, погладив меня по спине, когда мы приблизились к крыльцу. У калитки было оживленно, на аллее тоже, и на ступеньках толпились студенты.

Народ считал минуты до звонка, и нам пришлось присоединиться к ожидающим. Мэл заключил меня в объятия, и мы укрылись за колонной, куда долетали лишь голоса, смех и далекий птичий гомон. Из-под козырька осыпались лепестки иллюзорных цветов.

Мэл заставил меня повторить от начала до конца маршрут предстоящих передвижений, который ничем не отличался от вчерашнего, за исключением визита на чердак. Парень решил проводить меня до архива и вернуться за мной после звонка.

Беспокойство росло, и я дрожала, но не от мороза.

— Вдохни глубже, — посоветовал Мэл. — Вспомни прием. Четыре тысячи гостей, и ты уделала их всех.

Слабое утешение, вернее, вдохновение. Хотя на папашу я точно произвела впечатление.

— Твой отец не звонил? — переключилась на другую тему, старясь унять волнение.

— Нет. А зачем?

— Как зачем? Его сын куролесит второй день, а ему и дела нет?

Мэл нахмурился.

— Я сказал ему о своем выборе. Думаю, он понял. А не звонит, потому что у него проблемы в департаменте. А твой откликнулся?

— Тоже нет, и это странно. Если он решил, что я звонила с чужого телефона, то мог бы назначить встречу через Стопятнадцатого.

— Не паникуй. Мы справимся, — сказал Мэл твердо, и его голос вселил уверенность.

Я практически не запомнила, как мы вошли в холл, влившись в толпу студентов, как мой парень помог раздеться и проводил до архива, точнее, до стола выдачи, где опять поцеловал в щеку и отдал сумку. На нас глазели, кивали вслед и переговаривались. Перед нами расступались, когда Мэл уверенно вел меня к подъемнику. Уж не знаю, то ли у парня был пугающий вид или повлияло что-то другое, но сегодня мы спустились в подвал вдвоем, и очередь пропустила нас. Правда, один второкурсник высказался о нахалах, лезущих напролом, но тут же примолк, когда Мэл посмотрел на него.

Зато неподалеку от постамента со святым Списуилом я заметила Радика, глядевшего на меня и на Мэла... с изумлением? Значит, наши зверюги вытворили нечто из ряда вон выходящее, если у парнишки было ошеломленное лицо. Ох, не сдержусь и потрясу Радика за

пширку, чтобы узнать, как выглядит наш зоопарк.

В архиве опять приключилось вавилонское столпотворение, но на этот раз начальник избрал другую тактику, видимо, намучившись с раскладыванием папок, накопленных за вчерашний день. Сегодня мы с Штуссом выдавали и принимали документы, сразу же расставляя по нужным полкам. Времени уходило больше, но работа упорядочилась. Единственным и основательным минусом осталось внимание студентов — не меньшее, чем вчера, и навязчивое. Я дергалась, нервничала и боялась лишней раз поднять глаза на очередного заказчика.

И тут случилось чудо.

Распихивая локтями толпу, к столу выдачи приблизился... Мэл!

— Дай "Трактат о популярных снадобьях в средневековье", — сказал, обратившись ко мне.

Массы зароптали на повышенных и скандальных тонах, но Мэл осадил четверокурсника, который возмущался громче всех:

— У кого блат в архиве, тот и первый, понял?

Студенчество захихикало, закхыкало, но не стало выражать недовольство, а я сделалась, наверное, ярче алой папки, которую принес начальник, чтобы выдать очереднику.

Мэл получил заказанный трактат и, внаглую потеснив парней за первым столом, уселся нога на ногу, взявшись перелистывать странички. По-моему, он вообще не смотрел, что читал, а поглядывал по сторонам и на меня, отчего моя нервозность усилилась.

Наконец, терпение иссякло, и я бросилась к сумке, чтобы достать "Приму".

— Алё, ты почему не на лабораторке? Уже сдал? — спросила тихо, прикрыв рот и динамик рукой, и мой парень, сидевший в паре шагов за перегородкой, ответил по телефону, не таясь и без стеснения:

— А я с инспекцией.

Пауза была эффектной, как и мой ступор.

— Расслабься, — хмыкнула трубка. — Ромашка перенес сдаточную на вечер.

В присутствии Мэла на меня меньше пялились и не так активно обсуждали, занявшись тем, за чем пришли — изучением и анализом материалов. Сегодня и прощание с архивариусом состоялось по-человечески, не в пример вчерашней суете, и мужчина признал, что заданный ритм работы — наиболее благоприятный для здоровья и нервов.

При выходе из помещения я разглядела и омертвелый ствол обсыпальника, и оперившиеся нежными листочками кустики мыльнянки, и вообще, мне показалось, что жизнь не такая уж страшная штука. Ведь Мэл шел рядом и ограждал от неприятных новшеств.

Хорошести длились ровно до того момента, пока в холле, у одного из зеркал, я не заметила Эльзушку со своей белобрысой свитой. Девушка, словно сошедшая со странички из модного журнала, смотрела на меня со снисходительным презрением, которое не истребил даже новый статус дочки министра, а болонки переговаривались и посмеивались, поглядывая в мою сторону.

Ну и пусть обсуждают мою личную жизнь в общежитии! — задрала я нос. Пусть завидуют. Я теперь с парнем, который первоклассный специалист по изучению удовольствий, как подметили однокурсники на одной из консультаций у Теолини. Однако статус повысился, а внешность осталась на прежнем уровне, — вздохнула тяжело. Нужно что-то предпринимать, и поскорее — для собственного спокойствия и уверенности.

В обществе Мэла чужое любопытство напрягало гораздо меньше. Думаю, приди я в институт в одиночестве, меня разорвали бы не слабее, чем Монтемонт. Взгляды липли, парни оценивали, девчонки обсуждали между собой, но в целом, народ сохранял дистанцию. Мэл же выглядел безмятежным.

— Отвезу тебя в банк, а потом заедем в "Инновацию". Обедать хочу, — заявил, когда мы подошли к раздевалке.

— Может, в столовую? — кивнула в сторону коридора, ведущего к общепиту.

— Забей.

— Неужели не наелся? — расстроилась я. Вроде бы завтрак был сытным, и Мэл не стал вредничать, отказываясь от еды. Может, ему не понравились бутерброды?

— Эвочка, — приобнял он меня, — запоминай: из довольного мужчины можно выжать что угодно. А когда он доволен? Когда сыт и когда...

Окончание фразы высказалось шепотом на ухо, вызвав очередную волну смущения.

Надоело! Значит, Мэл ставит меня в неловкое положение при всех, а я чем хуже? Нет уж, пусть и он когда-нибудь научится краснеть.

— Хорошо, Егорчик, где скажешь, — дразня, провела языком по губам и обвила шею парня руками. До чего же будоражила его небритость — словами не передать.

— А-а... то есть? — растерялся было он, но быстро опомнился. — Серьезно? Значит, где скажу?

— Угу, — сделала ртом бантик и послала воздушный поцелуй.

Надеюсь, получилось вызывающе, потому что Мэл сглотнул и уставился на мои губы. А те, кто тянут шеи и глядят — пусть завидуют. Это моя жизнь, и я делаю, что хочу.

— Ладно, — согласился парень и посмотрел на меня с хитрецей. — Скажу, что в машине... Не отступай, Эвочка. Слово — не птичка.

Ну, и кто из нас кого поддел: я — его или он — меня?

— Вот еще! Никогда не отступаю, — фыркнула, хотя пунцовые щеки в многочисленных зеркалах выдали меня с потрохами.

Коли пошла новая песня, буду выдавливать из своего мужчины то, что мне нужно.

— Егорчик, — продолжила в том же кокетливом тоне, и он благосклонно улыбнулся, — после банка хочу заехать в одно местечко и потратить немножко денежек.

Ну как, нравится игра?

— Можешь тратить, сколько влезет, но мои.

— Захватим с собой стилистку, ладно? — предложила я, улыбаясь призывно, впрочем, без уверенности, что Вива согласится.

Мэл не возражал. Попробовал бы он! От моего обаяния ему не укрыться.

Стилистка согласилась.

— Не проблема. Скатаюсь, — сказала, и в трубке что-то зашумело. — Предупреди минут за десять. Доставка туда и обратно за твой счет.

— Согласна. Вивочка, а можно как-нибудь почистить шубку?

— Ты в ней по трубам, что ли, лазила? — хихикнула девица и, сама того не ведая, оказалась стопроцентно права. — Приноси, поглядим.

Шагая под руку с Мэлом к выходу из холла, я ощущала загривком внимание студентов, прикованное к нам, но сильнее всего давил взгляд Эльзушки, жегший спину.

Калитку оккупировала группа парней, и среди них мелькнула голова Макеса. Мэл перездоровался с каждым, а его пестроволосый товарищ кивнул мне, приветствуя, и при

этом всматривался в лицо. Наверное, он удивился разительному контрасту между красавицей, посетившей прием, и серой крыской, закадрившей столичного принца.

Мэл усадил меня в машину, и покуда выезжал со стоянки и разворачивал автомобиль, Макес глядел в нашу сторону, а потом повернулся к приятелям.

Скоростная автострада осталась в стороне. Мэл гнал по улицам, сигналив и обругивая пешеходов, лезущих под колеса, а я вцепилась в подлокотники сиденья, боясь сказать что-либо под руку. Водитель завернул в какой-то безлюдный переулок, где заглушил машину, остановившись рядом с гаражами и нежилыми постройками, нажал кнопку на панели, и стекла в автомобиле потемнели.

— Здесь, — сказал Мэл, отстегивая ремень и поворачиваясь ко мне.

И, конечно же, я ответила на вызов, подтвердив нерушимость своих слов. С удовольствием.

Проспекты, дома, машины, люди... Непрерывающийся хаос. Столица.

Солнце сделало подарок, выглянув из белесой облачной дымки.

— Давно хотел с тобой в "Эклипсе", — сказал Мэл, поцеловав меня в висок спустя пятнадцать минут после остановки у гаражей. — Похоже, мы с тобой спринтеры.

— Это плохо? — отозвалась я расслабленно.

— Не знаю. Как есть, так есть.

— Значит, это "Эклипс"? — постучала по обшивке дверцы. — Я зареклась спрашивать о марках, потому что твои автомобили калечатся с завидной регулярностью.

Мэл беззвучно рассмеялся.

— Представительский класс. Комфорт в ущерб скорости и лошадям. У отца синий "Эклипс", у меня — черный.

— Наверное, у тебя машин больше, чем пальцев на руках и ногах.

— Меньше, — сказал он, садясь, и поднял спинку своего сиденья. — А теперь приводим себя в порядок и айда в банк.

Может, ненормально, что не обижаюсь на спонтанную страсть "между делом"? — пришло в голову, когда Мэл помог мне застегнуть крюпочки. Или нужно требовать ароматную ванну с пенной шапкой, дорожку из розовых лепестков и ананасы в шампанском под романтическую музыку? Правильно или нет, но мне и так нравится, — пришла к выводу, надевая свитер. Нравится горячность и безудержный энтузиазм моего парня, а в ванне или в машине — не суть важно.

Мэл припарковался в двух кварталах от пункта назначения, сделав так, как я попросила. Помогая выйти из машины, парень поинтересовался:

— Почему не держишь деньги на счете? По карте удобно расплачиваться и в любой момент снимать наличность, и не нужно мотаться в банк.

Я наморщила лоб, соображая, когда говорила Мэлу, что мое богатство хранится в банковской ячейке. А-а, разве упомнишь? В эти дни мы о чем только не говорили.

— Счета контролируются Департаментом по ценностям. Отца обвинили бы в незаконно нажитых средствах, потому что все решили бы, что это он открыл счет на мое имя. Доходы отца должны быть прозрачными, и получилось бы, что я подставила его. Так что изредка съездить в центр города меня не затруднит.

Мэл пожал плечами и кивнул, мол, если так, то нет вопросов, и я отправилась в банк.

При свете дня парадные двери с имитацией фасадной живописи отыскались значительно быстрее благодаря табличке, замеченной при первом посещении уважаемого

учреждения. Внутри пахло знакомой офисной сдержанностью и учтивым профессионализмом служащих. Охранники расхаживали, помахивая дубинками, и откровенно скучали: желающих преступить закон и порядок не наблюдалось. Редкие клиенты вели себя, как подобало в серьезном правительственном учреждении.

Гном Мокий Лаврович, ставший соучастником преступной сделки со мной, кивнул учтиво и протянул пластиковую табличку, на которой я накарябала голографическим пером подпись. Старший консультант убрал табличку под конторку, и пока просвечивал под разными углами, я переминалась с ноги на ногу, поглядывая по сторонам. Не сказать, что волновалась, но легкое беспокойство одолевало.

Спуск в хранилище прошел без сучка и задоринки, но под массивными бетонными перекрытиями, за толстой стальной дверью и множеством крепких решеток меня одолела клаустрофобия. Наверное, на психике отыгрались отдаленные последствия драки в "Вулкано".

Гном Мокий провел в нужный закуток с однообразными шкафчиками от пола и до потолка, показал, в каком ряду и на какой высоте следует искать мой ящичек, после чего деликатно удалился. Достав ящик из ячейки, я некоторое время любовалась богатством, заработанным пусть нечестно, но упорно. За каждой из аккуратно уложенных стопок с банкнотами мне виделись походы по переулку Первых Аистов и бульвару Амбули, грезилась трапезы с Мэлом в кафе и ресторанах, посещения выставок, театров и прочие совместные развлечения.

Взор мечтательно затуманился.

Наконец, оторвавшись от любования купюрами, я сложила в сумку половину початой пачки, поделенной профессором пополам с невероятной точностью, и прихватила стопку, перевязанную бумажными ленточками с ползущими по ним буквами. Итого, к растратам предлагались пятнадцать тысяч в бумажках по сто висоров. Умопомрачительная сумма!

Теми же тропами Мокий Лаврович проводил меня к выходу из хранилища, и вскоре я вернулась в мир столичной суеты и шума, покинув банк.

Мэл ждал в машине, откинувшись на сиденье, и слушал тяжелый рок. О том, что музыка играла на полную мощность, я слышала, подойдя к "Эклипсу", корпус которого слабо резонировал. Представляю, что творилось внутри салона.

Пришлось постучать по стеклу трижды, прежде чем Мэл услышал и убавил громкость. Он выскочил на улицу и открыл передо мной дверцу.

— Любимая группа? — спросила у него насмешливо.

— Так, слушаю иногда. Неужели понравилось? — деланно удивился он.

— Не знаю. Не задумывалась.

Я и сама поразились тому, что не знала своих музыкальных пристрастий. В любом случае, какой бы ни была музыка — роком или классикой, — она должна окрылять и заставлять душу вибрировать.

— Скажешь, сколько взяла? — спросил Мэл, заводя машину.

— Нет. Ты будешь смеяться. Наверное, за день столько же тратишь.

— Ну, ладно, — согласился он. — Не хочешь — не говори. Теперь в "Инновацию", — заявил безапелляционно, и я вздохнула. Столичное кафе вызывало внутреннее отторжение.

Мэл умело петлял по городу, в последний момент умудряясь проскакать перед красным сигналом светофоров, успевал проныривать перед автомобильными пробками и через каких-то десять минут подал мне руку в знакомом переулке у раздвижных стеклянных

дверей с массивными золочеными ручками и табличкой "Innovatio". А ведь я решила категорически не появляться здесь после злополучного посещения кафе в компании Пети и бывшей подружки Мэла.

Высокие здания, зажавшие улочку с обеих сторон, и украшенные бегающими огоньками окна элитного заведения опять наполнили сердце тревогой, и я схватилась крепче за локоть Мэла.

— Что с тобой? — спросил он, когда мы вошли внутрь и сняли верхнюю одежду.

— Не знаю. Боюсь многолюдных мест и замкнутого пространства. Наверное, последствия из-за "Вулкано". И сегодня не принимала капли.

— Как вернемся обратно, обязательно выпей, — озаботился Мэл, сдавая куртки в гардероб.

Юноша в униформе кафе проводил нас к столику на двоих в углу зала.

В общем-то, если закрыть глаза на невыносимую дороговизну блюд в меню, помещение было отделано с шиком и комфортом, призванным услаждать самых капризных клиентов. Нам предложили мягкие и удобные кресла, хотя я рассчитывала на диван в нише, окруженной иллюзиями.

— Ты говорил, что имеешь бронь в "Инновации", — сказала, пролистывая карту блюд, в которой мне ничего не нравилось.

— Была, — ответил Мэл. — Отдал в качестве уплаты долга.

Я вспомнила, что вчера в туалете он упомянул о долгах, в которые влез, рыская по столице с друзьями и знакомыми.

— Мэл! Ой, Егор! Это из-за меня, да? — схватила его за руку. — Прости, пожалуйста!

— Странная ты. За что? — улыбнулся он. — Я сам ввязался. Не волнуйся, долги почти уплачены.

Под дулом пристального внимания Мэла мне пришлось сделать заказ, причем парень проследил, чтобы вышло не менее трех блюд плюс напиток. Десерт Мэл выбрал сам, заказав мороженое, но не "Светофор", а "Тропический рай".

Три блюда — это не страшно, — успокоила себя. Если учесть, что порции в "Инновации" размером с воробьиную кашку, то проглочу и не замечу да еще попрошу удвоенную добавку.

Собственно, я оказалась права, в изысканном кафе не удалось бы объесться при всем желании. Два услужливых официанта сервировали стол по высшему разряду, блюда подавали поочередно, на тарелках, украшенных причудливыми конструкциями, но съедобного содержимого было на два укуса. Зато Мэл орудовал ножом и вилкой с довольным видом, и я старалась соответствовать уровню заведения и обществу столичного принца, кушая с неторопливой аккуратностью и отпивая мелкими глотками свежесжатый сок из высокого бокала. На десерте приличия закончились. Мороженое мы прикончили вместе, выгребая ложечками из глубокой пиалы, причем Мэл кормил меня, а я его.

— Вот видишь, Эва, никто тебя не съел, — сказал он, вынимая из портмоне пластиковую карточку. — Мне здесь нравится.

— И мне нравится, если не смотреть на длину счета.

— Это не твоя печаль.

Может, и не моя, но продолжение разговора о тратах, начатого вчера, назрело.

При выходе из кафе Мэл поздоровался рукопожатием с молодым мужчиной, зашедшим в "Инновацию", и тот с интересом оглядел меня. Мой парень, вообще, часто здоровался,

потому что у него знакомых было — пруд пруди, но среди них до сих пор не промелькнуло ни одной особы женского пола. Наверное, Мэл старательно избегал встреч с бывшими и прочими подружками, чтобы не провоцировать мою ревность.

— Кто это был? — спросила, когда он усадил меня в машину, и пояснила на всякий случай, чтобы парень не надумал черти что: — Наверное, ты полгорода знаешь.

— Один приятель. Два года назад окончил институт, работает в компании своего отца. Мы пересекались с ним несколько раз. И он женат, — добавил зачем-то Мэл.

— На связях?

— Да, — кивнул парень, вникнув в суть вопроса. — И на деньгах.

— Как ты со Снегурочкой?

— Говоришь так, будто это свершившийся факт.

— Но ведь между вами было решено? Обговорено, согласовано. По крайней мере, между семьями.

— Не обговорено и не решено, но шло к этому, — признал Мэл, и ответ кольнул мое сердце. — Всё, что ни делается — к лучшему. Зато теперь катаю дочь министра экономики, — ухмыльнулся он.

— Выходит, из-за отца удостоил меня чести посидеть в машине? — обиделась я. — А если бы его не возвысили, осчастливливал другую и разгуливал со Снегуркой по Операм? Спасибо, до дома доеду сама.

Тумблер щелкнул, утонув в пластике, и заблокировал дверцу.

— Иногда ты говоришь невозможные глупости, — сказал Мэл, пытаюсь обнять, в то время как я отпихивалась. — Ты выводила меня упрямством, когда и речи не шло о родстве с Влашеками.

— Значит, выводила? — уворачивалась от его рук. — Замучила бедняжку. Запытала.

— Конечно. Например, в спортзале. А еще молчала по телефону. И не отвечала на звонки перед приемом.

— Я думала, так будет лучше для всех.

— Не нужно для всех. Нужно, чтобы для нас. Столько времени потеряли.

В нашей борьбе Мэл оказался сильнее, притянув к себе, и поцеловал. А через секунду я забыла о причине обиды.

С помощью зеркала и арендованного Вивой тюбика к губам вернулся блеск и цвет нежно-розового пиона. Теперь понятно, почему девчонки постоянно их подкрашивают. Потому что парни при поцелуях съедают помаду. И белокурая Изабелка тоже без конца восстанавливала красоту, мазюкаясь.

В сердцах я взяла и ткнула Мэла локтем в бок. Предатель!

— Уй! За что?

— За всё.

— Мотивируй, — потер он место тыка.

— Зачем тебе ездить в "Инновацию"? Питайся помадой. И так съел килограмм сто или двести.

Мэл помолчал, соображая, и рассмеялся. Смешно ему! А мне очень даже не смешно, и захотелось снова двинуть в бок весельчаку.

— Я давно на диете, потому что переел до тошноты, — сказал он. — Прощаешь?

Куда я денусь? Хотя не раз припомню Мэлу его рацион.

— Ну... не знаю. Подумаю. Егор!

— Если Егор, значит, нужно готовиться к очередному спору, — усмехнулся он.

— Почти. Спора не будет, если договоримся насчет расходов. Вчера мы с тобой определились, что посещение кафе и мелкие покупки оплачиваешь ты. Серьезные покупки я буду делать сама.

— Почему? — спросил спокойно Мэл, но по его лицу было видно — вот-вот разразится гроза.

— Подумай сам. Ты тратишь деньги родителей не только на себя, но и на меня. Отец лишний раз упрекнет тебя в том, что сидишь у него на шее и транжиришь висоры. погоди, дай сказать! Поскольку ты пошел против мнения отца, он в любой момент перекроет доступ к счетам. Что тогда?

— Посмотрим, — дернул плечом Мэл. Разговор ему определенно не нравился.

— Затем... Я хочу чувствовать себя уверенно и знать, что отвечу любому, кто заявит, будто тяну из тебя деньги, словно босячка, которая с тобой из-за банковских карточек. И прежде всего скажет твой отец... Или Севолод.

— Не скажут, — отрезал парень. — А если посмеют...

— Мэл! Егор! Гошик, — прильнула я к нему. — Чем глубже ссора с семьей, тем тяжелее примирение. Мы и так на краю конфликта. Встань на мое место! Ради меня, пожалуйста!

Мэл долго молчал, глядя в окно.

— Теперь потребуешь оплатить половину обеда в "Инновации"? — спросил хмуро.

— Нетушки. Не дождешься. Сам затащил — сам расплачивайся. И если в Иллюзион пригласишь — тоже тебе отдуваться. Но вот, к примеру, одежду куплю на свои деньги. Ладно?

— Хорошо, — согласился Мэл с натяжкой, покусав губы в задумчивости. — Попробуем сделать по-твоему.

Мы поговорили о расходах, и у меня точно камень с души свалился. Однако Мэл не разделял моего оптимизма и вел машину с недовольным видом. Ну и ладно. Подумает, осмыслит и поймет, что я права. Эк его переклинило на том, чтобы оплачивать мои хотения.

Хорошо, что язык вовремя остановился, не сказав лишнего. В воображаемом разговоре Мэла с отцом Мелёшин-страший стучал кулаком по столу и кричал: "Сосунок! Молоко на губах не обсохло, а хлеще бабы спускаешь деньги на ветер! Ты хоть представляешь, каково это — зарабатывать? Заработал ты хотя бы один висор — потом, руками, горбом своим?" Мэл не промолчал бы, и слово за слово, понеслась бы перебранка. В итоге отец и сын разругались бы на веки вечные. Засим конец сказке о крепкой семье.

Конечно, мои фантазии всегда зашкаливали, не зная преград и расстояний, но почему-то внутрисемейные отношения между отцом и сыном Мелёшиными представлялись именно так.

Пока Мэл парковался у института, я позвонила Виве, и она не стала отказываться от своих слов, данных ранее.

Парень заглушил двигатель и помог мне выйти.

— Побудешь здесь? Мы скоро придем.

— Провожу до общежития и дождусь снаружи, — решил по-своему Мэл, взглянув на группку курильщиков у калитки, которых я не заметила.

— Спасибо, — поблагодарила его с чувством и прижалась, взяв под локоток. — Ты у меня такой!

— Какой? — спросил Мэл, по-прежнему недовольный и насупленный.

— Особенный! — прикоснулась губами к небритой щеке. — Заботливый и внимательный!

Мэл не ответил, но я видела, что он оттаял. Закинул на плечо сине-желтую сумку, обнял меня и повел по дорожке между машинами, по пути опять перездоровавшись с приятелями, которых не видел днём, а я прижималась к нему, стараясь не обращать внимания на интерес противоположного пола.

На крыльце общежития Мэл отдал сумку и распахнул дверь, впуская меня в холл.

— Жду, — сказал коротко, и я помчалась в швабровку.

Отсчитав наспех успокоительных капель, залпом выпила витаминную смесь и, подхватив под мышку полосатую шубку, побежала к Виве на третий этаж.

— Вот я пролетела, — сказала стилистка, открыв дверь. — Запросила двести. С дочки министра надо было брать пятьсот.

Собравшись в люди, она выглядела так же, как в последний наш поход по магазинам — без вызывающих бровей и ядерных расцветок в одежде.

— Ну, так бери, — великодушно предложила я, возвратив арендованную помаду, и протянула пять сотенных бумажек.

— Простота, — заключила девица и взяла две купюры. — Никогда не отказывайся от своих слов, тем более, при наличии договоренности о сделке, иначе сядут тебе на шею и поедут, не слезая. Научись считать деньги и не раздаривай попусту. Запомнила? А я впредь буду умнее. Может, позже пересмотрим наш уговор.

Вива повертела угвозданную шубку со всех сторон.

— Бедный-бедный кролик, — посетовала, хмыкнув. — Где же тебя хозяйка уважюкала?

— В "Вулкано".

Стилистка посмотрела на меня внимательно, но не высказалась по поводу странных развлечений в столичном клубе, после которых приличная вещь превратилась в меховой коврик, и бросила шубу мне в руки.

— Захватим с собой, по дороге сдашь в химчистку.

— Почему не сработало улучшение? — поинтересовалась я, пока Вива обувала армейские ботинки на толстой подошве. — Получается, обман. Может, потребовать возврата денег?

— Улучшение действует, но постепенно. А за мгновенный результат выкладывай раз в пять больше, а то и в десять. И вообще, почему тебя уговариваю? Через неделю или полторы засияет твоя шубка прежней красотой.

— Полторы? — протянула я разочарованно.

— А как ты хотела? Посмотри — здесь и жир, и копоть, и сажа. Валялась в угле, не иначе. В рамках гарантии самоочищение будет происходить постепенно и с минимальными затратами энергии.

Караул! Обманули! На символистике умудрились смухлевать с честным видом! Улучшение есть, но работает как черепаха. Не хочу ждать, когда шуба приползет к финишу обновленной.

— Тогда в химчистку, — согласилась с предложением Вивы.

— А я о чем говорю? В следующий раз будешь аккуратнее. Ну-ка, глянь сюда.

Вива стянула с меня шапку, взбила волосы и уложила на лоб и лицо с таким расчетом, чтобы пряди легли на скулы и виски, после чего снова водрузила шапку на макушку.

— Смотришь. Каково?

В зеркале трюмо отражалась девушка, отдаленно похожая на меня, и вид у нее был шаловливо-озорной. Я бы сказала, кокетливый был вид, и он мне очень и очень нравился.

— Обалденно! А шапка не свалится? По-моему, держится на соплях.

— Тебе ею не футбольные мячи отбивать, — проворчала Вива. — Видишь, как незначительные детали меняют внешность? Подкрасишь ресницы, подрисуешь брови и станешь еще ярче. Покажи руки! — потребовала и поглядела на протянутые ладони. — Отвратно! За маникюром нужно следить. Лак, конечно, стойкий, но заусенцы портят самые красивые ногти. Кстати, запомни: раз в две недели будешь ездить в салон на половину процедур и раз в месяц готовься посещать в полном объеме.

— О! — перекосило меня при воспоминании о боли, испытанной в день перед приемом.

— Не "о", а стисни зубы и делай, если не хочешь рыдать на моем плече, когда тебя бросит Мелёшин. Труд сделал из обезьяны человека. А непрерывный труд над внешностью еще тяжелее, чем превращение в хомо сапиенса.

Ну да, содержать идеальную внешность гораздо тяжелее, чем ворочать мешки.

Мэл ждал на ступеньках перед общежитием и разговаривал по телефону. Увидев нас, он положил аппарат в карман куртки и коротко кивнул Виве, а затем его взгляд переместился на меня, и бровь приподнялась.

А что? Я хочу и могу быть красивой, и мне польстило, что Мэл заметил. А за изменения в облике спасибо Виве. В этот миг стилистка находилась в шаге от благодарного троекратного расцеловывания в обе щеки за умение подчеркнуть индивидуальность несколькими штрихами.

Мы с Мэлом направились к калитке, причем с правой стороны на локте парня повисла я, а с левой — моя сумка и шубка. Вива шла позади. Неожиданно мне пришло в голову, что неучтиво и некультурно игнорировать компанию девицы. Вдруг ей неприятно? Поэтому, когда мы дошли до стоянки, я решила компенсировать невежливость и села со стилисткой на заднее сиденье машины. Мэл удивился, но ничего не сказал.

Дорога до переулка Первых Аистов прошла в молчании, за исключением нескольких незначущих фраз, которыми мы обменялись с Вивой. Зато Мэл опять создал предаварийную обстановку, выставив зеркало заднего вида, и мы перебрасывались взглядами, от которых перехватывало в груди из-за недостатка кислорода. Чтобы не задохнуться раньше времени, я переводила взор в окно, но через пару секунд опять приклеивалась к карим глазам в отражении.

Бетон, асфальт, пластик, стекло... Город, так и не дошедший до зимы.

Мелёшин-старший поставил своеобразный памятник старшему сыну. В столице живут миллионы людей, но мало кому известна истинная подоплека принудительного растаивания помимо комфорта, эстетичности и безопасности на дорогах.

Мэл — часть большой семьи, — сменилась мысль, перескочив в другом направлении. У него есть сестры, племянницы, кузены, кузины, тетки, дядья, не считая прочей, близкой и дальней родни. В сравнении с многочисленными родственниками семейства Мелёшиных я почувствовала себя горошиной, выпавшей из стручка и затерявшейся в суровом и недружелюбном мире.

Переулок Первых Аистов встретил привычной мурашиной суетой. Мэл припарковал "Эклипс" у магазинчика, на который указала стилистка, и остался в машине, в то время как я и Вива отправились за покупками. Едва мы зашли внутрь, девица заявила:

— Беспросветная балда. Кажется, знаю, за что будешь доплачивать.

— За что?

— За советы. И вот тебе первый и бесценный совет на будущее. Никогда не садись на заднее сиденье в машине своего парня, даже с хорошими подругами. Только возле водителя, поняла? Твои манеры и благородство не оценят ни он, ни подружки, а какая-нибудь проворная коза обскочет в два счета и устроится рядом с ним, а ты попадешь в двусмысленную ситуацию. Ясно?

— Ясно. Ничего, что будешь сидеть сзади?

— Да плевать, каково мне! Не переживай за других — думай о себе. Еще не позволяй Мелёшину подвозить одиноких девчонок. Если поедете куда-нибудь с компанией, то только парами. Но если Мелёшин согласится подвезти знакомых из числа парней — это допустимо. Главное — никаких мамзелей в свободном поиске в одном салоне с тобой.

— Никаких мамзелей... — повторила за Вивой. — А ты? Получается, ты попадаешь в эту категорию.

— Я не в поиске и к тому же не во вкусе Мелёшина. Еще две сотни с тебя. Замучилась учить бестолковую.

— А какие девчонки в его вкусе? — не отлипала я от стилистки и вынула из сумки банкноты.

— Если скажу, то обидишься. Наша задача — сделать из тебя Личность с большой буквы.

Выяснилось, что у меня и Вивы разное понимание того, каким должен быть человек разумный. Мне казалось, это доброе, совестливое существо с широкой душой и открытым сердцем, а в представлении стилистки это был матерый хищник, ищущий выгоду в любой мелочи и любящий только себя.

В косметическом магазинчике мы набрали немислимое количество мелочевки: туши, помады, карандаши, подводки, пудры, крема, тени, румяна, лаки, ватные палочки и диски, какие-то щипчики, ножнички, щеточки, пилочки, расчески разных мастей плюс уйму прочих штучек, название и назначение которых я не запомнила. И покупкам, уместившимся в трех внушительных пакетах, надлежало украшать меня с макушки до пяток.

Кошмар! Если буду ежедневно ухаживать за руками, ногами, телом и головой, то на наведение красоты придется тратить как минимум два часа, — это притом, что я научусь превращаться из серой крыски в яркую и заметную девушку. А если не научусь, то только и буду делать, что ухаживать с утра до вечера за своей внешностью.

За будущую идеальность пришлось выложить более восьмисот висоров, и я вышла на улицу, пошатываясь и с легким головокружением. В глазах стояли цветные палитры, колеры, оттенки, шкалы стойкости и приспособления, каждое из которых предназначалось для смертельной, опрокидывающей навзничь красоты.

— Давай кое-куда зайдем, — потянула меня Вива, и мы продефилировали мимо удивленного Мэла, уставшего ждать в машине и вылезшего подышать загазованным столичным воздухом. Я отдала парню пакеты с покупками, и стилистка, протащив меня метров десять, завела в магазинчик дамского белья.

Откровенные комплекты на манекенах вызвали смущение.

— Зачем? — спросила шепотом у Вивы, чтобы продавщица не услышала.

— Затем. Чтобы Мелёшин каждый день смотрел на тебя так же, как сегодня в машине.

— А как он смотрел?

Девушка возвела глаза к потолку.

— Ведь должна же быть у тебя женская интуиция. Спит она, что ли? Мужикам нужно это. — Вива потрясла плечиками с кружевной грацией. — И вот это, — показала на прозрачный черный пеньюар, — и вот это, — ткнула пальцем в вызывающий корсаж с бантиками. — Ясно?

— Ясно.

— И прекращай краснеть. Ты — женщина. Мелёшин должен, глядя на тебя, слюни пускать и бабло отваливать, не считая, — заключила стилистка. — Смотрю и поражаюсь. Хватки в тебе — ноль, а как заарканила такого жеребца — не пойму.

Ничего нового из нотации я не вынесла, потому что уже успела познакомиться с практичным цинизмом Вивы.

В итоге продавщица выложила на прилавок ворох комплектов разных цветов и фасонов, и я испытала настоящее удовольствие, перебирая модели. А еще в горле защекотало предвкушение, хотя и раздирали сомнения, что Мэл набросится на меня, увидев в бюстье леопардовой расцветки.

— Белье нельзя натягивать абы как. Нужно уметь подать себя, — просвещала Вива, откладывая в одну сторону пуританские комплекты с целомудренными чашечками, а в другую — развратные и до ужаса красивые комбинации, корсеты и чулки в крупную сетку. Улучшения в товаре позволяли не делать примерку, так как размеры самонастраивались под нужные габариты.

Стилистка говорила еще что-то, но мое внимание отвлеклось на Мэла, который, оказывается, подогнал машину к магазинчику и теперь прогуливался перед витриной, разглядывая образцы, представленные на манекенах. Заметив меня через стекло, он ухмыльнулся, и я поспешила отвернуться к прилавку.

— Слушаешь или нет? — спросила раздраженно девушка. — Нельзя преподносить себя топорно. В одежде должен быть намек и одновременно вызов. Фейерверк, взрыв эмоций. Игра на грани фола. Поняла?

Я кивнула согласно, хотя совершенно не уловила сути, потому что снова оглянулась на Мэла, смотревшего на нас с Вивой через стекло витрины. И он посмеивался!

Вот позорище! — склонилась к белому с розовыми вставками комплекту.

— Блузка, расстегнутая на две пуговики ниже, чем обычно, глубокий косой разрез на юбке, облегающая кофточка или, наоборот, прозрачная — это мизерная толика искусства обольщения. В некоторых случаях черное белье под просвечивающей светлой одеждой выглядит сексуально, хотя принципе сочетание вульгарно, — вещала стилистка, но вдруг заметила, что я без конца оборачиваюсь к окну. — Вот оно что, — хмыкнула она и потрясла синими кружевными трусиками, продемонстрировав белье Мэлу. Тот засмеялся и показал большой палец. — Видишь, как надо? Сегодня ты не уснешь, обещаю. И заканчивай краснеть. Чтобы твою детскость я видела в последний раз! Весь мир занимается этим, потому что это физиология. Так что постарайся оформить процесс красиво и незабываемо.

Мне оставалось пробурчать нечто невнятное вроде: "Так точно, буду стараться!", и в руки переключались четыре пакета приличных размеров.

— Копец покупкам или продолжим?

— Давай подберем что-нибудь из одежды, — попросила я, распалившись приобретением кружевных и прозрачных красотей. Гулять — так гулять.

И опять пройдя мимо Мэла с независимым видом и нагрузив парня покупками, мы со

стилистой двинулись дальше по переулку.

Вива недолго мучилась, подбирая необходимый минимум повседневных вещей. По ее совету в мою собственность перешли облегающие брючки с парой блузок, несколько кофточек и два платья — все обновки с улучшениями по несминаемости и защите от пятен. На первый взгляд вещи казались обыкновенными, но, тем не менее, в каждой из моделей присутствовала изюминка — или необычная вставка, или воротник, или разрез, или оригинальная форма рукавов, или покрой, или фурнитура, привлекающая внимание.

Заскучав от безделья, Мэл снова подогнал машину к витрине магазинчика одежды, и, выйдя из дверей, я попала прямоком в его объятия, завалив новыми пакетами. Вернее, ими оказался завален багажник "Эклипса", куда парень сложил покупки.

На обратном пути, следуя советам стилистки, я села рядом с водителем, и всю дорогу мы с Мэлом переглядывались и улыбались, запамятавав о пассажире на заднем сиденье, пока Вива не напомнила о шубке. За чистку меха пришлось выложить авансом пятьсот висоров, и работница химчистки пообещала устранить недостатки к завтрашнему утру.

В общем, деньги улетали — не по висору, и не по десять, — а раскидывались сотнями налево и направо. А ведь когда-то еженедельные восемь монеток казались мне пределом мечтаний.

День разлетелся так же, как наличность, растворившись в улицах, в дороге, в лицах, в кожаном сиденье "Эклипса" и руках Мэла, лежащих на руле. Я поймала себя на том, что начинаю привыкать к городской сутолоке и вечной спешке, к частоколу зданий, тянущихся в поднебесье, и к нескончаемым караванам габаритных огней машин.

Мэл подкатил к институту, когда окончательно стемнело, и вдоль дорог зажглись фонари, а окна альма-матер засияли путеводными звездами для студентов, охочих до сессии. Парень с неизменной вежливостью помог мне выбраться из машины. Во время поездки он поначалу открывал дверцу и перед Вивой, но руку не подавал, а позже девица стала выпрыгивать из машины, не дожидаясь жеста учтивости.

— Ждать не буду, мне некогда. Звони, если что, — сказала Вива и направилась к калитке.

Мэл доставал из багажника пакеты с улыбочкой, не сходящей с лица.

— Что смешного? — нахохлилась я.

— Женщины меняются после посещения магазинов, — поделился он наблюдением. — У них и взгляд, и выражение лица становятся другими.

— Интересно, на основании чего такие выводы? И сколько женщин ты возил по магазинам и таскал за ними пакетики? Отдай, сама донесу, — попыталась вырвать, но Мэл не послушался.

— Эвка, ты смешно ревнуешь, — засмеялся, а я огляделась по сторонам, не слышал ли кто.

— И вовсе нет. Ни капельки.

Держи карман шире. Не признаюсь, но заочно ненавижу всех особ, которых парень когда-либо катал на машине и оплачивал их расходы. А при мысли о способах, коими его подружки вытягивали деньги, у меня вообще в глазах потемнело, и захотелось выплеснуть необъяснимую агрессию.

— Пошли, провожу, — потянул Мэл, не заметив моей пасмурности.

На аллее навстречу нам попались студенты, смотревшие с тем же интересом, что и утром, а с институтского крыльца спустился Дэн, отделившись от кучки парней, и

поздоровался с Мэлом рукопожатием, а мне вежливо кивнул.

А ведь они оба — и Дэн, и Мэл — провели бессонную ночь, разыскивая меня после апокалипсиса в "Вулкано", — вспомнилось вдруг. И не из-за бывшей подружки Мэл объявил ультиматум отцу и едва не лишил жизни человека, а из-за меня! И беспокоился не о какой-то драной египетской кошке, а о моей безопасности. И волновался за мое здоровье, а не за Изабелкино.

Я постараюсь примириться с бурным прошлым Мэла, но приложу все усилия, чтобы в настоящем и будущем парня осталось место лишь для меня.

Мэл проводил до швабровки и поставил штабель пакетов у двери.

— Не вздумай куда-то пропасть и собери всё необходимое, — велел, поцеловав. — Лабораторка закончится в восемь, но постараюсь сдать пораньше. Зайду за тобой, и поедем. И прихвати что-нибудь из того, что купила, — показал на пакет с женским силуэтом из магазинчика дамского белья. — А лучше возьми всё. Буду заценивать твой показ мод.

Я рассмеялась, пытаюсь скрыть смущение.

— Завтра экзамен, а у меня ни строчки в голове. Придется ходить на пересдачи, — вздохнула, констатируя факт, потому как за сегодняшний день успела смириться, что матмоделирование процессов станет провальным предметом в этом семестре.

— Не придется, — заверил парень. — Ты сдашь.

Его бы слова да удаче в уши. Остается надеяться, что преподаватель внезапно заболит или уедет на сверхважную конференцию, и экзамен перенесут.

Мэл отправился на лабораторную работу по снадобьеварению, а я закружилась по комнате. Отличный день, и начихать на задолженности и прочие проблемы! Мэл рядом, и всё остальное неважно. Точнее, важно, но теперь всё по плечу.

Покупки были разложены на кровати, и я примеряла обновки на себя, порхая по комнате, как вдруг зазвонил телефон, перепугав высветившимся на экране именем абонента — буквой "М" со знаком вопроса.

— Егор? Что случилось?

— Ничего. Вышел в коридор и звоню. Собираешься?

— Да, потихоньку, — соврала, разглаживая косые воланы на платье.

— Это хорошо, — сказал парень и рассоединился.

Подумав, я стерла в телефоне старую надпись и набрала: "Егор". Снова подумала и переправила на: "Гошик". Посидела немного и добавила: "мой", после чего вернулась к любованию покупками.

Надо бы ресницы покрасить и подрисовать брови, как сумею. А еще придумать, куда складировать косметику. Не в пакетах же ей томиться.

Увлечшись покупками в переулке Первых Аистов, мне было недосуг вспомнить и о плечиках для обновок, а также о том, куда их вешать. А теперь в связи с увеличением барахла назрел вопрос приобретения шкафа или, на худой конец, комода.

Кружевные и прозрачные комплекты перекладывались из одной стопки в другую и обратно, сердце пело, и я вторила ему, напевая незамысловатую песенку собственного сочинения. На моей станции сегодня остановился состав со счастьем!

В дверь постучали.

Кто это? Аффа? Радик? Капа? Или Мэл примчался с лабораторки? Он может, не сомневаюсь.

На всякий случай сгребла покупки в сторону и накрыла одеялом, чтобы парень не

подумал, будто я шмоточница.

За дверью стояла стройная женщина в длинной шубе — выше меня на голову, ухоженная, лощенная. Деловая висоратка.

Наверное, она ошиблась адресом.

— Здравствуйте. Эва Карловна?

По спине пробежал холодок.

— Да.

— Пригласите войти? — осведомилась женщина любезным тоном.

Кто она? Разве мы знакомы? Имеет отношение к отцу? Может, дама, чей муж вился на приеме около дочери свеженазначенного министра экономики, позабыв о супруге? Журналистка? Пресс-атташе премьер-министра? Родственница Снегурочки или Пети?

Молода, чтобы быть матерью взрослого сына, но и не юна, чтобы приходиться мне ровесницей.

— Видите ли, я здесь по поручению Артёма Константиновича. Отца Егора.

Она вошла и остановилась у двери. Конечно же, мне некуда усаживать гостей. Единственный стул едва держится на шатких ножках, а кровать предназначена для того, чтобы на ней спали, и к тому же завалена покупками.

Снова затренькал телефон, и на экране высветилось: "Мой Гошик".

— Думаю, стоит отключить его, чтобы мы поговорили, не отвлекаясь, — сказала женщина, осматриваясь. Заметила убогую обстановку, общую неприбранность, нарисованное голубое дерево в углу, но не подала виду. Просто занесла в протокол и перешла к следующему пункту.

— Перезвоню попозже, — сказала я парню и, не став выслушивать ответ, отключила аппарат.

— Приятно иметь с вами дело, — заметила женщина с вежливой улыбкой. — Уверена, мы сойдемся во мнении и по другому вопросу. Как смотрите на то, чтобы освободить Егора от обязательств и расстаться с ним?

наузы* — узлы, завязываемые определенным образом

stucis *, круцис (перевод с новолат.) — крестовина

17. Каждая маленькая девочка мечтает о большой любви

(с) И. Николаев

Ни запугиваний, ни шантажа. В других условиях получилась бы приятная беседа двух взрослых воспитанных людей, но этого не произошло. Говорила гостья, а я молчала.

— Не смотрите на меня как на посланца, пришедшего с объявлением войны. Возможно, Артём Константинович вызывает у вас опасение и неприязнь, но поверьте, он действует из лучших побуждений, проявляя беспокойство о семье. Как всякий любящий отец он не может оставаться в стороне и принимает посильное участие в судьбе сына.

Берите выше. Мелёшин-старший вызывает у меня панический страх. При упоминании его имени в голове переклинивает, и ноги подрываются бежать как можно дальше, чтобы зарыться как можно глубже.

— Мне понятны ваши чувства к Егору, и я не подвергаю их сомнению. Вы не имеете меркантильного интереса, и это радует. Думаю, предложение денежной компенсации за разрыв отношений с Егором прозвучало бы неуместно и оскорбительно.

Женщина замолчала, выдерживая паузу, во время которой мне следовало воскликнуть:

"Ой, вспомнила! Без Мэла не представляю жизни, но денежки важнее. За пару сотен тысяч с удовольствием верну обязательство".

Не дождавшись ответа, незнакомка продолжила:

— Я работаю с Артёмом Константиновичем долгое время и знаю Егора с десяти лет. Он хороший мальчик — настойчивый, целеустремленный, но его упорство имеет обратную сторону: прямолинейность, бескомпромиссность, резкость, вспыльчивость, неумение вовремя остановиться. Егору еще предстоит повзрослеть. Ни в коем случае не хочу очернить его в ваших глазах. Это выводы, основанные на многолетнем наблюдении, — добавила поспешно женщина, словно бы оправдываясь за случайно вырвавшиеся слова, но мне показалось, нужные фразы были заготовлены заранее, а речь выучена наизусть.

Если на то пошло, у меня тоже имеется вагон и маленькая тележка отрицательных черт характера. А тыканье в глаза упорностью Мэла ничего не даст. Еще поглядим, кто из нас упрямее — он или я.

Гостья заметила мой молчаливый скепсис касаясь ужасных недостатков парня.

— Егору повезло. Ваши чувства искренни и глубоки. Знаю, что последующие мои слова воспримутся как провокация или попытка давления, но поверьте, я желаю конфликта меньше всего. Позвольте поговорить с вами как женщина с женщиной.

Ага, задушевно поболтать за чашкой чая с печенюшками. Лучше сразу выпить яда, чем делиться сокровенным с доверенным лицом Мелёшина-старшего.

— Хочу обратиться к вам, Эва, и к вашей мудрости. В жизни каждого из нас возникают ситуации, когда приходится принимать решение и делать выбор ради человека, который... — незнакомка запнулась на долю секунды, специально или умышленно, и продолжила: — дорог нам, поскольку нет ничего важнее, чем его счастье и благополучие. Мы жертвуем — многим или всем — ради тех, кто значим для нас, и черпаем силы из своих чувств, чтобы жить дальше.

Хорошо сказано: патетически и с надрывом. Для пушного эффекта можно утереть набежавшую слезу или всхлипнуть. Не верится в искренность женщины, хотя она права. Кто для меня дорог? Мама и... Мэл.

— Обязательство, данное Егором, предполагает, что со временем ваши отношения перейдут на иной уровень, — сказала гостья многозначительно, и я поняла, что за недосказанностью подразумевался брак с парнем. — И если смотреть в будущее... Одна из функций семьи заключается в продолжении рода, в его процветании и в передаче детям и внукам накопленных знаний и опыта. А теперь перехожу непосредственно к сути визита.... Вы, Эва Карловна, родом из мест, где висорика считается чудом и волшебством.

Пусть ожидаемо, но все же неожиданно слышать из чужих уст завуалированное предупреждение: "Нам известно, что в тебе течет каторжанская кровь".

Она знает. Знает! И знает Мелёшин-старший, который провел инструктаж посланнице.

Было бы удивительно, если бы отец Мэла не знал. От него ничего не скроешь. Подробное досье давно лежит на столе, собранное лучшими детективами-профессионалами.

— Могу сказать, что вам повезло. Вы видите волны, хотя испытываете значительные затруднения при обращении с ними. Об этом говорят переводы по ВУЗам. Но, несмотря на доминирующую наследственность по отцовской линии, позволяющую вам с гордостью причислять себя к висоратству, рецессивные гены со стороны матери тоже оказывают влияние, и существует значительная вероятность того, что они проявятся в полной мере в последующих поколениях.

Маленькая поправка. Материнские гены пересилили, полностью вытеснив жиденскую наследственность моего отца.

Почему гостя не скажет о главном? Неужели Мелёшин-старший не прочитал заключение вис-экспертизы? То самое, в котором ровный ноль во всех строчках.

Или это особый стратегический ход? Трюк, призванный заманить в ловушку.

Пот течет по спине, отчего бросает, то в жар, то в холод. Надеюсь, мое лицо достаточно невозмутимо, и гостя не заметила, что ее козыри бьют в прямиком центр мишени. Нужно выглядеть нагло и самоуверенно.

— Наследственность трудно перебороть. Генетика — непредсказуемая наука. Может статься, что ребенок, которого вы подарите супругу, унаследует гены вашей матери. Егор, как человек ответственный, окружит его заботой и вниманием и не упрекнет вас ни в чем. Со своей стороны могу лишь просить, чтобы вы задумались о будущем своего ребенка. Нося одну из известнейших фамилий страны, он, тем не менее, не сможет прижиться в современном обществе и окажется изгоем. Социум висоратства станет для него чужеродной средой. Не забывайте и о Егоре. Его воспитывали и готовили к руководящей роли, внушали определенные ценности. С рождением невидящего ребенка на пути Егора возникнет непреодолимый барьер в становлении его как зрелой личности, а также в карьерном росте. Так что прошу вас быть дальновиднее. Не лишайте любимого человека высот, которых он может достичь.

Дефектный. Ущербный. Темноволосый смеющийся малыш из пророческого видения на самом деле будет недочеловеком для висоратов.

И Мэл — обозленный, уставший, измотанный. Обивающий пороги компаний и различных ведомств в безуспешной попытке найти работу. Вынужденный клепать улучшенные карандаши и перья за десять висоров в день, чтобы прокормить семью.

— Когда-нибудь вы познаете счастье материнства. Так подумайте о той, что дала жизнь Егору. По долгу работы я знакома с ней много лет. Это уважаемая в обществе леди, преданная супругу и семье. Какая мать не желает счастья своему ребенку? Знать, что ее сын не сможет самореализоваться, не разовьет потенциалы, данные ему по праву рождения — это постоянная боль любой матери, для которой её дети — гордость и отрада в жизни.

Гостя права. Для мамы Мэла будет ударом несостоявшийся как личность сын. Она возлагает на него надежды и ждет, что Мэл оправдает чаяния отца и всей семьи Мелёшиных.

— Ни в коем случае не настаиваю и не прошу немедленного ответа. Обдумайте, взвесьте и примите решение. Возможно, Егор не поймет ваших сомнений и страхов. Возможно, он постарается убедить в обратном. Помните: от вашего выбора зависит будущее человека, который вам небезразличен.

— Эва! Эва, что с тобой?

Что со мной? Всего-навсего мне открыли глаза. Просветили, напомнили о моем месте в висоратском мире. Чтобы не забывалась. И на том спасибо, что не ткнули грубо носом и не оскорбили, а вежливо указали, чтобы не пробовала равняться. А я и не пытаюсь. Куда нам, слепешарым?

Где эта женщина? Уже ушла?

— Что случилось, Эва? Не молчи!

Мэл — в куртке, только что с улицы — на корточках передо мной. Распахнутая настезь дверь.

А ведь я мечтала. Стыдно признаваться, но успела нафантазировать, представляя, какой

будет моя семья: я, Мэл и темноволосый малыш из пророчества.

Женщины умудряются мгновенно выдумывать и домысливать то, к чему совершенно нет повода. Подходит к концу всего лишь второй день, как мы с Мэлом вместе, и ни он, ни я не успели толком привыкнуть друг к другу, а воображение умудрилось настроить воздушные замки с идиллическими семейными картинками, заставив тут же поверить в них.

Упаси бог рассказать Мэлу. Он засмеёт. А если не засмеет, то будет неприятно поражен грандиозностью захватнических замыслов на его фамилию, потому что не заглядывал в наше общее будущее дальше завтрашнего дня.

Невыносимо стыдно — оттого, что я ожидала от разговора любой гадости, а не призыва к жертвенности и пониманию, и оттого, что слова госты легли на благодатную почву.

Внезапно захотелось обнять Мэла. Крепко.

— Вот и славно, — обнял он в ответ, и в его руках сразу стало уютно. — Я уж было испугался. Ты дрожишь. Что с тобой?

— Все нормально.

Привыкаю к нему. Привыкаю к защищенности и к тому, что Мэл разберется с любой проблемой. Срастаюсь с ним. Чувствую его беспокойство и страх.

— Ты пила капли?

— До поездки в переулок.

Мэл поднялся, налил в стакан воды из чайника. Отыскав среди бардака на тумбочке профессорский пузырек, накапал, по-моему, литр.

— На, — вложил в мою руку стакан, и пока я судорожно глотала, сбросил куртку и уселся рядом. — Что произошло?

— Ничего.

— Не обманывай. Я за километр чую. Эва, мы, кажется, договорились не скрывать друг от друга.

— Приходила одна женщина... — отозвалась после минутного молчания.

— Кто? — ухватился как гончая Мэл. — Когда?

— Недавно.

— Странно, я не видел. И? Она представилась?

— Нет... Приходила по поручению твоего отца...

— Черт! — подскочил как пружина Мэл и заходил по комнатухе. — Как она выглядела? Угрожала? Что сказала?

— Ничего особенного.

Мэл снова сел передо мной на корточки.

— Так и поверил! — Он наклонился ближе и потребовал тихо: — Эва, мне нужно знать, о чем вы говорили. Мы должны быть готовыми ко всему.

— Она упомянула о западном побережье, — прошептала на ухо парню. — И о том, что гуляю по ВУЗам.

— А об этом говорила? — сделав пальцами вилку, Мэл показал на свои глаза, и я поняла его.

— Нет. Почему-то считает, что у меня есть слабенькие способности, — объяснила шепотом.

— Та-ак, — потер подбородок Мэл. — Как она выглядела?

— Темные волосы, короткая стрижка. Высокая, стройная. Работает у твоего отца и знает тебя с десяти лет.

Мэл задумался на мгновение.

— Тисса. Больше никому. Она разговаривала вежливо?

— Да, конечно. Даже чересчур.

Во всяком случае, общалась как с дочерью министра, а не как с каторжанским отродьем с побережья.

— Тисса — поверенная моего отца. О чем еще шла речь?

— Больше ни о чем, — заверила его торопливо.

— Может, есть что-то, о чем я не догадываюсь? — прищурился парень. — Эва, не скрывай.

Я отрицательно помотала головой.

Не скажу. Мечты о детях — это блажь и девчачьи глупости. Как оказалось, серьезные глупости, могущие стать препятствием для будущего сановитого чиновника из известной семьи.

— Итак, теперь мы знаем о том, что отец знает, — сказал Мэл, поднимаясь с корточек. — Надеюсь, Тисса тебя не запугала? Пока что ей не удалось совершить революцию. При желании эти факты нетрудно раздобыть.

— Зато можно преподнести по-разному. Например, начать шумиху в газетах или на телевидении... А ты что здесь делаешь? Сдал лабораторку?

— Еще успею, — махнул он рукой. — А здесь, потому что звонил, если не помнишь. А кто-то взял и отключил телефон.

— А зачем звонил?

— Потому что ты опять сказала неправду. Ты ведь не собирала сумку?

Я опустила глаза.

— У меня начал вырабатываться нюх на твое привирание, причем даже на расстоянии, — ухмыльнулся парень. — Собирайся. Поедем.

— Куда?

— Как договаривались. Ко мне.

— Мэл... Егор... Может, не стоит?

Его тон сменился, став резким.

— Ты согласилась, так что готовь сумку.

После тяжелого вздоха начались сборы.

Визит поверенной Мелёшина-старшего выбил из колеи, и я растерялась, не представляя, что нужно брать с собой. Зубную щетку и пасту. Расческу. Полотенце... Словно на год уезжаю, не меньше.

Мэл расхаживал по комнате, пытаясь до кого-то дозвониться. Вынул полотенце из сумки и бросил на кровать, а мне помахал отрицательно, мол, не бери, этого добра с избытком.

В импровизированный рюкзак полетели пижама, купленное платье, кое-что из косметики и прочая мелочевка. Вдруг потребуется, а у Мэла нет? Подумав, я сунула туда же тетрадь с конспектами.

Наконец, абонент соединился, и парень, не отвлекаясь от разговора с ним, отвернул одеяло, взявшись перебирать упаковки с купленным бельем и, выбрав парочку, тоже бросил в сумку, а мне показал пальцами: "во!" Собеседник Мэла оказался общительным, но ответы парня выражались односложными фразами. "Средне", "так себе", "сносно", "как обычно"... Диалог ни о чем, хотя тон — приветливый.

Роясь среди беспорядка на тумбочке, я достала початую упаковку с саше — одну из тех, что купил Мэл в "Аптечном рае". На крышечке была нарисована женская фигурка, порхающая в хороводе с цветами. Предполагалось, что реальные женщины, воспользовавшись данным чудо-средством, могли беззаботно нежиться в мужских объятиях, не задумываясь о последствиях. Для меня же последствия, случись таковые, окажутся катастрофическими. Поверенная Мелёшина-старшего не знает о слепоте и не догадывается и о том, что вероятность передачи малышу моих генов еще более высока, чем в её представлении.

Задумавшись, я опомнилась, когда парень сложил телефон в карман куртки.

— Готова?

Я накинула куртку и шапку, Мэл подхватил сумку, и мы пошли. Вернее, поехали к нему домой.

Поездка по городу совершенно не отложилась в памяти. Прислонившись лбом к окну, я дышала на стекло и вырисовывала на запотевшем пятнышке абстрактные загогулины. Стирала кракозябры, размазывая пальцем, снова дышала и рисовала.

Мелёшин-старший не соизволил самолично встретиться со мной — это хорошо или плохо? И с умыслом выбрал женщину на роль посланника. Используй отец Мэла угрозы и шантаж, они возымели бы обратный эффект. Запугав меня, Мелёшин-старший настроил бы сына против себя, и тот в запальчивости наворотил бы дел. Нет, заботливый отец решил пойти другим путем и воспользовался помощью женщины, успевшей набить шишки на жизненном пути и давно снявшей розовые очки. Кто, как не она, поймет молодую, наивную девчонку, витающую в облаках? Той — юной и доверчивой — еще предстоит опуститься на землю и пережить боль разочарований и обид, крах надежд и несбывшихся желаний. Кто как не женщина нащупает, почувствует ту ниточку, за которую можно дернуть, потому что несколько лет назад сама была такой же провинциально-бесхитростной до одури?

Стыдно и неловко, что слова гостыи задели меня, поскольку оказались правдой. Я поверила — втайне, в глубине души, боясь признаться себе, — что наши отношения с Мэлом завершатся как в сказке. "Они жили счастливо и умерли в один день".

Не желаю нерожденному малышу участи невидящего. Он никогда не наденет дефенсор*, не получит достойного образования, лишится половины прав, полагающихся висоратам, перед ним закроются двери в заведения с вывесками при входе: "Только для V". Появившись на свет, ребенок автоматически пополнит ряды низшей касты в висоратском мире.

Еще не хочу, чтобы когда-нибудь Мэл обвинил меня в том, что я лишила его высот, которых он не достиг из-за слепого ребенка. Карьерная лестница парня обрушится на первой же ступеньке, не говоря о вышестоящих руководящих постах.

Женщина мимоходом сообщила, что знает о моей наполовину гнилой биографии, но решила, что я вижу волны, пусть и с грехом пополам. Почему? Ведь для Мелёшина-старшего нет преград и тайн, и известие о моей слепоте стало бы для него главным козырем. Как бы то ни было, не сегодня-завтра он докопается до истины и постарается выжать максимальную выгоду из полученной информации. Например, надумает шантажировать моего отца.

Мэл не стал заезжать в подземный гараж. Он оставил машину у подъезда и повел меня в фойе. Миновав немногословного Архипа, скупно кивнувшего нам и снова обратившего внимание на стойку, мы зашли в лифт. Мэл следил за цифрами, набиравшимися на счетчике этажей, и похлопывал ладонью по бедру.

— И все-таки, что она сказала тебе?

Значит, парня не обмануло старательно изображаемое мной простодушие.

— Ничего особенного, — повела я плечом.

— Ну-ну. Пришла, сообщила, что знает кое-какие подробности из биографии, и ушла, мило попрощавшись. Верится с трудом.

— Примерно так и было. В общих чертах.

Мэл глядел на меня и не верил, но не стал настаивать.

Счетчик остановился на цифре "18", и створки разъехались, выпуская в коридорчик. Мы прошли к двери слева от лифта, и вот она — квартира Мэла опять явилась перед глазами.

Оказывается, я — крайне нелогичная личность, неожиданно осознавшая, что соскучилась по кукурузным стенам, по панорамному окну, по кушетке у кадки под листьями-лопухами, по кухне и по ванной в светло-лавандовых тонах. Даже по высоким потолкам соскучилась, хотя раньше неправильные потолочные формы невыносимо раздражали.

Мэл зажег свет, поставил сумку у входа, но не спешил раздеваться.

— Эва, мне нужно уехать. Встречусь с одним человеком и вернусь. Здесь недалеко, так что не успеешь соскучиться.

Хорошенькая новость! А если пожалует сестрица Баста или нагрянут друзья Мэла? И куда он собрался? Для начала потрясет Тиссу и выбьет из нее содержание разговора или сразу помчится к Мелёшину-старшему и обвинит, не разбираясь?

Мэл не умеет вовремя останавливаться, — вспомнились слова гостыи, знавшей парня как облупленного.

— Егор, пожалуйста, не ссорься с отцом! Эта женщина действительно не угрожала и не шантажировала. Она... сказала, что в будущем мне придется тяжело из-за того, что моя мать — с побережья.

— Добрая заботливая Тисса, — хмыкнул с сомнением Мэл. — Не волнуйся, еду не к отцу. Ничего и никого не бойся. Делай что хочешь. Мой дом — твой дом.

— И соседей можно заливать? — спросила нервно.

— Можно, — кивнул он, рассмеявшись.

— А голой перед окном тоже можно разгуливать?

— Можно. Стекло с односторонней прозрачностью. Если надумаешь походить голышом — позвони. Расскажешь, а я послушаю. Не скучай, скоро буду.

Мэл подарил дежурный поцелуй в щеку и ушел. И ведь не показал, что озабочен, а я почувствовала.

С ума сойти. Осталась одна и хозяйничаю в квартире у Мэла.

Много пространства, много воздуха, но пустота над головой теперь не давила. Разве что стояла тишина, и оттого было немного зябко. Сюда бы часы с кукушкой или ходики, разбавляющие безмолвие монотонным "тик-так".

Я прогулялась, обойдя все уголки квартиры. Заглянула в ванную. Постояла перед дверью, которая вела в спальню Мэла, но не решилась открыть. Там зона личного пространства, так что без хозяина не войду.

Затрещкал телефон. "Мой Гошик" решил проверить, не сбежала ли гостыя обратно в швабровку.

— Ну как? Не страшно? — спросил парень. Судя по звукам из динамика, он ехал в машине.

— Ничего. Жить можно.

Трубка фыркнула.

— Сходи в душ или прими ванну. Опустоши холодильник. Надень что-нибудь кружевное и не забудь позвонить и рассказать, какое белье выбрала.

Блуждая по квартире, я отыскала выключатели и методом тыка отрегулировала освещение, оставив гореть лампу у окна и точечные светильники в кухонной зоне. В помещении стало гораздо уютнее. И почему мне не нравилось здесь раньше?

Затем проверила чистоту на кухне, проведя пальцем по столам, сияющим безукоризненностью, и перетрогала малопонятные кухонные агрегаты, призванные облегчать нелегкую жизнь столичного принца. Поиграла, поднимая и опуская шкафчики, болтающиеся в невесомости, и напоследок посетила с визитом район холодильника, чье содержимое стало бы местом обетованным для любого обжоры.

При взгляде на полки, забитые продуктами, я вспомнила, что не оставила Радику записку. Сидит, поди, и учит билеты с голодным и урчащим желудком. Плохо, что у парнишки нет телефона, а просить, к примеру, Аффу, чтобы та сходила к юноше, бесполезно. "Афочка, навести, пожалуйста, моего друга Радика и скажи: пусть не ждет ужина, потому что сегодня ночью у Мэла, который мой парень". Соседка и слушать не станет.

Ладно, теперь поздно метаться, раскаиваясь, а завтра что-нибудь придумаем. Возьму-ка бутылку сока с галетным печеньем и пойду к окну. Пока Мэл разъезжает с визитами, самое время вспомнить о предстоящем экзамене и попробовать выучить, сколько смогу.

Ножки кушетки проехали по полу с раздраженным скрежетом. Ух, не поцарапать бы покрытие!

Улегшись, я открыла тетрадь. Буду читать и ждать.

Читалось плохо. Совсем не читалось. Зато жевалось, пило бездумно и смотрелось окно. Вечерний город, распростершийся за стеклом гигантским горящим спрутом, напоминал парк аттракционов, в который я ходила на первом курсе, разве что масштаб зрелища был теперь несравнимо больше — сверкающие огни и непрерывное движение в полнейшей тишине благодаря хорошей звукоизоляции окна.

Где сейчас Мэл? Наверняка встретился со своим телефонным собеседником и возвращается домой, ругая на чем свет стоит, очередную автомобильную пробку. А может, его машина ползет вон в той нескончаемой речке золотых точек?

Решив укрыться, я не нашла нигде ни одеяла, ни захудалого покрывала. Повсюду в квартире царили стерильность и чистота, и почему-то не пахло Мэлом, его присутствием. Не было крошек на кухонном столе, оставленных парнем во время последнего завтрака или ужина. Не было грязной посуды в раковине. Не было рубашки, брошенной второпях на спинку кресла. Не валялась на диване начатая книга с загнутым уголком страницы, а конспекты, сваленные неряшливой стопкой, не занимали половину стола вместе с неоконченными рефератами по снадобьеварению.

В спальне нашлись бы и одеяло, и покрывало, но я так и не заглянула туда. Сняв куртку с вешалки и улегшись на кушетке, укрылась ею. Теперь гораздо лучше.

Телефон положила рядом на пол — вдруг позвонит Мэл, но не успела взяться за чтение конспектов, как мысли снова повернулись к монологу нежданной гостьи. Как ни крути, а ее слова верны. Слепой ребенок в известной висоратской семье — нонсенс. Скандал. Конечно же, я хочу счастья и для своего будущего дитятки, и для Мэла, и не хочу, чтобы его родители

страдали из-за того, что сын не оправдал надежд семьи.

Но ведь малыш появится на свет! Это предсказало пророческое око.

Вдруг отцом ребенка станет не Мэл, а кто-то другой? Вдруг мы с парнем вскоре расстанемся из-за разногласий, неуживчивых характеров и прочих неустрашимых противоречий? Нет, не хочу с другим! В моем сердце хватит места лишь для одного. И вообще, кто сказал, малыш из пророчества назовет меня мамой? Вдруг это племянник, которого я обрету, приехав на побережье? Или будущий сын подруги, например, Аффы, с которой мы когда-нибудь помиримся.

Дурацкое пророчество. Запутанное и туманное. Теперь и не упомяну, чьи руки — мужские или женские — подбрасывали темноволосого кроху в видении, и было ли кольцо на безымянном пальце.

Я пробудилась от внутреннего толчка. Оказывается, успела уснуть, сама того не заметив.

Лампа у окна сбавила яркость, голова покоилась на подушке, вместо куртки меня укрывало мягкое и легкое одеяло, а в кухонной зоне расхаживал Мэл и что-то делал на столе. Издали показалось, что он нарезал ножом.

Мэл приехал!

Я потянулась и села. Выяснилось, что проспала меньше часа, зато крепко и сладко, и не услышала, как вернулся хозяин. Он подошел к кушетке и сел рядом со мной.

— Проснулась? Держи, — протянул кружку.

Теплая фиолетовая жижа имела странный, чуть вяжущий вкус. Я сделала еще глоток. Необычная и непонятная мешанина ощущений осела на языке, но в целом сочетание было приятным.

— Что это?

— Зюмумба. Или музюмба. Не помню, — отмахнулся парень, а я хихикнула. — Какая разница?

— Не слышала о таком... о такой.

— Неудивительно. Этот образец выращен в экспериментальной лаборатории. Зять передал и рассказал, как приготовить.

— Ты готовил?!

— Ну, размять и взбить миксером сможет любой, — ответил с ноткой высокомерия Мэл. — Не скучала без меня?

— Неа. Учила и спала. А для чего разводят мумбу-юмбу? — поинтересовалась, отпивая из кружки.

— Чтобы отбить охоту заглядываться на других парней.... Шутка, — сказал он, посмеиваясь, увидев мое ошарашенное лицо. — В мумбе-юмбе полный комплект стопроцентно усваиваемых витаминов и минералов.

Мне нравилось, когда Мэл улыбался, и небритость не портила его, а наоборот, делала домашним, отчего стало тепло на душе. Он снова рядом — родной и любимый. Надежный. Мэл хороший. Разве может он быть плохим? У каждого из нас есть отрицательные черты характера, куда без них? Совершенных людей нет. Я сама — пузатая бочка недостатков.

Мэл заслуживает большего, чем слепая бездарная девчонка, но отпустить его мне не хватит сил. Пока мы вместе и пока я что-то значу в его жизни, буду хватать от наших отношений по максимуму, наслаждаясь каждой минутой, проведенной с Мэлом.

И почему накрутила сверх меры? О детях никто не говорит. Парень затарился

пакетиками на год вперед, так что младенцы нам не грозят, а что будет дальше — поглядим. В конце концов, любое обязательство имеет обратную силу, и если потребуется, заставлю Мэла забрать обещание ради его же блага.

— Значит, ты ездил к зятю? Удачно?

— Сносно, — увильнул он от ответа. — Эва, у меня к тебе серьезный разговор. Я сглотнул с самого начала... Это следовало сделать давно...

Пугающее вступление. О чем он?

— Черт, не умею говорить красивых фраз и вряд ли научусь... — Ладонь Мэла сжалась в кулак, и я неосознанно затаила дыхание, страшась услышать продолжение. Зажать, что ли, уши на всякий случай? — Поэтому не буду ходить вокруг да около. Прими от меня в знак серьезности намерений это кольцо.

Взор бессмысленно переключился на тонкий ободок из желтого металла, матово поблескивавший на его безымянном пальце.

Какое кольцо? Какие намерения?

Намерения — это не обязательства. Намерения — это жених и невеста. Это вместе по жизни рука об руку. Это дети. Это провальное будущее, спрогнозированное поверенной Мелёшина-старшего.

— Я не могу!

— Эва, послушай меня...

— Нет, нет и еще раз нет! — Разволновавшись, не заметила, как вскочила с кушетки, и ноги понесли меня по квартире — между диваном, креслами, между кухонными столами и опять к окну. Мэл шел по пятам.

— Эва...

— Нет! Это серьезный шаг, как ты не поймешь? Обратной дороги не будет! Ты подпишешь себе приговор!

Наконец парень загнал меня в угол.

— Это ты не понимаешь. Сядь! — надавил на плечо и принудительно усадил в кресло, нависнув сверху. — Еще вчера всё изменилось. Твой отец теперь министр, и я должен отвечать за то, что мы... в общем, отвечу за свои поступки.

— Один?

— Тоже хочешь? — усмехнулся Мэл. — Тогда прими кольцо.

— Не могу!

— Можешь, — заявил жестко Мэл. — Иначе усилия твоего отца пойдут прахом. Он много лет готовил платформу для своей карьеры, и одним из кирпичиков стала образцово-показательная дочка, скромная и неиспорченная. И что вышло в итоге? Наливное яблочко оказалось с приличной червоточиной. — Я задохнулась от возмущения, а Мэл пояснил: — Так скажет общество, осудив твое поведение, потому что со дня на день о нас узнают журналисты. Тебя назовут легкомысленной особой, разгуливающей по чужим постелям и разбивающей семейные союзы. Да, Эва, со стороны наши отношения выглядят именно так. Все решат, что ты явилась причиной моего расставания с Аксён... со Снегурочкой. Поэтому мне нужно защитить тебя, чтобы никто не посмел вякнуть ни слова. Это единственный выход. А пока что ты и твой отец находитесь под ударом.

В памяти всплыл прием и разговор с премьер-министром, отметившим мои мнимые достоинства и похвалившим отца за правильное воспитание дочери. Расчувствовавшийся Рубля завалил родителя приглашениями и мне пригрозил прислать билетик на важный

юбилей.

И что выяснится в итоге? Получится, папенька плохо воспитывал дочку. Старался, ремнем лупил, впроголодь держал, строжился, а дочурка-то притворялась, изображала из себя паиньку, а на самом деле оторважница. И тогда премьер рассвирепеет, и за обман и лицемерие свергнет отца в такую опалу, какой свет не видывал, а моя мечта о побережье сгорит синим пламенем.

— Он сам виноват! Зачем велел, чтобы я перебивалась, как смогу? — выплеснула обиду. — Вот и выжила, как сумела! Пусть пожинает плоды! Скажу ему, что содержишь меня.

— Я польщен, — ответил сухо Мэл, — но боюсь, выяснение отношений будет сейчас как мертвому припарка. Внутри семьи как-нибудь разберемся, но на виду у людей необходимо, чтобы комар носа не подточил.

— Неужели нельзя обойтись по-другому? — простила в отчаянии, пропустив мимо ушей фразу "внутри семьи разберемся". — Разве обязательства недостаточно?

— Кто о нем знает? Ты да я, потому что других свидетелей не было. А пусть бы и были, рты всем не закроешь, так что скандал на подходе. А Рубля бдит за приличиями, и знаешь, почему? Потому что это политика. В стране недопустима социальная напряженность. Простой народ должен верить, что перед законом едины все — и бедные, и богатые. И что деньги зарабатываются трудом, а не хапаньем и воровством. Представь, получил человек свои пять висов, пришел домой, а по телеку пьяные морды обливаются шампанским, хвастают цацками и спорят, у кого яхта дороже.

— По-моему, на приеме так и было.

— Ты преувеличиваешь. Конечно, богатые и популярные никуда не денутся, но они ведут себя на публике прилично и покрывают свои меха и яхты благотворительностью. Сунут подачку какому-нибудь питомнику животных или дому инвалидов, а потом весь год рассказывают журналистам. А для пьяных танцев и душа из шампанского есть закрытые заведения и мероприятия, например, тот же "Вулкано". Ладно, я отвлекся. Можешь упираться хоть до утра, но кольцо придется принять.

Неправильно получается. С ног на голову. Чем сильнее отпинаваюсь, тем крепче липнет. Почему нельзя жить проще, без обязательств и намерений?

Мэл вытянул меня из кресла, сел сам и посадил к себе на колени.

— Тебе не нравится, что не будет гостей и банкета? К нему начинают готовиться как минимум за полгода.

— Ой, нет! Какой банкет? — всплеснула рукой. Я в себя не могу прийти, а Мэл вообразил, что мне подавай размах.

— Может, предложил неправильно? И цветы не купил... Но шампанское мы обязательно выпьем.

— Мэл, а что скажут твои родители?

— Отец уже сказал через Тиссу. Теперь наш ход.

— Он возненавидит меня! Ты вручишь фамилию мне! Слепой! И у меня мать на побережье!

— Понимаю, Тисса тебя застрашала. В конце концов, поносишь колечко и снимешь, когда надоест, — сказал небрежно Мэл.

Я решила, что он уязвлен отказом. Не каждый день столичные принцы уговаривают девушек принять предложение, а те ломаются, даром что не представляют собой ничего

путевого.

— Мэл! Егор! Мне очень лестно...

— Что-то непохоже, — хмыкнул он, поглядывая на меня.

— Значит, когда страсти улягутся, я смогу вернуть кольцо обратно?

— Когда-нибудь ты снимешь его, — заверил Мэл с серьезным видом.

Я потрогала узкий желтый ободок, ощутив подушечкой пальца гладкий теплый металл.

Выглядит просто и без изысков.

— Значит, это твое? А мне казалось, ты обменялся с какой-то девушкой.

— Оно фамильное, но принадлежит мне. Если ты примешь его, ни у кого не останется сомнений, и никто не посмеет оскорбить тебя.

Я прилегла к Мэлу на грудь и провела рукой по заросшей щеке.

— Нравится? — спросил он.

— Очень.

— Заметил, — ухмыльнулся Мэл. — Но учти, перед сном побреюсь. Не привык. Мешается. Ну, так как?

— У нас всё очень быстро получается, не находишь? Стремительно. Может, мы ошибаемся? Вдруг это страсть, которая завянет через неделю?

— Есть такое. Стремительно, но мне нравится. Адреналинит. А насчет ошибок и страстей... В детстве у меня была мечта — радиоуправляемая гоночная машина. Знала бы ты, как я бредил ею: изучил все марки и модели, собирал наклейки, рисовал в альбомах, которые оставлял ненароком на видном месте, чтобы родители сообразили. Сейчас понимаю, что они посмеивались над наивными попытками, но, тем не менее, на день рождения получил то, о чем мечтал. Мне казалось, я умру от счастья. Но представь, через неделю игрушка осточертела. Я изучил ее возможности вдоль и поперек, и мне стало скучно.

— Ого, значит, ты с детства любишь гонять по трассе, — подцепила его.

— Да. Став старше, я переключился на настоящие машины. И опять сходил с ума, донимал отца, Севолода и деда, расписывая преимущества той или иной модели. В шестнадцать лет отец сделал мне права, хотя мать не соглашалась.

— Почему?

— Боялась. Нормальным людям права выдают, начиная с двадцати лет. Она думала, что я разобьюсь, и выступила категорически против машины. Отец послушал ее, и мне пришлось ждать до восемнадцати, пока не уломал родителей на "Турбу-100". Никогда не забуду её. Это на всю жизнь, наверное. Въелось под кожу. Что мы с ней вытворяли! Разве можно сравнивать машинку на батарейках и собственную ласточку? Ты выжимаешь лошадей, поворачиваешь руль, и она чувствует малейшее колебание. Она слышит мысли до того, как ты собираешься сделать движение. Ты сливаешься с ней и становишься единым целым!

Я слушала как зачарованная, открыв рот. Вот она, любовь Мэла. Машины.

— Потом были и другие тачки — каждая со своим характером и заморочками. Но все равно, сажусь за руль и каждый раз открываю новый мир... Так вот, к чему я рассказал... Так же и с девчонками. На иную смотришь, а она как радиоуправляемая машинка — скучная и неинтересная. Вроде бы красочная упаковка, а внутри ограниченный набор функций и полная предсказуемость. А с тобой не так. С тобой никогда не знаешь, что окажется за поворотом, и удастся ли вписаться в него.

— Да? — только и выдавила, обалдев от пространной речи парня. А ведь он открыл мне душу, пусть и своеобразно. Сравнил с машиной. Только он что-то путает. Какая же из меня

роковая тачка?

— Тупо, да? — взъерошил волосы Мэл. — Наверное, ты обиделась?

— Нет, что ты! — обняла его. — Просто я... у меня нет слов! Мне такого никто не говорил. Не боишься улететь в кювет?

— Нет. Итак, что с кольцом? Будем примерять?

Согласна ли я? Во-первых, не хочу отказываться от Мэла. Ни за какие коврижки. Во-вторых, мы и так шагнули достаточно далеко, чтобы идти на попятную. "Дочь министра экономики кувыркается в постели сына начальника Департамента правопорядка" — заголовки в прессе мерзки одними названиями, не говоря о начинке статей. Карьера нового министра экономики закатится, толком не начавшись, а мое будущее не состоится, несмотря на оптимистичные заверения пророческого ока. В-третьих, о детях пока умолчим — до окончания института будет не до них. В-четвертых и в самых главных, Мэл сказал, что я смогу вернуть кольцо.

— Согласна.

Мэл обхватил мои ладони своими и подышал, согревая дыханием. На немое удивление пояснил:

— Так надо. Сначала скажу я, а ты повторишь, что принимаешь. А потом молчи и не мешай... Я отдаю тебе это кольцо, по доброй воле и без принуждения. Прими и носи. — Он сделал знак глазами.

— Я принимаю это кольцо, по доброй воле и без принуждения, — повторила послушно.

Мэл забормотал какие-то слова на языке, непохожем на новолатинский, и начал стягивать украшения. На его виске напряглись вены. Парень говорил вполголоса, не останавливаясь, и продолжал снимать кольцо, пока с усилием не освободил безымянный палец, а затем взял мою руку. Желтый ободок пошел туго, и когда металл обхватил нижнюю фалангу, ее зажгло — чем дальше, тем сильнее. Я попыталась выдернуться, но Мэл не позволил и опять наговаривал абракадабру.

Боль разгоралась, распространяясь по пальцу. Расплавленный свинец потек по крови. Кусай не кусай губы, а сейчас закричу. В воду бы руку, а лучше в лед!

Мэл прижал меня, не давая вырваться, и шептал непонятную тарабарщину. Когда жжение спало, я подвывала тихонько, уткнувшись в его футболку.

— Все прошло, — погладил он по голове. — Молодец, справилась.

— Ты соврал! — попыталась оттолкнуть его. Слезы текли по щекам. — Что за чертовщина?

— Тише, — успокаивал Мэл. — Так и должно быть.

— Но почему-у?

— Кольцо приняло тебя.

— Оно, что, живо-ое?

Парень тихо рассмеялся.

— Оно фамильное. Раньше вещи наделяли ненужными ритуалами и заклинаниями, не несущими смысловой нагрузки, но призванными внушать страх и уважение. Так что в передаче колечка есть некоторые неудобства.

— Ничего себе неудобства! — помахала измученной рукой. — До кости прожгло.

— Это иллюзия. Мираж, — сказал Мэл. — Вставай. Пошли, обмоем.

До чего хорошо! И я чуть-чуть навеселе.

Мы сидим на одеяле, сброшенном на пол, и смотрим в окно на незасыпающий город.

Рядом открытая бутылка шампанского и два фужера с шипучим напитком.

Мэл обнимает меня, привалившуюся к нему спиной. Все-таки он побрился. И еще на его безымянном пальце остался след от кольца.

— Болит? — спрашиваю, поглаживая розовую вмятину на коже.

— Чуть-чуть. Со временем исчезнет. Как-никак восемь лет носил.

— Перешло по наследству?

— Да, от брата, — говорит коротко Мэл и делает большой глоток шампанского.

— Мэл... Егор, а какие они — волны?

— Обыкновенные.

— Они тебе не мешают? Мне казалось, что все, кто видит волны, раздвигают их, чтобы не путались под ногами. — Я скопировала движения пловца брассом.

Мэл улыбнулся.

— В целом не мешают. Да ты и сама знаешь, что частота волн напрямую связана с активностью Солнца.

— Это в учебниках написано. А как в жизни?

Мэл схватил пустоту и притянул невидимую волну.

— С заходом солнца их количество уменьшается, но незначительно. Вот эта течет из-за спинки дивана и уходит в противоположную стену, но я дернул, и пошло возмущение. Волна колеблется. Хочешь — накладывай её на звуковые волны, хочешь — вводи в резонанс со световым излучением, хочешь — завязывай узлами и ограничивай пространство. А если вырвать кусок волны, то высвобождается энергия.

— А рукам не больно?

— Нет. В зависимости от времени года волны бывают разными. То жесткие как металлические струны, то рыхлые как пряжа, то упругие как пружины. Часто из-за их нестабильности срываются заклинания.

— Как же так? А вдруг волна попадет тебе в глаз? Или в живот? И пройдет насквозь.

Мэл рассмеялся.

— Как правило, они обтекают движущиеся объекты.

— А вообще? Не раздражают?

— Привык не замечать. И другие не обращают внимание. А как ты приспособилась?

— Не знаю. Быстро сообразила, что к чему, копировала жесты, слова, чтобы не выделяться.

Мэл разжал пальцы, отпуская пустоту.

— Волна стремится к первоначальному положению, и со временем возмущение утихнет. — Он потянулся влево и привлек невидимую волну, а затем другой рукой притянул волну справа. — Вот, зажми, — переложил невидимые волны в мои кулаки.

Я походила на пьяного кучера, который проснулся утром в конюшне в соломе, а руки по памяти сжимают вожжи.

— Я их держу?

— Держишь, — кивнул Мэл. — Волны натянуты, и началось возмущение. Их можно связать, оторвать, закрутить, сжать, растянуть. Можно работать с одной волной, но тогда результат не так эффектен. Чем больше волн, тем больше заклинание, но и отдача потом сильнее. Чтобы оно получилось, нельзя ошибиться. Самое малое — если тебя обольет водой или обожжет. А может долбануть током. Что сделаем с ними? — его ладони легли на кулаки, сжимающие невидимые волны.

Честное слово, я ощущала себя полной дурой. Из ничего получить что-то!

— Не знаю... Что хочешь.

— Ладно.

Мэл управлял моими руками как кукловод марионеткой.

— Смотри... Из левой руки перекладываем в правую... Теперь их две... Второй свободной рукой притягиваем ту же волну, которую отдали — получается петля. Просовываем в нее сжатые волны и затягиваем... Крепче!

Мэл рассмеялся и опустил руки.

— Что? — спросила я, замерев в нелепой позе.

— Упустили. Давай снова.

И снова парень водил моими руками, растягивая, завязывая и разрывая, пока в раскрывшейся ладони не появился крошечный кривокосый розовый огонек — мой первый *gelide candi**. Он не обжигал, не морозил и колебался в воздухе как пламя свечи.

— А-ах! — только и воскликнула я от переполнявших меня чувств.

Мы смотрели на огонек до тех пор, пока он не побледнел, уменьшившись в размерах, а потом и вовсе растворился в воздухе.

Мэл поцеловал меня в щеку.

— Пошли спать.

— Ты здесь ночуешь? — замерла я у входа, не решаясь пройти дальше.

Комната выглядела пустой за исключением подиума посередине, на котором возвышалась огромная кровать, а в головах занимало ромбовидную нишу окно. По левой стене спальни тянулось зеркало. И опять над головой навис скошенный потолок, и ввергла в состояние робости белоснежность обстановки. Разве что пол, выложенный плашками, да кремовое постельное белье разбавляли медицинскую стерильность.

Мэл, снимая на ходу футболку, швырнул ее в изголовье кровати и, раздвинув дверцы встроенного шкафа, достал оттуда майку.

— Эва, проходи, — кивнул приглашающе. — На диване спать не будешь. Не надейся.

Присев на краешек кровати, я покачалась.

— Здорово пружинит.

— На досках не сплю. Устраивайся пока. Я скоро вернусь.

Мэл подхватил футболку и вышел, а я с размаху завалилась на атласное стеганое покрывало и раскинула руки. Вспомнив о кольце, поднесла ладонь к глазам.

Подарок Мэла прочно закрепился на безымянном пальце — не провернуть и не снять. Кожа вокруг слегка припухла и отзывалась легкой ноющей болью, если надавливать сильнее.

Теперь я при цацках, как говорили у нас в интернате. На правой руке — подарок Некты, а на левой — фамильное кольцо Мэла. Обычное, ничем не примечательное. Ни вязи старинных символов, ни вспыхивающих на ободке таинственных знаков. И, по-моему, даже не золотое. Может, медное? Говорят, изделия из меди имеют красноватый отлив.

Невероятно. Мэл предложил, и я согласилась. Наверное, подсознательно очень хотела и поэтому посопротивлялась для виду, наплевав на отговорки и увещевания совести. В конце концов, если потребуется, верну кольцо парню, а пока мы официально — пара. Крепче не бывает. Жених и невеста. Тьфу, до чего неловко звучит, но в груди щеотно, а на душе волнительно и тревожно.

Мэл не приходил, и мне стало скучно. Вскочив, я походила по спальне и полюбовалась

отражением в зеркале, облаченным в пижамку, под которой прятался черный кружевной комплект. А потом ноги подвели меня к дверцам мало заметного шкафа-купе, сливавшегося со стеной.

Я прислушалась, хотя напрягай слух или не напрягай — все равно ничего не слышно, — и воровато раздвинула створки. Мэл не поступил бы так. Он порядочный и никогда не станет лазить по чужим вещам и нагло вторгаться в личное пространство. А я непорядочная, потому что захотела взглянуть, как живет столичный принц. Мой принц.

Костюмы в ряд — штук пятнадцать, не менее — серые, черные, темно-синие. Даже пижонский белый есть, причем с жилеткой. И галстуков — не перечить. Интересно, Мэл покупает их сам, или ему дарят, к примеру, мама или сестра? Стопки рубашек заняли три полки, да еще на плечиках висит уйма наглаженных, и рядом свитера, пуловеры, джемперы, ветровки — и каждая вещь на отдельной вешалке. Вот аккуратист! Кто ему гладит? А кто стирает? Домработница? Носки занимают отдельную корзину. Не удивлюсь, если они тоже отутюжены и со стрелками.

Полки, полки, полки... Футболки, майки, тенниски... Внизу на подставке — начищенные до блеска ботинки и туфли разных цветов и фасонов, кроссовки... Внезапно захотелось заплакать от идеального порядка в шкафу. Вот и первое несовпадение в характерах. Мэл — чистоплюй, в отличие от меня. У него все вещи лежат каждая на своем месте — опять же, в отличие от моего условного порядка в швабровке.

Дверцы шкафа раздраженно захлопнулись, и я, отогнув край одеяла, забралась на кровать. Зеркало ответило мне насупленной и недовольной физиономией. И с какой же стороны любит спать Мэл? Наверняка только с правой. И встает по утрам с одной и той же ноги, иначе весь день окажется насмарку. Ладно, пусть спит, как любит, — передвинулась на левую сторону огромной кровати. Кстати, очень мягкий матрас, и подушка тоже удобная, нежесткая, и одеяло воздушное. Конечно, изнеженные принцы спят только на пуховых перинах, обмахиваемые опахалами, а придворный сказочник каждый раз рассказывает на сон грядущий новую небылицу, иначе голова с плеч, — полилось из меня раздражение.

Мэл пришел, запрыгнул на кровать и забрался под одеяло. Обнял — теплый, даже горячий.

— Не спишь? — уткнулся носом в шею.

— Ммм... — пробормотала, сделав вид, что еще чуть-чуть, и захрапела бы.

— Спи. Сон полезен, — он выпростал из-под одеяла мою руку с колечком и погладил ладошку. Потянулся к изголовью, и спальня погрузилась во мрак, а Мэл снова обнял меня. — Спокойной ночи, Эва.

Недовольство выветрилось как облачко, и я поцеловала руку парня:

— Спокойной ночи.

— Пожелай еще раз, — сказал он на ухо, и от его голоса по телу пробежали мурашки, и перехватило дыхание.

И я обернулась и пожелала.

В камине горели, потрескивая, дрова — настоящие, как и огонь. Хозяин кабинета не любил иллюзии.

Полено щелкнуло, и огненный уголек, отлетев, ударился о каминную решетку. Капля смолы потекла по торцу полена и сгорела голубой вспышкой.

Обстановка комнаты, обставленной с изысканной роскошью, кричала о немалой

состоятельности владельца, который сидел в глубоком кресле у камина и, положив руки на подлокотники, рассматривал янтарное содержимое бокала на просвет огня.

— Егор ездил к Семуту, — сказал гость, стоявший у окна. Отдернув штору, он смотрел в темноту за окном, держа в одной руке аналогичный бокал с напитком, а вторую засунул в карман брюк.

Оба — и хозяин, и гость — несмотря на поздний час, были в костюмах и при галстуках, и обоим связывала та неуловимая схожесть, которая бывает обычно между близкими родственниками. Разве что волосы сидящего в кресле давно посеребрила седина, а лицо и руки испещрила сетка мелких морщин, но в целом и профили мужчин, и жесты, и манера общения были одинаковыми.

— Неужто малец сам рассказал? Не похоже на него, — хозяин отпил из бокала. — Или твои оперативно работают?

— Семут позвонил. Егор попросил его о конфиденциальном разговоре. Могу только догадываться, о чем была беседа.

— Не узнаю тебя. Подозрительное спокойствие, — поддел седовласый. — Хотя о чем это я? Ты же перестраховщик. Наверняка за унитазом мальчика стоит новый "жучок".

— Уже не стоит, — ответил, не отвлекаясь от окна, гость. — Твой малец с завидной регулярностью вычищает квартиру. Столько техники загубил — хоть плачь.

— Наша кровь! — похвалил старший мужчина, показав в сдержанной улыбке ровные крепкие зубы. — И правильно делает. Дай ему пожить спокойно и не заглядывай в штаны каждую минуту. Он давно вырос.

— Ее мать с побережья.

— Мда... Удивил так удивил, — отозвался хозяин спустя минуту. — А Влашек-то каков! Оказывается, крутил интрижки по молодости. На ее происхождение можно закрыть глаза, если польза от союза перевесит недостатки. Радует, что девчонка пошла в папашу.

— Да, она висоратка. Потенциалы есть, но слабые. Вис-экспертиза в порядке, — заверил гость.

— А фамилия?

— Папена.

— Не помню таких. Из каторжных или из поздних?

— Среди уголовных нет. Всё прошерстили. Так что нужно искать по ссыльным.

— Первых поселенцев заставляли принудительно менять фамилии, а многие сменили и имена, — сказал седовласый. — Георгий видел эти списки. Жаль, участия не принимал.

Да, первый комендант побережья не забыл бы необычную фамилию, благо до сих пор находился в трезвом уме и прекрасной памяти, но в то время его перебросили на обустройство охранного периметра.

— Списки есть и хранятся в архиве Первого департамента, — пояснил гость и, насмотревшись в окно, устроился в кресле напротив хозяина. — Но Кузьма погладиться не дает и затаился из-за проверок, жук.

— Поспрашивай ненавязчиво его людишек. Может, кто-нибудь слышал.

— Знаю, — ответил раздраженно собеседник. — Уже приступили.

— Чем тебя Влашек не устраивает?

— Он из новых. Не люблю их.

— А сам-то из каких? — усмехнулся хозяин. — Забыл об инъекции?

— Наш род — не чета ему, — парировал гость самодовольно.

— Зато его жена с фамильным приданым. Хорошо бы раскопать настоящую фамилию девчонки. Заинтересовал ты меня. Я знавал многих из тех, кого ссылали. Среди них было немало достойных людей.

— Зачем? У меня своя игра. Без дочери Влашека.

— Потому что ты не знал о ней. Зачем Аксёнкина в расчет брал — не пойму. Ни рыба, ни мясо. За ним ничего нет, и никто не прикроет. А за Влашеком деньги и немалые.

— Деньги у финансистов.

— Пускай. А кто Рубле напевает в уши о круговороте денежных средств и об инвестициях? Так что будь гибче и уступи своим принципам. Сейчас Влашек в фаворе.

— Сейчас — да, — согласился гость, — а через три месяца? Не угодит и поедет на север зад морозить.

— Такие как Влашек не рухнут. Он за Рафикова всю работу тянул, так что опыт есть.

Собеседник хозяина скривился.

— Что еще не так? — спросил седовласый, наблюдая за ним с прищуром.

— Рубля меня тоже беспокоит. Чем-то ему приглянулась дочь Влашека. А тут Егор дорогу перебежал и все карты спугал. Неизвестно, как Рубля отреагирует на его прыть. Ясно, что не погладит по шерстке.

— Переживем. Не впервой. А Влашека можно взять за жабры. Что ни говори, а малец держит ухо востро, — заметил хозяин. — Обскакал всех и поймал жирную рыбку.

— Чтобы скакать да девок портить, особого ума не надо. Пусть покажет, на что годится, — заметил гость, отпив из бокала. — Поступит как мужчина — поговорим на равных. А если опять за ним придется расхлебывать — значит, незрелый сопляк.

gelide candi*, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

18. Коготь Дьявола

Сумрак укрывает, окутывает мягкой шалью. Толстые стволы, обломанные сучковатые ветви, кроны шумят в поднебесье, переговариваясь с ветром. Пахнет сыростью и свежестью недавнего дождя. Капли дрожат на листьях, паутина сверкает бриллиантовой россыпью на отяжелевших нитях.

Страха больше нет. Здесь меня не обидят, по мне скучали. Лес принял давно и бесповоротно: обнял мощными еловыми лапами, спрятал в густом малиннике, запутал следы между молодых осин, трепещущих серебристыми листьями-монетками.

Хозяин удивлен. Он напрасно прождал и оттого разочарован. Он хочет удостовериться.

Лес впитывает его недоумение, злость, гнев, растерянность, радость.

— -

Хозяин срывается с места, чтобы настигнуть и наказать за дерзость гостью, вновь посмевшую появиться в его владениях, но останавливается.

Самочка выглядывает из-за ближайшего дерева и осторожно переступает по упругому влажному мху, стараясь не шуметь. Она испугана, но ровно настолько, чтобы почуять интерес другого рода. И срывается на бег. Мелькает между деревьев, оборачивается, дразнит, увлекает. Бегунья не догадывается, что в их игре победит лишь один, но выигрыш достанется не ей.

Хозяин не выпустит самочку из своих владений. Он заслужил компенсацию, прождав впустую две бесконечных ночи. Умело уводя от границы, он гонит долгожданную гостью

вглубь леса. Хозяин чувствует, что она утомлена. Ее кожа горяча, а сердце колотится быстрее стрекота встревоженной сороки. Шалунья готова повернуть назад и сдаться на его милость, но в какой-то миг неловко спотыкается, и лес отпускает её. Ненадолго.

Хозяин доволен. Он не сомневается, что самочка вернется.

Одежда душит, стягивает петлей. Жалкие тряпочки — содрать их, разорвать. Может, станет легче?

Не стало. Тело горит. Пылает. Жар идет изнутри.

Нечем дышать.

Кто это напротив? Темная фигура смотрит на меня узкими черными полосками в янтаре. Облизывает высохшие губы. Наклоняет голову и проводит рукой по шее, копируя мои движения.

Ноет каждая клеточка. Жажда терзает и ставит на колени, порабощая. Как унять её?

Есть цель, а средство — рядом. Его вдохи едва различимы и размеренны.

— Ммм... Эва... — бормочет он сонно. — Эва? — и дыхание учащается. — Да, Эва...

— Эва, твой телефон...

Какой телефон? Утренний сон в разгаре, еще спать и спать.

— Играет и не затыкается, — пробормотал Мэл, накрываясь с головой одеялом.

Ничего не слышу. Кое-как поднялась, накинула пижамную рубашку на голое тело и побрела в зал как лунатик. Где же аппарат? Не помню, куда положила — в сумку или в куртку.

Тихое треньканье напомнило, где вчера позабыли беднягу, а уже через минуту сонливость точно ветром сдуло.

— Мэл! — залетела я в спальню и ринулась на кровать. — Мэл, просыпайся!

Парень выбрался из-под одеяла и при этом выглядел так, будто ночью разгрузил целый состав, не меньше.

— Ну? — спросил с закрытыми глазами.

— Отец прислал сообщение! Назначает встречу... — посмотрела на запястье, — через час! Боже мой! — вскочила и заметалась, собирая раскиданную одежду.

Мэл потер шею и сладко зевнул:

— И что им всем не спится с утра? Звук отключи. Нервирует.

— Как? Я вообще не знала, что "Прима" может принимать сообщения, — швырнула пиликающий телефон на одеяло и побежала в ванную наводить марафет. Руки дрожали, и мне так и не удалось накрасить ресницы. Плевать на искусственную красоту, буду довольствоваться естественной.

Выскочив из ванной, бросилась к сумке, чтобы достать платье. Хорошо, что оно немнущееся, а то я, разнервничавшись, подпалила бы утюгом ткань или обожглась бы сама.

Мэл приплелся на кухню и, упав на стол, нажимал кнопки в телефоне.

— Твоя "Прима" может принимать и отправлять сообщения. У тебя стоял дозвон до прочтения, — сообщил, потирая глаза спросонья.

Я понеслась в спальню на поиски колготок, которые умудрились запропасться в большой квартире Мэла.

— Отец указал адрес. Где это? — крикнула оттуда.

— Пятнадцать минут ходу на машине, — зевнул Мэл и потянулся. — Не бойсь, успеем.

Мне бы его гранитное спокойствие. Все эти дни я ждала, что родитель даст знать о себе,

и все же сообщение явилось как гром среди ясного утра.

Парень ушел в ванную, а я в спешке наводила последние штрихи. Из-за трясушки сломала ноготь, и пришлось срочно подравнивать его и подпиливать. На левой руке тускло блеснул желтый ободок. За ночь припухлость прошла, и колечко с натугой провернулось на пальце. Тонкое, незатейливое — ни камешков, ни прочей инкрустации. Зато фамильное.

Мэл! Вчера! Надел мне кольцо!

В утреннем свете на меня напала паника. Что мы наделали! Что я натворила! Как могла согласиться на авантюру? О серьезных намерениях Мэла узнает его родня, узнает Мелёшин-старший. Ой, что будет!

Торопливо выпив сборный коктейль — капли, сироп, порошок из саше — я метнулась укладывать сумку. Парень деловито прошагал в спальню и вскоре вернулся одетым для выхода в люди.

— Зачем таскать туда-сюда? — спросил, наблюдая за вещами, бросаемыми в спешке. — Отбери необходимое, а остальное оставь здесь. Потом еще привезем.

— Ой, Мэл... Егор, нужно сообразить, что брать, а что не брать, а у меня сейчас голова не варит.

Но хотя извилины и закручивались с трудом из-за предстоящей встречи, воображение живо нарисовало две зубные щетки в стакане и мое белье на одной полке с одеждой парня. Зря Мэл великодушно предложил, он еще не догадывается о моей неряшливости.

Хозяин хлопал дверцей холодильника и щелкал кнопками кухонных агрегатов, те пикали в ответ и тихо шуршали, работая.

— Эва, не суепись. Успеем. Иди завтракать.

— Не хочу, — отказалась нервно.

— А надо. Иди сюда.

Пришлось подчиниться. Я торопливо схватила с тарелки бутерброд и откусила большой кусок.

— Фусно, — промычала с набитым ртом. — Тофе саф котофил?

— Сам разморозил, — сказал Мэл, изучая мое платье, точнее, его длину. Я машинально одернула пониже, но все равно колени остались открытыми.

И вообще, парень разглядывал меня задумчиво, прищутив глаз... внимательно, что ли? Как будто я утаила от него нечто важное, и он знал и ждал, когда наберусь смелости признаться.

Ничего похожего за собой не чувствовала, поэтому суматошно зажевала второй бутерброд и, чтобы не подавиться, запила большим глотком кофе из кружки Мэла.

И в лифте он меня разглядывал, а я нервничала, во-первых, из-за свидания с отцом, во-вторых, из-за того, что кольцо вдруг стало непомерно тяжелым, а в-третьих, из-за пристального внимания парня. Может, при белом свете он увидел мою невзрачность в подробностях и осознал, что совершил ошибку, заявив о намерениях?

Уставившись в пол, я судорожно вспоминала заготовленные для отца фразы, неоднократно отрепетированные в мыслях. Усядусь нога на ногу напротив родителя и буду вести себя независимо и уверенно. Мной теперь чревато помыкать, потому что я давно не ребенок, а взрослый человек, связанный обязательствами.

Ой, кольцо! — снова понесло меня в дебри паники. Фамильное украшение и наверняка очень ценное — на руке у беспородной девчонки и к тому же слепой.

— Что тебе снилось ночью? — спросил Мэл, прервав молчание, когда машина вырулила

на проспект. Парень затемнил стекла "Эклипса" из-за снега, слепящего глаза.

Я наморщила лоб.

— Не помню. Это важно?

— А мне кое-что приснилось. Но теперь не уверен, был ли это сон или явь.

Он оттянул ворот джемпера, показав два темных продольных пятна на шее у ключицы.

— И с другой стороны то же самое, — сказал Мэл. — А на спине вот так, — на секунду отняв руки от руля, продемонстрировал, как кошка съезжает по шторе.

О чем он? Какие царапины? Какие засосы? Ничего не помню. Перед глазами черный квадрат.

— Я не могла, — пробормотала, чувствуя, как запыхало лицо. — Это не я.

— А кто же еще? — ухмыльнулся Мэл, следя за дорогой.

В голове замелькали смутные отрывочные образы, и в памяти мало-помалу вырисовался знакомый сон о лесе и последствия сновидения — на грани животной потребности, грубые и агрессивные.

Батюшки, неужели это вытворяла я?

Лес снится к переменам, сказала Аффа. Перемены в моей жизни не хотят заканчиваться, но какое отношение имеет к ним хозяин леса, неизменно присутствующий в спящем сознании? Мне вспомнилось ночное кокетливое заигрывание второго "я". Сновидение можно истолковать и по-другому. Во сне моя проекция, поняв, что хозяин чащобы не обидит, отбросила боязнь и начала искушать его — наивно и безыскусно, и подсознанию до дрожи понравилось ответное "да", пронесшееся призывным рыком над опушкой.

Что со мной? Может, мне снятся нереализованные фантазии, и пора записываться на прием к психиатру? Хватит. Пора обсудить ненормальность, ставшую закономерной, со Стопятнадцатым или с профессором, но завуалированно, потому что стыдно рассказывать подробности, когда мужчины станут расспрашивать. В особенности будет неловко перед Альриком.

Зато последствия необъяснимой ночной необузданности испытал на себе Мэл.

— Очень больно? — спросила, смущенно потупившись.

— Терпимо.

Непонятно, то ли Мэл посмеивался, то ли поморщился.

Ох, позорище.

Зазвонил телефон, и на экране высветилось: "Петя". Мой теперь уже окончательно и бесповоротно бывший парень наконец-то соизволил объявиться на третий день после фееричного боя с Танкером Громобоем и не менее фееричной драки с ранеными и погибшими в подвале "Вулкано".

— Привет, Эва, — поздоровался чемпион хриплым, точно простуженным голосом. — Как ты? И где?

— Ничего, нормально, — покосилась на Мэла, поворачивавшего машину направо. — Собираюсь на экзамен.

— Это хорошо. А я возвращаюсь домой. Приведу себя в порядок и тоже попробую сдать, если получится.

— Значит, тебя только что выпустили? — удивилась, позабыв о нервозности, и Мэл оглянулся на восклик.

— Да, родители внесли залог. Эва, мы могли бы поговорить?

— Петя, мне некогда, — ответила взвинченно. — При случае встретимся.

— Конечно, — согласился он покорно. — Прости, Эва. Я виноват.

— Ладно-ладно. Пока, — попрощалась торопливо и рассоединилась с ним.

Мэл промолчал и, как ни странно, не стал выносить резолюцию по поводу разговора со спортсменом.

Неожиданно "Эклипс" затормозил у кромки тротуара. Водитель выскочил в незастегнутой куртке, не глуша двигатель, и забежал в небольшой павильон, а через минуту в моих руках очутился роскошный букет миниатюрных роз — темно-бордовых с голубоватыми прожилками и бахромой. Мэл поцеловал меня в щеку.

— С-пасибо, — пролепетала я, зарываясь носом в розы и вдыхая восхитительный цветочный аромат. — За что?

— Восполняю вчерашнее упущение.

— Ой, это человечки? — вгляделась в крошечные блестящие штучки, выскакивающие из сердцевины бутонов и юркающие обратно, едва взгляд сосредотачивался на них. — Не пойму. Шарики, что ли?

— Иллюзии. А какие, догадайся сама, — улыбнулся Мэл.

Наверное, он хотел, чтобы я отвлеклась и перестала без конца дергать собачку на замке, норовя оторвать её с мясом от куртки.

— Вы и раньше договаривались с помощью сообщений? — спросил Мэл, поглядывая в зеркала заднего вида, когда машина тронулась дальше.

— Раньше у меня не было телефона. Обычно отец извещал через кураторов-посредников, или я сама звонила, и он назначал место встречи.

Попытки уследить за скачущими микроскопическими штуковинами немного расслабили меня, и напряжение ослабло.

Мэл остановил машину у обочины и опять не стал застегивать куртку.

— Чуток припоздали, — сказал, помогая выйти из "Эклипса". За ночь похолодало, и щеки обдало морозцем, заставившим меня поежиться. Погода, побаловав затяжным потеплением, щелкнула по носу, напомнив, что зима, пусть и бесснежная, еще не закончилась.

— Простудишься. — Я нервно сдвинула полы куртки Мэла.

— Заботишься? — улыбнулся он. — Над тротуаром теплый пояс. Пошли.

В противовес невозмутимости парня меня начало потряхивать.

Отец назначил встречу на неширокой улочке, опоясанной непримечательными зданиями, на фасадах которых прикрепились вразброс крошечные балкончики. Искомое заведение выглядело скромно и не выделялось среди стеклянных витрин первых этажей, разве что значок "V" на двери указывал на претензии к избранности посетителей. Чересчур консервативно. Сейчас не принято демонстрировать открыто разделение общества на висоратов и слепых. Даже в "Инновации" не было таблички, хотя вряд ли кто-нибудь из невидящих решился посетить элитное столичное кафе.

При входе нас встретил распорядитель — рослый мужчина с выпяченной нижней губой и несуразным носом, словно бы склеенным из папье-маше.

— Мне... нам назначено, — пояснила я нервно, запоздало обратив внимание, что прихватила букет с собой.

— Попрошу отвести машину в предназначенное для стоянки место, — объявил чопорно распорядитель.

— Куда? До ближайшего знака триста метров, — возмутился Мэл.

— Прошу отвести колесное средство, в противном случае полосу освободят эвакуатором, — занудел распорядитель, оттопырив губу, и потянулся к оранжевой кнопке вызова, видимо, предназначенной для вредных посетителей вроде моего парня.

Мэл чертыхнулся.

— Эва, я сейчас, — крикнул и бросился к машине. Скоро от цветов останутся голые прутики, если не прекращу беспокойно постукивать букетом по ноге.

— Вас ждут, — распорядитель с важным видом указал направление, взмахнув рукой.

— А... э-э... со мной молодой человек, — показала я на дверь. "Эклипс" исчез из виду.

— Вижу и прошу, — настаивал губастый.

От выхода меня перехватили двое мужчин в черных костюмах, с одинаково бесстрастными лицами и квадратными подбородками, но не стали обыскивать. Что-то новенькое. Раньше папенька не задействовал телохранителей, предпочитая приезжать на встречи в одиночку.

Один "шкаф" впереди, другой за спиной — проводили меня в угол небольшого зала, пустовавшего утренней порой, к шторам из черного стекляруса. Занавесь отодвинулась, шурша, и я очутилась за пустым столом напротив отца. Родитель не стал снимать плащ, за расстегнутыми полами которого виднелся строгий деловой костюм. Значит, разговор будет скоротечным и неприятным.

— П-привет, — облизнула нервно губы и выложила букет на стол, потому что цветы мешали незаметно терзать ногти под столом.

Родитель взглянул на измученные розы и швырнул мне свернутую газету. Рулончик оказался толстым — сразу видно, что политические новости и грязные сплетни утрамбовались в тесном соседстве на ста страницах.

Руки дрожали, и взгляд разъезжался, пока не сфокусировался и заметил в углу газетной полосы два статичных цветных снимка. Несмотря на отвратительное качество съемки, действующие лица были узнаваемы, по крайней мере, для меня. На одной из фотографий я стояла у "Эклипса", а темноволосый парень в куртке с меховой опушкой наклонился ко мне, обнимая. Я тоже тянулась к своему спутнику, и у читателей не оставалось ни грамма сомнений, что мы вот-вот поцелуемся. Из-за того, что парень наклонился, его лицо было невозможно разобрать, как и номер автомобиля, выпавший из объектива фотокамеры. Где сделан снимок? У банка? У "Инновации"? Уж и не вспомню, где это могло случиться. На втором снимке я шла под руку с тем же темноволосым незнакомцем и весело смеялась. Только сейчас мне было совсем не смешно. И опять моего спутника сфотографировали с таким расчетом, что он повернулся в профиль, но тоже улыбался и нес в другой руке сине-желтую сумку. Мы шли по бесснежному тротуару, а значит, дело происходило в центре, но мне не приходило на ум, где. Подпись под фотографиями выглядела цивилизованно, и я выдохнула от невольного облегчения. "Кто загадочный избранник дочери министра экономики К.С. Влашека, взорвавшей своим появлением ежегодный прием "Лица года"?" — вопрошал неизвестный папарацци.

Знали они всё, эти фотографы и репортеры, но выбрали нужные снимки, чтобы развить интригу и разжечь интерес обывателей. А может, издатели газеты воспользовались помощью услужливого анонима, подбросившего готовые фотографии? Например, Мелёшин-старший мог оказать бескорыстную поддержку отечественной прессе.

— Восьмая полоса, — сказал коротко отец, и я сглотнула. — Пока что не разворот и не

первая страница. Мелкий кегль без заголовка и статьи. Но завтра снимки напечатают во всех изданиях. Итак?

От меня ждали объяснений. Что сказать? Пожалуй, начну с того, что напомним родителю о телефонных оскорблениях в лаборатории профессора. Можно откровенничать, не таясь, потому что шторы улавливают и обрезают звуки вне зоны разговора. Отец всегда перестраховывается.

Во рту пересохло. "Да, папа, я живу, как ты посоветовал. Зарабатываю тем, что умею делать, а именно прыгаю по чужим кроватям".

Неожиданно штора раздвинулась, и рядом на стул шумно плюхнулся Мэл. Товарищ с квадратным подбородком замер позади, приготовившись по первому зову скрутить наглеца в каральку.

— Он со мной, — объяснила родителю, и собственный голос показался трусливым и слабым. Прокхыкавшись, я придала интонации твердость: — Мы вместе.

Отец кивнул, и шторы сомкнулись за удалившимся громилой, а Мэл вдруг привстал и протянул руку, сверкнув улыбкой во все тридцать два:

— Здравствуйте, Карол Сигизмундович! Для меня большая честь познакомиться с вами. Я Егор. Мой отец — Артём Константинович Мелёшин.

Несколько секунд папенька созерцал протянутую руку, но всё-таки пожал в ответ, нахмурившись еще больше, отчего на лице стали видны следы усталости и недосыпа, поначалу незамеченные мной из-за взвинченности. А Мэл разошелся. Он приобнял меня с довольным видом, и его взгляд упал на газету.

— Карол Сигизмундович, поясню без долгого предисловия. На фотографиях Эва и я, — сообщил родителю в лоб. — Извиняюсь за бестактное поведение и пусть с некоторым опозданием, но прошу у вас руки вашей дочери. В знак серьезности намерений я преподнес ей небольшой подарок как залог наших отношений.

Некоторое время отец осмысливал фразу, как и я. Он моментально сообразил, что тип, тискающий его дочь на скандальных фотографиях, оказался сыном начальника Департамента правопорядка. И этот тип сидел напротив с самоуверенным видом, осмелившись просить руки дочери министра экономики. Мэл попросил моей руки?!

Родитель буравил взглядом то меня, то Мэла поочередно, и постукивал пальцами по столешнице. Конечно же, он не поверил во внезапную пылкость чувств парня. Вероятнее всего в голове папеньки проносились следующие мысли: Мелёшин-старший пронюхал, что дочь нового министра экономики — слепая, и решил шантажировать обнаруженной сенсацией, для чего не погнушался привлечь сына. Но зачем тогда фарс с предложением руки и сердца? Ради чего жертвовать наследником? А ради того, что если жить дружно и без угроз, то Влашек будет стараться и тянуть лямку изо всех сил. Дочь — засохший ломоть, безмозглый и с грязной биографией, но, неожиданно выяснилось, что и в нее можно вкладывать инвестиции. Начальник Департамента правопорядка в качестве потенциального родственника — это не тят-ляп. Это сила и прикрытие. Это новая коалиция в правительстве, диктующая свои условия. Только вот каковы размеры щедрости Мелёшина-старшего? Неужто он решится положить свою фамилию на брачный алтарь ради безродной неприметной девчонки? И почему действует через сына, вместо того, чтобы назначить встречу тет-а-тет и поговорить начистоту?

Словом, я практически воочию видела, как в голове родителя крутились с бешеной скоростью шестеренки. Он ни на миг не поверил Мэлу и испугался, почувствовав себя

жирной рыбиной на крючке. Отцу было проще избавиться от проблемной дочери навечно. Вдобавок актуальность моего существования оказалась под сомнением из-за возникшего нездорового интереса премьер-министра к семейству Влашеков.

— Странный у вас подход к делу, молодой человек, — высказался, наконец, папенька. — Ответственные решения не принимаются спонтанно, под влиянием момента.

— Видите ли, Карол Сигизмундович, симпатия между мной и Эвой возникла давно, но мы объяснились лишь на прошлой неделе, поэтому на "Лицах года" оказались не вместе. Однако я не принял от Эвы отказа и с радостью помог ей в подготовке к приему, — выдал Мэл как по писаному.

Ишь лисяра! Хитрый и речистый, — невольно восхитившись, я с благодарностью улыбнулась парню, а он в ответ сжал мою руку под столом. Мэл вовремя ввернул о средствах, потраченных на подготовку к "Лицам года", и, таким образом, покрыл мои нечестные делишки. По крайней мере, отца перестанут раздирать подозрения относительно источника доходов.

Родитель сделал вид, что не заметил тонкой шпильки в свой адрес. Как же так: доченька не соизволила известить родного отца о приглашении на прием и предпочла навести светский лоск с помощью кредитных карточек какого-то парня, или, говоря прямо, за деньги Мелёшина-старшего. Двусмысленная ситуация, что ни говори.

— Моя дочь доверчива и обладает широтой души, делаясь ею без остатка, — выдал папенька неожиданную похвалу, от которой у меня поднялись домиком брови, и без перехода напал на Мэла: — Поэтому заявление об искренности и серьезности намерений вызывает сомнения. Родители в курсе ваших планов?

Иными словами, вскрывай карты, мелкий интриган, потому что игра шита белыми нитками. Не верю в безумную любовь к серой крыске. Разве в такое можно втрескаться по самое не хочу? Здесь возможен лишь деловой интерес, то есть министр экономики как цель, и его дочь как способ добраться до неё. А может, девчонку запугали? Велели сидеть тихо, кивать, отвечать "да" на все вопросы и уверять во взаимных чувствах к парню, соизмеримых разве что с цунами высотой с десятиэтажный дом.

— Понимаю ваше недоверие, — ответил Мэл, лучезарно улыбаясь. — Родители знают. Эва, будь добра, покажи Каролу Сигизмундовичу подтверждение серьезности моих намерений.

Я неохотно положила на стол руку с подарком парня. Отец сперва посмотрел бесстрастно на незатейливое украшеньице — кольцо и кольцо, что в нем особенного? — а потом заинтересовался и, взяв мои пальцы, потер ободок.

— Что-то знакомое, — сказал, вглядываясь. — *Ungis Diavoli**, если не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь, — кивнул Мэл.

Родитель в задумчивости водил пальцем по тусклому металлу. Унгис... Унгис диаволи... коготь... дьявол... Фамильное кольцо Мэла — Коготь Дьявола! И что с того? Мне ни о чем не говорило это название, в отличие от отца, поглядывавшего теперь на Мэла с гораздо меньшей враждебностью. Черт, в атласе уникальных раритетов, пролистанном в институтской библиотеке, не упоминалось об этом *Ungis Diavoli*.

— Оно не терпит женщин, — сказал папенька.

— Эва — опекун кольца. Оно будет ждать, пока не придет время. Такое бывало, — объяснил Мэл.

Сплошные загадки, причем мой парень и родитель говорили на одном языке в отличие

от меня, ничего не понявшей из короткого диалога. Мне бы возмутиться и постучать кулаком по столу, требуя объяснений, но я поняла, что лучше сидеть и улыбаться как безмозглая куколка, делая вид, что чрезвычайно рада счастью, оказанному Мэлом.

Какой опекун? Разве кольцо можно опекать? Охранять, чтобы не отобрали ненароком? Ух, Мэл, останемся вдвоем, я тебе покажу!

Губы родителя тронула едва заметная улыбка и тут же пропала. Или злая гримаса?

— Насчет снимков, — сказал парень. — Позвольте ли, Карол Сигизмундович, во избежание недоразумений поставить прессу в известность? Со своей стороны приложу все усилия, чтобы свести к минимуму внимание журналистов к вашей частной жизни. В этом есть резон и для меня, поскольку не хочу, чтобы любопытные лезли в наши с Эвой отношения.

Отец не ответил. Он жевал губу, размышляя.

Наверняка думал о новых обстоятельствах, выявившихся в связи с вручением дочери фамильного кольца древнего рода. Думал о том, знает ли сидящий напротив мальчишка, что невзрачная избранница слепа, и что отсутствие способностей передалось ей от матери — ссыльной с побережья. Думал о том, устроить ли мне несчастный случай или самоубийство, и как можно быстрее. Думал о том, придется ли тратиться на банкет и прочие официальные церемонии, сопутствующие обручению. Думал о том, как ему вести себя с Мелёшиным-старшим: игнорировать, выжидая, когда тот сделает первый ход, или поговорить напрямик, чтобы не мучиться бессонницей?

При Мэле родитель не решился затевать семейную разборку и унижать меня словесными оскорблениями. В поддержке парня есть несомненный плюс, — воодушевилась я.

— Также хочу заверить, что беру на себя полную ответственность перед Леонисимом Рикардовичем и сделаю все возможное и невозможное, чтобы убедить его в серьезности моих намерений к Эве, — сказал Мэл.

И где он научился выражаться мудро и без запинки? Прирожденный оратор.

— Хорошо, — выдал папенька после долгого молчания, мучительного для меня. — Сроку на всё — двое суток. О дальнейших шагах сообщу, — и поднялся, давая понять, что разговор окончен. Отец подал руку Мэлу, и они обменялись рукопожатием, после чего родитель вышел из импровизированного закутка, и между стеклярусными шторками, заходившими ходуном, я разглядела телохранителей, проследовавших с папенькой к выходу.

Он ушел! А я жива и невредима! И мне не угрожали, а общались на равных!

Ладно, если быть честной, отец общался, в основном, с Мэлом, а я сидела в качестве бесплатного приложения, из-за которого приключилась заварушка.

— Вот видишь, — заулыбался Мэл, снова захватив в плен мою руку, — а ты боялась.

— Итак, — вытянула ее и прижала к груди. — Сейчас ты объяснишь, кого я должна опекать, и что это за кольцо.

— Эва, — парень соорудил жалостливую физиономию, — может, поговорим потом? Нам пора на экзамен. Добраться бы до двенадцати в институт.

Он юлил, как пить дать, и что-то скрывал.

— Мне экзамен не грозит, так что рассказывай, — потребовала, скрестив руки на груди. — С самого начала и не увиливай. Мэл, это же не шутки! Сам говорил, что мы не должны скрывать друг от друга.

— Тогда ты не приняла бы кольцо, — вздохнул парень, и сердце захолонуло от

тревожного предчувствия.

Собственно, интуиция не подвела. Правильно сердечко забилося с перебоями.

Оказалось, что несколько веков назад, в эпоху истребления человечества от войн, болезней и прочего лиха, род Мелёшиных, вернее, их далеких пра-пра-пра-пра-предков оказался на грани исчезновения не только из-за междоусобиц с соседями, но и по причине распрей в клане. И тогда старейшина, собрав всех оставшихся в живых членов семьи, потребовал принести клятву верности, а затем скрепил её, взяв у каждого из родственников помалу крови, в которой и закалил кольцо, доставшееся ему от прадеда. С тех пор артефакт передавался в поколениях по старшинству, а остальные члены семьи могли хоть поубивать друг друга, но причинить вред носителю кольца не могли, иначе им грозила быстрая и ужасная смерть. Таким образом, старейшина, изобретший ритуал, избавил клан от вымирания. Ниточка протянулась через века, хотя временами была тоньше волосинки.

— При чем здесь опекунство?

— Женщины не могут носить кольцо. Оно не принимает их — сваливается, теряется. Оно спит. Но в некоторых случаях Ungis Diavoli можно надеть. Поэтому вчера я читал заклинание предка и уговаривал кольцо принять тебя.

— Я должна охранять его? — спросила сердито, взбудоражившись рассказом.

— Нет. Хотя да. То есть будешь жить-поживать, не задумываясь о ноше, пока не передашь кольцо следующему по старшинству в моей ветви рода.

— Кому это? — спросила с подозрением. Кто может быть младше Мэла?

Старший сын старшего сына. У начальника Департамента правопорядка был сын... Глеб, кажется. Он погиб, и теперь единственный сын, не считая сестры, — Мэл. Значит, следующим примерит кольцо сын Мэла.

Сын Мэла!

— Да ты! — вскочила я и села. — Как ты мог! Почему ты? — снова вскочила и опустилась на стул. — То есть я и ты? Значит, мы с тобой?

От нахлынувшего гнева дыхание срывалось, и окончания фраз съедались.

— Как ты мог? — только и повторяла без конца. — Как ты мог?

— Успокойся, Эва, — парень попытался обнять меня. — Мы выкрутились лучше некуда.

— Успокоиться?! — воскликнула я и понизила голос до шепота, хотя в предосторожности не было нужды. Стеглярус тихо колыхался, сворачивая звуки, и не выпускал их за пределы закутка. — Знаешь, что сказала вчерашняя тетка? Ребенок будет невидящим! Мэл, твой сын может родиться слепым! Дегенератом!

Лицо парня застыло.

— Не путай понятия, — сказал он отрывисто. — Я вижу, у меня оба родителя видят. У тебя отец видит, а мать — нет. Итого семьдесят пять из ста. Никаких проблем.

— О! — застонала я. Легкомысленному товарищу бесполезно объяснять и доказывать. — Хочу снять его! — попыталась стянуть кольцо. — По доброй воле возвращаю тебе!

— Его можно надеть единожды, — ответил Мэл. — Мой прадед носил, потом дед, а после него отец. Затем носил брат. Теперь я отдал тебе, а ты передашь кольцо дальше.

— Твой отец убьет меня! — сдирала подарок чуть не плача. Напрасно. Засело крепко — не снять. — Я хочу отдать его! Неужели некому?

— Почему же, — посмотрел на меня Мэл. — Следующий по старшинству Севолод, за

ним наследует Вадим. И кольцо уйдет по другой ветви.

Парень, усыновленный Севолодом. Я вспомнила мерзкую улыбочку кузена Мэла, когда тот лапал горничную, и приостановила раздирание пальца в кровь.

— Значит, ты готова отдать кольцо? — спросил Мэл, криво ухмыльнувшись. — Этому козлу, который и рядом не стоял с нашей семьей? Который жрет, ср*т и пользуется благами, прикрываясь нашей фамилией? Беги, передавай. Он с радостью примет.

Я устало откинулась на спинку стула. Ну, что за невозможный человек этот Мэл! Почему сразу не рассказал правду о кольце? А если бы сказал, то совесть никогда не позволила бы мне подставить палец — это верно как дважды два.

— Послушай, Эва, — опустил парень на корточки и поцеловал мою раскрытую ладонь, а я обессиленно смотрела на него. — Всё будет хорошо.

— Что хорошего? А если через месяц мы надоедим друг другу? Что тогда?

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Спасибо, утешил. И от шампанского спиваются.

— А если... если родится не сын, а дочь? Пять девочек! Или шесть! Или семь!

Абстрактные дети множились как на дрожжах, и Мэл рассмеялся.

— Мы будем стараться. Эва, пойми, свет не сошелся клином на кольцо. Останься брат в живых, оно никогда не перешло бы ко мне. Не цепляйся за кусок металла. Мы выбили право быть вместе, а остальное — неважно. Если наскучим — отдохнем друг от друга и поглядим, как быть дальше. И уж если совсем станет невмоготу, то разойдемся. Но ты всегда сможешь отдать кольцо следующему по моей ветви рода.

— Это как? — поинтересовалась ревниво.

— Вокруг много женщин... Какая-нибудь да согласится продолжить фамилию Мелёшиных.

Ну уж нет. Пока что нет. Не отдам.

— Не сомневался в тебе, — сказал парень, посмеиваясь. Мамочки, неужели сорвалось с языка?

— Мэл... Конечно, рано говорить об этом, — промямлила, будучи пойманной с поличным, — но если случится так... Если мы с тобой...

— Заделаем ребенка? — обрубил он невнятное беканье, как всегда грубо и прямолинейно.

— Если он все-таки родится слепым, что тогда? Этот мир не примет его.

Мэл посмотрел в окно.

— Значит, мы изменим для него мир.

Выяснилось, что Мэл припарковал автомобиль за ближайшим перекрестком. Теплый пояс тянулся вдоль витрин, в которых отражалось вылезшее из-за крыш солнце — веселое и задорное.

— Вот мы с тобой сейчас идем, а нас, возможно, фотографируют, — оглянулась я назад, прижимая потрепанные розы к груди, но не заметила подозрительных машин, следующих по пятам, равно как и крадущихся типов с фотокамерами и прижимающихся к стенам домов.

— Привыкай к публичности, — сказал Мэл, обняв меня за талию. — Уже не будет как прежде. Не гарантирую, что о нас полностью забудут, так что изредка фотографии станут появляться в прессе.

Не хочу, чтобы мою жизнь выставляли напоказ. Такое впечатление, будто за мной, почти поцеловавшейся с Мэлом на снимке, наблюдала вся страна.

— Но ведь Иванов, который распорядитель у премьер-министра... Рубля запретил ему писать обо мне и другим не разрешил.

— Ну и что? Всегда найдется тот, кто захочет укунить и погреть руки на сенсации, пусть ему потом заткнут рот. Главное — твякнуть.

— Может, твой отец передал фотографии в газету? — спросила и испугалась. Вдруг Мэлу неприятно, что я обвинила Мелёшина-старшего в некрасивом поступке?

Однако парень не стал возмущаться.

— Вряд ли это он. Ему невыгодно трепать нашу фамилию в прессе. Отцу не нужны скандалы, чтобы не усугублять проблемы на работе. Скорей всего, за нами следили репортеры.

Мэл усадил меня в машину, припаркованную за углом на перекрестке, и завел двигатель.

— Пусть прогреется.

Теперь и обнять парня нельзя, не оглянувшись по сторонам, а целовать можно только в "Эклипсе" с затемненными стеклами, хотя не я уверена, стоит ли. Вдруг после сегодняшней ночной выходки Мэл отнесется с опаской к проявлению мной нежных чувств? Елки-палки, до чего неловко получилось с расцарапанной спиной.

— Ты сказал, что родители знают о твоих намерениях, — поспешно переключилась на другую тему. — И мама тоже?

— И мама. Я сообщил об обязательстве, которое дал, но о кольце пока что не успел сказать.

— Она сильно тебя ругала? — любопытствовала смущенно. Упоминание о маме Мэла вызвало у меня необъяснимую робость.

— Она вообще не повышает голоса. Не бойся, Эва, отобьемся, — поддержал улыбкой парень.

— А сестра?

Мэл фыркнул.

— Надо будет, узнает. Я перед ней не отчитываюсь.

Представляю, что скажет Баста. Она — девчонка откровенная и за словом в карман не полезет.

Когда машина тронулась, мысли снова вернулись к встрече с отцом.

В газете написали, что я произвела впечатление на приеме. Приятно, что ни говори. Зато теперь журналисты посмотрят на волшебное превращение из красавицы в лягушку и тут же присвоят мне первое место в рейтинге "Пугало года".

И отец удивил. Можно сказать, поразил. Опрокинул навзничь немногословностью и сдержанным спокойствием. Непонятно, удовлетворился он разговором с Мэлом или нет, по мимике папеньки невозможно было что-либо распознать. И то хорошо, что родитель не цедил слова с презрением и не смотрел уничижительно сверху вниз.

— Я думала, он будет ругаться и топтать ногами. Или наорет. Или его амбалы уведут меня в машину — и поминай как звали, — выдвинула альтернативные версии встречи. Как-никак не каждый день проблемная дочь приходит под ручку с видным парнем, который вполне серьезно просит ее руки. Тут любой папаша упал бы со стула с инфарктом, а что говорить о моем родителе?

— Твой отец — хладнокровный стратег и отличный дипломат и быстро сориентировался, просчитав все ходы, — поделился наблюдением Мэл. — Он не стал бы

кричать и ругаться при мне. Но и не поверил, когда я сказал о нашей симпатии.

— И не спросил, известно ли тебе о моей слепоте и о маме на побережье.

— Как ты представляешь этот разговор? "Молодой человек, вы в курсе, что моя дочь притворяется висораткой?" — спрашивает он, и у меня вытягивается лицо: "Нет. Караул! Меня обманули!". И понесется песня. Так что твой отец во время встречи ломал голову над тем, знаю ли я. Но кольцо его успокоило.

— Почему?

— Потому что теперь неважно, известно мне или нет, известно ли моему отцу и прочим родственникам. Ungis Diavoli не позволит причинить тебе вред. Вдобавок стопроцентно гарантированно, что фамильный раритет получит твой ребенок, то есть внук моего отца. — Я вспыхнула, а Мэл улыбнулся. — Поэтому моей родне придется принять тебя, чтобы не потерять Коготь Дьявола. Поверь, это немаловажный стимул для налаживания контакта.

Хорошо или плохо, что невзрачное фамильное колечко оказалось средством своеобразного шантажа семейства Мелёшиных? Родственники Мэла будут натягивать вымученные улыбки на лица, здороваясь со мной. А в чем, собственно, моя вина? Дали бы мне и Егору разобраться в наших отношениях без постороннего вмешательства, и не пришлось бы идти на крайние меры.

— Знаешь, что странно? Отца словно бы не озаботило мое появление на "Лицах года". Почему он тянул до сегодняшнего утра?

— Ну-у... После драки в "Вулкано" Рубля создал специальную комиссию по расследованию. Заседания идут одно за другим и при закрытых дверях. Мой отец днюет и ночует в Доме правительства, как и твой. В верхах вскрылись факты коррупции, и сейчас начались капитальные чистки. По идее, если ворует, то не наглей и делись с остальными. А когда от своих же хоронятся, это непорядок. Рубля готов растерзать всех и вся за предательство. И не забудь, твой отец теперь министр. Если уж мой иногда говорит, что ему не хватает двадцати четырех часов в сутках, то что говорить о твоём?

Стало быть, папуля, определившись с приоритетами, участвовал в разборках верхушки, утрясал дела, связанные с назначением и принимал вахту у бывшего министра. А может быть, в спешке наводил порядок в бумагах и подчищал следы, могущие указать на его чиновничью нечистоплотность. Представляю, сколько взяток он успел отвалить заинтересованным лицам, чтобы неустанно переводить меня из ВУЗа в ВУЗ. Если родителя заподозрят и выведут на чистую воду, семейство Влашеков наверняка отправят закаляться на север. Так что я — проблема второстепенная, а на повестке дня — угроза опалы премьер-министра.

Интересно, Рубля отменил запланированный на вчера званый обед, или немногочисленные гости давились блюдами под подозрительным оком премьера и выслушивали грозные речи в адрес зарвавшихся коррупционеров?

Но если Рубля пышет праведным гневом на неблагодарных, присосавшихся к кормушке, сможет ли Мэл убедить его в искренности своих намерений? Случайно попадет под горячую руку и получит от высокого руководителя на орехи ни за что ни про что.

Воображение галопом нарисовало, как Рубля сидит на троне и придумывает виноватым жестокие способы казни, почесывая скипетром затылок, а тут об аудиенции просит парнишка и начинает нести чушь о великой любви. Я бы на месте премьера не стерпела. Страна встала на колени из-за взяточничества, а для кого-то, видите ли, важнее личные интересы и серьезные намерения о браке.

— А если ты не попадешь к Рубле? Или он тебя до кучи... покарает? — распереживалась я.

— Попаду, и не покарает, — успокоил Мэл, поцеловав мою ладошку.

Его бы устами да медок пить. Тревожно на сердце, но успокаивает и согревает жарче огня сегодняшнее заявление парня. "Прошу руки вашей дочери"... Упасть и не встать. Моей руки попросил сам Егор Мелёшин — парень, который не прогнулся ни перед одной девчонкой. Понятно, что сватовство — часть плана, направленного на задабривание родителя, и все-таки не каждый день столичные принцы просят руки — моей, а не Снегурочки и не Эльзушки! Налицо невероятность, сравнимая по величине с встречей с динозавром.

Я покосилась на Мэла, сосредоточившего внимание на дороге. Когда зашел разговор о детях, вернее, начались мои истеричные выкрики, парень совершенно не удивился, как если бы предвидел, что тема будет когда-нибудь затронута. Неужто Мэл, так же как и я, задумался о результате, к которому могут привести наши отношения?

А мой спутник точно почувствовал направление мыслей.

— Значит, Тисса давила на жалость? — спросил, глянув мельком на меня. — Специально преувеличила и все-таки запугала.

Я промолчала. Что тут скажешь? Страх появления на свет слепого ребенка будет преследовать меня постоянно, как и угрызания совести о дальнейшей судьбе Мэла и малыша. А ведь парень мог посмеяться над мечтами, которые поверенная Мелёшина-старшего придавила к земле реальной жизнью, поэтому спокойствие Егора и его твердая уверенность в нашем общем будущем пролились бальзамом на растравленную терзаниями душу.

По дороге к институту мы заехали в химчистку за обновленной шубкой. Мэл предложил торжественно похоронить куртку в ближайшем мусорном баке, но я отказалась. Вдруг еще пригодится? Наверное, подсознательно цеплялась за прошлое, в котором изношенная одежда провела в скитаниях со мной несколько лет.

Внимание снова переключилось на кольцо, ставшее страховкой в отношениях с Мэлом. Коготь Дьявола на моей руке станет предостережением для родни парня, вздумай они навредить мне. Кстати, каков принцип работы артефакта?

— Кто-нибудь проверял силу кольца?

— Хочешь знать, убивало ли оно злодеев в нашем клане, осмелившихся поднять руку на кровных родственников? — уточнил Мэл. — Байки гуляют, но опровергнуть заклятие, лежащее на кольце, желающих нет.

— А как Коготь Дьявола догадывается о кознях? Читает мысли?

— Наиболее вероятное объяснение — связь магии крови, в которой закалили кольцо, со всеми здравствующими потомками рода. Чтобы изучить артефакт тщательнее, нужно отдавать в лабораторию, а мы предпочитаем не афишировать фамильные раритеты.

"Мы" в устах парня означало клан Мелёшиных.

— Но я же не твоя родственница. Значит, оно не поможет мне? — поинтересовалась с заминкой, потому что вопрос прозвучал как заочное обвинение семьи Мэла в грязных умыслах.

— Кольцо защищает хозяина вне зависимости от принадлежности к нашему роду, — ответил парень, не оскорбившись на намек.

Я покрутила подарок Мэла. В машине с затемненными стеклами кольцо отливало зеленым и опять удивило простотой формы. Разве оно похоже на коготь? В моем понимании

этим прозвищем следовало наделить перстень в виде орлиного когтя или медвежьего — длинного, острого и внушающего страх. А на моем пальце красовалось обычное колечко. Да уж, крайне неподходящее название для старинного раритета.

— А почему Коготь Дьявола?

— Рассказать официальную версию или наиболее вероятную?

— Обе!

Если мне предстоит опекать подарок Мэла, хочу знать о происхождении кольца, пусть история и окажется приукрашенной.

— Согласно семейной легенде один из далеких предков, странствуя и воюя, попал случайно в горный край, где будто бы якшался с гномами, и те подарили ему кольцо. То ли людская молва переврала, то ли далекий пра-пра-прадед сам был не прочь потрепать языком, но поговаривали, что гномы отлили кольцо из когтя зверя, порожденного геенной огненной и обитающего в глубине гор.

— Гномы? — переспросила я, развеселившись. — Ну-ну. Прикольнo. А правдоподобная версия какова?

— Далекий прадед выиграл безделушку в кости не то у воришки, не то у азартного игрока, спустившего наследство по ветру. Всего-то делов. Зато название у кольца здоровское, правда?

— И не говори, — согласилась с нервным смешком. — Получается, женщины в вашем роду носили Коготь Дьявола?

— Да были такие случаи, — кивнул Мэл. — Не волнуйся, оно не причинит беспокойства.

И правда, носи и носи без печали, не уставая. Но Мелёшин-старший не простит мне фамильного кольца.

Ungis Diavoli*, Унгис Дьяволи (перевод с новолат.) — Коготь Дьявола

19. Встречи, расставанья

Я категорически отказалась идти на экзамен, но Мэл настоял.

— Преподаватель посчитает отсутствие без причины неуважением к себе и к предмету. Потом замучаешься ходить на пересдачи.

— А сидеть с пустыми глазами перед преподавом уважительно?

— Возьмешь билет, а там посмотрим, вдруг тебе повезет?

— Сомневаюсь, — возразила я и потюкала по макушке для демонстрации: — Когда в голове ничего нет, то удача не поможет. Должно случиться чудо. Например, преподаватель упадет в глубокий обморок от твоего замечательного ответа, и экзамен перенесут. Или вспомнит, что не закрыл кран с горячей водой, и помчится домой проверять. Или у него неожиданно отшибёт память. Чудес не бывает. Представь, дочь министра получит "неуд". Скандал! Караул! Теперь и чихнуть нельзя без утайки, как через минуту все узнают.

— Собирайся. Пойдем, — заявил безапелляционно Мэл, выслушав монолог безнадежной тупицы, и мне пришлось подчиниться с недовольным видом. Подкрашивая губы, я вдруг вспомнила, как Изабелка наводила марафет перед поездкой в "Инновацию", и прихорашивание блондинки подействовало на меня тогда как красная тряпка на быка.

Мэл привычно протянул руку, помогая выйти из машины, и привычно забросил мою сумку на плечо. Букет остался на сиденье.

— А как же ты? — озаботило меня отсутствие у парня не только конспектов по

предмету, но и элементарного пера. — Успел подготовиться?

— Кое-что осталось в голове и не выветрилось, — отозвался Мэл.

Успокоил, ничего не скажешь. И я тоже хороша. Мало того, что стану двоечницей, за мной и столичный принц скатится в пропасть неуспеваемости. А ведь на его счету имеется одна неудача — несданный экзамен по символистике.

Я старательно игнорировала любопытные взгляды, благо студентов, разгуливающих около института и в холле, попало немного. Счастливики, получившие заслуженные оценки, спешили удрать из альма-матер, а прочий народ толпился возле аудиторий и потел перед экзаменаторами.

Теперь мне стало понятно, почему особы, утомленные и пресыщенные назойливым вниманием, смотрели пустым взором сквозь зевак. Надменность и высокомерно задранный подбородок — типичная защитная реакция на чужой навязчивый интерес.

Может быть, и я когда-нибудь научусь равнодушию и перестану различать знакомые и незнакомые лица, а пока что на глаза попался короткий ершик светлых волос, чей обладатель склонился над тетрадью, пристроившись на краешке постамента под боком у Списуила. Радик!

Удачный момент для успокоения совести. Поговорю с парнишкой и извинюсь за пустые заверения о совместных трапезах.

Едва Мэл сдал верхнюю одежду в раздевалку, я потянула его к статуе институтского святого.

— Эва, нужно спешить, — сказал парень недовольно, увидев, куда его тащат.

— Успеем. Мы ненадолго.

Радик заметил нас издали, подняв голову, как и прочие студиязусы, облюбовавшие постамент. На меня и Мэла уставились не меньше двадцати пар глаз.

— Радик, привет!

Юноша вскочил, уронил конспекты с коленей вместе с сумкой, поднял, отряхнул и прижал к себе.

— Привет, — поздоровался смущенно, и Мэл протянул ему руку, которую парнишка неловко пожал.

— Рада тебя видеть. Ужасно соскучилась. Мы с тобой договаривались, но у меня не получилось, — объяснила я Радик, заметив, как в нашу сторону развернулись ушные локаторы многочисленных свидетелей разговора. — Прости за несознательность. Компенсирую в обязательном порядке. Ты не обиделся?

— За что? — расплылся в улыбке парнишка, переводя взгляд с меня на Мэла. — Оно и без слов понятно. Так что всё нормально.

— Нормально — ненормально, а с меня станется. Ты уже сдал?

— Занял очередь. Хочу пойти в последних рядах, вдруг препод к тому времени устанет?

— Неужели плохо подготовился? — поинтересовалась я тоном обеспокоенной сестры, которая неизвестно где и с кем гуляла, позабыв обо всем, и случайно узнала, что через две минуты брату предстоит серьезное испытание.

— Более-менее, но боюсь рисковать. А ты... вы сдали экзамен?

— Тоже собираемся, — взглянула на Мэла, с вежливым вниманием слушавшего беседу. — Удачи тебе. Пятку потер? — кивнула на задранную ногу Списуила.

Парнишка покосился на студентов под сенью статуи, тянувших шеи в нашу сторону.

— Не верю в дурацкие приметы, — сказал преувеличенно громко, и я поняла, что Радик

успел навести блеск на голой ступне святого.

Когда мы свернули в коридор, Мэл заметил:

— Эва, теперь ты должна думать, прежде чем общаться с кем-то. Этот мальчик... он не подходит твоему кругу.

— То есть? — затормозила я в лестничном пролете.

— Представь, как воспринимался ваш разговор со стороны. Не успели мы завернуть за угол, а по институту потекла новая сплетня, которую напрочь перевернут. Кем он тебе приходится?

Мне не понравился снисходительно-поучающий тон Мэла.

— Другом!

— Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, — усмехнулся парень.

Какой из Радика мужчина? Он еще ребенок, неужели не видно?

— Тогда братом! У тебя есть сестра, а у меня будет брат, пусть и ненастоящий, — разозлилась я. Плевать на досужие сплетни.

— Это же смешно. Ваши "братско-сестринские" отношения в глазах окружающих выглядят сомнительными.

— То есть в твоих глазах? — уточнила, вспыхнув как спичка. — Мэл, мы вместе подошли к постаменту. Разве я делала двусмысленные намеки? Или бросалась на Радика с объятиями и поцелуйчиками?

— Радик, значит... Дружеские обеды и ужины...

— То есть? — продолжала распаляться. — Почему я не могу поужинать с ним? Раньше мы так и делали: ели в складчину.

— Теперь всё по-другому, Эва. Теперь мы с тобой вместе. И нужно следить за словами. Уверен, скоро имя пацана просклоняют на всех углах.

— Надо же, какая сенсация, — огрызнулась я. — Дочь министра общается с простым смертным.

— Тебе плевать, а к нему прилетит. Или какой-нибудь ушлый журналист разведает твой круг общения и проведет ненавязчивое интервьюирование. А твой друг и по совместительству названный брат по простоте и наивности выложит все как есть в подробностях от чистого сердца. А ведь бывает, что репортеры приплачивают за информацию. И появится в газете статья: "Что творится вечерами за дверью у дочери министра экономики?"

До меня не сразу дошел смысл сказанного.

— Ты ведь понимаешь, что это абсурд? Я и Радик?! Дикость какая-то. Кто поверит? Умные люди посмеются и покрутят у виска.

— Я-то понимаю, — сказал парень со смешком. — Да и автор статьи не дурак. Но людям нужны зрелища, даже высосанные из пальца.

— Ты говорил, что журналисты не полезут, — накинулась на Мэла.

— Говорил. В департаменте отца есть отдел по работе с периодикой. Несколько человек регулярно проглядывают газеты и журналы. Специальная установка гоняет теле- и радиоэфир по кругу и выскивает заданные слова, — пояснил парень, и я решила, что Мелёшин-старший использовал ту же аппаратуру, с помощью которой организаторы "Лиц года" рассчитывали предварительный рейтинг гостей. — Еще в каждом крупном издании есть агент, который предупреждает до того, как тираж отдадут печать. Так что прессу отслеживают, но иногда бывают промахи, и статьи все-таки появляются. Тогда приходится

гасить интерес разными способами или переключать внимание читателей на другие скандалы.

Возле аудитории толпились измученные ожиданием однокурсники. Основной поток сдающих схлынул, и в хвосте плелись нерешительные, неподготовленные и опоздавшие, в том числе и мы с Мэлом. Конспекты лихорадочно перелистывались, вышедшие из круга билеты зачеркивались на тетрадном листке, прилепленном к двери.

Мэл занял очередь, бросил сумку на крайний свободный подоконник и покивал приятелям, собравшимся неподалеку кружком. Девчонки поглядывали на меня и шушукались. Эльза и ее белокурые подружки, по-видимому, получили оценки и упорхнули из института.

— По-прежнему считаю сдачу экзамена пустой затеей, — пробурчала я. Нотация Мэла о том, с кем мне не следует общаться, вызвала недовольство и раздражение.

— Не сдавайся. Все получится, — завел старую шарманку парень.

"Все получится" — сказал Сизиф, закатив в гору камень, и остановился передохнуть. Мифический товарищ хотя бы трудился, карабкаясь с ношей наверх, а Мэл решил, что мне удастся одолеть преподавателя наглостью и нахрапом. Из принципа не достану конспекты, чтобы парень понял — на экзамене меня ждет полный провал. И вдобавок скрещу руки на груди и надуюсь.

Недолго обижалась. Вскоре приблизилась очередь, и Мэл пропустил меня к экзаменаторскому столу. Неуместное и даже издевательское джентльменство в шаге от двойки, — зыркнула на него недовольно.

Когда, пометавшись, я выбрала билет из середины, парень легонько толкнул меня в бок и сделал знак глазами, мол, покажи вопросы. Покажу, мне не жалко. Мне на них смотреть и смотреть. И киснуть как квашеная капуста. Лучше бы потратила время с пользой, помогая архивариусу протирать стеллажные полки.

Мэл, взглянув, кивнул коротко и, не задумываясь, выбрал белую бумажку для себя. Я поплелась к крайнему ряду у окна, а парень сел чуть выше на соседнем ряду.

Уж не знаю, что за билет попался — счастливый или нет. Какой ни выбери, а для меня они все одинаково безнадежные.

"Принципы интегрирования примет на удачу. Примеры интегральных уравнений".

Глухо. Стучи, не стучи по черепушке — извилины не ответят. Можно, конечно, поспорить с преподавателем, что считается приметой на удачу. Для кого-то звон в левом ухе — к приятностям, а для кого-то — наоборот, признак предстоящего провала. Кстати, не звенит ли у меня в ухе? К примеру, запнуться правой ногой считается хорошей приметой. Чего хорошего, если расстелишься и разобьешь колени? Тут хоть правая, хоть левая — без разницы, на какую ногу хромать. Опять же, увидеть женщину с полными ведрами — к удаче. Где бы найти подходящую тётеньку в столице? Погляжу в окно, вдруг мимо института случайно проходит и невзначай тащит ведра с колодезной водой на коромысле. Нет никого. Пусто на дорожке.

Или взять вошение конечности святого Списуила — тоже примета на удачу в экзаменах и прочих учебных муках — сдаче лабораторок, курсовых работ, защите рефератов. Можно перевести пятку статуи в интегральную форму, но не знаю, как. Скукота, в общем, и ноль знаний по принципам интегрирования примет.

Далее вопрос номер два. "Математическое обоснование эффективности символов везения. Условия абсолютного везения".

Опять же, у каждого свои символы. Кто-то увешивает дом подковами, а кто-то носит на подкладке иголку с желтой ниткой или ищет в букете сирени цветки с нечетным числом лепестков.

Осточертели вопросы с везением и удачей. Словно насмежаются. Надо было не слушать Мэла и пойти в архив. С Нектой побеседовала бы на общие темы — всё веселее, чем с безнадежностью пялиться в окно.

Далее. "Схема классификации сновидений. Признаки пророческих сновидений".

Вот-вот, вопрос по назначению. Мне как раз снится один и тот же странный сон, а я, бездарная, не могу понять, что он означает. А всего-то следовало выучить билет, классифицировать лесное сновидение и с помощью логичных вычислительных методов определить процент достоверности. Наверняка образы, возникающие в сонном подсознании, намекают на что-то. Кстати, настойчиво намекают, а билет следовало выучить хотя бы из-за актуальности вопроса.

Ах да, еще задачка на закуску.

"С помощью математической индукции доказать фатальность или случайность событий в нижеследующих примерах. В качестве основы взять условие: объект X поворачивает на перекрестке влево, и через три минуты его сбивает синий грузовик с отсутствующей фарой.

1) Объект X поворачивает на перекрестке вправо и добирается домой, но через двадцать лет его сбивает синий грузовик с отсутствующей фарой.

2) Объект X поворачивает на перекрестке вправо и добирается домой, но через двадцать лет его сбивает велосипедист в очках.

3) Объект X встречает на перекрестке знакомого, с которым поворачивает вправо, и через семь минут обоих сбивает синий грузовик с отсутствующей фарой".

Ничего не скажешь, радужная задачка — подсчитывать неизбежности и случайности появления трупов в ДТП. Предпочту рассчитать фатальность судьбоносной встречи с Мэлом, но не знаю, как.

Стыд и срам. Еще неизвестно, что скандальнее — общаться с Радиком при закрытых дверях или "неуд" по матмоделированию вис-процессов. К окончанию сессии Рубля вручит приглашение на банкет и с неудовольствием узнает, что образцовая дочка министра экономики на самом деле учится с трудом, на последнем издыхании.

И что, с парнишкой теперь совсем нельзя общаться? — перескочила мысль на выговор Мэла. И с Аффой нельзя, и с Вивой, и с Капой? Вдруг они продадут репортерам информацию о моем индексе талии и бедер или аудиозапись уединения с Мэлом?

Уверена, никто из них не поступит подло, даже Капа, у которого сейчас сезон безденежья. Может, столичный принц и привык жить среди обмана и лицемерия, когда улыбаются в глаза, а за спиной поливают грязью, а я соседствую с простыми людьми, которые режут правду-матку, не таясь: так, мол, и так, даже тётка-вехотка на другом конце общежития вставила ватные затычки в уши, покуда вы с Мэлом "общались". И правдивая оплеуха отрезвит, в то время как приторная фальшивая лесть обманчиво туманит голову.

За экзаменаторским столом преподаватель конструктивно общался с очередным студентом-смертником. Неплохой он дядечка, но за цифрами и формулами не видит людей, потому что увлечен своим предметом без меры. Наверняка сейчас перед его глазами сидели не третьекурсники, а логарифмы и дифференциалы.

По проходу пролетел легкий сквознячок. Это Мэл спустился вниз, а на стол рядом со мной лег листок, исписанный каллиграфическим убористым почерком. Буковки знакомо

кренились в сторону окна, потому что парень писал левой рукой.

Преподаватель не заметил шпаргалку, и я спешно схватилась за чтение, поглядывая благодарно на Мэла. Исчерпывающие ответы, даже чересчур, и задача решена подробно. Все вопросы разжеваны для зеленой первокурсницы или для полнейшей балбески, еле-еле читающей по слогам.

Могу пообижаться на то, что парень усомнился в моих умственных способностях, но не буду. На правду не стоит дуться. Ведь Мэл успел подготовиться по своему билету и вдобавок спас меня. Остальное зависит от моей самоуверенности и сообразительности.

Пока строчки торопливо заучивались, Мэл защитился и, выходя, сделал пальцами "V".
"Ты победишь".

Итог экзамена — очередная незаслуженная четверка, гул в ушах от зашкаливающего волнения и ватные негнущиеся ноги. Видимо уморившись, преподаватель спрашивал в объеме билета и не залазил в математические дебри. Зачитав содержимое ответов и проямлив пару невнятных фраз от себя, я увидела, что перо экзаменатора вывело в сдаточной ведомости "хорошо", и некоторое время сидела в прострации, пока меня не согнал следующий студент.

Мэл дожидался у двери и, оградив от чужого любопытства и расспросов однокурсников, отвел меня к лестнице. Мы вышли на лестничную площадку.

— Ну, как? — спросил парень, обняв, и подтолкнул в угол. — Вижу, что сдала.

— Ты не представляешь! — воскликнула с жаром. — На четверку!

— На меньшее я и не рассчитывал. Молодец, — похвалил Мэл, и мы поцеловались.

— Это ты молодец. Я-то причем? Считала с бумажки — всего-то делов, — возразила, отдышавшись. — Спасибо!

Поражаюсь ему. И по своему билету подготовился и на мои вопросы накарябал правильные ответы. А я лишний раз убедилась, что у Мэла ума палата. Не то, что у меня — одна извилина и та прямая.

— Предлагаю отметить где-нибудь в уютном местечке, — напирал парень. — Тем более, сегодня двойной повод — мы пережили знакомство с твоим отцом.

Что верно, то верно. Двойное потрясение опасно для психики, поэтому стресс нужно заесть чем-нибудь вкусненьким. Я готова провести в компании Мэла всю оставшуюся жизнь! — запело сердце. Впереди меня ждет радужное будущее! Но сперва нужно отработать положенные часы в архиве, а еще зайти в деканат, чтобы похвалиться полученной оценкой перед Стопятнадцатым. Пусть Генрих Генрихович порадует, что я не совсем беспросветная и безнадежная, хотя так и есть на самом деле. О бесценной помощи Мэла умолчу, чтобы не сгореть со стыда.

Парень согласился с моими планами, правда, покривился, услышав о работе в институтском подземелье. Я думала, он опять начнет настаивать на увольнении, но Мэл сказал:

— Пошли, провожу. Как поговоришь со Стопятнадцатым, позвони, я встречу.

Так и будет водить меня туда-сюда на поводке? — вскипело раздражение и тут же испарилось. Мэл прав, беспокоясь о моей безопасности. К повышенному вниманию нужно привыкать постепенно. Сегодня чужие взгляды беспокоили гораздо меньше, но словесно отбиться я не сумела бы. Меня обескуражило напоминание Мэла о том, что нужно следить за речью и манерами. Теперь лишнего слова нельзя сказать. Возьмут и обвинят, что ругаюсь как базарная баба или найдут в словах скрытую угрозу и раздуют скандал на пустом месте?

Щербатая дверь деканата оказалась незапертой, и Мэл, поцеловав меня в щеку, ушел обзванивать родственников, чтобы сообщить о новой хозяйке Дьявольского Когтя. Родня Мэла ужасно обрадуется новости. Прямо-таки расцелуют столичного принца на расстоянии. Представляю, какими красными станут уши парня от возмущенного рева, изрыгаемого из телефона.

Унылый пенал стабильно вымершей приемной деканата нагонял неизменную тоску даже в солнечный и радостный день.

— Прошу. Не заперто, — отозвался на стук зычный бас из-за двери деканского кабинета.

Стопятнадцатый не скучал в одиночестве, отдыхая после экзамена у четверокурсников. Генрих Генрихович вместе с профессором рассматривал черно-белые фотографии, накиданные ворохом на столе. Заметив меня, Альрик поздоровался кивком, сгреб в кипу снимки с непонятными размытыми пятнами и присел на край стола.

Я не ожидала столкнуться с профессором нос к носу и поэтому растерялась. Откровенничать со Стопятнадцатым легче и проще, он годился мне в отцы, а вот Альрик — мужчина. Тьфу, декан тоже не женщина, но у него нет прищура с хитринкой и солнечных зайчиков, плещущихся в глазах. А еще у профессора отменное чувство юмора и красивая улыбка. И иногда кажется, что он поглядывает на меня иначе, нежели преподаватель на студентку. И вообще, хватит думать о чем попало, а то Альрик с легкостью прочитает дурацкие мысли по загоревшимся щекам. У меня есть Мэл, а профессор пусть утешается обществом таинственной невесты.

— Простите, наверное, я не вовремя.

— Что вы, милочка! — усадил меня Стопятнадцатый в кресло для посетителей. — И я, и Альрик рады видеть вас в любое время. Как самочувствие? Головные боли, онемение конечностей, головокружение не беспокоят?

— Самочувствие хорошее, — отрапортовала бодро. — Не беспокоят. Капли Альрика Герцевича помогают.

— Приятно слышать, — профессор наградил меня своей фирменной улыбкой. — Соблюдаете дозировку?

— Стараюсь.

— Прекрасно. Точное выполнение рекомендаций есть залог успешного результата. Как поживает "подарок"? Не проявлялся?

Я не сразу сообразила, что под вопросом Альрик подразумевал колечко Некты.

— Нет, — соврала с легкостью.

Чем меньше правды, тем меньше проблем — давно проверено. А с волосинками-звеньями как-нибудь научусь справляться. Нужно пореже бояться и не до потери пульса, и тогда подарок жителя подземелья не проявится на пальце.

— Советую провести повторное обследование в лаборатории, — предложил профессор. — Мы виделись в последний раз в субботу и расстались при... сумбурных обстоятельствах. Честно говоря, и я, и Генрих Генрихович испытываем вину за то, что втянули вас в эксперимент и, тем самым, поставили психическое здоровье под угрозу. Колено не ноет?

Я вспомнила об ушибленной коленке, вылеченной Альриком. Падение на институтской лестнице — не чета многочасовому воскресному ползанию по вентиляционным трубам, из-за чего опухли суставы. Спасибо Мэлу, позаботившемуся о покрасневших коленях: мазь и

спрей избавили от болезненной отечности практически моментально.

— Ты видел Эву Карловну в субботу, а я любовался ею в воскресенье по телевизору, — заметил добродушно Стопятнадцатый и поделился стихотворным экспромтом: — Красота пленяет, в омут окунает.

— С головой, — добавил весело профессор. Мужчина лучился хорошим настроением, и мне неожиданно пришло на ум, что вопросы о самочувствии задавались из вежливости, а на самом деле Альрик витал мыслями в другом месте.

— Спасибо вам, Генрих Генрихович! — поблагодарила декана.

— За что? — удивился тот.

— За лимузин у общежития.

— Ах, это, — махнул рукой Стопятнадцатый. — Пустое. Стало быть, ваш батюшка отказался от своих слов?

В присутствии коллеги он не начал спрашивать напрямик: "Значит, папаша усовестился и все-таки выделил средства на прием?" Что ни говори, а интеллигентный дяденька наш декан, но Альрик в курсе моих финансовых подвижек, поскольку мы с ним деловые партнеры, связанные пожизненным обетом.

— Да, папенька помог с деньгами, — соврала с легкостью, и Альрик отвернулся к окну, не сдержав улыбку.

Ну и пусть не срастается выкройка моих доходов. Отец считает, что я тяну висоры из Мэла, или, вернее, из Мелёшина-старшего. Мэл считает, что у меня темные делишки с профессором. Стопятнадцатый считает, что родитель внял голосу добродетели и сменил гнев на милость, подкинув денег. А Альрик ничего не считает, потому что знает правду. Утешу совесть тем, что Генрих Генрихович не догадается похвалить отца за проявление заботы о собственной дочери. Он человек деликатный и во внутрисемейные отношения не встревает.

— Отчего же только в субботу? — сказал профессор, не отводя взгляда от окна. — Я тоже заметил, что Эва Карловна покорила столичное общество на "Лицах года". Поздравляю вашего батюшку с высоким назначением, — добавил, обернувшись ко мне.

— Спасибо.

— Вас не затронули беспорядки в развлекательном центре? — озаботился декан. — Юноша, с которым вы присутствовали на приеме, попал в неприятности. Вчера мы отправили характеристику в Департамент правопорядка от администрации института.

— Спасибо за беспокойство, — поблагодарила я еще раз. — Беспорядки не затронули.

Скажу правду, и Альрик как пить дать потащит на закрытый пятый этаж для проведения анализов и просвечивания внутренностей. А Пете, видать, пришлось несладко в казенных аппаратах отделения.

— В том же клубе пострадал четверокурсник с факультета элементарной висорики. Отравление ядовитыми парами. Обожжены трахея и пищевод. Куда катится мир? — посетовал Стопятнадцатый. — Молодежь беспечна и не задумывается о последствиях.

— Думаю, у юноши, сопровождавшего Эву Карловну на прием, был повод покуражиться, — встрял с улыбкой Альрик. — Точнее, ему было перед кем показать кураж.

Я потупилась. Острое чутье подвело профессора. Чемпион полез на ринг не из-за меня, а ради грудастой девицы из лимузина.

— Сомневаюсь, что ты совершил бы безрассудный поступок, — похвалил коллегу Генрих Генрихович. — К сожалению, осмотрительность и зрелость поступков приходят с

опытом и прожитыми годами.

— Никогда не поздно совершать безрассудства, особенно ради кого-то, — развеселился Альрик и подмигнул мне.

Его хорошее настроение било через край. Наверное, по результатам сегодняшнего экзамена на потоке выявилось немало отличников, что несказанно обрадовало профессора. Залихватское поведение коллеги заметил и декан.

— Не узнаю тебя. Последние два дня был мрачнее тучи. Поругался с Нинеллой Леопардовной, довел до слез трех лаборанток, устроил второкурсникам допрос с пристрастием на защите курсовых проектов. Между прочим, они пожаловались на тебя. Коллективно. Что изменилось?

— Не высыпался, — отозвался весело Альрик, и я вздрогнула. — С Нинеллой всего лишь поспорил и даже голоса не повысил, лаборантки запортили результаты двухмесячного эксперимента, а второкурсники попищали, зато подготовились и сдали экзамен с хорошими результатами.

Все-таки интуиция меня не подвела. Профессор доволен итогами сессии по своему предмету. А ведь он тоже плохо спит, как и я. Наверное, выматывается на работе: проводит бесконечные опыты, телепортируя невзрачный камешек, и учит непутевых студентов, вбивая в них знания. Задать ли вопрос о моем сне?

— Как здоровье Евстигневой Ромельевны? — спросила вместо этого.

— Хорошо. Можно сказать, прекрасно, — прогудел декан. — Идет на поправку семимильными шагами.

— А что с этим?... С крылатым? — помахала я руками, иллюстрируя, и Альрик, не сдержавшись, беззвучно рассмеялся.

— Взгляните, — протянул пачку фотографий и продублировал мои движения: — Вот оно, ваше... крылатое.

На снимках было изображено нечто черное, бесформенное, слипшееся в кашу.

— Разве это крылатик?

— Без подпитки вис-возмущениями он постепенно убывает в размерах. Потеряна способность передвигаться и чувствовать вибрации. Надеюсь, вскоре мы утилизируем летуна, — заявил оптимистично профессор. — Эва Карловна, не смотрите укоризненно. Это неживое создание. Механизм, способный наносить увечья и истреблять. Я бы поэкспериментировал с ним, но Генрих Генрихович запретил. А то, глядишь, мы с вами надели бы на нежить уздечку... То есть нацепили бы ошейник с поводком и отправились на прогулку, а наш личный дракон летел бы сверху.

Что-то у Альрика вообще нездорово разыгралось воображение из-за хорошего настроения. Даже мне не пришла бы в голову подобная фантазия.

— Это тебе во сне приснилось? — полюбопытствовал Стопятнадцатый.

— И это, и многое другое, — подтвердил профессор.

— И мне тоже снятся сны, — вставила я. — Цветные, с запахами и звуками.

— Отлично, — улыбнулся профессор, оттолкнувшись от стола, о который опирался. — Сновидения — отголоски реальных событий. Главное, чтобы вам не снились кошмары. Генрих Генрихович, мне пора. До сих пор не погасил ведомость у Монтеморта.

— До свидания, — попрощалась я с Альриком. Наверное, к лучшему, что не ляпнула о лесе и его хозяине, не то меня засмеяли бы в хорошем настроении.

— Всего хорошего, Эва Карловна, и обращайтесь при любых ухудшениях здоровья, —

напомнил профессор и похромал к двери. Взявшись за ручку, он внезапно обернулся, втягивая носом. Посмотрев на меня с удивлением и несколько недоуменно, мужчина встряхнул головой, точно отогнал какую-то мысль, и вышел.

И чем здесь может пахнуть? Вроде бы не от меня: духами не мазалась, душ с утра принимала, платье новое. В помещении спертый воздух, как и в приемной. Пыль, книги, половинка засохшего ванильного печенья, укатившаяся когда-то под шкаф. Кофе, выпитый около часа назад. Одеколон декана, туалетная вода Альрика, и в составе букета ароматов тонкий хвойный запах. Мне сразу вспомнился лес. Точно, дежа вю.

Профессор велел не стесняться и обращаться по любому вопросу. Считается ли ухудшением самочувствия сон о лесе, пробудивший телесную жажду? При желании необычную реакцию на сновидение можно легко объяснить. Сны — это отражение реальности, в которой Мэл занял главенствующее место, стремительно и внезапно. Серая крыскина особь, недополучившая родительской любви и ласки, к половозрелому возрасту дорвалась до физических удовольствий и открыла для себя мир чувственных ощущений. Каждое прикосновение к Мэлу — агрессивно-жалящее или томительно-неспешное — пробегало током по телу, натягивая оголенные нервы резонирующими струнами. Неудивительно, что в такие моменты у меня отключалась память. Организм требовал компенсацию, и немалую, за годы мытарств и затюканного существования, и поэтому жадничал, не отпуская сознание даже во сне. Ну, и как после такого анализа рассказывать Стопятнадцатому при свете дня о похождениях в чащобе?

Подумав, я решила не рассказывать декану о навязчивом сновидении. Посмотрю, приснится ли сегодня лес, и тогда уж обязательно поговорю с Генрихом Генриховичем. Сердобольный дядечка поймет щекотливость последствий сна.

Перед уходом все-таки похвалилась четверкой за сданный экзамен, и Стопятнадцатый сказал:

— Вот видите, милочка, если очень захотеть, можно в космос полететь. Сами не заметили, как сессия вам покорила.

При этом ни я, ни декан не стали заострять внимание на моей бездарности и на гибкой совести Генриха Генриховича, поступившего из-за меня кодексом учительства — как люди деликатные и воспитанные.

Выйдя из деканата, я на ходу искала номер "моего Гошика" в телефоне, как вдруг заметила неподалеку Аффу, списывающую с листочка, пришпиленного к двери с абстрактными хаотическими разводами.

Здороваться с соседкой или нет? Пройду мимо. Наверное, она не захочет общаться.

Девушка услышала стук каблуков и обернулась.

— Привет.

Я остановилась:

— Привет.

Мы замолчали, и в воздухе повисла неловкость.

— Сдала? — поинтересовалась у Аффы.

— Сдала. На четыре.

Я думала, она съязвит: "Между прочим, четверка вышла из-за тебя. Своими стопами не дала сосредоточиться на учебе", но соседка спросила:

— А ты как?

— Тоже неплохо. На четверку.

Мы опять помолчали, и тишина пустого коридора стала вдруг осязаемо плотной, причиняя дискомфорт. Гномик на часах отрапортовал, что первый звонок прогорнил недавно, во время посещения деканата.

— А я вот расписание консультаций выписываю, старое где-то посеяла, — сказала непонятно зачем Аффа. — Значит, твой отец — министр?

— Да, с понедельника.

— Отец — министр, а говорила, что не бывала в "Инновации", — упрекнула девушка.

В ее понимании дочкам высокопоставленных чиновников следовало столоваться в элитном столичном кафе, а не притворяться голодраной беднотой, считающей каждый висор.

— Я и не бывала. Отец не разрешал. Считал, что испортит мой характер, если начнет баловать и потакать капризам.

— И все-таки встречаешься с Мелёшиным...

Мой взгляд уехал в сторону. В институте ничего не утаишь. Одна большая деревня.

— Знаешь, что про него говорят? — продолжила соседка. — Когда Мелёшин узнал о твоём отце, то поклялся на спор, что обгонит остальных и отобьет тебя у чемпиона... у Пети. Всех перепрыгнул и оказался первым.

Оказывается, парни устроили соревнование, а я и не знала, что стала призом. Необычная сплетня.

— Аф, а был ли кто-нибудь кроме Мэла? Я пыталась завязать отношения с Петей, но не вышло. А других-то и не было. Получается, если бы не отец, на меня никто не обратил бы внимания. А теперь выясняется, что Мелёшин кого-то перепрыгнул. Тех, кто собрался на спор заводить выгодное знакомство со мной, так?

Аффа поджала губы, недовольная спокойной реакцией на свои слова.

— В общем, извини за то, что сказала в общежитии. Грубо вышло. Не нравится мне Мелёшин, как ни крути. Ты еще набьешь шишки и не раз пожалеешь, что не послушала советы знающих людей. Мелёшин развлечется и бросит тебя.

Я улыбнулась:

— Если не ошибаться, опыта не набратся. И у тебя не всегда было гладко с парнями.

— Но ведь не с морально убогим типом! У Мелёшина — ни совести, ни чести. А с спортсменом вы вообще здорово смотрелись и ворковали как влюбленные голубки. Он с тебя глаз не сводил.

— Неужели? — неприятно удивилась я.

— Да. Попали в камеры раз десять, не меньше. Он в курсе, что ты теперь с Мелёшиным?

— Наверное, уже знает. Петя сидел в отделении после драки в "Вулкано". Сегодня выпустили.

— Не может быть! — ахнула Аффа. — Он не пострадал? Ты тоже там была?

— Не пострадал. Мы ездили вместе. Кстати, идеальный Петечка уговорил поехать в клуб, хотя я собиралась домой. А потом Петя уговорил посмотреть подпольные бои. А потом началась драка, и он меня бросил, так что пришлось выбираться самостоятельно.

— Не может быть, — покачала головой девушка. — Не верю. Твой чемпион не такой. Он не мог.

— Во-первых, он не "мой". А во-вторых, полез на ринг из-за одной лохудры, которая была на приеме. А потом началась свалка, и мы потерялись. Я сама выбиралась, — пожаловалась, и глаза увлажнились. Петя вырисовался в роли предателя, бросившего

спутницу на произвол судьбы, а над моей головой засиял нимб мученицы.

Аффа дернулась навстречу. Наверное, хотела утешить.

— Страшно было?

— Очень.

— Что же тебя Мелёшин не спас?

— Он бы спас, только не смог пробиться. А потом до утра искал по больницам и моргам.

Соседка впечатлилась.

— Ну... а ты так и поверила его байкам, — сказала менее агрессивно.

— Поверила. Аф, я больше не помешаю в общаге. Наверное, перееду к Мэлу.

— Ого. Скорострельно, — усмехнулась она, впрочем, без особой радости. — Трусиха.

Когда грубят, надо отвечать в том же духе.

— Не умею, — заключила я с прискорбием. — Не могу.

— Значит, никто не злил. Жаль, если уедешь. Ты куда?

— В архив на подработку, — пояснила девушке, возобновив поиски номера Мэла в телефоне.

Аффа удивилась:

— Зачем? Неужели Мелёшин не против?

Пришлось соврать, чтобы худо-бедно оправдать эксцентричное поведение дочери министра, подрабатывающей за мелочевку.

— Я же заключила трудовой договор на определенный срок. Сессия закончится, и уволюсь.

Объяснение устроило соседку.

— Понятно. Пойдем до холла.

— Не могу. Мэл сказал позвонить и дождаться.

— Мелёшин дрессирует тебя как собачку, а ты не замечаешь. Без него уже и чихнуть не можешь? Боишься, что съедят? С Мелёшиным ты разучилась кусаться и стала мямлей.

— Не стала, — оскорбилась я на необоснованное обвинение, решив позвонить Мэлу по пути вниз, — и никто меня не дрессирует. Где хочу, там и хожу. Пошли.

— Ну, ты даешь! — присвистнул Мак. — Не ожидал. Круче Дэна повязался.

— По-другому никак, — объяснил Мэл.

Они столкнулись в холле и сидели теперь на опустевшем постаменте, отмечая мимоходом студентов, покидавших институт.

— Не знаю, поздравить или посочувствовать, — ухмыльнулся Мак и поддразнил: — Прощайте, девочки, пирушки, гоночки! Поскорбим молча.

— Эй, я еще не умер для жизни, — толкнул в бок Мэл.

— Женщины — ярмо, которое тянет нас ко дну, — не унимался Мак. — "Не гони, у меня голова кружится", "Давай не пойдем, там шумно", "Твои друзья плохо на тебя влияют", "Этот галстук не подходит к рубашке", "Дорогой, моя мама поживет с нами"...

Мэл рассмеялся.

— Ты-то откуда знаешь?

— Анекдоты не рождаются на пустом месте, — поднял Мак указательный палец. — Их придумывают горемыки, потерянные для суровой мужской компании. Мы еще отпоем твою свободу, как полагается, а сейчас объясни, к чему спешка, если финишная далеко?

— Зять прочистил мозги. Заодно разъяснил о бате и о Влашке и согласился помочь утихомирить Рублю. В общем, я затеял бучу, и мне же разгрести. Хорошо, что вчера уладил с кольцом. Сегодня её папаша тряс газетой. Репортеры, подлюки, пронюхали и решили устроить викторину "что, где, когда?"

— Сообщил родне?

— Да. Отцу, деду и Севолоду. Остальные и без меня узнают. И матери позвонил.

— А они обрадовались и пожелали счастья, — предположил Мак со смешком.

— Приняли к сведению. Отец сказал, что замнет вопрос с фотографиями — и всё.

— А мать?

— Она всегда советуется с ним.

— Можешь передохнуть, — постучал Мак по плечу друга. — Родственники в обмороке. Щипало, когда надевал?

— Малость поревела. Зять дал какую-то фигурку из лаборатории. Притупляет чувствительность. Иначе тройне больнее.

— Слушаю и не могу поверить. Я попал в параллельную реальность! Наш неприступный Мэл сдался. Добровольно поднял ручки. "Бери меня тепленьким, милая!" — запаясничал Мак. — Точно, завтра наступит лето. Выходит, Ледышке обломилось?

— К лучшему. Меня даже *ardenteri rivas** не согрел бы.

— Ты и не пытался. Может, она горячая штучка? Дикая, необъезженная.

— Место вакантно. Прошу, — Мэл сделал приглашающий жест к парадной двери.

— Нет уж. Мне дорога свобода, пусть и относительная, — поежился Мак. — Слушай, а приезжайте вечером к Дэну на сабантуй. Будет весело.

— Посмотрим, — задумался Мэл. — Нет, не приедем. Понимаешь, там будет полно знакомых...

— И среди них попадется какая-нибудь их бывших?

— Да, по закону подлости.

— Вечно бегать не сможешь и её не спрячешь.

— Знаю. Мы вместе только третий день. Пусть привыкнет, — сказал Мэл, вертя телефон в руках. Проверил отсутствие пропущенных вызовов и убедился, что звук выставлен до максимального значения.

— Сколько можно разговаривать? — проворчал, убирая аппарат в карман.

— Вот! — воскликнул Мак. — Еще вспомнил. Они могут часами болтать ни о чем!

— Заранее боюсь, — Мэл спрыгнул с пьедестала. — Я — в деканат.

— А я — к воротам. Дэн обещал подхватить.

По пути Мак продолжил страшать товарища ужасными женскими недостатками, превращающими существование мужчин в непроходимую головную боль, а Мэл слушал и кивал, посмеиваясь. Они до того увлеклись темой, старой как мир, что позабыли разойтись в разные стороны и свернули в северо-западный коридор. Мак спохватился.

— Намотал ликбез на ус? Обращайся, если что. Я знаю много тёлкиных секретов и плохих советов не даю. Что там такое происходит? — наострил уши, переключив внимание на группку, собравшуюся у лестницы.

Мэл потянулся следом за компанией.

— Тут один марсианин объясняется в любви Аньке Левшуковой, — пояснил долговязый студент, у которого Мак поинтересовался причиной сборища.

Левшукова — девчонка красивая, но со стервозным характером. На втором курсе

закрутила с Дэном, да что-то у них не срослось. Однако Анька не прочь реанимировать былое и заодно согласна погулять и с Мэлом и с Маком, а точнее, с любимым, кто, не задумываясь, оставляет на чаевые сотню висов. Год назад и Мэл собирался покатать с ветерком длинноногую шатенку, но скупого комментария Дэна о сучности однокурсницы хватило, чтобы зарубить идею на корню.

— Взгляни на свое лопухое счастье, Левшукова, — кивает в центр сборища тип подле Аньки. Широко расставленные раскосые глаза, белесые радужки с черной каймой, походка вразвалку, пошлости на языке и самоуверенность в смеси с хамством. "Камышовый кот" — шепчутся с благоговением хлюпики и заморыши. Кто при силе, тот не признает хвастливое прозвище, сокращая его. Камыш не обижается. Он правит в своей весовой категории. Многих пугают затянутые мутью глаза, хотя у Камыша отличное зрение. За успехи в гипнозе ему светит место дознавателя или следователя Первого департамента в качестве начальной карьерной ступеньки.

Камыш обхаживает Левшукову давно и безрезультатно, да вот беда — машина недостаточно комфортна, и родители контролируют расходы. Камыша бесят отказы Аньки, и в отместку он выводит ее из равновесия всеми возможными способами.

— Вот и на твоей улице наступил праздник, — ерничает Камыш. — Полный унитаз любви. Нырнешь, Левшукова?

Та недовольно хмурит брови, накручивая локон на пальчик.

Мэл собирается уйти, но вдруг замечает в центре сборища светлый ежик волос "марсианина" и приостанавливается. Мэл удивлен. Мало того, он изумлен. А "марсианин" смущен и растерян прибывающими зрителями. Похоже, он не ожидал публичности. Откуда взялся народ, если экзамены закончились? Но мужчины не трусят и не сбегают, а отвечают за свои слова. И поэтому нескладный первокурсник распрямляет спину.

Некоторое время Мэл осмысливает ситуацию. Несуразный тощий пацан и по совместительству друг-брат Эвы открылся Левшуковой в светлых чувствах. Чувства светлые, а адресатка — стерва.

Зрители возбужденно переговариваются, комментируя бесплатное зрелище.

"Ну и влип ты, мелкий, со своей любовью" — сочувствует Мэл и протискивается вперед, насколько возможно. — "Точно марсианин. Нормальный человек обходит Левшукову за километр".

Несмотря на комичность ситуации, Мэл чувствует невольное облегчение. Поначалу он думал, что пацан неровно дышит к Эве, но сегодняшнее представление успокаивает.

Эва вот здесь, — сжимает Мэл кулак. Он улавливает ее мысли, чувствует изменения в настроении; ему льстит и наполняет самодовольством то, что он читает в её глазах: восхищение, восторг, обожание, нежность, страсть, доверие. Мэл как никто другой имеет исключительные права на нее, а мелкие перекосы во мнениях и недопонимание понемногу исчезнут. Эва — умная девочка, со временем она признает его правоту в спорных вопросах.

Вода точит камень. Мэлу хватит терпения внушать, уговаривать день за днем, убеждать. Он даже разрешит Эве побрыкаться, вредничая. Пусть упрямится — у него всё под контролем. Поэтому первокурсник из общежития, к которому Эва привязана и питает симпатию, вызывает раздражение. Глядя на нескладного головастого пацана, смешно делать пошлые предположения. Мэл знает — Эва горит только для него. Но он не намерен делить её с каким-то сопляком.

Для чего нужны друзья? Чтобы обсуждать вещи, о которых нельзя поговорить с ним,

Мэлом. По разным причинам: из-за того, что Эва стесняется, из-за разного социального положения, из-за разных интересов. Для бесед по душам подойдет подружка, хотя бы вот соседка по общежитию, но никак не тощий малёк. Хотя нет, соседка тоже не годится. Эва нужна Мэлу вся, без остатка.

И все же мелкий не иначе как спятил, решив признаться Аньке. Та не оценит сердца, брошенного к ногам.

— Не знал, Левшукова, что ты докатилась до ручки и от отчаяния коллекционируешь это, — усмехается Камыш, кивая на "марсианина".

— А хотя бы! Тебе-то что? — зло отвечает она. — Человек готов на всё ради меня! Не то, что ты!

— На что ты готов ради нее, человек? — подходит Камыш к пацану и кладет руку на плечо, смотря с притворным сочувствием.

Малёк растерян.

— А хотя бы вот... снять дефенсор*! — выдает Анька гневно. — Чем не поступок?

— Да-а, это настоящий подвиг, — тянет Камыш. — Готов ли ты на геройский поступок ради любви? Или кишка тонка?

Переговаривающаяся толпа затихает.

Пацан замирает в нерешительности и опускает голову. Он слабак.

— Вот видишь, Левшукова, как жалко тебя любят. Никчемно. Недостойна ты великих чувств! — произносит с пафосом Камыш, разводя руками.

Анька фыркает, выражая свое презрение и Камышу, и несуразному первокурснику, и зевакам.

И тут "марсианин" неуклюже снимает с шеи небольшой плоский медальон на серебряной цепочке и протягивает Левшуковой. Мэлу кажется, что малёк на миг зажмурился, вручая судьбу даме сердца, хотя сбоку плохо видно.

Камыш перехватывает протянутый бесценный подарок.

— Так-так-так. Что за козюлька? — разглядывает незамысловатое украшенье и бросает товарищу, скользкому типчику с крысиной физиономией.

По толпе проходит волнение, зрители взбудораженно переговариваются.

"Совсем больной на голову или страх потерял", — делает вывод Мэл, глядя на светлую стриженую макушку.

— Ладно, мне пора, — говорит он Маку.

— погоди, — удерживает тот за рукав. — Хочу узнать, чем дело кончится.

— Я пошел. Потом расскажешь, — Мэл разворачивается, чтобы выбраться из толпы, которая успела разрастись.

— Энурез... до семи — десяти лет... — сообщает отрешенно "крысюк", вглядываясь пристально в пацана. Он тоже учится на элементарном факультете и специализируется на ясновидении.

— Ба, наш герой ссался в постельку! Большой мальчик мочился штанишки, — комментирует Камыш. Малёк дергается, пытаясь вырваться из тесного круга зрителей, но лапа ложится на его плечо, придавливая. — А как ты хотел? Героем быть нелегко.

— Он "грязный", — сообщает монотонно товарищ Камыша, роясь в голове пацана.

Левшукова морщится и отворачивается. Толпа гогочет, а "марсианин" опускает голову.

— Не смешно, — осаживает Мэл развеселившегося друга.

— Да брось ты! — смеется тот. — Все мы люди. Зато поймет, что Левшукову в

принципе нельзя любить.

В это время ясновидец что-то говорит, и толпа грохает смехом.

— Ай-яй-яй, Левшукова! Как не стыдно приходить во сне к милым детишкам и соблазнять их? Развратница! — восклицает громко Камыш, грозя пальцем. — И малыши дрочат на тебя, забравшись утром под одеяло.

Анька вспыхивает и порывается уйти, но Камыш перехватывает.

— Куда бежишь, звездуля? Просила подвигов — принимай. Твой герой раскрывается в неожиданных ракурсах.

— Да пошел ты, — цедит Левшукова, а зрители веселятся.

Неожиданно Мэла окатывает страхом: чтец может откопать в голове пацана упоминание об Эве. "Совместные обеды и ужины... Что еще?" — соображает он лихорадочно. Вряд ли Эва поделилась с мелким своим самым большим секретом и прочими тайнами поменьше, например, источником денег, хранящихся в банковской ячейке, и общением с хромоногим символистиком.

— Ни в какие ворота не лезет, — говорит Мэл, порываясь закончить жестокий фарс. — Камыш, наверное, башкой ударился. Хотя вместо головы у него задница.

— погоди, — удерживает его Мак. — Дай чуток досмотреть.

Нет, Эва осторожна и не ляпнет лишнего, к тому же связана обетом, — вспоминает Мэл. Но если чтец вытянет из памяти пацана образы, связанные с ней, а Камыш сально прокомментирует, обоим элементарщикам — конец.

Развлечение выходит на новый виток.

— А хочешь посмотреть, Левшукова, как он это делает? — приходит к Камышу идея.

— Отвянь! — Анька пытается сдернуть его руку с локтя.

— Раздевайся, — приказывает Камыш мальку и повторяет замогильным голосом, впившись белесыми зрачками: — Сейчас... ты... разденешься... полностью... Ты раздеваешься... Ты разделся...

Толпа затихает, и в наступившей гробовой тишине пацан послушно снимает толстовку, аккуратно складывая на полу. Сверху ровной кучкой ложатся поношенные джинсы, футболка и прочая одежда, пока малёк не остается в чем мать родила. Он стоит, замерев в ожидании указаний.

Товарищ Коршуна подбирает шмотки и выбрасывает из круга. Белесые радужки впились в лицо "марсианина", не разрывая зрительного контакта.

Взбудораженная толпа оживляется, шелкают вспышки, зрители успевают снимать сногшибательное видео на камеры телефонов.

— Внимание! Последняя гастроль! — объявляет "крысюк". — Любой каприз за ваши деньги! Заказывайте. Наша барышня исполнит.

"Барышней" на жаргоне элементарщиков называют человека под гипнозом или марионетку. Камыш может отключить память пацана или, наоборот, оставит в качестве поучительного урока, управляя двигательными рефлексам и сознанием.

У любого издевательства есть предел. Мэл видит ссутулившееся нескладное тело, острые костлявые плечи, выпирающие лопатки, следы старых шрамов на спине. Противно. Растет гадостная волна.

"Невероятный балбес!" — проносится сочувственная мысль.

В этом мире не принято выручать бескорыстно. У любой помощи есть цена — долг, клятва, обещание, услуга. Деньги, в конце концов. Пора признать: малёк не нравится Мэлу

единственно тем, что Эва считает его другом, и поэтому Мэл тянет. "Не бывает дружбы между мужчиной и женщиной", — повторяет он про себя. — "Не бывает и не будет".

— Пусть станцует! — кричит кто-то сзади.

— Вот это да! — не отстает от других Мак, фотографируя поверх голов.

— С*ка ты, — бросает Мэл и, распихивая толпу, пробирается к центру круга.

Он поможет пацану, хотя нескладный малёк сто лет ему не сдался. Мэлу нужна Эва и больше никто.

Неожиданно наступает тишина, и руки с телефонами опускаются — одна за другой.

Мэл стопорится в шаге от цели. Он видит: зрители расступаются, и в круг выходит... Эва! Неестественная бледность, сжатые тонкой полоской губы, на лице неверие и изумление, которое трансформируется в отчаянную решимость.

"Почему она здесь?" — мысленно стонет Мэл. Ей следовало ждать у деканата, набирая нужный номер. Она не должна была попасть на представление.

Бросив сумку, Эва подходит к пацану и, обхватив его лицо ладонями, заглядывает в пустые глаза.

— Снимай гипноз! — поворачивается к Камышу. Её голос звенит, дрожа от ярости. — Убирай, сволочь!

— Ты кто такая, тётя? — интересуется небрежным тоном "крысюк". — Шла мимо, вот и не останавливайся.

— Снимай, — велит Мэл, растолкав последнее препятствие в виде чужих спин, и оказывается рядом.

Эва смотрит на него удивленно и недоумевающе. Она не ожидала, что Мэл тоже будет здесь, и сбита с толку. Несколько долгих секунд — и Эва понимает: он видел и не пресёк издевательство, и под ее взглядом внутренности Мэла совершают сальто.

"Крысюк" хлопает Камыша по плечу, и кукловод разрывает гипнотическую ниточку.

— Каково? — спрашивает с гонором, разминая шею и встряхивая плечами.

Пацан тоже сбросил оковы внушения и оглядывается по сторонам затравленно и ошалело.

Эва закрывает его собой.

— Одежду! — требует. — Одежду давай, гнида!

— Одежду, — повторяет эхом Мэл, и приказа не смеют послушаться.

Поздно поигрывать цепсами, изображая благородного спасителя, если ты им никогда не был.

"Крысюк" приносит шмотки, которые Эва выхватывает из его рук.

— Одевайся, — сует пацану вещи, но тот смотрит заторможенно, не соображая. Эва встряхивает его: — Одевайся!

Малёк неловко натягивает одежду, сгорбившись.

— Дефенсор! — протягивает Эва ладонь.

— Дефенсор верни, — приказывает Мэл, и товарищ Камыша беспрекословно достает кулон из кармана. Серебристый дельфинчик взлетел на пенном морском гребне.

Камыш перехватывает цепочку и зажимает хрупкую вещицу в кулаке.

— Какая жалость, сопливая козюлька сейчас сломается, — растягивает губы в улыбочке.

Сожми Камыш руку сильнее, и от кулона не останется мокрого места. Каждый дефенсор имеет уникальный номер, и не так-то легко получить новое защитное устройство

взамен утерянного или испорченного.

Эву подкидывает на месте. Мэл видит: еще мгновение — и она бросится на гада, чтобы вцепиться ногтями в лицо.

Камыш читает в глазах Мэла обещание долгой и мучительной смерти и бросает цепочку с кулоном на пол. Эва поднимает дефенсор и бережно вытирает.

— Кто отобрал? — спрашивает, обращаясь к толпе.

— Сам снял! — выкрикивает весело кто-то из зрителей. — У него любовь.

Эва смотрит на зевак, возрадовавшихся бесплатному зрелищу, задерживает внимание на пунцовых щеках Левшуковой, запоминает физиономии ухмыляющегося Камыша с сотоварищем. Очередь доходит до Мэла, и взгляд Эвы окатывает его холодом и неприязнью. Что ж, ожидаемо.

— Никакая любовь не стоит того, чтобы отдать за неё дефенсор, — заключает она и надевает цепочку с кулоном на шею пацану, застегивая сзади. Спасенный дельфинчик ныряет под застиранную линялую футболку.

— Пошли, — Эва берет малька за руку и ведет через толпу.

Спектакль окончен, зрители расступаются.

Слова излишни.

Мэл помогает Эве одеться. Она следит, чтобы пацан застегнул куртку, и заботливо обматывает его шею шарфом.

Оказывается, среди зевак затесалась и соседка из общежития, а Мэл не заметил. Аффа хмурится, надевая шапку и пальто.

Эва берет малька за руку и поворачивается к Мэлу за сумкой, которую тот забрал у лестницы.

Он отрицательно качает головой.

"Как хочешь" — пожимает плечами Эва и ведет пацана, словно несмышленное дитя, к парадному выходу из института. Ей плевать на сплетни и пересуды. За спиной напевно горнит звонок, и воздушная волна ударяет в закрывшуюся дверь.

Аффа шагает позади, почти вровень с Мэлом, изредка поглядывая на него, и продолжает хмуриться.

Они идут в общежитие.

Радик послушно перебирал ногами как истуканчик: из общежитского холла свернул налево, молча доплелся до швабровки. Аффа тоже беззвучно ушла к себе.

Я протянула руку, и Мэл снял с плеча сумку, возвращая.

— Заходи, — толкнула парнишку, открыв дверь.

— Эва, — выдавил он. — Я пойду, наверное...

Это были первые слова, сказанные им.

— Никуда ты не пойдешь, голубчик, — подтолкнула Радика — Мы с тобой еще не наговорились.

Юноша покорно шагнул в комнатушку.

— Я сейчас, — предупредила его и прикрыла дверь, оставшись со своим парнем в коридоре. — Мэл, мне сейчас некогда. Потом позвоню.

Не могу смотреть на него. Не могу встречаться глазами, не могу прикасаться. Мой столичный принц был там, среди похабно ржущей толпы, и не остановил, не прекратил чудовищное представление.

— А архив? — поинтересовался спокойно Мэл.

— Потерпит. Никуда не убежит, — сказала и ушла в швабровку, оставив его в одиночестве.

Радик так и стоял около двери, замерев как соляной столп. Я сгребла в кучу покупки, разбросанные на постели, и кинула в угол под ветви голубого страшнучего дерева. Сейчас не до порядка, займусь уборкой при случае.

— Давай, садись, — подтолкнула юношу к освободившейся кровати. — Будем долго и упорно рассуждать, как ты докатился до такой жизни.

Парнишка неохотно выполнил требование. Чувствовалось, он был скован и зажат. Спрятался в скорлупе, понуро глядя в пол и изучая щели между досками.

— Какого фига ты снял дефенсор*?

— Просто снял — и всё, — ответил вяло Радик. — Эва, может, я пойду, а?

Как же расшевелить его? Мне нужно понять, а ему — выговориться. Нельзя отпускать Радика. Куда он пойдет? К соседу-хохмачу? Наверняка весь институт обменивается горячей новостью.

— Так дело не пойдет. Сдал экзамен?

— Сдал.

— Ну, и как? — тянула из юноши слово за словом.

— На трояк, — ответил он уныло. — Забыл термины, запутался в допвопросах.

— Ну, а потом? Каким ветром тебя задуло к лестнице?

Радик не ответил, повесив голову. Опять замкнулся, закрылся. Что делаю не так? Или говорю не те слова?

— Сиди здесь и не смей никуда уходить, — велела парнишке и, вынув из сумки сотенную купюру, вышла в коридор.

Кого бы попросить? Может, Капу? У него, кстати, и дверь открыта.

Я заглянула, и при моем появлении Мэл и сосед вскочили, прервав разговор. Наверное, Мэл делился впечатлениями от бесплатного спектакля у лестницы.

Парень, по-прежнему в куртке, вышел в коридор.

— Как я понимаю, отмечалово накрывается медным тазом, — сказал, отгораживая Капу закрывшейся дверью.

— Правильно понимаешь, — согласилась, отводя глаза в сторону.

— Эва, он не ребенок. И сам снял дефенсор*. Его решение — его проблемы.

— А ты смотрел. Стоял в сторонке, смотрел, как все, и похохатывал!

— Не похохатывал. Его никто не заставлял.

— А кто заставлял того гада накладывать гипноз? — вспылила я.

— Что же, теперь будешь опекать пацана до старости, как заботливая мамочка, и утирать сопли?

Неужели не понимает? — поразила я твердолобости Мэла. Побывал бы на месте парнишки и сразу бы проникся, почувствовав на своей шкуре стыд и последствия чужого вторжения в сознание и память. Теперь Радика одолеют такие же симптомы, как при сотрясении мозга, которые затянутся на несколько дней. И наверняка успела заболеть голова.

— Они заставили его раздеться!

— Ну и что? Подумаешь, — пожал плечами Мэл. — Зато пацан закалится. Посидит, подумает и поймет, что был дураком. Жизнь-то не закончилась. К следующему экзамену о

нем забудут.

Как у Мэла просто получается. Ничего особенного. Словно остановился, чтобы высморкаться в платок, и пошел дальше.

— Мне не нравится такая закалка.

— От ошибок никто не застрахован. Кто ты для него? Так и будешь утирать слезки, когда он продолжит спотыкаться? А как же мы с тобой, Эва? В конце концов, это смешно.

— Он мой друг, — заявила твердо. — И я хочу быть рядом с ним.

— С чего ты взяла, что ему нужна твоя помощь? И у тебя есть своя жизнь. Тебе нужно в архив, и еще мы договорились отметить вечером сданный экзамен. Мама вот приглашает на обед, и Маська оборвала телефон, на низком старте мчится в гости. Что я им скажу? Что вообще буду говорить? Что ты бросаешь всё и бежишь по зову сердца, чтобы помочь больному пацану, который не может разобраться в себе? Это же смешно. Что скажут люди? Они не поймут.

Говорил бы прямо, что под людьми подразумевает родственников и светское общество, чуждое мне.

Иными словами, делай свой выбор, Эва, ибо кольцо на руке обязывает, как и новое положение. Не успел Дьявольский Коготь покрасоваться на моем пальце, как потребовал оплату. На одной стороне Мэл, его семья, традиции и приличия высшего света, потому что "так надо", и на другой — моя совесть и сердце, которое болит от беспокойства за Радика.

— Люди ничего не скажут, и никто над тобой не посмеется. Если я компрометирую твою фамилию, могу отдать кольцо Севолоду.

Мэл ударил кулаком по стене, заставив меня испуганно вздрогнуть.

— Как знаешь. Твое право, — процедил через сжатые зубы.

— Поезжай, Мэл, отдохни. Сегодня был трудный день. Повеселись за нас двоих.

Он посмотрел на меня хмуро, с гуляющими желваками, но не ответил и, порывисто развернувшись, ушел.

Вот и всё. Не потребовалось долго ждать, чтобы выявить разницу в наших характерах и в мировоззрении. Белая полоса сменилась черной, хотя у меня и Мэла разные понятия о зебростости жизни.

Оказывается, Аффа слышала наш разговор. Она выглянула из комнаты и теперь стояла, прислонившись к косяку.

— Вот, — протянула я сто висоров. — Купи что-нибудь. Нужно занять рот. И чтобы не готовить.

Девушка кивнула и скрылась за дверью.

Радик сидел на кровати, поджав ноги, и я пристроилась рядом. Натянула одеяло на себя и на него, чтобы не замерзла спина возле стены.

— Голова болит? — спросила первым делом, и юноша помотал отрицательно. — Как заболит, сразу скажи, понял?

— Ладно.

— Расскажи, как это — любить так, что не страшно отдать дефенсор*. Я не смогла бы. Я слабее тебя.

— Смогла бы, Эва, — улыбнулся парнишка. — Не представляешь, какая ты сильная.

Если улыбается — это хороший признак. Глядишь, всё наладится.

— Смеешься? Слушай, ну, ты и конспиратор, — ткнула его шутливо в бок. — Я и не догадывалась, что ты... что тебе нравится девушка.

Дрянь, правда, а не девушка.

— И к тому же старше тебя. И когда успел? — пожурила Радика. — Я думала, готовишься к сессии, а ты в облаках витал.

— Я учил, — вздохнул юноша, снова впад в меланхолию.

— Буду с тобой честна. Эта девчонка... не понимаю, как ты углядел в ней что-то хорошее, кроме внешности. Она — курва и общается с такими же, — вспомнила я обед в столовой, когда зазноба паренька сидела в обществе Эльзы Штице со свитой. — Неужели повелся на красивое личико?

— Разве ты жалуешься на солнце? — выдал Радик. — Вблизи оно может сжечь дотла, а издалека согревает.

Я воззрилась на него в удивлении. Сравнил тоже. В моем понимании солнце — источник всего живого на Земле и символизирует рост, развитие. А эта стерва... разве можно сравнивать ее с солнцем? В ее душе тьма и пустота.

Да, дела обстоят гораздо хуже. Парнишка влюблен, и горячность чувств закрыла глаза на недостатки реальной личности.

— Ну, а она?

Взгляд Радика без слов пояснил, на каких позициях находились юноша и мечта его сердца. Девица и не подозревала, что в институте учился убогий мальчишка, и не замечала нескладного тощего паренька с влюбленными глазами.

Мне вспомнился разговор с Вивой и Аффой в переулке Первых Аистов об успешных ребятах и не очень. Хлюпики и заморыши — тоже люди и тоже любят, мечтая о большем, чем тоскливые взоры издалека. Но почему-то выбор их симпатии странен и стопроцентно одинаков. Серые невзрачные мотыльки летят на свет своего солнца и сгорают в его лучах.

И всё равно не понимаю. Ну, потомился бы парнишка на расстоянии, и, может, со временем пыл пропал. Зачем полез на амбразуру?

— Почему сегодня? — спросила у Радика. — Что изменилось? Не вчера и не перед Новым годом.

— Из-за зверя. Я все-таки увидел его! — похвалился паренек, и лицо озарилось внутренним светом.

— Чьего зверя? — напугалась я. — Этой девчонки?

Упоминание о животине девицы вызвало у юноши новый всплеск уныния. Видимо, внутренняя сущность вертихвостки выглядела неоптимистично или устрашающе.

— Нет, своего. И он такой же, как и твой! — похвастал Радик, считавший мое зверье совершенством. — Только косоротый, кривобокий и криволапый. И маленький. Но он обязательно вырастет!

— Конечно, вырастет, — обняла парнишку и притянула к себе. — Это здорово, что твой зверь показался.

— А решился, потому что увидел тебя с твоим парнем — вчера и сегодня.

— И что? — не уловила я связи между встречами в институте и объяснением Радика в чувствах.

— Ты опять разозлишься.

— Нет, обещаю, — заверила клятвенно.

— Между вами такое... — сказал юноша и замолчал, не зная, как объяснить. Наверное, подбирал слова, чтобы сказать пообтекаемее, как моя животина от радости выделявала цирковые па, словно дрессированная, и преданно поглядывала на зверье Мэла.

— Ужасно выглядит, да? — подтолкнула я парнишку к продолжению беседы.

Вместо ответа Радик, потянувшись, взял со стола скомканную салфетку, забытую вчера впопыхах, и разорвал на две части. Линия разрыва получилась с неровными краями — ребристостями, пиками и впадинами.

— Это ты и твой парень, — юноша потряс кусочками в левой и правой руке. — Разные и непохожие по отдельности. Но вместе получается вот что.

Обе части, совместившись, снова стали единым целым. Неровные выступы легли в ямки, пики совместились с впадинками, ребристости исчезли. Идеальное салфеточное равновесие.

— Вот я и подумал: если его зверь принял тебя, почему не попробовать и мне? Конечно, глупо, но решил, что если наши с тобой звери — одной породы, то все получится.

Странная аналогия. Нам с Мэлом есть за что зацепиться: я мотала нервы ему, а он — мне, в то время как Радик не смел подойти к своей мечте, вздыхая и любясь на расстоянии, не говоря о чем-то большем.

— Зря ты думаешь, что слабая. Твой зверь сильный, я таких не встречал. Их вообще мало, зверей нашего вида, а те, которые попадают, укрощены, приручены или загнаны хозяевами в клетки. Жалко и тех, и других, — поделился наблюдением знаток внутреннего животного мира.

— Значит, мы с тобой — вымирающий вид? — рассмеялась я. Вышло натянуто.

Не парнишка должен нахваливать меня, а я — его, чтобы поднять настроение. Хорошо, что разговор о зоопарках ушел в сторону от шоу, устроенного у лестницы, но когда-нибудь Радик вернется к тому, что произошло в институте, и заново переживет в воспоминаниях случившееся. Это так называемые отдаленные последствия стресса, о которых мне неоднократно напоминали Стопятнадцатый и профессор.

— Ничего, что мы сидим с тобой? — забеспокоился юноша. — Твой парень не против? Может, все-таки пойду? Не хочу вам мешать.

— Моего парня зовут Егором. Егор Мелёшин. Мэл. И он не против, потому что понимает. Не волнуйся, — соврала с легкостью.

Интересно, по поведению зверя заметна ложь? И мой ли теперь Мэл? Его рассердил сделанный мной выбор. Кольцо на пальце ко многому обязывает, но готова ли я к переменам? Мэл действует из лучших побуждений, он не причинит мне вреда, тогда почему вдруг явственно почудилось, что мою волю гнут, а свободу пытаются зажать в тиски?

— Зверь моего парня... Какой он?

— Зачем тебе? — спросил вяло Радик. Похоже, он начал осознавать произошедшее у лестницы. — Лучше жить и не знать. Вот я не знал бы, и ничего не случилось. А я поверил. Зачем? — обхватил он голову руками.

В дверь постучали. Это Аффа принесла объемистый пакет, молча пересыпала мелочь мне в ладонь и ушла.

Есть люди, у которых во время стресса пропадает аппетит, потому что организм отторгает пищу. А другие, наоборот, запихивают в рот все съедобное, что попадает под руку, лишь бы занять себя. Сейчас проверим, много ли у нас общего с Радиком помимо зверей, и для начала слопаем мороженое.

Аффа, молодчинка, позаботилась и о ложках. Лозунг на литровом ведерке гласил: "Ваши мечты — в вашем вкусе".

Какие у меня мечты на данный момент? Никаких. В голове засело беспокойство за

Радика, остальные проблемы затерялись на втором плане, задвинулись в дальний угол. Поэтому и мороженое имело привычный ванильный вкус.

— Горькое, — сморщился парнишка и отложил со вздохом ложку.

— Давай сластить. Жаль, если пропадет.

И я начала рассказывать Радике об интернате. О том, что меня долгое время считали умственно отсталой, о том, что была мелкой как глист, и получала от всех кому не лень, но почему-то верила, что на земле есть места лучше, чем в интернате, а люди злые из-за обстоятельств, а на самом деле у них много хороших качеств, только глубоко зарытых. Рассказала и об Алике, ставшем моим другом и защитником, а затем переключилась на путешествия по стране. Поведала о местах, в которых мне невольно довелось побывать, и о людях, населяющих те края, и еще вспомнила различные смешные случаи и казусные моменты из прошлого.

Рассказывала долго, пока не осипло горло, и вдруг заметила, что за окном стемнело, а Радик задремал, положив голову мне на плечо. Осторожно поднявшись, устроила парнишку на кровати, и он забормотал бессвязно во сне, свернувшись калачиком.

— Спи, спи, — укрыла его одеялом и подоткнула, погладив.

Тоже мне заботливая мамочка. Может, Мэл прав, и моя помощь навязчива и вовсе не нужна Радике? Пусть не нужна, но для меня важна.

Растаявшее мороженое отправилось в унитаз — как ни запихивай, а нет аппетита, и всё тут. Я проверила звонки — входящих вызовов не было, — и отключила телефон. Что делает Мэл? Веселится с друзьями или объясняет родителям, что история с кольцом — ужасное недоразумение, и что он разыграл родню?

Почему Мэл не захотел понять меня? Почему не остановил ублюдка-гипнотизёра?

Я пыталась представить себя и Мэла, поменявшихся ролями, — и не могла. Он и его друзья принадлежали к сорту людей сильных, уверенных и бескомпромиссных. Их звери — не чета моей неуклюжей животине и открывшейся зверюшке Радика. Все в мире относительно, — вздохнула философски. Кому-то суждено быть хищниками, а кому-то — овцами. Иначе нарушится равновесие.

Включив фонарик, я села за стол и взялась карябать список ближайших дел. Завтра пойдем с Радиком аптеку и купим лекарства, облегчающие последствия гипноза. И нужно посоветоваться со Стопятнадцатым или профессором и записаться на прием к хорошему психологу. Потом устроим с парнишкой пир на весь мир и пригласим Капу с Аффой. И Виву позовем, и Лизбэт, если, конечно, та не задерет высокомерно нос. А еще сходим в парк иллюзий или поедем в цирк на выступления сабсидинтов*. Или сядем в первый попавшийся автобус и будем кататься весь день, смотря из окна на столицу. Уверена, Радик не бывал нигде, кроме квартала невидящих.

Получается, работу в архиве я прогуляла во второй раз. Наверное, это к лучшему. Теперь уж точно уволят. Ну и ладно, баба с возу — кобыле легче.

Люди — непонятные существа, — размышляла спустя минуту, глядя на русую макушку спящего. — По натуре животные, они, тем не менее, испытывают потребность защищать, лелеять, оберегать кого-то. Возможно, та высокомерная девчонка, что посмеялась над Радиком, была лишь поводом, а на самом деле парнишке хотелось чувствовать себя нужным и значимым для кого-то. Как и мне.

Открыла глаза словно от толчка, с затекшими руками. Оказывается, я уснула, сидя за столом. Первый час ночи, а кровать пустует. Значит, Радик ушел и не стал меня будить. Куда

он отправился? В комнату в общежитии или к дяде в квартал невидящих? Утром зайду за парнишкой и потребую больше не сбегать без предупреждения.

После того, как на автопилоте завершились приготовления ко сну, я включила телефон. Мэл так и не позвонил. Наверное, ждал, что отзовусь первой и признаю свою неправоту. Что это: воспитательный маневр или после размолвки ему так же плохо, как и мне?

Покрутив "Приму" в руках, я выбрала на экране "моего Гошика", но не решилась нажать кнопку с трубкой. Что скажу Мэлу? Радик ему не интересен, а меня сейчас волнует только парнишка.

Телефон запиликал, и я ответила на вызов дрожащей рукой.

— Привет, — сказал "мой Гошик" глухо, но ровно.

— Привет.

— Как ты?

— Нормально. А ты?

— Терпимо. Как пацан?

Надо же, все-таки он спросил.

— Поговорили, и Радик ушел.

— Жди, сейчас приеду, — сообщил Мэл. Он не спрашивал, он утвердил.

Приедет, и о чем мы будем говорить? О Радике? О том, что мои завтрашние планы связаны с ним, а не с Мэлом? Или разговоров не будет, а будет постель?

Перед глазами встала сутулившаяся фигурка в окружении смеющихся лиц и показывающих пальцев. Мэл был там, он мог остановить. Подошел бы к белоглазому, врезал по мордасу и прекратил комедию. Почему он не сделал этого? Или причина в Радике? Будь на месте парнишки любой другой человек, неужели бы Мэл допустил унижение?

Нет, не могу видеть его сейчас. Я кинусь в обвинения, Мэл опять не поймет сути упреков, и мы заново рассоримся.

— Мэл... Егор... Давай встретимся завтра. Позвоню, как проснусь, ладно?

Он помолчал. Наверное, осмысливал натянутую интонацию в словах.

— Хорошо, — согласился. — До завтра. Спокойной ночи, Эва.

— И тебе... Егор. Тебе тоже спокойной ночи.

Тревожное чувство не исчезло даже во сне, и поэтому ставшее знакомым сновидение о чащобе не вызвало тех же ощущений, что прошлой ночью. Невидимый хозяин мгновенно появился поблизости, кружа за деревьями и призывая к игривости и флирту. Однако попытки оказались тщетными, и его хорошее настроение сменилось недоумением и растерянностью, вскоре растаявшими как дым. Бег превратился в погоню. В боку колело, дыхание прерывалось, в глазах потемнело от недостатка кислорода, ноги заплетались, а хозяин методично и хладнокровно преследовал, дожидаясь, когда жертва упадет без сил. И я свалилась в какой-то овраг, полетев кубарем.

Проснулась с болью в теле, когда за окном разгорался рассвет. Мышцы ломило, в горле пересохло. Пришлось выпить, наверное, половину чайника, прежде чем жажда утолилась. Беспричинная тревога не проходила. Суть её, пока неуловимая, давила, лишая спокойствия.

Одевшись, я отправилась по сонному общежитию к Радике. Пришлось долго и упорно стучать, пока дверь не открыл его сосед в подштанниках до колен и с волосатой грудью.

— А-а, — зевнул во весь рот, не став ругать за раннюю побудку, и пригласил: — Заходи, погреешь.

— Где Радик? — спросила вместо приветствия.

— Откуда мне знать? — почесал он грудь. — Со вчерашнего утра не видел. Так зайдешь?

Я ринулась в швабровку. Куда мог пойти парнишка? К дяде! Конечно, куда же ему идти?

Но руки уже натягивали сапоги и надевали шубку с шапкой, а ноги торопливо понесли к институту. Рассветные сумерки высветлили морозное безоблачное утро. Северный ветер, воришкой прокрававшийся ночью в столицу, леденил лицо и руки.

Тревога росла. Она напознала как грозовой фронт, заняв небо до горизонта, и опутывала спокойствие как щупальца спрута.

"Зверей нашего вида мало"... Единицы. И хозяева ломают их, дрессируют, воспитывают, превращая в безвольных и покорных, потому что иначе в этом мире не выжить.

Не выжить. Вот почему таких зверей мало. Кто не приспособливается, тот не выживает.

Ускорив шаги, я запнулась на повороте и едва не упала, но, не притормаживая, побежала дальше.

Не выживают... Не выживают...

Пусто на крыльце, и окна темны. Выдохнув с невольным облегчением, я заметила вдалеке две машины: одну — с красным крестом и вторую — черную, зловещую, а рядом несколько темных силуэтов. Кажется, среди них был Стопятнадцатый в пальто и знакомой шапочке-пилотке. Его монументальную фигуру не спутаешь ни с чьей другой.

Пошатываясь, я побрела туда. Как слепая переставляла ногами и не верила. Мало ли почему люди собрались, может быть, у Монтеморта сердце прихватило, или голубь во сне упал с крыши и сломал лапку.

— Пустите, — протолкалась между собравшимися, задев причитающую вахтершу.

Знакомые лица... Хмурый Михаслав Алехандрович, Царица в роскошной шубе — бледна, но в целом хорошо выглядит... Морковка, мужчины в белых халатах... Мрачный Альрик, тип в полушубке задает вопросы Миарону Евгеньевичу и записывает в блокноте. Еще кто-то...

Поникшая сторбленная фигура архивариуса у распахнутого темного зева машины скорой помощи. Рядом тележка-каталка, на которой лежит накрытое голубой тканью тело. Ветер-проказник играючи отбросил край тонкого савана, обнажив ершик светлых волос.

Ноги отказали, и я осела на снег.

Кажется, меня пытались поднять. Уговаривали, убеждали. Совали под нос что-то дурно пахнущее.

Не хочу вставать. Хочу, чтобы сердце вмерозилось в лед. Хочу, чтобы застыла душа. Может, тогда утихнет боль?

Я смотрю в небо. Гроза пришла — от края земли и до края. А над крышей института стучит, дребезжа стеклом, створка раскрытого настежь чердачного окна, оккупированная гулякой-ветром.

ardenteri rivas*, ардентери ривас (перевод с новолат.) — горячий поток

сабсидинты* — те, кто тренирует тело и развивает внутренние резервы организма

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

20. Что наша жизнь? Игра. Чей ход?

Что день, что ночь — всё одинаково. Хотя нет, между ними имелись отличия: днем светило солнце.

После трагедии с Радиком я появилась в институте лишь единожды, чтобы забрать

компенсацию за вынужденный отпуск. Прочие новости, гуляющие по институту, сообщали или Аффа или Мэл или Капа.

Аффа не кидалась обниматься, не делилась сочувствием и не пускала горестную слезу. Она сухо сообщала последние сплетни и исчезала в своей комнате, либо уходила в пищеблок.

Лизбэт после экзамена уехала к родителям в пригород, избавив меня от счастья столкновений на одних и тех же квадратах общежитского закутка.

Следствие длилось недолго и озвучило официальную версию: несчастный случай. После ментального вторжения в сознание у человека разболелась голова, возникло головокружение, вдобавок проявились прочие признаки ухудшения самочувствия. В ту же копилку приплюсовались последствия травм из-за аварии на мотоцикле, случившейся три года назад. В итоге потеря ориентации и случайное падение из окна.

Удобный вывод, что ни говори. Возможно, следствие не ошиблось. Радик попал в институт незадолго до закрытия, а рано утром тело юноши обнаружила вахтерша на дорожке у института. Получается, он сознательно поднялся на чердак и открыл окно. Остальное неизвестно.

О чем думал Радик, глядя с высоты на спящий город? Какие демоны терзали его? В какой момент он решил избавиться от проблем кардинальным способом?

После того, как были соблюдены формальности, и получено согласие департаментов — Первого и правопорядка — на погребение, Швабель Иоганнович уехал. Повез племянника к матери, в районный центр в четырехстах километрах от столицы, чтобы предать земле.

Чердак опечатали и навесили на люк огромный замок.

Поскольку никто из персонала института не имел соответствующей группы допуска, кроме Штусса, а мне не полагалось работать в отсутствие начальника, то архив закрыли. Меня отправили в вынужденный отпуск и компенсировали неустойку утроенным окладом за нерабочие дни. Каким-то образом Стопятнадцатый замял прогул накануне гибели Радика.

"Заберите назад свою подачку!" — едва удержалась, чтобы не вспылить, когда в бухгалтерии мне вручили расходный ордер на двадцать висоров.

— Хочу покрыть долг за талоны, — сказала грубо картавому мужчине в подтяжках, и тот оформил приходный ордер. Дурацкая бухгалтерия с дурацкими дебетами и кредитами! Сначала следовало получить неустойку, а затем вернуть 50 висоров в кассу, что я и сделала. Подавитесь своей мелочевкой.

Гибель Радика потрясла институт. Подобных эксцессов не случалось со времен основания сего учебного заведения. В коридорах стояла непривычная тишина. Студенты, готовившиеся к последнему экзамену, вели себя ниже травы, тише воды. Особо разговорчивые и любопытные собирались небольшими группками и делились вполголоса новостями и слухами.

Факультет элементарной висорики прославился в наихудшем смысле этого слова: и погибший, и трое зачинщиков — студентка и молодые люди, спровоцировавшие юношу на отчаянный поступок, учились на этом факультете.

Руководство института во главе с ректором, бросившим дела в Министерстве образования и срочно примчавшимся в альма-матер для внутреннего разбирательства, провело закрытое совещание, на которое были приглашены родители студентов, непосредственно повлиявших на психическое состояние погибшего.

Родителям предложили перевести детей без огласки в другие ВУЗы, в противном случае

последним грозило исключение из рядов студенчества за нарушение запрета на использование вис-способностей в стенах института.

На этом месте возникли загвоздки. Родители студента-ясновидца в спешном порядке оформляли документы на перевод в провинциальный колледж после завершения сессии. А родители студентки Левшуковой и молодого человека, обладающего даром гипноза, отказались категорически.

— Погибший сам снял дефенсор, этому есть немало свидетелей, — заявила мать Левшуковой, худая как палка женщина с нервным лицом. — Со стороны моей дочери не было ни насилия, ни принуждения, ни использования вис-волн.

Родители студента-гипнотизёра угрожали подать жалобу в Министерство образования и прочие высокостоящие инстанции, настаивая на привлечении общественности к факту шантажа со стороны руководства института. Они не видели злого умысла в поступке сына и объясняли случившееся низкой стрессоустойчивостью погибшего.

— Согласен с тем, что моего сына следует подвергнуть дисциплинарному наказанию, — сказал отец студента-гипнотизера. — Однако, внушая, он использовал собственные резервы, не задействовав вис-волны. Поэтому исключение из института — против правил. Опровергните мои слова.

Опровергнуть было нечем. Разве что как совестью участников представления.

Радик...

Мысли о нем не отпускали ни на минуту.

В эти дни во мне боролись две личности: сурового обвинителя и робкого защитника, ведших бесконечную тяжбу.

Прежде всего, я обвиняла себя — в том, что не удержала, что упустила, что не подняла тревогу сразу. Нужно было не ползти в общежитие, а тащить волоком в деканат или выше, в ректорат, и бить во все колокола. Почему спокойно легла спать, хотя одолевали предчувствия? Зачем рассказала Радике об убежище на чердаке?

Следующим перед обвинением предстал Мэл.

Я водрузила столичного принца на пьедестал, который оказался шатким.

Я верила в Мэла и в то, что он особенный, не такой как все. Самый лучший, необыкновенный.

Я наделила Мэла достоинствами и теперь усомнилась в их наличии.

Нельзя разочаровываться в любимых.

Мэл примчался в медпункт, куда меня отвели, не дав проститься с Радиком. А может быть, отнесли. И вроде бы это был Альрик. Или декан. И Морковка поставила укол. Или два. Не помню.

Оказывается, Мэл звонил, а "Прима" осталась в общежитии. Уж не знаю, какими путями он проведаль, но появился в институте меньше чем за час.

— Эва! — обнял меня и присел на корточки, заглядывая в глаза. — Если бы я знал! Если бы я знал, — повторял он.

Я сидела на каталке, свесив ноги, и упорно отводила взгляд.

Не могу видеть его. Не хочу разговаривать. Не желаю прикасаться.

Когда Мэл приобнял, чтобы поддержать и проводить до общежития, я вырвалась и пошла впереди.

Шла и думала: имею ли право убиваться и скорбеть больше, чем дядя Радика? Кто дал мне такое право? Его дал Радик — мой друг.

Придя в швабровку, закрылась на замок и упала на кровать.

И обвинила Радика. Трус, трижды трус! Почему он сдался? Почему опустил руки?

Мы с ним сильные и справились бы с любой проблемой.

Нет, Радик — не слабовольная рохля, — убеждала себя. Он не мог поддаться сиюминутному решению.

Оставалось уповать на правильность вывода скоротечного следствия: юношу скрутила сильная головная боль, и сознание помутилось. Он потерял ориентацию и выпал из окна.

Ага, случайно пришел на чердак, случайно открыл створки и высунулся подышать свежим воздухом.

Да, я обвиняю Радика в трусости!

Совершая свой поступок, он не подумал о тех, кому дорог: о матери, поседевшей от горя, о дяде, тянувшем племянника в люди и заботившемся о нем. Не подумал обо мне.

Он нужен мне, черт побери! — зло ударила подушку. И сбежал. Как Алик.

Для того были важнее собственные интересы, нежели задохлая девчонка, прятая за его спину.

Мэл не ушел. Наверное, он обрелся у Капы, свалившись к нему неожиданным гостем.

К обеду в наш закуток притопала тётка-вехотка и передала повестку из Первого департамента. "Папене Э.К. явиться такого-то и во столько-то по указанному ниже адресу". Она долго стучала, а я отказывалась открывать, решив, что это Мэл, и лишь услышав голоса за дверь, оторвалась от созерцания потолка и выглянула в коридор, где комендантша громогласно общалась с моим парнем.

— Тебя вызывают из-за драки в "Вулкано". Наверное, кто-то упомянул твою фамилию на дознании. Не бойся, это не допрос, — поспешил успокоить Мэл. — Стандартный разговор для протокола.

Не боюсь я ничего. Мне не страшно. Моему зверю наплевать.

А Мэл уже разговаривал с кем-то по телефону и договаривался о встрече, вышагивая по швабровке.

Потом мы поехали в Первый департамент, и бойкот джентльменству Мэла продолжился. Он может сколько угодно кичиться воспитанием и манерами — меня теперь не купить дешевыми трюками.

Вытянутые искривленные проемы окон и дверей департамента уже не казались причудой гениального архитектора, они напоминали лица, искаженные ужасом. Разве кто-то приходил туда по доброй воле?

Меня начало потряхивать. Видимо, Мэл сообразил, что в любой момент я сорвусь и устрою публичную истерику. Он взял крепко за руку и сказал: "Будь сильной. Так надо", упреждая попытку вырваться. Мэл не догадывался, но его слова подействовали как красная тряпка на быка. Никто не смеет называть меня слабой! Мой зверь силён, — так сказал Радик.

Мэл повел по коридорам, набитым людьми, и по пути опять общался с кем-то по телефону. Перед кабинетом нас встретил мужчина в годах и с легкой сединой на длинных бакенбардах.

— Наш адвокат, — сказал на ухо Мэл. Разве меня в чем-то обвиняют?

Как оказалось, никто не собирался ничего вменять, но адвокат, зачитав мудреные статьи, настоял на своем присутствии и присутствии Мэла при беседе. Дознаватели не особо препятствовали. Они вымотались, опрашивая сотни свидетелей и участников ЧП в клубе.

В итоге говорил Мэл, а мне доверили кивать, поддакивая.

Да, я и Егор Мелёшин посетили в воскресенье ночью развлекательный центр "Вулкано". Да, я стала свидетелем массовой драки. Да, я пришла в клуб с молодым человеком Петром Рябушкиным, с которым посетила ранее прием "Лица года". Да, Рябушкин участвовал в бою на ринге, и мы потеряли друг друга. Да, Егор Мелёшин помог мне выбраться из начавшейся суматохи. Создал овшто* и вывел, подняв на техническом лифте, после чего отвез в общежитие.

Слова Мэла запротоколировали. Сначала отпечатанный текст прочитал адвокат, затем Мэл, и после этого я поставила подпись в трех экземплярах. Когда мы вышли из кабинета, Мэл по-дружески распрощался с адвокатом, пожав ему руку.

По приезду в общежитие я опять спряталась в своей норке, отгородившись от действительности, и погрузилась в радужные воспоминания.

Радик в архиве, Радик у книжного магазина с шарфом в инее, улыбающийся Радик, наши обеды и ужины, рассказы о зверях и о "грязности", смущенный Радик, хвалебные оды колбасе, расспросы о житье-бытье, об учебе и сессии. Будничное и безыскусное общение, но каждая фраза паренька, отложенная в памяти, светилась искренностью и непосредственностью.

Если бы не авария, Радик мог остаться слепым, но судьба уготовила ему шанс стать личностью в обществе висоратов. С каким восторгом парнишка делился успехами в видении волн и рассказывал, как дядя гордится им! Радик верил людям, как верил в то, что мир прекрасен и совершенен. А циничный висоратский мир пережевывал доверие наивного юноши и выплюнул.

Странные у нас стали отношения.

Несчастье, произошедшее с Радиком, отрезало и обрубало всё, чего мы достигли в отношениях с Мэлом. Меня отбросило на месяц назад, в то время, когда между мной и столичным принцем сохранялась дистанция. За небольшой разницей: теперь Мэл был рядом, лишь руку протяни, но не мог достучаться. Я огородилась высокой стеной и покрылась толстой коркой безразличия. Молчала из упрямства, игнорировала, демонстративно вырывала ладонь или сбрасывала его руку.

Мэл прописался в общежитии. В первую ночь он уехал домой, когда я заперлась в швабровке и, как малый ребенок, не отвечала на его звонки и стук в дверь, на просьбы открыть и поговорить. Но уже следующим утром, продрав глаза и отправившись по гигиеническим делам, натолкнулась на Мэла, выходящего из душа. Парень вырулил в трикотажных штанах и с голым торсом, вытирая влажные волосы полотенцем.

— Доброе утро, Эва, — сказал обыденно, как будто сталкиваться по утрам при выходе из душа — нормальное явление. Все бы ничего, но дело происходило в общежитии и в моем закутке.

— Как это понимать?

— Очень просто. Мелёшин здесь живет, — сказала выглянувшая из пищеблока Аффа и ткнула ложкой в дверь по соседству со своей, объясняя таким образом, что Мэл занял помещение, приготовленное для некоего столичного охламона из богатеньких.

— Значит, эта комната числилась за тобой? — изумилась я. Для меня Мэл и общежитие считались несовместимыми понятиями.

Парень развеял сомнения:

— Нет, но отдана во временное пользование.

Выходит, тетка-вехотка сдалась под напором и обаянием Мэла и выделила ключи от пустовавшего жилья.

— Хочешь посмотреть? — пригласил Мэл, открыв дверь.

Я дернулась и с грохотом закрылась в швабровке.

После трагедии с Радиком это был первый раз, когда мы поговорили.

В тот же день в коридоре послышался шум, это грузчики затаскивали холодильник из квартиры Мэла в наш пищеблок.

— У меня разнеженный желудок, — пояснил Мэл соседке, и та скривилась.

— Тогда вешай замок на свой холодильник, — заявила я агрессивно. — Никто не виноват, что еда вываливается наружу и мешает под ногами.

Мэл моментально скорефанился с Капой, и основным мотивом приятельских отношений стала опять же пища. Сосед вел полуголодное существование, поэтому щедроты Мэла повалили его самолюбие на спину.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я у Мэла, когда он отправился к Капе с ворохом продуктовых упаковок. — Потребуешь с него вернуть долг за съеденную оленину в вине?

— Не люблю оленину, — сморщился Мэл. — А с Капитосом мы общаемся.

Ну-ну. Уже не безымянный сосед или Чеманцев, а Капитос.

Уж не знаю, как общались парни, но они поочередно заседали друг у друга, и из их комнат не доносилось ни звука.

Мэл заставлял питаться и меня, но терпел неудачи, потому что аппетит пропал напрочь, и пища вызывала неприятие. Ну, еще и потому, что забота Мэла была не нужна даром.

Вторая повестка пришла на следующий день. Теперь меня вызывали в Департамент правопорядка по тому же вопросу: драка в "Вулкано". И снова Мэл с кем-то созванивался и договаривался, и бланки протоколов привез в общежитие мужчина в штатском. Он ждал за дверью, пока Мэл заполнил необходимые бумаги, и я поставила закорючку в строке "Подпись свидетеля происшествия".

Если я не запиралась в швабровке, где валялась на кровати и бессмысленно пялилась на тени от плафончика, то бродила по заснеженным улочкам в районе невидящих и разглядывала окна в домах, пытаюсь угадать, где снимал комнату дядя Радика, и представляла, как племянник приходил к нему в гости. Я изучила изгибы дорожек в небольшом сквере, по которому любил прогуливаться парнишка, наблюдая, как живет район.

Километры наматывались, и черный "Эклипс" медленно следовал за мной по дороге. Удивительно, но Мэл умудрялся ухватывать моменты, когда на меня нападало спонтанное желание слоняться по улицам. Я смотрела на суету и ежедневные заботы обычных людей, и представляла, каково это — жить в мире, в котором слыхом не слыхивали о волнах, разделивших общество на низшую и высшую касты. Ведь когда-то люди были равны, а потом одни возвысились, а другим не повезло попасть в счастливики.

Крамольные мысли. Озвучь их при свидетелях, и меня не выпустили бы из Первого департамента.

Несколько раз я проходила мимо мастерской Олега, но не решилась зайти. В гости нужно идти с радостью и позитивными эмоциями, а я варилась в мешанине противоречий и упаднического настроения.

Брожение по улицам продолжалось до тех пор, пока меня не начинало колотить от холода. Тогда Мэл обгонял, останавливал "Эклипс" и усаживал в салон. Он отводил меня за руку к машине так же, как я вела Радика из института в последний день его жизни.

Мэл отогревал мои руки и пытался кормить нарезанными дольками фруктов, казавшихся безвкусными из-за отсутствия аппетита.

И мы молчали.

Первая же попытка Мэла сказать что-либо или объяснить, закончилась тем, что я выбралась из "Эклипса" и побежала по улице. Мэл долго кружил на автомобиле, прежде чем нашел меня у витрины продуктовой лавки, заиндевелвшую и уставившуюся на бегающие огоньки.

— Эва, пойдем в машину. Ты замерзла. Посмотри, кончик носа побелел, — долго уговаривал Мэл, прежде чем я согласилась.

Психованная истеричка.

Меня раздражала идеальность. Безукоризненный Мэл, безукоризненный салон его автомобиля безукоризненная зима, укрывшая снегом улицы, институтский парк, сквер.

Меня мутило от совершенства линий.

Назло идеальности взяла и провела ногтем царапину по пластику дверцы. Мне вдруг начал нравиться черный снег по обочинам дорог, вобравший в себя гарь и выхлопные газы. Жаль, в квартале невидящих машины попадались нечасто. Зато возле института глаз радовал угольно-черный снежный наст.

Мне нравились кривые изогнутые деревья в сквере и ветви, поломанные непогодой, нравились разбитые скамейки, обшарпанные цоколи зданий, отколотый шифер, замызганные балконы. Я испытывала извращенное чувство удовольствия, глядя на уродства окружающего мира.

Сама не понимаю, что творилось со мной в эти дни. Наверное, приключилась мозговая лихорадка.

Я не задумывалась над тем, что на мне надето, в чем иду на улицу, как выгляжу. Мне было все равно. Капли профессора, витаминный сироп и прочие баночки с коробочками покрывались пылью.

Из меня лезла смелость и бесшабашность. Вот возьму и признаюсь Аффе, что слепая, и у нее вытянется лицо. Или шепну Капе. Или крикну первому встречному: "Эй, слышишь, я не вижу волны и всем вру!"

Рот уже открывался, чтобы сказать правду, но в последний момент меня что-то останавливало. Может, это мама удерживала от безрассудного поступка?

Я дерзила, упрячилась, препиралась или, наоборот, впадала в задумчивость, становясь отрешенной. Во мне собиралось и аккумулировалось нечто взрывоопасное — точно так же, как заряды накапливаются на наэлектризованной поверхности. И эта непонятность зрела словно язвенный нарыв.

Мэл терпел мои выверты, Аффа тоже молчала. Между ними установилось некое перемирие. В зоне зрения неизменно была либо соседка, либо Мэл. Или мне казалось, а на самом деле это я находилась под их присмотром.

— Если тебе интересно, я поговорил с Рублей, — сказал как-то Мэл.

— Нда? — только и спросила, глядя в окно машины.

Уж не знаю, интересно мне или нет. И когда он успел? Вроде бы всегда рядом.

— Рубля... был... э-э-э... удивлен... Но в целом, после общения с ним осталось больше положительных впечатлений, чем отрицательных.

Я хмыкнула. Ничего не понять из ответа.

Не интересовало меня так же и то, каким образом Мэл объяснил семье переселение в

общешитие, но факт оставался фактом — родственники парня, и даже настойчивая сестра Баста или Маруська, не доставали своим вниманием.

Мне же лучше. Надумай Мэл хитростью затащить меня на семейный обед или ужин, я бы нагубила и выставила себя необразованной дикаркой. Вела бы себя нагло и вызывающе.

Вскоре я повздорила с ним.

В очередной раз после блуждания по улицам Мэл усадил меня в машину и отогревал руки, а я отводила глаза и супилась.

— Эва, давай сходим к психологу. К самому лучшему, — неожиданно предложил парень.

— Зачем это? — отозвалась враждебно, выдергивая ладони и прижимая к груди. — Со мной всё в порядке. Я похожа на сумасшедшую? Может, сразу отправишь в психушку?

— Никто и никуда тебя не отправляет. Просто... так не может продолжаться... Ты же губишь себя, Эва! Перестала есть, мотаешься по улицам... Зачем?

— Зато ты нормальный! Тебе вообще фиолетово, что случилось. И Афке, и Капе, и остальным — плевать! Мир не перевернулся из-за какого-то пацана! И аппетит по-прежнему нехилый. Уже выжрал холодильник или только половину?

— Неправда, — сказал Мэл. — Я тоже...

— Что "тоже"? — прервала желчно. — Также переживаешь? Бедненький, плачешь ночами в подушку. Поди не спишь, мучаешься бессонницей.

— Эва, выслушай...

— Не хочу! — закрыла уши и замотала головой. — Не хочу, не хочу, не хочу... Почему ты не остановил их? Почему? Если бы ты остановил, всё было бы по-другому. Неужели нужно воспитывать в человеке зверя, закаляя унижением? А если зверь слаб, и ему требуется время, чтобы вырасти? Ваши расчудесные эффективные методы закаливания увечат и убивают!

Мэл молчал.

— Скажешь, что естественный отбор? — распалилась я. — Выживает сильнейший и приспособленный? Пацан — дурак, потому что решил признаться? Конечно, дурак. Он же видел, что девчонка — дрянь, и знал, что делал, снимая дефенсор*. Он виноват, потому что дал слабину, потому что поверил. Не ошибается только бог. Нет, и бог ошибся, создав человека! Этой дуре всего лишь следовало отшить его по-тихому, а не собирать вокруг толпу. Ненавижу ее!

— Эва, никто не виноват. Это стечение обстоятельств...

— Обстоятельств? — понесло меня. — Неужели? Как мило! Да, я обвиняю её! Обвиняю и того гада, что "читал" и копался в голове! Обвиняю того, кто внушал! Они преспокойно разгуливают по институту, а этот ублюдок и вовсе считает, что не при чем! Я обвиняю всех, кто смеялся и показывал пальцем, и никому не пришло в голову прекратить издевательство! Обвиняю ваше долбаное висоратство, ваши законы и правила! Не хочу быть одной из вас! Ненавижу!

Выскочив из машины, я понеслась по тротуару.

Гнев кипел, и ненависть захлестывала, подгоняя. Ноги довели меня до асфальта, означавшего, что окраины остались позади, и вдоль зданий начался теплый пояс. Я бежала вперед, расталкивая пешеходов, и отвечала грубостями на окрики.

Мэл догнал около какого-то магазина и потянул в проулок между домами, в тень. Он обнял и удерживал, пока я выдиралась и отпихивалась, пытаюсь вырваться. Когда силы на

борьбу с железным захватом иссякли, Мэл погладил меня, выдохнувшись и поникнуто:

— Эва, пойдём домой. Пожалуйста.

Я разрешила взять себя за руку и довести до машины. Всю дорогу до общежития мы молчали, но по приезде ухаживания Мэла вновь были отвергнуты.

Сны о лесе не исчезли и приходили с завидной регулярностью. Более того, они вытеснили прочие сновидения, в том числе из детства.

У меня не было ни сил, ни желания флиртовать и заигрывать с хозяином чащобы, и ему не нравилась моя пассивность. Раздражение и недовольство невидимого спутника пропитали сонное пространство, и он с упорством и настойчивостью охотника преследовал меня по буеракам, рощам, опушкам.

В одну из ночей пришло озарение: это не просто погоня. Это гон. Сильный выносливый самец гоняет самку, пока та не признает его своим господином и повелителем и не преклонит колени, смирившись.

Как днем меня одолевало упрямство в общении с Мэлом, так и во сне я сопротивлялась произволу, и лишь разные случайности вырывали сонное сознание из погони по призрачному лесу.

Преследователь был хладнокровен и безжалостен, он знал, что рано или поздно я остановлюсь и поверну назад. Чего он ждал? Хозяин леса в любой момент мог настичь меня, и все же не торопился, играя, как кошка с мышью. Очевидно, он проверял, насколько сильна и неутомима самка, чтобы выносить потомство.

Из этих снов я выходила мокрой от пота. Одежда душила и мешала, натирая болезненно ноющее тело. Кожу жгло натуральным образом.

Однажды не выдержав, я бросилась посреди ночи в душ и стояла под ледяной водой, пока не начала клацать зубами, и только тогда заметила, что забралась под струи воды в пижаме.

Дрожа от холода и прикрываясь мокрой одеждой, я прокралась на цыпочках к швабровке. Глухая ночь, чего стесняться? Оказывается, и в три часа утра не все спят. В дверях своей комнаты стоял Мэл и смотрел на меня. Слышит, он, что ли, каждый шорох?

Мне и в голову не приходило поделиться с кем-либо подробностями ночных приключений. Утвердившись во мнении, что сон символизировал притяжение к Мэлу, я пыталась самостоятельно освободиться от зависимости.

И ведь не заболела — ни разгуливая по морозу, ни под душем.

А потом пришел Петя.

После гибели Радика я перестала отвечать на звонки, и Мэл общался по телефону от моего имени, испросив разрешение. Мне было все равно, поэтому чемпион, позвонив, напоролся на Мэла, ставшего моим пресс-секретарем.

Наверное, Мэл разъяснил Пете, кто есть кто в нашем королевстве, и предупредил, чтобы тот не задавал лишних вопросов. Собственно говоря, спортсмена заботил единственный вопрос: покаяние и прощение.

Каялся Петя, прощать надлежало мне.

Чемпион снова стал домашним благовоспитанным мальчиком, но дни, проведенные в отделении, сделали его взрослее. Наверное, Петя насмотрелся немало и осознал: у развлечений бывают далеко идущие последствия, которые заносятся в личное дело и вредят будущей карьере, как и подмоченная репутация. Вышло так, что кавалер дочки министра экономики самым свинским образом бросил свою даму на произвол судьбы во время

ужасной драки, поступив как трус.

Поначалу Петя тоже получил изрядную порцию негатива, и, почувствовав мое неприятие, решил, что я до сих пор обижена его безалаберным поведением в клубе. Меня же раздражало само присутствие чемпиона — здорового, розовощекого и толстокожего висората. Но потом в голову пришло, что, окажись парень в хохочущей толпе, он не раздумывая, пресек бы отвратительный концерт, устроенный у лестницы. Эта мысль реабилитировала Петю в моих глазах, и я сменила гнев на милость. Эх, кабы чемпион был там, — резануло меня сожаление. Если бы случайно проходил мимо и из любопытства завернул к сборищу... Пусть Петя — непутевый кавалер, он не остался бы сторонним зрителем шоу.

Мэл наблюдал за сценой извинения, опершись о косяк.

— Эва, прости. Не знаю, что на меня нашло в клубе. Мне нет оправдания, — сказал спортсмен, переминаясь с ноги на ногу. — Я подверг тебя опасности, хотя должен был защищать. Поэтому прими от меня долг. Это самое малое, что могу дать тебе.

Я с удивлением воззрилась на Петю. Еще никто не предлагал мне взять долг. Как его носить? В кармане или на цепочке?

Принять или нет? В конце концов, долг заслужен, не так ли? Ведь из безвыходной ситуации я выкарабкалась самостоятельно — без помощи чемпиона, Мэла и прочих товарищей, гордо называющихся висоратами и бьющих себя в грудь кулаками. Я сильная и справлюсь со всеми проблемами. Мне никто не нужен.

— Хорошо, Петя, принимаю от тебя долг, — кивнула величественно, и бледный спортсмен сглотнул: то ли облегченно, то ли обреченно.

Пусть на собственной шкуре почувствует гнет долговых обязательств, — подумала злорадно. Зато я не ощутила новшества: что с долгом чемпиона, что без него — ноша не стала легче. Непонятный ком, засевший в груди после гибели Радика, мешал соображать и объективно оценивать происходящее.

Петя хотел еще что-то спросить, но не решился и вышел вместе с Мэлом из швабровки.

После их ухода я погрузилась в новый виток фантазий под названием: "Что стало б, если бы". Воображение рисовало прочие финалы унижительного концерта — радужные и оптимистичные. В выдуманной реальности я появлялась у лестницы на пять минут раньше, или Петя раскидывал убудков по сторонам одной левой, или Радик вдруг трезвел от собственной смелости, или случайно сбивалось расписание звонков, и воздушная волна раскидывала толпу по углам.

Позже Мэл перехватил меня в коридоре:

— Звонил Стопятнадцатый. Несколько раз. И еще этот... хромо... Короче, символистик тоже звонил. Предложили прийти на осмотр. Переживают за тебя.

— Пусть переживают за себя, — отозвалась грубо, пряча руки за спину. — Не сумели найти лазейку со своей любимой Царицей, и теперь те гады поплевывают сверху вниз.

Под гадами подразумевалась троица студентов, по сути оставшихся без возмездия в моем понимании о справедливости. Я вменяла Альрику и декану вину за то, что они не придумали повод вышвырнуть их из института. Значит, не захотели! — вспыхнула гневом.

Руки же спрятались от любопытных глаз, потому что подарок Некты маячил на пальце отчетливой взбухшей татуировкой, которую я удосужилась заметить сегодня утром. Когда проявились звенья-волосинки? Наверное, недавно, иначе Мэл бы увидел.

И опять бесстрашие поскакало впереди. Я сильная и справлюсь сама, — заявила упрямо,

отвергая доводы рассудка. И с "колечком" разберусь, и с прочими трудностями.

— Эва, давай сходим вместе, — предложил Мэл, — вот хотя бы... к символистике.

Если бы он потащил волоком или забросил на плечо, то, возможно, я прокричалась и проревелась, но плотину прорвало бы, и мне полегчало. Но со мной обращались как с тяжелобольной, и предупредительное участие воспринималось в штыки, возымев противоположный эффект.

— Ни к кому я не пойду, — выговорила отдельно по словам. — Не вздумай накапать. Я прекрасно себя чувствую.

И опять рассердившись непонятно на что, хлопнула дверью швабровки.

До чего докатился Мэл, — думала в запальчивости. Готов поступиться неприязнью и засунуть меня в лапы профессора, чтобы тот препарировал разрисованный палец как лягушку.

Ничто не вечно под луной, и кирпичики в стене, которую я построила между собой и прочим миром, понемногу расшатывались и выпадали.

Из-за бесстрашия в голову лезли идеи, не дававшие покоя.

— Куда идешь? — спросила соседка, выглядывая из пищеблока и проверяя, не понесло ли меня на свежий воздух.

— К Виве.

— Давай-давай, прогуляйся. Проветришь.

Аффа бдит, значит, Мэла нет в общежитии, — поняла, взбегая наверх по ступенькам. Был вечер, и я не предупредила стилистку о визите, понадеявшись на везение. И удача улыбнулась мне.

Вива открыла дверь.

— Знала, что придешь, — сказала, пропуская. — Удивляет, почему долго шла. Скажу сразу — нет.

— Почему?

— Нет — и всё. И не проси.

Девушка уперлась, а я канючила, не отставая.

— Мне очень надо! Очень-очень, — упрашивала чуть ли не на коленях. — Пожалуйста!

— Нельзя, понимаешь? — ершилась Вива. — Здесь не проходной двор, чтобы шлындать к мертвым, когда захочется. Это опасно. Думаешь, можно заглядывать к ним по сто раз на дню?

— Хочешь денег? — сорвалась я, не сдержавшись. — Тысячу! Две! Пять!

— Сядь! — осадила стилистка, рывкнув, и ее глаза очутились вровень с моими. В зрачках закручивались черные гипнотические воронки. — Хорошо. Ты заплатишь, но сначала скажи, чего хочешь. Формулируй четко.

— Увидеть его. Спросить. Всего один вопрос! — взмолилась я, уцепившись за рукав Вивы.

Девушка отодвинулась. Ее зрачки расширились, закрыв радужки.

— С тебя пять тысяч. Отдашь потом. И запомни: ко мне никаких претензий.

На все согласна. Радик скажет, что послужило причиной и толкнуло его на отчаянный поступок.

— Предупреждаю, устанешь как собака, — запугивала Вива. — Вниз поползешь сама. Я тебя не понесу.

— Хорошо, — согласилась я с внутренней дрожью.

— Когда откроется проход, жизненные силы начнут просачиваться в мир мертвых. Не подари их ненароком кому-нибудь по ту сторону, — ухмыльнулась криво девица, и я снова кивнула.

Вива раскрыла створки трюмо и принесла из соседней комнаты две длинных свечи зеленоватого воска, наверное, с наркотическими добавками, способными пробить защиту дефенсора*. Кстати, запрещенный метод.

Зажженные свечи разместились в подсвечниках, встав солдатиками: одна — на тумбочке трюмо, вторая — напротив, у зеркала, завешенного черной тканью, но сперва девица провела ритуал. Она очертила контуры зеркал горящими свечами, бормоча что-то под нос.

— Сядешь посередине. К мертвым не ходят толпами. Я уйду в другую комнату. Что бы ни случилось, не прикасайся к зеркалам. Там не жалуют подглядывающих.

Вива стянула ткань и скорым шагом скрылась в соседней комнате.

Я судорожно выдохнула, поглядывая по сторонам. Свечи и зеркала разной формы образовали уходящие в бесконечность причудливые коридоры с арками по левую и по правую руку. Желтые огоньки убегали вдаль, теряясь в бесконечности.

Видение пророческого ока! — ударило в голову. Этот коридор открылся в одной из картинок будущего. Но почему так быстро? Мне казалось, между соседними предсказаниями имелась разница не меньше года, а то и дольше.

Помимо неожиданного открытия в сознание проник аромат горящих свечей — тонкий, щекочущий обоняние. Проекция комнаты исказилась и потекла от окна к двери. Мне почудилось, что в круглом зеркале кто-то перемещался, прячась за острыми углами арок.

Тишина вдруг стала вязкой, осязаемой. Я плыла, разгребая её как воду, и хихикала. Нет, смеялась в голос. Совсем не страшно. Весело и щекотно.

В круглом отражении нескончаемого коридора замелькали белые неясные блики, по поверхности зеркала заходили круги, словно от капель.

— Не-е, — погрозила пальцем бесшабашно. — Кыш! Мне нужен Радик! Ирадий... — фамилию-то я и не знаю. — Ирадий, племянник Штусса Швабеля Иоганновича, покажись. Иные — прочь! — скомандовала залихватски. Вот пьянь. С чего бы? Разве что голова закружилась, и возникла пружинящая легкость в мышцах. И вообще, хватит плавать, сейчас полечу.

Круги участились, зарябили и вдруг пропали. Тишь да гладь, только коридор в оба конца, и я посередине на табурете гляжу туда и сюда.

Справа опять началось движение: тени, размытые силуэты. Не поймешь, человеческие или абстрактные. А затем бесконечный паровозик огоньков погас, и в зеркале наступили сумерки.

Раз, два, три, четыре... Приближаясь от одной зеркальной арки к другой... За три взмаха ресниц...

Передо мной стоял Радик... По ту сторону зеркального круга.

Радик, но не Радик. Он смотрел на меня и спал с открытыми глазами. Плыл в молочной дымке, появившейся из ниоткуда. Медленно склонил голову набок и изучал, не моргая. И был он... прозрачным, что ли? Но не бесплотным, а одноцветным.

Меня пробрал озноб. Наркотическое действие запаха свечей выветрилось из головы в то же мгновение.

Что я делаю? — ужаснулась, оглядываясь по сторонам. Уйти или остаться?

На секунду Радик привиделся плоским мультипликационным рисунком, но морок прошел, и по ту сторону отражения снова стоял вполне материальный юноша.

Зеркало напоминало окно-иллюминатор в кабинете Стопятнадцатого. И до того показались реальными и погруженный в сумрак коридор, и парнишка, приложивший ладонь к стеклу с бледной улыбкой — до боли знакомой и близкой, — что у меня захолонуло сердце. Протяну руку, выдерну Радика из небытия, и он очутится в комнате, рядом со мной.

Не отдавая отчета, я вскочила с табуретки и подошла к зеркалу.

— Радик... — не могла наглядеться, приложив ладонь ко рту. — Как живой...

Паренек застыл изваянием, отвечая приклеенной улыбкой.

Он помнит обо мне!

— Что же ты наделал... Мы бы с тобой всё исправили, глупый! — заговорила сумбурно, и Радик внимательно слушал. — Если бы я знала! Привязала бы к себе и ни за что не отпустила. Почему ты решил это сделать?

Паренек по ту сторону прозрачного окна не пошевелился и не ответил. Он смотрел, не мигая, похожий на восковую фигуру.

Всё-таки галлюцинация. Как предупредила Вива, она не несет ответственности за качество изображения.

Внезапно парнишка отнял ладонь от зеркала и показал на меня пальцем.

То есть? И как понимать этот жест?

Радик снова приложил ладонь к зеркалу. Он перестал улыбаться и теперь смотрел равнодушно, по-прежнему не моргая. В какой-то момент его фигура начала таять. Испугавшись, что паренек исчезнет, я рванулась, чтобы удержать. Побудь со мной еще чуть-чуть!

— Не уходи! — коснулась зеркала, по которому пошли круги. Я вытащу тебя!

Ни тепло, ни холодно. Темно, неясные размытые тени. Шепот — и тут же оглушающая тишина... Где Радик?

Протянув руку на ощупь, я ухватила пустоту.

По глазам ударила белая вспышка, и закрутились мозаичные узоры как в калейдоскопе. В уши полилась какофония режущих звуков, стонов, шелеста, встряхивая мозги как жидкость в сосуде. Щекотное ощущение поползло по руке от кончиков пальцев и вдруг дернуло, оторвав конечность, словно у нелюбимой куклы.

Я закричала. Не от боли, а от самого факта отсутствия. Плечо и обрубок вместо руки.

Меня поглощало — неизбежно и неотвратимо.

В фильме, на который я ходила, учась в провинциальном колледже, был эпизод о том, как героиня увязла в болоте. Она погружалась в зеленое с прочерную месиво, и со дна всплывали пузыри. Вокруг на десятки километров — ни души, и она поняла, что истекали минуты ее жизни. Тогда я, вцепившись в подлокотники кресла, смотрела, как героиня пыталась выбраться, как кричала, зная о бесполезности попыток, как звала на помощь, плача от бессилия, и с какой тоской устремила голубые глаза в голубое небо в последние секунды перед тем, как ее накрыло с головой. Режиссер красочно показал, как захлебнулась героиня, и ее рука некоторое время оставалась виду, пока пальцы не погрузилась в болотную жижу.

И сейчас меня скрутило от предсказуемости финала — безнадежного, бесконечно тоскливого.

Затягивало зыбучими песками, засасывало в болотную жижу.

Закончился воздух в легких, вода добралась до рта.

Господи, как страшно. Беспредельный, нечеловеческий ужас.

Мамочка, я жить хочу! Я еще многого не сделала в этой жизни! Не приеду к тебе, как обещала, и не обниму. И Мэл никогда не узнает, что люблю его.

Вот и все. Тусклое пятнышко солнца сквозь толщу, погружение на дно, апатия. Пузыри изо рта.

Вдруг пришла боль — тянущая, обжигающая.

Отрезвляющая.

Меня хлестали по щекам, не щадя.

Вдохнув полной грудью, я закашлялась.

— Очнись, дурында, — шипел кто-то злобно.

Рассыпавшаяся на кусочки мозаика постепенно складывалась в нечеткое изображение: потолок, догорающие свечи, трюмо, черная ткань, брошенная на круглое зеркало...

Я лежала на полу в комнате у Вивы, и девица пыталась привести меня в чувство.

— Ой! — застонала. Хотела сказать, что больно, и хватит бить по лицу, но язык одеревенел. И остался ли он на месте?

Но главное — я жива. Жива! И руки-ноги целы, и голова.

Кое-как Виве удалось перевести меня в сидячее положение, и пока она готовила чай с какими-то травами, отсчитывала капли, смазывала лицо кремом и натирала вонючей мазью на висках и за мочками, — не переставая, обзывала распоследними словами.

Как хорошо сидеть и слушать сердце, которое бьется, вернее, строчит как пулемет. Как хорошо знать, что дышится, пусть с хрипами, и что смотрится, пусть размыто, и что язык ворочается, пусть и слегка опух.

— Ты хуже, чем бестолочь, — выдала девица самое безобидное ругательство. — Зачем полезла? Почти утянуло. Хорошо, что я догадалась посмотреть. Думаю, почему стало тихо? Заглянула, а из тебя силы вытекают.

— Ра-адик не мог, — прохрипела невнятно.

— Причем здесь он? Равновесие не должно нарушаться. А ты полезла.

Пусть ругает. Она имеет право. А я жива.

— Я предупреждала тебя? Ведь предупреждала, да? — хлопотала около меня Вива. — Свалилась на мою голову, тетеря безмозглая. Как посмотришь в зеркало, будь добра, не падай сразу в обморок.

— А...что там? — пролепетала я, холодея и цепляясь за шкаф и стену, поднялась, ощупывая лицо и голову. Уши на месте, по пять пальцев на каждой руке...Ноги не сгибаются, руки неуклюжи.

— Тебя предупреждали, — сказала Вива, отходя и давая мне взглянуть в зеркало трюмо.

Я посмотрела и увидела.

Мое отражение поседело. Полностью.

Самое время потерять сознание. Давненько мне не приходилось отключаться. Если честно, никогда.

— С катушек съехала? — донесся до слуха тихий голос. Это про меня говорят? — Она же и так не в себе, а ты потворствуешь. Хорошо, что Мелёшин не приехал. Нужно возвращаться, пока его нет.

Говорила Аффа. Меня уложили на кровать, а девчонки переговаривались у трюмо.

— Да не хотела я поначалу. А потом подумала, вдруг прорвёт, — оправдывалась Вива. — А её намертво держит. Хоть взрывай. Но как?

— Странно это. Он же никто ей — не брат и не сват. Не понимаю, почему убивается, — пожалала плечами соседка.

— Так бывает, если они родственные души.

Аффа фыркнула.

— У нее уже есть родственная душа. Бодаемся с ним каждый день.

— Родственность бывает по духу и по крови. Как у единомышленников или у брата с сестрой. У близнецов наблюдается сильная связь через века и в разных перерождениях. Так что допустимо. А Мелёшин — не родственник, он — однофамилец. В будущем.

— Видала колечко, да? — спросила соседка.

Девчонки тихо захихикали, и Вива смеялась с заметным облегчением. Наверное, тоже перепугалась до чёртиков.

Я заворочалась и закричала.

— Поднимайся, — стилистка помогла сесть, очутившись рядом. — Голова кружится?

— Немного.

— Ну, ты даешь! — воскликнула Аффа, уставившись на меня как на чудище. А ведь неделю назад в этой же комнате восхищалась неземной красавицей, собиравшейся покорить великосветский прием. — Это навсегда? — спросила она у Вивы.

— Отрастут, — заверила та авторитетно и обратилась ко мне: — Радуйся, что легко отделалась. В качестве дани могли забрать что угодно: голос, зрение, молодость, память.

— А завтра не заберут? — выдохнула впечатленная Аффа.

— Что смогли, то взяли, — хмыкнула девица. — Пошли восстанавливать внешность. Учти, покраска волос за дополнительную таксу.

Я устало махнула рукой, соглашаясь. Жизнь хороша, чтобы размениваться на мелочи.

Седина смотрелась страшно. Это были не роскошные волосы платиновой блондинки, например, Снегурочки. Из отражения на меня смотрела молодая старуха с обвислыми серыми паклями, тусклыми и безжизненными.

После того, как к волосам вернулся цвет и блеск, Вива отдала коробочку с остатками краски.

— Будешь подкрашивать, пока не отрастут заново. А если не отрастут, останешься бабой-ягой, — напугала меня. — А что? Я предупреждала — не суйся. Дойдете вдвоем?

— Дойдем, — кивнула Аффа.

Доковыляем, — согласилась я молча.

— С тебя еще сотня, — заключила стилистка. — Вообще-то работа стоит десятку, остальное — за моральный ущерб.

Я вяло кивнула. За жизнь не жалко отдать все деньги.

— Он был как живой! — воскликнула горестно. — Я бы никогда не полезла к зеркалу, но он стоял в двух шагах... Вот как ты, стоял и смотрел!

— Его спроецировало твоё воображение, — пояснила Вива. — Человеческая сущность состоит из физической оболочки, энергетического поля и души. После смерти физическая составляющая обращается в прах, тлен. Энергетическое поле или аура или называй, как хочешь, некоторое время летает в мире живых и рассеивается, а иногда и нет, превращаясь в призрака, особенно если у человека остались незавершенные дела при жизни. Это тот случай, когда в программе наступает сбой. А души уходят в мир мертвых, чтобы потом возродиться, или плутают в лабиринтах, если слабы.

— Ты попадала... туда? — спросила я перед уходом у Вивы, и она коротко кивнула,

нахмурившись. — И... тоже заплатила?

— Тоже, — ответила девица, и ее настроение испортилось. — Ползи уже. И не свались на лестнице.

После шокирующего общения с потусторонним миром ноги дрожали и заплетались. Спускаясь о лестнице, я вцепилась в Аффу:

— Пожалуйста, не говори Мэлу, ладно?

Мне вдруг вспомнилось невменяемое состояние парня на следующее утро после драки в "Вулкано", когда он решил, что меня нет в живых. Сегодня же беспечность и напускное бесстрашие едва не затянули в мир мертвых. Да Мэл убьет меня за легкомыслие!

— Не скажу, — согласилась девушка. — Он и так мне плешь проел.

Добравшись до комнатухи, я рухнула на кровать, и опять Радик не шел из головы, заставляя заново переживать случившееся в комнате стилистки.

Паренек ткнул в меня пальцем. Что это? Случайность, галлюцинация, или юноша хотел показать, что я знаю ответ? Хоть убей, а в голове пусто, и ни одной гипотезы.

Почему пророческое око показало видение с зеркалами и коридорами вместо того, чтобы предупредить о поступке Радика? Разве известие о его гибели — не значимый момент, достойный того, чтобы запомниться на всю жизнь?

Наверное, провидческое око промолчало, потому что я до сих пор не осознала, что паренька больше нет, зато сегодня с предельной ясностью поняла: что бы ни случилось и как бы трудно ни было, при любых обстоятельствах нельзя опускать руки и сдаваться как Радик. Никакая неудача и беда не отнимут самое ценное, что у меня есть. Жизнь.

Цепляться за неё руками, ногами и зубами.

На следующий день я бодрилась, несмотря на терзавшую слабость. Были выпиты укрепляющие сиропы и капли за все пропущенные дни. Была предпринята попытка навести порядок под голубым страшнющим деревом, но я отложила её на потом из-за головокружения и подташнивания.

Зато поела, практически насильно впихнув в себя засохший кекс, купленный соседкой незадолго до гибели Радика. Желудок саботировал, разучившись работать, но я усмирила лентяя. И вроде бы даже почувствовала прилив энергии.

Аффа сдержала слово и не сказала Мэлу о вчерашнем контакте с потусторонним миром, но парень словно чувствовал подвох и обитал поблизости, общаясь с Капой.

Совсем опустила! — отругала себя. Ни разу не поинтересовалась у соседа, как поживает его брат Сима и удачно ли сдает сессию.

Мэл поглядывал подозрительно, и мне стоило больших трудов перемещаться по коридору, не пошатываясь и не привлекая внимание парня. Поэтому я, в основном, проводила время взаперти в комнате.

Внешность была придирчиво изучена в зеркале, и кроме седых волос, ставших после покраски разве что чуть темнее, столкновение с миром мертвых не отразилось на мне никоим образом.

Плавало мутным пятном на поверхности, но еще не обозначилось полностью, что вчера мне чудом удалось избежать необратимых последствий из-за собственного легкомыслия и беспечности. Вернее, из-за того, что я не могла примириться с уходом Радика, как не хотела отпускать его.

Мэла обрадовал проснувшийся аппетит, и он решил накормить меня богатым содержимым холодильника. Между нами опять произошла беспричинная ссора, вернее, это я

вспыхнула как прошлогодняя трава. И ведь понимала, что нужно прекратить детский бойкот и перестать вести себя безобразно, но не могла остановиться. Что-то мешало, замутнив рассудок, и толкало говорить ужасные вещи, а Мэл слушал и молчал.

К вечеру мне полегчало, и беспокойствие опять погнало на свободу, на улицу, требуя начать жизнь с нового листа. Куртке, засунутой в сумку, предстояло остаться на помойке в качестве отсчетного шага, символизирующего обновление. Но букет, подаренный Мэлом, я не посмела тронуть, разрешив розам и дальше засыхать на подоконнике.

Задора хватило до ангельского строя на аллее, где я присела передохнуть на постамент. Через минуту по соседству присел Мэл — с непокрытой головой, руки в карманах.

Здание института походило на гигантский ледакол, плывущий по снегу. Из желтых и белых квадратов окон тянуло казёнщиной и людским скопищем, от которого я бежала в эти дни как от огня, ища уединения.

— Ты забросил подготовку к сессии, — сказала ни с того ни с сего. Действительно, Мэл нянчился со мной как с малым дитём. Думал, что кинусь на шею и отблагодарю за заботу? Не дождется. Его не просили о помощи.

— И ты забросила, — напомнил парень. — Не сиди. Замерзнешь.

— Скажи, есть ад и рай? — подняла голову, разглядывая в вышине каменные ангельские фигуры с распростертыми крыльями и тусклые точки звезд на черном небе.

Мэл пожал плечами:

— Не знаю. Не задумывался.

— А что ты знаешь? — начала заводиться.

Следовало остановиться, успокоиться и поговорить как взрослые люди, но у меня не получалось. В отсутствие прочих виноватых я снова спустила всех собак на Мэла, и от осознания этого факта распалилась еще больше.

— Вчера я встречался с твоим отцом, — сказал парень. — Он позвонил и удивился, что ты не взяла трубку. Я объяснил, что теперь отвечаю за тебя, и мы договорились о встрече.

— Я сама за себя отвечаю! — вспыхнула, не удосужившись вникнуть в суть слов Мэла, и вскочила. — У меня есть ноги и руки! Не нужно кормить меня с ложечки и подносить горшок!

Ах, если бы он ответил на повышенных тонах! Я сгорала от желания всласть поругаться и устроить скандал.

Но парень не дал повода прицепиться.

— Конечно, ты самостоятельная девушка, — признал тоном, каким обычно уговаривают буйно помешанных, и оттого раздраконил меня еще сильнее.

— С чего ты взял? — ухватилась за его слова, противореча своим же, ранее сказанным. — Я — овца. Куда скажут, туда пойду. Мне никогда не доверяли принимать решения.

Обвиняющая тирада вот-вот разразилась бы, но её прервало появление запыхавшейся Аффы.

— Эва... Штусс приехал... Твой начальник в архиве.

Приехал! Дядя Радика вернулся!

Схватив сумку, я бросилась к крыльцу без оглядки, и, удаляясь, услышала, как девушка сказала Мэлу:

— Не препятствуй. Это её разговор.

овумо *, овумо (перевод с новолат.) — яйцо

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

21. Полнолуние

Из-за перенесенной слабости свет гигаваттных ламп в подвальном коридоре обжигал сетчатку глаз, ставшую ранимой, и заставлял подслеповато щуриться.

Швабель Иоганнович действительно приехал. Он занял стул у перегородки, лицом к двери, и, положив ладони на колени, замер в позе человека, присевшего "на удачную дорожку" перед тем, как подняться и уйти.

Архив пустовал не только из-за отсутствия студентов, но и из-за оголившихся углов помещения при входе. У правой стены выстроился жалкий ряд разномастных горшков с замороженными растениями, похожими на омертвелые кустики мыльнянки, спасенные мной из оранжереи Ромашевичевского. Кстати, где мыльнянка? Куда подевалось флористическое великолепие? Лианы исчезли с потолка, роскошные кусты пропали, кактусы — и те понурились, сморщившись. Нечему цвести, зеленеть, благоухать.

Теперь в архиве стало просторнее, пустого пространства больше, отчего шаги отражались эхом от стен.

— Что случилось? — поинтересовалась я, усевшись рядом с мужчиной и оглядываясь по сторонам. Без тропических джунглей помещение, выкрашенное привычной голубой краской, смотрелось неуютно и уныло.

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Штусс. — Такое разорение... Не пойму. Евстигнева Ромельевна взяла под личный контроль поливку и освещение в рабочее время. И раньше растения переживали выходные без ущерба. А тут... на третий день после отъезда начался повальный мор. Василисе Трофимовне досталась канитель с уборкой. Говорит, на глазах гнили и засыхали. Наверное, эпидемия.

Вскочив, я подошла к уцелевшим беднякам в горшках. Так и есть, выжили те растения, которые в естественных условиях были крайне непритязательны в уходе, но и они сейчас выглядели плачевно.

— Может, забыли и не поливали? — выдвинула гипотезу.

— Как можно? — возмутился наветом мужчина, и его усы встопорщились. — Не сомневаюсь в порядочности Евстигневой Ромельевны. Она организовала достойный уход. Но вот как-то... неожиданно получилось... — развел он руками.

Получилось. Наверное, растения скорбели вместе с хозяином о его утрате. А чему удивляться? Согласно исследованиям ученых представители флоры тоже умеют чувствовать и выражать эмоции.

— Как вы? — спросила я, снова сев рядом с архивариусом. — Как... Радик? Как его мама?

— Отвез, — сказал сипло начальник. — Туда, где он появился на свет... Эва Карловна, если пожелаете работать в архиве, могу дать рекомендации администрации института. Вы справитесь с должностью старшего помощника архивариуса.

Я невесело рассмеялась, и Штусс посмотрел на меня с удивлением.

— Это хорошая прибавка к жалованью, — заверил он. — Пятнадцать висоров еженедельно.

Ужасно много, — отвернулась я. Шестьдесят висоров в месяц. Полуголодное существование.

— Хочу быть архивариусом высшей категории, — пожелала шутливо. — Сколько

платят?

— Сто висоров еженедельно.

Неплохо. Есть к чему стремиться по карьерной лестнице.

— Дело в том, что я оставляю это место. Уезжаю, домой. Так сказать, в родные пенаты, — выдал Штусс.

Некоторое время я осознавала сказанное.

— Как? Куда? Почему? — полилось из меня бессвязно.

— Здесь мне нечего делать... Теперь незачем, — плечи мужчины поникли.

— А архив? Ведь документы... Что станет с ними? В них ваша жизнь!

И это было правдой. Швабель Иоганнович пропадал в архиве с утра до вечера и даже по субботам приходил в институт, чтобы лишний раз навести глянец на полках. Он жил работой. Ну, и еще племянником.

— Незаменимых нет, — вздохнул Штусс, и я поняла, что он принял решение. Бесповоротно.

— Не уезжайте, пожалуйста! — схватила его за руку. — А... как же Радик? Вернетесь к нему?

— Нет. В местах, откуда я родом, принято кремировать и не цепляться за конкретные места упокоения.

Его ответ неприятно поразил. Получается, мне не удастся приехать к Радика и поговорить с ним. Куда ехать, если могилы нет?

— То есть? В каких местах так принято?

— На западном побережье, — ответил архивариус, не заметив, что меня парализовало от его слов. — Вам чужда кремация и развеивание праха? Считайте сию странность моей верой... моей религией... Мы приходим в этот мир и, прожив жизнь, отмеренную судьбой, уходим. Неважно, куда. Главное остается вот здесь, — приложил он руку к груди.

— И вы так просто... что с западного побережья... — пролепетала потрясенно.

Моим начальником оказался человек, живший когда-то там же, где и моя мама, а я не догадывалась. Он мог знать её. Как тесен мир!

— Эва Карловна, уверен, вы порядочная девушка и не устроите нездоровую сенсацию, — сказал архивариус. — Хотя в моей биографии нет особых тайн. В анкете, которую заполняют при трудоустройстве, расписано достаточно подробно.

И Штусс рассказал историю обычной жизни невидящего в мире висоратов. Он излагал скупо, но мне хватило воображения, чтобы дорисовать детали.

Швабель Иоганнович родился на побережье. Его отец умер, когда мальчику не было и года. Позже мать очаровала приезжего мелкого чиновника, прибывшего в каторжанский край с плановой ревизией и, благодаря беременности и скорому замужеству, сумела вывезти сына с побережья. Младшему брату Штусса, родившемуся на Большой земле, не передалась по наследству способность видеть волны, а вскоре отчим развелся с матерью, оставив той скромные алименты. Можно сказать, Швабель Иоганнович добился определенных высот, получив работу в висоратском ВУЗе, будучи невидящим. В силу возложенной ответственности мужчина получил *clipo intacti** и *defensor** на законных основаниях, что считалось большой удачей для слепого. Брат Штусса погиб во время пожара на работе, оставив молодую жену с маленьким ребенком на руках. Так, заботой Швабеля Иоганновича стали подрастающий племянник и вдова, потому что иных родственников не осталось. Мать успела покинуть этот мир.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. Ирадий получил дефенсор*... заслуженно, — рассказывал деликатно архивариус, называя племянника по-взрослому: "Ирадий". — Мы гордимся... гордились им, — поправился он. — Но судьба, одаривая меньшим, забирает гораздо больше.

Не удержавшись, я порывисто обняла Штусса и приложилась к его груди. Он сперва опешил, но потом неловко обнял, поглаживая неуклюже.

— Ирадий рассказывал о вас... Я рад, что у него такой хороший друг... был, — запнулся мужчина.

— Не уезжайте! — прижалась с отчаянием. Он часть — Радика. Не хочу отпускать. Не могу. Еще столько не сказано!

— К сожалению, никак. Документы поданы, заявление подписано ректором. И Марина согласилась поехать со мной... Марина — мать Ирадия, — пояснил архивариус.

Я решила, что между вдовой младшего брата и Штуссом имелась симпатия более глубокая, чем родственные чувства, но мужчина развеял предположение.

— Кроме Марины у меня никого не осталось. С семьей не сложилось, как и у нее, потому что она до сих пор хранит верность брату. Да ведь я не упрекнул бы, познакомься она с кем-нибудь. В наше время женщине трудно выживать в одиночку. А теперь и якоря на Большой земле не осталось, — сказал он, подразумевая Радика. — Ни близких, ни родных. Марина тоже не видит волны. Как и я.

Как и я! — завопил голосок.

— На новом месте и дышится легче, — сказал архивариус с запинкой. — Уже поздно начинать новую жизнь, но и старую хочется завершить достойно. Так что поедем. Я же из тех мест в шесть лет уехал, но они снятся до сих пор. Зовут.

И мне снятся! И меня не отпускают! Приковали намертво.

Не выдержав, я вскочила, и, схватив сумку, бросилась из архива. Слезы застилали глаза.

На ощупь поползла вдоль стены и забила в ответвление коридора, в темный закуток. Съехала по стене и, сжавшись, обхватила себя. Швыркание, всхлипы и хлопанья вклинились в сонную тишину туннеля.

Родственные души... Простить... Отпустить... Оторвать.

Не могу и не хочу. Но нужно.

Потому что останется в сердце. Навечно.

И взрыв произошел.

Я заревела — громко, в голос, навзрыд. Выплакивала всё то, что копилось день за днем после гибели Радика. Мне следовало сделать это еще тогда, у машины скорой помощи, но сердце послушно замерзло, а боль продолжила пульсировать, отравляя ядом под ледяной коркой.

Захлебываясь плачем, я не заметила, как темнота замерла, насторожившись, и поползла ко мне — обнимая, обволакивая, утешая.

Я рыдала, и вместе со слезами, размазываемыми по щекам, отдавала, отпускала. В каком-то тумане освобождалась от гнета, сдавливавшего грудь.

Тьма была покрыта мягкой шерстью и потрескивала знакомо, по-домашнему. Мне казалось, я уткнулась в большую меховую подушку, которую уливала горькими слезами, и меня успокаивали и согревали, оттаивая всё, что наморозилось в душе.

В мультфильмах и на рисунках персонажи всегда режут в три ручья, и рядом натекает огромная лужа. Наверное, мои слезы тоже образовали потоп на локальном участке

институтских катакомб, смыв подземных обитателей, если таковые имелись.

Представив картинку тонущего Некты, я хихикнула.

Какое-то время сидела, бессмысленно уставившись в пространство перед собой. Голова звенела от пустоты. Порожний сосуд. Звонкое эхо.

Стало ли мне легче? Наверное.

Поднялась, пошатываясь, и темнота помогла удержать равновесие. Я благодарно погладила мохнатость. Совсем не страшно. Мой зверь разговаривал с невидимкой на одной волне, хотя у тьмы вполне осязаемый облик. В нее можно уткнуться и не отрываться, что я и сделала. Темнота затрещала в ответ — не угрожающе, а вполне даже добродушно, а потом легонько подтолкнула к свету, к коридорным лампам.

И я пошла, прихватив сумку, которая мешалась под ногами. Оглянувшись назад, не увидела никого, но мне казалось, в черноте коридора остался тот, к кому смогу прийти в любое время, чтобы поплакаться в жилетку.

Зло не привыкло, чтобы его инертное состояние сотрясалось с завидной регулярностью, но не определилось, нравятся ему встряски или нет. Тому виной послужила скука, подтолкнувшая к тому, чтобы узнать устройство двуногих и принцип их работы, несмотря на пренебрежение Зла к заточившим его существам.

Первый же попавшийся двуногий обманул ожидания Зла. Он состоял из плоти, и процессы, протекавшие в его организме, показались примитивными, поскольку полностью зависели от окружающей среды.

Оболочка двуногого была тонкой и чувствительной к внешним воздействиям. По узким каналам существа текла темно-красная жидкость, а внутри работало устройство, приводившее организм в движение — крайне хрупкое и несовершенное. Двуногому требовалось втягивать в себя пространство, пропуская через фильтры, и выдувать обратно, но с иной концентрацией компонентов. Ему также требовалось периодически наполнять упругий мешок во внутренностях и заставлять его сокращаться, перерабатывая потребленное, иначе химические реакции в организме замедлялись и начинались сбои.

Таким образом, Зло поверхностно просканировало двуногого и, не найдя угрозы, разочаровалось. Но в исследовании имелся несомненный плюс: существо подчинялось законам убогого четырёхмерия. Оно находилось в оболочке неизменной формы, не могло распадаться и восстанавливаться, не могло преодолеть силы тяготения, как не могло управлять пространством и временем. У Зла оказалась в наличии бездна преимуществ. Но что толку, если ими нельзя воспользоваться?

Примитивное существо можно приручить, — пришла следующая идея Злу. Высший разум поработит низший. Это ли не насмешка над двуногими, заточившими его в жалком материальном мире?

Но низшее существо оказалось слабым, и его уязвимость сделала слабым Зло. Двуногого, связанного с ним, требовалось опекать и защищать. Нельзя сказать, что необходимость в присмотре утомляла Зло. Возня с примитивной особью и забота о ней отвлекали от скуки и вынужденной неволи.

Зло ощутило себя нужным. Единственное, что лишало его равновесия — это невозможность выбраться из ограниченного пространства, за пределами которого двуногого одолевали различные напасти. В такие моменты Зло впадало в неистовство, сотрясая туннели трубным ревом.

Зло не хотело признавать привязанность к примитивному существу и старательно изображало равнодушие, но не могло удержаться от того, чтобы лишний раз не приласкать свое неразумное и непутевое дитя. Зло не заметило, что томится в ожидании встреч.

Наконец после долгого отсутствия двуногий появился в поле слышимости, и Зло притаилось на границе света и ночи, наострив уши. Оно выяснило, что скучало.

Когда существо бросилось в объятия тьмы и задергалось в конвульсиях, Зло поначалу растерялось от приятной неожиданности, но почувствовало, что того терзало нечто, причинявшее боль и удавливающее изнутри.

Двуногие, заточившие Зло в крошечном пространстве, не догадывались, что пленник стал сильнее, хитрее и умнее всех их, вместе взятых, выживая пользу из заточения. И хотя законы четырёхмерия надели на Зло уздечку неволи, оно приспособилось к существованию с максимальной выгодой для себя. Обняв свое страдающее дитя, Зло впервые проникло в источник импульсов, посылавший команды организму, и погрузилось в концентрацию трассирующих сигналов. Задача оказалась легкой, несмотря на сетку из нитей, призванных защищать и оберегать источник от постороннего вторжения. Примитивные создания, эти двуногие! Для Зла не существовало преград.

Зло было потрясено. Прежде оно не церемонилось, внося изменения в устройство живых и неживых организмов, но сейчас вынуждено было признать, что не встречало столь сложной системы, в которой деятельность всех составляющих была упорядочена, и один процесс закономерно проистекал из другого. Если все двуногие устроены одинаково, то Злу впору позавидовать ювелирному мастерству творца, создавшего уникальных, хотя и хрупких существ.

Зло осторожно пробиралось по источнику импульсов, боясь повредить нежную ткань, пока его дитя билось в конвульсиях и генерировало прозрачную жидкость, увлажнявшую физическую оболочку Зла. Сложные сигналы с легкостью расшифровались исследователем, и ему открылась истина, совершенная в своей простоте и гениальности. Зло нашло выход из заточения.

Оно сделало рискованный выбор — в доли миллисекунды, если перевести в местные единицы измерения.

Щупальца Зла поползли по стенам, по полу, по потолку. Стекаясь к небольшому вместилищу возле двуногого, они заползали в крошечную щель, утрамбовываясь, закручиваясь и сворачиваясь в единое целое. Зло сбрасывало с себя всё, чему научилось за годы праздного существования в материальном мире, и направляло во вместилище.

Оно рассчитало, что тьме, затаившейся во вместилище, хватит первоначального толчка, чтобы стать самостоятельной сущностью, способной развиваться. Усилия Зла не пропадут даром, и убогое четырёхмерие покорится наследию порождения ночи.

Зло знало, чем жертвует, и потратило остатки способностей на то, чтобы привязать клубок тьмы, скопившейся во вместилище, к своему дитя. Оно погладило знак, который когда-то подарило двуногому. Отныне тьма — вечная должница владельца отметины и должна заботиться о нем. Зло поделилось расшифрованными сигналами и внушило первое наиважнейшее задание: обезопасить двуногого от тех, кто послужил причиной конвульсий.

Существо успокоилось, и Зло, поразившись чуду самоочищения организма, испытало печаль. Оно не хотело, чтобы его ребенок уходил. Когда двуногий вышел в свет лампы, унося с собой вместилище, Зло осталось в одиночестве в темноте туннеля.

Оно перестало быть Злом. Оно стало обычным примитивным монстром.

Я игнорировала институт, и он отвечал тем же. Монтеморт успел позабыть студентку, появляющуюся в альма-матер по большим праздникам, и теперь поедал меня красными угольками, замерев в позе сфинкса. Пристальный и подозрительный взгляд пса нервировал.

Честна я и чиста! Как стеклышко, — поправила ручку сумки на плече и выскользнула на крыльцо, где натолкнулась на Мэла, пританцовывающего то ли от нетерпения, то ли от холода.

Глубокий вдох опалил легкие морозным воздухом. Исчезла тяжесть, сдавливающая грудь.

Мэл тоже понял — кое-что изменилось. Он забрал сумку и, взяв мою руку, посмотрел вопросительно.

— Замерз?

— Не успел. Только что вышел. Хотел подождать у Списуила, но не сидится. Куда теперь?

— Давай пройдемся. Недолго, — добавила я на всякий случай, если парень скажет, что на улице холодно для неспешных прогулок. — И еще хочу выбросить куртку. Так нужно.

Мэл не воспротивился предложению, и мы пошли: по дорожке вдоль института, мимо общежития, по институтскому парку Вылезли через дыру в заборе и двинулись вдоль ограды альма-матер, обогнули ВУЗ по периметру и свернули на заснеженную улочку в стороне, противоположной кварталу невидящих.

Мэл позволил мне проявить инициативу выборе маршрута. Наверное, он думал, что меня опять потянет в места, исхоженные в последние дни. Но я вдруг вспомнила, что парню нельзя появляться пешком в районе Тёмы. И вообще, Мэл сильно рисковал, разъезжая на машине и вылавливая меня у лавок и витрин в квартале невидящих. Поэтому сейчас мы отправились на неизведанные территории, впрочем, не отличавшиеся от района слепых, изученного мной вдоль и поперек.

— Где мы? — спросила у Мэла, разглядывая однотипные двухэтажные дома. — Здесь тоже живут невидящие?

— Да. Слепых гораздо больше, чем ты можешь представить. Более шестидесяти процентов населения столицы.

Некоторое время мы шли молча по безлюдной улочке, и редкие горожане обгоняли нас, спеша домой, к родным и близким. Горящие окна казались мне символом уюта и надежности. Дружные семьи собирались за ужином и обменивались новостями и рассказами о том, как прошел день.

— Я согласна сходить к психологу.

От неожиданности Мэл споткнулся на ровном месте. Он не поверил, решив, что ослышался, и переспросил несколько раз, неизменно получая утвердительный ответ.

— Спасибо, Эва, — уткнулся в мою ладонь и поцеловал. — Мы ходим вместе. К самому лучшему психологу, хорошо?

— Хорошо.

Я устала бегать от самой себя. Сколько не прячься, а нужно жить дальше. Радик навсегда останется в моем сердце. Я простила его. Когда-нибудь прощу себя и Мэла. Он старается.

Неожиданно я зашвыркала носом и расплакалась, но слезки оказались легкими и скоротечными, как слепой дождик из небольшой тучки. Мэл притянул меня, второй рукой

создав теплый колпак, и гладил по спине, успокаивая.

— Понимаешь... — рассказала сумбурно, более-менее утихнув. — В интернате был один мальчик... Старше меня... Однажды он подошел и сказал: "Держись за меня, шмакодявка. Иначе не выживешь". И я пряталась за него... Несколько лет пряталась, а он почему-то защищал... А потом взял и сбежал из интерната. Бро-осил... — снова заревела. — Я же боялась заводить друзей, чтобы никто не узнал обо мне. А ему было плевать, вижу или нет. А теперь и Радик бросил. Тебе неприятно слушать?

— Нет, Эва, наоборот, я рад. Ты молчала столько времени... Ходила, а глаза красные-красные, и около тебя потрескивало. Звенело от напряжения. Хорошо, что поплакала. Легче?

— Да.

Наверное, мы смотрелись странно посреди заснеженного тротуара, но мне было все равно.

Мэл достал из внутреннего кармана куртки платок и протянул мне. Никакие трудности не выбьют воспитание из парня. Он открывал двери, пропускал вперед, нес сумку, и я не испытывала прежнего раздражения.

— Ты права во всем, — сказал Мэл. — Я тысячу раз пожалел, что нельзя повернуть время вспять. Машина времени пришлась бы кстати.

Его слова в точности повторили бредовые фантазии, посещавшие меня во время бесконечных мотаний по улицам.

Мы двинулись дальше, и вскоре парень заметил мусорные баки в проулке.

— Самое время попрощаться с курткой, — сказал, ставя сумку на снег, и открыв ее, не удержался на корточках, завалившись назад.

— Сильно ушибся? — спросила я, помогая Мэлу подняться.

— В ней, что ли, рой с пчелами сидел? Вылетели и сбили с ног.

Какие пчелы зимой в столице в сумке у студентки? — ответил мой красноречивый взгляд.

Мэл вынул куртку и бросил в бак.

— Смотри, вон там. Ничего не видишь? — показал на тень между переполненными баками, из которых вываливались мешки с мусором.

— Да ну тебя. Нагнал страху. Пошли уже, — сказала я с дрожью, оглядываясь по сторонам, и мы двинулись дальше.

— Расскажешь об архиве? — спросил осторожно Мэл.

— Потом как-нибудь, — отозвалась неохотно, и он не стал настаивать.

Может, позже откроюсь Мэлу, что архивариус оказался родом с побережья, но не сейчас. Это моё, личное. Разговор со Швабелем Иоганновичем вышел коротким и грустным, и мне хотелось продолжить общение. Ведь не завтра же уедет Штусс. Мэл как-то упомянул, что необходимо оформить кучу бумаг и получить согласие нескольких ведомств для въезда на побережье. Так что я успею поговорить с архивариусом, и не раз. Вдруг мужчина вспомнит что-нибудь интересное из своего детства? Еще потребую от него адрес, чтобы писать письма, и попрошу рассказать о Радике — об его увлечениях, о пристрастиях, о друзьях.

— Ты говорил, что встречался с Рублей, — вспомнила неожиданно. Оказывается, я многое пропустила, потерявшись в закоулках воспоминаний и обид. — Он тебя не съел? Что сказал?

— Не съел, — улыбнулся Мэл. — Ну... В общем, разговор получился продуктивным.

Эва, я расскажу, и ты снова рассердишься...

— Нет. Обещаю.

— Хорошо, — согласился он. — В нашей среде заключают браки и налаживают семейные связи, исходя из деловых интересов. Поэтому заверения в горячих чувствах выглядели бы дешевым трюком. Общество не поверит и посмеется. Ты — деловой интерес Рубли. Он хотел повязать Влашека через твой брак с одним из своих родственников. Об этом открыто говорят. А тут вышло, что я спутал карты. Знаешь, какие слухи ходят о Мелёшиных? Мы раньше всех прознали, куда дует ветер, и я пошел по головам ради выгодной партии, заставив тебя принять обязательство. Сгоряча Рубля хотел послать за тобой, чтобы ты подтвердила факт угроз и шантажа.

Премьер-министр запланировал мое замужество? — ужаснулась я. — И что дальше? — ухватилась за Мэла.

— А ничего. Рубля, конечно... э-э-э... погорячился и высказался... м-м-м... весьма эмоционально, но потом признал, что ты оказалась незапланированным бонусом в брачной колоде. Хотя и не отказался от задумки породниться с Влашеками.

— То есть? — силилась я сообразить. Мозги опухли за время бездействия и работали с трудом.

— Через твою сродную сестру.

— Но ей же пятнадцать!

— Ну и что? Рубля готов вкладывать инвестиции, потому что видит в твоём отце потенциал. И... гуляют слухи, будто бы он рассматривает Влашека в качестве своего преемника, — сообщил спокойно Мэл.

Общество прочит родителю пост премьер-министра?!

— Поэтому я ездил на предварительную встречу с твоим отцом. Во-первых, сказал напрямик о пожелании Рубли в отношении твоей сестры, а во-вторых, заверил, что наша семья компенсирует Влашекам упущенную выгоду в отношении тебя. Сегодня мой отец должен был встречаться с твоим. Эва, это сложно. Это политика. Мой отец не сегодня-завтра добьется объединения департаментов — своего и Первого. Как думаешь, кто встанет во главе? К тому же мой зять — первый советник Рубли и курирует работу правительственных научных центров. А оба деда — родной и двоюродный — имеют право голоса в Высшем правительственном суде. Так что моему отцу есть что предложить Влашеку в качестве откупа за старшую дочь, то есть за тебя.

Не знаю, что и сказать. Лучше бы не спрашивала, потому что слова Мэла потрясли. Пока я варилась в собственном соку переживаний, выяснилось, что около серой незаметной крыски закрутился клубок политических стратегий и интриг, из которого не выпутаться.

Нужно ли мне всё это? Меня станут учить правильно ходить, говорить и смотреть по сторонам, чтобы не опрофаниться перед высшим обществом и журналистами. Будут следить за каждым шагом и заглядывать в рот. Моего зверя начнут дрессировать и воспитывать.

Не хочу меняться. Хочу вернуть прежнюю жизнь.

— А что сказал отец по поводу сестры?

— У него нет выбора. В любом случае ему пришлось бы родниться с Рублей, коли произошел поворот в карьере.

Запланированное будущее кого угодно ввергнет в отчаяние. Теперь мне стало понятно возмущение сестры Мэла при встрече у лифта. Наверняка Мелёшин-старший держал дочь в качестве козыря в брачных стратегиях клана.

— Отец намекал, что я... не вижу волны?

— Ни слова, ни полслова. По умолчанию мы поняли друг друга. Эва, буду честен. В союзе наших фамилий обе семьи усматривают взаимную выгоду. В данном случае твое невидение не имеет значения.

Иными словами, я пешка, которую толкают в дамки против воли, не спрашивая о желаниях. Отец вырастил меня и дал образование, каждый день рискуя именем и карьерой. Настала пора отдать дочерний долг.

Все проблемы из-за кольца, — посмотрела на Коготь Дьявола, тускло поблескивающий на пальце. Нет, причина была глубже и состояла в том, что отцу следовало перевести меня в колледж на востоке страны, а не в столичный институт, в котором учились Мэл и Петя Рябушкин.

— Получается, нам теперь не деться друг от друга? Чем дальше, тем глубже вязнем.

— А ты хочешь деться? — посмотрел на меня Мэл.

Я не ответила. Не знаю, чего хочу. Хочу разобраться в себе. Хочу разобраться в своем отношении к Мэлу. В отчаянный момент, когда в комнате Вивы из меня утекали жизненные силы, в голове вспыхнуло, что люблю его. Почему? Что это за чувство?

После нескольких дней отчуждения я испытывала настороженность к Мэлу. И то хорошо, что агрессия растворилась в слезах, выплаканных в подвальном коридоре. Теперь требовалось время, чтобы понять парня и логику его поступков. А если меня разочарует отношение Мэла к жизни? Вдруг выяснится, что у нас совершенно противоположные взгляды на одни и те же проблемы?

Мэл правильно сказал — нужно идти к психологу.

— Эва, на тебя никто не давит и не принуждает, — сказал парень, сжав мою руку. — В любом случае, поступай, как считаешь нужным. Как велит сердце.

Хорошо сказано. Мое сердце пока что отдыхает, сбросив ношу, пригибавшую к земле все эти дни.

— А твой отец знает, что я не вижу? — поинтересовалась у Мэла.

— Нет. Как я понимаю, в личном деле хранится поддельная вис-экспертиза, да?

— Возможно. Не вникала. Отец устраивал нужные обследования. Даже не знаю, существуют ли настоящие результаты замеров вис-потенциалов.

За разговором мы сделали крюк по заснеженным улицам и вышли к институту.

— Смотри, сегодня полнолуние! — воскликнул Мэл, показывая рукой.

Луна, прятая за зданиями и деревьями, решила вылезти на небосклон. Желтый блин цеплялся за крышу дома, освещая улицу ярче фонарей. Отчего-то стало тревожно, и я оглянулась назад.

— Замерзаю, — поежилась зябко.

Мэл потрогал мой нос, и мимолетное заботливое касание не раздражало.

— Точно. Прибавь шаг, — потянул парень за собой.

Когда мы торопливо шли по аллее с ангелами, я дернула руку Мэла, показав пальцем вверх.

— Смотри, вон там! На крыше кто-то сидит.

— Никого там нет, — сказал Мэл, изучив институтскую черепицу. — Это тень легла, вот и кажется. Пошли.

Я следовала за ним, подняв голову, пока мы не повернули за угол здания. В какой-то момент мне показалось, что у вентиляционной шахты очертились контуры темной фигуры с

распростертыми крыльями — такими же, как у каменных ангелов с аллеи.

Прощаясь у двери швабровки, Мэл поцеловал руку как джентльмен, чем смутил. Я успела отвыкнуть от жестов внимания.

— Спокойной ночи, леди.

— Спокойной ночи, — рассмеялась и сделала реверанс. — Спасибо за прогулку, Егор Артёмович. Мне понравилось.

— И вам спасибо, Эва Карловна, — сказал он серьезно и отвесил поклон. — Провел чудесный вечер в вашем обществе.

Несомненно, после нескольких дней, в течение которых отвратительный характер лез из меня как прогорклая каша из кастрюли, сегодняшний вечер показался сказкой нам обоим.

Ну, и что с того, что мы разошлись по своим комнатам, а потом встречались возле душевой и в пищеблоке? Мэл улыбался, и я тоже.

Брачные стратегии, о которых рассказал Мэл, воспринималась через призму мутного стекла. Словно бы не из-за меня, а из-за другой девушки перекраивались политические взаимовыгодные альянсы, и словно бы другой счастливнице выпала великая честь примерить фамилию столичного принца.

Разве не об этом мечтает каждая особа женского пола? Отец — высокопоставленная шишка, самый завидный жених — мой парень. Наверняка свалившаяся на меня удача не дает кому-то спать ночами, вызывая черную зависть. Найдется немало желающих поменяться местами с дочерью министра экономики.

Умная и дальновидная девушка сразу бы поняла, куда дует ветер, и подстроилась, влившись в струю. Какая разница, видны волны или нет? Нужно хватать от жизни по максимуму, пока есть возможность.

И все же, что нужно мне? Мэл сказал: "Слушай сердце", но оно в растерянности.

И все же сердце признало, что следует сказать спасибо парню, прикрывшему меня перед Рублей, которому втемяшилось в голову породниться с Влашеками. Мэл не побоялся и рискнул пообщаться с премьер-министром. Иначе я попала бы в патовую ситуацию.

Мэла не смущала моя слепота, и он хранил тайну. Более того, узнав о материкаторжанке, не отвернулся и предложил свою фамилию и вдобавок кольцо как гарантию данных им обязательств. Мэл сделал красивый жест не потому, что мой отец — министр, для которого готовят кресло руководителя страны, а потому что... хочет быть со мной. Пусть в глазах общества парень выглядит расчетливым и беспринципным, но я знаю, его глаза не лгут, как руки и губы.

Что ж, будем двигаться вперед маленькими шажками. И жить. Это не страшно, главное, оставаться собой.

Надевая пижаму, я решила: всё, хватит бегать и во сне. Встречу хозяина леса с распростертыми объятиями, и мое неадекватное поведение нарушит еженощную программу, избавив от навязчивого сновидения. Если же план не удастся, поделюсь проблемой с психологом. Легче выговориться о фантазиях, обуревающих сонное сознание, перед специалистом, нежели советоваться с Альриком или с деканом.

Но, как ни старалась уснуть, а, несмотря на упавшую тяжесть с плеч, отключиться не получалось. Я ворочалась в постели, тщетно смеживая глаза. Накрывалась с головой и одеялом, и подушкой, но сон не шел ни в какую. За стенкой Мэл и Капа обсасывали достоинства и недостатки машин, а потом переключились на обсуждение самых популярныхцертам*.

Мешала луна. Запратанная за домами, она, тем не менее, освещала укрытый снегом институтский парк, и бледно-голубоватый свет наслаивался на электрический, шедший от фонарей. Даже шторочка не спасала, как ни натягивай ситец на щели. Лунная полоска заползала в окно то слева, то справа, нахально устраиваясь на стене или на потолке.

Проворочавшись впустую с боку на бок, я кое-как заснула — измученная и на смятой простынке.

И во сне появилась луна. Она повисла над лесом большим тяжелым кругом, освещая поляны и низины, и от деревьев протянулись длинные тени, уходящие частоколом вдаль.

Ни дуновения ветра, ни вскрика птицы. Тишина. Воздух пропитался ожиданием.

Хозяин был здесь, рядом. Он кружил неподалеку, мелькая тенью между стволами, и неслышные шаги отдавались эхом в ушах.

В крови забурлило предвкушение, натягивая нервы звенящими струнами. Пульс участился, невидимые барабаны забили, горяча сердце.

И я побежала. Вернее, та, что поселилась в моем сознании, сорвалась стрелой, выпущенной из лука. Или понеслись мы обе.

Хозяин не отставал. Он подгонял, раззадоривая. Самка чувствовала загривком его присутствие, и жар накатывал волнами по телу, приподымая волоски.

Гон будоражил и волновал. Сильный самец звал свою пару, оглашая ревом окрестности. И самка — запыхавшаяся, разгоряченная — остановила бег, повернув назад.

В просвете вековых деревьев мелькнула фигура хозяина. Он был великолепен. Могуч, широкоплеч и наг, как и я. Мышцы играли под его загорелой кожей, блестящей от пота.

Хозяин обходил сзади, ступая бесшумно. Воздух накалился при его приближении, что уж говорить обо мне?

Преследователь очутился в шаге, за спиной, и от него исходили волны невиданной силы, сгибающие волю. Не удержавшись, самка упала на колени и склонила голову. Горячее прикосновение прошло по позвоночнику снизу вверх, вызвав её дрожь и урчание. Это не я, это мое сознание плавилось и таяло, став мягким как воск.

Меня схватили за волосы и оттянули назад. О да, мой господин! — выгнулась покорно, пока хозяин ощупывал то, что отныне принадлежало ему. Он был доволен трофеем. Он заслужил.

Шум нарастал в ушах, сердце вторило невидимым барабанам, споря с ними по громкости, кожа пылала, умоляя о прикосновении. Избавь от пытки. Облегчи муки.

Самке разрешили взглянуть на своего повелителя перед тем, как тела сольются под луной. Перед ней мелькнули глаза — вертикальные полоски в янтаре.

Хозяин замер и... вдруг оттолкнул, отшвырнул от себя. Брезгливо? Испуганно? Изумленно?

Господин, в чем моя вина? — поползла за ним. — Прости, господин, я буду послушной. Меня трясло, даже зубы стучали. Ужасный колотун.

Хочу туда, в лес. Хочу к нему.

Его рев до сих пор отдавался в ушах.

Прижаться к земле и ползти, ползти. На коленях, к своему повелителю.

Признать. Отдаться на его волю, на его милость.

Выбравшись из постели, я поплелась, держась за стену. Голова кружилась от духоты.

В пищеблоке выхлестала чайник воды и столько же выдула из-под крана.

Помогло ровно на три шага.

Тесно в пижаме. Жарко.

Иду вдоль стеночки. Карабкаюсь.

Царапаю дверь. Тихо, как мышка. Ведь он слышит. Он не спит, верно?

Скрипнули петли. Он сонно щурится в полоске света от коридорной лампочки. Неужели дрых?

— Эва?

Толкаю его внутрь, и захожу, закрывая дверь. Темно, но мне прекрасно видно. Комната поболее моей и выглядит прилично: обои, мебель, палас на полу, шторы. Это всё мельком, потому что не основное.

Я наступаю, он отходит.

— Эва, с тобой всё в порядке? Выглядишь неважно. По-моему, горишь. У тебя температура? И глаза странные. Похоже на инфекцию. Так и знал, не нужно было гулять на морозе.

Толкаю его на кровать и прыгаю, устраиваясь сверху. Трусь и мурлычу.

— Мда... у меня инфекция... Хочешь полечить? — не узнаю свой голос, с хрипотцой и грудными нотами.

— А... как же соседи? — его голос напряжен и срывается, а руки жадно шарят по телу.

Прикусываю мочку. Хороший мальчик. Оперативно протер глазки и настроился на общение.

— Какие соседи? — срываю пижаму и прижимаюсь к освежающему, к холодному, к ледяному. Дрожь проходит по моему телу. — В конце концов, для этого есть руки, — намурлыкиваю на ухо. — Зажмешь рот, если стану громко шуметь.

Кровать Мэла тоже с панцирной сеткой, только пошире, потому что двуспальная. Это я выяснила, покачавшись в ней. Сам Мэл спит как убитый. Еще бы, мы успокоились под утро. Точнее Мэл заснул, а меня снова терзает телесная мука.

Что за гадство? Впилась зависимость как жало. Не выдрать.

Мне снова нехорошо, первые симптомы уже проявились. Мутит и шатает.

Душно. Вскочив с постели, прохаживаюсь гольшом по комнате. Выглядываю в окно — снаружи занимается утро.

И опять меня зовет неслышный голос, призывая бежать навстречу ветру, навстречу свободе. Туда, где ждут и помогут утолить жажду.

Голос зовет тоненько, но повелительно. Напевает дудочкой, и я застываю как змея. Вслушиваюсь.

Прохладные руки обнимают меня, и я вздрагиваю. Змея раздраженно шипит. Не отвлекай. Дай послушать зов.

— Эва, пойдем, — тянет он. — Пойдем, — повторяет и проводит по щеке, по губам. Пальцы сбегают по шее, между ключицами и ниже. Подаюсь к нему. Согласна.

И снова пружины скрипят — ритмично, рьяно. Лучшая музыка для ушей, заглушающая призыв.

Мэл зажимает мне рот рукой. Сколько раз он делал это ночью? Не считала.

Облегчение приходит не сразу. Жар спадает, и я забываюсь в тяжелой дрёме. В полусне продолжаю бежать, вскакиваю, мечусь.

— Тише, тише, — оплетают меня руки Мэла. — Спи, ты устала.

— Это я.

— Мне некогда, — сказал глухо зять. Наверное, прикрывал динамик рукой. — Говори быстро и по существу.

— Всё пошло не так, — ответил Альрик.

— То есть?

— Я узнал, кто она. Сегодня ночью, — Альрик машинально потер висок.

— Ты догнал ее? — спросил Айт торопливо. — Тогда в чем проблема?

— Она... не из наших.

На другом конце невидимой линии повисла тишина.

— Ты, конечно, со званиями и почестями, — отозвался, наконец, зять, — но иногда у меня возникают сомнения в наличии у тебя серого вещества.

— Знаю, абсурд. Это студентка. Нас связывают дела, — пояснил Альрик. — По необходимости я провел ритуал обета на крови.

— Зачем? — изумился собеседник.

— Затем. Потребовалось, — объяснил невнятно Альрик.

— Это невозможно, — заявил убежденно Айт. — Точно не наша?

— На сто десять процентов.

— Все равно, — упорствовал зять. — Если отшибло память, могу напомнить. В отличие от блохастых ты — чистокровный, хотя я начинаю сомневаться и в этом. Чудес не бывает. Можешь переливать кровь литрами и кусать во всех доступных местах на пять рядов, но человеческий геном не изменить. Так что, мой тебе совет: действуй проверенными дедовскими методами, — развеселился Айт. — Хватай и владей. Ты всегда был трудным, и всегда у тебя получалось шиворот-навыворот. Чего боишься? Убить ее лаской?

— Она совсем девочка.

— Это ты перегрелся, бегая за ней. Попала на твою территорию? Попала. Какие могут быть сомнения? Уверен, она задаст тебе жару. Сдуешься раньше неё. Это её первое полнолуние?

— Выходит, да.

— Сочувствую.

— Спасибо.

— Не тебе, олух. Ей.

Рассоединившись, Альрик походил по кухне и вернулся к окну. Небо заволокла ровная чернота без намека на раннее утро.

Невероятно. Невозможно физически и логически. Фантастично.

Жалкие миллилитры крови пробудили к жизни инстинкты, дремлющие в незаметной мелкой студенточке. Разве такое бывает?

Раньше не бывало. Генетика, чтоб её. Несовместимость. За тысячи лет существования его вида — ни одного результата от смешанных связей, не говоря о пустых попытках обращения.

И что делать?

Теперь не вырвать. Он сросся с ней. На пальцах остался вкус ее желания.

Альрик поднес ладонь к лицу и вдохнул. Нежная и вспыхивает как огонек. Его самочка.

Решительно невозможно отказаться. Соблазн щекочет ноздри. Искушает.

Вот так неожиданно Альрик попал в собственную ловушку. Вырыл яму другому и сам же свалился в нее. Рухнул плашмя. Олух, как сказал Айт. Зять прав: он — слепец. Ни чутья ни интуиции. Ходил рядом и не замечал, не видел, а время убегало.

И не подозревал. Хотя в кабинете декана почудилось знакомое, но мысль была отброшена в силу невероятности.

"Я несвободен", — сказал Альрик студенточке. Всё правильно, несвободен. А она сидела с ошарашенным видом, и ее ножка лежала на его колене. И на осмотрах "замораживала" стекло в окне, играя, — ребенок ребенком. И помогала сдергивать летающего уродца Царицы с потолка. Спрашивала совета, протягивая фотографии, сделанные в машине, и заглядывала в глаза, ища поддержки, когда мальчишка сорвался, приревновав. Приняла близко к сердцу самоубийство первокурсника, а Альрик пропустил мимо внимания и не настоял на осмотре.

Значит, плохо настаивал, — взъерошил волосы. Сам виноват. Увлечшись охотой за фантомом, пустил слюну как сопливый щенок.

Глупец. И зарвался. Хотел щелкнуть по носу мальчишку, решив проучить того, а вышло так, что схлопотал сам. Судьба посмеялась над Альриком и подставила подножку.

Теперь мальчишка снимает сливки, но скоро выдохнется, не сумев обуздать и усмирить. Удержать бы себя в руках, зная, что к ней прикасается другой, потому что у него есть на то право.

Самое время ставить жирный "неуд" в ведомости напротив фамилии Вулфу.

И все же вопрос не давал покоя. Почему такое произошло? Каким образом случилось так, что ли-эритроциты в его крови изменили генную цепочку непримечательной студентки и к тому же невидящей?

Впрочем, слепота не могла повлиять на мутацию. К худу или к добру, но достоверно известно, что умение видеть волны не исказило отточенную веками наследственность Альрикового вида.

Хотя бы за дальновидность можно похвалить себя, в частности, за опытные образцы, законсервированные после осмотров. В институте нет необходимого оборудования, но это легко решаемая проблема.

Альрик выбрал номер из списка в телефоне.

— Привет. Нужна твоя лаборатория.

— Смотрю, тоже не спится? — усмехнулся на том конце абонент. — Приезжай.

— Эва... Ты проспишь экзамен. Эва... — не унимался шепот. — Нам нужно идти. Мы и так опоздали.

Я открыла глаза, потягиваясь. Плотно задернутые шторы не смогли спрятать полдень за окном. Ухо уловило чириканье воробьев в парке, взревевший двигатель машины на дороге, голос тетки-вехотки, ругавшей в холле слесаря-лентяя.

Утренний сон принес облегчение, но мышцы снова в тонусе.

— Ну его, этот экзамен, — обняла Мэла. — Не хочу.

— Нужно, — высвободился он. — Вставай.

Я воспламенилась мгновенно.

— Конечно, — согласилась ехидно и вскочила с кровати. — Пойду собираться, — и направилась к выходу. Гольшом и покачивая бедрами.

— Эва, — парень очутился впереди, загородив дверь и не давая выйти. — Что ты творишь?

— То есть? — состроила невинное лицо. — Ты сказал: "Собирайся на экзамен". Я и пошла, милый, — обласкала его, обежав пальчиками по лицу, от виска к подбородку.

На мгновение Мэл дезориентировался, но тут же пришел в себя и схватил футболку со спинки кровати.

— Надень.

Я демонстративно надела, посмеиваясь. Мне нравилось испытывать терпение парня и дразнить его.

— Доволен?

Добежав до швабровки, послала воздушный поцелуй от двери, и Мэл закатил глаза к потолку с видом мученика.

Из меня лилось. Нет, из меня фонтанировало желание провоцировать и выводить из равновесия.

Пританцовывая, я выбрала из вороха упаковок самое откровенное белье и надела обкромсанную короткую юбку. Натянув кофточку, подобранную Вивой во время поездки в переулок Первых Аистов, полюбовалась отражением в оконном стекле. Глубокий треугольный вырез смотрелся весьма аппетитно.

Я нравилась себе. Нравилась яркая помада, нравился блеск в глазах, нравились ресницы, выделенные тушью, нравились изгибы бровей. Впору облизнуться.

Зря. Меня снова замутило.

Шубку — на пуговицы, сумочку — на плечо и вперед из комнатушки. Я уж и забыла, куда собиралась пойти.

Мэл вышел из пищеблока. Он был в рубашке и при галстукке — как конфетка. Черт, так бы и съела.

— Ты не позавтракала, а перед экзаменом нужно обязательно поесть, — начал выговаривать мне.

— Да, это большое упущение, — вжала я парня в стену. — Сейчас исправим. — Обежала языком по его губам и пососала нижнюю.

— Эва, — простонал Мэл, обнимая. — Нужно идти.

— Ну, хорошо, — согласилась с угрозой. — Я пошла. Чао.

И полетела из общежития — беспечно и ветренно.

— Подожди! — крикнул Мэл.

Держи карман шире.

Я припустила по дорожке к институту и улыбалась яркому солнцу, искристому снегу и встречным, рассылая воздушные поцелуи. И мне улыбались, а парни останавливались и смотрели вслед.

— Телефончик дашь? — спросил долговязый четверокурсник с элементарного факультета.

— Дам, — согласилась кокетливо. — Записывай.

Запахи забивали нос, звуки оглушали уши. Я слышала, как на крыльце девчонки обсуждали модные маникюры, а у ворот парни делились впечатлениями от сданного экзамена.

— Эва, притормози, — подхватили меня под локоть. Это Мэл догнал у поворота. — Хочешь, чтобы я вызвал на димикату* половину института?

— Не злись, милый, — проворковала, сложив губы бантиком, и Мэл забыл, о чем говорил. Какие лопушки, эти мужчины!

Мы зашли в институтский холл, и парень не отпускал меня, придерживая за талию и прижимая к себе. Когда он сдал шубку в раздевалку, его глаза сощурились, и на лице

появилось нехорошее выражение, говорившее, что сейчас кому-то устроят а-та-та за вольности в одежде.

А меня несло неудержимо. В крови нарастали градусы, и снова лихорадило. Я вела себя вызывающе, дерзко, притягивая внимание студентов, попадавших на пути.

— Какие люди и без охраны! — раздался знакомый голос за спиной. От статуи святого к нам приближался Макес.

— При-евет, — протянула я, развернувшись к товарищу Мэла, и закрыла мечтательно глаза. — М-м-м... Амбра, бергамот, корица... У вас есть вкус... Максим... — имя прозвучало с чувственной хрипотцой.

Макес замолчал, подавившись воздухом, в то время как Мэл мрачнел с каждой секундой.

— Стараюсь для милых дам, — ответил с ухмылкой пестроволосый, быстро сориентировавшись. Парень включился в игру, и его оценивающий взгляд гладил меня по шерстке.

— Милые дамы под впечатлением, — ответила я, флиртуя. — Чем еще удивите... Максим?

— Нам пора, — потащил меня от стойки Мэл. — Потом договорим, — бросил товарищу через плечо, удаляясь.

— Милый, не кипятись, — засеменила, поспевая за раздраженным парнем. Мы зашли в коридор, и вдруг я, не сдержавшись, прижала Мэла к стене. Он приглушенно охнул — то ли от неожиданности, то ли от боли, и его руки оказались распятыми.

— Эва... — выдохнул, когда я потерлась, терзая его губы. — Эва...

Тело ныло. Разве можно испытывать боль, желая? Что со мной? Вдруг это одержимость?

Я отскочила от Мэла. Меня колотила мелкая дрожь.

Это не болезнь. Со мной всё в порядке. Всё нормально.

— Догоняй! — крикнула и побежала вверх по лестнице.

Мэл перехватил меня у поворота, притянув к себе, и мы вполне прилично дошли в обнимку до экзаменационной аудитории, где заняли подоконник и очередь в хвосте сдающих.

Экзамен подходил к концу, поэтому ряды студентов заметно оскудели. Но и тех бедняг однокурсников, что не успели пообщаться с преподавателем, невидимая сила оторвала от мандража и конспектов, заставив безотрывно пялиться на нас с Мэлом, точнее, на меня.

Смотрите, мне не жалко. Еще ногу на ногу положу и стану накручивать локон на пальчик, поглядывая на парней с вызовом. И мне снова жарко и душно, зато пьяняще весело, в отличие Мэла, который напряжен.

— Пойдем, — потянул он. — Наша очередь. Прошу, будь умной девочкой и не шали. Удачи тебе.

Да мне удача — по ветру, то есть по фигу. Что характерно, я не готовилась к экзамену и ни разу не открыла конспекты лекций, но не испытывала сейчас ни капли страха и волнения, словно заявила под пресветлые очи преподавателя, чтобы развлечься.

Ромашевический морщился, выказывая презрение отвратительно слабым ответам, отвратительно бездарным студентам и отвратительно солнечному дню, потерянному впустую.

— Выбирайте билеты, — предложил кисло.

И опять Мэл ткнул в бок, чтобы я показала вопросы, и занял стол позади и выше по ряду.

Сидеть спокойно не получалось. Одежда жала, кожа зудела. Меня бросало то в жар, то в холод, и билетик пригодился в качестве веера для яростного обмахивания.

Хоть в чем-то разбираюсь, — пришла я к выводу, взглянув вскользь на вопросы. И про продукты жизнедеятельности животных, используемые в снадобьеварении, расскажу, как и о влиянии волн на пахучие растения, и рецептуры снадобий размягчения вспомню, и принцип действия ингаляторных составов объясню. В общем, наболтаю без проблем, только бы унять ерзанье.

Меня нервировал скрип перьев по бумаге. Раздражало, как Ромашка потирал кончик буратинистого носа, отчего казалось, что тот вытягивался, делаясь еще длиннее. Отвлекали голоса за дверью. Хотелось сорвать пиджак с Мэла и опрокинуть его на стол. Вкусненький. Мой парень.

Как собрать мысли воедино? Вспомнить об отце, о тетке, об интернате.

Помогло. Успокоило.

У экзаменаторского стола отвечала Эльзушка. Удивительно, но она оказалась в числе последних сдающих, и Ромашевический заваливал ее — со вкусом, со вкусом, с торжеством, которого не мог скрыть. Я бы сказала, он с маниакальным восторгом обрушивал уверенность девицы. Египетская кошка неплохо огрызалась, так что заслужила полноценный трояк. Ладно, надо признать, она знала билет на четверку, но Ромашевический с садистским удовольствием нагружал ее вопросами и в итоге поставил "неуд" в сдаточной ведомости. Потопленная Эльзушка, не сдержавшись, бросилась из аудитории.

А где же хваленая выдержка, танцорша? — едва не крикнула я вслед, сдерживая прорывающиеся смешки. И вообще, осточертело сидеть и считать мух. Пора действовать.

Развернувшись к Мэлу, я показала пальцами: "во!", мол, справлюсь с Ромашкой самостоятельно, и, не став дожидаться, когда парень выйдет из ступора и бросится выручать, отправилась к столу экзаменатора. И полилась речь — нагловатая, но уверенная; путанная, но в целом, осмысленная. Ромашевический внимательно слушал, и на его лице появилось выражение, аналогичное тому, когда он указал Эльзушке место среди неудачников, несмотря на должность старосты группы. Я поняла, что мне не простили ни погром в оранжереях, ни уляпанный куб и растрату ингредиентов, размазанных по стенкам кабины. И вообще, разве не может всякий нормальный преподаватель пойти на поводу у предвзятости и антипатии к студентке?

Ромашка проявил изобретательность, придумывая разноплановые вопросы, требовавшие особой эрудиции. Он блаженствовал, допытываясь о названии издательства, выпустившего новейший справочник водорослей пресных водоемов, и потирал в предвкушении нос, добываясь ответа о дате выхода в свет единственного экземпляра монографии "Преимущества мороженных блох перед сушеными", оказавшейся тупиковой и бесперспективной.

Да пошел ты! Подавись! — закинула я ногу на ногу, чувствуя затылком растущую тревогу Мэла.

— Разочарован. Впрочем, не сомневался в уровне подготовки, — сказал в заключение препод и вывел в ведомости "неуд".

Каллиграфия у Ромашевического — ни к черту. Ха! Не расплачусь, не дождешься!

Забросив сумочку на плечо, я направилась к двери походкой от бедра.

Плевать на оценку. Зато парни смотрели мне вслед с открытыми ртами, в то время как Мэл ринулся штурмовать экзаменатора.

Выйдя из аудитории, я уселась на дальний подоконник. Около двери — никого. Жалкие кучки болельщиков рассредоточились по окнам, но никто не спешил подобострастно здороваться с дочерью министра. Обидно.

Меня ни капельки не взволновало, что несколько минут назад я влипла в необходимость ежедневных встреч с Ромашкой во время каникул. Единственный предмет, по которому имелись знания, стал провальным, но неудача не печалила. Гораздо больше меня беспокоила растущая нервозность. Даже образ тетки не помогал.

От одного из подоконников отделилась Эльзушка и поцокала в мою сторону — одна, без подружек. Наверное, разминулась где-то с прирученными моськами, — фыркнула я.

— Что лыбишься? — спросила девица, подойдя. — Мелёшин т*ахает классно, да? Глаза закрывает и отворачивается, когда тебя обрабатывает. Нос зажимает и т*ахает. Терпит. Дочку министра грех не поиметь. Весь институт знает, в каких углах и в какие места он тебя...

Я поднялась с подоконника. Оказывается, Эльзушка выше меня всего лишь на пару сантиметров, если равняться в сапогах.

— Да, Мелёшин классно... обрабатывает. Вот так! — продемонстрировала ей кольцо. — Это Коготь Дьявола. Узнаешь?

Облезлая кошка побледнела, но пыталась хорохориться.

— Полночи снимала с его пальца? — подъела желчно.

— Сам отдал и поклялся, — усмехнулась я. — Так что не лезь к нему. Он не твой. Дочке министра — всё, а тебе — кашку на палочке. Лиж мороженко.

Съела? Одернув юбку, я пошла по коридору. Моя фигура не хуже, чем у Эльзушки, и даже порельефнее будет. Есть за что подержаться.

— Шлюшка! — выругалась девица. Правда, буркнула под нос, побоявшись сказать громко, но я услышала и снисходительно улыбнулась. Пусть беснуется и кусает, только впустую затупит щербатые зубки.

Раздавшийся позади шум заставил обернуться. Оказывается, у Эльзушки подломился каблук на сапоге, и она упала, самым смешным образом задрав ноги. Повезло ей, что была в брючках, а не в платье, а то получилось бы еще веселее.

Не удержавшись, я засмеялась. Схватила за живот и хохотала до колик на весь коридор, а прочие свидетели падения тянули шеи и оживленно переговаривались.

— Тварь! — закричала Эльзушка, поднимаясь на четвереньки. — Она применила волны! Все видели? Я пожалуюсь ректору! Тебя исключат!

Её дернули рывком и поставили в вертикальное положение. Добрым самаритянином, пришедшим на помощь, оказался Мэл. Девица смешно поджала ногу со сломанным каблуком, став похожей на цаплю, и я снова засмеялась.

— Извинись немедленно, — потребовал от нее Мэл. — Или сегодня же вылетишь из института. Я предупреждал.

— Да кто она такая? — закричала брюнетка. — Она в меня задулила! Все видели!

— Лжешь, Штице, — сказал парень. — За поклеп ответишь вдвойне.

— Пусть идет на все четыре стороны, — махнула я благодушно, отсмеявшись. — Ей нужно морально готовиться к частым встречам с Ромашкой.

Не стану же уточнять, что во время каникул нам придется каждый день сидеть за одним

столом и любоваться шнобелем мстительного преподавателя.

— Извинись, — приказал Мэл, тряхнув девицу за локоть.

— Извиняюсь, — процедила она, и, вырвав руку, присела на подоконник.

Завидная невозмутимость. Вытерла кофточкой пол и, как ни в чем не бывало, вынула телефон, чтобы позвонить подружкам, и те прибегут с кудахтаньем. Или вызывает эвакуатор, который оттранспортирует домой. Или заказывает в магазине новые сапоги с немедленной доставкой на третий этаж института.

Пусть хоть до следующего утра сидит у окна — это ее проблемы. У меня полно важных дел, и одно из них как раз стоит рядом.

— Пошли, — потянула Мэла.

— Почему не дождалась? — спросил он на ходу. — Я почти дописал. Чуть-чуть не хватило времени.

Не до объяснений мне. Тороплюсь.

— Эва, он спалил тебя незаконно. Ты хорошо отвечала. Нужно подать апелляцию в учебный совет, — продолжал Мэл.

— Подаю, подаю.

— Вот козел. Почему прилепился к тебе? — недоумевал парень. — Пойдем в деканат, напишешь жалобу.

— Напишу, напишу, — вела его по коридору. Нашла нужную табличку и толкнула дверь. Хорошо, что внутри никого не было, иначе пришлось бы выгонять.

— Эва? Зачем? — заозирался растерянно Мэл.

— Затем, — отрезала, пихнув его в туалетную кабинку, и закрыла дверцу за собой. Взяв руки Мэла в свои, я управляла ими, и его ладони медленно приподнимали юбку, скользя по моим ногам. Дрожь нетерпения подстегивали разгорающиеся зеленые ободки в глазах.

— Эва... может, не здесь... — начал парень, но неуверенное беканье заглушили мои губы.

— Здесь и сейчас.

Горю. Вся горю — от кончиков ушей и до пяток. Даже Дьявольский Коготь раскалился от жара.

— Хочу тебя, — расстегнула ремень. — Очень хочу.

И Мэл не отказался.

Ни в какой деканат мы не пошли — ни через час, ни через два. Мужской туалет сменился пустой аудиторией. Следующим на очереди стал темный закуток на лестнице рядом с чердаком, куда я притащила Мэла.

— Пока есть время, нужно писать жалобу, — сказал он, застегнув рубашку, и заправил ее в брюки.

— Напишем, — ответила я беззаботно, подкрашивая губы в сотый раз, и подошла к Мэлу, чтобы вытереть салфеткой следы от помады на лице и шее, но не удержалась и принялась целовать.

— Эва... Не могу больше... — увернулся он. — Происходит что-то ненормальное. Что с тобой? Ты... ненасытная.

— Значит, ненормальная? Психованная? — вспыхнула моментально. — Значит, тебе не нравится? Хорошо, я найду того, кому понравится.

И побежала вниз, перепрыгивая через ступеньки. И ведь совершенно не утомилась, зажимая Мэла по разным углам. Тело требовало утолить жажду, в крови струился огонь.

— Эва, постой! — крикнул позади парень, застегивая на ходу ремень.

В холле весьма удачно попала на глаза афиша, ранее не замеченная. Оказывается, администрация института устроила для студентов и преподавателей фуршетный стол, посвященный завершению сессии. "Вход свободный. Форма одежды — произвольная. Начало в...". Уже десять минут, как стартовало мероприятие, ознаменовавшее окончание учебных мук, а я и не знала, что в институте кипит общественная жизнь, и что большой спортивный зал ждет меня.

Народу было — не протолкнуться. Всё-таки не каждый день заканчиваются сессии, и изможденные студюозусы отправляются на каникулы, а преподаватели облегченно выдыхают: основная масса учащихся схлынула, остались лишь полнейшие неудачники, которым предстоит отдуваться на пересдачах.

Ну и пусть сессия финишировала с одним проколом, у меня тоже есть право выпить шампанского и, желательно, похолоднее. А есть не хочу. Предпочитаю утолить аппетит иного свойства.

Ринувшись в гущу народа, я поначалу дезориентировалась от запахов и звуков. Парфюм, пот, ароматы пищи, феромоны смешались в кучу. Толпа бурлила, и десятки голосов — мужских и женских — долбили по ушам, истязая барабанные перепонки. Разговоры и смех заглушали негромкую музыку, которая лилась из колонок, добавляя децибелы в общий шум.

Из-за растерянности задор сперва поутих, но после быстрой акклиматизации разгорелся с прежней силой. Схватив бокал с игристым, я приткнулась у стены, пропитываясь атмосферой беспечности. Эхма, сейчас вскочу на стол, как та студентка на новогоднем вечере, и изорву каблуками скатерть-самобранку!

Спортивный зал, отведенный под мероприятие, не стали украшать по случаю фуршета, и веселье происходило в казенном деловом антураже. Весьма демократичное событие, объединяющее студентов с преподавательским составом, — признала я, заметив декана факультета внутренней висорики Миарона Евгеньевича в окружении щебечущих девчонок.

Молодой декан был хорош. Высок, чернобров, со смоляными блестящими волосами, зачесанными назад, и со смеющимися глазами. Объеденье! Правда, нос крупноват и губы полноваты, но разве это важно? Недостатки мужчин бывают ниже пояса.

То, что Миарон Евгеньевич стоял вдалеке, не помешало разглядеть в подробностях его привлекательную внешность и облизнуться. Мое зрение вообще приобрело сегодня повышенную ясность и четкость. Я разглядела и Петю в противоположном конце зала, вернее, почуяла туалетную воду чемпиона с таким же прилизанным ровным запахом, как и её хозяин. Увидела и Макеса, клеившего двух девчонок с внутреннего факультета, и Дэна в компании приятелей, и заметила немало симпатичных парней, которым отправила авансом многообещающие улыбки.

С кого бы начать? Предвкушаю до дрожи.

— Добрый вечер, Эва Карловна, — поздоровался Стопятнадцатый, оказавшись рядом. Он держал в руке нетронутый бокал с шампанским. — Еще одна сессия окончена, чему я рад. Каковы ее итоги для вас?

Подосадовав про себя, я с неохотой переключилась в беседу.

— Ромашка завалил. Незаслуженно, — выговорил язык, а глаза стрельнули в блондинистого парня неподалеку. Старше или младше меня? Не имеет значения.

— Можете подать апелляцию, — предложил декан.

— Подам. А в целом, отлично. Спасибо за помощь. Без вас я не одолела бы сессию, —

вела светский разговор одна моя половина, в то время как вторая кидала в блондина призывные взгляды.

Объект моего внимания ответил понимающей ухмылкой и приложил кулак к уху. "Дашь телефон?"

— Не стоит благодарности, — пробасил Стопятнадцатый. — Мы переживали за вас.

"Дам больше", — ответила, приподняв бровь.

— Спасибо, но вы зря волновались. А как узнали мой номер?"

"Ого!" — воскликнул парень беззвучно и показал мимикой: "Согласен".

— Ну да, — ответил мужчина, рассматривая задумчиво поднимающиеся со дна пузырьки. — Номерами-то мы не обменялись. Чтобы восстановить упущение, пришлось просить о помощи молодого человека, с которым вы посетили "Лица года". Теперь я спокоен за вас, Эва Карловна. До меня дошли слухи, что вы потрясены... несчастным случаем с юношей-первокурсником. Поэтому приятно видеть вас в здравии. А наш институт снова в глубокой луже.

Слова Стопятнадцатого остудили пыл, и через толщу легкомысленности и возбуждения проник образ Радика. У противоположной стены Мэл протискивался через толпу, оглядываясь по сторонам. Он искал меня — ненормальную, несдержанную.

Психам — психово. Спрячусь за декана и развлежусь, тем более блондин делает недвусмысленные знаки.

Неожиданно нос почуял то самое, что не давало покоя ночью. В то же мгновение я забыла обо всем, даже о флирте с незнакомым парнем. Тонкий аромат витал над толпой — волнующий, будоражащий.

— Прошу, подержите, Эва Карловна, — декан протянул бокал. — Поздороваясь с Михаилом Александровичем, он только что из командировки и на дух не переносит напитки с градусами. Еще раз поздравляю с завершением сессии. Мы перешагнули ее. И с Ромашевичевским уладим недоразумение, не сомневайтесь.

Вручив бокал, Стопятнадцатый направился к декану факультета элементарной висорики, рассекая толпу и кивая встречным.

Мне опять поплохело. Духота напозла, вызывая удушье.

Чтобы снять спазм, я отхлебнула свое игристое и заодно из деканского фужера. Шампанское Генриха Генриховича оказалось ледяным, не в пример моему.

Вкусно, но бесполезно, потому что закружилась голова.

От дальнего угла стола мне отсалютовал бокалом Альрик, и второе "я" встрепенулось. Честно, не хотела пялиться на профессора, но взгляд притягивало как магнитом.

К Альрику подошли студентки-четверокурсницы, решив в непринужденной обстановке пообщаться с интересным мужчиной, но он коротко и скучно ответил, не сводя меня глаз. Девчонки разочарованно отступили, чтобы попозже возобновить атаку на красавчика.

А ведь Альрик сумасшедше красив и харизматичен, — облинула я губы и нервно отхлебнула из двух бокалов поочередно. И снова отпила, представив, как могло быть с ним в душе и в туалетной кабинке. Или на шелковых простынях, усыпанных лепестками роз.

В висках застучало. Шампанское впустую лилось в горло, которое тут же пересыхало после каждого глотка. А профессор двинулся ко мне, прихрамывая на увечную ногу. Какая нога? Я и не заметила вовсе, следя зачарованно за ленивой грацией движений, с которой Альрик огибал препятствия в виде студентов и преподавателей.

Он смотрел на меня как удав на кролика, и гипнотический взгляд завораживал, отчего в

голове перепутались остатки ветренных мыслей.

— Мое почтение, Эва Карловна, — улыбнулся профессор, подойдя. Нас разделял стол. — С окончанием сессии?

Альрик высок. Он великолепен. Черный костюм обрисовывал атлетическую фигуру, и чудилось в ней что-то знакомое и близкое. Скользило по краю памяти.

— Да... спасибо, — пролепетала я и отхлебнула из обоих бокалов — своего и деканского. Стопятнадцатый не станет ругать за выпитое шампанское. — И вас тоже... с завершением... — поздравила сумбурно и снова отпила, поставив пустой бокал на стол.

— Ну, мне еще предстоит страдать на пересдачах, — сказал Альрик, улыбнувшись. Он изучал меня, обегая взглядом, и я машинально схватилась за вырез кофточки. Преподаватели так не смотрят. Так смотрят мужчины, когда чего-то хотят. Интерес профессора пугал и притягивал одновременно.

— Хотя каюсь, не без греха. Сегодняшний экзамен по символистике войдет в историю малой длительностью и большим количеством неудовлетворительных оценок.

— Плохая подготовка у студентов? — промямлила, утопая в небесной синеве глаз. Меня потряхивало, и я снова отпила шампанское из оставшегося бокала. Пол покачнулся.

— Нет. Я спешил, — признался Альрик в должностном преступлении. Ну да, мы же партнеры, и нам можно делиться чем угодно, не таясь. — Наметились посторонние дела, которые... благополучно разрешились. К нашему с вами обоюдному облегчению.

— К чему ободюд... ному? — встряхнула я головой, пытаюсь восстановить четкость зрения.

— Почему вы не пришли на обследование? — спросил мужчина, пустившись в обход стола. — Я ждал.

Он ждал? Меня?!

Мир сузился до размеров лица Альрика, его легкой улыбки и ласкающего взгляда.

— З-зачем? Я и так отлично... — вцепилась в столешницу, чтобы не упасть. Перед глазами поплыло.

— Вас можно поздравить? — поинтересовался вкрадчиво профессор, оказавшись в двух шагах.

Стол поехал в сторону, и я залпом осушила бокал в надежде, что в извилинах просветлеет.

— С чем? — выдавила заплетающимся языком.

— Вы обручены? — кивнул мужчина на руку с Дьявольским Когтем.

— А-а, это...

В ушах зазвенело, и противный звук усиливался.

— Что с вами? — спросил озабоченно Альрик. — Вы поб... нели... ва... хо... шо?

— Что? Не понимаю... — выдавила я.

Профессор еще что-то говорил, но голос съедался, как пропадали, истирались прочие шумы в помещении, словно кто-то периодически останавливал звукозапись.

Меня определенно качало. Или это стены танцевали вальс? Хи-хи.

Лицо профессора оказалось рядом — бесконечно знакомое... обеспокоенное... Полоски в янтаре... Откуда это?

Пытаясь удержаться, я схватилась за скатерть, и, падая, потянула на себя блюда, фужеры, тарелки. Все-таки у меня получилось переплюнуть ту девчонку, что танцевала в новогодний вечер на столе.

— Эва! Эва-а! — проник в гаснущее сознание чей-то крик.

Упала... На чьи-то руки... Крепкие, надежные... Родные...

Легкое тревожное прикосновение опалило висок, прежде чем бездна распахнула объятия.

clipo intacti *, клипо интакти (перевод с новолат.) — щит неприкосновенности

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

certama*, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

dimicata*, димиката (перевод с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

22. АшшАвара абА*

Когда просыпаешься с хорошим настроением, то и день пройдет на ура.

Я попрыгала на кровати, и в зеркале во всю стену отразилась непричесанная девушка в шортиках и линялой растянутой футболке. Обожаю комфортную одежду и ношу, пока она не начинает расползаться. Мама часто укоряла меня за сентиментальность, а я в ответ смеялась. Теперь мамы нет, а привязанность к удобным вещам осталась.

Моя комната похожа на медицинскую палату из-за белых стен и потолка, но я не хочу другую, потому что интерьер подбирала мама.

За завтраком кроме меня и сестры никого не было. Люблю нашу столовую. Много окон, ощущение простора, яркая веселая плитка на полу.

— Где все? — любопытствовала я, намазывая масло на булочку.

— Смотря кто тебя интересуется, — потянулась Аффа как кошка.

В столовую вошел темноволосый парень в униформе и поставил поднос с тарелками и чашками.

Симпатичный и новенький. Раньше я его не видела.

Рука сестры поползла по черной штанине вверх и замерла чуть ниже поясицы чернявого.

— Парни из нашего круга высокого мнения о себе и считают, что достойны большего, хотя не представляют собой ничего особенного, — сказала Аффа. — Куда интереснее общаться с простыми ребятами. Они знают, чего хотят от жизни.

Чернявый не дрогнул и не пролил ни капли. Он расставил чашки и замер, вытянувшись в струнку.

— Здравствуйте, — кивнула я.

— С прислугой не здороваются, — напомнила сестра. — Хотя кому говорю? Грязную посуду заberi, — велела парню, и пока тот управлялся, сказала: — Отец нанял его через агентство. Этот типчик с западного побережья и отрабатывает долг брата. Того прирезали, а денежки надо возвращать.

В столовой появился Пьер. На самом деле его зовут Петей, но он требует, чтоб к нему обращались на иностранный манер. Пьер устроился рядом со мной и поцеловал в щеку, потому что он — мой жених и к тому же сын премьер-министра. Наследник фамилии.

Подтверждением серьезности наших отношений стало кольцо на моей руке и обещание Пети, ой, то есть Пьера, данное на семейном ужине.

Аффа бесится по этому поводу и завидует, но не подает виду. Её лозунг: "Нужно брать от жизни всё, прежде чем лезть в петлю".

Пьер — настоящий джентльмен и не позволяет себе вольностей. Мы не целовались

серьезно ни разу, хотя обручены больше полугода.

— Поедем на цертаму*? — предложил он. — Я сегодня участвую.

Поедем, хотя мне не нравятся шумные сборища.

По приезду домой я столкнулась в дверях с мачехой, вернувшейся после прогулки по магазинам, и новенький из прислуги нес за ней пакеты. Когда-нибудь вторая жена отца разорит нас, говорит Афка.

Сестра и я учимся в лицее для благородных девиц, и через год, когда закончу учебу, мы поженимся с Петей, ой, то есть с Пьером. Не представляю, каково это — быть замужем.

Пьер пригласил меня в Оперу. Вернувшись вечером, я столкнулась с чернявым, выходящим из будуара мачехи. Нет сомнений в том, чем они занимались. Мачеха коллекционирует свои прихоти, а отец погружен в работу и ничего не замечает. Он ректор института, и у него необычное имя — Стопятнадцатый. Иногда я не понимаю отца. Зачем жениться, если не видишь ту, что рядом с тобой? Наверное, в попытке забыть маму он решил на повторный брак, но новая жена оказалась жалким суррогатом. Изабелла младше отца в два раза и вертит им как хочет.

Парень посторонился, пропуская меня, и я прошла мимо с гордо поднятой головой и презрительным видом.

А потом настал черный день. Я узнала, что у Пьера есть другая. Оказывается, меня держат для приемов и журнальных обложек, а какую-то простушку — для чувств и чего-то большего.

Я увидела их из автомобиля. Наш водитель заболел, и за мной приехал тот парень, которого нанял в агентстве отец. Афка как всегда прогуливала учебу, ошиваясь по закрытым клубам.

Машина стояла на перекрестке, ожидая зеленого сигнала светофора, и тут на противоположной стороне улицы из затрапезного кафе вышел Пьер с какой-то девушкой. Они обнялись и бурно поцеловались у выхода.

Я выскочила из автомобиля и, не обращая на сигналиющие машины, помчалась, куда глаза глядят. Бежала в неизвестность, пока меня не остановили в каком-то переулке.

Чернявый встряхнул меня:

— Успокойся. Он не стоит твоих слез.

— Ты прав, — сказала устало, и мы пошли к машине.

По дороге домой я думала о том, что скажу Пьеру при встрече и верну ли кольцо с обязательствами.

— Эва, — сказала парню, выходя из автомобиля.

— Мэл... то есть Егор, — ответил он.

Датчики, трубки...

Приборы полукругом... Мигают огоньки, ползет зеленая ломаная на круглом экране, скачут цифры на электронном табло, накручивается лента энцефалограммы — скачки, взлеты, ровные полосы.

Пиканье отмеряет удары пульса — то постукивает редким метрономом, то заливается трелью. Сердце борется.

Чуть слышно гудит аппаратура. В прозрачном тубусе ходит помпа-гармошка, нагнетая кислород. По трубкам живительный газ идет к кислородной маске. К Эве.

Прозрачный саркофаг над ней. Руки вытянуты вдоль тела, в венах по катетеру. Сетка

датчиков на голове. Голубая больничная рубашка. Одежду снимали, разрезая с великой осторожностью.

Бледна и, кажется, что спит. Разве что не дышит.

Лампы автоматически переключились, настроившись на вечернее освещение.

— Третьи сутки на исходе, — сказал Мэл.

Он живет здесь, в стационаре институтского медпункта, оборудованном в срочном порядке по последнему слову медицины. В дорогостоящих лекарствах нет недостатка. Лучшие врачи страны отслеживают изменения в самочувствии и проводят консилиумы. Перед дверью круглосуточно дежурит охрана.

Премьер-министр взял под личный контроль из ряда вон выходящий случай и заслушивает два раза в день доклад о состоянии здоровья пострадавшей.

Доступ в стационар строго ограничен, кроме Мэла, медперсонала, узкопрофильных специалистов, высшего руководства страны, сломленного горем отца, Мелёшина — старшего и... профессора Вулфу. Об этом настоял Мэл.

Администрации института отказано в доверии, администрация — под подозрением. Впрочем, как и все.

Рубля приказал найти преступника во что бы то ни стало, и оба департамента роют носом землю. Дознаватели ведут повальные допросы, развернулось масштабное следствие.

— Третьи сутки заканчиваются, — повторил Мэл. Он без пиджака и галстука, с закатанными рукавами рубашки.

— Не скажу ничего нового. Специалисты объяснят лучше меня. Наблюдается неуклонное ухудшение, — признал профессор. Проглядев пачку графиков и таблиц, он отбросил их в сторону.

При этих словах Мэл закрыл глаза точно от мучительной боли.

— Доза яда убийственна, — продолжил Вулфу. — Как правило, в итоге — кровоизлияние в мозг, обширный инсульт и летальный исход. Удивительно, но организм до сих пор борется.

Мэл закусил щеку и отвел взгляд в сторону.

— Почему она? — воскликнул с отчаянием.

— Почему? — переспросил мужчина, вытягивая увечную ногу. — Предположений много, как и мотивов.

Собеседники сидели друг напротив друга, разделенные саркофагом. Сегодня они впервые заговорили, оставшись вдвоем. Им мешали люди, суматоха. Профессор приходил и наблюдал со стороны за бесконечными обследованиями, совещаниями и назначаемыми процедурами.

— Прежде всего, её отец, — начал Вулфу. — Каким бы безоблачным ни виделось будущее, дочь — его уязвимое место. Он не может рисковать.

— Откуда вы знаете? — спросил холодно Мэл, неприятно задетый тем, что профессор в курсе своеобразных отношений Влашека и его дочери.

— У меня свои источники.

— Он не выглядит радостным, — усомнился в домысле Мэл.

Влашек приезжал в институт дважды в день — утром и вечером. Здоровался молчаливым рукопожатием и выслушивал динамику состояния дочери за прошедшие сутки.

— Висор — цена тому политику, который не умеет играть разные роли, — заметил веско мужчина. — Неужто он должен светиться от счастья?

— Ну, да... Он мог... — признал Мэл, подумав. — Но я не верю. Риск большой, однако его покрыли гарантии.

— Имеете в виду брачный союз Влашеков с Мелёшиными? — улыбнулся собеседник, и взгляд Мэла ответил вызовом. — Хорошо. Допустим, Влашека устроили выгоды, получаемые с браком дочери. Отсюда вытекает второе предположение. С заключением союза в правительстве сформируется мощная коалиция, и кое-кому заранее не понравилось усиление позиций отдельных кланов. Завистники и недоброжелатели боятся, что Влашек доберется до поста премьер-министра, и что ваш отец получит исключительные полномочия. Поэтому они решили убить в зародыше альянс, устранив дочь Влашека.

— Да... Я думал над этим, — взъерошил волосы Мэл.

— Таким образом, круг подозреваемых расширяется, вернее, растет список возможных заказчиков. Следующее предположение отсеялось из-за выяснившихся обстоятельств.

— Какое?

— Коготь Дьявола. Ваша семья вне подозрений.

Слабое утешение. После произошедшего мало кто верит в силу семейного артефакта, и в обществе открыто говорят, что Мелёшин-старший решил избавиться от неудобной избранницы сына, спутавшей планы семьи.

— Далее... — продолжил Вулфу. — Могли отомстить за элементарное пренебрежение правилами приличия. Если не путаю, ваш отец разорвал договоренность о браке с отцом другой претендентки в шаге от соглашения. Так что решение вашего батюшки сочли оскорблением чести и достоинства.

— Отец не разрывал, — огрызнулся Мэл. — Это сделал я.

— Неважно, — улыбнулся уголками рта профессор.

— Значит, вы обвиняете Аксёнкина в покушении? — оцетинился Мэл.

— Я строю предположения. Обвинять — дело следствия.

— Интересная у вас логика. Могу выдвинуть встречную гипотезу. Эву отравили из-за вас.

— Из-за меня? — удивился Вулфу.

— Да. По институту начали гулять слухи об осмотрах в лаборатории. Эве не раз угрожали. Косвенно, с применением волн. Думаю, предупреждали по-хорошему, чтобы она отказалась от дел с вами.

Профессор некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

— Ваша гипотеза абсурдна, — сказал, наконец.

— Не более чем ваша, насчет Аксёнкина.

— Хорошо. Принимаю ее, но с натяжкой, — признал мужчина после задумчивого затишья. — Видите, сколько предположений лежит на поверхности. А сколько сокрыты в глубине?

— Откуда вы знаете об... Аксёнкине?

— С некоторых пор мне интересно всё, что касается Эвы... Карловны, — объяснил профессор.

Вскочив с кресла, Мэл подошел к окну, и мужчина безотрывно следил за ним: мальчишка полыхал ревностью как факел.

— Не понимаю, как она умудрилась схватить нужный бокал, — сказал Мэл, вернув дыхание в норму. — Из двух десятков одинаковых выбрала со стола тот самый. Может, кто-то навязал ей или предложил?

— Предлагал Генрих Генрихович, но не пить, а подержать. Свой бокал она взяла со стола. Следствие восстановит картину случившегося посекундно, но могу предположить, что бокал изначально стоял так, чтобы Эва Карловна заметила его. Это психология. Обычный прием в стратегии продаж. Умение подать нужную вещь, показать ее особенность, вычленив из множества одинаковых. Или яд добавили, когда Эва Карловна отвлеклась. На секунду поставила бокал на стол, отвернулась, — и готово.

— Получается, что тот, кто... Значит, он находился рядом с ней? За её спиной?

— Вполне возможно, — пожал плечами Вулфу. — Что вас удивляет? Смешно думать, будто заказчик действовал напрямую. Для деликатных дел обычно нанимают профессионала. Тот находился неподалеку от Эвы Карловны, пока не убедился, что нужный бокал у нее в руках.

— Почему заказчик и исполнитель не может быть одним лицом? — возразил упрямо Мэл. — Например, студентка, которую отверг преподаватель символистики? А? Как вам?

— Вижу, вам не дает покоя этот вариант, — поджал губы профессор.

Мэл отошел от окна и сел в кресло, взявшись мять кулаки.

— Неужели нет выхода? — спросил с отчаянием.

— Антидота не существует — ни медицинского, ни висорического. Остался от силы день или два. Дезинтоксикация, симптоматическая терапия и вентиляция легких лишь оттягивают финал. Она и так продержалась достаточно времени.

Мэл судорожно вздохнул.

— У меня к вам предложение, — сказал, взглянув пристально на Вулфу, и тот приподнял бровь. — Но прежде скажите... Я знаю о вас. О таких, как вы.

— Лично контактировали? — спросил с усмешкой мужчина.

— Да. Сталкивались на цертаме*... И в департаменте отца. Его заместитель — такой же, как вы... Я читал. И дед рассказывал...

— В том нет особого секрета, — ответил снисходительно профессор. — Считайте мой вид редкой национальностью или малой народностью, имеющей право на существование. Времена, когда нас преследовали и истребляли, канули в лету, равно как способность оборачиваться, обращение адептов и кровосмешение с людьми.

— То есть вы вырождаетесь?

— Ну-у... если говорить вашим языком, — хмыкнул профессор, — то да, народность числом чуть более пятидесяти тысяч когда-нибудь исчезнет с лица земли. Популяция поддерживается на неизменном уровне уже три столетия, — добавил он.

Мэл терзал губу, пощипывая.

— Хочу спросить об Эве... Она тоже ваша?

— Теперь это имеет значение? — Вулфу обвел рукой нагромождение приборов.

— Имеет. Я хочу знать. У меня есть на то право, — сказал Мэл с нажимом.

— Есть, — согласился мужчина. — Что дало вам основание задаться вопросом?

— Глаза... зрачки... Несвойственное поведение... И полнолуние... — перечислил пуганно Мэл.

Профессор ответил не сразу. Он ушел в себя, задумавшись, и складка меж бровей сигнализировала о неприятных мыслях.

— Эва Карловна — полиморф. В её организме сочетаются признаки двух разных видов. По каким-то причинам в генетическую цепочку встроились чужеродные гены. Могут утверждать с большей долей вероятности, что на генном уровне установилась

симбиотическая связь, и паразитирующие гены не угнетают гены-носители, а мирно соседствуют. Иными словами, организм Эвы Карловны оказался совместим с хомо сапиенс и... с моим видом.

— Но как такое возможно? — выдавил потрясенно Мэл. — Разве так бывает?

— В мифах и легендах. Но, как вы знаете, у любой сказки есть реальная предыстория.

— И... что теперь делать? — растерялся Мэл.

— Теперь уже ничего, — мужчина кивнул на саркофаг. — При иных обстоятельствах я рекомендовал бы пройти полное обследование и регулярные медицинские осмотры. Случай Эвы Карловны уникален.

— Значит, её полиморфизм — врожденный? Неужели каждое полнолуние...? — начал и не договорил Мэл.

— Это приобретенная мутация. И недавнее полнолуние стало первым для Эвы Карловны, — ответил профессор. — К сожалению, я понял слишком поздно и вдобавок недооценил влияние луны, точнее, ошибочно провел параллель с нашими женщинами. Знай Эва Карловна об изменениях в организме, она успела бы подготовиться морально и физически и перенесла испытание с меньшими потрясениями для нервной системы. Знания облегчили бы ей жизнь в дальнейшем. Представьте: человека, который не умеет плавать, бросили в воду. Он вслепую барахтается, стараясь выплыть. Не удивлюсь, если Эва Карловна не вспомнит свое первое полнолуние.

Альрик умолчал о снах, связавших его и девочку. Мальчишке незачем знать о промахах соперника. Никаким изумлением не оправдать негостеприимство хозяина, оттолкнувшего долгожданную гостью. Пусть самочка неопытна и неумела, но приласкай её Альрик во сне, и она пришла бы к нему наяву на поводке инстинктов, отметя мелочевку, отвергнув того же мальчишку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как Эва заполучила чужие гены? — нахмурился Мэл. — Это... из-за ваших дел? — осенила его догадка.

— Да, — признал Вулфу. — Наша договоренность была скреплена обетом на крови.

— На крови?! — вскочил Мэл с кресла и опять сел. — На крови... Вот оно что! Эва ездила к вам домой, где вы заключили сделку!

Кусочки головоломки встали на свои места. Разве что суть сделки, запечатанная обетом, не откроется никогда, но общий смысл был ясен: профессор помог раздобыть деньги для приема.

— Вот почему она долго продержалась, — заключил Мэл. — Может быть, это к лучшему... Так или иначе, я возвращаюсь к своему предложению и прошу помочь Эве... У вас опыт, знания... Тайные заклинания, ритуалы, семейные предания, обряды... Ведь должно быть что-то! Эву можно спасти!

Вулфу покачал головой.

— Помогите ей! Исчерпаны все возможные средства. Меня уверяют в один голос, что безнадежно, но я чувствую — что-то есть! Примите что угодно — долг, клятву, обет! Деньги? Артефакты?

— Ваша горячность играет мне на руку, — сказал мужчина, посерьезнев. — Я, не задумываясь, потребовал бы от вас немыслимые кабальные условия, но увы, противоядия нет.

— Спасите Эву, и я... отпущу её...

Профессор понял, что мальчишка вынашивал разговор и заготовил нужные фразы, а все равно чуть ли не силой заставил себя произнести последние слова.

— Если бы я мог, то сделал это вне зависимости от ваших красивых жестов, — ответил резко Вулфу.

Он поднялся из кресла и, прихрамывая, подошел к прозрачному колпаку, чтобы в сотый раз оглядеть руку с татуировкой на пальце. Что в ней особенного? Четкий рисунок волосинок-звеньев проступил на коже, став выпуклым, и кисть выглядела слегка отечной.

С того момента как Эву поместили в стерильный саркофаг, профессор периодически изучал руку и прислушивался к чему-то, различимому ему одному. Он ждал чего-то или кого-то, но безуспешно.

— И вы согласны расстроить планы своего отца и Влашека? — спросил мужчина, выпрямляясь. — А Коготь Дьявола? Что станет с ним?

— Кольцо волнует меня меньше всего, как и чьи-то планы. Они и так не сегодня-завтра пойдут прахом, когда Эва... Когда Эвы не станет, — ответил Мэл и опустил голову.

Пришла медсестра, но не Морковка. Пока она выполняла предписанные процедуры, собеседники молчали.

— У нее безупречный послужной список, — сказал Мелёшин-старший сыну в первый день. — Двенадцать лет в правительственном госпитале и опыт в более сложных и безнадежных случаях.

Куда уж безнадежнее?

Вулфу впал в глубокую задумчивость, прохаживаясь из одного угла в другой. Когда медсестра ушла, мужчина остановился, и Мэл вскочил.

Альрик потер лоб. За эти дни он прокрутил в голове множество способов, вплоть до фантастических, но все они были отмечены из-за одного весомого "но".

— Если случится чудо, и Эву Карловну удастся спасти, нет гарантии, что она сможет вернуться к прежней жизни. Мозг задет в первую очередь. Начались необратимые процессы, клетки умирают. Эва Карловна станет растением. Вы задумывались над этим, говоря о спасении? Желаете ей подобной участи?

— Нет, — понурил плечи Мэл.

— Выбор предполагает ответственность, и прежде всего, за неё. Мне горько видеть Эву Карловну в немоющем состоянии, но еще тяжелее знать, что она выживет, но исчезнет как личность. Неужели вы согласны на ее растительное существование? И согласилась бы она? — взглянул в упор на собеседника, но тот не ответил. — Обобщая, скажу, что риск велик. Более того, риск огромен. Мне нужно время до утра.

— До утра?! Завтра может быть поздно! — взорвался Мэл. — Сегодня может быть поздно! В любую минуту может стать поздно! Что изменится утром?!

— Надеюсь, что всё, — сказал мужчина и вышел из стационара.

Мэл рухнул в кресло, как подкошенный.

Пульс нитевидный, — вздохнул он и откинулся в кресле. Сомкнуть бы глаза, но не спится. Не может спать.

Приезжал отец, похлопал по плечу. "Крепись".

За что наказание? В чем она виновата? — взглянул на лицо Эвы за звуконепроницаемым стеклом. Под глазами залегли тени, подбородок заострился, губы бескровны.

Она виновата в том, что связалась с ним, с Мэлом, — стукнул по подлокотнику кресла.

Сидела бы сейчас в парке иллюзий со спортсменом, ела орешки в меду, позволяя целовать себя в щеку.

Мир большой политики не для маленькой птички. Здесь нет места чувствам. Здесь давят слабых. А Мэл решал за обеих, как будет лучше и правильнее, не считаясь с её мнением, и своими руками подвел к краю пропасти.

Негромкий стук вывел из прострации. Из дальнего угла стационара по проходу между кроватями приближался парень в футболке и трикотажных штанах.

— Чеманцев, ты, что ли? — удивился Мэл, заметив подошедшего. — Фигово выглядишь.

Сима — а это был он — подвинул кресло, в котором ранее сидел профессор, и устроился рядом с Мэлом, сбросив тапочки.

— И ты не лучше. Посмотри в зеркало — волосы всклокочены, глаза красные и дикошарые.

— Как попал сюда? Стационар закрыт.

— Знаю. Капитоса не пускают. Зато смежные двери никто не отменял. Мой адрес — за стенкой, — показал нежданный гость направо. — А здесь суета третий день. Что случилось-то?

— Случилось, — вздохнул Мэл.

— О, да ведь это Эвка! — взгляделся парень в лицо спящей под саркофагом. — Что с ней?

— Она в коме. Яд в шампанском на фуршете. Гиперацин.

— Не секу в отравках. Это страшно?

— Страшно. Малейшее колебание — и хана. Поэтому изоляция под кубом. Но по любому будет хана. Хорошо, что быстро поставили диагноз и не повезли в больницу. Не доехали бы. Так что больница пришла сюда. Слушай, ну и рожа у тебя, — переключился Мэл.

— Знаю. Смеяться нельзя. Кожа натягивается по рубцам и лопается.

— Сочувствую.

— А-а, — махнул рукой Сима, — уже сжился. Хотя нет, не привыкну никогда. Меня скоро выписывают, а я боюсь. Одичал без людей.

Вот так запросто взял и признался о своих страхах. Мужчины не трусят, они плюют свысока на трудности.

— И я... боюсь, — сказал Мэл.

— Необычно, — заметил Сима спустя минуту и поправился: — То есть похоже на сказку. Спящая красавица и всё такое. Гроб хрустальный... Когда-нибудь придет принц, который поцелует ее, и она проснется.

Мэл хмыкнул:

— Читал в глубоком детстве. Женские сюси-пусси.

— Почему женские?

— Ну, принц, неземная любовь... И что там с поцелуйчиками?

— Да ничего. Принц попадает в заброшенный замок, видит прекрасную принцессу, спящую мертвым сном, в изъеденном молью платье и сдуру целует. И она просыпается.

— Почему сдуру?

— Прикинь, лицо красотки и мозги столетней старухи. В общем, влипнет принц с маразматичкой, выжившей из ума.

Правильная сказка с глубоким смыслом. Урок наивным принцам. Символистик сказал точно: не факт, что Эва вернется к нормальной жизни, если организм переборет действие яда. Что останется от нее? Растение, пустая оболочка...

— Слушай, как ты сказал? Мертвый сон... поцелуй... — задумался Мэл, уставившись в потолок, — поцелуй... смерть... поцелуй... Ашшавара аба *!

Он вскочил и начал собираться: застегнул манжеты на рукавах рубашки, набросил пиджак.

— Ты куда? Вспомнил что-нибудь? — окликнул Сима.

— Да. И еще вернусь. Хоть пальцем тронь здесь что-нибудь — вырву руки и ноги. Понял? Колобком будешь кататься.

— Я не идиот, — оскорбился парень.

— Лучше сваливай к себе, пока не пришла медсестра. Вызовет охрану, и тебя выпишут раньше времени.

Мэл действительно вернулся поздно вечером. Он запретил медперсоналу заходить в стационар без особой надобности и забаррикадировал дверь на сторону Чеманцева, придвинув пустующую кровать. Затем подошел к саркофагу, и, погладив поверхность, нажал кнопку на панели сбоку. Прозрачная крышка бесшумно съехала в сторону.

Из кармана был извлечен кинжал с обоюдоострым лезвием из серебра и длинной рукоятью, затертые символы на которой указывали на немалый возраст оружия. Лезвие отразило свет лампы, и блик упал на лицо Эвы.

Сдвинув кислородную маску, Мэл отдал спящей свой поцелуй, прикоснувшись пальцами к ее губам.

Назавтра по указанию Мэла профессору Вулфу закрыли доступ в стационар.

Пожилая женщина сидела на скамейке, отдыхая. Оплаченное время истекло, счетчик коротко тренькнул, и теплая зона над лавочкой пропала.

Женщина подхватила сумки и поплелась по бульвару, а ее тень поползла в противоположную сторону, набирая ход, и вскоре полетела по асфальту темным размытым пятном. Пересекая дорогу, тень врезалась в машину и намоталась на колесо. Тень крутило с бешеной скоростью, завязав узлом, и на перекрестке выбросило на тротуар, где она долго находилась в недвижимости, пока щупальца не очнулись, зашевелившись.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что тень безмозгла, однако отсутствие интеллекта выглядело обманчивым. Тень находилась в постоянном развитии, осваиваясь в новом мире. Прежде всего, она выяснила, что свет, льющийся сверху, не губителен, в отличие от того, что испускали с наступлением темноты различные предметы. Поэтому, когда гасло небесное светило, тень перемещалась по укромным уголкам, чтобы не сгореть.

Она научилась различать живые и неживые предметы. Еще тень полюбила скорость. Она находила удовольствие в том, чтобы бросаться на движущиеся объекты. В частности, тень научилась различать те, что перемещались потоками по строго определенным каналам, подчиняясь общему алгоритму.

Тень изучала мир, копируя.

По проулку шел сгорбленный человек с костылем, и за ним вдоль зданий и оград ползла тень, старательно хромая и кособочась. Выбежавшая из подворотни собака залаяла, набросившись на тень. Человек замахнулся клюкой, отгоняя животное, и поковылял дальше, а тень приняла очертания пса и с беззвучным гавканьем накинулась на лохматую товарку,

заливающуюся лаем.

Вскоре тени надоел галдеж, не несущий смысловой нагрузки. Стекши в бесформенную массу, она поползла дальше и встала рядом со столбом, который с наступлением темноты испускал смертельные лучи.

По тротуару шла женщина с коляской. Тень оживилась, увидев что-то новенькое. Она забралась на колеса, облазила рессоры, заглянула в короб, где почувствовала двигатель, работающий внутри крошечного живого существа. Изучив объект, тень свалилась на тротуар. Какое-то время она следовала за женщиной, но потом переключилась на витрину книжного магазина и просочилась внутрь через щель во фрамуге.

Так и протекало существование тени, от светила до светила. Однажды тень попала в новое место. Обвив тонкие прутья, она покачала со скрипом заграждение и поползла между узких дорожек. К тому времени тень научилась различать звуки по громкости и по тембру и определила, что здесь стояла тишина. Разнообразные фигуры застыли в великом множестве, — определила тень, научившаяся считать достаточно, чтобы различать "мало" и "много". Среди неживых созданий выделялось одно — прямоходящее, с распростертыми крыльями за спиной и раскрытыми для объятия отростками. Впитавшись внутрь фигуры, тень затекла в кристаллическую решетку и затаилась, прислушиваясь. Она вспоминала нечто забытое, но очень важное. Если бы у тени был лоб, она обязательно наморщила его от усердия.

Тень выяснила, что у нее есть память. Та подсказала, что когда-то тень сидела наверху и притворялась одним из крылатых созданий, выстроившихся внизу в линию. Когда-то тень была частью большого и сильного, и ей повезло выбраться на волю из заточения.

Большое и сильное дало тени первое задание, которое она благополучно забыла в силу безмозглости. Но теперь тень поумнела и вспомнила, и, выбравшись наружу, понеслась к цели, пронзая препятствия и проникая через преграды.

Оказалось, что у тени развито обоняние и чувство ориентации в пространстве.

— -

Этой ночью Аня Левшукова спала тревожно. Определенно, нервное состояние наложило отпечаток на сон. В конце концов, надоели пересуды за спиной и взгляды искоса. Разве виновата Аня в том, что убогий мальчишка-первокурсник, которого она не замечала, решил поиграть во влюбленного рыцаря? Рыцари совершают подвиги ради прекрасных дам, если кто не в курсе. Так что будь любезен, соответствуй. В противном случае незачем выставлять посмешищем и себя, и даму.

Левшукова проснулась с ломотой в теле. Спину тянуло, как если бы кто-то, оседлав, скакал верхом всю ночь. Под лопатками чесалось, и, заведя руку назад, Аня нащупала разорванную ткань сорочки и нечто непонятное, приросшее к спине. Нехорошее предчувствие потянуло холодком, и Левшукова бросилась к зеркалу.

— Ма-ама! — дикий крик всколыхнул квартиру.

Прибежавшая женщина увидела за спиной дочери подрагивающие опущенные крылья, делавшие ее похожей на большого мотылька.

— Господи, — выдавила потрясенная женщина. — Анюта...

И съехала по двери, потеряв сознание.

Отойдя от столбняка, специалисты выяснили, что удалить хирургическим путем выросшую за ночь перепончатую конструкцию не представляется возможным.

— На данный момент состояние пациентки неоперабельное. В месте сочленения

позвоночника с... э-э-э... новообразованием... вырос жировой горб, в котором сформировался сложный нервный узел. Нарушение его целостности приведет к полному параличу, — сказал врач, оттянув осторожно крыло. Настоящее: подвижное, на каркасе из жестких жилок и покрытое серой пылью. — Мда...

— И... что нам делать? — приложила платочек ко рту всхлипывающая женщина.

— Учитесь складывать, — предложил оптимистично врач. — Привыкайте. Это сенсация.

— -

Камыш проснулся в хорошем настроении. Сессия окончена, и можно оторваться на каникулах.

Выскочив из комнаты в коридор, он удивился. Тот удлинился, вдоль стен горели факелы, чадя.

— Пап! — крикнул Камыш, и его голос отозвался эхом от стен. Пахло сыростью и затхлостью.

Камыш ступал вперед, оглядываясь и прислушиваясь к журчащим и капающим звукам, и вскоре дошел до разветвления коридора. Подумав, он решил вернуться в комнату и дождаться, когда родители разберутся с происходящей дребеденью. Повернув назад, через некоторое время Камыш понял, что заблудился. Знакомая дверь исчезла.

— Мам! Пап! — снова крикнул он и услышал грузные шаги за спиной и шуршание. Сопение заполнило тишину коридора, из-за угла напозла тень с огромной секирой, с конца которой упала темная клякса.

Камыш закричал дурным голосом и побежал.

— Увы, диагноз не оптимистичен, — развел руками врач в разговоре с убитыми горем родителями. — Разрешение на снятие дефенсора* пролило свет на суть происходящего. Ваш сын живет в выдуманном мире. Посмотрите стереограмму его воспоминаний.

На ускоренной ленте немого черно-белого кино маленький человечек бежал как белка в колесе, беспрестанно оглядываясь, и на его лице застыло выражение ужаса.

— Уверю, что длительное и интенсивное лечение со временем принесет плоды, — заверил врач. — Вы правильно поступили, выбрав нашу психиатрическую лечебницу. В нашем активе современные методики и лучшие специалисты. Пройдемте, убедитесь сами.

Родители пошли за врачом. Отец катил инвалидную коляску, в которой сидел Камыш, уставившийся бессмысленным взглядом в одну точку.

— -

Родители третьего студента хватились сына ближе к вечеру. Он не оставил записку, не отвечал на звонки по телефону, не появлялся у друзей.

Мать собиралась поехать в отделение Департамента правопорядка, чтобы написать заявление об исчезновении, хотя отец отговаривал — и суток не прошло. Но тревога женщины росла.

Расхаживая по комнате сына, она прикрыла распахнутые дверцы платяного шкафа и обомлела. Ее мальчик стоял по ту сторону зеркала и что-то говорил, кричал, стучал, но из зазеркалья не доносилось ни звука.

— Невероятный случай, — заявили специалисты, придя в себя от изумления. — Исключительный.

Куда бы ни перемещали зеркало, в нем отражалась все та же комната.

Отец поседел от переживаний, а мать тронулась умом.

— Осторожнее! — кричала, вцепившись в раму, когда зеркало собирались переносить на другое место. — Не разбейте!

Она любовно гладила поверхность, полировала и протирала тряпочкой от пыли.

Зеркало забрали в правительственную лабораторию, где над разгадкой феномена бились лучшие ученые-висорики. Во время исследований выяснилось, что покрытая амальгамой поверхность приобрела прозрачность, став своеобразным окном, и что с юношей можно общаться. Молодой человек не помнил, как вышло, что он очутился по ту сторону зеркала. Он не ел, не старел, но спал и читал книги, стоявшие на полке, правда, текст в них был напечатан зеркально. Зато принадлежностей для письма не было. Вообще-то в ящиках стола лежали перья, бумага и конспекты лекций, но они остались в реальности, а в зазеркалье не отразились.

Обычный примитивный монстр прятался в темном коридоре. Остатками связи, протянувшейся тонкой ниточкой через стены, он почувствовал — затея с вместилищем не оказалась пустой, и его детище прижилось в чужеродном мире.

Лишившись способностей, монстр стал существом из плоти и начал испытывать голод и жажду. Незнакомые ощущения с некоторых пор довлели над ним, пробуждая озлобленность и беспричинную агрессию. Еще немного, и монстр выйдет к двуногим, если раньше не разорвет какого-нибудь растяпу, заглянувшего в темноту туннелей.

Он познал, что значит боль. Незаживающие раны на спине напоминали о себе при каждом движении, и на стенах и полу оставались пахучие вязкие следы, по которым двуногие с легкостью найдут беглеца.

Монстр решил, что не позволит загнать себя в ловушку, но осознавал, что рано или поздно это произойдет. Его поймают, ограничат в тесном пространстве и займутся дрессировкой. Его будут морить голодом и начнут исследовать чувствительность с помощью испепеляющего огня. Двуногие приручат порождение ночи, по натуре свободолюбивое, и оно станет вечным посмешищем во всех измерениях.

Даже чудовища, вынужденные против воли существовать в примитивном мирке, могут выбирать. Собственно говоря, монстр принял решение в тот момент, когда добровольно отдал всё, чему научился в заточении. И теперь, приблизившись к границе ночи и дня, он выполз в свет сотен ярких солнц. Подвалы содрогнулись от агонизирующего рева, и дрожь конструкций передалась стенам здания.

Профессор засек время подземного толчка и быстрым шагом, насколько позволяла хромота, направился к медпункту. Когда пять дней назад фамилию Вулфу вычеркнули из списков лиц, допущенных в стационар, Альрик понял: и он, и мальчишка сделали свой выбор.

В последнее время мужчина дневал и ночевал в институте, и дни, загруженные делами, тянулись невообразимо долго, как и бессонные ночи. Противоядия не существует, это Альрик знал точно. Поэтому, начиная с момента покушения, он ожидал появления Игрека в стационаре. Профессор уверовал, что существо из подземелий не допустит смерти девочки, находящейся в пограничном состоянии, как и в случае с Касторским и компанией. Не зря "колечко" сигнализировало, превратившись в маячок для Игрека.

В упорстве, с коим Альрик надеялся на встречу с гостем из иномирья, имелось двойное дно. Между ними были старые счеты. Мужчина страстно хотел увидеть, чем или кем стала

эфирная субстанция, вынужденная существовать в темноте институтских подвалов. Во что превратился Игрек, изуродовавший его несколько лет назад и стремительно эволюционировавший за время заточения? Как чудовище перемещается по институту и возвращается в подземные коридоры? С какой целью оно оставило метку на пальце девочки? Каким образом осуществляется связь между ними? — эти и другие назревшие вопросы требовали объяснений, не давая покоя.

Состояние пострадавшей без изменений: не улучшается, но и не ухудшается, — сообщили в медпункте. Странно, подозрительно и тревожно. Как же так? Ведь обитатель катакомб дал о себе знать, и Альрик вознадеялся на стремительное излечение и встречу с Игреком. Но чуда не произошло. Выходец из иного измерения не оправдал расчета.

Раздосадованный донельзя профессор отправился в ректорат, откуда спустился в институтские подвалы в числе поспешно собранной группы обходчиков. Разделившись на три звена, группа прочесала подземелья и обнаружила в коридоре перед подъемником то, что осталось от Игрека.

Проректриса незамедлительно поставила в известность начальника Первого департамента. Коридор оцепили, отобрали пробы грунта, остатки органической массы тщательно собрали и упаковали, после чего началась стандартная процедура по списанию. Через два дня сверхсобоусекретный проект правительства под условным названием "Игрек" был признан скоростигжно завершенным по причине полной и необратимой ликвидации объекта.

Сидя в кресле в комнате отдыха и накачиваясь коньяком, Альрик впервые признал, что тяга к науке стала удавкой на шее. Лаборатория приятеля, куда он поспешил после экзамена, чтобы исследовать генетический материал, и желание засечь появление Игрека оказались важнее одной маленькой девочки, которая сейчас отчаянно цеплялась за жизнь тремя этажами ниже в соседнем крыле. А Альрик потерял возможность стать для нее значимей, чем обычный преподаватель.

Теперь, когда после необъяснимого и ошеломляющего поступка Игрека шансы на спасение приравнялись к нулю, профессору оставалось пить обжигающий горло напиток, пытаясь притупить растущую тоску, и ждать неизбежного. Пусть мальчишке не понравился удручающий прогноз, Альрик не жалел о сказанном. Он повидал немало, чтобы утверждать: лучше сразу конец, чем овощное существование.

Между мной и Егором завязалось подобие дружбы.

Конечно же, я не сказала Пьеру о том, что видела его с другой. Отец бы не пережил удара из-за разрыва отношений, но общение с женихом стало для меня в тягость. Я высиживала положенное по протоколу время и, найдя какую-нибудь причину, исчезала. Апка подтрунивала надо мной и продолжала вести разгульный образ жизни, заведя тайный роман со старшим консультантом из банка.

Егор больше не ходил к мачехе в будуар, и теперь мы чаще общались с парнем. Он рассказал, что после гибели брата на руках остались молодая вдова и племянник, а денежные долги передались по родственной линии. Поэтому работа прислугой выгодна. Здесь больше платят, и близкие рядом.

— Сколько ты должен?

— Сто двадцать пять тысяч, — сказал Егор, глядя в глаза. — Arredi* — почудился шепот.

— Что? — не расслышала я.

Огромные деньги в качестве долга! Проще продать себя по частям на органы.

У меня имелась необходимая сумма, но она хранилась в банковской ячейке, и отец контролировал расходы.

Жалко парня. Он трудился, не покладая рук, изыскивая любую возможность подзаработать, даже пел в клубе по вечерам.

Я прониклась уважением Егору. Мы разговаривали на разные темы, и парень оказался интересным собеседником. Он рисовал на заказ семейные портреты и мечтал о машине.

Чем дальше мы отдалялись с Пьером, тем ближе становились отношения с Егором. Однажды он поцеловал меня в коридоре. Нежное прикосновение к губам сразило наповал, и я поняла, что влюбилась.

Егор пригласил меня на бои, в которых участвовал по выходным. Я согласилась и тайком от семьи пришла в клуб. Парень вступал на ринге, он выглядел измочаленным. Его противником оказался рослый кудрявый чемпион с шипованной перчаткой на одной руке и кастетом — на другой.

Неожиданно потянуло дымом, и начался пожар. Отыскав меня среди толпы, Егор велел: — Залезай на плечи и прыгай.

Я сделала, как он приказал, и забралась. Ползла целую вечность, пока не заболели коленки, и вывалилась вслед за парнем.

— Spirari*, - услышала на ухо, когда он поймал меня на руки.

Я вглядывалась в непроницаемое лицо Егора. Наверное, показалось.

Мы поехали к нему домой.

— Нельзя появляться у тебя. Если меня поймают, то вырежут дефенсор*, - сказал парень, и я согласилась.

Егор показал на здание с вытянутыми искривленными окнами.

— Здесь мой дом, — сказал он. — Не пугайся.

Его комната оказалась маленькой. В такой подсобке у нас дома стояли швабры и ведра, поэтому я назвала небольшое обиталище швабровкой. В углу стояла кадка со смердящей пальмой, под потолком покачивалась привязанная за веревочку черная тряпка с кривым клювом и лапами, похожая на воздушный шарик.

— Это мой дракон, — сказал парень. — Выращиваю на продажу, чтобы пригласить тебя в "Инновацию".

Неожиданно дверь распахнулась, и вбежала девушка с белоснежными волосами. Она бросилась к Егору и повисла на нем:

— Любимый, я скучала и ужасно боялась за тебя! Мне повезло, я выиграла горшочек с кашей! — Она вынула из кармана засаленного халата чеканную фляжку со значком черного трезубца.

Видя трепетное беспокойство незнакомки, я почувствовала себя лишней и оплеванной и, встав, побрела домой.

— Метогі*! — донеслось требовательно, но я заткнула уши.

Отец разрешил забрать деньги из банковской ячейки, и я отдала их парню. Он горячо благодарил и пытался объясниться, но я не стала слушать.

Я замкнулась и избегала Егора, потому что он оказался обманщиком. С Пьером мы виделись редко, и если встречались, он вел себя странно, впрочем, как сестра, отец и другие люди. Они замолкали посреди разговора, уставившись в одну точку, или вставали и уходили.

Иногда я отвлекалась на мгновение, а когда возвращалась к беседе, они успевали исчезнуть.

Настал день моей свадьбы. Платье с муаровым воротником и манжетами и со вспархивающими бабочками выглядело прелестно, но мне хотелось плакать.

Ряды уходили амфитеатром ввысь. Гостей пришло мало, многие места пустовали. Куда подевались сестра, отец, мачеха?

Неожиданно я поняла, что забыла имя своего жениха. Цветы в букете начали сереть, краски истирались на глазах.

— *Experizi**! — крикнул появившийся в двери Егор.

Я бросилась прочь от него. Стены затряслись, с потолка сыпалась штукатурка, дорога исчезала за спиной, пожираемая пустотой.

Примчавшись домой, я кинулась к шкафу. Побросаю вещи в сумку и уеду туда, где никто не найдет. В раздвижном шкафу-купе оказалось пусто — вешалки голы, полки пусты.

В столовой сидела сестра и смотрела в окно, залитое оранжево-молочным сиянием.

— Что происходит? — спросила я у неё.

Вместо ответа Аффа встала, открыла створки окна и пропала в нем.

— *Viva**! — раздался голос, от которого заходили ходуном стены. Квартира напоминала кукольный домик, чью крышу вот-вот снимут огромные руки и вытащат меня как игрушку.

Стены рушились, и обломки разлетались в стороны. Пустота наступала, поглощая пространство. Скоро она подберется и ко мне.

Навстречу приближался Егор, но он не видел меня. Парень прошел мимо, оглядываясь по сторонам.

— Где ты? *Dictimi in mai**, - повторял без конца. — *Dictimi in mai**.

Он остановился и вытянул наугад руку. Подобралшись на цыпочках, я нерешительно прикоснулась к его ладони, и меня потянуло, засасывая в воронку.

Борись! Дыши! Проснись! Вспомни! Живи! — хлестали бичом приказы.

В груди нарастала острая боль. Она наматывалась в клубок, который распирает ребра и сдавливал легкие.

— Вернись ко мне, — твердил голос. — Вернись!

Боль расползлась, угрожая лопнуть перезревшим гнойником.

Сконцентрироваться. Собраться. Вернуться.

Клубок рос. Он раздувался и разрастался, пульсируя, точно живой, и, напрягшись, вдруг... вытолкнулся, выстрелив. Чужое исторглось без остатка, и в теле воцарилась непривычная легкость.

Я открывала рот как рыба, выброшенная на берег. Хрипы, кашель — меня выворачивало наизнанку.

Замелькали тени, слышались звуки, открылись глаза...

*certama**, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

Ашшавара аба — поцелуй смерти

Dictimi in mai, диктими ин май (перевод с новолат.) — вернись ко мне

*Viva**, вива (перевод с новолат.) — живи

*Arredi**, арреди (перевод с новолат.) — борись

*Spirari**, спирари (перевод с новолат.) — дыши

Memori*, мемори (перевод с новолат.) — вспомни

Experizi*, эксперици (перевод с новолат.) — проснись

23. Жизнь разнообразна и удивительна

Жила-была кукла. У нее сгибались руки, ноги и умели закрываться глаза.

С куклой играли. Ее кормили, расчесывали, умывали, ворочали и переодевали, укладывали спать, пели песни или разговаривали. Последнее не суть важно — главное, ласковые интонации, с которыми обращались к кукле.

В основном, играли двое, но приходил и третий. И играли они в больницу, — однажды поняла кукла. Непонятно, почему всплыло слово "больница", но оно означало провода с присосками, которые помногу раз на дню прикрепляли то к голове, то к рукам и ногам, то в область сердца. Кукле ставили уколы, делали компрессы, обтирали, мяли, смазывали, поили, светили в глаза и щелкали пальцами перед лицом.

В какой-то момент кукла распознала, что вливаемое в рот оказалось кислым, а когда в очередной раз решили воткнуть иголку в руку, она отдернула её, сопротивляясь. Точнее, "отдернула" — громко сказано. Так, судорожное движение, к которому присоединилось недовольное мычание. Кукла поняла, что звук издала она, а вокруг засуетились, забегали и снова начали опутывать проводами с присосками, хотя делали это недавно. Затем возле куклы собралась целая толпа, но с ней не играли, а долго и оживленно разговаривали между собой, и все были одеты в одинаковое и белое.

Кукле показалось, что из-за тесноты нечем дышать, и она замотала головой, выражая протест. Размахивающую руками возбужденную толпу вымело, а возле куклы остался тот, третий, ставший знакомым, и он улыбался — широко и открыто.

После этого случая кукле удавалось отдохнуть, лишь когда смеживались веки, потому что в оставшееся время с ней стали играть в больницу беспрерывно.

Однажды кукла посмотрела вверх и увидела потолок, а вокруг стены, окна и дверь. Выяснилось, что куклу поселили в игрушечном домике и устраивали для нее день и ночь, зажигая за окном фонарик.

Когда кукла в очередной раз открыла глаза, она вдруг поняла, что проснулась. Кукла догадалась, что ее существование состоит из яви и отключающегося периодически сознания, пропадающего в небытие, однако неизменно возвращающегося в тот же кукольный домик.

Кукла начала различать тех, кто играл с ней. Двое приходили часто и поочередно, а третий — пореже. Иногда третий приходил еще с кем-то, и они переговаривались в стороне, а потом исчезали за дверью.

Однажды в кукольный домик затащили большой черный лист и водрузили перед куклой. Теперь время от времени куклу устраивали с удобством, чтобы она смотрела картинки, появляющиеся на листе. Еще куклу заставляли слушать звуки. Некоторые её усыпляли, а другие, наоборот, вызывали желание вскочить и запрыгать.

Куклу наряжали. На руки и щиколотки надевали браслеты, на шею вешали красивые бусы и кулоны, которые потом заменяли новыми.

Однажды вместо зеленых и голубых картинок на черном листе показывали лица. Они чередовались, их было много, и вскоре кукла начала уставать от мелких деталей. Что-то ей казалось знакомым, и она хмурила впустую лоб, силясь вспомнить, а что-то проскальзывало незамеченным мимо внимания, пока вдруг на листе не появилось изображение: усыпанная желтым дорожка, по которой шел человек.

Кукла замерла и впиалась глазами в картинку, а потом вдруг задержалась, порываясь

встать. Писк приборов участился, равномерные неровности на ползущей ленте превратились в высокие хребты и глубокие впадины.

Прибежал один из тех, кто играл с куклой.

— Тише, тише, — прижимал её к кровати. — Успокойся.

А кукла тянула руку к картинке на черном листе и промычала:

— М-м-м... Мэ-э-эл...

Появился и тот, третий.

— Кто такой Мэл? Вспоминайте! — потребовал, очутившись возле куклы.

— М-м-мэл... М-мэл... Мэл... Мэл...

Куклу было невозможно остановить. Непонятно, что больше потрясло её — человек на картинке или появившаяся возможность произносить звуки.

Третий торопливо засосал иглой в шприц содержимое флакона и ловко ввел в капельницу. Вскоре лекарство подействовало.

— Мэл, Мэл, Мэл... — бормотала кукла как заведенная, уже засыпая.

— Вы безмерно рисковали, Улий Агатович, — докатились обрывки фразы сквозь наваливающуюся дремоту. — Посмотрите, какая сильная реакция. Она перевозбуждена.

— Кто не рискует, тот не пьет, не ест и не ходит на своих ногах. Этак мы с десятков лет ползли бы к конечному результату и не факт, что доползли.

На следующее утро с куклой поиграли как обычно. Ее умыли, покормили, поставили уколы, поменяли капельницы и прикрепили присоски с проводами к голове. Перед куклой снова появилась картинка с идущим человеком, а затем ее сменили другие изображения. То же лицо смеялось, оно же смотрело задумчиво вдаль, тот же человек опирался о капот машины и он же обнимал кого-то, наклонившись, чтобы... поцеловать?

Куклу подкинуло на кровати, и снова ее удержали крепкие руки.

— Вспоминайте! — приказал над ухом вчерашний голос, и кукла заворуженно уставилась на лист с изображением.

Тот, из-за кого её сердце едва не вылетело из грудной клетки, и кого она назвала Мэлом, собирался поцеловать... меня!!

Это я стояла на той картинке, рядом с ним! Это меня он обнимал и улыбался!

Кукла — это я. И я нахожусь в больничной палате, рядом со мной медсестра и доктор, а перед кроватью на треножной подставке стоит широкий экран с картинкой, на которой сфотографированы я и Мэл.

Я — Эва. И я дышу, смотрю, слушаю и понимаю.

Я живу.

Медсестры сменяли друг друга. Первая — светловолосая, высокая и стройная — приходила с неизменной приветливой улыбкой, поднимающей настроение. Ее коллега была широка в кости и необхватна в объемах, но не менее дружелюбна и разговорчива. На нагрудных кармашках их медицинских халатов были пришпилены карточки с буквами: "М" и "Р" соответственно.

— "М"? — показала я пальцем на букву.

— Эм, — сказала женщина. — Меня зовут Эм.

Мы обедали. Вернее, кормили меня. Точнее, я ела сама. Мне повязали клеенчатый слюнявчик невероятной длины и поставили на кровати переносной столик с едой. Я держала ложку, а Эм поправляла и помогала, если рука начинала дрожать или не зачерпывала бульон. Надо сказать, процесс самостоятельного приема пищи налажился

быстро; во всяком случае, кроме ложки мне покорились и вилка, и получалось пить из кружки без чьей-либо поддержки.

Из общения с Эм я выяснила, что нахожусь не в больнице, а в стационаре при медпункте института, в котором учусь. Действительно, обстановка выглядела знакомой. Сейчас кровати сдвинули в другую половину, а для меня и медицинского оборудования освободили целый угол помещения.

Помимо прочих процедур в расписании имелся ежедневный массаж, и проводила его медсестра, которую звали Эр, о чем она сообщила, когда я показала на букву на кармашке халата. У Эр были сильные крепкие руки, и во время массажа я вскрикивала и подвывала, пытаюсь вырваться.

— Хор-роша зайныка, — нахваливала медсестра, ворочая меня на кровати. — Разрабатывай связоньки, тренируй голосок.

После массажа я чувствовала себя выжатой тряпкой и сразу засыпала.

Меня накачивали лекарствами всех форм: в виде таблеток, поскольку я могла глотать; в виде растворов и сиропов; в виде внутримышечных и внутривенных уколов и даже в виде свечек. Назначение препаратов состояло в том, чтобы восстановить, поддержать и развить потерянные возможности организма — улучшить мозговое кровообращение, стимулировать работу нервной системы и укрепить сердечнососудистую.

Со мной работал логопед. Щуплый дяденька с прилизанными волосами и острым носом, похожий на маленькую птичку, приходил с неизменной черной папкой под мышкой и заставлял трудиться над артикуляцией, выжимая из меня правильное произношение. После занятий язык болел, и я вредничала и капризничала.

— Это хор-рошо, — говорила Эр. — Значит, пошла на поправку зайныка.

Ежедневные просмотры на экране вошли в обязательную программу. Каждый раз сеансы были различными по тематике и длились, пока мне не надоедало. Например, на меня обрушивалось штормящее море, шум гальки бередил уши, мокрая соленая пыль долетала до кровати, а запах выброшенных на берег водорослей раздражал обоняние. То мне подсовывали горы, покрытые лесами, то тропические джунгли, то подводный мир с косяками экзотических рыб и яркими кораллами. И в заключение обязательно показывали подборку фотографий с Мэлом. В такие моменты я смотрела на экран, не дыша.

Обязательными стали и сеансы музыкальной терапии. Мне позволяли слушать легкие расслабляющие мелодии, и общая суть заключалась в настраивании на положительные эмоции.

— Негатив нам не нужен, — заключил мой лечащий врач Улий Агатович. Он был невысок, имел глубокие залысины, реденькие русые волосы, курносый нос и приличный животик, который носил с достоинством. От мужчины за километр фонило оптимизмом.

— Ну-с, как поживает наша больнушечка? — начиналось утро после обычных приветствий.

— Н-нормально, — отвечала я.

— Что значит "нормально"? Посчитаю, что моя миссия завершена, когда услышу: "Замечательно! Волшебнo! Восхитительно!"

Помимо массажа обязательными стали сеансы электростимуляции мышечных тканей под контролем Эм или Эр. Меня обтирали антисептическими растворами и смазывали от пролежней.

А потом настал день, когда я поднялась с кровати и пошла. Не самостоятельно,

конечно, а при поддержке Эм и Эр с двух сторон. Ноги дрожали, голова закружилась, и в глазах потемнело, но вскоре зрение вернулось. Мы проковыляли втроем по проходу между кроватями и повернули обратно, а уже через час я потребовала костыли.

В стационар периодически приходили гости — коллеги Улия Агатовича. Они рассматривали меня как удивительную зверушку, и их интерес злил.

— Не хочу! — сказала в очередной раз, когда доктор пришел с тремя учеными мужами.

— Конечно, конечно, — засуетился он и выпроводил седовласых академиков за дверь. Улий Агатович руководствовался принципом: "Прочь отрицательные эмоции!"

Помимо ученых товарищей обо мне не забывали и другие. Каждое утро в стационаре появлялись пышные красочные букеты в корзинках, увитые роскошными ленточками. Поначалу доктор запретил пахучие цветы, но убедившись, что у меня нет аллергии, дал разрешение.

Как-то он сказал:

— Душечка-больнушечка, приехал ваш батюшка. Не хотите повидаться с ним?

У меня есть отец, и он приехал ко мне! Он ждет в медпункте и зайдет в стационар! О чем нам говорить?

Не помня толком о родителе, я почему-то решила, что он обвинит меня и начнет оскорблять. Нет, не хочу! — закрыла лицо руками и замотала головой.

Участившийся писк прибора наглядно показал Улию Агатовичу о моем нежелании встречаться с отцом.

— Ничего, ничего, — начал успокаивать доктор. — Всему своё время. Как пожелаете, так и будет. Нам нужны только приятные переживания. Жаль, что я ввел вашего батюшку в заблуждение. Впредь буду сперва советоваться с вами. Не волнуйтесь и отдыхайте, а я расскажу ему о наших достижениях.

Ну и пусть доктору неудобно перед отцом. Хорошо, что Улий Агатович проповедовал лечение положительными эмоциями.

Я освоилась на костылях и скакала по стационару туда-сюда, успевая украдкой от медсестер перемещаться самостоятельно, держась за спинки кроватей.

Доктор занялся моим интеллектом, точнее, восстановлением навыков, умственных познаний и воспоминаний, а также исследовал органы чувств. К примеру, он предлагал к дегустации бесцветные железные массы в одинаковых кюветках, чтобы определить вкус того или иного желе. Улия Агатовича определенно приводило в восторг, что я различаю холодное и горячее, острое, сладкое, соленое и кислое.

Он исследовал диапазон моего обоняния и слухового восприятия, проверил остроту зрения и распознавание цветов. Для доктора оказалось важным не только то, что я отличаю красный цвет от зеленого, но и называю их своими именами. Красное — это красное, а розовое — это розовое, и никак не зеленое или синее.

Могло показаться смешным, но мы занялись элементарным счетом, сложением, повторением алфавита, и Улий Агатович расцветал на глазах. Да и я удивлялась тому, сколько умных вещей сокрыто в моей голове.

Мужчина приносил разнообразные иллюстрированные атласы, и я вспоминала названия растений, ягод, фруктов, овощей, животных, птиц, рыб, географические названия, исторические термины.

Потом доктор принес перо и бумагу, и я начала писать — криво, как курица лапой, но, тем не менее, что-то карябала. Улий Агатович задавал примеры и диктовал, я решала и

писала. Он заставлял читать, начав с детских сказок и заканчивая техническими текстами. Постепенно, но неуклонно мы ползли вперед, и доктора распирало от гордости.

Он сдержал обещание, и без моего разрешения посторонние не приходили в стационар. Уж не знаю, делился ли Улий Агатович достижениями со своими коллегами, и когда он успевал это делать, потому что мужчина находился целый день подле меня, и мы расставались лишь на ночь.

— Уникально и бесподобно, — сказал как-то доктор, проверив решенную задачу по геометрии. — Больнушечка моя, вы — бесценная драгоценность в моей медицинской практике.

— Неужели правильно? — удивилась я.

— В корне неверно, но не имеет значения. Главное, развилось абстрактное мышление!

Теперь реабилитация продвигалась гигантскими скачками, и мне некогда было подумать о чем-то другом. Извилины, поначалу туго соображавшие, постепенно закручивались, и если раньше, чтобы ответить на элементарный вопрос, уходила минута, а иногда и больше, то теперь я справлялась гораздо быстрее. Улий Агатович перешел к логическим задачам с подвохами.

Отдельной темой для разговоров стали воспоминания. Поначалу память подбрасывала мне отрывочные образы. Например, я еду в машине, которая освещает фарами дорогу. Вокруг темно, а за рулем Мэл, и он везет на... цертаму*, - выговорила с запинкой чужое и странное слово. Или иду по заснеженной улице и заглядываю в окна домов. Это мы с Аффой пошли в первый раз в квартал слепых перед Новым годом.

Каждое новое воспоминание тянуло за собой цепочку других, сотрясая заслон в памяти и образуя трещины, которые постепенно разрастались. Через щели в трещинах текли ручейки, подмывавшие преграду.

Аффа — моя соседка по общежитию. Мы познакомились, когда я перевелась в институт, и мне выделили комнату. В памяти замелькало наше соседство, поход в клуб, тренировки перед приемом, поездка за покупками, ссора из-за Мэла, перемирие после гибели Радика...

Ужас! Мысли разбегались как тараканы! Перескакивали кузнечиками — не поймать.

Вива, "Лица года", переулочек Первых Аистов, работа в архиве... Боже, голова скоро лопнет как перезревший арбуз!

Доктор, заметив отрешенный вид своей пациентки, сделал кое-какие выводы и сократил часы умственных нагрузок, чтобы дать мне возможность разобраться в воспоминаниях и упорядочить их.

В голове крутился сумбурный ералаш. Обрывки прошлого теснились, напоздали друг на друга, перекрывая. Безуспешная попытка разволновала и рассердила, и на торопливый писк прибора появилась Эм.

— Что вас беспокоит? — присела на кровать и, взяв мою ладонь, начала поглаживать.

Заботливое участие и ласковые успокаивающие движения погасили возбуждение. Наверное, медсестер учат психологии, — подумала я, глядя на Эм. Она могла быть моей мамой. Стройная, подтянутая, неизменно спокойная, со стальной выдержкой, Эм с ласковой улыбкой меняла подо мной обмоченную простыню и выслушивала сумбурную речь о разрывающих мозг воспоминаниях.

— Продвигайтесь вперед небольшими шагами. Не торопитесь, — посоветовала медсестра. — Выбирайте из памяти постепенно. Сначала детство. Родители, близкие, собака

или кошка. Может быть, хомячок. Школьные друзья. Затем юность. Первая влюбленность. Интересы.

Когда Эм ушла, снабдив мой организм плановой порцией таблеток, уколов и сиропов, я улеглась, хорошенько взбив подушку. В окне отражались вечерние лампы и огоньки приборов. Оконное стекло показало кровать и меня на ней, укрытую одеялом.

Какими ветрами меня занесло в стационар? Что произошло?

Я начала вспоминать — неспешно, выискивая в памяти обрывки детства и постепенно двигаясь дальше, как посоветовала Эм. Шаг за шагом крутилось веретено, и события прошлого выстраивались одно за другим. Иногда мысли порывались нестись вскачь, но я их осаживала.

Мама, побережье, отец, тетка, интернат, перебежки по ВУЗам, прием, побоище в "Вулкано"... Мэл... Мэл!

Я взбудоражено подскочила на кровати, и, чтобы писк прибора не беспокоил медсестру, привела дыхание в норму.

Кольцо на левой руке. Глядя каждый день на украшение, я не задумывалась о том, как оно оказалось на пальце и для чего предназначено.

Коготь Дьявола... Обещание Мэла... Гибель Радика...

Чем ближе к разгадке, тем медленнее и осторожнее продвигалась я по коридору памяти, ожидая с опаской, что в любое мгновение из-за ближайшего поворота набросится нечто кошмарное.

Существование на грани, Мэл, пытающийся достучаться до меня, и разговор с архивариусом казались далекими, нереальными. Затем воспоминания потекли сумбурно и нечетко, словно бы не я, а кто-то другой управлял моим телом... То ли болезнь, то ли помешательство.

Неожиданно в голове всплыли ночные сновидения о лесе и его хозяине. В стационаре они перестали приходить ко мне и казались сейчас игрой богатого воображения, впрочем, как и другие сны. Теперь, когда смыкались веки, сознание погружалось в пустоту, но это не удручало.

Ковыряние в прошлом утомило не меньше спортивного марафона, и я не заметила, как задремала.

— Ну-с, больнушечка, как дела? — спросил утром Улий Агатович.

— Как сажа бела, — выдала я машинально.

Доктор рассмеялся, показав мелкие ровные зубы и ямочки на пухлых щеках. Заразительный смех вызвал у меня ответную улыбку.

— Итак, чем похвалитесь? — поинтересовался мужчина, отсмеявшись. — К чему пришли?

— Как я попала сюда? — обвела рукой помещение институтского стационара.

— Хороший вопрос, и меня радует, что вы задали его. Всему свое время, и нужные вопросы назревают в нужный момент. Тогда ответы не пропадут впустую и будут восприняты адекватно. Это означает, что ваша память более или менее восстановилась. В целом я доволен уровнем ваших познавательных способностей. Ведь речь и интеллект выделили человека из прочих животных, — поднял Улий Агатович указательный палец. — Каковы последние воспоминания?

— Смутно помню. Наверное, я подхватила инфекцию, потому что меня лихорадило. Сначала был экзамен, а потом состоялся фуршет из-за окончания сессии. А потом провал в

памяти, и больше ничего.

— Что вы пробовали на фуршете?

— М-м-м... шампанское. А есть не хотелось, быть может, из-за высокой температуры.

Улий Агатович посмотрел на меня задумчиво.

— В шампанском, которое вы пили, обнаружен сильнейший яд. Гиперацин. Достаточно двух капель, и гарантировано обширное кровоизлияние в мозг с последующим инсультом.

До меня не сразу дошел смысл сказанного. Ничего не поделаешь, коли извилины работают с задержкой. А когда я сообразила, то растерялась.

— То есть... Почему яд?... Но как же?...

Безумный писк прибора привел в стационар Эр, которая в спешном порядке ввела успокоительное в вену.

— Рановато, больнушечка моя. Рановато, — сказал доктор расстроено. — Поспите. Сон — лучшее лекарство.

Пробудившись утром, я взялась за обдумывание слов Улия Агатовича.

В бокале, взятом на фуршете со стола, был яд. Неужели он предназначался мне, или я схватила бокал по ошибке? Но если это произошло случайно, значит, вместо меня игристое мог выпить кто-нибудь другой.

Как яд оказался в шампанском? Уж никак не свалился с потолка. Получается, кто-то сознательно, с преступным умыслом добавил его в бокал, чтобы отравить. Вот ужас!

Успокоившись и собравшись с духом, я решила расспросить доктора и не прерывать разговор писком приборчика.

— Вы действительно хотите продолжить? — поинтересовался он осторожно.

— Хочу, — подтвердила я и спросила без долгих предисловий: — Кроме меня кто-нибудь пострадал?

— Нет. Только вы.

Только я, и больше никто.

— Это вышло случайно или специально?

— Не могу сказать, — развел руками мужчина. — Следовательно обивает порог медпункта вот уже несколько дней, чтобы побеседовать с вами.

— А где Морковка... Кларисса Марковна?

— Она при медпункте. Так сказать, задействована в процессе, — ответил Улий Агатович.

Только сейчас я заметила, что грызу ногти.

— А того, кто это сделал, уже нашли?

— Следствие не посвящает нас в свои дела, — пояснил доктор. — Возможно, виновник найден. Не могу знать.

— Что за яд? Я не слышала о таком.

— А о гиперации слышали?

— Да. Из курса теории снадобий. Если мы вообще говорим об одном и том же растении.

Гиперацией назывался неприхотливый колючий кустарник высотой не более десяти сантиметров. Беспольный сорняк облюбовал песчаные почвы и открытые пространства в средней полосе, разрастаясь и занимая целые поляны. "Площади, занятые гиперацией, лучше обходить стороной или надевать защитную одежду из плотной ткани, чтобы не поцарапаться шипами", — советовали авторы справочника по диким растениям. — "Царапины долго не излечиваются, потому что листья и веточки растения покрыты беловатым налетом, который

при попадании в ранку вызывает непроходящее раздражение, покраснение, отечность". То есть как бы ни вазюкал зеленкой и заживляющими мазями, а пока организм не выработает иммунитет, никакие средства не помогут против заразы. Но чтобы получать из гиперации яд — о таком я не слышала.

— Мы говорим об одном и том же растении, — заверил Улий Агатович. — Гиперацин получен относительно недавно, около двух лет назад. А как у нас бывает? Сначала найдут или разработают, прокричат о сенсации на всех углах, а потом хватаются за голову — антидота-то нет. Я уж по этой теме прочитал всё, что мог, когда занялся вашим случаем. Вернее, мне предоставили необходимую информацию. Технология изготовления гиперацина очень сложна, и требуется немало растительного сырья, чтобы получить хотя бы один миллилитр яда.

— Но зачем такие трудности?

— В медицине действует эффективное правило: минус на минус дает плюс, или любое действие изгоняют противодействием. Выяснилось, что наружное применение гиперацина дает обнадеживающие результаты при лечении жертв нарушенных клятв и обещаний. По крайней мере, процесс существенно тормозится. Также яд испытали на зараженных янтарной чумой, и данные исследований вселяют надежду на излечение. Но несомненным достоинством гиперацина является стимулирование на клеточном уровне регенерации внутренних органов и частей тела. Если вы знаете, у человека регенерирует эпидермис, и даже глубокие раны со временем затягиваются. Можно считать регенерацией отрастание волос и ногтей. Кости тоже регенерируют, срастаясь после переломов. С частичной утратой печени оставшиеся фрагменты начинают усиленно делиться и восстанавливают её первоначальные размеры. На этом возможности человеческого организма исчерпываются. Применение же гиперацина позволит в недалеком будущем восстанавливать и другие поврежденные органы, помимо печени. Возможно, когда-нибудь в медицине наступит момент, когда утерянные части тела будут регенерироваться заново.

— Потрясающе! — не удержалась я, и доктор улыбнулся, лучась гордостью за свою науку. — А когда это произойдет?

— Исследовательские работы в разгаре. Правительство выделило немалые дотации на эксперименты в лабораторных условиях. Для частных лиц запрещена покупка гиперацина. Его можно приобрести через сеть спецмагазинов по заказу, согласованному с Первым департаментом. Очень сложная процедура. Одна отчетность по списанию сведет с ума кого угодно, — поделился наболевшим Улий Агатович. — В общем, больнушечка моя, считайте, что вам невероятно повезло. Мозг не пострадал, и вы смогли вернуться к нормальной жизни. Это настоящее чудо притом, что организм принял удвоенную летальную дозу яда. Гиперацин опасен и тем, что пациенту следует пребывать в полной неподвижности: ни малейшего колебания, ни сквознячка, ни громкого разговора. Как правило, любой яд вызывает паралич дыхательных путей и угнетение нервной деятельности, но из-за гиперацина внутренние органы, кровеносные сосуды и нервы стекленеют и становятся чрезвычайно хрупкими. Малейшая встряска может привести к мучительному исходу.

Ужасно и еще раз ужасно.

Рассказ доктора потряс до глубины души, и я едва уняла дыхание и пульс, чтобы приборчик не зачастил предательским писком.

Удвоенная летальная доза. Смерть стояла у изголовья, жадно втягивая ноздрями утекающую жизнь, но я почему-то боролась.

— Если противоядия не существует, то как мне удалось выздороветь?

— В этом и состоит главная загадка, — сообщил доктор. — Поначалу наблюдалось неуклонное ухудшение, хотя радовало и удивляло, что ваш организм отчаянно сопротивлялся. В какой-то момент безнадежное состояние опустилось до нижнего предела и застыло в одной точке, а затем понемногу поползло вверх, и на шестой день, больнушечка моя, вы открыли глазки. Вот так-то. Ну, что могу сказать... Вероятнее всего, у вас выработался иммунитет к гиперацину и прочим растительным ядам.

Утешает, что ни говори. Теперь на завтрак буду заглатывать столовую ложку какого-нибудь яда. Просто так, ради развлечения.

— Хочу поговорить с Мэлом.

— С Мэлом? — удивился доктор.

Еще бы ему не опешить от изумления. Впервые я изъявила желание встретиться с кем-то.

— Да, мне хочется увидеть его.

Что странного в моей просьбе? Наоборот, странно то, что эта мысль пришла в голову всего лишь секунду назад, а не раньше. Ну, да, мозги кривоного соображают, и, как сказал Улий Агатович, всему свое время. Я хочу видеть Мэла и больше никого.

При упоминании о парне в груди екнуло, приборчик ответил учащением писка, а мне страшно захотелось пересмотреть фотографии с Мэлом. Захотелось прокрутить их на несколько раз, любуясь до бесконечности.

— Успокойтесь, дорогушечка, — распереживался за мое эмоциональное состояние Улий Агатович. — Я прекрасно помню этого молодого человека. Мы с ним хорошо общались. Душевно, если так можно сказать. Разузнаю о нем и сообщу.

К чему изобретать сложности? Скорее звоните и передайте, что мне необходимо увидеть его!

Приборчик перешел в режим монотонного писклявого гудения. Появилась Эм, и вдвоем с доктором они кое-как утихомирили меня, вколов успокоительное.

— Дайте мне телефон, и я позвоню. При мне был телефон. Верните его, — потребовала вяло, после чего заснула.

Если Улий Агатович думал, что отстану от него, то глубоко ошибся. Впрочем, он не особо сопротивлялся, и после пробуждения мне принесли сумочку, бывшую со мной на экзамене и фуршете. "Прима" разрядилась, и доктор, упреждая нервный писк приборчика, заверил, что поможет беде.

— Зарядный шнур скоро принесут. Кстати, я связался с Егором Мелёшиным, вернее, с его родителями...

— И что? — спросила я, холодея, и приборчик запищал. Ненавижу трескотню с некоторых пор.

— Не волнуйтесь, — бросился утешать Улий Агатович. — Егор приболел и находится на лечении. Его батюшка передает вам наилучшие пожелания к выздоровлению.

Ага, искренние пожелания, полные заботливого участия. Самое время вспомнить взгляд Мелёшина-старшего на приеме — пристальный, изучающий.

Видимо, дело организовали так, что мне как капризной принцессе поставляли всё и немедленно, а доктор, как мой проводник, поддерживающий связь с внешним миром, передавал высочайшую волю и собирал налоги с подданных. Так что зарядный шнур вскоре принесли, и он оказался в магазинной упаковке. Ну и ладно, лишь бы услышать Мэла.

На засветившемся экране — ни одного пропущенного вызова от него. Два от Пети, датированные несколькими днями ранее, когда я делала первые шаги по стационару. Три — от Аффы. А от Мэла ничего.

Дрожа от нетерпения, я выбрала его номер и нажала на соединение. Ответили короткие гудки.

Несколько раз я пыталась дозвониться, но безуспешно, а потом пришло сообщение, что абонент находится вне зоны доступа. Оно разволновало так, что меня усмирила лишь очередная доза успокоительного.

Вечером, дождавшись, когда Эр уйдет к себе, я прошлепала в дальний угол стационара и уселась на подоконник. С обзорного пункта виднелась дорога за оградой альма-матер, освещенная фонарями.

За стенами института солнце повернуло на весну. Дни начали прибывать, и теперь темнело позже, чем месяц назад. За то время, что я провела взаперти, погода несколько раз менялась: то небо хмурилось серо-сизыми тучами, то дул порывистый ветер, гоня перистые облака по синеве, то бушевала метель. На южной стороне, куда выходили окна стационара, днем пригревало, и появились первые худосочные сосульки.

Сегодня снаружи шел снег. Он искрился в свете фонарей и ложился свежим покрывалом затвердевший наст. Мне вспомнился вечер, когда я познакомилась с Тёмой, и парень провожал меня в общежитие. Как давно это было... Давно и оттого казалось неправдой, игрой воображения. Я сидела сейчас на подоконнике, а тысячи, нет, сотни тысяч людей заканчивали вечер по-разному. Олег с Мартой ужинали на уютной кухоньке, Швабель Иоганнович и его невестка упаковывали чемоданы, Вива раскрашивала брови перед зеркалом и экспериментировала с нарядами, а Мэл... Где он и что с ним?

Гудки сменились, став длинными, но он так и не ответил на звонок. Почему?

Неожиданно дверь в торце помещения приоткрылась, пропуская полоску света, и в проеме появился человек. Я замерла, забыв разволноваться, а гость вздрогнул, заметив меня, и сказал тихо:

— Фу-у! Ну, и напугала ты, Эвка.

На подоконник опустился Сима. Точнее, в первое мгновение я решила, что это он, но потом подумала, что кто-то другой. На меня смотрела уродливая маска с красными неровными рубцами и стянутой кожей.

— Страшно? — спросил парень. Все-таки по голосу выходило, что в гости заглянул Сима.

— Да. Ты напугал. Вышел как привидение.

— Я за стенкой обитаю. Общая поддерживающая терапия. На днях выписывают.

— Поздравляю. Как с экзаменами?

— Сегодня сдал последний, по снадобьям. Пришлось ходить на пересдачи вместе со всеми, потому что Ромашка встал в позу.

— Молодец, — похвалила парня за то, что не побоялся вылезти из раковины в большой мир. — А я всё пропустила. Наверное, исключат из института за долги.

— Фи, — присвистнул Сима. — Не бойся. Царица пойдет навстречу. Сдашь по индивидуальному графику.

Бр-р-р. Мало радости в общении с Ромашевичевским наедине. Он выжмет из меня все соки и уморит презрением.

— Эльзюшка тоже сдала, или препод опять завалил?

— Штице? — задумался парень. — Не сталкивался с ней. Может, экстерном отстрелялась?

Я пожалала плечами. В конце концов, мне не интересно, каким образом египетская мумия выпросила положительную оценку.

— Ты как? — поинтересовался Сима. — Я видел тебя в гробу хрустальном... тьфу, когда ты лежала под колпаком, а рядом дежурил Мэл.

— Мэл?! Он был здесь?

— Ну да. Мы поговорили, потом он ушел — и всё. Дверь-то с твоей стороны, наверное медсестры закрыли.

— Не знаю, не обращала внимания. И что Мэл? — выпрашивала я жадно. Хорошо, что действие успокоительного не кончилось, не то трезвон приборчика поймал бы нас с Симой на месте преступления.

— Ничего особенного. Выглядел уставшим. Вспомнил о чем-то и ушел, но сказал, что вернется. А я позавчера выяснил, что дверь не заперта. Зачем, думаю, лезть, коли замок навесили? А она раз, — и поддалась.

— Эвакуационные выходы нельзя загромождать и закрывать. Пожарная безопасность, — вспомнила я и прикусила язык. Вдруг у парня возникли неприятные ассоциации с загоранием в столовой?

Однако Сима не заикнулся на моих словах.

— Логично. Смотрю, вокруг тебя кудахчут тетки и бочонок, так что не подойти. А сегодня прислушался: вроде бы стихло.

— Хоть бы свет выключил, прежде чем заглядывать, — посоветовала неудавшемуся шпиону. — Я почти завизжала, но не помню, как это делается. Как думаешь, длинные гудки — когда не слышит или не хочет отвечать?

— Не обязательно. Иногда телефон разряжается. Вот, например, недавно звоню братану и думаю, с какого панталыку он объявил игнор, а у него, оказывается, аккумулятор сел.

А ведь верно! Вдруг Мэл не поставил телефон на зарядку? — успокоилась я. Завтра еще раз позвоню.

— Пока ты спала в своем гробу... тьфу, то есть под колпаком, тут черти что творилось, — поведал Сима. — По институту гуляют всякие слухи... Знаешь чудиков, которые устроили спектакль с первокурсником? Ну, с тем, который...

— Знаю, и что? — оборвала резко. Не хочу возвращаться к Радику. Не сейчас. Это личное. После его гибели о троице сообщила соседка, приносящая из института последние новости, и она же рассказала подробности представления, почерпнутые с чужих слов.

И Сима рассказал невероятнейшие байки, которые я выслушала с открытым ртом. Якобы один из типчиков попал в зеркало, второй сошел с ума, а у девчонки, которая нравилась Радику, выросли крылья, и теперь она похожа на моль.

Упасть и не встать. Оказывается, у парня грандиозное воображение. Мои убогие фантазии — не чета изобретательным выдумкам Симы. Ну, или не ровня институтскому радио.

— Во, — покрутила я пальцем у виска. — Слышала всякие бредни, но чтобы такое...

— Ни капельки не вру. Чистая правда от начала до конца, — заверил гость, не обидевшись. — А еще говорят, будто Бобылев скovyрнулся. Вменили, что ослабил контроль и не уследил за висорической дисциплиной в институте. На его место ставят нового. Зверь, а не человек. Теперь не будет нам спокойной жизни.

В памяти всплыл допрос после пожара в столовой, механическое "ха. ха. ха" краснощекого Бобылева и его обращение к моей вечной благодарности висоратскому обществу. И я поняла, что не испытываю сострадания к провинившемуся куратору Первого отдела.

— Ладно, мне пора, — вскочила с подоконника и ойкнула. Исколотая пятая точка напомнила о себе, несмотря на ранозаживляющий компресс. — Сейчас меня будут лечить. Восстанавливают мозговое кровообращение, — потюкала я пальцем по макушке.

— Бывай, — попрощался парень и скрылся за дверью.

Вечерняя порция лечебных процедур сменилась гигиеническими.

Теперь, когда, я крепко стояла на ногах, мне разрешили принимать ванны, но под присмотром Эм или Эр: вдруг нахлебаюсь воды и утону? О стыде перед женщинами я забыла, вернее, не вспоминала в силу тугодумности. К чему стеснение? Во-первых, мы — однополые существа, а во-вторых, медсестры и так видели всё, что нужно, обмывая недвижимое тело по два раза на дню и меняя белье.

Моя фигура отошала. Щеки впали, ребра выпирали, как и позвоночник, но Эр заверяла истово, что когда-нибудь откормит меня, и я стану такой же, как она — кровь с молоком и с силушкой в руках, чтобы любого мужичонку скрутить в бараний рог. К ее великой жалости, Улий Агатович строго контролировал рацион и следил за балансом витаминов, минералов, белков, жиров и углеводов.

— Вы будете смеяться, дорогушечка, но ежедневно мы ведем сложнейшую таблицу, в которой учитываем потребности вашего организма. Вам необходимо восполнять потери мышечной массы, поэтому мы понемногу наращиваем процент белков. Также постепенно увеличиваем содержание жиров и углеводов в меню, чтобы организм привык и не испытывал перегрузок при усваивании.

В общем, выглядела я не ахти. Неромантично. Не Эльзушку надо называть египетской мумией, а меня. Мэл увидит и испугается.

Сказочные байки Симы запали в душу. Если парень не насочинял с три короба, то каким-то образом троица понесла наказание. А в том, что возмездие нашло виновных, у меня не было сомнений. Лишь идиот посчитал бы невероятные вещи, произошедшие с тремя студентами, чистой случайностью или роковым совпадением.

На всякий случай я решила проверить рассказы Симы и выбрала в телефоне номер соседки.

— Эвка, привет! — закричала она с разлету, оглушив. — Как дела?

— Нормально, спасибо.

— Я заглядывала в медпункт, но меня дальше порога не пустили. Слушай, там такие ребята дежурят! М-м-м... объеденье, — перепрыгнула девушка на другую тему. — Хорошо, что поправляешься. Я чувствовала, ты выкарабкаешься, хотя на фуршете стало страшно... Грохот, посуда вдребезги... Ромашка сразу определил, чем напоили...А Альрик снял столешницу и на ней отнес тебя в медпункт, представляешь? Не помнишь, наверное... Ну, как, сладко спится в индивидуальной палате?

— Сладко, — машинально согласилась, наполнившись до краев рассказом Аффы. — Слушай, я тут столкнулась с Симой...

— Да? — оживилась она. — Передавай ему привет.

— Ладно. Он рассказал небылицы про тех типов, которые тогда у лестницы...

— Почему небылицы? Снимки Левшуковой давно гуляют по телефонам. Не знаю, как

удалось её сфотать. Наверное, монтаж. Она не высовывает нос из дома, а родители отказываются от интервью и от съемок, а если выезжают по делам, то в фургоне с тонированными стеклами, прикинь? И вроде бы мать Левшуковой забрала документы из института.

— А двое других?

— Того, кто попал в зеркало, забрали в секретную лабораторию для опытов. А Камыш свихнулся. Загремел в психушку. Всё совпало? — хихикнула соседка. — Не наврал Сима?

— Не наврал, — промямлила я. Объем почерпнутой информации не укладывался в голове. — Как думаешь, что с ними случилось?

— Тут и гадать нечего. Их наказали за то, что подшутили над мальчишкой. Поговаривают, будто бы он отомстил с того света. Так что народ помешался. Все повалили к спиритам* — каяться и просить прощение у духов.

— Аф, а ты видела Мэла? Он приходил в общагу?

— После фуршета — нет, — ответила девушка не сразу. Правда, ровным тоном и не враждебным. — Так ведь говорят, он болеет. Разве ты не знала?

— Знала. Просто так спросила.

— Давай, выздоравливай. Чтобы уж наверняка, — пожелала соседка.

Разговор с Аффой оказался продуктивным: пролил свет на подробности фуршетного застолья, повысил правдоподобность сказочной истории, случившейся с тремя студентами, и встревожил касаясь пропажи Мэла.

Он не ответил на звонки, а доктор явно увивал, заговаривая зубы якобы болезнью парня. Странному поведению нашлось единственное объяснение: с Мэлом приключилась такая же беда, как с Камышом, его другом и с той девчонкой. И вот почему.

После гибели Радика я отгородилась стеной от реалий жизни и каждый день посылала в пространство просьбу: "Пусть причастных поразит кара" в надежде, что справедливость восторжествует. Я возненавидела трех студентов, устроивших развлечение у лестницы. День за днем моя злоба извергалась гейзером в этот мир, и теперь выяснилось, что мысль обрела материальность.

Но помимо троицы я причислила к виновным всех, кого не лень — себя, Радика, каждого из тех, кто поддержал шутку, декана, проректрису, Альрика... и Мэла.

Вот почему он не позвонил! Сила обвинений легла и на парня. Он попал в зеркало или сошел с ума, или у него отросли крылья, и теперь Мэл прячется от людей. А для отвода глаз родственники придумали легенду о болезни.

Вот в чем дело! — подпрыгнула я на кровати, осененная догадкой, и приборчик завершал. Появилась Эм и незамедлительно отправила меня в царство Морфея, поставив в своем журнале закорючку, коей отметила очередное по счету потрясение и всплеск эмоций.

Моя вина в том, что произошло с Мэлом, как и в том, что случилось с той троицей, — пришло в голову на пороге сна.

Следующим утром, после проверки номера Мэла, ответившего неизменными длинными гудками, я потребовала от Улия Агатовича встречу с деканом факультета нематериальной висорики.

— Хочу! — сказала капризно и затаила дыхание в ожидании ответа. Вдруг со Стопятнадцатым тоже что-нибудь приключилось? Хотя, вырасти у декана крылья, рога или копыта, Сима сообщил бы первым делом.

Доктор замешкался.

— Хорошо, — согласился растерянно. — А как же батюшка? Может, повидаетесь сперва с ним?

— Нет. С Генрихом Генриховичем Стопятнадцатым, — объявила свою волю.

Улий Агатович кивнул и вышел. Как угодно нашему высочеству.

Декан выглядел неизменно элегантно в черном костюме-тройке. Осмотревшись с любопытством по сторонам, он ухнул в свободное кресло, жалобно скрипнувшее под его весом. Доктор и Эм устроились неподалеку, но я потребовала, чтобы они вышли.

Уходя, Улий Агатович сделал знак посетителю. Наверное, напомнил, что негативные эмоции мне противопоказаны. Медсестра проверила исправность пищущего приборчика и тоже удалилась.

Мы остались вдвоем. Стопятнадцатый приветливо улыбнулся, и лучики морщинок собрались в уголках глаз.

— Очень и очень рад видеть вас во здравии, Эва Карловна, — высказался сдержанно, но с большой теплотой в голосе.

— И я рада. То есть рада встрече с вами, — поправилась. Ну, и рада, что жива и относительно здорова. — Что с Мэлом? — выпалила в лоб.

— С Егором? — переспросил удивленно мужчина. — С ним всё в порядке. Правда, подхватил простудную инфекцию и лежит в изолированном боксе, лечится.

Верить или нет? — закусила губу. Возможно, я заразила Мэла в день последнего экзамена и фуршета.

— Ничего серьезного? Инфекция не опасна?

— Конечно, не опасна, — заверил Стопятнадцатый. — Егор идет на поправку.

Как долго болеет Мэл? — взялась я подсчитывать дни, но спуталась и отбросила трудное занятие. Потом сосчитаю.

— Разве можно болеть столько времени? Сейчас есть препараты, которые излечивают за пару дней.

— Пара дней или не пара — судить не нам, — ответил мягко декан.

— Вы обманываете! — Я вдруг всхлипнула. — Он сидит в зеркале! Или сошел с ума! Или еще что-нибудь случилось!

Приборчик заверещал благим писком, вызвав Эм со шприцем и доктора.

— Не хочу! — отбивалась я. — Мне нужно знать! Не прощу вас!

Подразумевалось, что не будет медперсоналу прощения, если меня отправят в принудительно-успокоительный сон. Наконец, общими усилиями и после долгих уговоров я выпила сироп, понижающий нервную возбудимость, и Улий Агатович с медсестрой покинули стационар. Перед уходом доктор опять показал Стопятнадцатому знак, мол, не расстраивай девочку, иначе выгоню навечно.

— Генрих Генрихович, я знаю, что пострадали трое студентов.

— Вот как? — удивился мужчина. — Мне казалось, вас изолировали от потрясений этого мира.

Если не опроверг, значит, Сима и Аффа не приукрасили действительность.

— У меня свои источники, — заявила с гордостью, чем вызвала улыбку на лице собеседника. — И я виновата в том, что с ними произошло.

— Каким образом? — изумился Стопятнадцатый.

— Я желала им зла. Когда погиб Радик, я без конца думала о возмездии. О справедливости. Если бы не эта троица, представление не состоялось бы, и Радик остался

жив! Получается, они пострадали из-за меня.

— Успокойтесь, милочка. Прежде всего, поясните, каким образом, находясь в коме, вы навлекли на студентов всю силу вашего гнева? — поинтересовался декан ласковым тоном.

— Я ничего не помню. Черный провал. Мое сознание могло вылететь из тела и совершить... ну... это...

— Помилуйте, Эва Карловна! Никаких сверхспособностей и резервов организма не хватит, чтобы вырастить за ночь живые крылья бабочки или завлечь человека в зазеркалье.

— А если это сделал дух Радика? — спросила я и устыдилась тому, как глупо и смешно прозвучал вопрос.

— Вряд ли духи способны управлять временем и пространством. Это подвластно лишь тому, кто значительно превосходит людей в развитии. Я не верю в существование высших сил, но увиденное заставило взглянуть в ином ракурсе на наш материальный мир. До сих пор я верил лишь фактам, считая, что любой феномен логически объясним, а любое невероятное событие подчиняется законам физики. Теперь у меня, по крайней мере, понизился градус воинственности, — улыбнулся мужчина. — И при всем уважении вы, Эва Карловна, никоим образом не подходите на роль высшей силы, которой подвластны жизни и судьбы людей.

— То, что случилось с ними, теперь считают карой... возмездием... — ответила я сумбурно. — Но кто определил степень их вины? Люди творят более страшные вещи: убивают, совершают насилие, предают близких, годами прячутся от правосудия, и хоть бы хны. Если бы грешников, вступивших в сделку с совестью, наказывали подобным образом, с нами соседствовали бы мутанты и сумасшедшие. Или всех нас расселили по зеркалам...

— Вспомните говорящее зеркальце из известной сказки. Чем не прецедент? Возможно, в давности некие силы сотворили волшебство, неподвластное смертным, и заточили в зазеркалье человека из плоти и крови, провинившегося в чем-то.

— Ну и что? — пожалала я плечами. — Этот пример единичен. Никогда не думала, что расплата за деяния может быть буквальной. Считала, что начинают сыпаться неудачи, или жизнь человека катится под откос из-за стечения обстоятельств... Но чтобы внезапно, за ночь... Прошел месяц, а возмездие уже настигло тех, кого посчитало виновным. Им даже не отпустили время на раскаяние!

— Быть может, потому что они не собирались раскаиваться? — предположил декан.

— Не знаю... Я обвинила ту девушку и парней... Еще обвиняла Радика за слабость и себя... И Мэла, что не прекратил... И вас с Царицей... Евстигневой Ромельевной, что не выгнали из института... И вообще, обвиняла всех, кто смеялся и не остановил... Вдруг наказание доберется до остальных? Что с Мэлом? Он тоже в зеркале? — вскочив, я пересела на подлокотник кресла к Стопятнадцатому. — Скажите правду, пожалуйста! Я звоню, но Мэл не отвечает!

— Успокойтесь, милочка, — сказал участливо Генрих Генрихович. — С Егором всё в порядке. Поскольку он в изоляторе, ему запретили брать с собой телефон. Но молодой человек идет на поправку и скоро обязательно позвонит. А насчет обвинений... Тысячи людей каждый день обвиняют обстоятельства и тех, кого считают причастными к своим бедам. Если бы все обвинения имели силу, то, как вы сказали, мы давно сидели бы по зеркалам и глядели на сумасшедших мутантов.

Генрих Генрихович ушел.

— Как думаете, наказание рассеется, если они осознают? — спросила я на прощанье.

— Всё может быть, — отозвался задумчиво Стопятнадцатый. — Известны случаи, когда

искреннее признание ошибок совершало чудеса.

Непонятно, успокоил меня разговор или нет. Во время процедур и в перерывах между ними я представляла, каково это — проснуться однажды с непонятной штуковиной на спине, которая переворачивает мировоззрение и меняет всю жизнь. Представляла, каково знать, что твой ребенок совсем близко, но никогда не обнимет и не скажет "Здравствуй, мама!", а зеркало может разбиться в любое мгновение. Таким образом, я выяснила, что воображение вернулось в прежнюю форму и заработало на полную катушку.

Однако чем ближе подкрадывался вечер, тем активнее одолевали сомнения, и в голову лезли нелепые предположения о причинах молчания Мэла. Верить или не верить Стопятнадцатому? У кого бы спросить о парне? Может, позвонить отцу?

Нелепая идея. Меньше всего хотелось услышать родительский голос.

В который раз я выбрала знакомый номер на экране телефона. После серии длинных гудков, когда палец приготовился нажать кнопку отбоя, раздался тихий щелчок, и мне ответили:

— Да.

— Мэ-эл! — чуть не свалилась я с подоконника, с которого смотрела на вечернюю улицу. — Где ты? Как у тебя дела? Всё хорошо?

— Да.

— Стопятнадцатый сказал, ты заболел. Поправляешься?

— Да.

Парень отвечал немногословно и вяло. Бедняжка! Наверное, зараза измучила.

— Я звонила-звонила, а ты трубку не брал, — сообщила и выдохнула облегченно. — Лечись хорошенько. Не буду надоедать, чтобы ты быстрее выздоровел. Понял?

— Да, — согласился Мэл, и пожелав ему спокойной ночи, я рассоединилась.

Конечно, язык так и чесался рассказать о том, что произошло за эти дни. А еще мне хотелось помолчать, слушая дыхание парня, но я боялась разреветься. И тогда Мэл не удержится и примчится в стационар, наплевав на болезни и хвори. Буду твердой ради него.

И все же он ответил. Ответил! — вскочив с подоконника, я затанцевала в проходе между кроватями. Мэл жив-здоров, и с ним всё в порядке. Мой Мэл, — погладила кольцо на пальце.

Лежа в кровати, я прижимала телефон к груди и мечтательно вздыхала, а Эм улыбалась, меняя лекарство в капельнице и снимая ежевечерние показания с датчиков на присосках.

На следующее утро Улий Агатович сообщил:

— Следователь дважды в день интересуется вашим состоянием. Хочет побеседовать о случившемся на фуршете. Что мы ответим?

Не знаю, что и сказать. Брови вверх, складка на лбу, растерянный вид.

— Наверное, требуется присутствие адвоката. Или предупредить отца? — спросила я неуверенно.

Ни за что. С родителем буду общаться в последнюю очередь. Хотя рано или поздно придется.

— Беседа предполагает формальный характер, без письменных показаний и записи на диктофон. Я буду рядом. Ваш батюшка в курсе, равно как и Артём Константинович.

Вот как. Оказывается, и тот, и другой дали высокое соизволение на мое допрашивание.

Я нехотя согласилась. Вместе с проснувшейся памятью вернулось предубеждение против первоотдельщиков и дэпов*. И еще страх. А может, всполошилась моя преступная

душонка?

Нежелательным, но настойчивым гостем оказался мужчина приятной наружности с цепким взглядом стальных глаз, неуловимо напомилавший Альрика — движениями, манерой держаться. Представившись следователем Департамента правопорядка, он пожал руку доктору и уселся в кресло.

— Чтобы не утомлять долгим вступлением, побеседуем кратко и по существу.

Я кивнула настороженно. Гость оказался из ведомства Мелёшина-старшего, а значит, результаты беседы первым делом получит отец Мэла.

— Итак, по случаю окончания сессии вы посетили фуршет, организованный в спортивном зале института.

— Да.

— С кем пришли на мероприятие, и каким образом узнали о нем?

— Прочитала афишу на первом этаже. Пришла с... Егором Мелёшиным.

Вроде бы. Точно не помню. Или сбежала от парня, а он искал меня в толпе.

— Разговаривали с кем-нибудь на фуршете?

— С деканом. С Генрихом Генриховичем Стопятнадцатым. И еще с профессором Вулфу.

— О чем? Можете не отвечать, если разговор касался личных тем.

— О сессии. Я сказала, что провалила последний экзамен.

— Возможно, вы заметили что-нибудь подозрительное. Незнакомые лица, пристальные взгляды, необычное или неестественное поведение окружающих...

Как бы я обратила внимание на необычности, если весь день прошел в тумане?

— Ничего и никого подозрительного.

— Опишите подробно ваши действия с того момента, как вошли в зал.

Сценарий пребывания у фуршетного стола, набросанный мною в общих чертах, получился сумбурным и отрывочным. Сознательные действия закончились тем, что при падении я потянула за собой скатерть-самобранку с едой, напитками и посудой.

— Почему выбрали именно этот бокал? Он находился отдельно от прочих, или вы выхватили из середины, или кто-то предложил его вам?

— Вроде бы бокал стоял рядом с другими, но с краю. Точно не помню.

— Таким образом, в ваших руках оказались два бокала — тот, что вы взяли со стола, и тот, что предложил Стопятнадцатый.

— Да.

— Вы пили из обоих бокалов?

— Да. Поочередно. Из одного — полностью, а из другого — не до конца.

— Мы провели работы по восстановлению разбитой посуды из фрагментов, — сообщил бесстрастно следователь. — Ваши отпечатки обнаружены на двух бокалах, причем на одном из них присутствуют отпечатки пальцев нескольких человек: проректора по науке Цар, преподавателя Теолини, декана факультета Стопятнадцатого и ваши. Поскольку гиперацин быстро испаряется, не удалось установить, в каком из бокалов был яд.

— То есть вы утверждаете, что Стопятнадцатый мог...? — задохнулась я от возмущения.

— Нет. Тот бокал передавали из рук в руки, прежде чем он оказался у вас по чистой случайности, — объяснил следователь. — Мы рассмотрели несколько гипотез и склоняемся к наиболее вероятной: кто-то сознательно добавил яд в бокал, взятый вами со стола. Угрожал ли вам кто-нибудь — прямо или косвенно? Вспомните: быть может, имели место

враждебные высказывания, подстрекательства...

— Хотите сказать, меня собирались...? — промямлила я ошеломленно, и доктор поспешно достал из кармана халата успокоительные таблетки.

"Сознательно" означало "осознанно, с умыслом". С составлением четкого плана, с хладнокровным расчетом до долей секунды и с недрогнувшей рукой. Это же преступление! Почему высшие силы не бросили таинственного злодея в зазеркалье и не прирастили ему хвост, а?

Рассасывая таблетку, я размышляла... об убийце!? Он находился рядом, выбрал подходящий момент и капнул в мой бокал яд из пипетки. Ну, или добавил каким-нибудь другим способом... И наблюдал за агонией, потирая руки...

Меня пробрал озноб. За что? Кому я перешла дорогу? Ревнивой Лизбэт? Эльзе Штице, с которой едва не сцепилась в туалете? Всё это обычные женские разборки. Неужто кто-нибудь из них решился на отчаянный шаг?

— В общежитии в дверной замок залили клей. Еще с помощью заклинаний устроили колтун в волосах и сломали молнию у сумки.

Следователь внимательно выслушал, и не подумав смеяться.

— Есть предположения, кто мог это сделать?

Я помотала головой.

— Каким образом яд очутился в бокале? — влез Улий Агатович. — Насколько понимаю, его непросто раздобыть.

— Мы проверили магазины, их не так много. Подняли заказы, отчеты, согласования Первого департамента, опросили причастных лиц. Так что скоро найдем утечку. Кстати, год назад институт как юридическое лицо приобрел гиперацин в составе большого заказа на снабдь. Однако вещество не использовали и в позапрошлом месяце утилизировали с истекшим гарантийным сроком хранения. Проверка показала, что документы на приобретение и списание оформлены правильно, учет велся без ошибок и приписок.

Более следователь не сообщил ничего толкового, впрочем, как и я. Перед уходом мужчина оставил визитную карточку и предложил обращаться в любое время, если вспомнится даже самая пустяковая мелочь или подробность.

Если извилины закручены слабо, то хорошие мысли приходят не сразу, и осеняет не быстро. Весь день я думала над разговором со следователем и ближе к вечеру кое-что надумала.

Во-первых, если попытка не удалась, преступник может повторить ее снова. Выпишут меня из стационара, пойду по дорожке в общежитие, а на голову случайно упадет кирпич. Или два, и тоже случайно.

Во-вторых, на фуршете не было посторонних. Получается, убийца — из институтских. Студент или преподаватель. Что же, теперь бояться всех и каждого? Хоть сбегай на край света, где никто не найдет.

Улий Агатович, с которым я поделилась подозрениями и страхами, посоветовал позвонить следователю.

— Могу лишь догадываться о том, какое решение будет принято после вашего выздоровления, но в настоящее время служба Департамента правопорядка обеспечивает вашу безопасность. Посетителей досматривают и изымают подозрительные предметы. Также проверяют без исключения вещи, приносимые в стационар, пищу и лекарства.

— Вряд ли преступник решится преодолеть тысячу заслонов, чтобы эффективно

умертвить меня под носом у охраны. Разумнее сделать это по-тихому.

— В вас пропадает детектив, — заключил доктор, показав ямочки на щеках.

Скорее, во мне заговорила слепощарая лгунья. Уголовная наследственность, тут уж ничего не поделывать.

Я позвонила следователю. Высказалась невнятно и путанно, но он выслушал вполне серьезно.

— На фуршет были приглашены около десятка гостей из Департамента по науке и Министерства образования. Все они проверены тщательнейшим образом. Ваш вывод верен. Покушался тот, кто учится или работает в институте: студент, преподаватель или кто-то из обслуживающего персонала. То есть любой, кто беспрепятственно попал на мероприятие, не вызвав подозрений.

Его ответ подтвердил предположения, но, как ни странно, успокоил. Я вдруг вообразила, что за покушением мог стоять отец, но теперь отмела эту идею. Если бы родитель решил избавиться от меня, он устранил бы причину непреходящей головной боли тихо и незаметно, обставив как несчастный случай. К тому же, отец доверил бы заказ профессионалу, а не студенту, возомнившему себя асом-наемником, или преподавателю.

Кто мог подойти на роль убийцы? Взять, к примеру, Теолини. Загадочен, нелюдим, всегда одет в черное. Но на фуршете он находился в другом конце зала. Кроме того, во время сессии Эдуардо Теолини раскрылся как увлеченный своим предметом человек, нисколько не похожий на расчетливого убийцу.

— Касаемо вашей безопасности... — Голос следователя прорвался сквозь сумятицу мыслей. — Пока не будет установлена личность преступника, от Департамента правопорядка вам выделяют сопровождение.

— Как это? — не поняла я.

— Обычно это один или два человека, которые...

— Постойте, — прервала мужчину. — Телохранители, что ли?!

— Можете называть и так. В их задачу войдет сохранность вашей жизни.

Я растерялась. Каким образом мне обеспечат сохранность, когда отправлюсь в женский туалет? А на занятиях будут сидеть рядом? И ночевать в одной комнате со мной?

— Не волнуйтесь, — успокоил следователь снисходительно. — Наши люди умеют быть незаметными. И поверьте, мы тоже заинтересованы найти злоумышленника как можно скорее.

Вот так новость! Заранее навязали телохранителей. Конечно, они заинтересованы, чтобы побыстрее распрощаться со мной. Это же стыд и позор. Дяденьки-профессионалы вынуждены прикрывать спину какой-то шпингалетки, в то время как нужно ловить преступников и совершать подвиги во имя отчизны. И чем дольше дяденьки будут отираться возле меня, тем четче прорисовывается несостоятельность системы правопорядка, которая не сумеет найти преступника. Вдруг его никогда не найдут?! Так и будем ковылять втроем в глубокой старости, опираясь на тросточки: я да телохранители позади. Глядишь, подружимся и станем справлять вместе праздники.

А когда Мэл пригласит в кафе, они встанут за спиной, заглядывая в тарелки? Или отберут пирожное, чтобы продегустировать на наличие яда? Хотя яды мне не страшны, теперь могу пить их ведрами. А если мы с Мэлом... ну... останемся вдвоем? Телохранители будут держать свечки? И сообщать о каждом шаге Мелёшину-старшему.

В общем, заявление следователя об охране ошарашило будь здоров. Непонятно, то ли

радоваться, что мне не дадут помереть от повторной попытки, то ли плакать. Смогу ли привыкнуть к постоянному присутствию двух незнакомых людей, которые будут знать обо мне всё: сколько раз зевнула, в каком ухе поковыряла и как часто хожу в туалет? Остается горячо верить и надеяться, что доблестные работяги системы правопорядка найдут преступника раньше, чем Улий Агатович посчитает меня здоровой.

Тут, как нельзя кстати, пришел Улий Агатович и отвлек от дум. Вернее, думы остались, но поскакали в другом направлении, потому что доктор принес корзинку с цветами, которую поставил на подоконник напротив кровати. Я уже научилась различать отправителей навскидку, хотя к букетам неизменно прилагались визитки.

Глянцевая карточка с буквой "М" в виде сложной виньетки вкладывалась в корзинки с классикой жанра — безупречными аристократическими розами, гортензиями, камелиями, каллами, лилиями, георгинами. Мелёшин-старший. Семья Мэла. Вдыхая густой дурманящий аромат, исходящий от плотных букетов, я робела и терялась.

Несколько раз приносили замысловатые многоуровневые цветочные композиции с контрастной окраской бутонов. Строгая "V" без прикрас, как пояснил доктор, означала власть, правительство. Иными словами, Рублю Леонисима Рикардовича. Поначалу я пребывала в полнейшем замешательстве, не зная, что делать и как реагировать. Падать ниц и заочно благодарить премьер-министра за внимание к своей скромной персоне? Или в ответной записке выразить глубочайшую признательность? Улий Агатович не посоветовал ни того, ни другого.

— Достаточно, что в ежедневном отчете, отсылаемом Леонисиму Рикардовичу, отметят ваше устное восхищение. Не думаю, что премьер-министр разъезжает по магазинам и придирчиво выбирает подходящие букеты. Для этого существует служба распорядителей.

Черт, видно, никогда не научусь правилам хорошего тона. И все же, вдыхая каждый раз сложные перекликающиеся запахи, похожие на музыку без нот, я испытывала неловкость и смущение, оттого что первое лицо государства интересовалось моим здоровьем и настроением в мелочах, преподнося подарки, точно светской львице.

Зато отправитель другой серии корзинок пожелал остаться неизвестным. Появляясь в стационаре, веселые букетики прогоняли хандру, и настроение тут же поднималось. Я радовалась тому, что идет последний месяц зимы, что скоро подуют южные ветры, что зазвенит капель, и деревья покроются зеленым пушком молодой листвы. Ромашки, крокусы, ландыши, нарциссы, хризантемы, колокольчики, ирисы, астры, люпины, герберы повязывались кокетливыми легкомысленными ленточками. Некоторые из букетиков снабжались иллюзиями с меняющейся окраской бутонов. А какие запахи! Они дурманили голову и не тускнели со временем. Пахло ветром, солнцем, свободой. Зарываясь носом в цветы, я тонула в терпких ароматах шального лета: воображая, падала, раскинув руки, в скошенные травы и ступала босыми ногами по утренним росам.

Без сомнений, букетики присылали от Мэла, и сердце пело, вторя хорошему настроению. Даже находясь в больничном изоляторе, парень умудрялся подарить мне кусочек счастья.

От отца тоже приходили корзинки красивыми вензелями "КСВ" на визитках — не чаще и не реже, чем от других, и похожие на знаки внимания от семейства Мелёшиных.

Помимо букета роз, врученного Мэлом, прежде мне не преподносили цветы, тем более в огромных количествах. Сперва я растерялась от обилия ярких флористических красок, но потом притерпелась и свыклась. В конце концов, дарителей никто не принуждал.

Сегодня доктор принес васильки и гвоздики. От моего Мэла, — умиленно взирала я на букетик в корзинке. Надо бы отправить парню какой-нибудь презент. Уж сколько времени прошло, а мне только сегодня пришло в голову сделать ему приятное. Вот что значит тугодумность как результат плохого кровоснабжения мозга. Что же подарить Мэлу и как? В сумочке остались шестьсот висоров наличными, прихваченные в день последнего экзамена. Неплохо. Нужно подумать.

— Где вы нашли фотографии Егора? — спросила у доктора, пока он просматривал пики и впадины на рулоне, намотавшемся за день. — Те, которые показывают на экране.

Некоторые из снимков были мне знакомы, но большинство — нет, и я выучила их наизусть.

— Артем Константинович любезно предоставил материалы из семейного архива. Кроме того, были добавлены фотографии из периодики — журналов и газет. Расчет оказался верен, — похвалился мужчина. — Из множества вариантов мы нащупали единственно верный, который вырвал вас из апатичного состояния и дал первоначальный толчок.

Его слова смутили, вызвав прилив жара к щекам. Теперь Мелёшин-старший, отец и Рубля знают о моей слабости и зависимости. О Мэле. Посмеялись ли они? Ну и ладно.

Перед сном я снова позвонила парню, и он взял трубку после первого же гудка. Сегодня не получилось быть немногословной и сдержанной. Меня распирало от обилия информации и эмоций, и, забравшись на кровать, я зачастила, сообщая взхлеб Мэлу о том, что делала, о чем и с кем говорила, и вообще, как проходят мои дни. Разве что хватило ума не упомянуть о беседе со следователем — как очной, так и телефонной, чтобы не тревожить парня.

Мэл слушал. Сначала мне показалось, что его тяготит звонок, но вскоре тишина на том конце невидимой линии сменилась смешками, хмыканьем и фырканьем, когда я рассказывала разные весёлые моменты. Например, как меня кормили с ложки, и я забастовала, отказываясь есть витаминизированный луковый суп. Ненавижу вареный лук! И тогда Улий Агатович схитрил. Он устроил меню "наоборот". Вместо супа принесли ярко-оранжевую густую жидкость, в которой плавали синие кубики и зеленые шарики. Я зачарованно уставилась на необычное блюдо и послушно открывала рот, а Эм только успевала подносить ложку. Позже доктор открыл тайну фантастического обеда. Лук протерли через сито и добавили в суп натуральный краситель. Куриные фрикадельки стали зелеными, а сухарики приобрели синий цвет.

— Ой, Мэл! — очнулась спустя некоторое время. — У меня язык опух. Я тебя уморила? Наверное, задремал?

— Нет, — коротко хмыкнул он.

— Извини, если отвлекаю. Ты не отвечал на звонки, и мне до сих пор не верится, что мы разговариваем. Идешь на поправку?

— Угу, — отозвался Мэл со смешком.

— И знаешь... я рада слышать твой голос... очень.

Глупо прозвучало. Почему-то признания никогда не удавались мне. Вот и сейчас рот съел слоги, силясь выдавить нечто невнятное, пусть искреннее.

В телефоне воцарилось молчание.

— И я... рад... — ответил парень, и сердце ухнуло в пятки.

Я порывисто прикоснулась губами к динамику. Негигиенично и по-детски, но мне страстно поверилось, что посылка долетит до адресата.

— Спокойной ночи... Мэл.

Телефон занял место под подушкой. Мы так и проспали вместе, а рано утром позвонил Мэл. Я собиралась завтракать, но в то же мгновение клейстерная безвкусная каша отошла на задний план.

— Привет, — сказал парень.

— Привет, — улыбнулась я, глядя, как тонет ложка в витаминизированной и минерализованной массе. Улий Агатович обожал, когда меня кормили кашами всех разновидностей.

— Как настроение?

— Отлично! Потому что ты позвонил.

Оказывается, совсем не трудно произносить вслух очевидные вещи.

— Я... скучаю... очень, — призналась и разволновалась. Приборчик зачастил писком.

— Эва... — только и ответил Мэл.

Наверное, парень растерялся от навязчивой экспрессии, с коей я клеилась к нему как банный лист. Или, наоборот, его молчание и отрывистый вздох попросили беззвучно: "Продолжай и не останавливайся".

И я собиралась продолжить, сказав, что думаю о Мэле каждую свободную минуту, но появилась медсестра и пригрозила накормить насильно, если не отложу телефон в сторону.

— Перезвоню, как освобожусь, хорошо? Лечусь без остановки, даже продохнуть некогда, — пожаловалась я парню притворно, и Эр вперила руки в бока. — Скоро меня начнут лупить из-за вредности.

— Начнут, — подтвердила грозно женщина, но ее суровость была показной. — Тех, у кого плохой аппетит, лупим с особым пристрастием и вбиваем любовь к каше.

Мэл услышал и рассмеялся.

— Не завидую тебе. Звони... — Он не договорил.

"Буду ждать" — придумала я окончание.

— Заинька, поторопись!

Прибежавшая Эр бросила на колени мне свежий больничный халат и начала суматошно причесывать. Я как раз выполняла очередное задание доктора — сидя на кровати, рисовала на листе бумаги мир, каким его видели мои глаза.

— Что случилось? — спросила недовольно и едва успела запахнуть полы халата, как дверь открылась, и в стационар потекли люди. Они шли и шли, заполняя помещение, и я вжималась в поднятую спинку кровати, стремясь слиться с ней. Толпа незнакомцев напугала меня.

Эр встала навтыжку, а ко мне протиснулся Улий Агатович, закрыв собою от чужаков.

Мужчины в строгих деловых костюмах образовали плотный полукруг, но среди вошедших затесались две женщины. Под занавес в стационар ввалился Леонисим Рикардович Рубля собственной персоной, следом мой родитель и отец Мэла — Мелёшин-старший.

Ой, мама! — упало сердце, и приборчик запищал, выдавая безумное волнение. Эр шустро содрала датчик с моего запястья и снова замерла как солдат на посту.

— Вот, значит, где обитает твоя дочь, — обернулся премьер-министр к отцу, и его зычный голос, привыкший вещать с трибуны, отразился от стен эхом. — Прекрасное обеспечение. Я доволен и хвалю за оперативность. Ну, где наш одуванчик? — обернулся он к кровати.

Одуванчик спрятался за спиной Улия Агатовича, дрожа от страха. Хорошо, что я

онемела, не то завизжала бы как поросенок, которому показали мясницкий нож и рассказали в подробностях о его назначении.

— Видите ли, мы не привыкли к большому скоплению людей, — вскинул голову смелый доктор. Он оказался на голову ниже Рубли. — Ребенок испуган и вряд ли сообразит, о чем пойдет речь.

— Улий Агатович, рад тебя видеть, — протянул руку премьер-министр, и доктор, зардевшись, ответил на крепкое рукопожатие. — Тем, кто не задействован, покинуть помещение, — приказал Рубля через плечо, и гости начали просачиваться обратно в дверь. — Ну-с, дорогой мой, я начитан о твоих успехах, но хочу убедиться лично и взглянуть на сей уникальный случай. Можно сказать, чудо.

Уникальный случай осторожно выглянул из-за спины доктора. В стационаре осталось от силы человек шесть из числа посторонних. Мой отец был хмур, но спокоен, а Мелёшин-старший невозмутим.

Улий Агатович отошел в сторону.

— Вот, — показал взмахом руки на свое детище, и я потупилась, не решаясь встретиться со сканирующими взглядами мужчин. В горле пересохло, щеки запылали огнем. Если меня спросят о чем-нибудь, не смогу выдать ни слова.

— Значит, из-за этой пуговки твой отпрыск потерял голову, — повернулся премьер-министр к Мелёшину-старшему, и тот ответил вежливой улыбкой. — Предатели не дождутся нашей слабости! Впустую стараются. Нас не взять голыми руками! — вдруг объявил Рубля громогласно. — Дайте-ка последнюю сводку.

Мужчина с квадратным лицом передал папку.

— Та-ак, — заглянул в неё руководитель страны. — Стабильный ноль без изменений... Что ж, коли угодно судьбе... За все нужно платить, в том числе и за жизнь. И цена оправдана.

Я запуталась в его словах. О чем он говорил?

— Записывай, Иванов, мой указ, — велел премьер-министр.

От стены отделился знакомый скандальный распорядитель с приема "Лица года", держа наготове блокнот и перо.

— В качестве компенсации за возмутительнейшую и бесчеловечную попытку причинения вреда генофонду нации, а также за героические усилия, приложенные для выздоровления, постановляю... Первое. Обеспечить пособием в размере десяти тысяч висоров ежемесячно Папену Эву Карловну с зачислением указанной суммы на личный счет до момента возвращения к ней висорических способностей... Второе. Компенсировать аренду за жилое помещение, выбранное на усмотрение Папены Эвы Карловны, до момента возвращения к ней висорических способностей... Третье. Обеспечить Папену Эву Карловну ежегодным бесплатным оздоровительным лечением не реже двух раз в год до момента возвращения к ней висорических способностей. Четвертое. Расходы по статьям затрат — пункты один, два, три — аккумулировать на отдельном счете. Учет средств, планирование и ответственность за своевременное исполнение указа возложить на министерство экономики, — посмотрел Рубля на моего отца, который застыл изваянием. — Пятое. Департаменту правопорядка обеспечить безопасность Папены Эвы Карловны до момента взятия под стражу обвиняемого в покушении на жизнь. А если кто-нибудь посмеет ткнуть в деточку пальцем и обидит словом или делом, самолично накормлю... чем? — обернулся премьер-министр за подсказкой к Иванову: — Так и есть. Накормлю гиперацином всех

желающих, чтобы почувствовали на собственной шкуре прелесть отдыха на больничной койке. Тебе, Артём Константинович, вверю объединение двух департаментов. Твои ребята показали себя с наилучшей стороны. Погорячился я на приеме, что и говорить. А Кузьма сплеховал, не потянул. Испоганил весь смысл, который изначально вкладывался в Первые отделы.

Мелёшин-старший коротко кивнул.

— Так. Деточке нужно отдыхать и набираться сил, а нам пора. Дела не терпят отлагательств. По приезду жду на ежедневной планерке. До свидания, Улий Агатович. Ух, ты мне! — погрозил шутливо премьер-министр и похлопал доктора по плечу. — Не сомневался в тебе, друг мой.

Распрощавшись с Улием Агатовичем рукопожатиями, а со мной и Эр — короткими кивками, гости покинули стационар.

Что это было? — уставилась я на закрывшуюся дверь.

Только что моя тайна перестала быть тайной. Ма-ама!

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

Спириты* — те, кто занимается спиритизмом, то есть вызывает духов для общения
certama*, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

24. Моццо

Со мной приключилась затяжная истерика, и доктор, оставив тщетные попытки успокоить и вразумить, вколол снотворное. Ближе к вечеру, после пробуждения и протирания заспанных глаз, с Улием Агатовичем состоялся разговор — о нулевых потенциалах, о самочувствии и о том, как жить дальше.

— Простите, дорогушечка, за ваше потрясение. Уж как я противился визиту высоких гостей, а не смог убедить их повременить. В этом моя вина. В последнем медицинском заключении я отметил, что теперь ваша психика достаточно устойчива к различным раздражителям, и наши руководители поспешили удовлетворить любопытство, — покаялся в своем проступке доктор. — Ведь чудом явился не только выход из комы, но и стремительность, с которой к вам возвращаются навыки, знания и память. Вашу реабилитацию можно сравнить с пружиной, которая, разжавшись, вытолкнула сознание из спячки с немислимым ускорением.

— Благодаря им, — кивнула я на приборы, в окружении которых стояла кровать, — и вам. И еще Эр и Эм.

— Согласен. Современная и сложная аппаратура немало помогла в выздоровлении, как и новейшие лекарства с вис-добавками, но еще раз повторяюсь, без "пружины" на восстановление ушли бы месяцы, если не годы. И профессионализм медперсонала в данном случае играет лишь сопутствующую роль.

— "Пружина" — это фотографии Мэла, которые мне показывали?

— Нет. Она гораздо глубже. Из-за нее организм переборол действие яда, и вы открыли глаза, начав дышать самостоятельно. А уж мы нащупали стимул для дальнейшего толчка.

Улий Агатович, конечно, увлекательно рассказывал, осыпая сенсационное выздоровление комплиментами вроде "чуда" и "уникальной невероятности", но в свете визита Рубли восхваления перестали радовать. Меня лечили, кормили, за мной ухаживали, тренировали тело и дух, но ни разу не спросили, вижу ли волны. Почему?

— Мы посчитали, что известие о нулевых потенциалах свергнет вас в депрессию или, хуже того, в апатию, — объяснил доктор. — Стремительность, с которой вы шли на поправку, озадачила. Как правило, любому успеху нужно закрепиться. Сравните свое выздоровление с быстрым карабканьем в гору. Но на пути к вершине в любой момент можно оступиться и, полетев вниз, сломать шею. Поэтому было решено оберегать вас от потрясений, могущих отбросить назад. В один миг вы могли потерять всё, чего достигли, и пришлось бы начинать заново. Теперь я уверен, что порог успешно преодолен, но жалею, что не успел подготовить к тому, что вы утратили.

Иными словами, Улий Агатович сожалел, что я утратила висорические способности, которых у меня никогда не было.

— Каждый день я ждал, что вы зададите вопрос: "Почему не вижу волны?", — продолжил мужчина, и мне пришлось опустить глаза, иначе он увидел бы в них стыд и раскаяние. — И после долгих раздумий пришел к выводу, что коматозное состояние все-таки задело мозг. В числе поставленных диагнозов — амнезия в отношении видения волн и утрата висорических способностей. Можно сказать, ваш организм вернулся во времена, предшествовавшие висоризации населения.

Улий Агатович рассказал, что висорические потенциалы снимали регулярно, начиная с момента, как я оказалась в коме, и они стабильно равнялись нулю. Ну, а всем известно, что ровные нулевые полосы приравняются к слепоте. Каждый день на стол Рубли ложились отчеты о моем самочувствии, в том числе и по видению волн. Если выводы медиков читал премьер-министр, то о них знал и Мелёшин-старший, — подумалось с тоской. Вот почему отец Мэла смотрел на меня недовольно. Он не допустит, чтобы его сын гробил свою жизнь со слепой. Пусть Рубля установил режим предельной корректности к моему новому статусу, всем не заткнешь рот.

Доктор и медсестры с самого начала знали о нулевых потенциалах и молчали, притворяясь, будто все в порядке. Меня переиграли. Я изображала висоратку, и окружающие поддержали игру.

Отвратительное чувство, когда узнаешь, что тебя обманули. Всю жизнь я лгала, а тут передо мной разыграли комедию. Представляю, как отреагировал бы доктор, если бы на свой вопрос: "Ну, как поживают волны?" получил от меня бодрый ответ: "Прекрасно поживают, но сегодня нестабильны". Черт, пребывая в стационаре, я забыла, что живу в обществе, где статус определяется висорическими способностями.

Получается, ходила по лезвию. Если успокоиться, и хорошенько подумать, то мне невероятно повезло получить немалые бонусы за свою же слепоту. Теперь не вижу волны официально. Может, оно и к лучшему. Не нужно прятаться. Камень с плеч.

Улий Агатович списал мою подавленность на смятение новостью.

— Верьте в лучшее. В медицинской практике известно немало случаев, когда пациенты приобретали способность видеть волны и, наоборот, теряли их, — успокоил меня. — И ваша амнезия в отношении видения волн нормальна. Конечно, отсутствие вис-способностей воспринимается вами сейчас как большая трагедия, но разве это не приемлемая цена за то, что вы вернулись в этот мир полноценным человеком?

Если учесть, что жертва — мифическая, то вполне годится в качестве оплаты за жизнь.

— Леонисим Рикардович проявил участие к вашей судьбе, — заметил доктор, и я отвела взгляд к окну с цветами. — И не только потому, что ценит вашего батюшку как талантливого руководителя. Премьер-министра до глубины души возмутила попытка покушения, поэтому

он с большим вниманием следил за шагами на пути к выздоровлению. Ваша тяга к жизни впечатлила его. Думаю, Леонисим Рикардович незамедлительно подписал бы указ о введении вам вис-сыворотки.

— Мне?! — воскликнула ошарашенно. Один или два укола — и я висоратка!

— На сегодняшний день сыворотка считается замороженной, но в исключительных случаях премьер-министр разрешает ее использование за особые заслуги перед отечеством. Увы, из-за нулевых потенциалов вис-сыворотку пришлось бы вводить часто и регулярно, а многократное применение истощает организм. Но я уверен, что и без инъекции проблема исправима, — лучился оптимизмом Улий Агатович. — Специальная программа тренировок и прочие реабилитационные процедуры дают шанс увидеть когда-нибудь волны. Со временем ваш организм вспомнит о вис-способностях.

Если учесть, что ему нечего вспоминать, — вздохнула я тяжело.

Мне принесли газеты за последний месяц. Крупные уважаемые многостраничные издания.

Доктор деликатно вышел, оставив меня в одиночестве, чтобы я выплакала свое горе и смирилась с ним. Но слезы высохли еще в детстве, зато начали мучить угрызения совести. Я чувствовала себя вдвойне врушкой, посмеявшейся над искренним сочувствием сердобольных людей и, чтобы не сболтнуть правду ненароком, принялась за торопливое перелистывание прессы.

В первые дни после покушения обо мне сообщалось скупо и безэмоционально, зато в адрес родителя звучали бесконечные соболезнования. "Состояние крайне тяжелое. Крепитесь". Рубля выступил с громкой речью на заседании правительства, в которой пригрозил жестокой расправой тем, кто не желает перемен в стране и выражает протест, действуя грязными методами. "Пусть выродки не надеются сломить нас. Наоборот, мы становимся сильнее!" — заявил премьер-министр, потрясая кулаком.

Таким образом, я сделала вывод, что одним из мотивов моего отравления стала политика. Карьерный рост отца не давал кому-то покоя, и завистники передали своеобразный "привет", намекнув, что нечто похожее может случиться с каждым из Влашеков.

Беспрецедентная наглость разъярила Рублю, и к семье моего отца приставили усиленную охрану.

Когда через несколько дней я пришла в сознание, газеты разразились радостными воплями: мол, где наша не пропадала, ибо настоящий висорат сумеет выкарабкаться даже из безвыходной ситуации. Мое сопротивление действию яда объясняли хорошей наследственностью и твердым характером. "Влашеки — борцы. Они не сдаются в заведомо провальных ситуациях и выигрывают", — вещала одна из газет. — "Поэтому мы уверены — наша экономика в безопасности!"

По мере того, как улучшалось мое состояние, истеричность прессы повышалась. Популярность родителя набирала обороты. Сначала его горю активно сочувствовали, а затем также горячо радовались новостям о выздоровлении дочери. Я стала символом угнетенного висоратства, которое, несмотря на подлость и коварство неизвестных недоброжелателей, выжило всем бедам назло. На каком-то политическом собрании простые обыватели горячо трясли руки отцу и предлагали свои голоса и поддержку, что отразил фотограф в серии снимков.

Потерю вис-способностей журналисты тоже обыграли в выгодном свете. Меня возвели в

ранг мученицы, невинно пострадавшей во имя висоратской идеи. Многие считали возвращение к нормальной жизни благословением небес. Фанатики мечтали облобызать мою ручку или ножку, валяясь в пыли. Иными словами, вся страна узнала о моей слепоте и прониклась нездоровым ажиотажем.

Да уж, если убийца не заявит о себе повторно, телохранители требовались хотя бы для того, чтобы отбиваться от идеологических энтузиастов.

И ни в одной статье или заметке не нашлось упоминания обо мне и Мэле. О том, что нас связывало гораздо большее, чем третий курс института.

Начитавшись репортажей, какое-то время я сидела с опустошенным взглядом, а потом зашвыркала носом. Закручинилась так, будто в действительности утратила вис-способности. И горевала отвлеченно: о несчастной, но сильной девушке и об ее отце — гордых и несломленных происками злопыхателей.

Тьфу, это ведь обо мне написали. О врушке и притворщице. О той, что забралась на верхотуру элиты, и о которой проявил заботу сам премьер-министр. Получается, невинная овечка дважды обманула всех. Первый раз — когда притворялась висораткой, и второй раз — когда все решили, что кроткий агнец потерял вис-способности. Что ж, рано или поздно мою слепоту обнаружили бы, так не лучше ли распрощаться с тайной под фанфары и гром аплодисментов?

Что теперь будет? Коли меня открыто признали невидящей, учеба в институте отменяется. Аттестата мне не видать, условие отца не выполнится, а, значит, побережье останется недостижимой мечтой. По крайней мере, законным путем туда не попасть.

Наверное, папенька безумно рад, что обстоятельства сложились в его пользу. Мало того, что из висорической инвалидности, приключившейся с дочерью, извлек максимальную выгоду и пристроил балбеску за казенный счет, вдобавок он обеспечил её будущее, не став препятствовать отношениям с Мэлом.

Родителю хорошо, а Мелёшиным — расстройство.

Улий Агатович принес папку с завязками. Красивая, с золотым тиснением буквы "V" на синей корочке. А в ней ксерокопии двух указов премьер-министра: первый — утренний, которому я стала свидетелем, и второй — для Министерства образования, о том, что за мной сохранялось место в институте вплоть до окончания учебы с составлением индивидуального графика практических занятий.

Как пояснил доктор, несмотря на трудности с восприятием волн, нельзя отчаиваться и опускать руки. Практические занятия будут направлены на обострение интуиции и органолептической чувствительности, чтобы пробудить висорические навыки. Уж коли мне удалось выбраться из комы, то и вис-способности смогут когда-нибудь вернуться.

Ну, да. Хоть до старости пытайтесь пробудить и вернуть, а то, чего никогда не было, уже не появится. Конечно, жаль, что после комы у меня не проявились необычные способности, например, мгновенные арифметические действия в уме с гигантскими числами или способность предвидеть будущее, забегая хотя бы на пару секунд вперед. Тогда я стала бы "грязной", как Радик. Увы, после отравления организм приобрел лишь иммунитет к растительным ядам.

Улий Агатович прав. Нечего кочевряжиться, нужно радоваться тому, что я жива и здорова. Это главное, а остальное — пустяки, дело наживное.

Кроме того, в первом указе добавился немаловажный пункт, приписанный Рублей собственноручно. В нем премьер-министр утвердил за мной право на бессрочное

пользование дефенсором*. Ведь слепым запрещают их ношение! — вспомнила я и облилась внезапным потом. Так что осталось возносить бесконечную благодарность первому лицу государства за разностороннюю заботу обо мне. А может, отец вовремя напомнил Рубле, и в последний момент тот вписал пером дополнение о дефенсоре.

— В медицинском заключении, отправленном позавчера, я рекомендовал дальнейшую реабилитацию на свежем воздухе и смену обстановки, — сказал доктор. — Невозможно прятаться всю оставшуюся жизнь в четырех стенах. Вы достаточно окрепли, чтобы заново привыкать к людям, к обществу. Ответная реакция на мои выводы последовала незамедлительно. С завтрашнего дня вас, дорогушечка, направляют на оздоровительное лечение.

— Куда?! — выдавила я изумленно.

— В Моццо. Горный курорт недалеко от столицы.

Какое моццо-поццо? Не поеду никуда. Хочу остаться здесь! Страшно вылезать из норки, но не потому что за дверью прячется убийца, а потому что я отвыкла от людей и от открытого пространства.

— Надолго?

— Не меньше месяца при благоприятном стечении обстоятельств, — опечалил Улий Агатович.

У меня вытянулось лицо. Месяц!? Целый месяц вдали от Мэла! И раздраженные телохранители под боком. Почему-то я заранее решила, что не найду с ними общего языка.

— Но зачем? Я уже выздоровела и прекрасно себя чувствую!

— Не спорю, прорыв огромен, но и белых пятен осталось не меньше. Поэтому пробелы нужно восполнять. Если сейчас мы остановимся на том, чего достигли, то в скором времени возможен регресс. В соответствующей же обстановке ваши успехи будут грандиозными.

Наверное, поццо-моццо — действительно волшебное место, коли доктор надеялся, что там ко мне вернутся вис-способности.

Как оказалось, миссия Улия Агатовича заканчивалась, и завтра он возвращался в правительственный госпиталь, откуда мужчину вырвали около месяца назад, назначив ведущим куратором за моим самочувствием. Также предстояло расставание с Эм, отчего вдруг предательски защипало в глазах. Зато Эр надлежало сопровождать меня до правительственной здравницы в Моццо и сдать на руки медперсоналу.

Перед сном я выбрала номер Мэла в телефоне. Сначала вообще не хотела звонить, потому что, едва взгляд падал на "Приму", вспоминалось невозмутимое лицо Мелёшина-старшего сегодня утром. Но желание услышать голос Мэла перевесило.

— Я слепая, и об этом знает вся страна. Даже Рубля знает! — выпалила вместе с приветствия.

Парень помолчал и ответил ровно:

— Хорошо.

Что означало его "хорошо"? Что теперь мне не нужно притворяться? Что отец Мэла не станет чинить препятствий нашим отношениям?

Меня разочаровала немногословность парня. Он не стал развеивать страхи и не утешил, не поддержал. Наверное, прознав о моей слепоте, родственники день за днем морально бомбардировали его. Однажды Мэл сказал: "Не имеет значения, видишь ты волны или нет. На карту поставлено многое". И все же я сомневалась в том, что Мелёшин-старший успел пронюхать о моей тайне. Так что оптимизм парня был преждевременным.

Сейчас же о дочери министра экономики говорили открыто. О её слепоте шушукались на приемах, обсуждали на банкетах, переговаривались на раутах, обмусоливали в Опере с соседями по партеру. Наверное, родители Мэла улыбались вымученно на публике, а про себя проклинали тот момент, когда я согласилась принять Кольцо Дьявола. Мало того, что в избраннице их сына течет преступная кровь, теперь выяснилось, что девица не видит волны. Пусть я буду дочкой самого великого короля в мире, отсутствие вис-способностей в семье с вековыми традициями — нонсенс. Можно сказать, скандал.

— Меня отправляют в Моццо, — сообщила следующую сногшибательную новость. — На месяц.

— Знаю, — ответил коротко Мэл.

— Бывал там? — спросила нервно.

— Тебе понравится. Всё будет хорошо.

— Ко мне приставят охрану.

— Знаю. Так нужно.

Ну, почему, он не скажет что-нибудь, что... согреет меня? Голос нейтральный, спокойный. Никакой.

— Может, навестишь как-нибудь... в этом моццо-поццо? — попросила неуверенно.

— Навещу... как-нибудь... — сказал Мэл, и мне показалось, что он, как я, не уверен в словах.

К черту нерешительность. Хочу увидеть его, и точка.

— Выздоровливай и обязательно приезжай, — потребовала безапелляционно. — Буду ждать и делать зарубки каждый день.

— На чем? — удивился Мэл, и я порадовалась тому, что мне удалось вывести его из сонного состояния.

— На дереве... На спинке кровати... На подоконнике... Да мало ли на чем? Так что приезжай.

— Спокойной ночи, Эва, — сказал мягко Мэл, и я поняла, что он улыбается. — Хорошенько выспись. Завтра предстоит тяжелый день.

День действительно выдался тяжелым. Разбудили меня рано утром, начав с привычных лечебных процедур, но после плотного завтрака появились мужчины в рабочих комбинезонах с буквой "V" на груди. Они отключали аппаратуру и укладывали ее в ящики и коробки.

Стационар постепенно приводили в первоначальный вид. Ящики с оборудованием выкатывали на тележках, и помещение пустело.

Я бродила неприкаянно и мешалась под ногами, пока Эм не принесла пакет с одеждой. Кофточка, свитер, брючки, комплект белья — всё новое и незнакомое. Откуда? Это не мое. Хотя подошло идеально.

— Мы сняли мерки и передали вашему батюшке, — объяснил Улий Агатович.

Надо же! Папенька умеет удивлять. Неужели привлек мачеху, и она подобрала вещи в размер? Вряд ли. Скорей всего, родитель поручил купить необходимую одежду секретарше или поверенной, как у Мелёшина-старшего.

Также мне принесли сапожки, купленные по случаю приема, и шубку, оставленную в раздевалке в день последнего экзамена.

Время расставания неумолимо приближалось, и паника нарастала. Наконец, доктор, давший последние указания грузчикам, повернулся ко мне:

— Ну-с, больнушечка, пойдём на выход?

Не сдержавшись, я зашмыгала носом, и глаза увлажнились.

— Что за слезоньки ни о чём? — спросила Эр. На ней было необъятное серое пальто с черным воротником. — Надо прыгать от радости, а не грустить.

— Огромное вам спасибо! — поблагодарила я доктора и медсестру.

— Полноте. Это долг каждого из нас. И к тому же работа. Ваш случай — основа для серии полновесных докторских диссертаций, — утешил весело Улий Агатович.

В последний раз я оглядела ровные ряды кроватей и белоснежные треугольники подушек. В этих стенах, ставших временным домом, произошло мое второе рождение. А теперь от месячного пребывания не осталось и следа, даже цветы вынесли, раздав по кабинетам и аудиториям.

Как ни цепляйся за старое, а перемены всё равно наступят. Без них невозможен прогресс, — вспомнились слова доктора.

Выдохнув, я решительно направилась к двери. Сначала из стационара в помещение медпункта, а затем в институтский коридор. Как оказалось, вчера стартовал первый день весеннего семестра. Каникулы закончились, а я пропустила их, болея.

Время выбрали с таким расчетом, чтобы спуститься в холл после звонка, возвестившего начало второго занятия, поэтому в коридорах было безлюдно. Нам мне встретилось ни одной души.

Эр и Эм шли рядом со мной и поддерживали, если я спотыкалась. А надо признать, шагалось весьма неуклюже. Поначалу закружилась голова, и пришлось сделать небольшую остановку на лестнице. Доктор тут же дал сосательные леденцы, и картинка перед глазами прояснилась.

Нас сопровождали мужчины — все как один в черных строгих костюмах, с рациями и микрофонами-наушниками. Служба охраны Департамента правопорядка, — вспомнились слова Пети во время речи премьер-министра на приеме. Люди Мелёшина-старшего.

Знакомые коридоры, знакомый холл, статуя акробата — святого Списуила и люстра под куполом, с предшественницей которой связаны адреналинистые воспоминания... Монтемонт при полном параде — еще миг, и отдаст лапой честь... Крыльцо, трёхрядье колонн... Внизу, у ступеней, тонированные черные машины и два фургона позади — наверное, для медицинской аппаратуры.

А еще снег, слепящий глаза на солнце, и слабый ветерок. На небе — молочно-аквамариновая акварель. Снова головокружение и повторная заминка, прежде чем удалось справиться с волнением и неограниченностью пространства как вширь, так и ввысь. После пребывания в четырех стенах мир снаружи выглядел нереальным, фантастическим. Мне казалось, за последний месяц жизнь ушла далеко вперед, забыв обо мне, и я безбожно отстала от поезда.

Улий Агатович протянул мягкий чехол, в котором обнаружили солнцезащитные очки мужского фасона.

— Наденьте. При случае подберете по собственному вкусу.

Действительно, в очках стало гораздо комфортнее и даже защищеннее.

Охранник открыл передо мной дверцу. Вот и настала пора прощаться.

Мой нос зашвыркал, да и доктор выглядел взволнованным. Не сдержавшись, я порывисто обняла его, и мужчина растерялся.

— Спасибо вам! Спасибо за всё!

— Не за что, дорогушечка. Я счастлив, что вы показали кукиш тому свету, и горжусь, что поучаствовал в вашей реабилитации.

С Эм я тоже обнялась, и она выглядела смущенной моей эмоциональной несдержанностью. А Эр сказала грубовато, хотя тоже расчувствовалась:

— К чему марать носовые платки? Я никуда не делась.

Но все равно я обняла медсестру. Хотя нет, скорее, приложилась к ее груди, потому что обнять Эр не удалось бы никому.

Эти люди находились подле меня круглые сутки, и благодаря им я стояла сейчас на крыльце, вдыхая февральский воздух. Чем еще отблагодарить их, как не вечной признательностью и безграничным уважением к мастерству и высокому профессионализму?

Мне и Эр предложили заднее сиденье машины, впереди сели двое мужчин. Я думала, автомобильная кавалькада двинется к институтским воротам, однако наша машина поехала к общежитию.

Вот и разошлись наши пути, — глядела я назад, выворачивая шею. В одной из машин, покидавших институт, уезжали Улий Агатович и Эм. Возможно, мы еще встретимся, а может быть, и нет, но я на всю жизнь останусь благодарна судьбе, сведшей меня с замечательными людьми.

— Зачем? — спросила я, когда машина остановилась около дверей общежития.

— За вещами, — пояснила Эр. — Поди не на день едешь. Бери, что посчитаешь нужным. А в Моццо прикупишь, если потребуется.

— Не надо. У меня всё есть.

— Не бери теплую одежду. Захвати что-нибудь легкое и летнее, — посоветовала медсестра и, увидев мое изумление, пояснила: — В Моццо среднегодовая температура — плюс двадцать восемь.

Эр осталась в машине, и водитель помог мне выбраться из салона, предложив руку. Совсем как Мэл. Рядом очутился второй мужчина. Наверное, это охранники, с которыми мне придется неизменно сталкиваться, так сказать, соседствовать. Бесстрастны, молчаливы, с уверенными походками и не мерзнут в костюмах на холоде.

Телохранители проводили до швабровки. Один, с темно-карими, почти черными пронзительными глазами, оглядывал имеющиеся закутки. Второму, с необычным разлетом бровей, приподнятых к вискам, я протянула ключ. Мужчина открыл дверь и мимоходом оглядел комнатку, но заходить не стал. Будут ждать снаружи, — поняла я. Что ж, ждите.

Я скучала. Сама не подозревала, но соскучилась — словами не передать. По плафончику, по голубому дереву в углу, но бардаку на тумбочке и внутри нее, по ситцевым шторочкам. Соскучилась по скрипучей кровати, по коврику-циновке на полу, на махровому полотенцу, забытому на веревке.

Сев, покачалась на пружинах. Здесь был Мэл, — самое время нацарапать на стене. Здесь я радовалась, плакала, переживала, мечтала. Это самое лучшее место на земле, как оказалось вдруг и сейчас. Маленькое, уютное, слегка захламленное и запылившееся за месяц отсутствия хозяйки.

Меня не торопили, но я чувствовала — подгоняют.

Бездумно складывала в сумку всё, что попадалось на глаза, начиная от одежды и заканчивая косметикой. Положила фотографию Мэла и серебристый блинчик. Засунула в один из кармашков брошку из перевитых прутиков. Туда же легло удостоверение личности и все имеющиеся в наличии деньги. Подумав, я побросала упаковки с нижним бельем,

купленным под чутким руководством Вивы. Ведь Мэл обязательно приедет, — подумала и хитренько заулыбалась. А значит, нужно захватить коробочки с саше.

Вот, пожалуй, и всё. В путь. В Моццо.

От института машина покатила по скоростной трассе к центру города. Я предположила, что мы поедем на север от столицы, коли Моццо — горный курорт, но водитель неспешно петлял по городу. Вскоре выяснилось, почему. Машина завернула на станцию и некоторое время ехала вдоль железнодорожных путей, пока не добралась до небольшой автомобильной очереди у билетной кассы. Водитель расплатился, не выходя из салона: открыв окно, провел пластиковой карточкой по считывающему устройству, и полосатый шлагбаум поднялся.

Я прилипла к окну. У посадочной платформы стоял поезд, но какой-то чудной. Вместо вагонов — открытые пустые площадки. Когда машина вырулила, заняв место на одной из них, сверху опустился тонированный колпак.

Мужчины отстегнули ремни безопасности и развалились в креслах. Водитель зашуршал газетой, а его сосед взялся набирать сообщение на телефоне.

Я завертела головой. Впереди — площадка, под колпаком которой укрыта другая машина, позади площадка, но пока пустующая, и на соседних путях стоит состав из похожих площадок.

— Хочешь кушать? — спросила Эр, и у меня заурчало в животе.

В спинке водительского сиденья оказался встроенный столик, а в образовавшейся нише обнаружился небольшой черный чемоданчик. Медсестра показала, как с ним управляться. Ловкость рук и сноровка женщины говорили о том, что ей не впервой ездить в подобных машинах. Эр извлекла из чемоданчика термоконтейнеры и наметанным глазом определила, что требуется моему тощему организму. Таким образом, я получила полноценный обед и покуда уплетала за обе щеки, наш поезд тронулся.

— Заинька, если хочешь, поспи, — предложила Эр, когда с едой было покончено, а столик убран. — Клади голову мне на колени. Убавь-ка рёв, — толкнула водителя в плечо, и тот увернул громкость магнитолы, хотя музыка и без того звучала на пределе слышимости.

— Мне казалось, мы поедем по дороге, — сказала я, устраиваясь лежа.

— По дороге долго добираться, к тому же, зимой. А это сверхскоростная линия. За два часа с мелочью будем на месте, — пояснила женщина. — Отдыхай, не майся.

Сперва я изучала бритые затылки телохранителей. Потом переключила внимание на убранство салона, разглядывая черные кожаные сиденья и белый потолок. Я и представить не могла, что когда-нибудь побываю в машине дэпов*, к которым относилась без особой симпатии. А теперь меня везли в одной из них. Затем решила позвонить Мэлу, но передумала. Не буду разговаривать с парнем при посторонних.

Повертевшись с боку на бок, я опять села и пристроилась у окна, пытаюсь разглядеть снаружи что-нибудь достойное внимания, но два слоя тонированных стекол затрудняли обзор.

Поля, рощи, холмы. Снег и деревья. Ни следа жилья — ни поселков, ни городов. Безлюдное направление. Скучно. И совсем не чувствовалась большая скорость, как и инерция при разгоне. Будто мы сидели в комнате, а не ехали меж снегов.

Снова улегшись, я поджала ноги, положив голову на колени Эр. Женщина всхрапнула во сне. Непривычно. Я видела ее в неизменном медицинском халате и шапочке и ни разу не задумалась над тем, что Эр тоже человек, которому нужно есть и спать.

Стоило ли поинтересоваться, как зовут охранников?

Моццо — что за курорт? Мэл бывал там. Наверное, отдыхает каждый год. В Моццо тепло, сказала медсестра. Вечное лето. А у меня и купальника-то нет. И разрешат ли мне плавать и загорать или закроют на месяц в больничной палате, похожей на стационар института?

Вылечусь и вернусь на занятия. Как отнесутся окружающие к моей слепоте? С сочувствием и пониманием или сделают вид, что незнакомы?

Имеет ли смысл поговорить с отцом и объясниться раз и навсегда, как взрослые люди? И открыться ли ему, что знаю о маме и о побережье?

Мэл как-то сказал, что серьезные решения нужно принимать вдвоем. Дождусь, когда он выздоровеет и приедет в Моццо.

— Вставай, зайныка, — теребили меня. — Подъезжаем.

Оказывается, незаметно для себя я уснула.

Охранники оживились, щелкая тумблерами и кнопками на панели. Водитель протянул мне карточку, которую использовал у билетной кассы.

— Для чего? — взглянула я непонимающе на иссиня-черный пластик с буквой "V", отливающей золотом.

— Это накопительная карта, — пояснила Эр. — На неё будут начисляться твои расходы на оздоровление, которые потом оплатит правительство.

— Я думала, с карточек снимают деньги, а не накапливают на них долги.

— Карты бывают разными, — ответила весело женщина. — У правительства неограниченная кредитная линия. Увидишь, как она действует. И снимай шубку.

Эр давно избавилась от пальто, повесив на спинку переднего сиденья.

— Зачем? — потянулась я, разминая мышцы.

— Затем. Мы в Моццо.

М-о-ц-ц-о.

Ласковое солнце, глубокая небесная бирюза, влажный бриз, высокие пальмы, изумрудные газоны, стриженные деревья, благоухающие сады. В шестистах километрах от столицы — лето. Юг. Хотя нет, это неверное определение.

Райское место.

Географический юг, на котором мне довелось побывать, учась на первом курсе, не идет ни в какое сравнение с мягким климатом Моццо. Не в пример тамошним аборигенам — смуглым и чернявым — я осталась бледной поганкой вечно с облупленным носом и шелушащимися щеками. Какое там загорать! Мне повезло, что "старички" пожалели и в первый же день по приезду отсоветовали оголяться, не то тело обуглилось бы как деревяшка. Поэтому парусиновые штаны до щиколоток, рубашка с длинными рукавами и панамы с большими полями стали бессменной одеждой на полгода учебы. Так что на юге нет никакого рая. Там климат резко континентальный: горячие суховеи, половину дня — палящее солнце в зените. Словом, пекло. Пот течет ручьями. И местная валюта — вода.

А в Моццо — райские кущи.

По курорту запрещено разъезжать на машинах, и даже правительственные номера — не указ. Без исключений. Транспорт оставляют на парковках у железнодорожных и автомобильных терминалов и перемещаются по территории Моццо на электромобилях — понарошечных, смешных и медлительных.

Наш пункт назначения — правительственная лечебница, размещаемая в трехэтажном особняке. Это серьезное уважаемое заведение: лепнина, беломраморные балюстрады,

увитые зеленью балкончики, лестницы. Перед фасадом — фонтан, пруд, мостики, цветники. Тишина, щебет птиц,

Персонал вежлив и корректен. Приветливо улыбаются и не задают лишних вопросов.

В апартаментах есть всё, что душе угодно, и даже больше. У меня просторная светлая комната и при ней ванная. Балкон выходит на террасу, увитую плетущимися розами. Первый этаж, панорамное окно смотрит в ухоженный парк.

Солнечно. Тепло. А за куполом — зима, февраль, мороз.

— Почему горнолыжный курорт? — спросила я у Эр, когда нас привезли в лечебницу. — Тут и гор нет.

— Они снаружи. Невысокие, но достаточно крутые.

Должно быть, здорово, накувыркавшись в снегу, возвращаться в лето, сделав два шага.

Не знаю, где поселили телохранителей, как не знаю их имен. Наверное, тоже зашифрованные Эс и Гэ. Или А и У. Голоса у охранников обыкновенные и непримечательные. Когда водителю позвонили по телефону, и он ответил: "Слушаю", я разочаровалась. Мне казалось, профессионал из службы охраны должен говорить как секретный агент — с выразительной интонацией и многозначительными паузами между словами.

Тот, что с пронзительными черными глазами, вручил неширокий браслет из материала, похожего на кожу, и показал, как застегнуть его на запястье. При малейшем страхе или подозрении или когда мне что-нибудь померещится, следовало без промедления жать черную кнопку на браслете.

Я снова позвонила Мэлу.

— Привет, меня закинули в Моццо. Лежу на кровати и смотрю в потолок. Здесь красиво. Как в твоей квартире.

Пожалуй, точное сравнение с жильем парня. Комната, куда меня поселили, обставлена элегантно и со вкусом. Она лоснится от безукоризненной чистоты и порядка. "Апельсинная" — название говорит за себя. Тщательно подобранные оттенки оранжевого нежны и приятны глазу, и не вызывают раздражения.

— Это хорошо, — согласился Мэл, но его тон показался натянутым.

— У тебя всё в порядке? Выздоровливаешь? Представляешь, занятия начались, а я не знала, — зачастила, торопясь выговориться.

— Да, — ответил коротко парень.

— Скорее поправляйся. Пожалуйста! И приезжай. Правда, дорога долгая. Может, вырвешься на выходных?

— Постараюсь.

— Я теперь слепая. Для всех. И Рубля разрешил носить дефенсор*, - поделилась важной новостью.

— Попробовал бы он не разрешить, — хмыкнул Мэл.

— Ужасно скучаю! — выпалила я. На секунду подивилась скакучести мыслей, перепрыгивающих с одной темы на другую, и тут же забыла. — Очень-очень хочу увидеться. Приезжай, милый.

В телефоне наступила тишина.

— Как только, так сразу, — ответил парень. Медленно, словно раздумывал, что и как сказать.

— Буду ждать, — попрощалась с ним, пропустив мимо ушей мурлычущие нотки в своем

голосе.

— Как самочувствие, зайлька? — спросила Эр, входя в комнату. Она снова облачилась в медицинский халат.

— Не знаю. Вроде бы нормально.

— Иногда организм путается из-за смены климата, и требуется время на адаптацию. Пригляжу за тобой денек-другой и поеду обратно. Улий Агатович договорился.

— Спасибо!

Эр осталась единственным связующим звеном с прежней жизнью, и меня страшила перспектива остаться среди незнакомых людей. Черт, раньше ничего не боялась, а тут вдруг струсила. Вне комнаты я жалась к медсестре и старалась держаться рядом с охранниками. Все непонятности и вопросы к администратору лечебницы передавались через Эр.

— Пойдем, провожу в столовую, — предложила женщина.

Покуда мы шли по коридору со скульптурами и цветами в вазонах, она кратко рассказала о лечебнице и сообщила о примерном расписании моего оздоровления. Как ни странно, в нем предусматривалось свободное время.

— Направо — процедурный павильон, налево — диагностический, — махнула рукой Эр, показав направление. — Здесь используют новейшее оборудование и препараты последнего поколения. Сам премьер-министр предпочитает отдыхать тут! — сказала с благоговением, с коим отзывалась и об Улии Агатовиче. Видимо, женщина безмерно уважала Рублю и доктора, едва ли не обожествляя их.

Столовая сияла белоснежными скатертями и сервировкой. Медсестра усадила меня за столик в некотором отдалении от других, в уютной нише. Хорошее место. Люблю, когда закрыты тылы.

— Для тебя будут готовить отдельно. Можешь заказывать меню заранее. По территории лечебницы гуляй без опаски. Здесь отдыхают приличные люди, посторонних не бывает. Если потребуется, вызывай охрану. Сегодня осваивайся, а завтра твой лечащий врач определится с назначениями. Почему не переделась?

Я пожала плечами. В сумке, набитой вещами не нашлось подходящей одежды. А то, что кофточки и платья, взятые из общежития, смотрелись бы странно в теплом климате Моццо, стало ясно, когда нас везли в лечебницу. Отдыхающие разгуливали в маечках, коротких юбках и шортиках, не гнушаясь легкомысленной одеждой с прозрачными намеками на недолгий курортный роман.

— Тогда полдничай — и вперед, за покупками, — сказала Эр. — И прихвати кого-нибудь из мальчишек.

Под мальчишками она подразумевала телохранителей, хотя те были едва ли моложе неё. Как я прихвачу, если не знаю, куда они делись?

— А маячок на что? — показала медсестра на браслет.

Давить на кнопку не потребовалось. Черноглазый появился неслышной тенью и сел за мой столик. После приезда в Моццо мужчина успел переодеться в короткую рубашку и светлые брюки. Пока я ела блинчики с повидлом, стараясь не заляпать скатерть, он оглядывал полупустой зал и редких отдыхающих.

— Хочу съездить в магазин, — сказала, прожевав, и смутилась. Наверное, нагло прозвучало.

Мужчина кивнул и вернулся к осмотру столовой. Наверное, привык к выкрутасам подопечных.

— Спасибо.

Во взгляде охранника промелькнула искорка удивления. Глупо вышло — благодарить человека за его работу. Но не благодарить не могу. Не умею.

В итоге мы поехали за покупками на электромобиле — смешной двухместной машинке, похожей на игрушечный грузовичок с небольшим кузовом для багажа. В электромобилях нет окон, сверху тент, чтобы не напекло голову, колеса — маленькие, дверцы — шуточные, двигатель — бесшумный, и не нужно пристегиваться. Едешь как на велосипеде, и ветерок обдувает. Электромобили стоят на специальных парковках, и за руль может садиться любой желающий с пятнадцати лет. И я могла бы попробовать себя в роли водителя, но не решилась.

Чтобы не потеряться в незнакомом месте, пришлось обратиться за помощью к администратору. Я разволновалась ужасно. Кое-как объяснила на пальцах, заикаясь, и получила схему курорта вдобавок к вежливым рекомендациям о популярных магазинчиках. Фух, оказывается, совсем не страшно задавать вопросы, и администратор не кусается.

Мы ехали по авеню. Охранник вел электромобиль по дорожке, предназначенной для транспортных средств, а я вертела головой по сторонам, нагружаясь впечатлениями. Прежде мне не приходилось отдыхать на курорте, поэтому сравнивать было не с чем.

В Моццо нет толкотни и давки. Прогуливающиеся отдыхающие одеты пестро и легко. Море зелени. Яркие цветочные пятна на газонах и скульптурные композиции из цветов улаживают взоры эстетов. Многочисленные плакаты и афиши заывают на выставки, аттракционы, костюмированные представления и иные развлечения. Вдоль авеню — здания необычной архитектуры и малой этажности. Небоскребы — под запретом.

Словно в сказке. Есть, отчего закружиться голове и учащенно забиться сердцу.

Взгляд невольно задержался на руках моего спутника, расслабленно лежавших на руле. Сильные, мускулистые, с черными волосками и родинками... Сосредоточенное лицо, красивый профиль — хоть чекань монету... Всё успевает: ведёт машинку, держит в поле зрения меня и окрестности, оценивает опасность. При первой встрече просканировал взглядом и сделал выводы. Интересно, какие?

Я сглотнула и отвела глаза.

— Вот сюда, — показала на ряд витрин, сверившись со схемой. Из-за моего ротозейства едва не проехали мимо.

Сопровождающий не ленился следовать за мной по магазинчикам, придирчиво осматривал внутреннее убранство и ограждал от покупателей, если таковые попадались. Но моя персона никого не заинтересовала, кроме продавцов. Кредитная карта произвела поистине волшебное действие, заставляя их подобострастно размазываться как подтаявшее сливочное масло, отчего мне делалось неловко.

Неловкость заставила выбирать торопливо и на глазок. Да и зачем примерять, если одежда висела на мне как на вешалке? Таким образом, я приобрела шорты, несколько маечек, весьма целомудренный купальник, пару коротких юбок и два сарафана. И панамку взяла, а вот очки Улия Агатовича оставила — на память. К покупкам добавились легкие балетки с красными маками на мысках и сланцы.

Набрав обновок, я сразу же переоделась в одной из кабинок, чтобы не выделяться среди отдыхающих белой вороной, и, лишь сняв бирки с ценами, поняла, почему продавцы молились на пластиковую правительственную карту. Стоимость шмотья зашкаливала. Наверное, ценники спёрли с бульвара Амбули, не иначе.

Возвратить, что ли, покупки обратно? Но как вернешь, когда расходы начислены на карту? Поступит к папуле счет за мое оздоровление, а в нем львиная доля трат слепой доченьки придется на ублажение непомерно возросшего эго.

О расходах за казенный счет я переживала ровно до тех пор, пока не выпорхнула из магазинчика. До чего хорошо! — вдохнула грудью теплый солоноватый воздух. Искусственное солнце опускалось к искусственному горизонту. Вдоль авеню потянулись вереницы электромобилей, перегруженные веселящейся молодежью в купальниках и с мокрыми волосами, и семейные пары с детьми, везшие надувные круги и плавательные матрасы.

— Здесь есть озеро? — удивилась я.

Мой спутник кивнул в сторону заката. Весьма немногословный и содержательный ответ.

Вот это да! Озеро под куполом посреди зимы! После ужина нужно прогуляться и посмотреть на экзотику.

Без происшествий мы вернулись обратно, но меня начало пошатывать. Похоже, я перегрузилась впечатлениями насыщенного дня. Еще бы. Утро началось в стационаре института, а ночь предстояло встретить в фешенебельном номере лечебницы для избранных.

Ужин мне не понравился. Чересчур много специй, чересчур солоно, чересчур приторно — то бишь, речь об отбивной, салате и соке. И всё-таки я замарала скатерть. Возила по тарелке вымученный кусочек мяса, наколола на вилку — он и ляпнулся. Скатерть мгновенно впитала улику, вернув королевскую белоснежность, а я воровато огляделась — не заметил ли кто конфуз.

Не заметили. Ваза с цветами удачно заслонила половину стола. Солидные дяденьки и не менее солидные тетеньки вкушали чинно и культурно, звякая столовыми приборами. На меня посматривали мельком и отводили взгляды. Хорошо, что не пялятся открыто, — нервно отхлебнула я водичку из стакана.

— Неужели дочь Влашека? — долетел тихий шепот. — Не похожа на него.

— Зато своего не упустит. Сразу видно, отцова порода.

Насторожившись, я обвела взглядом столики. Соседи по столовой сидели достаточно далеко, но мне казалось, что шептались в двух шагах. Разговор был ни о чем, и кто его вел — непонятно.

— Надолго она здесь?

— Почему знаю? — ухватили уши грубоватый ответ. — Администраторы молчат...

— И охрана при ней. Не спускают глаз...

— Устрой так, чтобы нас представили. Нельзя упускать ценное знакомство.

— Как?! Хочешь, чтобы мне свернули шею?...

— Уже месяц здесь торчим. Надоело. Хочу в столицу.

— А деньги спускать не надоело? Будем торчать, сколько потребуется, пока шум не утихнет. Между прочим, у меня инфаркт.

— Инфаркт у него! Синяки под глазами подведи, чтобы поверили...

— Слепая в висоратской здравнице! Завтра же переедем в пансионат!

— Прижми зад и делай, как велю. Будешь улыбаться и здороваться с ней, пока язык не отсохнет. Поняла?

Наверное, я схожу с ума и слышу, как разговаривают призраки. Дожилась! И зачем долбить ложками по тарелкам? Чай не гвозди забивают.

Признаться о голосах или нет? — покосилась я на охранника за моей спиной. Черноглазый стоял красиво — ноги шире плеч, руки за спину — нервируя высокопоставленных курортников внимательным прищуром. Хорош чертяка! А о голосах не скажу. В лучшем случае покрутит пальцем у виска, в худшем — отметит в отчете, и меня упекут в психушку. Да-да, с нулевыми потенциалами и бестелесными созданиями, нашептывающими в оба уха, — дорога только в психиатрическую лечебницу. И вообще, померещилось мне из-за жары. Бывают зрительные миражи, а бывают — слуховые. Наверное.

Фу-у, духотища. Хватит без толку протирать шорты, всё равно аппетита нет. Кто сказал, что здесь рай? В Моццо такое же пекло, как на юге.

Обмахиваясь салфеткой, я побрела в номер, и телохранитель проводил меня до двери. Забодал уже сушняк. Надо было захватить графин с собой.

В ванной подставила ладони ковшиком под кран. Пила и не могла напиться. Так и упала без сил на кровать, мучимая жаждой.

Когда за окном стемнело, заглянула Эр, и ее разволновал мой нездоровый вид.

— Батюшки, да у тебя температура! До чего же ты слабенькая. Я ж как в воду глядела, а Улий Агатович не верил. Ну, не переживай. День-другой, организм привыкнет к смене климата, и дело пойдет на лад.

Она покрутила тумблер кондиционера, и в комнате начало холодать. Какое облегчение! И задыхалось свободнее.

— Возьми и рассасывай, — медсестра протянула пару таблеток. — Попозже еще загляну.

Взбив подушки, Эр укрыла меня одеялом и ушла. Жаропонижающее помогло на какое-то время, как и свежесть в помещении. Мне полегчало, и я забылась сном, в котором снова появился лес. Все эти дни он прятался и ускользал, а сегодня снова позвал к себе.

Над лесом плыла полная луна, цепляясь за макушки деревьев. Необхватные стволы, шершавая кора, запах смолы... У меня закружилась голова. Волнение забурлило в крови, и внутренний трепет передался телу дрожью предвкушения.

Во мне опять проснулась она, и нас стало двое — я и самка. И облизывались мы вместе, приминая ковер изо мха — бесшумно, сливаясь с тенями. Но сколь бы тихо мы не передвигались, неслышные шаги были как топот носорога, потому что он мгновенно слышал. Наш хозяин кружил неподалеку, но не спешил показываться.

И мы побежали — я и самка, приглашая в игру, но хозяин не откликнулся. Он видел нас и чувствовал наше желание, но не вышел навстречу. Тщетно мы завлекали его: сперва с кокетством, затем с растущим отчаянием, потом чуть не плача. В чем мы провинились? Поиграй с нами. Мы хотим большего. Разве луна не зовет тебя? Разве не щекочет ноздри?

Хозяин не отозвался. Он был рядом, в двух шагах, и все же ускользал, стоило приблизиться к нему. В конце концов, разве нам пристало бегать за ним? — топнули мы ногой — я и самка. Попадись нам, и мы выцарапаем глаза и располосуем когтями! Ну, пожалуйста, выходи! — потерлись спинкой о шершавый ствол, мурлыча. Не то мы перебудим окрестности и уйдем искать того, кто откликнется на наш зов. Выходи!

И хозяин появился. О, наш господин! — метнулись мы в ноги, лапаясь и забыв об угрозах. Он тоже опустился на колени, обхватил наше лицо ладонями и заглянул в глаза. Мы рвались к нему. Точнее, самка дрожала от нетерпения, облизывая губы, в то время как я отстраненно наблюдала за хозяином. И понимание опустилось на плечи легчайшим одеялом

тумана, сотканным из животной страсти и человеческой нежности. Хозяини та, что была моим вторым "я", — части одного целого. Он — её господин и повелитель, а она — сокровище его сердца. И сегодня хозяин отпускал её. Прощался. Вбирал запах, жадно втягивал носом, прикрыв глаза — вертикальные полосы в янтаре. Запоминал.

Легкий поцелуй в щеку, взмах её ресниц. Почему? За что?

Уходи. Уходи же! — оттолкнул он самку, и угрожающий рев разнесся над лесом. — Проваливай.

Ах, так! Острые когти оставили алеющие полосы на груди хозяина, но он не шелохнулся. И мы побежали прочь — я и самка. Дрожа и плача от ярости, от унижения и... от боли, звеневшей в груди.

— Заинька, проснись... Опять горишь. Выпей-ка микстуру, — вырвал из сна голос медсестры. — Что за напасть? Если к утру не отпустит, позвоню Улию Агатовичу.

Под утро меня отпустило. В рассветных сумерках я добралась на нетвердых ногах до ванной и опять пила, пила, пила. И еще выставила минусовую температуру на кондиционере. Блаженство блаженств! — рухнула на ледяную простыню.

— Заморозить себя хочешь? — воскликнула Эр, зайдя утром в комнату. От свежевыстиранного халата пахло лавандой. — Посмотри, превратилась в ледышку. И нос синий. Не хватало нам воспаления легких в такую-то теплынь.

Сонно шурясь, я вылезла из-под одеяла.

— Ну, вот, более-менее, — удовлетворилась осмотром Эр. — Покажись-ка.

Она проверила горло, уши, пощупала миндалины и лимфатические узлы.

— Я должна сдать тебя здоровой. Местные боятся, что их обвинят, будто они уморили тебя. Сегодня отдыхай, понаблюдаем за твоим самочувствием. Пойдешь в столовую или позавтракаешь здесь?

— В комнате, если не трудно, — взглянула я жалобно. — Что-нибудь нежирное.

Эр посмотрела на меня с сочувствием, снова потрогала лоб и вышла.

Приободрившись после легкого завтрака, я выползла на террасу, где с удобством устроилась в кресле. Солнечные пятна дрожали в листве, отчего казалось, что деревья увешаны золотыми монетками. "В Моццо не бывает пасмурных дней!" — вспомнился лозунг с рекламного плаката. Свежий воздух звенел от прозрачности, и от его вкусноты потекли слюнки. Но разыгравшийся аппетит взбаламутил отнюдь не желудок, а энергию, гулявшую в теле. Она блуждала по венам, горяча кровь; натягивала нервы, заставляя вибрировать; перекачивалась по мышцам, сделав их гибкими. Уверена, я смогла бы изогнуться под любым углом и пролезла бы в любую щель. Зрение обострилось, приблизив предметы, слух стал чётче. Я видела птиц, скачущих по веткам, и без труда пересчитала бы цветы на клумбе. Уши уловили жужжание диких пчел, соорудивших гнездо под козырьком крыши, и работающий двигатель далёкого электромобиля.

Словом, перенесенная слабость сказала на мне странным образом. Точно так же лихорадило организм в день фуرشета месяц назад и точно так же, накануне, во сне, хозяин леса вышел навстречу. И у него знакомые глаза. Я видела их раньше, но не могла вспомнить, когда и где. Черт бы побрал плохое мозговое кровообращение!

Мысли против воли снова развернулись к ночному сновидению. Его навязчивость легко объяснима, — уверяла я себя. Самка — второе животное "я", которое следует врожденным инстинктам: поиску пары и продолжению рода. В моменты обострения оно же руководит моими поступками, подчас неадекватными. Как говорила Аффа, сон — отражение

реальности. Получается, на подсознательном уровне я испытываю потребность в своей половинке и в потомстве. Точнее, неодолимую тягу.

Сделанный вывод поверг меня в смущение. Ну-у... если посмотреть на неожиданное открытие с разных сторон... Меня тянет к Мэлу, причем неудержимо. С некоторых пор мысли о маме отошли на второй план, вытесненные думами о парне. Иными словами, половозрелая особь в моем лице испытывает гормональный всплеск, оцениваемый на десятку по десятибалльной шкале.

Хочу заботиться, хочу быть нужной. Хочу позвонить Мэлу и услышать его голос. И вообще, почему я проявляю инициативу, а парень — никогда? Позвонил лишь однажды. Что происходит? Почему Мэл неохотно общается со мной, будто ему в тягость?

Возьму и обижусь, как второе "я". Почему мы должны бегать за кем-то, и какая разница — во сне или наяву? Вот позвоню и выскажу Мэлу всё, что думаю по поводу его равнодушия!

Нет, не стану огорчать парня. Он болеет, а тут я нарисуюсь с гневными претензиями. Ха, болеет он! — зазудел искушающий голосок. Что за болезнь, которая не может вылечиться? Что за тайны и недомолвки?

Все они хороши! — вспомнилось, как хозяин леса оттолкнул свою самку. — Из солидарности ненавижу!

И все-таки не сдержалась, поганка, — отругала я себя, вслушиваясь в гудки с замиранием сердца.

— Привет, — произнесла с придыханием.

— Привет, — отозвался настороженно Мэл. — Как спалось?

— Плохо. Тебя не было рядом, — поведала томно. — Я извертелась, простынка сбилась. Не могла уснуть...

— Ты одна? — прервал он, словно ответ на вопрос был для него жизненно важен. Ну, и задал бы. Отчего не звонил?

— Пока что одна-одинешенька, — решила позлить парня. — И мне грустно. Некому утешить. Ты далеко. Кого бы найти?

Кошмар! Хрипотца в голосе и чувственные грудные нотки. Похоже, снова поднимается температура.

— Я приеду, — заявил он твердо.

Мэл примчится в Моццо — недолеченный, невыздоровевший — и подхватит от меня простудную инфекцию с осложнением. Или в дороге ему поплохеет, и он попадет в аварию. Нет и еще раз нет!

— Не нужно. — Игра слетела с меня как мишура. — Я приболела. Эр говорит, из-за смены климата. Пью жаропонижающее. Пожалуйста, не приезжай. Могу заразить.

— Уверена?

— Конечно, — заверила горячо. — Перезвоню, как полегчает. Ни в коем случае не приезжай!

— Хорошо, — не стал упорствовать Мэл. — Звони. Буду ждать.

Подозрительно быстро согласился, — вздохнула я разочарованно, забыв, что минуту назад уговаривала его повременить с поездкой на курорт.

— Куда спряталась, зайнька? — вышла на террасу Эр. — Как самочувствие? Вот видишь, жар спал. Прекрасно.

Кто бы говорил. Температура пришла в норму, зато начали нервировать мелочи, на которые я прежде не обращала внимания. Оказывается, тапочки Эр поскрипывают при

ходьбе, и, от нее пахнет смесью дезодоранта и тяжелого пота, какой исходит от тучных людей. У меня срочно зачесался нос. Что за мания? Эр — прекрасный человек и мастер своего дела. Разве походка как у борца сумо — повод для раздражения? Гадство, хоть вешайся. Или отрывай уши, завязывай глаза и затыкай ватой носопырки.

Медсестра передала привет от Улия Агатовича вместе с наставлениями. Доктор велел действовать согласно его любимому методу. "Ни к чему хандрить, продавливая без толку кровать. Нужно выбивать клин клином". Иными словами, ускорить адаптацию моего организма к окружающей среде, ворвавшись в неё как лев в середину стада сайгаков.

Эр снова осмотрела меня, прослушала легкие и удовлетворилась результатом. Под её надзором я привела себя в опрятный вид, пригодный для прогулки по Моццо.

Женщина прихватила внушительную корзинку для пикника, и мой нос сообщил, что кроме лекарств, занимающих значительную часть, в плетеном кузовке поместились фрукты, вода в бутылке, печенье, пластиковые контейнеры с неопознанной пищей и большой кусок хлопковой ткани. Перед выходом Эр заставила выпить общеукрепляющий витаминизированный сироп, и мои бедные вкусовые рецепторы омертвели от зашкалившей концентрации витамина С. На самом деле напиток был приятно кисленьким, просто сегодня всё казалось гипертрофированным.

И мы отправились в путешествие по курорту на электромобилях и при обязательном участии телохранителей. Впереди ехали я и охранник с необычно вздернутыми бровями, сзади следовали Эр и черноглазый. За вчерашний день я успела привыкнуть к нему, поэтому рокировка мужчин озадачила. Черноглазый равнодушно встретил наше с Эр появление у стойки администратора, также безразлично отвернулся, но всю дорогу я чувствовала на себе его взгляд.

Ну, и ладно. Мне вообще без разницы, кто возит и как охраняет, — поправила демонстративно панамку и переключилась на созерцание окрестностей. Но почему-то вместо красот Моццо я разглядывала встречных мужчин. К великому сожалению, особи противоположного пола, достойные внимания, встречались редко. В основном, попадались лысеющие, пузатенькие, кривоногие, нещадно потеющие коротышки, чьи дамы напоминали цепных псов, зорко охраняющих свое добро. Да оно и даром мне не нужно, — усмехнулась я и зыркнула на своего водителя. Очень даже неплох. Рубашка с коротким рукавом, светлые брюки. Вкусно пахнет мелиссой и бергамотом. Еще едва уловимый запах никотина. На костяшках левой руки татуировка: "guli*". Белая полоска старого шрама наискосок, чуть ниже уха.

Неожиданно охранник посмотрел на меня. Он вел мобиль, не обращая внимания на дорогу. И ведь мы оба были в солнцезащитных очках, но глядели глаза в глаза. Черт!

Я отвернулась, смутившись, и услышала короткий смешок. Подумаешь! — задрала подбородок, но тут во мне разыграло упрямство или бесы одолели, не знаю.

— Для кого? — показала пальцем на татуировку.

— Для чужих мужей, — ответил мой спутник с серьезным видом.

Не сдержавшись, я рассмеялась, привлекая внимание курортников к нашему мобилю.

В качестве расслабляющего отдыха Эр предложила парк "Топиар".

— Мне бы туда, где нет цветов и мало людей. Нос болит от запахов, а толкотня бесит, — пожаловалась я.

— Цветов — по минимуму, деревьев — по максимуму. И на пятки наступать не будешь, — успокоила женщина.

Если честно, меня раздражали не люди, а невольно подслушиваемые разговоры. Оказывается, речь среднестатистического человека, будь то висорат или слепой, на девяносто девять процентов состоит из пустой болтовни. Например, достаточно сказать: "Жарко" или "Хочу пить". Вместо этого замешивается нескончаемая бодяга: "Представляешь, сегодня обещали двадцать восемь, а на самом деле двадцать семь. В тени! С ума сойти. Вчера было двадцать восемь и позавчера тоже. А сегодня двадцать семь. Неужели не работают терморегуляторы? Теперь мой загар будет красным, а не золотистым. Как думаешь, может, подать иск в суд? Обманули на целый градус! Интересно, завтра будет двадцать восемь или двадцать семь? Или двадцать девять?"... Тошнотворная бла-бла-бла.

Эр грузно вывалилась из мобиля, обмахиваясь веером. Для прогулки она надела цветастое платье, приобщившись к беззаботным курортникам. И не скажешь, что медсестра высшей квалификации.

Мы двинулись по дорожке к входу в парк. Охранник, наставляющий рога чужим мужьям, шел впереди, черноглазый шагал позади и нес корзинку для пикника.

Что-то неладное с моим обликом, — озаботилась я, заметив липнущие взгляды отдыхающих лиц мужского пола, попавшихся навстречу, и пригладила волосы, оправила сарафан. Или тому виной непонятная энергия, пробегающая волнами по телу и растягивающая мой рот в соблазняющей улыбке? Или животная гибкость движений и пластичность жестов?

В "Топиаре" было на что посмотреть, но многообразие экспонатов быстро утомило. Фигуры животных, птиц, рыб, людей, абстрактные конструкции, выстриженные из деревьев и кустарников, произвели бы неизгладимое впечатление, если бы не шелест листвы, нервировавший уши, и не миллиард оттенков зеленого, от которого устали глаза.

По указанию Эр черноглазый расстелил на травке покрывало, но сперва охранники обошли периметр и выбрали наиболее защищенное по их авторитетному мнению место. Мы с женщиной уселись в тенечке. Она снова проверила мои ухо-горло-нос, протянула градусник и заставила поесть. Хилый аппетит подопечной не убавил её оптимизма.

Солнце сместилось, и тень от дерева-слона сдвинулась в сторону. Неужели в Моццо не бывает дождливых дней? Можно помереть с тоски, глядя на скучное ясное небо без туч. Иногда пасмурность бывает весьма кстати, под настроение.

— Столько зелени, — обвела я рукой фигурные насаждения. — И не засыхает. И никто не поливает. Почему?

— Потому что дождь запускают под утро. Льют с трех часов и до пяти, — пояснила Эр, доедая яблоко, от которого я отказалась.

Нажимают на кнопку, и начинается ливень. Отпускают — и под куполом появляется радуга, но все спят, а её не видно в темноте. Почему-то прошлой ночью не было дождя. Или я не слышала, как он лил. Смешно звучит: "включить дождь". А может, кнопку не жмут, а используют водные заклинания, похожие на *aquaticus sandi**, созданный Мэлом в "Вулкано", но гораздо больших размеров.

Украдкой я попыталась повторить движения, которые показывал Стопятнадцатый, обучая заклинанию свежести или "засирайке". Отобью запахи, и нос перестанет чесаться. Увы, без регулярной практики навык растерялись, у меня ничего не вышло. Наоборот, захотелось чихнуть.

Когда с делами было покончено, Эр улеглась, став похожей на Монтеморта в спячке. Воспоминание об институтском страже вызвало волну ностальгии. Затосковав по

студенческим временам, я прилегла рядом с женщиной. Подперла подбородок ладонями и болтала ногами, изучая жизнь букашек в травянистых дебрях. Неподалеку журчал фонтан, донося прохладу и свежесть, а вокруг высились выстриженные из деревьев фигуры слонов, собак, львов, медведей. Охранники заняли место на лавочке, держа меня и медсестру в поле зрения, и время от времени обходили периметр поодиночке.

Эр задремала. Самое время и мне начать клевать носом.

— Ферзь недоволен последним рапортом. Вернул и приказал дополнить.

Я закрутила головой по сторонам, ища говорившего. Удивительно, но им оказался черноглазый. И он глядел на меня безотрывно. Смотрел и говорил.

Волоски на коже наэлектризовались. В любое другое время я поспешила бы отвернуться от пронизывающего взгляда, скрытого стеклами очков, но сегодня за меня думало второе "я". Оно почуяло интерес и замерло, а потом заставило облизать вдруг пересохшие губы.

— В столовой не просматривается угол у дальнего окна, — продолжил черноглазый, не отводя взгляда. — Эвакуовыход далеко от стола. Помощник повара ненадежен.

Хорошо рассказывает, можно заслушаться. Четко, кратко и по существу. Как колыбельная.

Мое второе "я" улыбнулось мужчине и легло набок, подложив локоть под голову.

— Горничные — проверенные. Новичков нет, — сказал любитель чужих жён. — Приглядывай за парой из "Кофейной" на третьем. Он дергается по поводу и без.

Необычно. Сидят два красавчика на скамейке в пяти метрах, роняют тихие скупые фразы, а слышно так, будто кричат в микрофон.

— Кто?

— Второй зам министра по образованию. Диагноз — инфаркт миокарда. Месяц назад.

— Порыть бы. Почему сбежал из столицы?

— Утром отправил запрос Ферзю. Даст добро — начнем копать. Или других пришлёт.

— Периметр — худой. Три пролета на северной стороне — без присмотра. Обещали завтра исправить.

— Почему завтра?

— Эксклюзивная охранная система. Из города приедет техник с аппаратурой и перенастроит камеры.

До чего приятная беседа! В нескольких словах — бездна информации. Ферзь — главный. Как скажет, так и будет. Один из чиновников лечит сердце второй месяц, и это вызвало подозрения. Помощнику повара нельзя доверять. Не хватает камер слежения вдоль забора. Весьма содержательный диалог!

Неожиданно запиликал телефон, и Эр забормотала во сне.

— Это я. Привет, — сказал Мэл, и его голос отшиб все имеющиеся мысли.

— Привет, — отозвалась шепотом.

— Как ты? И где? — В его голосе сквозили беспокойство и забота. Очень и очень приятно. Ласкает слух.

— Мы в парке. Мне уже лучше. Температура спала, но в носу свербит, и уши закладывает. Наверное, аллергия на лекарство. А ты поправляешься?

— Да, чувствую себя хорошо, — отозвался небрежно парень.

— Отлично!

Неожиданно показалось, что он совсем рядом, в двух шагах. Я вскочила, поднялись и мужчины.

— Мэл, ты где?

— То есть? — растерялся он, в то время я водила носом как ищейка. Запах повел меня вдоль тисовой ограды и зеленых конусов туи, замерших стражниками на перекрестке щебневых дорожек.

"Нет, нет!" — замахала рукой, когда один из охранников вознамерился разбудить Эр, и побрела дальше. Черноглазый следовал позади, а его коллега остался с медсестрой.

— Где ты? — снова просила у Мэла. Раньше мне не приходило в голову спросить, как он проводит дни, и какое лечение ему назначили. Я упивалась рассказами о себе, но забывала поинтересоваться, сколько уколов поставили парню, и как он проглатывает таблетки — разжевывая или целиком.

— Ну-у... я лечусь, — ответил неопределенно Мэл. — Микстуры пью, горло полощу...

Ноги довели до выхода из парка и потянули по авеню Моццо. Пустые разговоры курортников отошли на дальний план, а аромат цветов померк перед запахом, за которым тянул меня инстинкт. Чем пахнет Мэл? Пахнет его туалетная вода. Пахнет свежeweыглаженная рубашка. Пахнет он сам — мускусом и солью.

— Какие микстуры?

— Э-э... разные. Горькие, невкусные...

— Наверное, скучно болеть. Как развлекаешься?

— Думаю... о тебе...

На мгновение мне показалось, что в метрах трехстах, на перекрестке у сувенирного магазинчика, стоял Мэл и говорил по телефону. Может, у меня температура?

Я прибавила шаг, и охранник шел рядом, поглядывая обеспокоенно по сторонам.

— Мэл, — выдохнула в микрофон. — Это ты?

Человек на перекрестке обернулся. Разве это Мэл? Это мужчина, очень похожий на него, но шире в плечах и гораздо старше. Отвратительное зрение. Наверное, минус сто на оба глаза.

— Пропустите. Дайте пройти! — протолкалась я через толпу отдыхающих с надувными кругами, попавшихся некстати.

Не отрывая телефона от уха, добежала до перекрестка. Пусто. Заглянула внутрь магазинчика, обошла кругом. Мэл был здесь, обоняние не могло подвести меня.

Запах тянул, словно на ниточке... Дальше, дальше по авеню... Уже закончилась курортная зона, и потянулись служебные здания и постройки.

— Нужно возвращаться, — сказал озабоченно телохранитель, но я отмахнулась.

Начались ряды машин, припаркованных на время отдыха владельцев. Мэл был здесь... Наверное, запах сохранился с тех пор, когда парень приезжал в Моццо в последний раз. Разве это возможно?

Сумасшествие. Он точно где-то рядом. Автомобили сверкают полировкой на солнце. Зачем ему появляться на курорте? Я же просила не рисковать здоровьем. Чертовы галлюцинации.

Все-таки у меня температура.

— Мэл... Ты здесь? — спросила в телефон.

В ответ тишина.

"Прима" разрядилась в самый неподходящий момент.

Ох, и отчитала меня Эр, когда мы вернулись в лечебницу! А заодно и охранников отругала. Они-то причем? — попробовала я встать на защиту, но увяла под гневным взглядом

медсестры. И, дескать, подвергаю себя невыносимому риску, болтаясь неизвестно где под носом у возможных снайперов, и солнце напекло голову, и температура у меня под сорок, а я на ногах, и вообще, Эр отказывается присматривать за мной, потому что никакое сердце не выдержит подобной встряски.

Пришлось уговаривать её и задабривать, подлизавшись. Хорошо, что акклиматизация закончилась и вызвала немало тяжких вздохов женщины.

— У тебя нестандартная реакция на смену климата, хотя бывает по-разному. У кого-то расстраивается пищеварение, кого-то одолевает бессонница. Но все обострения возникают на нервной почве, — поделилась она по-свойски. — Приводи себя в порядок и беги галопом на ужин. Завтра сдам тебя местным лекаришкам и поеду домой. — По снисходительному тону Эр стало ясно, что она недолюбливала курортный медперсонал. — Мне и так влетело от Улия Агатовича за халатность. Кстати, он передавал привет зайнке.

— Спасибо.

Странное помутнение нашло на меня в парке, — раздумывала я, отмокая в ванной. По возвращению в лечебницу добавилось новое раздражающее ощущение. Кожа начала чесаться и заудела. Ужасно хотелось потереться о первый попавшийся угол, и я едва удержалась, чтобы не выгнуть спину под хмурым взглядом черноглазого. Уши периодически закладывало и отпускало. Наверное, это последствия передозировки жаропонижающими.

С чего бы Мэлу приезжать в Моццо? Хотя если бы парень не послушался и примчался, я бы пожурила его, но не отпустила. Ни за что.

После ужина вернулась в комнату, решив не доводить Эр до инфаркта просьбами прогуляться к местному морю. Пусть женщина спокойно уедет домой, а то из-за моей активности схлопочет выговор от начальства. Наверняка Эр обязана докладывать обо всем, что происходило за день, как и охранники которые отсылают рапорты.

Перед тем, как позвонить Аффе, я вынула затычки из ушей, с которыми ходила в столовую.

— Эвка, привет! — закричала девушка. — Рада тебя слышать! А я думаю, вдруг не вовремя позвоню.

— Всегда вовремя. Мне тут скучно. Я в Моццо.

— Вау! Класс! Какая температура воды?

— Не знаю. Я опять заболела.

— Ну, надо же, — огорчилась соседка. — Что за зараза к тебе липнет и не отстает?

— Это ак-кли-ма-ти-за-ция, — повторила я по слогам умное слово. Язык иногда переклинивало на сложных терминах.

— Бывает. Слушай, а ты, правда, не видишь?

— Не вижу, — ответила я с заминкой. Было бы удивительно, если бы Аффа не спросила о слепоте.

— Это не страшно, — заверила она. — Вернется когда-нибудь, я чувствую. А у меня, знаешь, какая интуиция? Бьет в яблочко!

— Это точно, — улыбнулась я. Значит, девушка не отвернулась от меня. Она ответила на звонок, хотя могла бы проигнорировать вызов.

— И надолго ты в Моццо?

— Не знаю. Около месяца. А как Лизбэт? Сто лет ее не видела.

— Задумчивая, — понизила голос Аффа. Наверное, прикрыла динамик рукой. — Из-за покушения институт стоял на дыбах. Все каникулы только о тебе и говорили. Опрашивали

студентов и преподавателей — всех без исключения. Жестче, чем после пожара. Слушай, а Симу-то выписали, — переключилась она на другую тему. — Я сперва напугалась, когда увидела его в пищеблоке, а потом... Ужасно всё это... Но он молодец. С юмором относится к жизни и к подколкам.

Отрадно слышать. У Симы есть внутренний стержень, который не позволит прыгнуть вниз головой с чердака, а еще цепи, удерживающие на брэнной земле. Это отец-инфарктник и брат. А Радика никакие цепи не удержали. Вырвал их с корнем и освободился от проблем.

— Вернусь через месяц, придется нагонять. Поможешь?

— Помогу, — согласилась Аффа. — А Мелёшин на что? Он же на занятия ходит.

— Как ходит? — осип вдруг голос. Запоздалая ангина? Эр отключила кондиционер еще утром.

— Да вот так. Видела его у святого Списуила. Позавчера пришел в институт, как семестр начался. А ты разве не знаешь?

Я молчала, не в силах ответить. Аффа что-то пугает. Мэл лечится. Он сказал, что болеет. Разве стал бы он обманывать?

— Слушай, не пойму ваши отношения. Мелёшин болеет — ты не в курсе. Он учится — ты не знаешь. Он кинул тебя, что ли? Вы общаетесь или как?

— Нет. Не знаю. Общаемся, — ответила механически. — Ладно, Аф, мне на процедуры пора.

— Конечно. Уколычики всякие. И горло полощи, — сказала невпопад девушка. — Звони.

Что происходит?

Почему Мэл ведет себя странно и недоговаривает? Боится расстроить? Доктор сказал, теперь у меня железная психика. Бей потрясениями по голове — отскочат со звоном.

Кто обманул первым? Улий Агатович, рассказавший о мнимой болезни Мэла, или Стопятнадцатый, повторивший слова доктора?

В чем правда? У кого спросить?

А правда в том, что я не вижу волны, и об этой сенсации наслышаны все кому не лень. Когда слепота является тайной за семью печатями, и о ней знают единицы — это одно, а когда вся страна тычет в меня пальцами — это другое. Вот почему Мелёшин-старший фильтровал газетные статьи, вымарывая из них слова обо мне и Мэле. Он старался свести к минимуму упоминание о своей фамилии.

Как дальновидный политик и глава уважаемого семейства, Мелёшин-старший давно просчитал всевозможные ходы. Из комы мало кто выбирается без последствий для серого вещества, и мое выздоровление, стремительно вскарабкавшееся на гору, может еще быстрее покатиться назад. Из-за отравления у меня теперь мозги набекрень. Кто знает, вдруг врачи поставят диагноз "идиотизм" или "аутизм"? Иными словами, официальная дурочка.

Да, иногда туго соображаю и многого не помню. Но ведь продолжаю лечение. И обязательно выздоровею!

Могу хорохориться сколько угодно, но плюсы истерлись один за другим и превратились в жирные минусы. Остался единственный положительный козырь. Мой отец — Влашек, и мне покровительствует премьер-министр. Но в политике как в гареме. В любой момент Рубля может сменить министра экономики, и я окажусь никем, и станут звать меня никак. Так что в свете моей беспросветной ущербности Мелёшины заранее пьют валерьянку.

Родственники Мэла не причинят мне вреда, но они надеются, что у меня хватит

остатков скудного умишки отказаться от парня и освободить его от обязательств. Перед моими глазами встала мама Мэла, сложившая руки в молитвенном жесте. "Не губи его. Ему жить и жить. Если любишь, отпусти".

Поэтому Мэл молчит и отнекивается в телефонных разговорах. Делая выбор между матерью и какой-то девчонкой, кого он выберет? Мама одна, а девиц — пруд пруди.

Сгоряча я хотела позвонить и спросить в лоб о том, что происходит. Но Мэл опять увильнет от ответа, как делал неоднократно в последнее время, или перестанет отвечать на звонки. Нет уж. Использую эффект неожиданности и припру парня к стенке. Пусть скажет в лицо, раз и навсегда.

На экране телефона высветился номер из списка.

— Здравствуй, Петя. Я прошу тебя вернуть долг.

*guli**, гули (перевод с новолат.) — подавишься

*aquaticus candi**, акутикус канди (перевод с новолат.) — водный сгусток

*defensor **, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

25. Сколько стоит любовь

Петя приехал в третьем часу ночи, как я и рассчитала. Уж если мне что-то втемяшилось, то поможет только ампутация. Головы.

Удивительно, но мозг работал как заведенный, выдавая фантастические и на удивление логичные идеи. Время в ожидании чемпиона пролетело в лихорадочной деятельности и притворстве. Я изображала пай-девочку, чтобы не вызвать подозрений у Эр и охранников.

Все-таки тяга к преступности — явление наследственное. И пусть не замысливалось ничего предосудительного, я чувствовала себя воришкой, намеревающимся обойти опасные ловушки и вскрыть хитроумные замки. Целью стояло, чтобы меня не хватились до утра, и чем позднее произойдет разоблачение, тем лучше.

План придумывался экспромтом и уточнялся на ходу.

Облегчу жизнь сторожам и сложу вещи в сумку. Кто знает, вдруг из-за ребяческой выходки меня больше не пустят в Моццо? Сумку оставляю в комнате, чтобы не мешалась во время операции. Для прогулки под ночным небом курорта нужно облачиться в что-нибудь темное и не привлекающее внимания.

Теплая одежда, обувь и сумочка уместились в пакете из-под покупок — нешуршащем, на замке-молнии, водонепроницаемом и с повышенной вместимостью.

Затем настал черед Эр. Женщину успокоило мое "стабилизировавшееся состояние", как она выразилась. Температура, и правда, спала окончательно, но время от времени нервировали побочные эффекты от выпитых лекарств. Я с трудом вытерпела прикосновения медсестры, когда та надумала произвести осмотр: кожа то шла жгучими пятнами, то онемевала, теряя чувствительность.

— Замучило привыкание к Моццо, — зевнула во всю ширь. — Хочу хорошенько выспаться. Глаза слипаются — не могу разодрать.

Эр обрадовалась и сказала, что сон полезен, так как восстанавливает силы, и что меня никто не побеспокоит, пусть хоть подрыхну до обеда. Ее слова вызвали нешуточные угрызения совести. Итогом явилась записка, в которой я слезно просила не ругать Эр и телохранителей. Они ни в чем не виноваты.

Рядом с запиской на столик лег браслет с тревожной кнопкой.

Чтобы поддержать легенду о глубоком и здоровом сне, свалившем меня нечаянно-негаданно, пришлось выключить свет, плотно зашторить окно и перемещаться, подсвечивая экраном телефона.

Из подушек и одеяла соорудилось некое подобие спящего человека. Получилось не ахти, но если стоять у двери и не особо всматриваться, то симуляция выглядела вполне правдоподобной. Легкая неприбранность в комнате тоже была призвана ввести в заблуждение, придавая помещению обжитой вид.

Словом, извилины крутились поразительно хладнокровно. Оценивали, анализировали, предугадывали и устраняли промахи, чтобы их не заметили другие. Когда позвонил Петя и сказал, что въехал на стоянку Моццо, я ожидала в полной боевой готовности. Пара секунд, чтобы присесть на дорожку — и в путь.

Наверное, мне помогали побочные последствия акклиматизационной лихорадки. Пусть с организмом творилась непонятная чехарда: нос или чесался от раздражающих запахов, или переставал ощущать что-либо; зрение, могущее поспорить с орлиным, внезапно падало, пугая близорукостью; уши то закладывало, а то слух обострялся так, что болели барабанные перепонки, — эти странности стали преимуществом.

Преодолев перила террасы и держа направление к северной стороне периметра, ограничивающего территорию лечебницы, я периодически замирала, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к каждому шороху, и, уверившись, что преследования нет, скользила дальше, держась в тени.

Его присутствие почувствовалось задолго до того, как появился он сам. Обоняние поймало слабый запах никотина, и я поспешно отступила под сень разлапистой голубой ели.

Охранник двигался бесшумно, и всё же уши уловили звук его шагов. Мужчина остановился неподалеку, вытащил из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой и неторопливо затянулся. Он стоял левее и чуть впереди, спиной ко мне. В Моццо нет луны, территорию курорта освещают уличные светильники или садовые и парковые фонарики, но и без их помощи глаза разглядели абрис телохранителя. Широкие плечи, бугрящиеся мышцы... Сто килограмм живого веса, готовые напасть в любое мгновение... Сейчас он обернется, и даже предусмотрительно надетая черная футболка не укроет меня в тени. И он задушит меня двумя пальцами, как куренка. А *guli** на его руке — не залихватское предупреждение для обманутых рогоносцев. Это предостережение противникам... врагам... мне.

По спине пробежал холодок. Дыхание замедлилось ровно настолько, чтобы стать легким и поверхностным, как у спящего. Зрение и слух обратились в сторону ночного гуляки.

Мужчина курил и поглядывал по сторонам, слушая тишину, и я заворуженно следила за тлеющим кончиком сигареты, неспешно подносимой ко рту. В какой-то момент охранника насторожило невнятное шуршание, и он застыл как изваяние. "Это мышь в траве. Это мышь", — внушала я с отчаянием. Если он надумает проверить источник шума, мы столкнемся нос к носу.

Секунды растянулись, став резиновыми.

Только сейчас до меня дошло, что авантюрный план вышел за пределы ребячества, и выглядело, по меньшей мере, странным то, что я собиралась сделать. А именно: сбежать из лечебницы и добраться до столицы.

Для выполнения цели был привлечен Петя, от которого я потребовала возвращения долга. Немедленно. Любыми способами, исключаящими огласку. Угрызения совести

мучили меня ровно секунду, после чего чемпион выслушал прочие условия.

Конечно же, меня волновало, где парень найдет машину на ночь глядя, и есть ли у него права и деньги. Но волновало лишь в той степени, чтобы попасть в институт к первой лекции. Жесткое условие, но и Петя проявил неменьшую заботу, вручая приглашение в качестве спутницы на "Лица года".

Что будет, если меня поймают глухой ночью, в парке? Шумиху поднимать не станут. Рапорты и отчеты полетят по назначению, мне устроят участливый расспрос о причинах эксцентричного поступка. В конце концов, я не совершила ничего предосудительного. Подумаешь, побег. Так, выходка избалованной богатенькой девчонки. Но второго шанса мне не представится. Мэл опять ускользнет от объяснений, как неоднократно делал это в телефонных разговорах. А еще пугали охранники. И тот, и другой смотрели холодно и равнодушно, но если они поймут, что какая-то слепая малявка надумала обвести их вокруг пальца, меня не спасет даже покровительство Рубли.

Мокрая теплая капля упала на нос, следующая — на лоб, когда я подняла голову к небу, то есть, к куполу. Листва зашуршала — сначала тихо, потом сильнее. Зарядил дождь.

Вдалеке послышался негромкий свист — условный сигнал. Значит, черноглазый тоже обходил территорию. Невольный сосед по ночной прогулке затушил сигарету о ствол дерева и ответил похожим свистом. "Чисто" — поняла я, когда он неслышно двинулся к лечебнице. Упасть бы от пережитого волнения, да некогда.

Дождь участился, но кроны деревьев задерживали капли. Шум — это хорошо. Он перебивает звуки, а вода осаждает запахи.

Следующая часть маршрута — от ели, ставшей убежищем, и вдоль ограды, держась на расстоянии. Не зря охранник прохаживался в этом секторе. Три пролета, оставшиеся без присмотра видеокамер, обнаружили практически сразу. Судя по расположению и направлению глазков аппаратуры, следовало выбирать золотую середину. Расстояние между прутьями высокой кованой решетки оказалось достаточно узким, и на помощь пришла новоприобретенная гибкость. Но сперва был переброшен пакет с одеждой и, надо сказать, весьма ловко. Выбравшись на тротуар, я подивилась тому, что мне удалось протиснуться без сломанных ребер и вывихнутых конечностей. Теперь перебегу на противоположную сторону дороги и выберу направление, по которому искала днем Мэла.

Невидимые создатели дождя повернули рычаг из положения "морозящий" в положение "основательный", и плотность потоков воды, падающей сверху, возросла. Ручейки текли по желобкам вдоль тротуаров до решеток ливневой канализации. Вскоре я промокла. Одежда набрякла и прилипла к телу, волосы — хоть отжимай, в балетках хлюпало. Но еще никогда мне не приходилось бегать по ночным улицам под теплым искусственным дождем, шлепая по мокрому асфальту. Пахло свежестью, сырой землей и хвоей. Листва деревьев и трава блестели в свете фонарей. Напряжение отпустило, и на меня накатила беззаботность.

Зрительная память не подвела. Через некоторое время потянулись ряды автомобилей, а вскоре один из них просигналил фарами.

— Привет, — рухнула я на заднее сиденье, хлопнув дверцей. — Не смотри, пока буду переодеваться.

Безымянные изготовители пакета удостоились искренней похвалы. Одежда, пригодная для зимней столицы, осталась сухой после беготни под дождем.

Вылив воду из балеток и разобравшись с мокрыми вещичками, я, наконец, отдышалась. Дворники работали, стекла запотели, Петины пальцы постукивали по оплетке руля, а

сам чемпион усиленно смотрел в окно. Салон выглядел простовато. Машина была далека от того, чтобы называться фешенебельной, но я радовалась тому, что есть.

— Чья?

Парень глянул на меня в зеркало заднего вида:

— Отцова. И права — его. Я не успел получить. Водить умею, а с экзаменами тянул.

Чудо, что Петя проскочил по столице, и его не остановили и не проверили документы. Второй привод в отделение не пройдет бесследно. Спортсмена могут исключить из института. Тьфу-тьфу, — поплевала я через левое плечо. Нам не нужны приводы. Нам еще до института добираться.

— Когда поедем?

— Через полчаса, на следующем. Поезд только что ушел. Я уж думал, ты не придешь.

Держи карман шире. Дороги обратно нет.

— Ты изменилась, — сказал Петя, помолчав. Надо же, успел рассмотреть.

— Да? И как же? — поинтересовалась я, взбивая волосы руками, чтобы быстрее высохли.

— Повзрослела, что ли... И взгляд стал старше...

— Жизнь заставила, — ответила со вздохом. Сам бы попробовал остаться прежним после комы и скоростной, почти насильственной реабилитации.

— Скажешь, почему? — спросил чемпион.

— Неа, — потянулась я, разминая мышцы спины.

Пете незачем знать о причине, подвигнувшей меня на поспешное возвращение в столицу. Его дело маленькое: довезти пассажира до института. Всё-таки я не бездушная стерва, загнавшая чемпиона в рамки кабальных условий. По моим расчетам парню хватило времени, чтобы раздобыть машину, найти деньги на билет, добраться до железнодорожного вокзала и приехать в Моццо.

Когда Петя, опешив, выслушал суть возврата долговых обязательств, то сказал:

— Вся ночь на ногах. Вдруг усну за рулем?

— Купи "Энергетик", — разозлилась я. — Банок десять, чтобы про запас.

У меня вот сна — ни одним глазу. Потому что нужда подгоняет хворостинкой.

Пока мы ждали следующего поезда, дождь шёл, не переставая. Я поймала себя на мысли, что хорошо сидеть вот так, в машине, поджав ноги к груди, и время от времени протирать на запотевшем стекле кружочек, разглядывая в получившийся глазок, как капли долбят по крышам автомобилей и по асфальту. И чтобы за рулем был не Петя, а Мэл. И лучше бы не на переднем сиденье, а рядом со мной. И обнимал бы, а я прижималась и слушала, как размеренно стучит его сердце. Сейчас расплачусь.

Петя купил билет на поезд, расплатившись наличными. Машина вырुлила из терминала в шлюз, отделяющий лето от зимы, а через десять метров разъехались двери на железнодорожную платформу, выпуская на свободу — в мир снега, мороза, февраля.

Купол курорта, похожий на пестрый мыльный пузырь, остался далеко позади. Там же остались горнолыжные спуски, трамплины, подъемники, а возле них — дома отдыха, торчащие как грибы на заснеженных склонах и входящие в инфраструктуру города-спутника Моццо-2.

Я возвращалась в столицу.

Ночью ехать еще скучнее, чем днем. Вообще ничего не видно. Можно и подремать.

— Эва, я хотел попросить тебя об одной вещи... — начал неуверенно чемпион. Наше

общение велось через зеркало заднего вида.

— О какой? — спросила я, кутаясь в меха. Не сказать, что в непритязательном салоне было холодно, но все же шубка дарила ощущение комфорта и уюта.

— Помнишь, мы пытались завязать... отношения, — выговорил с заминкой Петя.

— Помню.

— И ничего путного из затеи не вышло. Без взаимных обид, да?

— Конечно.

— Как я понял, после "Вулкано" ты и Мелёшин... У вас серьезно?

— Не знаю.

Честно, не знаю, поэтому не скажу и не похвастаюсь Когтем Дьявола. Шатко всё. Слишком много "если бы да кабы" сплелось в клубок, который не распутать. Остается резать.

Получается, чемпион знает обо мне и Мэле. Ничего удивительного. Ведь они общались перед тем, как Петя предложил принять долг. А я не удосужилась задуматься, поговорили ли они по-мужски, и какие слова подобрал Мэл для наших с ним отношений.

— Серьезно или нет с Мэлом, но ты прав. Мы с тобой пытались, и у нас ничего не вышло. Это судьба. Зато можем остаться друзьями.

— Да, друзья — это хорошо, — отозвался спортсмен. — Понимаешь, я как бы... у меня появилась... словом, встречаюсь с одной девушкой...

— Ты?! И с кем же?

— Случайное знакомство на приеме. Вернее, в клубе, — ответил парень и отвернулся виновато к окну.

— А-а, это та, которая... — начала я и не договорила.

"Это та девица, что строила глазки в лимузине и подначила на драку с Танкером Громобоем?" — хотела спросить, но промолчала.

— Не переживай, Петь. Я рада за тебя.

— Спасибо. В общем, тут такое дело... Она вряд ли поймет, что у меня перед тобой долг... Понимаешь, ее отец — второй замминистра финансов...

Если бы я умела, то присвистнула, как охранники, оставшиеся в Моццо. Ничего себе, взлетел Петечка. Ухватил куш, как говорится. Везет в столицу дочку одного министра, а крутит шашни с дочерью другого высокопоставленного чиновника. И если кто-нибудь узнает о побеге из Моццо, фамилию спортсмена затрепят в прессе. "Дочь Влашека катается в обществе чемпиона по легкой атлетике. У них роман?" А если узнает пассия Пети, она не даст ему спуска и тут же укажет на дверь. И тогда плакали мечты спортсмена о высшей светской лиге. Возможно, глядя на дождь, он успел помечтать о том, что когда-нибудь будет отдыхать в Моццо.

Только сейчас, всмотревшись, я заметила изменения в облике парня. Чубчик исчез, стрижка стала другой — волосы подлиннее и вроде бы уложены. Одет в серое элегантное пальто... И держался Петя уверенно и солидно, пока речь не зашла о его зазнобе.

Ничего удивительного. Нужно соответствовать уровню, иначе птичка упорхнет демонстрировать глубокое декольте другим счастливицам.

— Понимаю. Я тоже не заинтересована, чтобы о поездке узнали. Буду нема как рыбка.

Спортсмен облегченно вздохнул:

— Спасибо. Ты действительно не видишь?

И этот туда же. Удивительно, что не полюбопытствовал сразу.

— Да, — ответила резко.

— Извини.

— Проехали, — махнула я рукой и улеглась на сиденье. Сделаю вид, что нечаянное упоминание о слепоте затронуло мою чуткую страдающую душу.

Закрыв глаза, представляла, как приеду в столицу, как брошусь в институт, найду Мэла и поговорю с ним. В мечтах наша встреча заканчивалась как в сказке. Мэл находил неопровержимую причину своего странного поведения, и мы сливались в примиряющем поцелуе и в жарких объятиях.

Вдоволь нафантазировав, я переключилась на Петю и его красотулю. Интересно, искренние у них отношения, или один использует другого? И кто кого?

В попытках разгадать сердечный ребус чемпиона на меня незаметно навалился сон.

До пункта назначения поезд домчался затемно. Как оказалось, дольше ехать от железнодорожного вокзала до института, нежели из Моццо в столицу. Не успевала машина отстоять в одной пробке, как тут же пристраивалась в другую.

Приступившая раздраженно ногой, я как бы между прочим выяснила, что зрение вернулось в прежнее состояние, и слух не нервировал остротой, как и обоняние. Наверное, организм стал восприимчив к жаропонижающим средствам, и необычная аллергия обострила органы чувств. А теперь она прошла.

Изо всех исчезнувших побочных действий я пожалела об утерянной гуттаперчивости мышц. Меня приятно взволновала неожиданная гибкость тела, а еще грациозность движений и легкая поступь, как у опасного хищника. Как у самки из сна. И как у родственников профессора, — вспомнился почему-то день рождения Альрика и компания гостей, пришедших его поздравить.

Выбравшись из автомобильных очередей, Петя въехал на городскую окраину. Подумать только, несколько часов назад я шлепала по лужам, а сейчас смотрю на сугробы и голые ветви спящих деревьев.

Сердце тревожно забилося. Впервые с момента бегства из Моццо меня одолели сомнения в целесообразности спонтанного порыва. Все-таки стоило объясниться с Мэлом по телефону или, на худой конец, устроить истерику перед медперсоналом и потребовать, чтобы парень приехал на курорт. И зачем я сорвалась с места, крайне легкомысленно и не задумавшись о последствиях? Впрочем, как всегда. Но что сделано, то сделано. Поздно отступать назад.

Петя остановил машину на обочине возле дыры в институтском заборе. А еще он заранее узнал расписание занятий у третьекурсников нематериального факультета. На этом долг чемпиона считался оплаченным, и я, подхватив пакет, помчалась по дорожке к зданию ВУЗа. Скрипящий под ногами снег и морозец, пощипывающий щеки, показались мне очередной сменой декораций к сказке "Из зимы в лето и обратно". Невидимый техник повернет рубильник, и вместо снега зазеленеет трава.

Время поджимало. Первая лекция грозила начаться с минуты на минуту.

И лишь взбежав по ступеням на крыльцо, я вспомнила. Здесь, в институте, работает или учится убийца, вынашивающий планы повторного покушения, и его приятно удивит мое возвращение в альма-матер безо всякой защиты. Мушка добровольно прилетела в лапы к злому пауку. Теперь я — слепая для всех, и любой желающий может незаметно бросить в меня заклинание.

Огромный риск, но нельзя разворачиваться и убегать в шаг от цели. Нужно дойти до

конца, чтобы потом не ругать себя, упрекая в трусости.

Секундная заминка — и я ворвалась в холл. Пританцовывая от нетерпения, сдала шубку в раздевалку и припустила к юго-восточному коридору на второй этаж, на занятие по истории культов. Предмет вошел в программу весеннего семестра, и вела его Царица.

Хорошо, что с началом нового витка учебы прыть студентов поубавилась, и количество желающих постигать азы висорических наук резко сократилось. На запыхавшуюся бегодную никто не обратил внимание. Во-первых, коридоры опустели, а во-вторых, меня не ожидали увидеть. По всем законам логики мне следовало быть не в институте.

Перед нужной дверью я остановилась, не решаясь открыть. Стояла будто на десятиметровой вышке перед тем, как прыгнуть вниз. Может, повернуть обратно? Еще есть возможность.

Прогорнивший звонок сообщил, что, увы, время, отпущенное на раздумья, истекло.

И пальцы взялись за ручку.

При моем появлении гул в аудитории стих. Под десятками удивленных взглядов я прошествовала к крайнему ряду у окна и словно в тумане поднялась по ступеням. Мэл сидел, замерев, на облубованном им месте — бледный и ошарашенный моим появлением.

Поднявшись выше, я заняла стол, по умолчанию закрепившийся за мной на второй день появления в столичном институте. Остолбенелое затишье прошло, и по рядам покатались волны взбудораженных голосов.

Ничего и никого не вижу. Не вижу головы, поворачивающиеся в мою сторону. Не слышу, как переговариваются однокурсники. В фокусе — Мэл.

Я даже пропустила приход проректрисы. Кто как не Царица мог позволить себе появиться в аудитории после звонка и воздушной волны. Правда, она не стала козырять своим исключительным положением и извинилась за опоздание. Лекция началась.

Я же безотрывно смотрела на Мэла. Видела только его, а для остальных ослепла и оглохла.

Темный джемпер. Темные волосы. Раскрытая тетрадь. Руки, прокручивающие перо.

Мэл сказал, что болеет, но он ходит на занятия. Почему?

Может, верны слова, оброненные как-то Аффой об истинных намерениях парня? Узнав, о карьерном скачке моего отца, Мэл изобразил страстно влюбленного и ковал железо, пока горячо. Вжившись в роль, быстренько распрощался со Снегуркой и с согласия отца пошел в наступление. Сам же поставил меня в условия, при которых отказ от кольца приравнялся бы к всеобщему порицанию и осуждению. Сам же нагнетал обстановку, пугая вездесущими журналистами. Итог таков, что его отец добился, чего хотел. Скоро два департамента объединятся под началом Мелёшина-старшего. А теперь, когда цель достигнута, зачем изображать чувства, если их никогда не было? Дело сделано. Все стороны получили, что хотели. Даже мой отец вынес немалую выгоду из обнародования новости о слепоте.

Может, Эльзушка недалеко от истины, сказав, что Мэлу противно со мной? И он отворачивался и зажимал нос, стараясь сдержаться.

Или, насмотревшись на неадекватное поведение после гибели Радика, парень понял, что с психованной истеричкой лучше не связываться. Себе же дороже.

В общем, накручивая домыслы один за другим, я начала верить в их правдивость. За каждым словом и поступком Мэла мне виделась многозначительность, ранее пропущенная мимо внимания.

В кармашке брючек запиликал телефон. Черт, сейчас меня выгонят с занятия!

На экране высветилось: "Входящее сообщение" и следом: "Почему ты здесь?"

Почему, почему?

"Потому". На написание и отправку адресату всего лишь одного слова ушло не меньше двух минут. Первый раз всегда трудно.

Телефон снова пиликнул.

"Где охрана?"

"Там" — старательно набрала буквы на экране, отправила их и выставила режим беззвучной вибрации аппарата.

"Где там?" — по телефонному сообщению чувствовалась растущая нервозность отправителя, не говоря о том, что он оборачивался в мою сторону.

"В моццо" — у меня не получилось написать название курорта с заглавной буквы, и безграмотный ответ улетел по назначению. Прочитав его, адресат подпрыгнул на месте.

"Эва!" — пришло новое сообщение. "Эва!!!!!!!!!!!" — сразу за ним поступило следующее.

"Черт побери, Папена! Что ты творишь? Это опасно! Ты рискуешь жизнью, появляясь в институте без сопровождения! Лишилась последнего ума на пляже?" — примерно так следовало интерпретировать заборчик из восклицательных знаков.

Мэл оглянулся через плечо, и его недобрый взгляд заставил нервно сглотнуть. Я уж и забыла, как бывает, когда парень сердит. Как если бы над головой висело ведро с ледяной водой, могущее опрокинуться в любой момент.

"На чём добралась?" — пришло сообщение.

"Пешком!" — набрала и, подумав, убрала восклицательный знак перед отправкой.

Не помогло. Если бы проректриса отвернулась к доске, Мэл немедля рванул бы наверх и тряс меня до тех пор, пока извилины не встали на место и позволили осознать, что я совершила глупый и безрассудный поступок, подвергший жизнь опасности. Но Царица к доске не отворачивалась, а рассказывала с трибуны мелодичным и хорошо поставленным голосом, и аудитория послушно записывала, кроме нас с Мэлом.

Все-таки удалось его всколыхнуть, — наблюдала с удовлетворением, как парень сидел, словно на иголках. Все же лучше недовольство, чем нейтральный тон в телефонных разговорах.

"Отправил сообщ. отцу" — пришла очередная посылка.

Прекрасно. С минуты на минуту здесь появятся церберы Мелёшина-старшего и потащат на допрос, чтобы выяснить, как мне удалось испариться из Моццо. А Мэл опять пропадет с горизонта. Нет уж. Зря, что ли, я полночи не спала и выпила под утро две банки "Энергетика"? Вцеплюсь в столешницу и закачу громкую истерику — так, что закачается люстра в холле.

Можно бодриться до бесконечности, но мое ребячество воспримут как скудоумие или, хуже того, как помешательство, и Мэл лишний раз убедится, что я позорю его своим поведением и заодно бросаю тень на всё светское общество.

Не получив ответа, парень снова оглянулся. Не знаю, что он увидел на моем лице — расстройство, отчаяние или предвестие слез, но Мэл больше не оборачивался, не отправлял сообщения, а принялся крутить перо. Периодически он наклонял голову вбок, точно прислушивался к звукам позади.

Прогорнил звонок, и народ вяло потянулся из аудитории. Взбудораженная обстановка, в коей началось занятие, возобновилась.

— Занятие окончено, — громче обычного объявила Царица. — Все свободны.

Студенты с неохотой послушались, на ходу выворачивая шеи в мою сторону. Капа и его брат поприветствовали издали, помахав. Эльзушка и ее верная свора покинули аудиторию в числе первых, сделав вид, будто на лекции не случилось ничего особенного. Зато наверняка по институту потекли сплетни и слухи, разрастаясь как на дрожжах.

А Мэл проигнорировал веление проректрисы. Как и я.

Вот уже никого не осталось в аудитории, кроме нас. Закрывшаяся дверь отсекала шум в коридоре.

Ступенька за ступенькой... Сердце готово выпрыгнуть из груди... До боли знакомый вихор... Пальцы, отбросившие перо в сторону... Не видела целую вечность... Смотрю и не могу наглядеться...

Коснуться Мэла... Дотронуться... Обнять... Соскучилась невероятно...

Отдергиваю руку как от огня. Страшно. Я успела отвыкнуть от него.

— Что скажешь, Мэл? Хорошо болеть по телефону?

Он не повернул головы.

— Почему ты здесь? — спросил тихо. — Понимаешь, что натворила? Тебя разыскивают, сбились с ног. Недоглядевших накажут.

— Эр не виновата! И охранники тоже не при чем! И... мне нужно поговорить с тобой. Да!

— А телефон на что?

— Ты прячешься от меня. Я хочу, чтобы ты объяснил.

— Что?

Мэл впервые посмотрел на меня, и я поразились переменам, произошедшим с ним. Вблизи было заметно, что его лицо изменилось, хотя и неуловимо на первый взгляд. Парень отрастил небольшую бородку и реденькие усы, похожие на многодневную небритость. Складка меж бровей залегла глубже, и голос стал ниже.

— Почему ты обманул, что болел?

— Я болел.

— Неправда! Выдумал, а я поверила. И других подговорил. Улия Агатовича, Стопятнадцатого... Это потому что я — слепая, и об этом все знают?

— Эва... Нет, конечно же... — Мэл отвел взгляд.

— Или потому что не смогу вылечиться до конца? — спросила я и вдруг всхлипнула. От жалости к самой себе. Оттого, что жизнь едва начала налаживаться, как вдруг какая-то подлюка решила спустить меня с небес на землю и почти убила. И оттого, что Мэл, произносивший красивые слова о нашем общем "завтра", теперь вел себя сдержанно и не бросался громкими фразами.

— Ну, сама подумай, что ты говоришь... — сказал он мягко, протянув руку. Наверное, хотел обнять.

— Не трогай! — отскочила от него. — Да, я слепая! А еще плохо соображаю! Всё хуже, чем было раньше! — выкрикивала, и меня мелко трясло. — Ты не пришел в стационар, не приехал в Моццо, не звонил!

Ты был нужен мне! И сейчас не менее нужен и важен.

— Почему? Потому что я не стану прежней? — голос дрожал, всхлипы раздирали горло. — Так бы сразу и сказал свое "адъёс"! Не бойся, меня теперь ничем не ушибешь. Доктор заверил, мне любой стресс нипочем. Но зачем обманывать?

— Я не обманывал.

— Да-да-да. Придумывал всякие поводы, чтобы не встречаться. А знаешь, что? Забирайка назад свое обещание! Я думала, оно что-то значит, — потрясла рукой с кольцом, — а это политика, да? Выгодная сделка. На время, пока удобно. А как станет неудобно, всегда можно переиграть и осчастливить более достойную. А что прикажете мне делать? Ах да, быть премного благодарной за оказанное внимание. Мне ведь тоже перепало от барских щедрот. Так что буду молчать и при случае низко кланяться. Пешка стоит на нужной клетке и не мешает крупным фигурам.

Мэл молчал, сведя брови. Не оправдывался горячо и не объяснял, что произошло недоразумение.

— Я... — начал неуверенно.

— Папена! — В двери стояла проректриса. — Следуйте за мной. А вы, Егор, будьте добры, подождите.

Разговора не получилось, как и красивой сказки. Наверное, за мной приехали рассвирепевшие телохранители.

Царица препроводила меня в ректорат.

Институтское руководство занимало приличный угол на полуторном административном этаже, левее родного деканата. Основательная табличка, солидная дверь без финтифлюшек, за ней — просторная приемная с диваном и креслами для посетителей. Из приемной налево — хоромы ректора, направо — обиталище проректора по науке, то бишь Евстигневых Ромельевны Цар.

Миловидная секретарша оторвалась от печатанья на машинке и поздоровалась с вежливой улыбкой.

Кабинет проректрисы, отделанный деревом, совмещал деловой стиль и уют. Шкафы вдоль стен, на открытых полках — безупречные стопки книг и папки, расставленные по высоте корешков. Безукоризненно чистый, незахламленный стол. Идеальный порядок, при котором каждая вещь — на своем месте. Недаром хозяйка — женщина с волевым характером.

— Присаживайтесь. Хотите чаю?

Вопрос поставил в тупик. Я нервничала, ожидая, что в любое мгновение откроется дверь, и войдут охранники. Или Мелёшин-старший. Или отец. Или Рубля.

— Бойтесь, что отравлю?

— Нет, — ответила я дерганно.

— Прекрасно. Ваша смелость достойна уважения, — похвалила проректриса. — И прошу прощения. Знаю, для вас эта тема болезненна. Впрочем, как и для всех нас. Случай на фуршете поставил институт на колени.

Она решила, что меня напугало приглашение в логово злодеев. Ведь убийцу до сих пор не нашли. Однако, несмотря на неприязнь к Царице, я ни на секунду не усомнилась в её порядочности.

Евстигнева Ромельевна нажала кнопку громкоговорящей связи.

— Юля, будьте любезны, организуйте чай.

Великолепная женщина, привыкшая командовать, — подумала я, глядя на королевскую посадку головы, прямую осанку и манеры с долей надменности. По сравнению с отцовской душевностью декана учтивая обходительность Царицы казалась холодной, протокольной.

Мы сидели друг напротив друга, и меня тяготило присутствие проректрисы. Доселе она относилась ко мне с прохладцей, можно сказать, с равнодушием. Терпела и покрывала,

невольню вступив в сговор со Стопятнадцатым. Евстигнева Ромельевна знала мою тайну, которая перестала быть тайной, но молчала.

— Почему вы здесь? Вы должны проходить оздоровительное лечение.

— Я прохожу, — отозвалась уныло. — Не знаю, зачем здесь. Нужно возвращаться.

— Ваши претензии к Егору мелочны и эгоистичны, — сказала вдруг Царица. — Вы ведете себя как ребенок, не удосужившись вникнуть в причины.

— Как вникнуть, если он не хочет объяснять? — воскликнула я и с опозданием смутилась: — Значит, вы слышали?

— Невольню. И боюсь, Егор не станет рассказывать.

— Но почему?

Деликатно постучав, вошла секретарша и расставила на столике чашки и заварочный чайник.

— Попробуйте. Это отличный чай. Его привозят по специальному заказу.

— Спасибо.

Проректриса неторопливо разлила горячий напиток, и по комнате поплыл дразнящий аромат. Сделав аккуратный глоток, женщина отставила чашку.

— Я заметила странную тенденцию. Вы пришли к нам недавно, по переводу из другого ВУЗа. С тех пор на институт валятся бедствия — одно за другим, и во всех прямо или косвенно задействованы вы, — сказала она задумчиво.

— Хотите сказать, специально их подстраиваю? — вскочила я, возмущившись.

— Нет. Возможно, это стечение обстоятельств, но беды ходят за вами, причем они задевают и других.

Обвиняющее предположение Царицы выбило пробку, и слова полились потоком:

— Выходит, я виновата, что Касторский избил меня? Надо было не провоцировать его, а прятаться по углам, так, что ли? И моя вина в том, что эту компанию понесло к горну. Легко же вы нашли козла отпущения в чужих поступках! Обвините еще и в пожаре в столовой. Я устроила поджог, больше некому! А в гибели Радика виновата, признаю. И в том, что та девчонка стала бабочкой — тоже виновата. А еще вела себя вызывающе на фуршете, и поэтому меня отравили, да? Сидела бы тихо в уголке, и глядишь, не подсыпали бы яд в шампанское.

— Подлили.

— Что?

— Гиперацин применяется в жидкой растворимой форме, — спокойно пояснила женщина.

— Хорошо, яд подлили, и я в этом виновата. Интересная у вас логика. Давайте, валите в кучу.

— Меня как руководителя института заботит здоровая атмосфера в учреждении, отсутствие конфликтов в коллективе и недопущение ЧП, — ответила проректриса. — Я не обвиняю, а высказываю свое... свои ассоциации. Они сугубо индивидуальны. К сожалению, несчастья, имевшие место, не закономерны и не подчиняются какой-либо логике. Возможно, я ошибаюсь, но одной из причин, привлечших неприятности, видится ваше эмоциональное состояние, которое опять нестабильно. Поэтому важно, чтобы вы сейчас успокоились и выслушали меня как женщина женщину...

Надо же. После ушата подозрений со мной хотят пошептаться как лучшие подруги. Не пойдет. Не хочу.

Я взялась за ручку двери.

— Не натворите ошибок, о которых потом пожалеете, — сказала вслед Царица. — Прежде всего, потому что Егор никогда не расскажет о том, что произошло, пока вы находились в коме.

— Почему?

— Потому что... когда-нибудь вы поймете сами.

Еще одна подколка. Да уж, когда-нибудь пойму, если умишко прибавится. И на том спасибо.

— Откуда вам известно, что случилось в стационаре? И разве что-нибудь происходило? — поинтересовалась я пренебрежительно. Кроме того, что меня держали под реанимационным колпаком, не происходило ничего особенного. Разве что Мэл пропал и не объявлялся, пока я не вспомнила о нем.

Женщина неторопливо отпила из чашки.

— Из-за вашей враждебности у нас не получится разговора. Обычно я придерживаюсь принципа невмешательства в личные отношения, но в данном случае... Благодарю за неоценимую помощь при ликвидации последствий неудачного эксперимента и надеюсь, нам все-таки удастся побеседовать.

Иными словами, проректриса завуалировано поблагодарила за поимку крылатика в порушенной лаборатории и, чувствуя себя обязанной, решила излить душу. Не стоит. Я помогала не за долг и не за хорошие отметки.

— После происшествия на фуршете администрация института организовала ночное дежурство, потому что вечером парадные двери и ворота закрываются изнутри в силу установленных на замках заклинаний. Дежурили поочередно: ректор, я, деканы, профессор Вулфу... Поэтому мне известно немного, но достаточное, чтобы сделать определенные выводы, и я хочу поделиться ими.

Поджав губы, я села в кресло. Спасибо, что выбрали меня и осчастлививаете своими умозаключениями.

— Не удивляйтесь, но начну, пожалуй, с притчи о любви. О чувстве с большой буквы, способном на самопожертвование и всепрощение, а не о суррогате, которым ошибочно называют одну из разновидностей эгоизма. Я — человек с достаточной долей циничности и не верю в существование светлого всепоглощающего чувства, но это не означает, что его нет. Героиня притчи — женщина, которая любила и была любима. Но любой огонь нужно поддерживать, побрасывая дрова в очаг. Любя, женщина была слепа и не заметила, что огонь потух. Она продолжала любить, а её — нет. Любовь мужчины ушла вместе с ним к сопернице. И он был счастлив, обретя второе дыхание...

— Значит, мужчина не любил так же сильно, как она! — прервала я. — Если бы любил, то не предал её.

— Возможно, но речь не о нем. Женщина сгорала от ревности, но продолжала верить, что когда-нибудь мужчина вернется. Сколь огромна и необъятна была ее любовь, столь велико отчаяние. И однажды, не в силах терпеть сердечную муку, женщина взмолилась: "Сделаю что угодно, лишь бы он снова был рядом". И едва произнесла эти слова, как в дверь постучали. На пороге стояла сгорбленная старуха. "Помогу тебе. Нашлю на соперницу и её нерожденного ребенка смертельное проклятие. Твой мужчина вернется". "А будет ли он любить, как прежде?" — воскликнула женщина. "Да. Он забудет о другой" — ответила гостя. Задумалась женщина. У нее появился шанс вернуть любимого ценой жизни

разлучницы. Но неродившийся ребенок был частичкой её мужчины. Тот мечтал о детях, а женщина так и не смогла подарить ему малыша. "Ты согласна?" — спросила старуха.

Рассказчица замолчала.

Молчала и я. В моем воображении Мэл ушел к другой, а я стояла перед выбором: отпустить его или бороться любыми способами, включая устранение соперницы. День за днем просыпаться в пустой холодной постели, зная, что Мэл счастлив. Если судьба уготовила развести нас в разные стороны, хватило бы моей любви, чтобы радоваться его счастью? Или я решусь эгоистично отобрать у Мэла мечту о ребенке и возьму грех на душу, убив невинное дитя и его мать?

— Не переносите на себя сюжет притчи. Пример несколько неудачен, — сказала Царица. — Смотрите в корень. Цена любви и поступки — хорошие или плохие — которые совершают люди ради неё.

— Что она выбрала? Эта женщина...

— Она прожила жизнь, любя одного человека, — ответила собеседница, так и не внеся ясность а судьбу героини притчи. — Осудить просто, а понять гораздо сложнее. Отставим в сторону вступление, перейдем к главному. К Егору.

Причем здесь Мэл? Не вижу связи между парнем и отвлеченной историей.

— Как я уже сказала, нами было организовано дежурство по кругу. На восьмые сутки пришлась моя очередь, и под утро из стационара поступил сигнал о срочной госпитализации больного. Им оказался Егор. За вашим состоянием следили лучшие специалисты страны, но, к сожалению, хирургов среди них не оказалось, как и соответствующего оборудования.

Я похолодела. Сердце сжалось в нехорошем предчувствии.

— Что произошло?

— Острый аппендицит. Была вызвана машина скорой помощи. Со своей стороны я обеспечила открытие ворот и парадного входа. Егора доставили на каталке, и в последний момент он попросил сопровождать его в больницу, несмотря на присутствие двух врачей. Я поехала, поскольку до автоматической разблокировки дверей и ворот осталось менее получаса. Артёму Константиновичу уже сообщили, и нас ждали в правительственном госпитале. Врачи тщетно допытывались у Егора о предпосылках обострения. По дороге он попросил передать отцу одну вещь. Кинжал в ножнах, который лежал во внутреннем кармане пиджака. Перед тем, как потерять сознание, Егор сказал единственное: "Ашшавара аба*". Эти слова и оружие я передала его отцу в больнице, и Артём Константинович понял, о чем речь, потому что не удивился.

— Кинжал? Для чего? — выдавила я.

— Загадка, как и абракадабра, которую произнес Егор. По возвращению в институт я занялась поисками упоминания об ашшаваре в литературе и прочих источниках. Мне повезло. Мой научный руководитель в свое время плотно занимался изучением редких языческих ритуалов и написал ряд научных трудов по данной тематике... Ему сейчас за девяносто, и он давно отошел от дел, однако согласился проконсультировать... По памяти я восстановила рисунок на рукоятке кинжала и показала своему учителю. Он предположил, с большей долей вероятности, что это жертвенный нож богини Кали — кхадгу. Существует несколько версий того, как выглядел уникальный артефакт. В частности, его изображали в виде серпа или крюка, распарывающего плоть. Но в любом случае, раны, наносимые ножом, долго не затягиваются. Кали, считавшейся темной и разрушительной ипостасью восточного божества, приносили человеческие жертвы, и чем кровавее была церемония, тем

благоклоннее принимала дары богиня. Иногда жертвы мучились несколько дней с раскрытой грудной клеткой и брюшиной при умело сделанных разрезах.

— Меня замутило. Жертвы, кровь, Мэл... При чем здесь он?

— Но зачем? Для чего ему понадобился нож? — спросила я ошарашенно.

— Нож Кали — реликвия, принадлежащая семье Егора. Молодой человек воспользовался им, чтобы провести ритуал сделки со смертью.

— Со смертью? — выдавили онемевшие губы. Услышанное не укладывалось в голове.

— Да. Ашшавара аба — языческий обряд возвращения мертвых или тех, кто близок к тому, чтобы умереть. Знания о нем утеряны, сохранились единичные упоминания — в рукописях или манускриптах, но подробного описания нет. Коротко — суть ашшавары в том, чтобы предложить смерти подарок.

— Но зачем нужен нож?

— С его помощью Егор сделал ритуальные надрезы на запястьях. В артефакте сконцентрирована сила, способная привлечь то, что в нашем понимании называется смертью, а свежая кровь удерживает её интерес. Молодой человек надевал впитывающие эластичные повязки, чтобы не вызывать подозрений.

Слова Царицы ошеломили меня и повергли в ступор.

— Но ведь Мэл... Он мог истечь кровью!

— На самом деле потери невелики, хотя раны не затягиваются и весьма болезненны. Я не в полной мере разобралась с отдельными этапами обряда. Возможно, язычники поили умирающего кровью, возможно, обмазывали губы, чтобы получить поцелуй смерти. Считаю, что в описании упущена важная деталь, но о ней неизвестно.

Уму непостижимо. В рассказе проректрисы меня потрясли, сбив наповал, не способы получения смертельного поцелуя, а решимость и уверенность, с коей Мэл разрезал запястья. И никто — ни Улий Агатович, ни другие врачи, ни медсестры — не заметили повязки на его руках.

— Какой подарок... он предложил?

— Свою жизнь. Вернее, несколько лет, поскольку вы пришли в сознание на шестые сутки. Могу предположить, что каждый день Егор отдавал по году или больше. Произошла стремительная возрастная перестройка организма, который не справился с изменениями. Итогом явился острый аппендицит и последовавшее осложнение в виде перитонита. Оперативное вмешательство и дальнейшее лечение затруднилось тем, что организм отторг препараты с вис-улучшениями. Поэтому выздоровление затянулось. Было назначено консервативное лечение, — рассказывала бесстрастно Царица. — Таким образом, ваше чудесное исцеление — целиком и полностью заслуга Егора. От себя могу добавить, что он действовал по наитию. Не было гарантий, что вы очнетесь и сможете вернуться к нормальной жизни. Обряд ашшавары крайне сомнителен, в нем много черных пятен... Но, как видите, результат налицо. Мы с вами сидим, разговариваем...

И понимаем друг друга.

Каждое слово рассказчицы резало не хуже жертвенного ножа Кали.

Я верила и не могла поверить. Царица — серьезная дама, чтобы устраивать розыгрыши. Такими вещами не шутят.

Выходит, пружина, что вытолкнула меня из небытия и не оставила безмозглой и бессловесной куклой... Это Мэл, это его заслуга. Я могла умереть, но он не позволил. И платил своей жизнью за мою. День за год или больше.

Мэл вытянул меня с того света, но пожертвовал здоровьем.

Боже мой, — спрятала лицо в ладонях. Как смотреть ему в глаза? Я обвинила Мэла. Свысока бросила обещание обратно, как замусоленную тряпку.

— Почему он не сказал? — простонала с отчаянием.

— Возможно, решил, что вы не оцените его поступок.

Оценю ли я? Если бы я могла видеть и говорить, лежа под реанимационным колпаком, то категорически запретила бы Мэлу приближаться ко мне. Я потребовала бы, чтобы его выгнали и не пускали в стационар. Лучше умереть, чем знать, что парень отдает свою жизнь за меня.

Так и скажу ему. Немедленно!

— Постойте! — окликнула меня проректриса. — Прежде чем отругаете Егора за свершенное, поставьте себя на его место. Поймите его. И примите правильное решение... Вас проводить?

Вопрос ударился в захлопнувшуюся дверь.

Приемная пустовала. Видимо, секретарша ушла в столовую на поздний завтрак, упустив шанс лицезреть заплетающуюся походку и потрясенную физиономию дочери министра экономики.

Мэл... Если бы не он, я не сидела бы сейчас на диване, с горящими щеками и ералашем в голове. Я обязана ему жизнью.

Его родители... Их сын попал на операционный стол из-за меня. Их единственный сын...

Если бы не Коготь Дьявола, Мелёшин-старший с наслаждением придушил бы меня. Или нет, заставил бы почувствовать то, что испытал Мэл...

Почему парень не объяснил, почему молчал?

Потому что не надеялся, что пойму. Потому что знал, что никто не поймет. В этом мире не принято жертвовать чем-то, тем более жизнью. И ради кого? Ради слепой, ради дочери каторжанки. Ради тугодумной дурочки, коей я стала...

Мэл прохаживался по коридору возле ректората. Заметил меня и остановился.

Я приблизилась, чтобы изучить его — внимательно и придиричиво. Рядом. В пределах дыхания.

За день — год или больше. Контур лица задубел, возле глаз появились морщинки, над верхней губой чётче обозначилась впадинка. Раздался в плечах, или мне показалось. Другой наклон головы, и смотрит иначе. Раньше горел самоуверенностью и гонором, а теперь стал спокойнее, сдержаннее.

Не парень. Мужчина.

Несмело и осторожно я коснулась его щеки. Шершавая кожа, жесткая щетина. Это ведь Мэл. Немножечко другой. Взрослый. Чем-то похожий на профессора.

Он глядел на меня молча и вдруг, не сдержавшись, обнял. А я прильнула к нему как пиявка. К моей салфеточной половинке. Это о нем мечтало подсознание во снах.

— Я скучала... Очень...

— Ну, почему ты молчал? — Эва поднимает голову и вздыхает: — Надо было объяснить... Сразу же.

Он видит в ее глазах нежность, боль, тревогу и... вину? Последнего Мэл боялся больше всего.

Все-таки проректриса рассказала Эве то, на что ему не хватило решимости. Он не сомневался: Царица — умная женщина, и ей хватило скудных улик, чтобы с живейшим интересом взяться за разгадку шарады. Пропитавшиеся кровью бинты, которые она заметила, держа за руку в машине скорой помощи и ласково уговаривая потерпеть, артефакт, упоминания о котором исчезли в веках, и невнятные слова, произнесенные спекшимися губами.

Хозяйка института — прекрасный дипломат и понимает, что в истории замешаны видные и известные фамилии. Она не станет болтать попусту о своем научном исследовании. Разве что поделилась выводами с Эвой.

Верны ли умозаключения проректрисы? Судя по ошарашенному виду Эвы — да.

Непонятно, что испытывает Мэл. Облегчение? Неловкость? Страх?

Какой вердикт вынесет Эва?

А Царицу стоит поблагодарить за участие.

"Почему ты молчал?"

А что она хотела услышать? "Привет, Эва. Как дела? Между прочим, намерен я спас тебя. Всего-навсего отыграл у смерти".

Что ей сказать? Что мужчина должен излучать непоколебимость и уверенность?

Похоже, его решимость отрезало на операционном столе. И зашивая разрез, хирурги оставили в ране сомнения и страхи, заразившие организм.

Каждый день, едва перевели из реанимации, он порывался позвонить Эве. Хотел услышать ее голос, но ему говорили, что рано. Её состояние нестабильно и необходимо, чтобы оно закрепилось. Волновать нельзя, потрясения — запрещены. И неизвестно, восстановится ли умственная деятельность.

Мэл загадал — если она вспомнит, значит, судьба. Чуть окрепнув, потребовал копии медицинских отчетов за то время, что пропустил. Читал, и сердце выпрыгивало из груди. Эва пришла в себя и первое, что сказала: "Мэл".

Каждый день, каждую минуту он боялся, что не смог, что опоздал. Что хромоногий оказался прав, и её ждет растительное существование. И едва не закричал от радости, услышав голос Эвы в телефоне, но сдержался невероятным усилием воли.

Вспомнила и позвонила. Мэл примчался бы к ней, не задумываясь, но боялся напугать. Страшный был как черт — худой, голос севший и сиплый, синяки под глазами, шов гноился, не желая зарастать. Да и порезы на руках тяжело заживали из-за несовместимости висорики с языческим обрядом. Организм отторгал попытки ускорить выздоровление с помощью волн. Древняя магия смеялась над смертными, возомнившими себя богами.

В каждом отчете сообщалось: пациентка стремительно наверстывает потерянное. Значит, оно того стоило. Когда Мэл приехал к двоюродному деду, тот поначалу отказал.

— Бездействие — тоже вред, — сказал Мэл. — Коготь Дьявола тебя накажет.

И Георгий Мелёшин отдал нож, дав клятву о молчании.

Что сказать Эве? Что в детстве, увлекаясь, как все мальчишки, загадочными и страшными историями, будоражащими воображение, Мэл мечтал об опасных приключениях, о подвигах, о кладях. Утоляя информационный голод, он перерыл семейную библиотеку в поисках интересных и увлекательных книг, каждый раз погружаясь в чтение с головой.

— Пропал в другом мире, — шутил дед, сообщая родителям по телефону. — Ждите через три дня. Или через неделю.

Помимо книг попадались интересные вещицы в деревянных или металлических

ящичках — бляхи, свитки, глиняные таблички с непонятными иероглифами. Мэл спрашивал — дед рассказывал. О забытых обрядах, веру в которые люди давно утеряли. О жизни в параллельных мирах — наяву и во сне — да так, что с легкостью запутываешься, какой из них реален. О ритуалах, способных повернуть время вспять и могущих возратить мертвых к жизни. Мэл даже запомнил знак, нарисованный в одном из манускриптов.

— Человеческая кожа и кровь юной девственницы, — пояснил дед. — Отличная выделка.

И пришла пора, когда хорошая память пригодилась Мелёшину-младшему. В первый момент, когда губы спящей окрасились темно-карминовым, а на лбу и щеках расцвел кровавый узор, Мэл испугался, что перепутал расположение дуг и точек. Он не знал, что говорить и что делать дальше, как вдруг следы начали исчезать, словно по волшебству. Смерть оставила поцелуй, заинтересовавшись подарком. Каждый вечер, едва спадал поток врачей и консультантов, Мэл запирался в стационаре и раскрашивал лицо Эвы кровавым рисунком. И смерть стала третьей в игре. Как надолго затянется развлечение? Прервется сегодня, или прежде Мэл отдаст свою жизнь?

Он скрывал. Да, устал немного. Да, он отдыхает и не пускает здоровье на самотек. Езжай, батя, всё в порядке.

Никто не догадался. Ни отец, ни Влашек, ни доктора. А по телефону и вовсе не увидишь бинты на запястьях.

Руки болели. Надрезы были неглубоки, но смерть словно присосалась к источнику, слизывая каплю за каплей.

Он звал Эву, требовал, приказывал. На третий день отчаялся, решив вдруг, что бесполезно пытаться. Что артефакт — фальшивка, а заклинание — мишура. Что бестолково и напрасно.

Мэл забыл: чтобы раскрутился маховик, требуется время. Людешкам нужно всё и сразу, а сеть истинного колдовства плетется долго. Сложнейшая, ювелирная магия, способная воскресить мертвого, и подавно нетороплива. Быстро лишь в сказках некроманты оживляют трупы.

Прошло пять дней, прежде чем Мэл понял — что-то в нем изменилось Неуловимо — в теле, в мироощущении, в восприятии. Не успел толком распознать, как его скрутил приступ острой боли. Позже, уже в палате госпиталя, он часто задумывался над тем, почему не почувствовал присутствие смерти в стационаре. Не шевельнулись волосы на затылке, не охватил беспричинный страх, не привиделась тень с косою, нависшая над реанимационным колпаком. Что есть смерть? Что она такое?

О чем еще сказать Эве? О том, что он боялся приближающегося полнолуния?

И чем меньше оставалось дней, тем важнее для Мэла были телефонные признания. Она скучает. Она рада слышать. Она хочет увидеться...

Мэл боялся, что кто-нибудь из ужасно умных специалистов и врачей догадается о полиморфной природе пациентки. Ведь в результатах анализов, упоминаемых в ежедневных отчетах, регулярно проскакивала фраза: "ли-эритроциты — следы". Следы — это сотые или тысячные доли процента. Мусор. Мелочь, недостойная внимания, но хороший ученый давно бы заметил постоянство состава крови.

Наверное, не обращали внимания, посчитав парадоксом, чтобы при практически нулевом количестве чужеродной примеси в крови пациентка обладала признаками вида, несовместимого с человеческим.

Мэл молчал, перекрестив пальцы на удачу. Узнай кто-нибудь о необычной сущности Эвы, и её сразу бы упекли в закрытую лабораторию как редкостного зверька. Тот же Рубля даст высочайшее согласие ради науки и произнесет патетическую речь о гражданском долге, которого ожидает отчизна от Эвы. Из нее извлекут генные цепочки, прополощут в тазике и повесят сушиться. Её разберут на кусочки и заново сложат, как пазл, или начнут скрещивать с нечеловеками, добиваясь положительных результатов. О гуманности отечественной науки Мэл знал не понаслышке. Бывая в лабораториях, курируемых зятем, он кое-что повидал.

Что не заметили — полдела, а дело — впереди. Эва — полиморф, и луна потянула её к тому, кто предназначен. Мэл догадался, с кем ему бесполезно тягаться. Хромоногий с нескрываемой нежностью и тревогой следил за принцессой, спящей в хрустальном гробу. Обет на крови обернулся связью для обоих. Мэл читал о постоянстве и нерушимости таких пар. Не в ближайшее полнолуние, так в следующее луна позовет за собой, и Эву не удержать ничем. Природа возьмет своё.

Он говорил Эве, что лечится, и не покривил душой. Каждый день Мэл приезжал в госпиталь, где над шрамами трудились лучшие доктора и специалисты по висорике, ускоряя заживление, пробивая силу тёмного артефакта. Дед высказался оптимистично:

— Хватит киснуть как муха в квасе. Жизнь не замерла на месте. Шевелись-ка.

И Мэл пошел в институт. Приятели, конечно, заметили изменения в облике, но списали на болезнь, подхваченную на заграничном курорте, и посмеивались, пошленько подмигивая, мол, что за зараза прилепилась, которая свалила здорового парня с ног? Лишь друзья знали об операции, но о подоплеке Мэл умолчал.

Тянулись бессонные ночи, изматывающие сомнениями. Круглый желтый фонарь издевался с небес, возвестив о наступившем полнолунии. Мэл измучился неизвестностью, и когда Эва позвонила, не утерпел, задав главный вопрос. Разве символистик не с ней?

Не с ней.

Он бросился на кафедру материальных процессов.

— Вы здесь? — растерялся, столкнувшись в дверях с профессором. — Я думал, вы в Моццо.

Тот смерил Мэла холодным взглядом.

— Я думал, вы в Моццо, — точь-в-точь повторил его слова, выделив насмешливо "вы".

И Мэл понял: ему уступают дорогу, хотя показное равнодушие далось символистику нелегко. "Хватай, пока есть возможность, — читалось в вертикальных зрачках хромоногого. — Моя доброта не беспредельна".

Он бросил всё, сел за руль и рванул по трассе, потому что выпрыгнул бы из поезда на ходу, не дотерпев до курорта. Дорога всегда была лучшим лекарем и релаксантом.

На крутом повороте Мэл вдруг осознал, почему символистик отошел в сторону. Хромоногий предвидел: они оба — и Мэл, и Вулфу — не успокоятся до тех пор, пока не перетянут канат на свою сторону, любыми способами и средствами, и пока не разорвут его, следуя принципу: "так не доставайся же никому".

Он не видел Эву тысячу долгих лет. Изменилась ли она? Наверное, похудела, и аппетит ни к черту. По телефонному разговору непонятно, понравился ли ей Моццо.

А приехав, Мэл увидел её и сбежал, испугавшись встречи. Не решился сказать, что стоит рядом, в двух шагах. Заранее заготовленные слова испарились. "Здравствуй, Эва. Как дела. Между прочим, я спас тебя от смерти, но это мелочи. Не обращай внимания". Зациклило, чтоб его. Можно бы и промолчать, но как объяснить бинты на руках и длинную полосу

лейкопластыря, закрывающую уродливый красный шрам? А объяснять пришлось бы, ибо по лицу Эвы читалось, что она настроена решительно.

Она стояла на тротуаре, оглядываясь по сторонам, а Мэл так и не опустил стекло машины. А потом до позднего вечера ждал в электромобиле перед воротами лечебницы, поклявшись: если Эва появится, надумав прогуляться перед сном, он выскажет всё, что накопилось за эти дни. Так и уехал ни с чем в столицу.

О чем еще сказать Эве? О разговоре родителей?

Мать с отцом думали, что их сын не отошел от наркоза, а он слышал и даже осмысливал, хотя не мог пошевелить ни пальцем, ни языком.

— Лучше бы она умерла сразу... Для всех лучше... — произнес женский голос с надрывом.

Никто не спорит. Мэл попереживал бы, но со временем смирился с потерей. И Влашеку хорошо, и Мелёшиным. Проблемы разрешились бы махом, отойди в мир иной одна маленькая девчонка, осложнившая жизнь многим. Слепая, бесперспективная. Скандал в благородном семействе с давними традициями.

Мэл закрыл бы глаза от внезапной боли, полоснувшей по сердцу, но они и так закрыты. Мама, его добрая советчица с житейской мудростью и женской интуицией, поддерживающая всегда и во всем, сказала ТАКОЕ.

— Девочек — как собак нерезаных, а сын — один. Если из-за каждой дырки будет бросаться в омут с головой, то долго не протянет. Ответственность его погубит, — согласился мужской голос. Отец.

Нужно относиться проще к трагедиям. Эка невидаль! Сегодня — одна кандидатка на фамилию, завтра — другая.

— Она не оценит. Егор вернул её с того света, а девчонка вместо благодарности будет перед ним хвостом вертеть и веревки вить. Не смогу принять её... Чуть не убила моего мальчика... — заплакала мать.

Мэл не хочет, чтобы из него создавали героя и спекулировали, разжигая интерес толпы. Придя в сознание, он потребовал от отца убрать любые упоминания о себе в прессе, поэтому о случившемся знают единицы причастных.

Мэл сделал, что хотел, и не пожалел ни о чем. Он уверен: Эва оценит и поймет, но не примет. Она заговорит о долге и предложит себя из чувства вины. Она будет потакать и станет исполнять капризы по нужде, а не от сердца. У неё есть принципы, но она отречется о них. Забудет о пацане, который струсил и выпрыгнул из окна. Нет, Мэлу нужно, чтобы Эва осталась прежней. Чтобы обижалась, упрячилась и огрызалась.

Мать, навещая в госпиталь, сказала как-то:

— Сдурел?! Мама плачет, отец потерял сон.

Мэл отвернул голову к окну, а сестра вздохнула завистливо:

— Я бы тоже хотела, чтобы из-за меня совершали красивые поступки. Рыцарские.

Глупая и жестокая. Потому что не любила.

Разве согласилась бы она, чтобы любимый человек отдал жизнь за нее? Разве допустила бы, чтобы хоть один волосок упал с его головы? Любя, она умерла бы ради него.

Поэтому Мэл знал, что Эва обязательно выскажет ему и отругает.

Выписавшись из госпиталя, он заехал к родителям и вернул ключи от квартиры и от "Эклипса", выложил на стол кредитки. Единственное, с чем не смог расстаться — это с "Турбой", которую забрал из ремонта накануне последнего экзамена.

Мать догадалась, что он слышал разговор в реанимации. Побледнев, опустила глаза и сказала вполголоса:

— Прости... Когда-нибудь у тебя будет ребенок, и ты поймешь меня...

Когда Эва появилась на лекции, он решил, что начались галлюцинации от недосыпания. Но мираж оказался более чем реальным — с надеждой и мольбой в глазах, но вскоре нахохлился и поджал упрямо губы. Эвкина вредность, дохнувшая с крайнего ряда, всколыхнула застоявшуюся муть сомнений и неуверенности. Забыв о колебаниях, Мэл вознамерился наподдавать ей за смелость, граничащую с безумством, чтобы потом прижать к себе и не отпустить.

Она приехала в столицу. С кем? Где охрана? Как ей удалось?

"Эва в институте, на лекции" — отправил сообщение отцу.

Красный шарик на экране мигнул, известив, что адресат получил послание.

Может, сказать Эве, что он сломал голову над тем, кому выгодна смерть дочери министра экономики? Кто бы ни оказался исполнителем, очевидно, что заказчик сидит в верхах, — пояснил отец, приоткрыв завесу расследования. А это означает, что Эва не будет в безопасности до тех пор, пока её имя перекликается с фамилией Мелёшиных.

Символистик оказался прав. Покушение стало первой ласточкой и предупреждением анонимов, недовольных складывающимся политическим альянсом. Отец уже начал реорганизацию вверенных департаментов и формирование обновленной команды. Не сегодня-завтра он станет единоличным куратором правосудия при поддержке новой программы экономического развития, разработанной Влашеком.

Эва верно сказала: "Я — пешка среди ферзей и королей". Как уберечь её в рокировках и при размене фигур? Настойчивость Мэла чуть не убила Эву на фуршете. Как не допустить повторения?

Решение созрело мгновенно. Он уже открыл рот, чтобы подтвердить: "Я врал. Наши отношения были подстроены от начала до конца", но помешала случайность. Царица.

"Обождите" — обронила ему.

Мэл доверял проректрисе. Она не сделает Эве худого. Но все же спокойнее ожидать у ректората, отвлекаясь на разные телефонные разговоры.

— Где она? — поинтересовался нейтрально отец.

— Со мной, — солгал Мэл. — Дай пятнадцать минут.

— Десять. Потом она вернется в Моццо. Убеди, что ей не причинят вреда.

Мэл хорошо изучил родителя. Тот сдрейфил, не став сообщать о побеге дочери Влашека с элитного курорта, потому что доверенные псы из особого подразделения опозорились, профукав подопечную. Произойди малейшая утечка информации, и над дэпами* посмеется тот же Рубля, не говоря о членах правительства, а в газетах появятся соответствующие карикатуры. Что ни говори, а выходка Эвы — плохой старт для руководителя объединенных департаментов. Ему не нужны проколы на начальном этапе. Мелёшин-старший постарается вернуть пропажу на место как можно скорее и без лишнего шума.

Мэл улыбнулся. Надо же, Эва умудрилась проскользнуть мышкой мимо асов слезки и не побоялась вернуться в институт, чтобы потрясти его, Мэла, за шкуру. Она не перестает удивлять и доводить его до нервного заикания.

Черт возьми, наверное, Мэл пребывал в каком-то летаргическом сне, додумавшись до того, чтобы своими руками изнахратить всё, чего добивался правдами и неправдами. Должно быть, он спятил. Еще миг, и бесповоротно испортил бы будущее — своё и Эвы.

Но об этом ей не нужно знать, как и о многом другом. Она не должна сомневаться в своем мужчине.

Эва прижимается к нему и дрожит телом. Он вдыхает запах ее волос. Клубника со сливками.

— Мэл... Егор... — поднимает голову, а в глазах стоят слезы. — Я слепая... Для всех...

— Это неважно, — говорит он мягко.

— Я с побережья...

— Не имеет значения.

— И не очень хорошо соображаю. Голова работает с трудом. Но я вылечусь! — заверяет с жаром, цепляясь за рукава джемпера.

— Знаю...

— Помнишь, я сказала, что нет причины, из-за которой можно снять...

Еще бы не помнить. Её слова и уничижительный взгляд он запомнил на всю жизнь.

Эва оттягивает ворот кофточки и снимает с натугой браслет с предплечья, вручая ему дефенсор*.

— Вот... Мэл. Я... люблю тебя! — выпаливает и зажмуривается. — Люблю! — повторяет с отчаянием.

В ладони Мэла оказывается непримечательный черный пластмассовый браслет с серебристыми прослойками металла и с выбитым номером на торце.

Искушение на грани. Биография Эвы, её прошлое и настоящее открыты ему. Ее детство и юность, друзья и недруги, родственники... Запутанная история с символистиком... Тот, кто стал первым... Мэл может прочитать каждый её день и каждый шаг, если пожелает.

Должно быть, Эва сошла с ума, предлагая ему этот дар.

— Надень немедленно! — оглядывается он по сторонам. Нет ли поблизости посторонних?

Коридор пуст. Через две минуты — звонок.

Некоторое время они борются. Мэл пытается вернуть дефенсор обратно, а Эва сопротивляется.

— Надень, пожалуйста! — взмолился Мэл. — Ты доконаешь меня, Эва.

Она не обижается и позволяет надеть браслет, а потом снова прилепляется к нему крепче самого стойкого клея. Морщинки собираются на лбу, когда Эва вспоминает нечто важное и серьезное.

— Если когда-нибудь надоем тебе, скажи. Я отпущу, — говорит она тихо.

— Сдашься? — сощуривается Мэл. Вопрос звучит насмешливо.

У Эвы дрожат губы:

— Я люблю тебя...

Кажется, она готова разреветься. Еще чего не хватало.

Самое время для поцелуя, от которого у нее отнимаются ноги, и кружится голова.

Как в сказке.

guli*, гули (перевод с новолат.) — подавишься

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

Ашшавара аба — поцелуй смерти

Удивительно, на что способна женщина в стремлении добиться своего. Если она что-то замыслила, то не нытьем, так катаньем получит желаемое, используя самые изощренные методы. Не найти существа хитрее и прозорливее, чем особа слабого пола.

До меня быстро дошло, что пугает окружающих. Мои слезы.

Пережидая звонок в приемной деканата, я вцепилась в Мэла железной хваткой. Не отпущу, — отрицательно мотала головой на его уговоры и убеждения о том, что нужно вернуться в Моццо.

— Буду приезжать. И звонить буду, — пообещал Мэл.

Не будешь. Мне по уши хватило пары скучных и коротких звонков в стационаре. Без тебя никуда не поеду, и увлажнившиеся глаза — тому подтверждение.

Мэл потер озадаченно лоб.

— Эва, нужно ехать. Если не вернешься, то охранников накажут, — попробовал надавить на жалость и сознательность.

— Вернусь, но с тобой.

— Нельзя, Эва. Ты лечишься там, я — здесь.

— Ну и что? — заявила упрямо. — Будешь лечиться вместе со мной. Какая разница?

— Это не так просто организовать. Нужно увязать с департаментом образования, с институтом, с врачами...

— Позвоню отцу, и он уладит, — не отступала я. Не представляю, каким будет разговор с родителем, но если Мэл не проникнется пониманием, наберу заветные девять цифр. Дочурка, не пожелавшая видеть папу в стационаре, позвонит и потребует, чтобы её... кто?... жених? мужчина?... поехал в Моццо. — А если не захочет уладить, то в моем состоянии начнется регресс.

Сказала и всхлипнула. Знаю, некрасивый шантаж, но нехорошесть поступка меркла перед фактом одинокого возвращения на курорт. Месяц вдали от Мэла и встречи урывками категорически меня не устраивали.

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — Пошли.

Безлюдными коридорами мы спустились в холл, и я млела, когда Егор помогал мне надеть шубку и открыл парадную дверь. На крыльце дожидалось пятеро рослых мужчин в черных костюмах, а за воротами пытели выхлопами большие тонированные машины дэпов*, замершие на низком старте. О, нет, не поеду без Мэла, — вцепилась в него, тормозя ногами. Однако он повел меня не по аллее, а к общежитию, и молчаливые чернокостюмники разделились, идя впереди и прикрывая наши спины сзади.

В общежитии Мэл проводил меня не в швабровку, а на четвертый этаж. На четвертый?! Туда, где живет институтская элита, не считая столичных принцев и принцесс?! Если уж место обитания Вивы казалось чудесной сказкой, то при виде убранства последнего этажа у меня округлились от удивления глаза. Стены, выкрашенные в нежный кремовый цвет вместо вездесущей голубой краски, набившей оскомину, ковры, живые растения в горшках и кадках, крепкие двери, плафоны, ни одной разбитой или выкрученной лампочки.

Дяденьки, сопровождавшие нас, проверили коридор на наличие опасных подозрительностей, и Мэл распахнул передо мной дверь с табличкой "аз есмь".

— Последний жилец любил пошутить. Проходи, — улыбнулся, приглашая. — Осваивайся, я скоро вернусь.

О-бал-деть. Разве в общежитии можно так жить? Несправедливо. Почему некоторые прозябают в швабровках, пусть и единолично, а избранным счастливицам выделяют по

непонятной причине две огромных комнаты, санузел и кухню?

Окна выходят на парк, и через голые ветви видны крыши квартала невидящих. Наверное, летом снаружи бушует зеленое море. И вообще, в комнатах светло, несмотря на хмурающееся небо, и чистенько. Обои в желтый цветочек, безупречно белые и ровные потолки, нескрипучие паркетные полы. И еще пусто. В углу — раскрытая спортивная сумка. Из мебели — полуторная панцирная кровать, выставленная как роскошное ложе, на середину дальней комнаты. На точно такой же кровати в ночь перед фуршетом я не сомкнула глаз. При воспоминании о том, что мы... что я вытворяла, мне стало жарко.

И всё. Ни стола, ни шкафа, ни крючков, куда вешают одежду, поэтому шубка брошена на спинку кровати. О, пардон, на кухне бесшумно работает знакомый двухдверный холодильник, а на подоконнике кружка с недопитым кофе и знакомая кофеварка. Шнур от неё тянется через помещение к розетке. Кстати, хорошие здесь подоконники: широкие, и из окон не дует.

В холодильнике негусто, а точнее, шаром покати. Содержимое успели основательно подчистить.

Меня начали терзать смутные сомнения. При кажущейся скудности улики подозрения витали в воздухе, но взбудораженность мешала сосредоточиться.

Стукнула дверь, и в проеме появился Мэл. Оперся о косяк.

— Как тебе?

— Это... издевательство! Внизу люди жмутся друг к другу, а здесь жируют набобы! — выдала я революционную пламенную речь. — То есть... А причем здесь ты?... Это твоё жильё?!

— С некоторых пор.

— Но почему? — заглянула в душевую. Простенько, но мило. — Зачем? А квартира?

— Ну-у... я думал, тебе там не нравится. А в общежитии как-то... всё по-другому. Проще. И ты рядом. Не нужно мотаться по городу туда-сюда.

В слова Мэла верилось с трудом. Столичный принц, брезгливый и привыкший к стерильности, вдруг променял квартиру в приличном районе на задрипанное институтское общежитие. Хотя хоромы на четвертом этаже не назовешь замызганной кладовкой. Слив унитаза работает, вентили исправные, да и вода из крана пахнет водой, а не канализацией.

— Неужели правда? — обняла я Мэла.

— Правда. Буду ходить в гости к тебе, а ты — ко мне.

Я растерялась.

— Но... мне казалось... Не хочу в гости. Хочу с тобой, — заглянула с мольбой в его глаза. — Можно?

Мэл хмыкнул:

— Нужно.

Мы лежали в кровати, не раздевшись, безо всяких намеков и всего такого. Привыкали друг к другу. И теснота мне нравилась. Мэл близко. Он теплый и родной. Здорово чувствовать его и заново вспоминать.

— Не поеду без тебя ни в какое Моццо, — заявила, изучая его ладони и нащупывая мозольки.

— Вопрос решается. Поедем вместе.

От обилия чувств я прижалась к Мэлу.

— А как ты заполучил комнату? Наверное, предложил тётке-вехотке обмен на свою

квартиру.

Он рассмеялся.

— Меркантильная моя... С комендантшей можно найти общий язык. Мы обсудили последние новости из жизни кинозвезд, я пообещал пару автографов — и вуаля. Ты так и не сказала, нравится ли тебе здесь.

— Ага. Очень. Вообще-то Рубля велел компенсировать аренду за любое помещение, пока ко мне не вернутся волны, — хихикнула я и расписала Мэлу содержание указа премьер-министра. — Мы можем выбирать что угодно.

— Нет, — сказал Мэл, сжав губы. — Мы останемся здесь.

Как скажешь, — обвилась вокруг него удавом. И ведь ни одна извилина не удосужилась проанализировать причину резкого ответа и поискать глубинный смысл в словах Егора. В голове помутилось от счастья.

Он тихо ойкнул.

— Ой, пожалуйста, прости! — всполошилась я. — Очень больно?

— Терпимо.

Оказалось, после операции Мэл начал принимать болеутоляющие средства, правда, в сниженной дозировке. Как сказал его лечащий врач, боль — хороший диагностик, и не стоило полностью избавляться от неё.

— Мы продвигаемся вперед. Теперь пью гораздо меньше лекарств и реже, — пояснил Мэл.

Я потребовала показать шрам от аппендицита и порезы на руках, но Мэл отказался. Сказал, нужно смотреть во время перевязок, потому что, развязав сейчас, мы не сумеем туго забинтовать. Мне пришло на ум, что он увиливает и скрывает правду, а на самом деле раны не заживают, и как Мэл ни убеждал, что дело давно пошло на лад ("Эва, я хожу на своих двоих, вожу машину, учусь в институте. Разве это не доказательства?"), я не верила и собралась плакать.

— Кстати, а как ты приехала в город? — спросил он, прищурившись.

Понятно, что перевел разговор в другую сторону, но от неожиданности я забыла, что хотела пореветь. Пришлось доложить ему о Пете и об использованном долге. Услышав, что чемпион встречается с дочкой замминистра финансов, Мэл фыркнул.

— Ты уверена?

— А что? — встревожилась я. Петя в опасности? Столичная хищница готова растерзать скромного домашнего мальчика?

— Ничего. Просто интересно. Она... э-э-э... своеобразная деваха... девушка, — поправился Мэл и посмотрел на меня искоса. Наверное, подумал, брошусь ли спасти Петрушу из когтей светской стервы.

Не брошусь. Не до спортсмена мне. Устраиваю личную жизнь. Кроме того, у него своя голова на плечах.

Тут начались звонки, один за другим, на которые Мэл отвечал односложно и скучно.

— Да... Нет... Понятно... Нет... — взглянул на меня. — Да... Да... Нет...

Что за разговор? Ни подслушать, ни догадаться, о чем речь.

— Хорошо, — сказал Мэл, высвобождая руку, на которой я пристроила голову, и рассоединил вызов. — Вставай. Мы едем в Моццо.

Урррррррааааа!

Путь до курорта в точности повторил путешествие, проделанное в компании Эр, но

теперь рядом со мной сидел Мэл, а его сумка заняла место в багажнике. Сердце пело, и хмурый день расцвечился красками счастья.

Я намертво прилепилась к Мэлу. Прижималась, ластилась. Если замечала, что он случайно отпускал меня, тут же опоясывала его руку вокруг своей талии. Боялась потерять. Боялась, что это сон.

И за ушком целовала, и в щеку, и губы порывалась попробовать на вкус, но Мэл отвечал неохотно из-за охранников, сидящих впереди. Время от времени я ловила взгляды водителя в зеркале заднего вида.

В какой-то момент Мэл устал сдерживаться и нажал кнопку на боковой панели в дверце. Из спинок передних кресел поднялось матовое стекло, и, перегородив салон, отделило наше сиденье.

— Врачи... сказали... повременить... с нагрузками...

— А кто... сказал... что ты... будешь... нагружаться?

Трудно одновременно говорить и целоваться. За время разлуки *bilitere subsensibila** обострилась до предела, и близость Мэла начисто лишила меня соображения, как если бы после годичного трезвенного образа жизни мне предложили отменного коньяка. Частое горячее дыхание опаляло щеку, обжигало шею. Стекла не успевали запотевать, их тут же обдувало струей воздуха из системы климат-контроля. Соску-училась, — слизнула я капельку пота с виска, опьяненная зелеными ободками в глазах Мэла и его приглушенным стоном. Он тоже скучал. Его руки сказали об этом, помогая мне двигаться быстрее. Его губы сказали об этом, прикусив кожу у ключицы. Сладкая боль нетерпения...

За тонированным колпаком мелькали перелески. Скоростной поезд мчался в направлении Моццо, а я обессиленно привалилась к Мэлу — вспотевшая, растрепанная, с расстегнутой кофточкой. Боднула его в подбородок и потерлась щекой о небритость. О, прямо дрожь по телу! Хоть начинай заново.

— Знал, что тебе понравится, — сказал Мэл, погладив зачаточную бородку.

— Очень нравится. Болит? — показала на пластырь, выглядывающий из-за рубахи.

— Нет. Я получил приличную порцию анестезии, — ухмыльнулся Мэл, переведя взгляд на мои губы, и я зарделась.

Надеюсь, машина не сильно раскачивалась. Ведь не спишешь же ритмичную тряску на колыхание поезда, который едет так, будто стоит на месте.

Так мы и прообнимались полураздетые, до приезда в Моццо, и я рассказывала Мэлу, как протекали дни в стационаре. После слов Царицы пребывание в институтском медпункте виделось в другом свете, и мои обиды на невнимание и равнодушие Егора казались теперь мелочными капризами.

— Что это? — Мэл взял прядь моих волос. — Я еще в общежитии заметил, но решил, что показалось. Ты пестрая, как Мак. Не пойму, покрасила волосы?

— Ну да, — поспешила признаться, побоявшись сказать правду.

Хорошо, что к отрастающим волосам вернулся их прежний цвет, но о подкрашивании седины я забыла, понадеявшись на стойкость краски, купленной у Вивы. Никто не заметил, а Мэл умудрился разглядеть три белых волосинки.

— Если хочешь, перекрашусь, как было, — предложила с замиранием сердца.

— Даже не знаю, — перебирал он пряди. — Тебе идет пестрота.

Нет уж, не буду ждать, когда краска слезет, чтобы предстать перед Мэлом молодой старухой. По приезду на курорт обязательно наведу порядок на голове.

А в Моццо случилась загвоздка. До места назначения нас провожали аж четыре машины депов*. Наверное, отец Мэла боялся, что в любой момент я передумаю и опять сбегу. Соответственно, и до правительственной лечебницы подобрался паровозик из пяти электромобилей. Однако Мэл вознамерился ехать в другую сторону, в то время, как мне определили место рядом с незнакомым охранником с бычьей шеей.

Не нужен мне никто. Мэл — прекрасный водитель и довезет, куда требуется.

— Мне надо туда, — показал он на авеню. — Не волнуйся. Будем встречаться, созваниваться.

Где-то я уже слышала эти слова и ни на миг не поверила в их правдивость. Соглашусь, а Мэла незаметно выдворят с курорта, пока меня нет рядом, и отправят в столицу.

— Нет, — вцепилась в него с намернувшимися слезами. — Вместе или никак.

Мой вид говорил достаточно красноречиво, и охранники с кем-то созванивались и чего-то ждали, пока, наконец, не был дан сигнал, и кавалькада мобилей покатила к лечебнице, причем в третьей машинке ехали мы с Мэлом, и я прижималась к нему, поглядывая на отдыхающих. Смотрите, с каким трофеем возвращаюсь обратно! С моим мужчиной.

Вышколенный персонал лечебницы сделал вид, что никто особенный не пропадал этой ночью из охраняемого элитного заведения. Администратор искренне улыбался, здороваясь, и пожал руку Мэлу.

Эр появилась с грузным топотом, чтобы как следует отчихвостить за убитые нервы и посаженное сердце, но увидев мою блаженную физиономию, махнула рукой. Все равно я не прониклась бы нотацией и не раскаялась. Не сегодня.

И опять мне пришлось выдержать бой.

— Я никуда не денусь. У меня комната на третьем этаже, — объяснял Мэл, стоя на пороге "Апельсинной" и пытаюсь высвободить руку из моей хватки. — Будем встречаться...

И созваниваться. Нет уж.

— Эва, здесь приличная здравница. Нас не поймут, — уговаривал он, вытирая мои слезы. — Это сложно. Пожалуйста, не плачь.

В конце концов, Мэл сдался.

— Но только на одну ночь. Рано утром уйду к себе.

Он задержался в "Апельсинной" на все время, что мы прожили в Моццо. Ведь когда женщина чего-то хочет, она добивается этого любыми способами.

И мы стали жить во грехе.

Об этом знал персонал лечебницы, и наверняка знали Мелёшин-старший и мой отец, читавшие рапорты и отчеты. Не сомневаюсь, что о возмутительных отношениях судачили высокопоставленные курортники, но никто не тыкал ими в лицо ни Мэлу, ни мне.

Мэл поступил как мужчина. По факту. Ни разу не сказал: "Может, передумаешь?" и не разубеждал в неприличности совместного проживания.

А я... Разве можно считать грехом счастье, переполнявшее меня?

И все же счастье имело привкус вины. Рассказ Царицы, всплывавший в памяти с завидной регулярностью, возвел Мэла на пьедестал героя, не опустившего руки в отчаянной ситуации, когда всем прочим думалось, что выхода нет. Недостатки Егора казались мелочью и меркли перед Поступком, совершенным ради меня.

Я разгадала намек проректрисы, воззвавшей к пониманию. Мэл рискнул вызволить мое сознание из небытия не ради долга, денег или известности. Он не требовал заверений в вечной признательности и слюнявых благодарностей. Он не потерпел бы заискивающего

преклонения и угождения его капризам. Мэл ни разу не обмолвился об ашшаваре* и в разговорах обходил стороной дни, проведенные в стационаре и в госпитале. Определенно, его тяготил нимб, и меньше всего Мэл хотел, чтобы я полировала символ святости, начищая до блеска.

Если бы не характер Мэла, действовавший на меня отрезвляюще, я ослепла бы от света его неординарной личности и скатилась в рабское почитание без собственного мнения. Ибо характер Мэла изменился, но незначительно.

Мэл оказался не таким уж чистюлей и аккуратистом. Он забывал открытым тюбик с зубной пастой или бросал мокрое полотенце в кресло. Или разбрасывал одежду по комнате. Или после душа оставлял коврик в ванной плавающим в луже воды.

Он не любил пенку на молоке, пил кофе строго со сливками и тремя кусочками сахара, ненавидел каши и слушал тяжелый рок. Он оказался "совой" на пару со мной.

И я любила его таким, какой он есть.

Перед тем, как вернуться в столицу, Эр отчитала меня по полной программе за разгильдяйство и равнодушие к людям, оберегавшим мое здоровье и безопасность. Я, конечно же, горячо повинилась, раскаиваясь, и умоляла простить.

— Ну, вот, слезки собираются. Не плачь, — утешила женщина. — Вижу, что искренне переживаешь. Хотя утром я перетрусилась. Захожу, чтобы потрогать лоб, а тебя ни в ванной, ни в туалете нет. Меня сердечными каплями отпаивали. Мальчишки сообщили, куда следует, а потом узнали, что ты в город укатила. Сбежала.

— Прости, — обняла я Эр, представив испуг женщины, обнаружившей на кровати чучело вместо спящего человека. — Больше не сбегу.

— Не сомневаюсь. За своим сокровищем ездила? Не прячь глазоньки. Горят ярче, чем у мартовской кошки. Не пойму, вроде бы тот же парнишка, что в стационаре жил, и вроде бы не тот, — задумалась медсестра. — Правда, недолго ночевал возле тебя. Эм дежурила, когда его в больницу увезли.

— Это он, — кивнула я. — Перенес тяжелую операцию.

— Бедняжка. Надеюсь, будет строжиться над тобой и отучит быть дитём.

Согласна. Пусть воспитывает денно и нощно.

Распроставшись, Эр уехала, передав меня в руки персонала лечебницы.

Чем занимались я и Мэл? Учились быть вместе, узнавали друг друга, проходили реабилитацию. Я — с утра и после обеда, а Мэл — трижды в день.

Помимо лечебных процедур, начатых в стационаре, добавились занятия, развивающие моторику рук. Меня заставляли работать с мелкими деталями: бисером, бусами, элементами конструктора, мозаикой. Я создавала аппликации, лепила из пластилина, пыталась вышивать, плела макраме, собирала разрезанные на кусочки картинки, рисовала карандашами, красками и даже углем.

Меня учили играть на пианино. Сперва предложили выбрать любой из инструментов, и я, поколебавшись, остановила выбор на классике жанра.

Мою память, как и ум, тренировали домашними заданиями: заучиванием наизусть стихотворений и отрывков из текстов, решением математических и логических задач.

Я вырабатывала твердость руки при письме, тренируя каллиграфический почерк. Отдельно ходила на занятия по расширению речевого запаса и оперированию словами, где подбирала рифмы, подыскивала синонимы и антонимы, разгадывала кроссворды и ребусы.

Мне завязывали глаза, давали какой-нибудь предмет и предлагали описать его на ощупь

и угадать. Или заставляли ходить босыми ногами по ножным ваннам, наполненным разными средами: теплой и холодной водой, песком, галькой, щебнем. В вынужденном отсутствии зрения обострялись прочие органы чувств.

Куратор, следивший за реабилитацией, пояснил, что мелкая моторика тесно связана со зрением, памятью, речью, восприятием и вниманием. Чем лучше она развита, тем эффективнее работает нервная система. А еще от развития мелкой моторики зависит скорость реакции на внешние раздражители. Стимулирование же тактильных ощущений способствует быстрой ориентации, помогает абстрактному мышлению, развивает интуицию и чувствительность.

Со мной проводили уроки по психоэмоциональному анализу. Учили слушать себя, своё настроение. Учили медитации, концентрации внимания. Также проводили занятия общего характера: о причинно-следственных связях, о законах логики, о теории случайностей и закономерностей, об эволюции, о пищевых цепочках, о макро- и микромире.

Не сказать, что успехи были сногшибательными. И раньше мои руки не отличались особым умением создавать шедевры, но все же "Чижик-пыжик, где ты был?", сыгранное указательным пальцем, приводило в неопишуемый восторг преподавателя, который, в свою очередь, безостановочно хвалил ученицу, вдохновляя к новым свершениям.

Мэл тоже не скучал. Все-таки он показал мне швы. Это же нонсенс — спать в одной постели с мужчиной и не задаться целью увидеть их.

С большим вниманием я разглядывала розовые бугристые полоски и полумесяцы на запястьях. В каждом из порезов крылся свой смысл, в совокупности заинтересовавший смерть. Шрам внизу живота, ближе к паху выглядел красным и надувшимся. Мэл с неохотой пояснил, что кожа вроде бы срослась, но неведомые силы растягивают её и деформируют, пытаюсь разорвать. Поэтому нужны специальные процедуры, размягчающие рубцы и снимающие натяжение.

Мэл отмокал в ваннах со специальными добавками, и их состав постоянно менялся и дорабатывался. Он ходил на перевязки. Шрамы смазывали особыми мазями, обкалывали расслабляющими препаратами, закрепляли заживление с помощью глубокой обработки лазером и рассасывали рубцы, миллиметр за миллиметром преодолевая силу языческого обряда. Браслеты с рунами стали неизменным атрибутом на руках Мэла. Они оттягивали на себя темное заклятье, ослабляя его действие, и дважды в день их заменяли свежими — настолько велика оказалась мощь древнего ритуала.

На следующий день по приезду на курорт для Мэла доставили спецпосылкой учебники по предметам курса, и он почитывал их, пересказывая мне освоенные параграфы. Не знаю, каким образом Мелёшину-старшему удалось заполучить книги, запрещенные к чтению вне институтских стен, и переправить в Моццо.

Питались мы за тем же столом, который первоначально выделили для меня, неизменно в окружении охранников. Теперь компания телохранителей разрослась, и менялись они чаще. Человек пять или шесть — не упомянуть каждого, да и зачем? Черноглазый и куряга с татуировкой на костяшках не появлялись. Я попросила Мэла походатайствовать перед отцом, чтобы их не наказывали. Они не виноваты в моем побеге.

Мэл помолчал.

— Их послужной список перечеркнут. Провалившихся исключают из особого подразделения. Таковы правила.

— И что теперь делать? — ужаснулась я. — На какие шиши они будут кормить семьи?

— Без работы не останутся, — заверил Мэл. — Разве что потеряют часть льгот и привилегий.

С нами пытались завязать знакомство отдыхающие чинуши с супругами. Пройдя через кордон телохранителей, они здоровались, пожимая руку Мэлу, и одаривали меня вежливыми протокольными комплиментами. Их спутницы мило улыбались, поддакивая, но я вспоминала слова, невольно подслушанные в столовой в первый вечер, и в приветствиях высокопоставленных чиновников остро чувствовала фальшь и искусственность. Претило мне и то, что солидные дяденьки с пузиками чуть ли не сгибались в поклоне передо мной и Мэлом. И ведь элитные курортники знали, что отношения дочери министра и сына руководителя объединенных департаментов далеки от целомудренных, но ртов не открывали.

О нас забыла и пресса. Как-то я захотела почитать, что пишут обо мне и Мэле. Он сказал одному из охранников, и с тех пор в "Апельсинную" каждое утро приносили свежие газеты с пылу, с жару. Журналисты задвинули историю обо мне, как о талисмানে пострадавшего висоратства, на дальний план. Центральное место отводилось обсуждению перемен в политической жизни, и фамилия моего отца фигурировала наравне с Рублей. О Мелёшине-старшем тоже упоминали хвалебно как о дальновидном руководителе, сумевшем искоренить раздраз двух конкурирующих департаментов. Единожды обо мне сообщили скупыми строчками в хрониках: мол, прохожу реабилитацию на курорте, без названия оно.

И все же казусы случались. Непонятным образом меня узнавали на улицах Моццо. Люди с восторженными лицами кидались, чтобы пожать руку, и охранники брали нас с Мэлом в кольцо, отгораживая от навязчивых поклонников.

— Вы мученица! — кричала какая-то тетка, которую телохранители вежливо отталкивали в сторону. — Я молюсь за вас каждый день!

— Фанатики страшны тем, что неуправляемы. Или наоборот, программируемы, — заметил Мэл и каждый раз, выходя за пределы лечебницы, требовал надевать темные очки: не столько из-за яркого солнца, сколько для ощущения защищенности.

Парадокс. Всю жизнь я притворялась висораткой, стараясь не выделяться из толпы, а теперь моя жизнь оказалась достоянием общественности, и невидение мною волн обыватели воспринимали как ниспосланное свыше испытание и проверку на стойкость духа.

Мы развлекались, гуляя по курорту. Однако Мэлу, в отличие от меня, была присуща стремительность. В том же парке "Топиар" он промчался вихрем, не впечатлившись красотами, в то время как я долго любовалась выстриженным лицом человека и водопадом, стекающим с зеленой растопыренной ладони.

Вообще-то в Моццо не практиковали бесплатные развлечения, однако озеро входило в их число. По крайней мере, для курортников из правительственной лечебницы выделили закрытый пляж с отдельным входом.

Мы отдыхали в отдалении, на шезлонгах и под зонтиками, и охранники зорко следили за любопытными. Озеро мне понравилось: большое, берег из мелкой гальки, нагретой на солнце, вода морская и чистейшая, ландшафт берегов оформлен в естественном стиле — с выступами, бережками, небольшими скалами и обрывами. Ведь не очень уютно отдыхать у круглого блюдца.

Мэл презрительно называл озеро лужей и болотом, хотя противоположный берег болотца терялся в дымке. Перед походом на пляж он менял повязки, прилепляя пластырь телесного цвета. Наверное, чувствовал себя неудобно и не хотел привлекать внимания.

Пустого валяния на солнце или под зонтиком Мэл не понимал. Я барахталась у берега, а он заплывал далеко, но делал неторопливые ленивые гребки, соблюдая рекомендации врачей.

Надетый в первый раз купальник вызвал у меня острое желание снять его и никогда не надевать, и вообще, лучше бы просидеть весь месяц в "Апельсинной". Я походила на бледную тощую поганку. Хорошо, что выпирающие как у дистрофика ребра замаскировались под эластичную ткань. А может, худоба казалась надуманной, потому что Мэл подошел сзади, и, обняв, начал нашептывать на ухо разные словечки, от которых мои щеки загорелись.

И все же худосочность, на которую я раньше не обращала пристального внимания, превратилась для меня в навязчивую фобию, поэтому завтраки, обеды и ужины стали обильными и более калорийными. Мэл тоже не сидел на диете, и его аппетиту позавидовал бы любой. Он похудел, отчего плечи выделялись, едва заметно сутулился, реже брился, и выглядел таким вкусняшкой для противоположного пола. Я не раз замечала взгляды женщин, направленные на него с интересом и даже с вызовом, и меня охватывала невообразимая смесь из гордости, что этот мужчина — мой, из жуткой ревности (будь моя воля, я выгнала бы всех женщин из Моццо) и из зависти к ярким красоткам. Да и Мэл посматривал мельком на представительниц слабого пола, но его интерес был эстетическим, как если бы человек любовался красивой картиной или скульптурой. Но в данном случае любителем оказался мой мужчина, и смотрел он на ноги, на глубокое декольте и на боевой раскрас хищниц-барракуд.

Природа заложила в мужчинах полигамность, которую не выветрить ничем, — вспомнились слова Вивы. Нет уж, рискну опротестовать. Любоваться Мэл может, но другие особи должны меркнуть передо мной. Итогом явился пересмотренный гардероб и откинутые в сторону тряпки. Не годилось ничего.

Задавшись целью, я выкроила свободное время и отправилась по магазинам в сопровождении двух охранников, пока Мэл получал плановую порцию лечения. На этот раз меня не глодали угрызения совести при виде трат, зачисляемых на кредитную карту. Желание стать красивой для Мэла затмило прочие сомнения.

Плохо, что Вива была далеко. Она указала бы на проблемные места и акцентировала выигрышно достоинства, поэтому пришлось выбирать одежду на свой страх и риск. К эффективным и вызывающим тряпочкам прибавились обувь, откровенный купальник и шляпа с большими полями.

По возвращению в лечебницу я вывалила из сумки тубики и флакончики, привезенные из столицы, и, наплевав на домашнее задание по поиску математической прогрессии, занялась улучшением внешности. В итоге на полднике меня лицезрели в босоножках на танкетке и в маечке с шортиками необычного кроя и леопардовой расцветки. Мэл приглядывался ко мне и так и этак, а после столовой, не успели мы зайти в "Апельсинную", прижал к двери.

— Для кого вырядилась? — спросил на ухо.

— Ни для кого. Сама по себе, — пожалала плечами, а тело отозвалось предательской дрожью предвкушения.

Вообще, наши отношения были наполнены сексуальным подтекстом, не говоря о конкретике. Оказывается, флирт, заигрывание и физическая близость считались для Мэла вещами, само собой разумеющимися. Мне не с чем сравнивать, но, наверное, все мужчины таковы.

Его ладонь, поглаживающая мое колено, когда мы ехали на мобиле, или его пальцы, взбирающиеся по моей ноге, когда мы сидели в парке на лавочке. Его пальцы, добравшиеся до бедра, поцелуйчики в шею, за ухом...

В первые дни Мэл позволял мне доминировать в постели, но вскоре переключил активность на себя, потому что привык лидировать. Он бывал нежен, бывал агрессивен, бывал торопливо груб, когда мы уединялись спонтанно, в укромных уголках.

— Давай, я... — предложила ему срывающимся голосом, изнемогая под жадными ласками.

— Нет, — отрезал Мэл, подминая под себя и раздвигая коленом мои ноги. — Мужик под бабой — что петух под курицей.

Его интерес, игривые интонации и вспыхивающие зеленые ободки в глазах были точным барометром настроения. Самым страшным и безысходным для меня станет момент, когда они перестанут разгораться, а значит, нужно приложить все усилия, чтобы этот миг никогда не наступил.

— Эвка, ты помнишь что-нибудь? — спросил однажды Мэл, когда после утренней гимнастики в кровати мы, оба вспотевшие, уравнили дыхание.

— Смутно, а что? — отозвалась лениво и расслабленно.

— Воспламеняешься мгновенно. Я тоже нечетко помню.

Взаимно сгораем.

— Это плохо? — поцеловала его ладонь.

— Это очень даже хорошо, — потерся он небритостью о мою щеку. — Пошли в душ.

Как уже упоминалось ранее, Мэлу претило бездействие. Это я могла часами лежать и мечтать, уставившись в потолок, а он был слеплен из другого теста.

Как-то вечером Мэл валялся на кровати, читая учебник по нематериальной висорике, а я тщетно пыталась собрать из конструктора икосаэдр. И так, и этак вертела уродливую кривульку, но пространственное мышление впало в ступор.

— Помоги, а то завтра влепят двойку, — пожаловалась я.

Мэл не стал выполнять задание вместо меня. Он сел сзади, и, управляя моими руками, показывал и объяснял, куда и какую деталь прикручивать. Совместными усилиями мы соорудили требуемый многогранник, закрутив гаечки ключом.

— Спасибо, — поцеловала его. — Ты мой герой.

Некоторое время Мэл подбрасывал икосаэдр в ладони.

— Садись-ка снова, — кивнул на кровать, и когда выполнила его просьбу, завязал мне глаза галстуком. Я уже закусила губу, предвкушая, но Мэл был настроен по-деловому.

— Прислушайся к себе. Чувствуешь волны?

— Зря всё это, — протянула я руку, чтобы снять повязку, но он отвел её в сторону. — Ничего не вижу, ничего не ощущаю. Абсолютно.

— Есть интуиция. Есть математика и теория распределений. Если регулярно тренироваться, ты когда-нибудь создашь свое первое заклинание. Слепые тоже могут управлять волнами.

— Ну да, — усмехнулась скептически.

— А как воины сражаются с завязанными глазами на мечах и побеждают противников, оставаясь невредимыми?

— Таких воинов — два на сто тысяч человек. И то, потому что у них необычайно развито внутреннее видение.

— Волны подчиняются определенным законам, — не унимался Мэл. — Их изучают давно, написано множество книг и работ на эту тему. Плотность потока, длина, распределение в пространстве, зависимость от погодных условий. Хороший шахматист просчитывает партию на несколько ходов вперед. Ты тоже сможешь просчитать.

— Ты забыл одно. Из меня получится отвратительнейший шахматист.

— Эва, ты не хочешь попробовать, потому что боишься, — напирал он.

Наверное, Мэл прав. Я — трусиха. Боюсь заглянуть в колодец и увидеть свое отражение, потому что оно заочно не нравится. Зачем мне волны? Жила без них спокойно, и проживу ещё сто лет без бед. Но теперь рядом со мной Мэл, и буду цепляться за него всеми конечностями.

— Ну, давай попробуем.

Мэл опять сел сзади и притянул к себе. Мы сидели, как тогда, в его квартире перед окном, разве что теперь мне завязали глаза.

— Прежде всего, оценивай время суток, время года и фазу луны. Теплый колпак не играет роли. Неплохо бы знать активность Солнца и наличие магнитных бурь, но они незначительно влияют на волны. Сейчас они упорядочены и текут в одном направлении. И плотность хорошая — на один кубометр порядка двух волн.

— Вообще-то знаю, — ответила я раздраженно. Зря, что ли, проучилась в висорических ВУЗах почти три года?

— Прекрасно. Освоим заклинания первого порядка, а потом примемся за те, что идут по нарастающей.

Мэл не сказал: "попробуем" или "попытаемся", он безапелляционно утвердил: "освоим" — и точка.

— По-моему, ты далеко замахнулся, — пробормотала я. Руки Мэла, обнимающие меня, отвлекали от сути разговора, как и дыхание у виска. В искусственной темноте кожа наэлектризовалась, и ощущения стали острее. — Между прочим, Стопятнадцатый обучил меня некоторым заклинаниям первого порядка.

Выслушав о заклинании отвлечения, холодном уколе и о "засирайке", Мэл попросил показать, но после нескольких неудачных попыток я опустила руки.

— Давно не тренировалась.

— Неплохо. Ходишь рядом, и движения смазаны.

Он помогал, вода моими руками, правильно выставлял пальцы, показывал, как дергать и закручивать волны.

— Уй!

— Что? — сорвала я повязку. — Больно?

Он рассмеялся.

— Попала ледышкой в бок. Слушай, выходит, это ты уколола меня тогда после лекции? — осенило его. — А я думал, отдача. И оглушение Касторскому тоже ты устроила? Когда я чуть не накормил его deformi*... Ну, Эвка, ты даешь, — ухмыльнулся Мэл и прижал к себе, а я смущенно молчала. — Теперь знаю, что мы на верном пути. Не отвертись.

Притомившись, я предложила поменяться ролями и завязала Мэлу глаза шарфиком, чтобы испытать на тактильную стойкость. Он сперва скептически хмыкал и посмеивался, но вскоре эксперимент сорвался, потому что терпения Мэлу хватило ненадолго.

— У тебя выносливость ни к черту, — сообщила я, отойдя от налетевшего шквала. — Нужно работать и работать над выдержкой.

— Хочешь стать моим тренером? — обнял Мэл, зевнув. Выдохся, бедняжка. Впрочем, как и я.

Таким образом, тренировки с волнами вслепую вошли в ежевечернюю программу, а Мэлу привезли вторую коробку с книгами, и он занялся расчетами — строил графики, карябал формулы и приводил зависимости распределения волн в пространстве в форму, которую бы понял слепой. В общем, увлекся товарищ, а мои плечи ныли после отдачи, но в объятиях Мэла забывалось о боли.

В любой сказке найдется ложка дегтя. Пусть Мэл не заикался о ритуале, проведенном в стационаре, но к свалившемуся на меня счастьем примешивалась вина за его жертву. Каждая свободная минута возвращала меня к разговору с Царицей, и на глаза наворачивались слезы. Я недостойна Мэла! Я не заслужила.

В порывах нежности моя забота вываливалась на него по разным мелочам. Мэл просыпался по утрам, а на столике ждал завтрак: кофе, как он любил, булочки, сливочное масло, омлет. Я же любовалась спящим Мэлом, каждой черточкой повзрослевшего лица, расслабленного во сне, каждой морщинкой. Любовалась его руками — сильными, способными держать руль, собирать икосаэдры и любить меня до потери памяти. Он казался мне произведением искусства.

Наверное, Мэл испытывал неловкость. После нескольких пробуждений он спросил грубовато:

— К чему это? Сюси-пуси всякие, кофе в постель...

— То есть? — растерялась я.

— Эвка, если считаешь себя обязанной, забудь. Мне не нужны телячьи нежности. Не хочу, чтобы ты чувствовала себя виноватой.

Я открывала рот и закрывала, а потом рухнула в кресло и, захлопав, расплакалась.

— Прости меня... — где-то рядом извинялся Мэл, а я отпихивала его, закрывая лицо.

— Не хочешь — не надо. Уйди!

— Эвочка, я не хотел... Думал, что ты из чувства долга... Что расплачиваешься со мной...

Примирение вышло долгим. Мэла напугали мои слезы, а я не могла ничего с собой поделать. Плакала на его плече, а он обнимал меня, поглаживая, и успокаивал.

— Я хотела, чтобы ты... — Ик. — Хотела сделать приятное... — Ик. — Ты красивый...

— Я?! — удивился Мэл.

— Да, — икнула опять. — И еще ты — мой...

— Твой, — ухмыльнулся он.

На следующее утро меня разбудил аромат кофе.

— Просыпайся, засоня. Пропустишь всё интересное.

Мэл лежал в кровати, подперев голову рукой, и смотрел на меня. Если он думал таким способом выбить клин клином, то глубоко ошибся. Нет ничего лучше, чем начать день рядом с любимым человеком, пить с ним кофе из одной кружки, делиться булочкой, увозиться в яблочном джеме и слизывать его с губ Мэла. А потом облизать его липкие пальцы, а затем... затем забыть о завтраке напрочь.

Ну, и после горничные поменяли заново постельное белье.

Но однажды мои слезы не подействовали. Хуже того, я испугалась, что они всё испортили.

С отцом я не общалась. Да и зачем? Между нами было всё предельно ясно, а изображать

любящую семью перед камерами будем, когда вернусь с курорта. По умолчанию наша договоренность осталась в силе: я получаю аттестат о висорическом образовании, родитель сообщает адрес матери.

Зато молчание семьи Мэла настораживало. Он не общался с родителями по телефону, не рассказывал сестре, как проводит дни. Возможно, Мелёшину-старшему хватало сухих рапортов охранников и отчетов врачей, но все же элементарный привет не мешало бы передать, тем более, маме.

Еще настораживало, что Мэл не притронулся к кредитной правительственной карте. Получив от администратора такую же карточку, что и моя, он задумчиво поиграл ею и отложил. За всё время реабилитации в Моццо он не прикоснулся к синему пластику с буквой "V".

Как-то я предложила сходить на концерт популярного заезжего певца, но Мэл отказался. Он предпочитал избегать мест, где требовались висоры.

К правильным выводам я пришла не сразу. Лежала ночами, пялясь в потолок, не в силах уснуть, пока не оформились беспокоившие меня мысли.

Мэл ушел из дома. Вернее, отдал родителям ключи от квартиры. Этим объяснялся переезд в общежитие. И еще Мэл отдал кредитки. Теперь у него нет денег.

Вот и всё.

Почему? Что произошло?

Что, что? Тупая голова! — отругала себя.

Родственники Мэла не могли причинить вред из-за Дьявольского Когтя. Наверняка они мечтали выплеснуть на меня свой негатив и обвинить в трагедии, произошедшей с Мэлом. Или считали себя в достаточной степени аристократами, чтобы опускаться до слепой девчонки с гнилыми корнями. Наша семья справится и без вас, барышня, — посмотрели свысока Мелёшины и отвернулись. У Мэла получился серьезный разговор с родителями. Они высказали всё, что думают по поводу моей особы, а Мэл не разделил их мнение.

Мне были безразличны брезгливая снисходительность отца и его воспитательные методы. Наши родственные отношения всегда строились на договоренностях. Но за Мэла сердце болело, несогласное с тем, чтобы он разрывал из-за меня семейные связи.

Несколько дней я наблюдала за ним. Ему звонили друзья, в основном, Мак и Дэн, и Мэл, не стесняясь моего присутствия, смеялся, слушая их рассказы, и делился о том, чем занимается в Моццо. Почти в каждой его фразе звучало "Мы с Эвой...", "Я так и сказал Эве...", "Вчера ходили с Эвой...". Поговорив с друзьями, он пересказывал мне последние институтские сплетни.

С дедом Мэл общался кратко и по делу, но всегда с большим уважением. Тот считался незыблемым авторитетом у внука, — вынесла я из их разговоров. Но родителям и сестре Мэл не звонил, так же как и они не донимали его телефонными трелями.

Моя нервозность нарастала. Меня угнетало быть причиной размолвки в чужой семье.

И так и этак я подходила к Мэлу, придумывая, как начать разговор, но слова казались надуманными, и он бы сразу догадался, к чему клоню. Теперь я понимала сомнения Мэла, когда он не решался сказать об ашшаваре*. Может, спросить напрямик? Нет, вопрос деликатный, здесь нельзя действовать топорно.

— Как думаешь, почему меня оставили в институте, а не предложили учиться в лицее? Твоя сестра там учится. Или меня посчитали недостаточно высокородной? — спросила у Мэла, когда мы пришли с пляжа.

Он посмеялся.

— Во-первых, высокородная леди, лицей — женское заведение. Твоих охранников не пустили бы внутрь...

— А разве женщин-телохранителей не бывает?

— Бывают. Не подумал об этом. Но их тоже не пустили бы. А еще потому что твой отец благодаря тебе поддерживает популярность и расположение Рубли. Ты не закрылась в мирке для избранных, а учишься в массах, несмотря на то, что стала слепой. Ты смело смотришь вперед.

— Ничего подобного! — возмутилась я пафосом в его словах.

— Это не я. Это газеты, — он бросил на колени мне увесистую пачку страниц.

В одной из колонок, посвященных сплетням и слухам о личной жизни известных людей, с восторгом сообщалось о моих успехах в лечении и о планах на будущее, в частности, о продолжении учебы в институте. А обо мне и о Мэле — ни слова, — закусила я губу.

— А когда твоя сестра закончит учебу?

— Через четыре года, — ответил он неохотно.

— А как поживает твой дед? — поинтересовалась я за обедом. — Разбирает очередное дело?

— Угу, — отозвался невнятно Мэл, помахав вилкой.

— А клиника Севолода процветает или разорилась? — поинтересовалась между прочим, когда Мэл вернулся с лечения.

— Процветает, — кивнул он с хмурым видом.

— А...

— Кузен здоровствует, о тебе не спрашивал, — перебил Мэл. — Эва, к чему вопросы?

— Просто так, — попробовала увильнуть.

— Нет, специально.

Видно, плохой из меня дипломат, и не умею плести хитроумные интриги.

— Егор, ты не общаешься с родственниками. Они не звонят и ты им — тоже.

— Ты тоже не звонишь своему родственнику, — усмехнулся он.

— Я - другое дело. У нас так принято.

— Откуда знаешь, как принято у нас? — криво ухмыльнулся Мэл и вышел на террасу.

Я двинулась следом и обняла его, прижавшись к спине.

— Мэл, они тебя любят и беспокоятся. Отец оформил перевод в Моццо, выделил кредитную карту, присылает тебе книги...

— Это дед посылает...

— Неважно, — приложила щекой к рубашке. — Позвони им! Они ждут. И мама скучает.

— Да что ты можешь знать о моей матери? — разорвал он сцепление рук.

— Ничего... — у меня задрожали губы. — Просто... у меня тоже есть мама, и она ждет меня... Если бы я могла, то давно позвонила ей... А у тебя телефон под боком...

— Эва, не дави на жалость и не пускай слезу. Не поможет, — сказал грубо Мэл.

Разве я послушалась? Наоборот, заплакала, закрывая рот ладонью, а Мэл дернулся и вышел из комнаты, с грохотом закрыв дверь. Не знаю, где он бродил и что делал. Я проплакала, лежа на кровати, и отказалась идти на ужин. У меня разболелась голова, и дежурная медсестра дала таблетку.

Неужели Мэл не понимает?

Наоборот, он понимал, требуя, чтобы я не винила себя за принятое им решение в стационаре. Но и без того я испытывала огромный груз вины за размолвку в семье Мэла.

Если бы мой ребенок поступил так же ради особы, которую толком не знаю? Наверное... — взялась за обгрызание первого ногтя — я бы ужасно гордилась, что мой сын, единственный на всем белом свете смог перебороть смерть. Никто — ни хваленые врачи, ни лучшие консультанты страны — не помогли ни делом, ни советом. А он сумел. Он скромный и не кричит на всех углах о своем подвиге. Потом... — принялась за обгрызание второго ногтя — я бы переступила через себя и обязательно поинтересовалась девочкой, ради которой мой сын совершил геройский поступок, и постаралась понять, что привлекает моего сына в ней. Какие у нее достоинства и недостатки. Затем... — перешла к третьему ногтю — даже если бы она не понравилась, я не прекратила бы общаться с сыном. Подумаешь, какая-то девчонка. Девчонки приходят и уходят, а связь с ребенком нельзя терять. А если бы мой сын умер из-за этой девчонки? — занялась четвертым ногтем — Хватило бы мне сил пережить горе?

По всему выходило, что Мэл сказал родителям обидные слова, а теперь мосты сожжены, и он не хочет делать первый шаг.

Так и уснула, хотя солнце еще не село. Проснулась уже поздним вечером, под покрывалом. В комнате горел ночник, в открытую дверь с террасы тянуло прохладой. Опершись о перила, Мэл смотрел в парк, и я подошла, встав рядом.

— Жизнь коротка, чтоб размениваться на обиды. Вдруг не успеешь сказать маме главное? Потом будешь корить себя каждый день.

— Не начинай, — прервал Мэл. Значит, вернулся с демонами в голове.

— Ты как-то сказал, чтобы я не чувствовала себя виноватой, а у меня не получается, — продолжила, не обращая внимания на его недовольный тон. — У меня ничего этого не было: ни отца толком, ни мамы, ни сестры. Не было большой семьи. Говоришь, чтобы я не чувствовала себя обязанной, а у меня вот здесь камень, — показала на грудь. — Как смотреть твоим родителям в глаза?

— Не смотри.

— Спасибо за совет. Спокойной ночи.

Все время, что я принимала ванну и готовилась ко сну, Мэл оставался на террасе. В щелку двери просочился запах сигаретного дыма. Он курил.

При мне Мэл не притрагивался к сигаретам. Видно, затронутая тема оказалась тяжелой для него, и я разбередила душевную рану.

Но ведь рано или поздно мне придется встретиться с родителями Мэла. А его сестра — натура импульсивная, она и подавно не станет молчать. Кем я выгляжу в их глазах? Высокомерной девицей, не по происхождению возомнившей о себе невесть что? Той, что вбила клин между близкими родственниками?

Мэл пришел и улегся, погасив ночник. Не сказав ни слова, обнял меня и притянул к себе.

Следующее утро стало таким же как все утра в Моццо — солнечным, летним, щебечущим. Но за завтраком я вяло ковырялась вилкой в тарелке, вполуха занималась на занятиях, перепутала задания и ошиблась с ответами, и куратор пожурил за рассеянность. Массаж, электростимуляция и внутривенные вливания прошли мимо внимания. Я перемещалась на автомате, погрузившись в себя.

Мэл хмурился, поглядывая на меня.

— Пойдем на пляж? Доктор разрешил увеличить нагрузку.

— Иди. Мне не хочется.

— Ты давишь на меня, Эва. Я так не люблю.

— У меня нет настроения. И ни в чем не упрекаю тебя. Ты прав. Что мне известно о твоей семье? Может, я никогда не встречу с твоими родителями, а заранее накрутила проблем, — пожалала плечами. — Так что разгуливай свою жизнь, как хочешь, и общайся, с кем хочешь.

Что мы будем делать на пляже? Улыбаться и делать вид, что ссоры не было? Я так не могу. Займусь-ка лучше разучиванием скороговорок. И вот еще стихотворение не выучено.

— Колосится в поле рожь золотым огнем... — забормотала.

Мэл походил туда-сюда по комнате и, выйдя на террасу, снова закурил. Ну вот, нам уже тягостно оставаться вместе.

— Привет, это я, — донесся его голос через некоторое время. — Да не кричи так... Оглушила, бедовая... Да... Нормально... Лечусь... Результаты прекрасные...

Прекрасные результаты. А мне не говорил.

— С Эвой... — Короткий смешок. — Обещаю, получишь первая... Как дела?... Старая песня... — Еще один смешок. — Терпи... — Долгая пауза. — Ого, сколько новостей... Звони... И передавай привет... бате и маме... Пока.

Мэл вернулся с террасы, засовывая на ходу телефон в карман брюк. Он разгуливал по лечебнице только в брюках — летних и светлых, и всегда надевал рубашки с короткими рукавами. Пижон.

Опустившись на корточки, Мэл взял мои руки.

— Прости, — сказал, поглаживая пальчики, и в особенности тот, на котором обосновался Коготь Дьявола.

— Прости, — потянулась, чтобы поцеловать его, и, не выдержав, обняла.

Не умею фальшивить и притворяться, будто всё в порядке, хотя на самом деле не так. Плохо Мэлу и поэтому плохо мне.

— Пойдем на пляж?

— Пойдем.

Он мазнул меня по носу и вздохнул.

После нашей размолвки Мэл начал общаться с сестрой, и она звонила ему каждый день, а иногда несколько раз на дню. Он регулярно передавал приветы от неё, и я просила Мэла передать привет ей. Но отцу и маме он так и не позвонил, наверное, конфликт оказался глубже, чем мне виделось. Ну и ладно, главное, начало положено. Баста наверняка передает родителям разговоры с братом, и мама Мэла слушает и просит повторить.

Я безумно боялась задавать вопрос о деньгах, вернее, об их отсутствии, потому как предчувствовала реакцию Мэла. И не ошиблась.

— Егорчик... — поелозила пальцем по столику. Тьфу, ничем не лучше Эльзушки. — У меня есть карта, и девять тысяч в сумке...

— И у меня есть карта. А деньги оставь при себе, — сказал Мэл, и по его тону я поняла, что спорить бесполезно.

Вот и весь разговор.

Спокойное состояние претило природе Мэла. Движение и скорость были его стихиями.

Однажды он сказал:

— Я договорился, после обеда занятия отменяются. Поедем в Моццо-2.

— Зачем?

Горнолыжный курорт Моццо-2 находился снаружи за куполом. Там же зима и снег. И лыжи. Я сразу представила, как Мэл совершает неудачный разворот и падает, ломая шею или позвоночник. Или лыжная палка распарывает ему бок. Меня прошиб пот. В последнее время фантазии носили оттенок кровожадности, и в моем воображении рисовались разнообразные печальные финалы. Я боялась за Мэла и его беззаботность.

— Прогуляемся. Хочу проветриться. Осточертело лето. Не бойся, перегружаться не буду.

Мэл посоветовал взять с собой кредитную карту и мелочь на сувенирчики. В спортивную сумку, которую он захватил с собой, я сложила теплую одежду и шубку.

— У меня с собой костюм, а ты возьмешь напрокат, — объяснил Мэл, закончив сборы.

Выяснилось, что он захватил в Моццо зимнюю куртку со штанами и специальные ботинки. Наверное, в его безразмерной сумке умещался весь гардероб из покинутой квартиры.

— Часто бываешь в Моццо? — любопытствовала я, когда мы ехали на электромобиле к терминалу.

— Раньше приезжал с родителями раза два или три в год, а потом реже. Приелось.

Разбалованный товарищ. Приелось ему. Для меня Моццо навсегда останется сказкой-мечтой, городом-чудом.

Наше приключение происходило при неизменном участии охранников. Их присутствие означало, что убийца еще не найден, и я начала подозревать, что его никогда не поймают.

Поездка в Моццо-2 осуществлялась через автомобильный терминал. В промежуточном шлюзе мы сменили одежду, соответствующую зиме, точнее, первым мартовским денькам, и машина дэпов* выехала из купола Моццо на свободу.

Горные склоны слепили снежной белизной, и зеркальные очки пришлись как нельзя кстати. Курорт-сателлит кишмя кишел желающими отдохнуть, покувыркавшись в снегу. Народ спешил взять от жизни по максимуму, благо погода позволила. Ведь скоро весна вступит в свои права, и с гор хлынут ручьи.

Мэл проводил меня к пункту проката зимних принадлежностей.

Странно после лета окунуться в зиму. Как если бы выскочил из разогретой бани на мороз. В ботинках и теплом костюме я стала дубликатом Мэла, разве что меньше ростом и в меховых наушниках. Как ни странно, у него имелась наличность — сотенок пять или шесть. Негусто. На такие деньги в Моццо можно скромно пообедать в каком-нибудь кафе.

Мэл взял напрокат снегоход, заставил меня надеть специальные защитные очки, и мы начали развлекаться. Он катал меня по трассам, заставляя визжать, вцепившись в него. Потом Мэл усадил меня впереди и учил водить, но из-за паники я не могла сосредоточиться, забыв об уроках медитации.

А потом оказалось, что по воскресеньям в Моццо-2 проходят соревнования на снегоходах. Пять километров по запутанной трассе в круглом котловане, а наверху вопят зрители и болельщики. И Мэл взял и записался в участники.

— Эва, не волнуйся. Ты же видела, ничего страшного, — уверял он, пока ему привязывали на рукав тряпочку с номером участника. — У меня руки скоро отвалятся от бездействия. Баранку на электромобиле крутить, что ли?

И я согласилась, хотя видела: скажу "нет", и Мэл беспрекословно подчинится.

Ох, и лихая была гонка! Я прокричала все легкие и осипла. "Мэл! Мэл!" — скандировала

что есть сил и прыгала. Вот он, азарт болельщика.

А уж Мэл... Я ни разу не видела его таким... живым. Пусть он ехал не на любимой "Турбе" или "Эклипсе", а всё равно сидел за рулем как влитой. Заходил умело в вираж и также умело выходил на прямую, наращивая скорость.

В соревновании участвовали человек двадцать, не меньше, и в снежном шлейфе, оставляемом снегоходами, гонщики были неразличимы, но я точно знала, что Мэл лидировал.

— Ураа! — кричала, размахивая флажком, купленным в сувенирной лавочке. — Мэл первый!

Мэл пришел вторым. Зло пнул по лыже снегохода и сплюнул. Еще бы. Конкуренция оказалась неслабой. Это не пузатенькие чиновники из лечебницы, полощущие свиные тельца в озере. Соперники по гонкам обладали азартом не меньшим, чем у Мэла, и горели любовью к спорту и соревнованиям.

Весь вечер потом я уговаривала Мэла, что главное не победа, а участие. Потакала его прихотям, мирилась со вспышками недовольства и испортившимся настроением.

Я недооценила его. Мэл нашел карту трассы, наверное, взял у администратора лечебницы и изучал вечерами, отмечая сложные участки и рискованные повороты. На следующий день он предупредил, что отлучается в Моццо-2, и, поцеловав меня в щеку, исчез. И потом Мэл уезжал за купол, раза два на неделе, а я сходила с ума от беспокойства. Может, он тайно подпиливал цепи на снегоходах конкурентов?

Доктор разрешил Мэлу увеличить нагрузку на мышцы, и тот пропадал в тренажерном зале лечебницы. На озере он заплывал все дальше, и я начала обижаться, скучая в одиночестве и плескаясь возле берега, потому что боялась глубины.

Совсем не удивилась, когда в следующее воскресенье мы поехали в Моццо-2, и Мэл снова записался в участники, а сотенных бумажек осталось совсем мало. Уже тогда я поняла: если он одержим какой-то идеей, то не отступится. Мэлу было необходимо первое место. Он преодолевал эту высоту, утверждался за счет победы. Что-то вроде установки: "Если одолею сейчас, то смогу всё".

Я волновалась за него ужасно. Не знаю, как пережили бы мы поражение, потому что упадническое настроение Мэла пришлось бы сносить мне. Охранники, как и предыдущий раз, смотрели на зрелище с невозмутимым видом. Непрошибаемые. Ничего их не берет.

А я надрывалась и снова посадила голос, болея за Мэла.

— Да-вай! Впе-рёд! Ура-а-а!

И Мэл пришел первым!

Я сорвалась в котлован вниз по дорожке и повисла на нем, зацеловывая, а Мэл обнимал меня, успевая принимать рукопожатия от противников по трассе.

Мой чемпион! — поцеловала его, словно Мэл выиграл кубок мира, не иначе. Он выиграл больше. Призовой фонд в размере двенадцати тысяч висоров.

Вечером в "Апельсинную" принесли торт с взбитыми сливками, заказанный мной по приезду в Моццо. Я глядела на Мэла восторженными глазами. Мой чемпион. Он может всё.

Мэл рассказал, где пропадал на неделе. Оказывается, он ездил в Моццо-2 и изучал трассу. Не удивлена. Горжусь им, горжусь его настойчивостью.

Вздурораженностью победой не давала мне успокоиться. Я нашла в телефоне неприятную песенку, и, изобразив восточную женщину, исполнила танец живота с последующим освобождением от лишней одежды.

Мэл смеялся, а потом вдруг замолчал и присоединился к стриптизу со всеми вытекающими последствиями.

Победа в соревновании преобразила Мэла. И дело было не только призовом месте, но и в том, что он снова почувствовал уверенность в руках, и его тело возвращалось в прежнюю физическую форму.

Заработанные в гонках деньги Мэл тратил на меня, то есть на наши развлечения. В реальности сумма победы оказалась символической, потому как веселье на элитном курорте — штука затратная. К примеру, при входе на выставку картин с иллюзиями улетучивалось по тысяче висоров с носа. Вот и весь выигрыш, — вздыхала я тяжело, но Мэл не унывал и интересовался:

— Говори, куда пойдём сегодня.

Уж как я отнекивалась и предлагала складываться пополам, — бесполезно. Мэл не воспринимал никакие доводы, а давить на его гордость мне не хотелось.

Однажды я уговорила Мэла пойти на концерт симфонической музыки. В Моццо гастролировал оркестр с бездной лауреатских званий и солистами — мировыми знаменитостями. Хорошо, что Мэл купил билеты в последний ряд, когда все прочие места разобрали. До чего мне понравилось выступление — не передать словами. Скрипка соло рвала душу на части, и музыка вела за собой, выбивая слезу печальным минором. Вытирая глаза, я случайно взглянула на Мэла и выяснила, что он преспокойно спал, подперев голову кулаком. Даже овации его не разбудили. Лишь когда к выходу повалили зрители, Мэл вскочил заспанно. Охранники смотрели на сцену как истуканчики. Не разобрать за темными очками, спали они или слушали. Ни один мускул не дрогнул на их лицах, в то время как зал швыркал и сморкался в платочки.

В другой раз мы посетили выставку современного искусства. Мэл обежал залы за пять минут и заскучал. Я же останавливалась перед каждым экспонатом минут по пять, не меньше, чтобы изучить перетекающие или, наоборот, острые обрывающиеся формы, и любовалась оттенками цветов, хаосом линий и нагромождением фигур. Два охранника прохаживались вместе со мной молчаливыми сфинксами.

Мэл истомился напрочь и в результате сказал, что будет ждать снаружи. Вдоволь нагулявшись по павильонам и залам, я решила, что эстетический вкус удовлетворен, и, распрощавшись с какофонией стилей, побрела к выходу. А Мэл испарился. Исчез. Не успела я удивиться, встревожиться и забеспокоиться, как он появился из-за угла, возбужденный и веселый, засовывая в карман брюк... денежные купюры?!

Вечером затюканный мною Мэл признался, что натолкнулся на стихийную цертаму*. Участниками оказались незнакомые, такие же, как и он, скучающие курортники, чьи спутницы услаждали взоры экспонатами выставки. Чтобы не уснуть, мужчины решили повеселиться, разумеется, с привлечением денег. Спорили по мелочи. Создавали *gelide sandi**одинакового размера, и выигравшим признавался тот, чей морозный шарик продержится дольше остальных, прежде чем растаять или исчезнуть. Участники ставили по тысяче, победитель забирал всё. Мэл выиграл десять.

— Десять?! — изумилась я. — Вот так запросто десять штукарей?!

— Во-первых, здесь Моццо, а не шарашка, — сказал он надменно. — А во-вторых, почему запросто? Я проиграл на *igni sandi**. Это тебе не на снегоходах кататься.

— Ох, Гошик, — обняла его. — Ты сильно рискуешь.

Дело в том, что закон и правопорядок запрещали азартные игры в неположенных

местах.

— Всё под контролем, — поцеловал меня Мэл. — Не волнуйся.

Я не вникала в движение денег у него, в его приходы и расходы. Мэл управлялся со своими суммами, не вовлекая меня в дебетовые и кредитовые, и мне оставалось поражаться его смекалке, расчетливому уму и азарту. Передо мной стояла своя цель: чтобы Мэл был моим, и никаких альтернатив.

Мэл заразил азартом и меня. Мы часто спорили о том, как устроен Моццо, и где задействованы волны, а где работает техника.

Взять, к примеру, тот же дождь. Работают водосоздающие заклинания, или под крышей купола проложены прозрачные трубы?

Или маршрут солнца. Светило встает и уходит за горизонт строго на востоке и западе, двигается по неизменному пути, в полдень — строго в зените. На наших широтах подобное астрономическое чудо невозможно.

Как создают необходимую температуру под куполом? Может, пленка пузыря преломляет солнечный свет и концентрирует его, усиливая? Как устраивают ветер? Как создают звезды на искусственном небе? Какова глубина у озера? Какова высота купола? Различают ли растения под куполом смену времен года?

Мэл взял у администратора лечебницы краткий путеводитель по Моццо, и мы спорили, сверяясь с ответами из тонкой брошюры.

Что может стать предметом спора с любимым мужчиной? Поцелуи, обжимания или нечто большее, с острижкой: в кабинке для переодевания или за обеденным столом, когда пальцы Мэла карабкались по ноге под короткую юбку, и я закусывала губу, чтобы не выдать себя ненароком.

Проигрыши приходились, в основном, на мою долю. Мэл не признавал поддавки. В спорах он был безжалостен и не делал скидку на женственность и накрашенные глазки оппонента.

Один из выигранных достался мне, когда мы строили предположения о затратах, необходимых для содержания солнечного рая под куполом. Я плавала в мечтах и утверждала, что Моццо процветает за счет богатеньких туристов, а Мэл доказывал, что курорт дотирует государство. В конце концов, он позвонил зятю, тому самому С.Ч. Семуту. Тот перезвонил еще кому-то и еще кому-то и, в конце концов, выяснил, что Мэл ошибся. В общем, Мэл проспорил то, из-за чего каждый вечер я разводила в стакане порошок из саше.

Уставшие и полуголые, мы выползли на террасу ближе к полуночи. Возможно, по парку прохаживались телохранители, проверяя периметр, мне было все равно.

Моццо спал. Вдоль щебневых дорожек горели светлячками маячки-фонарики, легкий бриз доносил ароматы ночных тропических цветов, лягушки в пруду затянули нестройный хор, и их напевные кваки долетали до нашей террасы.

Я поцеловала Мэла в плечо, и, сорвав розу, заложила за его ухо. Он беззвучно рассмеялся и притянул к себе. Вот оно, мое медовое счастье.

Развлечения делились на культурные и те, что с физическими нагрузками. Нетрудно догадаться, кто из нас предпочитал активный отдых.

Мэл заманил меня на искусственные горы для альпинистов. Мы ныряли с аквалангом и катались на магнитных роликах. У меня потом отваливались ноги от усталости, а Мэлу хоть бы хны. Еще он предлагал освоить водные лыжи, но я перетрусилась. В другой раз попробую, как приеду в Моццо, — поклялась себе. А вот на лыжи в Моццо-2 встала, но опять

опрофанилась. На пологой детской горке ноги разъехались, и я упала в снег. Так и ковляла по лыжне под руководством инструктора. Все-таки спорт не для меня.

В общем, развлечения Мэла преследовали движение и выброс здорового адреналина. Раньше я предпочитала избегать острых ощущений, но теперь, чувствуя поддержку Мэла, была не прочь попробовать, хотя и с визгом, писком и вцепившись в его рукав.

Когда Мэл увидел новокупленный купальник, по-моему, он забыл, как моргают. Тоненькие полосочки в нижней части и верхняя часть, выгодно подчеркивающая прелести, загипнотизировали его. Точнее, прелести не могли похвастаться роскошными объемами, но умело скроенный лиф ввел зрение в обман и заставил Мэла замереть, уставившись на мою грудь.

— Эва... — его голос внезапно охрип. — Это неприлично и вызывающе.

— Да, а без белья прилично? — промурлыкала в ответ. Раньше я побаивалась надевать откровенную попку, а сегодня поняла, что настало время.

Всё началось с того, что накануне вечером после ужина Мэл учил меня водить электромобиль. Сложностей в управлении транспортным средством — ноль. Одна педаль тормоза, неизменная скорость, как ни разгоняйся, включение — поворотом тумблера. Однако мобиль не желал покоряться, и Мэл помогал мне осваивать сложный транспорт. Катались мы вдоль улицы перед лечебницей, и камеры отслеживали дерганья несчастной машинки, как и охранники. И тут с противоположной стороны улицы кто-то крикнул:

— Мэл, зайчик! Привет!

Две темноволосые девушки в коротких юбках, о которых я бы сказала, что их нет, помахали Мэлу издали и поцокали дальше. Охранники даже не дернулись. А зачем? Никто не нападал.

Зато я заметила, что одна из девиц была без нижнего белья. Просвечивающая юбочка не скрывала выпуклости и вогнутости.

— С тобой поздоровались, — толкнула в бок Мэла. — Не будь хамом, ответь.

— Не собираюсь, — нахохлился он.

Похоже, Мэл решил, что пойман с поличным, а я почувствовала острейший прилив ревности, хотя не показала виду. Вот, значит, какие девушки в его вкусе: смуглые, с длинными ногами и в откровенных нарядах, а не бледные поганки, загоревшие до легкого намека на золотистость.

Весь вечер Мэл приглядывался ко мне, а я порхала с беззаботным видом, но накручивала про себя. Ах, поганка? Ах, супердевочки? Надо же, столичного принца заметили издали. "Зайчик"... И ведь бывает в Моццо раз в году, а о нем помнят. Значит, товарищ хорош во всех отношениях, ведь девичья память, как правило, коротка. Или приезжает на курорт чаще, но мне почему-то наврал.

Ставшая привычной тренировка с волнами прошла в молчании. Мэл завязал мне глаза, и я повторила старые одноуровневые заклинания, продолжив затем оттачивание нового.

Свечение — относительно простое заклинание, являющееся базовым для многоуровневых конструкций. Нужно стянуть волну в гармошку за гребни и отпустить. Волна, распрямляясь, испускает слабый свет — тусклое призрачное облачко или дымку, и чем сильнее стягивается, тем ярче результат. Я не гордая, могу довольствоваться всего двумя ухваченными гребнями, но проблема состояла в том, что у меня не получалось угадать их расположение. Не создавалось это заклинание, хоть тресни. Лишь в двух случаях из десяти возникало жалкое подобие свечения, но Мэл упорно заставлял осваивать дурацкое

заклинание.

Каждая тренировка имела стандартное начало.

— Фаза луны? — начинал Мэл.

— Растущая, третья четверть, двадцатый день цикла.

— Погода?

— Снег с дождем, минус восемь, ветер шквалистый, порывы до пятнадцати метров в секунду, — как послушная ученица продемонстрировала я знание погодных условий за куполом, о чем мне регулярно сообщал администратор.

— Плотность волн, направление?

— Две на куб, хаотическое.

— Конкретнее.

— Смещающиеся, перекрещивающиеся.

— Амплитуда, высота?

— От шести до десяти и не более восьми.

Сегодня же в меня словно бес вселился и он же управлял моими руками. Не знаю, что я навязала из волны и, вообще, смогла ли ухватить её, но Мэл молчал и не комментировал. Пришлось снять повязку самой. На уровне рук висело мутное, слабо фосфоресцирующее облачко. Некоторое время оно болталось в воздухе, а затем постепенно растворилось.

— Точно не видишь волны? — спросил удивленно Мэл.

— Точнее некуда. Ничегошеньки не вижу.

— Хорошо сработала. Как будто знала, где волна, и где гребни, — поделился он наблюдением. — Наверное, это и есть интуиция.

Наверное, это есть сердитость. "Зайчик"... У Мэла было с одной из тех девчонок задолго до меня. Разве могу я предъявлять претензии? Упрекнуть его не за что, но все равно глодало.

Нужно быть мудрее и терпеливее. На моем пути попадетя немало похожих особ, и они будут гораздо назойливее двух незнакомок с улицы, — уговаривала себя, но увы, тщетно. Надо бы помедитировать. В ванной, что ли, закрыться?

На этот раз близость вышла агрессивной с моей стороны и не доставила прежнего удовольствия. Мэл крепко спал, а я вздыхала. Лежала и представляла, как было у него с той девицей, что прошла по улице в прозрачной юбочке, а потом переключилась на успокаивающие мысли. Мэл сейчас со мной, а не с ней и ни с какой другой. Ради меня он поступил так и не иначе и не раскаивается в своем выборе.

И все же бес подзуживал, и в итоге Мэл услышал на следующее утро:

— А разгуливать без белья прилично?

— Значит, поэтому не спала полночи? — усмехнулся он.

— Не поэтому.

— Ну да. И вела себя в постели как заводная кукла.

— Разве не понравилось? — изумилась я преувеличенно.

— Тебе не понравилось, — уточнил Мэл. — Ревнуешь?

— Вот еще! — фыркнула возмущенно. — Да, ревную!

При следующей встрече выцарапаю глаза тем цокающим лошадям, потому что Мэл — мой.

Он привлек меня к себе.

— Эвочка... ну, как истереть то, что было до тебя?... Давно было... Вот видишь, я не

святой... И характер остался прежним, — потерялся носом о нос. — Отрежь всё, что произошло до нашей встречи. Ведь главное, что есть сейчас, между нами.

Верю. Понимаю. Чувствую сердцем и постараюсь забыть.

— Хорошо, что мы на закрытом пляже, — сказал Мэл. — Не то мне пришлось бы надевать на тебя паранджу.

Как я поняла, купальник ему понравился, несмотря на снобистское заявление о неприличности. Увы, жалкие тесемочки не выдержали натиска и порвались, после того, как по возвращению в "Апельсинную" Мэл попросил продефилировать перед ним. Я включила всё свое умение расхаживать по подиуму, и показ мод плавно переместился на кровать.

Пришлось приобрести купальник поцеломудреннее и под присмотром Мэла, но всё равно он недовольно хмурил брови. Ему казалось, что все модели чересчур откровенны и вызывающи.

А потом мой мирок пошатнулся.

Как-то, после очередной вечерней тренировки Мэл сказал:

— Эва, у меня к тебе серьезный разговор.

Я замерла. Если он завел речь о серьезности, значит, дело нешуточное.

О чем Мэл хочет поговорить? О его родителях? О моем транжирстве? О регрессе в лечении? О Рубле? — ломала голову.

— Скоро полнолуние...

— Знаю, — прервала его. — Скоро полнолуние, после чего активность волн пойдет на убыль. Сейчас самые удачные дни. Куда ни ткни, везде волны. Даже я не попаду пальцем в небо.

— Да, это отлично... — замялся Мэл. — Что ты знаешь об оборотнях?

От удивления я закашлялась:

— О чем, о чем?

— Об оборотнях.

— Сказочки. Не верю в них, хотя байки гуляют. А что, тебя укусил один из них?

— Лет сто не слышали, чтобы они нападали и кусали. Оборотни с трансформируемым телом давно одичали, потому что не смогли устоять перед инстинктами. Их потомки превратились в животных с минимальным интеллектом. Сохранились те виды, чья истинная природа является рудиментарным признаком.

— То есть?

— Ну... как правило, они сильны. У них отличный слух, великолепное зрение, прекрасное обоняние. Они быстро бегают, ступают бесшумно. Предпочитают небольшие города и поселения ближе к природе, жизнь в мегаполисах им претит. Перекидываться не могут, но, тем не менее, сохранили признаки вида, например, могут ментально общаться между собой, игнорируя защиту дефенсоров*.

— Ух ты! Столько интересного, — восхитилась я. — Откуда знаешь?

— Читал. А ты сталкивалась с такими людьми?

— Нет, — помотала я головой. Задумалась, перебирая в памяти лица и образы, и снова покачала отрицательно. — Это невозможно. Их закололи бы вилами, как в средневековье, или посадили в клетку.

— Цивилизованность уберегла оборотней от истребления. Их одичавших сородичей травили и жестоко убивали, хотя и за дело. За заразу, за вирус в слюне, за распространение бешенства. В наши дни обыватели лояльно относятся к...

— Одомашненным? — подсказала я весело. История забавляла.

— Да, к одомашненным, — согласился Мэл со смешком. — Такие оборотни контролируют свои порывы, не причиняют вреда людям. Но одомашнивание наложило свой отпечаток. Цивилизованные виды стали тупиковой ветвью развития. Это замкнутые системы, они размножаются как и хомо сапиенс, но внутри своего племени. Живут семьями, общинами...

— Стаями... — вставила я, совсем развеселившись.

Мэл усмехнулся:

— И стаями. Некоторые из видов приспособились к человеческому обществу и неплохо устроились, но инстинкты, заложенные природой, руководят ими и по сей день. Например, самцы строго следят за отсутствием соперников на своей территории.

— На какой территории? — изумилась я: — Метят, что ли?

— Точно не знаю. Ментально, наверное. Но два взрослых самца ни за что не уживутся в ограниченном пространстве.

— Ох, страсти! Хорошо рассказываешь, будто встречался с ними... с оборотнями.

— Встречался, — ответил Мэл спокойно.

— Да ну?! Значит, мир вокруг нас полон нелюдей? — оглянулась я по сторонам. — И почему они не попались мне?

— Их процент в общей массе человек слишком мал, чтобы ты заметила. И они стараются не афишировать себя в силу инстинктов и заложенного природой чувства самосохранения. Они хищники. Охотники, которые предпочитают затаиваться и набрасываться на добычу.

— А ты, оказывается, видный знаток оборотней, — хихикнула я и пересела на колени к Мэлу.

— Худо-бедно, но кое-что нашел. О них мало информации. Они не распространяются о себе. Следуют правилу: "осведомлен, значит, вооружен". То есть враги или противники не должны знать об их слабостях и уязвимых местах.

— А в чем серьезность разговора? — потрепала Мэла за вихор и поцеловала. На меня накатило игривое настроение.

— В том, что ты знакома с одним из них, и в том, что ты тоже в некотором роде... оборотень.

Я смеялась до колик в животе и выступивших слез.

— Хорошая шутка.

Но Мэл не поддержал розыгрыш, оставшись серьезным.

— Сконцентрируйся, — сказал мне. — Вспомни, происходило ли с тобой что-нибудь, что могло бы указать на принадлежность к ним. Необычности со слухом, зрением, обонянием.

В памяти всплыла инфекция, подхваченная перед фуршетом, и аллергия на жаропонижающие препараты во время акклиматизации в Моццо. В первом случае дело происходило в полнолуние, Мэл заметил, когда мы гуляли. А на второй случай я не обратила внимания, потому что купол курорта не пропускает свет луны.

— Было нечто похожее... Но ведь прошло! Ну да, хороший слух... И зрение... И нос... Мэл! Ты приезжал в Моццо! Я чувствовала тебя! А потом пропал. Ведь приезжал?

— Приезжал, — признал он с неохотой.

Значит, нюх не подвел меня. Мэл появлялся в тот день на курорте и не решился

поговорить. Его неуверенность понятна. Попадись он в руки мне, я бы не отпустила и встрясла из него объяснение странному поведению.

Стоп. Мысль убежала не туда.

— Чухня. Это побочные действия от приема лекарств. Слух и зрение оборотней не зависят от полнолуния. Вот и первый прокол.

— Эва, ты не в чистом виде оборотень. Ты — полиморф, и это не врожденное качество, а приобретенное.

— Ветром надуло, — пробормотала я обескураженно. Сказочность набирала обороты, и чем дальше, тем неправдоподобнее.

— Не сквозняком, а обетом на крови. С символистиком. С Вулфу.

— То есть... А-а... Хочешь сказать... — силилась я выдавить что-нибудь внятное, но получалось нечленораздельное мычание. — Но как? Ты сказал, только размножение... Вулфу?! Профессор — оборотень?!

— Ну, что он оборотень — громко сказано... И да, размножение только естественным путем. Вообще-то кровь не смешивается, но в твоём случае это произошло во время обета. Ли-эритроцитов — практически ноль, но ты полноценная... даже не знаю, как точно их вид называется... Это хищники...

— Ага... — уставилась я в точку. — Хищники, луна... Все в порядке. А я оборотень. И Альрик — оборотень. Нифигасе. Не верю. Идиотская сказка.

И Мэл начал убеждать, долго и упорно. Вместе мы вспоминали ненормальности в моем поведении, и Мэл разбирал каждое из них. Жажда, повышение температуры, острый слух, четкое зрение, тонкое обоняние... Гипотеза Мэла объясняла и временную гибкость тела, и чувствительность кожи, и обострение органов осязания. Убийственно логичная теория.

— И что? Я превращаюсь? — спросила уныло, добитая свалившимся открытием. Вернее, до меня еще не дошло осознание изменений, произошедших в организме. Как их осознать, если ничего не чувствуется?

— Нет, — хмыкнул Мэл. — Ты обладаешь частичными признаками вида. Они обостряются в полнолуние, а потом пропадают. В целом, если приноровиться, можно жить безбедно.

— Но почему именно в полнолуние? Почему не на убывающую или растущую луну?

— Потому что это наследие, доставшееся оборотням от далеких предков. Луна воздействовала на них во все времена. Это сигнал... к производству потомства... к брачным играм... Призыв к поиску пары.

— А-а... — отозвалась я высокоумно и умолкла.

Получается, зашкаливающее либидо объяснялось ничем иным как полнолунием и чужими тельцами в крови. Самое время упасть на кровать и забиться в истерике, лупя по подушке. Не хочу, не хочу!

— Зачем он подстроил? — переключилась я вдруг на Альрика. — Что он задумал? Хочет исследовать меня как лабораторную свинку? — разошлась в гневе.

— Успокойся, Эва. Он не знал. Не мог предположить, во что выльется обет. Вероятность смещения крови равна нулю.

— Тогда каким образом я залезла в этот ноль? — переключила раздражение на собеседника. Профессор виноват в моей полиморфности, а Мэл виноват... потому что стал гонцом, принесшим сногсшибающую весть.

— Загадка. Даже символистик не понимает. И лучше бы не распространяться об этом.

Знаем я, ты и он.

— Он знает, ты знаешь. И оба молчали! Проверяли, попаду ли в психушку? — распалилась я.

— Эва... — взглянул виновато Мэл. — Мы поздно поняли, хотя подозрения витали.

Видите ли, витало у них. Витало и витало, не торопясь, а я была готова упасть в объятия первого встречного. Дурацкие инстинкты. И что теперь делать?

Черт возьми, — схватилась я за голову. Надо же так влететь! Один-единственный обет — повод для гордости — и тот пошел вкривь и вкось. Ну, как меня угораздило? Что за патологическая невезучесть?

— И чем мне это грозит? — вцепилась в Мэла. — Я стану животным? Буду бегать на четвереньках? На лапах? — посмотрела на обгрызенные ногти.

Он легонько встряхнул меня.

— Успокойся. Полиморфизм неопасен. В твоём организме соседствуют признаки двух видов. Зато мне придется попотеть: отгонять самцов и держать тебя на привязи.

Некоторое время я соображала, о чем речь, и впала в замешательство. Ой, позорище! И к тому же озабоченное.

— Мэл! — порывисто обняла его и отстранилась, смутившись. — Я отвратительно вела себя, да? На всех кидалась?

— Ты же не знала, что с тобой происходит. И я не знал.

— Не хочу, чтобы ты стыдился меня. Как избавиться от этого? Можно как-нибудь вернуть обратно? Кровь профильтровать, отцедить эти... эритроциты...

Мэл улыбнулся:

— Избавиться не получится. Фильтрация тоже не поможет. И кто сказал, что мне не нравится?

— Слушай, получается, он не носит линзы. Значит, это врожденное, — переключилась я на другую тему, и Мэл понял, о ком идет речь.

— Ты видела?

— Да. Он как-то злился. А его семья... Я приезжала к нему и попала на день рождения. У него сестра, племянники, брат, мама... Неужели они — оборотни?!

— Это громко сказано. Их вид давно утратил способность перекидываться. Зато твои глаза меняются в полнолуние, — сказал Мэл, и я, взыв от страха, вцепилась в него.

— Я покроюсь шерстью... Буду есть сырое мясо... Мамочки... — заскулила, уткнувшись в его плечо.

— Эва, это предрассудки, — успокаивал Мэл.

— Не хочу-у, — швыркала носом.

— Мы справимся. К этому несложно привыкнуть. Есть способы облегчить обострение.

Ночью я боялась отпустить Мэла от себя. Обнимала и прижималась к нему. Не нужны мне никакие оборотни и самцы. Хочу быть только с Мэлом и буду бороться со своим вторым "я".

Точно, сны о лесе! Ментальная связь, о которой говорил Мэл. Рудиментарный отросток. Истинная природа оборотней, проявляющаяся в сновидениях. Объяснение Мэла пролило свет на причину моих снов. После обета на крови непонятности начали копиться, пока не выплеснулись в полнолуние. Хозяин — это самец. Почему-то сонное подсознание заносило меня на одну и ту же территорию к одному и тому же хозяину. Сколько их, самцов? Много? Как от них спрятаться? Они агрессивны? Что это за народ?

Не хочу знать и слышать! — зажала уши и замотала головой. Я — человек! А остальное — досадное недоразумение. Пусть остаются в своем зверином мирке, я не приобщусь к ним.

Еще сенсация: профессор оказался оборотнем или как там его... И правда, хромота виделась мелочным недоразумением в сравнении с харизмой и обаянием Альрика. Да что там говорить, в нём всего чересчур. Внешность, манеры, движения... Самец, лидер по жизни, привыкший повелевать... Сильная выносливая особь. Фонтан феромонов... Теперь понятно, почему противоположный пол лип к нему как мухи на мед.

Рассуждая здраво, профессор не виноват в моем полиморфизме. Он и предположить не мог, что обет на крови приведет к смещению несмещиваемого. Но как вышло, что невероятность приклеилась ко мне и прижилась? Что во мне особенного? Руки-ноги на месте, сердце бьется слева, жабр и перепонок нет, мозг не размягчился, анализы берут регулярно, и нужно радоваться, что на состав крови не обращают внимания. Почему я стала полиморфом?

Обычный организм, без странностей... разве что за исключением "колечка", подаренного обитателем катакомб незадолго до поездки в гости к Альрику. Во время реабилитации в стационаре цепочка из звеньев-волосинок спряталась под кожу и больше не проявлялась. Не помню, показывался ли подарок Некты в последнее полнолуние. Вроде бы нет. Профессор говорил, "колечко" проступает из-за сильных психических стрессов, а таких после гибели Радика не наблюдалось. Сплошные загадки.

Решено. По приезду в институт потребую от Стопятнадцатого и профессора очной ставки с Нектой в присутствии Мэла. Долой тайны. Соберем маленький консилиум и разберемся с сувенирами институтских чудищ.

Я поглядела на руку. Зрение ни к черту. Но послезавтра оно обострится. В полнолуние.

Как мы пережили это полнолуние?

Мэл позвонил профессору, и тот посоветовал подходящие препараты, дозировки и разъяснил, как облегчить состояние. Во время разговора я грызла ноготь. Не хочу ни слышать, ни видеть Альрика. Он перестал быть преподавателем. Он стал самцом, при мысли о котором самка во мне наострила уши.

Я ходила и оглядывалась по сторонам, выискивая в каждом встречном оборотня. Мне мнилось черт те что.

— А этот тип — случайно не оборотень? — спросила шепотом у Мэла, кивнув на охранника.

— Нет. Я бы знал.

— А этот? — кивнула на мужчину, гонявшего мячики по корту, когда мы проходили мимо теннисных площадок.

— И не этот. Эва, успокойся.

— Я боюсь.

— Напрасно. У них дела делаются только с добровольного согласия сторон.

— В полнолуние никто не спрашивал моего согласия. Захотелось, и неважно, с кем.

— Согласен, есть такое. Но ты молодец и справишься.

Чтобы не вызвать подозрений у охранников, Мэл съездил за лекарствами без меня. Ему-то хорошо, его не охраняли. Орава телохранителей следила только за мной, бесценной полиморфкой. Или полиморфичкой. Вот же зараза!

Я предложила Мэлу деньги на лекарства, но он решительно отказался и оскорбился.

— Будем считать, у тебя помутилось в голове от страха, — сказал перед тем, как

поехать в аптеку.

И я согласилась с ним. Хотя Мэл ясно сказал, что перекидывание не грозит, меня одолевали фобии. Коли судьба неожиданно осчастливила полиморфизмом, где гарантия, что она не добьет меня обращением в животное? Уж если профессор! — ученый с мировым именем, с титулами и званиями — не предполагал, что ли-эритроциты его крови наведут беспорядок в моем организме, то неизвестно, чего следовало ожидать в будущем. Логика перевернулась с ног на голову, нулевая вероятность подскочила до ста процентов, невозможное стало возможным.

Приближающееся полнолуние пугало, превратив ожидание в паранойю. Я без конца вертелась у зеркала, проверяя, не отрастают ли усы или хвост, и разглядывала глаза.

Мэл посмеивался:

— Не трясись. Покувыркаемся в кровати, расслабимся.

Смех смехом, но он тоже был напряжен.

Чтобы отвлечься от нервной трясучки, я донимала Мэла расспросами, словно он принадлежал к звериному племени.

— И теперь каждое полнолуние придется пить таблетки?

— Каждое.

— До конца жизни?

— До конца, — отвечал терпеливо Мэл.

После подсчета полнолуний, ожидающих впереди, волосы у меня встали дыбом.

— А почему вертикальные зрачки? Наверное, это змеиные глаза, — психовала я. — Обовью тебя как удав и укушу во сне.

Мэл рассмеялся и обнял, взяв в кольцо рук. В его объятиях сразу стало надежно и спокойно.

— Обратни условно делятся на примитивных и высших. Примитивные пополняют свои ряды, делясь вирусом в крови и слюне. Родословная высших берет начало за несколько тысяч лет до нашей эры. Пожалуй, за несколько десятков тысяч лет. Об этом мне рассказывал дед... В те времена люди поклонялись разным богам и сущностям и, чтобы приобщиться к божественности и возвеличиться, совокуплялись с ними, а точнее, с их земными воплощениями. Эва, не смотри на меня как на чудовище. Между прочим, это история древних культов... И представь себе, потомство, если таковое появлялось, возводило в ранг идолов. Перед ними преклонялись, воздавали жертвы...

— Варварство, — пробормотала я. Воображение передернуло отвращением.

— Касаемо зрачков. По всем признакам прародителями вида являлись хищники. Вымершие ископаемые или гости издалека.

— Из какого далека? — не поняла я.

— Из далекого далека, — Мэл показал пальцем в потолок.

Бред. Еще пришельцев здесь не хватало. Прилетели, наследили и улетели обратно. Я схожу с ума.

— Может, и не улетели, а остались на Земле и растворились среди людей, — выдвинул предположение Мэл.

— Всё, заканчиваем разговор о чепухне, — отстранилась от него. — Пойду медитировать и настраиваться. Полежу в ванне.

— Я спрашивал у символика о его корнях, — крикнул Мэл вслед.

Я остановилась у двери:

— И что он сказал?

Мэл замялся:

— Сказал... что человек спит крепче, если знает меньше.

Понятно. Тому, кто сделал свой выбор, незачем загружать голову ненужностями о потомках гостей со звезд или поклонников варварских культов.

И первые симптомы дали о себе знать.

Мэл договорился о перерыве на сутки в лечении и в занятиях. Я комментировала, рассказывая ему, о чем болтают окружающие, о пересоленной и переперченной пище, о том, что душно, и что одежда натирает кожу.

— Во всем нужно видеть преимущества, — заверил оптимистично Мэл. — Можно услышать, что говорит о нас вон тот жердь из министерства иностранных дел.

— Он сказал толстяку, что Кузьма тикает за бугор, и что осталось перевести вторую половину со счетов. А тот ответил, что тоже сваливает, пока не замели. А о нас ничего не говорили, — отрапортовала я, обмахиваясь веером, сложенным из салфетки.

— Да? — удивился Мэл. Неужели он думал, что о наших отношениях будут сплетничать целый месяц? Если судачить о нас сутки напролет, языки быстро отвалятся.

Позже Мэл дольше обычного разговаривал с дедом на террасе, а я ушла в ванную, чтобы принять прохладный душ, а точнее, ледяной.

Конечно же, на коробочках, привезенных из аптеки, производители не написали: "принимать в периоды обострения хочи в полнолуние". Профессор рекомендовал жаропонижающие и общеукрепляющие препараты с гормональными добавками, притупляющими взрыв влечения.

Ночью лес снова позвал меня. В сновидении листья тихо шелестели на ветру, око луны семафорило с неба, но хозяин покинул территорию. Я не чувствовала его. Почему? Может, он нашел другую самку? Поняв это, второе "я" протяжно завывло, наполняя сонное царство горечью тоскливого одиночества.

— Проснись, — тряс меня Мэл. Он подвел к зеркалу и обнял, встав сзади. — Смотри.

Мои глаза светились как две желтых луны, пересеченные вертикальными полосками. Тело не изменилось, оставшись прежним, и грудь не увеличилась на три размера, но я чувствовала, как по коже пробегали невидимые токи — предвестники лихорадки.

Мы не вылезали из постели, не выходили из "Апельсиновой" и заказывали еду в комнату, хотя у меня напрочь пропал аппетит. Жаропонижающие средства заглушали зов, облегчая телесную муку, а Мэл покорился и подчинился моим порывам.

— Эй, полегче, — только и успел возмутиться, когда я толкнула его на кровать и прыгнула сверху, припечатав. И откуда взялись силы в тщедушном тельце?

Не уверена, что Мэлу понравилось, как я тёрлась и мурлыкала, а еще выжала из него все соки. Наутро он продемонстрировал продольные разрезы на простыне. От когтей, — поняла я и снова напугалась. Мои обкусанные ногти не могли сотворить такое. Это не я. Или я. И я могу причинить вред Мэлу.

Он долго успокаивал меня и сказал, что такого офигительного... ну, словом, в жизни не получал столько удовольствия, и что впредь будет держать меня на коротком поводке, а лучше бы на толстой цепи. Его слова польстили и утешили.

На следующие сутки симптомы обострения понемногу исчезли, вернув в мир homo sapiens, и на меня накатила неуверенность. Я мялась и бекала смущенно, прежде чем решилась спросить:

— А этот... полиморфизм... Если будет ребенок...

— Ты беременна? — прервал Мэл, глядя на меня пытливым.

Бесёнок, сидевший внутри, подталкивал сказать "да", чтобы посмотреть на его ошалевший вид и узнать реакцию. Обрадуется, или сердце уйдет в пятки?

— Нет. Не должна. Уверена, — утвердила, заметив, что бровь Мэла вопросительно приподнялась. — Я о другом. У нас получится... ну... завести ребенка?

— Получится, — обнял он меня. — И не один раз.

— Ну тебя, — шутливо толкнула его в бок и тут же прильнула: — Спасибо за все, Гошик!

— Начинается, — возвел он глаза к потолку.

— Спасибо, что ты есть у меня, — поцеловала его.

— В положении... залетела... беременна, — бормотала перед сном, обыгрывая слова на слух и язык. Первое казалось строгим, второе — девчоночьим и с перепугу, а третье — основательным и серьезным.

Сердце трепетало, а в воображении рисовались умильные картинки будущего. Наша семья... Малышок из пророчества... Нет, пока рано. Ребенок — большая ответственность. Во мне самой океан детскости. К тому же мы должны определиться с нашим будущим, то есть, где и на что жить.

— Эвка, что шепчешь? — поинтересовался Мэл. Он вышел из душа, потряс головой, высушивая волосы таким способом, и вдруг с разбегу прыгнул на кровать, всколыхнув. Мокрым прижался ко мне и обнял. Никогда не вытирается и надевает белье на влажное тело.

Ну, и кто из нас дитё?

В итоге мы провели в Моццо больше месяца по показаниям врачей.

Шрамы на руках у Мэла почти исчезли. На загорелой коже остались белые следы от сложного рисунка. Перестал тянуть и набухать шов после аппендицита. Рубцы почти не ощущались под пальцами, как и уплотнения. Мэлу прописали поддерживающую терапию два-три раза в неделю в госпитале и наблюдение.

Меня тоже выписали в удовлетворительном состоянии и велели ни в коем случае не бросать занятия по развитию интуиции и осознательных навыков.

— Волны обязательно вернутся к вам, — заверил горячо куратор на прощание.

Вернутся, не волнуйтесь. Как говорится, если гора не идет к Магомету, он сам пойдет к горе. Благодаря Мэлу я освоила четыре новых заклинания первого порядка, являющихся базовыми для сложных многоуровневых заклинаний. Помимо свечения он научил меня заклинаниям разогрева, звуковой вибрации и зыби.

Разогрев локальной зоны пространства достигался закручиванием волны движением, похожим на прядение пряжи. Отпускаешь — и волна, раскручиваясь, нагревает воздух. Это заклинание оказалось для меня самым успешным, как и создание зыби.

Зыбь напоминала заклинание отвлечения, но волну следовало не дергать, а мелко раскачивать. Воздух начинал струиться и течь так же, как бывает на солнце при сильной жаре.

Заклинание звуковой вибрации Мэл приспособил для меня, показав, как удобнее и эффективнее хвататься за волну двумя руками. Если дернуть рывком в противоположные стороны, то можно услышать легкий гул. Волна "поет" или "играет". Несмотря на адаптацию Мэла успешность приближалась лишь к половине от общего числа попыток.

Скромные, по моему мнению, результаты, Мэл считал огромным достижением.

— Я думал, будет гораздо хуже и труднее, — утешил он. — Прём в гору.

И мы пёрли.

Помимо сумок с вещами в багажнике машины дэпов* в столицу возвращались коробки с книгами, рюкзачок с сувенирами и небольшой альбомчик с фотографиями на плотной бумаге. Снимки с иллюзиями можно было увеличивать и сдвигать пальцами. Но больше всего мне нравились две фотографии с эффектом резерва кадров, то есть с пятисекундной выдержкой.

На первой картинке Мэл жмурился, а я целовала его в щеку, после чего мы улыбались в фотокамеру. На втором снимке мы стояли у озера, обнявшись, и смотрели на закат, а затем Мэл делал ладонь козырьком. В обоих случаях нас зафиксировали фотографы, которые обычно прохаживались среди курортников и зарабатывали на случайных снимках, предлагая купить. Мэл бы посмеялся надо мной, но я готова была втиснуть эти фотографии в медальон и носить рядом с брошкой из перевитых прутиков.

Он высказался против того, чтобы возвращаться на поезде, и мы выехали через автомобильный терминал. Поворот на Моццо-2 ушел налево, дорога в столицу повернула направо. Спереди — две машины дэпов* и сзади — две. Наш автомобиль шел посередине. Такого эскорта, наверное, не было даже у Рубли.

Мы возвращались в столицу в начале апреля. Зимний курорт заснул. На южных склонах виднелись большие проплешины, солнце светило ярко и весело.

Приклеившись к окну, я смотрела на наступление весны. Дорога оттаяла. Она петляла среди полей, рощ и по лесу. На черных жирных пашнях, вспаханных с зимы, ходили такие же черные смолянистые птицы.

Живя в Моццо, я утратила чувство реальности. Летняя сказка осталась далеко позади под прозрачным гигантским куполом и в моем сердце. Медовый месяц счастья.

Мэл нажал кнопку на боковой панели, и стекло приспустилось. Я высунула руку, ловя теплый ветер.

Весна!

*gelide candi**, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

*igni candi**, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

*certama**, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

*bilitere subsensibila**, билитере субсенсибила (перевод с новолат.) — двухсторонняя сверхчувствительность

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

Ашшавара аба — поцелуй смерти

*deformi **, деформи (перевод с новолат.) — деформация

*defensor **, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

27. Принципы

После расслабленной курортной жизни и велосипедных скоростей столица оглушила спешкой, толчеей и выхлопами. С непривычки у меня пошла кругом голова. Нашей колонне не довелось постоять в автомобильных заторах — машинам дэпов* беспрекословно уступали дорогу, освобождая полосу.

Окраины теперь не отличались от центра. Снег стаял, дворники мели тротуары, мойщики окон на лесах облагораживали здания, натирая стекла до зеркального блеска.

Город сбросил оковы зимы и встряхнулся, отогревшись на ласковом солнце. Покрылись нежным пушком газоны, на деревьях набухли почки и высыпали сережки. Тяжеловесное содержимое рекламных плакатов сменилось летними сюжетами: желтыми одуванчиками, ромашками, танцующими девушками в сарафанчиках. Горожане перешли на облегченные одежды — плащи, ветровки, кепки, беретки.

Жаль, я пропустила мартовскую капель и пробуждение природы. Но, с другой стороны, не марала сапожки в грязи, не тонула в лужах и не поскользнулась на корочке льда, намороженной за ночь.

Стоянка у институтской ограды пустовала, потому что было воскресенье. Машины дэпов* эффектно выстроились в ряд у ворот, и до общежития мы дошли в сопровождении десятка телохранителей.

Я оглядывала знакомые окрестности и не узнавала. Месяц назад на аллее лежал снег, и парк тонул в сугробах, а сейчас путь пролегал по дорожкам, выложенным брусчаткой и окаймленным бордюриками из кирпичей веселой расцветки. Каменные ангелы иначе склоняли головы, нежели раньше, а их крылья распушились как у воробьев, плещущихся в луже. Или мне казалось, а на самом деле причина была в теплом ветерке, играющем с челкой. Парк тоже смотрелся по-другому. Прошлогодня пожухлая трава, протоптанная тропинка к дыре в заборе, деревья, вяло качающие ветвями... Скоро они зашелестят листвою.

Телохранители препроводили до четвертого этажа — туда, где теперь обитал Мэл, а вместе с ним и я.

Шаги и голоса отдавались гулко в пустых комнатах. Створка окна присохла за зиму, и Мэлу пришлось поднапрячься, чтобы впустить свежий воздух в помещение. С улицы ворвалось чирканье воробьев, и потянуло едва уловимым запахом дыма. Наверное, в квартале по соседству жгли прошлогодние листья.

Вот мы и дома. И что дальше?

Я растерялась. В первое пребывание здесь, меня опьяняла радость оттого, что Мэл рядом и что все вопросы разрешились. О большем и не думалось. А сейчас, посреди пустой комнаты с пыльным подоконником, вдруг одолела нерешительность. Одно дело сказать: "хочу жить с тобой", а другое дело — жить в квартире, где из мебели лишь кровать и холодильник.

Сперва в стационаре института, а затем в лечебнице для меня готовили завтраки, обеды и ужины, горничные наводили порядок в "Апельсиновой", приносили чистую и выглаженную одежду, меняли постельное белье. Но в общежитии не было поваров и горничных. Кто будет убирать и готовить еду?

Кто, кто? Оказывается, к хорошему быстро привыкаешь, как привыкаешь к лени и праздности, забывая, зачем природа наградила хомо сапиенс руками. А именно затем, чтобы трудиться.

Итак, вокруг пусто и голо. Практически ноль. Что напрашивается в первую очередь?

— Нужно сложить куда-нибудь одежду. И на чем-то сидеть. И съедобного бы прикупить, — озвучила я неуверенно.

Мэл не стал спорить и протянул купюру с тремя нулями:

— Я - за стульями, ты — за едой. Хватит или мало? Не разбираюсь в ценах.

Тысяча на продукты?! Это же мизер! В Моццо мы питались в столовой лечебницы, где заказывали меню на любой вкус и цвет. Еще баловались мороженым и ледяным лимонадом во время прогулок, но кафе обходили стороной, при молчаливом обоюдном согласии решив

тратить деньги на развлечения, весьма недешевые в курортной зоне. Так что штукаря хватило бы лишь на буханку хлеба без масла.

Внезапно в памяти всплыла горстка монеток из оклада младшего помощника архивариуса, благодаря которой мне удалось выжить, а еще пятьдесят висов в качестве пособия для низших категорий сотрудников, ставшие расчудесным подарком от Стопятнадцатого. И ведь я шикавала на эти деньги и была счастлива. А тут — целая ты-сяча! С другой стороны, Мэл не привык грызть сахарные плитки и пить чай на развес с карамельками.

— Это много, — сказала я, помахивая банкнотой. Хватит или нет? Не уверена.

— Это мало, — заверил Мэл. Ну да, если кушать молодую оленину, вымоченную в вине, то и десять штукарей сдует зараз как дым.

А ведь у Мэла есть предпочтения в еде. Он любит горячие бутерброды, многослойные пироги и многокомпонентные блюда, охотно ест морепродукты и рыбу, а также мясо во всех видах. Кроме оленины, разумеется. С неохотой поглощает супы и воротит нос от макарон и каш. Еще приемлет коктейли и соки. Воду как напиток не понимает. В лечебнице Мэл добавлял в стакан дольку лимона и ложку сахарного сиропа. А еще он — сладкоежка, но, в отличие от меня, имеет чувство меры. В общем, мой мужчина — привереда.

Мэл оторвал от раздумий.

— Будь осторожна, Эва. Ты вернулась туда, где тебя хотели убить. И каждый, кто учится или работает в институте — под подозрением. Даже в общежитии небезопасно. Прежде чем выйти из комнаты, вызывай охрану. — Он достал из кармана куртки знакомый браслет. — Если потребуется куда-нибудь съездить, тебя отвезут на машине дэпов*. Не шути со своей жизнью.

"И с моей" — не стал он добавлять, но я поняла и без слов. Вот уж не собираюсь рисковать. Счастье досталось дорогой ценой, чтобы запросто порушить всё, чего мы с Мэлом достигли.

— А где охранники?

— Они будут дежурить круглосуточно. Для них выделили комнаты на этом этаже. Напротив.

Наверное, вопросы моей безопасности были заранее оговорены с администрацией института, коли комендантша не перегородила мощным бюстом вход в общежитие, а наоборот, предоставила в распоряжение дэпов* студенческие апартаменты. С некоторых пор телохранители стали моими неизменными спутниками. У всех нормальных людей одна тень, а у меня теперь — три или четыре, а иногда и больше, и придется свыкаться с их вечным присутствием.

Вот и сбылись большие фантазии. Охранники, зажимающие меня на лекциях в тисках накаченных мышц... Подслушивание и подглядывание в целях безопасности... Свечка у кровати... Тотальная проверка пищи на наличие ядов... Совместные праздники... Хотя нет, в компании невозмутимых мордоворотов самое веселое мероприятие обречено на провал.

— Получается, я добровольно вернулась туда, где кто-то желает моей смерти. Сама же лезу в пасть к людоеду. Это похоже на безрассудство и глупость.

— Похоже, — согласился Мэл. — Но тебе нужен аттестат. Можно перевестись в другой ВУЗ, но где уверенность, что на севере или на востоке страны преступник не закончит однажды начатое? А здесь столица. Случись что-нибудь непредвиденное, и тебе помогут и защитят. Тут хорошее оснащение, уникальное и сложное оборудование, лучшие специалисты

под рукой. Тут твой отец... и мой тоже, — добавил он неохотно.

— И, конечно же, замешана политика?

— И она тоже, — признал Мэл нехотя.

Тут и гадать нечего. Оба родителя выигрывали на моем присутствии в институте, зарабатывая очки к имиджу. Мелёшин-старший демонстрировал четкую и слаженную работу объединенных департаментов, а мой отец демонстрировал стойкость духа и смелость как наследственную черту в семье Влашеков. Да и мне перепало достаточно щедрот. Продолжение учебы гарантировало получение аттестата без прятков и притворства той, кем я никогда не являлась. Хотя вру. Придется изображать висоратку с сильным волевым характером, несломленную слепотой к волнам.

— Жмешь сюда, и загорается зеленый огонек, — объяснил Мэл. — Через десять секунд тебя ждут у двери. Эва, пожалуйста, используй браслет даже в общежитии. Я не смогу быть все время рядом и не услежу.

— Обязательно. Не волнуйся, — обняла его.

Я попросила Мэла составить список любимых продуктов, и он записал свои предпочтения в короткий столбик на тетрадном листке.

— Остальное выбирай сама. И не забывай про очки, — напомнил мне о конспирации.

— Очки не помогут. Машина дэпов* как фонарь в ночи. Её трудно не заметить.

— Тем не менее. У дэповских тачек максимальный уровень безопасности. Если машина утонет, она превращается в батискаф с маяком и запасом кислорода, воды и пищи на трое суток. И выдерживает давление в пять атмосфер. И фильтрует зараженный воздух. И не пропускает радиацию...

— Ого! — не удержалась я. — А автопилот есть?

— Нет, — покачал головой Мэл, не поняв шутку. Всё, что касалось моей безопасности, напрочь отбивало у него чувство юмора.

— А где возьмешь стулья и стол?

Он не стал вдаваться в подробности.

— Это моя проблема. Иди уж, добытчица, — шутливо напомнил о продуктовой миссии.

Ладненько. Посмотрим, у кого из нас будет богаче улов.

Неожиданно в голову пришла светлая мысль. Воспользовавшись моментом, когда Мэл ушел на кухню, я прокралась по-шпионски к своей сумке и торопливо отсчитала тысячу висоров. Мэлу необязательно знать потраченную сумму. А если попросит показать чек, оскорблюсь тем, что мне не доверяют.

Задание ясно: купить продукты. Но где? Появление дэпов* в квартале невидящих вызовет переполох среди жителей, и охрана упомянет о вояже по сомнительным местам в ежедневном рапорте, который попадет к Мелёшину-старшему. До центра долго добираться, к тому же цены там задирают безбожно. Будем выбирать подходящую торговую точку методом тыка.

Пришлось водителю ехать окраиной на небольшой скорости, прежде чем мой выбор пришелся на продуктовый магазин в спальном районе. Охранники следовали за мной и наполняемой тележкой с привычными каменными лицами. Ох, и пометалась же я с непривычки между стеллажами, возвращаясь обратно по несколько раз. На будущее составлю полный список продуктов, чтобы не кружить по рядам, соображая, что уже сложено, а что забыто. Покуда же ориентиром и идеалом, к которому нужно стремиться, служил холодильник Мэла, чье богатейшее содержимое отпечаталось в моей памяти. Заодно,

поглядывая на ценники, я понемногу избавлялась от интоксикации роскошью и числами с большим количеством нулей.

Воскресным вечером магазин погрузился в сонное болото, и все же кое-то из немногочисленных посетителей узнал дочку министра экономики. Двое парней направили в мою сторону телефоны, решив зафиксировать сумбурное брожение по торговому залу. Охранники отреагировали раньше, чем я. Один из них понесся как носорог к незадачливым папарацци, а потом его широкая спина закрыла обзор. Наверное, телохранитель по-тихому калечил технику наглецов, посмеявших запечатлеть хаотичный вояж среди продуктовых стеллажей.

В результате покупательского забега набралось восемь больших пакетов на семьсот висоров, а также выяснилось, что тележка напичкана вис-улучшениями в виде бездонности, позволяющей вмещать безразмерные покупки. Хорошо, что я притомилась бродить по рядам, не то собрала бы половину магазина и не заметила.

Охранники вели себя так же вежливо и предупредительно, как и Мэл, открывая двери и неся к машине объёмистые пакеты с продуктами. Вернее, нес покупки один, а второй в это время бдил. Они разве что не пропускали вперед в целях безопасности, прикрывая мой драгоценный анфас и тыл. Наверное, они учились в той же школе для благовоспитанных мальчиков, что и Мэл.

Теперь я живу вместе с ним. Мы будем есть за одним столом, — размышляла, усевшись на заднее сиденье. Придется готовить, мыть посуду, выносить мусор, стирать грязную одежду, гладить... Ё-моё! — пробил меня озноб. Ладно, допустим, в лечебнице Мэл видел, как сушится мое белье на батарее в ванной. Свое же он бросал в короб и получал от горничных вместе с чистыми и отутюженными рубашками, футболками, брюками, носками. А теперь горничные тютю. Остались в Моццо. Но жизнь-то продолжается. На рубашках пачкаются воротники и манжеты, появляются случайные пятна. Как организовать стирку и глажку в пустых комнатах? Прежде я не задумывалась об утюгах, предпочитая немнущиеся вещи, и стирала в тазике. Шоркала чуток и вешала сушиться. Но теперь нужно думать и о Мэле. Доверь он мне погладить рубашку или футболку, и я тут же прожгу в ней дыру.

Что делать? — накатил на меня приступ паники. Нужны рубашки, которые не мнутся и самоочищаются, как скатерть в лечебнице. Под эти запросы подходят разве что доспехи, но и они требуют ухода.

В общежитской квартире надо периодически делать уборку, готовить завтраки, обеды, ужины. Выбрасывать мусор.

Но ведь нет мусорного ведра! И нет ложек и тарелок! И кастрюльки со сковородкой нет. И ножей с поварешками. И салфеток нет, как и стаканов. На окнах нет штор. Нет плиты. Вообще шаром покати.

Ужас! Даже голова закружилась от неожиданного открытия.

Покружилась немножко и перестала. Зато заработали извилины.

Все-таки не зря я прихватила денежки про запас, — похвалила себя за сообразительность. В хозяйственном универсаме, найденном через пару кварталов, остаток наличности ушел на покупку всего того, что успело прийти на ум. Кассир уставился на меня как на седьмое чудо света, пока один из охранников не дернул его за рукав, приводя в чувство. Наверное, служащий потом без продыху рассказывал друзьям и знакомым, что дочка министра экономики купила ведро под мусор как простая смертная.

Чувствую, мою внешность не замаскирует даже противогаз.

По приезду в общежитие телохранители препроводили меня до двери с табличкой "аз есмь", а пакеты с покупками занесли в комнату напротив.

— Стандартная проверка, — пробасил один из соглядатаев.

Как объяснил Мэл, охрана привезла в общежитие аппаратуру для просвечивания подозрительных предметов.

— Просканируют и принесут, — успокоил он.

Мэл еще много чего говорил о мерах, принятых для моей безопасности, но я с обалделым видом наблюдала за метаморфозами, произошедшими с комнатами, и пропустила лекцию мимо ушей. Во-первых, на полах появились паласы — не роскошные, но вполне приличные. Во-вторых, угол занял трехстворчатый шкаф с зеркалом в полный рост. Беглый осмотр выявил пару стульев с мягкими сиденьями, кухонный стол и плиту на кухне, тумбовый стол в дальней комнате, две настольных лампы с пустыми патронами и тумбочку. А при входе были навалены кучей какие-то деревяшки и шурупы.

— Вот это да! — выдавила я восхищенно, отойдя от изумления. — Это же настоящее богатство!

Месяц, проведенный среди элегантной роскоши правительственной лечебницы, заострил мой взгляд на качественные вещи, и тот выявил, что мебель в нашей квартирке — нова-новехонька. Пусть дизайн без изысков, зато функциональность и удобство налицо. Взять тот же шкаф с разнокалиберными, но вместительными полками и пустыми плечиками, покачивающимися на перекладине.

— Ой, Гошик! — повисла я на Мэле. Мой добытчик! — Как тебе удалось?

— Нужно знать места, — ухмыльнулся он. — Завтра принесут гардины. И у нас есть время составить список недостающей мебели.

Я вдруг вообразила, что Мэл истратил на покупку последние деньги или занял у друзей.

— Сколько... всё это... стоит? — от волнения у меня утратилась способность связно говорить.

— Считай, ты не слышала, что в запасниках комендантши пропадает без дела немало полезных вещей, — раскрыл он секрет.

Уф! Можно упасть на стул и, выдохнув облегченно, пригрозить:

— Смотри у меня. Я ревную даже к столбу. Что ты должен тётке-вехотке?

— Парочку пикантных историй из жизни кинозвезд и несколько автографов.

— Неужели среди твоих знакомых есть звезды экрана?

Хотя чему удивляюсь? Правильнее перефразировать вопрос: "Неужели остались люди на этой планете, с которыми Мэл не знаком?"

— Есть, — подтвердил он. — Если хочешь, представлю тебе кого-нибудь при случае.

Вот каково. Не я буду хвастать тем, что пожала руку известному актеру, а он станет рассказывать всем, что имел честь общаться с дочерью министра экономики.

Выяснилось, что Мэл собирал шкаф для верхней одежды и обуви, и довольно ловко. То, что пространственное мышление у него развито на "отлично", я поняла еще при сборке икосаэдра, но чтобы изнеженный столичный принц управлялся с дрелью — казалось диким и не вязалось с Мэлом.

Он посматривал на меня, посмеиваясь. Видимо, его веселило, что мое внимание приклеилось к процессу вкручивания шурупов, а глаза округлились от изумления.

— Эвка, есть хочу.

И я подорвалась на кухню. Разволновавшись, поначалу не смогла сообразить, чем

кормить моего работягу и как угодить ему, но продышалась и успокоилась. В пакетах, проверенных дэпами*, полно полуфабрикатов. Сейчас набьем холодильник, опробуем новую сковородку на новой плите и настрогаем салатик.

Ну и пусть огуречные кубики напоминали чурбанчики, а вместе с зеленым луком порезался палец, — наш первый ужин останется в моей памяти навсегда. Во-первых, я забыла купить салатницу, и пришлось приспособливать кастрюльку. Во-вторых, не вспомнила о разделочной доске, и вообще, не учла множество мелочей, необходимых на кухне. Но Мэл не стал комментировать качество ужина, и его завидный аппетит пролился бальзамом, вселив в меня уверенность.

В мое отсутствие Мэл сделал перестановку на кухне, и стол органично вписался в угол, а холодильник не выпирал как прежде, загромождая помещение. Я умиленно поглядывала по сторонам. Мне ужасно нравилась кухонька, неуловимо напоминавшая жилище Олега и Марты. Если приложить капельку усилий и фантазию, здесь станет по-домашнему уютно.

— Денег хватило? — спросил Мэл, отвлекши от мыслей.

— Хватило, — отмахнулась я беспечно.

— И на это? — повертел он нож в руке. Самозатачивающийся, с автоматическим контролем угла заточки лезвия.

— И на это. И еще двадцать висов осталось, — соврала, не моргнув глазом. — Случайно наткнулась на магазин со скидками.

— Это хорошо. Эва... — Мэл на секунду замялся, но продолжил твердо: — Мы будем жить в общежитии. Это раз.

Я кивнула.

— Деньги, которые лежат в банке, и которые выделяет Рубля, не трать. Это два.

С моей стороны снова последовал кивок, но неохотнее и не сразу.

— Ты уже поняла, что некоторое время "Инновация" обойдется без нас, а мы — без неё, — сказал Мэл, умело поставив меня перед фактом экономии, хотя у нас были разные представления о скромном образе жизни. Для него невозможность бывать в элитном кафе приравнивалась к бедности, а в моем понимании экономией считалась сухарная диета, то есть сухари на завтрак, обед и ужин изо дня в день.

— Тогда твоя "Инновация" разорится, — пошутила я.

Было бы глупо изображать удивление словами Мэла. Мы понимали друг друга в достаточной мере, чтобы огибать скользкую тему его отношений с родителями. Наверняка они выдвинули ультиматум сыну: на первом месте может быть или семья, или чужая девчонка. Во втором случае забудь, что существуют родственники, и выкручивайся, как знаешь.

— И последнее. Я устраиваюсь на работу. Это три.

— На работу?! А как же институт? — опешила я. Слова Мэла повергли в ступор. Почему он поставил перед фактом, не посоветовавшись со мной?

— Неточно выразился, — поправился Мэл. — Буду ходить в институт и подрабатывать.

— Но ведь это большая нагрузка — и учиться, и работать! Давай подождем до окончания четвертого курса. Есть деньги Рубли, и в банке лежит достаточно...

— Нет, — отрезал он. — Мы живем вместе, и я отвечаю за тебя.

— Вот именно, мы живем вместе. Давай складываться пополам, — не отступала я.

Но Мэл уперся — не сдвинешь. Сказал: "Не обсуждается", поцеловал, поблагодарив за ужин, и ушел заканчивать сборку шкафчика, а я на автопилоте мыла новокупленную посуду.

Из перечисленных пунктов меня потряс третий. Мэл будет учиться, работать да еще готовиться к семинарам, писать рефераты, читать факультативную литературу — и всё из-за меня. Он пошел на принцип, отказавшись от родительской поддержки, и это очередной минус мне. Из-за меня Мэл будет возвращаться поздно. Он станет уставать. Появится раздражение, которое перерастет в невроз, а затем в стресс и депрессию.

Фантазия нарисовала Мэла — со впалыми щеками, изможденного, ползущего на последнем издыхании в институт после ночной разгрузки товарняка. О нет, это выше моих сил!

Ко всему прочему, подзуживал внутренний голосок: если Мэл начнет подрабатывать, у него не останется времени на меня. Конечно, когда-нибудь институт будет окончен, нам вручат аттестаты, и начнутся трудовые будни. Но старт намечался на следующий год, а не со дня на день. Я еще не надыхалась Мэлом, чтобы делить его с работой.

Даже собранный им шкаф не радовал. Вечер потускнел.

— Ты все-таки расстроилась, — заключил Мэл, сматывая шнур от дрели.

Я обняла его и прижалась.

— Не хочу. Не отпущу.

Пусть эгоистично, но это так.

— Всё будет в лучшем виде, — заверил оптимистично Мэл. — Дед уже договорился.

Полдня — в институте, после обеда — подработка, вечером — дома.

"Дома"... Здесь, где мы теперь живем.

— Вдруг отстанешь от курса? И будешь уставать... А наблюдение врачей? — всполошилась я, вспомнив. — Тебе нельзя перенапрягаться!

— Эвка, ты заражаешь меня страхами, — рассмеялся он. — Тысячи людей одновременно учатся и работают, и в этом нет ничего страшного. Завтра после обеда поеду на собеседование в компанию. Они специализируются на вис-улучшениях.

— Так скоро? — совсем скисла я.

Мэлу надоело мое нытье и расстройство.

— Я думал, ты порадуешься.

— Я радуюсь.

— Что-то незаметно.

Он притянул меня к себе:

— А знаешь, что? Давай составим список вещей, которых нам не хватает для нормальной жизни. Ты — свой, а я — свой. И потом сверимся.

Я согласилась — поначалу с неохотой, но потом увлеклась. Мы бродили по комнатам, загадочно поглядывали друг на друга и строчили на листочках. Исписав их вдоль и поперек, улеглись на кровати и начали сверку. Оказалось, что наши мысли совпадали в некоторых вопросах, как-то: насчет плафонов, штор, карнизов и коврика в душевой. Но Мэл мыслил масштабнее, а я скатилась в мелочи. В его списке оказался пылесос, печка для быстрого разогрева, телевизор, стереосистема с акустикой, накопитель дисков с музыкой, полки для того и полки для сего, большое зеркало на входную дверь, турник, вторая тумбочка, вертящийся стул, диван, кресла и трюмо. Как сказал Мэл, оно предназначалось для бесчисленных косметических флакончиков, тюбиков и бутылочек, чем смутил невероятно. О трюмо следовало упомянуть в моем списке, а я совсем забыла, потому что меня гораздо больше беспокоило отсутствие крючочков, кухонной утвари и прочих хозяйственных мелочей. А, еще разволновали стиральная машинка с утюгом и гладильной доской.

Под конец, зачитывая пункты, мы хихикали и подтрунивали друг над другом. У меня поднялось настроение.

— Неужели тётка-вехотка отдаст свою заначку? — поинтересовалась я, размахивая листочком. — У нее и стереосистема есть?

Мэл рассмеялся:

— Есть диван и кресла. Это точно. И стулья тоже есть. И плафоны с карнизами. А остальное купим.

Я попробовала еще раз заикнуться о совместном бюджете, но Мэл предупредил с недовольными нотками:

— Не нервируй меня, Эва. Я страшен во злобе. Завтра будешь зевать весь день.

Умеет же товарищ увливать от темы и сбивать с курса.

— С утра пойдем в институт, — продолжил Мэл. — На занятиях сядем вместе. Дэпы³ будут ожидать в коридоре. Питаться будем здесь. Ничего не бери в руки, не ешь и не вдыхай, пока не разрешит охрана.

— Какой ты серьезный и строгий... Настоящий секретный агент, — промурлыкала я, поиграв многозначительно бровью.

— Эвка, ты вникла в мои слова? По-моему, витаешь в другом месте.

— Вникла, вникла, — пробурчала, перейдя на серьезную волну Мэла. А нечего было отвлекать. — Вовсе не собираюсь вести себя как ребенок.

С теснотой кровати я свыклась быстро. Мне всегда нравилась возможность забрасывать на Мэла руку или ногу и прижиматься к нему. И вообще, нравилось переплетать наши пальцы в замок или рисовать на спине Мэла узоры, когда он отдыхал на лежаке, уморившись после дальнего заплыва, или гладиться щекой о его небритость, или пересчитывать его родинки, целуя каждую, или легонько обдувать шею у линии волос, будя утром, или "разрисовывать" лицо пальцем. Да разве всё перечислишь? То, что по-научному называется тактильными ощущениями, в моем клиническом случае обострилось в десятки, в сотни раз рядом с Мэлом. Я чувствовала его каждой клеточкой кожи. Я узнала бы его с закрытыми глазами из тысячи похожих мужчин. Если Мэл и считал навязчивой мою потребность в прикосновениях, то ни разу выказал недовольство ущемлением своего личного пространства.

— Я думал, ты никогда не простишь меня из-за пацана, — сказал он вдруг.

— Егор... — начала я и замолчала, придавленная нахлынувшими воспоминаниями. Но сейчас они причиняли не боль, а грусть. Радик изменил нас. Мы стали взрослее, мудрее, и мы учились пониманию и терпению. Я испытывала безмерную радость, что Мэл не воспринял гибель Радика так же равнодушно, как троица, спровоцировавшая парнишку на отчаянный поступок. Страшно, когда душа черствеет.

— Слышал, что у той девчонки отросли крылья?

— Да. И видел. Правда, фотка размытая. Мак переслал. Хочешь взглянуть?

— Спрашиваешь!

Мэл поиграл телефоном, нажимая на кнопки, и протянул мне. Изображение на экране действительно оказалось нечетким: силуэт — то ли мужской, то ли женский, а за спиной — нечто, похожее на большой рюкзак. Куда подевалась красотка, вскружившая голову простодушному первокурснику?

— Как думаешь, она понесла наказание из-за Радика, или её одарили крыльями по чистой случайности?

— Вряд ли вышло непреднамеренно. Похоже, пацан успел проклясть обидчиков перед

смертью.

— Радик?! Он не поступил бы так. Не верю! Нет и еще раз нет! — замотала я головой. — Проклятие, поразившее троих за одну ночь... Чтобы перенести человека в иную реальность и заточить в зеркале, нужно иметь немислимые способности... Нужно быть богом! Это за пределами понимания. А Радик видел волны через раз и учился с трудом.

— Ненависть может послужить достаточным толчком, — пожал плечами Мэл.

— Нет, Радик не мог! — возразила я горячо. — Он винил себя в слабости, но никогда не упрекнул бы тех, троих, в подлости. Его зверь не позволил бы!

— Зверь?

— Ну-у... Радик был "грязным". После аварии у него появились потенциалы, поэтому он и получил дефенсор*. А еще видел зверей, живущих в каждом человеке.

— И твоего зверя видел?

— И моего. И твоего. У каждого из нас есть свой зверь.

— Наверное, это своеобразное видение души. Или пацан мог наблюдать ауру, которую его мозг трансформировал в иную форму, — предположил Мэл. — И какой зверь живет в тебе?

— Средненький.

Его не удовлетворило мое отнекивание. Более того, Мэл заинтересовался.

— Ну-ка, ну-ка, рассказывай, — навис надо мной.

— Ничего особенного. Зверь как зверь. Ленивый и неповоротливый, — отшутилась я.

— А обо мне что говорил? — не отставал Мэл. — О моем звере?

— Тоже мало интересного. Что зверь постоянно в движении, — сымпровизировала я, переиначив слова Радика.

— А еще что?

— Теперь уж не упомяну, — увильнула от ответа.

Мэл задумчиво накрутил мой локон на палец:

— В движении... Не густо...

Запиликавший телефон отвлек от допроса. Прежде чем ответить, Мэл взглянул на экран.

— Добрый вечер, — поздоровался вежливо, хотя дело подошло к ночи. — Нет... Конечно... Во второй половине дня... Спасибо, хорошо... Понимаю... В среду в семь... Договорились. До свидания. Со всем уважением к супруге и детям.

Каков дипломат! "Со всем уважением к супруге"...

— Эва, звонил твой отец...

Я замерла. Что нужно папеньке? Лучше бы не слышать о нем до вручения аттестата.

— Ты вернулась в столицу. Нужно показать обществу, что ты жива и здорова. Несколько официальных снимков в кругу семьи. Фотосессия.

О какой семье речь? Мама и Мэл — вот и вся моя семья.

Заметив мой оторопелый вид, он разъяснил:

— Ты, твой отец и его жена.

— Не хочу! — выдала первое, что пришло в голову, и села на кровати, нервно грызя ноготь. Мэл оказался рядом, обняв.

— Нужно, Эва. По-другому никак. Привыкай.

Понятно, что за всё хорошее нужно платить, но мне ужасно не хотелось встречаться с родителем и мачехой. Настроение скакнуло в минус.

— Я боюсь... О чем нам говорить? Как правильно себя вести?... И нужно одеться подходяще! И прилично выглядеть! — вскочила и заходила туда-сюда.

— Поэтому фотосессия переносится с понедельника на среду. У тебя будет время, чтобы подготовиться.

— Где пройдут съемки? — разнервничалась я.

— В доме твоего отца.

— Ты же не бросишь меня? — кинулась к Мэлу.

— Поедем вместе. Ты справишься.

— А если журналисты начнут задавать вопросы? Вдруг поинтересуются о нас с тобой?

Что отвечать?

— Успокойся. Это обычное фотографирование. Интервью не будет. О нем договариваются задолго до назначенного времени. Заранее составляют вопросы, заранее готовят ответы, которые проверяют цензоры и шлифуют специалисты по разговорной речи и дикции. Тебе останется заучить и повторить с репетитором.

Ничего не скажешь, основательный подход. Никаких экспромтов и отсебятины. Наверное, и шутки разбирают по буквам, чтобы звучали смешно и непринужденно.

— А нас с тобой будут фотографировать? И почему журналисты не писали о нас?

— Не так давно ты говорила, что не хочешь публичности. Что-то изменилось? — улыбнулся Мэл.

Может быть. С одной стороны, не хочу, чтобы в нашу жизнь лезли репортеры и рылись в грязном белье, а с другой стороны, пусть все узнают, что Мэл — мой. Пусть знает вся страна — и Эльзушка, и Снегурочка, и прочие сливки светского общества.

Я опять вскочила и забегала перед Мэлом:

— Так... Пересмотреть гардероб... Обсудить с Вивой стиль и прическу... Съездить в переулок...

Ему надоело мое мельтешение.

— Иди сюда, — притянул и усадил на колени. — Теперь тебе не спрятаться от чужих глаз. Твоя жизнь изменилась. Ты не видишь волны, но не боишься смотреть людям в глаза. И пусть у вас с отцом натянутые отношения, согласишься, он выжал из покушения максимальную пользу, не забыв о тебе.

Соглашусь, — отвела я взгляд. Но отец сделал это, прежде всего, преследуя собственную выгоду.

— Предупреждаю сразу: готовься морально. Тебе придется бывать на мероприятиях разного уровня и сталкиваться со своим отцом... и с моим тоже... и с Рублей. В следующее воскресенье запланирован концерт по случаю открытия Академии культуры. Не сегодня-завтра на твое имя придет приглашение.

— Поеду только с тобой. Вместе. И сидеть будем рядом! — схватилась за Мэла как утопающий за соломинку. — Тебя ведь тоже пригласят, да?

— Пригласят. Эва... — замялся он. — Здесь столица, а не курорт. Не успеешь чихнуть, а тебе уже приписывают янтарную чуму в последней стадии. Наверняка сплетни долетели и сюда. Зачем давать повод для слухов?

— Ну и что? — заупрямилась я. — Пусть летают. Теперь неважно. Придумай что-нибудь, — прижалась к Мэлу и добавила жалобно: — Пожалуйста!

— Ладно, — хмыкнул он. — Все равно скоро узнают.

Я вздохнула с облегчением. Без своего мужчины — никуда.

— Почему отец позвонил тебе, а не мне?

— Потому что, — сказал Мэл со смешком. — Наверху не приветствуется, чтобы женщины принимали решения самостоятельно. За них решают родственники по мужской линии — отец, братья или муж. Конечно, в единичных случаях встречаются деловые дамы. Эти леди имеют бульдожью хватку и зарабатывают имя, шагая по трупам. Вообще-то за тебя отвечает отец, но он передал права мне, потому что мы с тобой теперь живем вместе.

— Делитесь правами, а мне знать необязательно? — ощетибилась я. — Передаете из рук в руки как вещь?

— Как сокровище, Эвочка, — уточнил он, заправив прядку волос за мое ухо.

— Хорошо! — вспыхнула я. — Предупреждаю, что не стану молчать о значках тётки-вехотки и расскажу Стопятнадцатому. И не буду спрашивать твоего разрешения!

— Бунт на корабле? — усмехнулся Мэл. — Назло моим словам?

— Не назло. Так совпало.

И ведь нисколечко не вру. Точнее, не хочу признавать, что второе произошло из первого. Каждый раз, когда взгляд падал на новую мебель, на душе скребли кошки, а заявление Мэла о женском беспорядке, считающемся нормой в высшем свете, послужило катализатором, воспламенившим революционный настрой.

— Жаль... — отозвался задумчиво Мэл. — Бесплатную лавочку прикроют, и тогда плакал наш диван с креслами. И плафоны. И стулья. Нас выпрут с четвертого этажа.

Я закусил губу. Искушение было слишком велико, чтобы отказываться от общежитской квартирki, которая успела полюбить меня, и от обещанного Мэлом комфорта. Комендантша, как всякий человек при казенной должности, держала нос по ветру и вела двойную бухгалтерию. Почему бы не воспользоваться её запасами, предложив взаимовыгодный обмен? Как говорится, ты — мне, я — тебе, и все довольны.

А если бы я по-прежнему жила в швабровке? Там остался колченогий стул без спинки, трехногий стол, обшарпанная тумбочка — и всё. Как жить лопушкам вроде меня, которым нечего предложить тётке-вехотке? Как попасть на верхние этажи, и по какому принципу выделяют лучшие комнаты?

Уверена, что комендантша экономит на студентах. Экономит на ремонте, воруя стройматериалы, экономит на мебели, экономит на постельном белье, выдавая реже сменные простыни и пододеяльники, или заменяет новые комплекты изношенными. Дербанит подушки, деля их на плоские блинчики, а излишки пера и пуха откладывает себе на перину. Сдает комнаты людям, не имеющим отношения к ВУЗу, и нанимает знакомых подрядчиков на ремонт крыши и сантехники, чтобы получать мзду с завышенных расценок.

Я не открыла новый вид человека хитрющего в лице тётки-вехотки. В интернате мне довелось насмотреться всякого, и там масштабы воровства были значительней, чем в институтском общежитии, а махинации — изощреннее.

Заныли искусанные губы. Мэл наблюдал за моими терзаниями, ожидая окончательного решения.

— Все равно расскажу Стопятнадцатому. Пусть выгоняют хоть к черту на кулички. Извини.

— Вот теперь узнаю свою Эву, — ухмыльнулся он. — Я уж думал, тебя подменили. Как понимаю, переубедить не удастся?

— Нет. Прости.

— За что? Уже поздно. Давай спать. И еще... Маська хотела заглянуть завтра в гости, —

голос Мэла неуловимо дрогнул.

— Конечно, — подхватила я с энтузиазмом. — Пусть непременно приезжает. А родители? Ты поедешь к ним? — спросила гораздо тише и менее уверенно.

— Обсудим потом. Спи.

Утро понедельника понеслось в авральном режиме. Во-первых, перед началом занятий полагалось сказать вежливое "здрасьте" проректрисе и Стопятнадцатому и получить от них инструкции о правилах пребывания в институте. Во-вторых, неожиданно выяснилось, что мне нечего надеть. Конечно же, одежда, купленная в переулке и в Моццо, никуда не делась, но легкие вещи предназначались для жаркого лета, а платья и кофточки вдруг показались легкомысленными и неподходящими для учебы, впрочем, как и шубка. По улицам шагает весна, а я вынуждена кутаться в меха.

В действительности дела обстояли не столь плачевно — платье смотрелось идеально, и фасон шубки-разлетайки вписывался в межсезонье — но я испугалась, что не смогу соответствовать Мэлу, который, будучи одетым как подобает столичному принцу, попивал кофе, опершись о косяк кухни, и наблюдал за моей суетой. Он вообще любил смотреть, как я в полуголом виде бегаю туда-сюда, собираясь в спешке.

— Твой завтрак остывает, — заметил, отхлебнув из кружки.

— Некогда, — убежала в ванную. — Почему не разбудил пораньше?

— Пожалел. Ночь вышла короткой.

Что поделаешь, если я "сова", и в понимании Мэла слово "спать" имеет несколько иное значение, отбросившее физиологический сон на час позже. И ведь Мэл тоже любит поваляться в постели с утра, но, когда требуется, встает точно в назначенное время.

— Иди, допивай там, — вытолкала его на кухню. Не собираюсь румянить при нем внешность и подкрашивать ресницы с бровями. В женщине должна быть загадка, хотя трудно поддерживать таинственность, живя на нескольких квадратах с мужчиной. Иногда складывается впечатление, что Мэл видит меня насквозь.

При взгляде на наспех заправленную кровать память живо восстановила вчерашний вечер, раскрасив щеки не хуже румян. Надо признать, теснота койки нравилась мне больше, чем постельный плацдарм в Моццо. Поначалу я вела себя зажато, смущаясь из-за прекрасной слышимости, но Мэл успокоил:

— Расслабься и получай удовольствие. На этаже недавно сделан ремонт. Здесь полная звукоизоляция плюс защита от вис-подслушивания и подглядывания. Всё, как ты любишь, милая.

— Спасибо, милый, — ответила я в том же тоне. — Теперь могу читать тебе сказочки на ночь, не беспокоя соседей.

— Сказки в твоём исполнении я готов слушать хоть до утра, милая.

Такие булабочки, которыми мы поддевали и укалывали друг друга, с некоторых пор стали нашим обоюдным развлечением.

Уверенность, начавшая таять с момента, как открылись глаза, окончательно испарилась на институтском крыльце. Месяц назад я была гораздо решительнее, отправляясь в крестовый поход за своим мужчиной: сбежала в столицу и в одиночку добралась до лекционной аудитории. Что же мешает теперь? Мэл держит за руку и ободряюще улыбается. Впереди — шкафообразный охранник и сзади аналогичный робот с непроницаемым лицом. Никто не посмеет смеяться надо мной или обидеть словом. Так почему вдруг накатила робость?

Успела ли я соскучиться по институту? Не знаю. От ностальгии по ВУЗу отвлекали предстоящая фотосессия в доме отца, предстоящий караван вечеринок в высшем обществе, предстоящая работа Мэла и необходимость держаться настороже, подозревая всех и вся. Опасность могла исходить от кого угодно — от любого студента или преподавателя. Даже бабульку-вахтёршу лишили доверия, не говоря о ректоре.

Удачно, что мы пришли рано, когда холл пустовал. Монтепорт растекся тушей по полу, не шевельнувшись при нашем появлении. Светодиоды люстры испускали холодный голубоватый свет, святой Списуил замер в вечной позе вверх тормашками, поблескивая голыми пятками, а зеркалах отражалось множество Мэлов и мужчин в черных костюмах, между которыми затерялись одинаковые девушки в одинаковых платьях с яркими ромбовидными ставками.

— Твои рубашки с улучшениями? — поинтересовалась я, чтобы отвлечься, пока мы поднимались на полуторный административный этаж. Похоже, чистота рубашек Мэла превратилась в идею фикс, а точнее, в одержимость. Они стали одним из пунктиков, лишивших меня спокойствия.

Мэл взглянул недоумевающе. Чему удивляться? Между прочим, актуальный и своевременный вопрос.

— Рубашки? — переспросил. — Нет. Предпочитаю одежду без вис-добавок.

Спасибо за искренний ответ, — упала я духом. После месяца совместного проживания вдруг выяснилось, что Мэл терпеть не может улучшения, призванные облегчать жизнь людей. А то, что кому-то придется стирать и гладить ворохи рубашек, его не заботит, — взглянула на Мэла с раздражением. Впрочем, сегодня он надел футболку и джемпер поверх, а многочисленные рубашки остались висеть в шкафу, заняв все вешалки.

В отличие от привередливого Мэла мне всегда нравились вещи, напичканные улучшениями. Будучи на содержании у отца, я привыкла к минимализму и отсутствию изысков в гардеробе. Чем меньше тряпья, тем проще при переезде на новое место. Теперь же носки, самоочищающиеся, немнущиеся, ароматизированные, меняющие цвет и подстраивающиеся в размер вещи приводили меня в детский восторг от факта обладания ими.

Кстати, об обновках. Похоже, в довесок к полиморфности кое-кто необратимо превращается в шмоточницу.

— Гошик, в среду предстоит фотосессия, а мне нечего надеть. Ни одной приличной вещи, — начала я издалека.

— Извечная женская беда, — заметил философски Мэл.

— Помнишь, мы договорились, что буду покупать одежду на свои деньги?

— Когда мы договаривались, то не жили вместе. Это во-первых, — прервал он. — А во-вторых, не паникуй. Успеешь подготовиться. Вечером всё обсудим.

Чует мое сердце, вечером предстоит новый раунд боев под названием "совместный бюджет". Судя по безапелляционному тону Мэл настроился на пересмотр былой договоренности.

Секретарша, поливавшая цветочки в приемной ректората, взглянула на нас с любопытством и по громкоговорящей связи доложила Царице о посетителях. Евстигнева Ромельевна встретила в дверях как радушная хозяйка:

— Доброе утро. Рада видеть вас в полном здравии.

Когда охранники осмотрели её кабинет и вышли в приемную, женщина указала на

кресла.

— Прошу, присаживайтесь. Неужели Департамент правопорядка оказал мне доверие? — осведомилась у Мэла с налетом мягкой иронии. — Меня исключили из списка подозреваемых?

— Нет. Но в некоторых случаях Департамент снимает с себя полномочия. Я подписал бумаги о личной ответственности, когда Эва со мной, — пояснил он.

Вот так, между прочим, в непринужденной беседе проректрисы и Мэла выяснилось, что он подписал за моей спиной какой-то документ, не удосужившись рассказать о сути. Ох, и схлопочет кто-то за недоговорки и тайны!

— Думаю, мы быстро свикнемся с присутствием специалистов Департамента, — объявила Евстигнева Ромельевна, лучась оптимизмом. Уж не охранников ли она посчитала специалистами? — Поскольку пропущено полтора месяца учебы, перед нами стоит задача по наверстыванию упущенного. С расписанием весеннего семестра вас ознакомят в деканате. Наш институт совместно с Департаментом образования подготовил программу дополнительных занятий с учетом пересдач по задолженностям зимней сессии. Для вас, Егор, проблемным предметом осталась символика, а у вас, Эва, не сдана теория снадобий. Если потребуется, мы охватим часть летних каникул и, соответственно, отодвинем сессию ближе к осени. Я рассчитываю на удачный весенний семестр.

Да, удача потребуется всем нам. Царица надеется, что новые ЧП не повалят институт навзничь. Для меня этот семестр пройдет под знаком индивидуальных встреч с преподавателями, означающих, что придется штудировать конспекты от корки до корки, не рассчитывая на авось, — тоска! Для Мэла этот семестр будет напряженней, чем предыдущие: ему нужно успевать и учиться, и работать.

— Для вас, Эва, помимо теоретических занятий разработана практическая часть, — продолжила проректриса. — От Департамента образования выделены педагоги, которые продолжат занятия, начатые во время реабилитации.

Собрались три лгуна: я, Мэл и Царица. Мы прекрасно знаем, что у меня никогда не было вис-способностей, но старательно делаем вид, что причиной трагедии стало отравление сильнейшим ядом. Если проректриса пожелает успехов в освоении волн, это станет верхом лицемерия.

Евстигнева Ромельевна не пожелала. Стоило сказать ей спасибо за сохранение тайны. Пусть она не питала ко мне особой симпатии, но и не чинила препятствий в учебе. Зато к Мэлу отнеслась иначе, чем ко мне, и вовсе не потому, что его отец заведовал двумя влиятельными департаментами. Я бы сказала, между проректрисой и Мэлом установились доверительные отношения, основанные на взаимном уважении. Царица чаще посматривала на него, нежели на меня, улыбалась ему мягче, чем мне, и внимательно приглядывалась к нам обоим, словно выискивала подтверждение правоты своего поступка: а не напрасно ли она вмешалась месяц назад и пролила свет на события, происходившие в медицинском стационаре? Счастлив ли Мэл? Воздалось ли ему по заслугам за бесценный дар жизни?

Беспокойство проректрисы за Мэла вызвало у меня толику ревности, потому как Царица оказалась причастна к его делам в большей степени, чем я. Не удивлюсь, если Мэл обращался к ней за советами.

— Что за документы о личной ответственности? — набросилась я на Мэла, когда мы вышли в приемную. — Почему узнаю о них последней, и почему меня считают маленькой, чтобы посвящать в свои дела?

— Если бы я не подписал, то медведи, что вышагивают впереди и позади, прописались бы в наших комнатах, — ответил вполголоса Мэл. — Я взял на себя ответственность за твою безопасность, когда мы вместе.

Вот оно что! Рискованный шаг с его стороны.

— И когда успел? — поразила я. — Не припомню, чтобы ты занимался бумагами.

— В Моццо. Ты была на занятиях. Теперь буду отвечать лично, если в моем присутствии с тобой что-нибудь случится. Поэтому будь хорошей девочкой, Эва. Не подведи меня.

— Ты принимаешь решения единолично, не посоветовавшись со мной! — вспыхнула я. — Неужели трудно предупредить?

— Ну, хорошо. Ты узнала. Разве что-то изменилось? — начал раздражаться Мэл. — Зачем забивать голову незначительными мелочами?

Хороша мелочь! Из-за неё у родителей Мэла появится еще один повод возненавидеть меня. Если я пострадаю из-за преднамеренного злодейства, а преступника не найдут, то за его неимением обвинят Мэла со всеми вытекающими последствиями.

— Почему незначительными? — закипела я. — Считаешь мелочишкой, когда тебя призовут к ответу как недоглядевшего?

— Не накручивай, Эва. Представь, что тебе послышалось. Забудь о моих словах и живи спокойно, как раньше. Однако... твоё возмущение наводит на мысль, что ты собираешься выкинуть очередной фортель, — прищурился Мэл.

— Не собираюсь ничего выбрасывать, — надулась я. — И вообще, стану куклой. Дергай за веревочки на здоровье. Можешь не предупреждать, в какую сторону идти. Я и так выгляжу дурой перед посторонними.

— Эва... — он попытался приобнять меня, но я сбросила руку с талии и ускорила шаг. Обижена, обижена. Молчком подписал какие-то бумажки. Наверное, привык, что женщин его круга ставят перед фактом или не считают нужным сообщать, не говоря о том, чтобы советоваться. Или знал заранее, что советоваться со мной — гиблое дело. Я бы довела Мэла до белого каления, но заставила отказаться от идеи с личной ответственностью.

Путь до деканата прошел во взаимном раздражении. Охранники оглядели кабинет Стопятнадцатого на предмет подозрительностей, после чего вышли в устойчиво безжизненную приемную.

Декан предложил мне кресло для посетителей, а Мэлу — стул, который самолично занес из приемной.

— Рад, рад, — прогудел Генрих Генрихович, пожав руку Мэлу и кивнув мне. — Безмерно рад, что наш факультет не потерял студентов. Вот, возьмите, — он раздал отпечатанные на машинке толстые брошюры. "Папена Э.К. Весенний семестр" — значилось на титульном листе. Моя книжица оказалась потолще, чем у Мэла. — Их можно выносить из института. Разработчик — Департамент образования. Помимо расписания и программы обучения, на последних страницах прилагаются бланки, которые необходимо заполнить. Укажите время и дни недели, предпочтительные для дополнительных занятий, чтобы преподаватели могли сориентироваться. Постарайтесь вернуть бланки в деканат в течение двух ближайших дней.

— Генрих Генрихович, я не смогу бывать на занятиях во второй половине дня, — вставил Мэл.

— Меня предупредили. Что ж, есть вечера и субботы. Кроме того, институт пойдет

навстречу, предложив вам сдать часть предметов экстерном, как было оговорено ранее.

— Спасибо.

Опять кто-то с кем-то договорился, и кто-то кого-то предупредил. Лишь я не имею представления, о чем речь, и оттого выгляжу глупо.

— Есть вопросы? Хотя, думаю, они появятся после ознакомления с программами обучения.

— Есть, — сказал Мэл. — Эва до сих пор числится младшим помощником архивариуса?

От удивления я забыла, что секунду назад купалась в нахлынувшем недовольстве, а уж о своей должности и подавно не вспоминала, решив, что за многочисленные прогулы меня давно уволили. Невелика беда — потеря десяти еженедельных висоров.

— Пока что Эва Карловна числится, — огорошил декан. — Считается, что до сегодняшнего дня она находилась на больничном по нетрудоспособности. Желаете снова выйти на работу, милочка?

— Нет. Желает уволиться, — ответил за меня Мэл. — Ведь так, Эва?

Наверное, так. И опять он решил за меня, не посоветовавшись. Возьму и из принципа не соглашусь! Назло Мэлу. И кому сделаю хуже? У меня не останется времени на учебу и на любимого мужчину, к тому же глупо сожалеть о потере мизерного оклада. И все же заявление от моего лица выглядело произволом со стороны Мэла.

— Да, хочу, — согласилась с ним, зыркнув недовольно.

Стопятнадцатый, протянув лист бумаги, предложил написать заявление об увольнении по собственному желанию.

— А нового архивариуса приняли? — поинтересовалась я, оторвавшись от каракулей.

— Да. С полмесяца тому назад.

Значит, Швабель Иоаннович уехал на побережье, а мне ни капельки не хочется в подвал, чтобы познакомиться со следующим хозяином архивных дел.

Декан положил заявление в папку и предупредил:

— После того, как ректор наложит визу, в отделе кадров выдадут обходной лист. Его следует заполнить, то есть пройти процедуру увольнения в порядке, аналогичном приему на работу. Я сообщу, когда ваше заявление подпишут.

О, ужас! Мне не выдержать повторную беготню по этажам и кабинетам. Делов-то всего на десять висоров, а из-за бюрократии носишься в мыле как лошадь.

— Нельзя как-нибудь ускорить? — озаботился Мэл.

— Никак, — развел руками Стопятнадцатый. — Мы не можем нарушать кодекс о труде. Нужно соблюдать порядок.

— Может, порвать заявление, а я не выйду на работу? — предложила декану.

— Тогда, милочка, вас уволят по статье. Зачем же начинать трудовую карьеру со злостных прогулов? — пожурил Стопятнадцатый. — Несмотря на незначительную должность, работа младшим помощником архивариуса стала первой ступенькой, научившей вас собранности и ответственности, не говоря о том, что дала основные навыки организации архивного дела. Уверен, с хорошим заделом вы пойдете далеко.

Патетическая речь Генриха Генриховича усовестила меня, зато Мэл нахмурился. Чем недоволен? Сам же хотел, чтобы я уволилась, а теперь супится.

— И выпишите меня из программы помощи малооплачиваемым категориям служащих, — вспомнила я.

Декан перевел взгляд на Мэла, но тот отвернулся, изучая корешки книг.

— Конечно, милочка, я подумаю, как исключить вашу фамилию из списков без ущерба для ведомостей. Уверены, что хотите отказаться? Вам причитаются деньги за первое полугодие включительно, с учетом возможного увольнения.

— Отказываюсь, — уверила твердо. — Они пригодятся кому-нибудь другому.

Мэл хмыкнул.

— Поскольку мы взяли за материальности, хочу добавить, что вам, Эва Карловна, как пострадавшей в стенах института, положена компенсация на питание до окончания четвертого курса. Для начала примите талоны на завтраки и обеды на весенний семестр, — сказал декан и вынул из ящика стола два плотных огненно-красных рулончика с единичками в черных завитушках. Самые лучшие, со стоимостью каждого талона в пятнадцать условных висоров.

Невиданная роскошь! Наверное, по шкале институтских компенсаций отравление ядом приближалось к верхней планке, коли мне предложили бесплатное питание на ближайшие полтора года.

Прекрасный подарок, но вкусы столовой находились теперь в запретной зоне. Мэл предупредил, что об общепите нужно забыть. "Если в бокал с шампанским сумели подлить яд, то не составит труда добавить толченое стекло в котлету или в запеканку". Ужасы, которыми он страдал, я выслушала с округлившимися глазами.

— Мне... нельзя, — взглянула растерянно на Мэла, но он молчал, глядя в окно-иллюминатор. — У меня режим питания...

— Берите, милочка, не стесняйтесь. Администрация института несет ответственность за вашу безопасность и жизнь, поэтому в бюджете заложена статья расходов на студентов, пострадавших в результате неосмотрительности преподавательского и руководящего состава. Распишитесь вот здесь и здесь. — Стопятнадцатый протянул ведомость.

— Если я утеряю талоны, с меня опять вычтут их стоимость?

По быстрым прикидкам огненные рулончики с талонами оценились тысячи в три висоров, не меньше.

— Увы, да, — посетовал декан. — Круговорот денежных единиц в природе.

Я посмотрела на Мэла: подскажи, отказаться или принять неожиданный презент? Но он разве что не насвистывал, изучая потолок. Мол, можешь принять самостоятельное решение, коли высказала возмущение тем, что тебя игнорируют. Но как можно сравнивать? Я прошу совета, а Мэл не удосужился поставить перед свершившимся фактом.

Возьму и назло ему не откажусь от талончиков. Не хочу, чтобы наша жизнь прошла на общежитской кухне среди продуктов, просканированных охранниками. В конце концов, правосудие когда-нибудь свершится, и убийцу поймают.

— Летом студенческая столовая закрывается на плановый ремонт. По талонам можно питаться в столовой для персонала, — добавил Стопятнадцатый, убрав в ящик стола ведомость с моей закорючкой. — Неиспользованные талоны имеют значительный срок давности. Можете сдать их в первый день осеннего семестра. Еще вопросы?

— Вопросов нет, есть предположение, — ответила я, кинув взгляд на Мэла, и задрала подбородок. Так тебе! Из принципа. Не хочешь помогать, буду сама по себе.

Однако Мэла не расстроило мое бунтарство, хотя он догадался, о ком пойдет речь. Наоборот, он, посмеиваясь, развалился на стуле, как у себя дома. Видите ли, ему весело. В отместку я поведала Стопятнадцатому всё, что узнала об особенностях деятельности тётки-вехотки в пределах отдельно взятого казенного учреждения. Получилось мало и сумбурно,

но Генрих Генрихович внимательно выслушал сбивчивый монолог.

— Хорошо, милочка, что вы сообщили. Своевременно. Слухи циркулировали давно, но студенты, проживающие в общежитии, не подтверждали их.

Конечно, никто не будет рыть себе яму. Кто пользуется блатом, тот молчит, а прочие овечки и барашки не догадываются.

— Вы согласны с предположениями Эвы Карловны? — обратился декан к Мэлу.

— Согласен, — ответил тот коротко, взглянув на меня с ухмылкой. Что смешного в моем рассказе? Наоборот, надо плакать. Комендантша успеет замести следы перед ревизией, а затем вышвырнет из общежития мою принципиальную особу и лишит Мэла крыши над головой. А это... возможно, к лучшему! Я воспользуюсь бонусом от премьер-министра о выборе жилья, и волей-неволей Мэл согласится, что нам нужно где-то жить.

— Сигнал принят. Мы проведем проверку и обязательно сообщим о результатах, — сказал Стопятнадцатый, огладив бородку. Видно, разоблачение комендантши вызвало у него тревогу, и неспроста. Вдобавок ко всему прочему, администрацию могли обвинить в том, что в общежитии устроен рассадник воровства, а руководство института потворствует махинациям.

— Думал, не скажу? — спросила у Мэла, когда мы вышли в приемную.

— Наоборот, не сомневался, — ответил он.

— Ты решаешь и договариваешься за моей спиной, не считая нужным обсуждать со мной! — выпалила я.

— Эва, все принимаемые решения — для твоего же блага.

— Большое спасибо, но я должна знать о них или, по-твоему, нет?

— Ты переживаешь из-за съемок, из-за того, что до сих пор не нашли преступника, из-за того, как окружающие будут относиться к тебе в свете новых обстоятельств. Как видишь, достаточно причин, чтобы мучиться бессонницей. Зачем добавлять новые? Я хотел, чтобы ты сосредоточилась на учебе.

— Я тоже переживаю за тебя и хочу, чтобы ты сосредоточился на занятиях. Ты и так лишился многого из-за меня...

— Эвка, не начинай, — ответил Мэл, раздражаясь. — Мы, кажется, обговорили...

— Ничего мы не обговаривали! Ты, как всегда, решил в одиночку или с кем-то, и мне это не нравится! — вспыхнула я. — На! — сунула ему талоны.

— Зачем?

— Затем! Вдруг потеряю? У меня короткая память и дырявые руки!

— Предлагаешь стать личным сейфом? Зря взяла. Всё равно не пригодятся.

Больно надо упрашивать. Обойдусь и без него!

— Отдай! — потянулась я за рулончиками, но Мэл спрятал талоны в сумку.

Преподавательство стихло в коридоре, потому что на нас и на телохранителей смотрели во все глаза. До аудитории мы дошли молча, полыхая взаимным раздражением, отвлекшим меня от нервозности и страхов. Массовое любопытство студентов прошло мимо внимания.

— Через неделю привыкнут, — сказал Мэл, беря меня за руку.

— Знаю, — отрезала я, но не стала вырываться.

Охранники остались в коридоре, а мы зашли аудиторию. Наше появление встретили гулом голосов и повышенным интересом.

Накануне Мэл предупредил, что теперь мое место — возле него, но не уточнил, что дислокация сместится на верхний ряд.

— Почему здесь? — спросила я, усаживаясь на верхотуре. Впереди — головы однокурсников, оборачивающиеся в нашу сторону.

— Потому что защищена спина.

Логично. Пусть во время семестра количество студентов уменьшилось в разы по сравнению с сессионным периодом, с задних рядов запросто могли бросить в меня заклинание, и Мэл не нашел бы обидчика, а ведь он несет ответственность за мою безопасность.

По соседству рухнули на облюбованные сиденья заспанные Капа и Сима Чеманцевы, послав приветственные кивки. Приятели Мэла, с которыми он раньше активно общался, сегодня предпочли посматривать на нас и переговариваться между собой, не приближаясь. Мэл оказался в вакууме, и опять по моей вине.

Лютик вообще не заметил нашего появления на лекции и не обратил внимания на взбудораженность третьекурсников, гуляющую по аудитории. Он бегал от трибуны к доске и потрясал указкой, тыча в развешенные плакаты со схемами. С непривычки я уморилась записывать лекцию и периодически встряхивала кистью, прогоняя онемение.

Случайный взгляд, брошенный на соседа, отвлек внимание от лектора и от темы занятия. Я залюбовалась профилем Мэла и аккуратными буквами, появляющимися в его тетради. Смотри на его пальцы, сжимающие перо, вспомнила дни и ночи, проведенные в Моццо; вспомнила, как мы сидели на берегу озера, глядя на красный шар заката, и Мэл обнимал меня; вспомнила, как он плыл рядом и поддерживал, потому что я до ужаса боялась глубины; как подшучивал над утенком, выпиленным мною с помощью лобзика, потому что фигурка птенчика напоминала чудовище из ночных кошмаров. И вдруг монополистическое поведение Мэла перестало быть таковым, а мои претензии к нему, наоборот, показались истеричными и мелочными. Он умолчал о принятых им решениях ради меня, чтобы не добавлять к имеющимся беспокойствам новые тревоги.

Я порывисто накрыла ладонь Мэла своей и сжала. Люблю его. Люблю.

Мэл оторвался от писанины и улыбнулся, ответно сжав мои пальцы. Он написал что-то на тетрадном листке и, оторвав клочок, подвинул мне.

"Не отвлекайся" — было выведено каллиграфическим почерком.

Я и не отвлекаюсь. Разве что самую чуточку.

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка
defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

или

или

30. Ящик Пандоры

-1-

Фотосессия в особняке папеньки наложила отпечаток на мое настроение. Мысли о том, каким могло быть будущее, если бы не развелись родители, роились, мешая сосредоточиться на учебе. Фантазии о несостоявшемся островке семейного счастья разбавлялись раздумьями о причинах, разведших отца и маму.

Наконец, Мэлу надоел бессмысленный взор, обращаемый на него каждый раз, когда он пытался отвлечь меня чем-нибудь более прозаичным.

— Если будешь хандрить из-за каждой встречи с отцом, завалишь семестр. Закаливайся. Вы будете часто видаться.

Выслушав нерадужный прогноз, я упала духом. И ведь Мэл давно предупредил о грядущих изменениях в моей жизни, а, теперь, когда эти самые изменения нагнали, дыша в затылок, на меня навалилась апатия.

— А можно совсем не видеться? Или хотя бы до выпускного?

Мэл хмыкнул:

— Увы. В воскресенье — концерт. А затем потекут приглашения на маленькие и большие мероприятия, на семейные и правительственные праздники.

Я ужаснулась:

— И обязательно соглашаться? Когда же учиться? Можно отдать наши билеты тем, кто действительно хочет посмотреть выступление. На худой конец, можно продать желающим!

— Спекулянточка моя, — поддел Мэл. — Не получится передарить или продать приглашения. Они именные. Но их можно фильтровать. Если статус соответствует, имеешь право отказаться от семейного обеда или юбилея.

— А он соответствует? — спросила я с надеждой.

— Да. Но от тех мероприятий, которые посещает Рубля, не отвертеться. А он будет на концерте. Министерство культуры выпросило деньги на строительство Академии, поэтому премьер приедет с ревизией — на что потрачены финансы, и каков результат.

И опять всё завязано около Рубли. Никто не смеет чихнуть без его разрешения. А мне и подавно нельзя игнорировать приглашение премьер-министра, чей указ одарил меня фантастическими благами. О них напомнил большой конверт с серьезными печатями, доставленный накануне спецкурьером из Дома правительства. В нем оказалась пластиковая карточка Первого правительственного банка, на которой с прошлого месяца начали накапливаться висоры, дарованные Рублей. Вдобавок прилагался договор аренды жилого помещения в двух экземплярах с пустыми строками. Осталось вписать адрес жилья, реквизиты арендатора — и въезжай, куда душе угодно.

Банковская карточка и договор перекочевали Мэлу. Вива покрутила бы пальцем у виска, прочитав нотацию об отсутствии женского ума и хитрости, но я не пожалела о своем решении. Поскольку из нас двоих Мэл ворочал заработанными средствами, мне показалось некрасивым и нечестным прикуркуливать подарки премьер-министра. К тому же, я боялась ущемить гордость своего мужчины. У меня куры денег не клюют, а он вынужден подрабатывать и учиться да еще следить за ростом статуса.

— Зачем? — спросил, когда я вручила конверт с содержимым.

— Затем, что ты отвечаешь за меня. Как скажешь, так и будет. Твое слово — последнее.

Мэл и глазом не моргнул, забрав подарок премьер-министра, но я видела: ему важно мое признание и согласие с тем, что он — глава семьи и распорядитель финансов. Так оно и есть, но моему мужчине незачем знать, что заначка из банковской ячейки станет незаметным подспорьем в совместном бюджете. Зачем загружать голову ненужными мелочами? Пусть мой военачальник планирует на здоровье статьи расходов и доходов. Он и не заметит, что наличность от продажи коньячной фляжки вливается тонким ручейком в реку общих трат. Осталось придумать, как выцарапать свои же денежки из банка незаметно от Мэла и от охранников. Стоящих мыслей по этому поводу пока что не было.

Солнечность и безветрие в столице сменились дождливым антициклоном с незначительным похолоданием, и мне пришлось купить зонтик с рюшками по краю. В сухом состоянии он имел насыщенный голубой цвет, а на мокром материале как на фотопленке проявлялись замысловатые узоры, и разводы никогда не повторялись.

Небо хмурилось, дождик моросил с нечастыми перерывами, но ему никак не удавалось изгнать весеннее настроение. Воздух пах мокрым асфальтом, корой деревьев и смолой от прилипших к подошвам чешуек с раскрывающихся почек. По утрам мы шли в институт под зонтом Мэла — большим и черным, обходя лужи по пути. На мой девчачий зонтик Мэл поглядывал снисходительно и старательно сдерживал ухмылку.

Убийцу нашли, но неизвестно, стало ли легче дышать, как выразился Мэл. Телохранители освободили комнаты в общежитии и теперь приезжали по требованию после телефонного звонка или нажатия кнопки на браслете. Вечером они сдавали вахту, а Мэл принимал. Охранники перестали досконально проверять каждую вещицу, попадавшую в мои руки, и ослабление тотального контроля не могло не радовать. Однако чужое навязчивое внимание держало в постоянном напряжении.

Сказать, что я осталась незаметной серой крыской — значит, бесстыже соврать. Но привыкнуть к назойливому интересу студентов оказалось трудно, а вернее, практически невозможно. Поначалу чудилось, что в моем облике что-то неладно — или посадилось пятно на платье, или тушь потекла, или птичка на голову капнула. Нужно учиться видеть сквозь людей, — внушала я себе. Теперь понятно, почему у известных и популярных личностей скользят пустые взгляды. Это своеобразная защитная реакция. Вроде бы смотришь на человека, а на самом деле — мимо него.

Территорию альма-матер оккупировали журналисты. По указанию администрации им запретили появляться в пределах институтского периметра, и они прохаживались за воротами, фотографируя, снимая на камеры и вылавливая случайных студентов, чтобы взять интервью. Причем не только обо мне, но и о Ромашевичевском и об Эльзушке. Хотя следствие не озвучило фамилии обвиняемых, слухи мгновенно просочились в прессу. Ромашку называли оборотнем и двуликим Янусом. Газеты, которые ежедневно привозили к обеду охранники, пестрели эпитетами о хладнокровном преподавателе-убийце. О Штице писали осторожнее. Видимо, боялись своры адвокатов, готовых перегрызть глотку журналистам за оскорбительные высказывания.

Дополнительного шума наделала семейная фотография Влашеков в прессе, произведшая фурор у обывателей, после чего число репортеров, прогуливающихся за институтской оградой, увеличилось.

Несмотря на то, что нас с Мэлом наверняка снимали на видео и фотографировали под различными углами, газеты почему-то не пестрели нашими портретами. Очевидно, действовала жесткая цензура. Разве что промелькнул единожды нечеткий снимок, на котором мы с Мэлом шли по дорожке к институту. Подпись под изображением сухо сообщала: "Эва Папена и Егор Мелёшин". Я долго разглядывала фотографию, изучая каждую черточку, прежде чем поняла, что не могу оторваться от газетной полосы.

— Смотри, — показала Мэлу. — Это мы.

— Вижу. Нравится?

Скажу "да" — посмеется, скажу "нет" — и совру.

— Очень. Раньше в газетах не было фоток, а теперь появилась. Необычно.

— Привыкай. Ты собиралась идти со мной на концерт или нет?

— Конечно, собиралась, — заверила я горячо.

Пригласительные билеты доставили вчера в плотных белых конвертах с вензелями, и мое сердце ушло в пятки при виде сиротливой строчки курсивом: "Папене Эве Карловне". Я так и не решилась открыть послание, и за меня это сделал Мэл. Колонный зал Академии

культуры... ряд... место — значилось в моем приглашении. И по левую руку — место Мэла. Уф, какое облегчение!

— Снимки в газетах — своеобразная подготовка, чтобы народ не попадал с кресел, увидев нас вместе на концерте. Пока что единичное торпедирование, но скоро начнется артобстрел. До конца недели в прессе разместят еще несколько фотографий.

— А каких? — ухватилась я за Мэла.

— Потерпи и увидишь.

Вот интриган! И ведь не открыл рта, как я ни допытывалась. И упрашивала, и пригрозила, и даже всхлипнула — ничего не помогло.

Фотки действительно стали появляться ежедневно — снятые с большим приближением и оттого слегка расплывчатые. Очевидно, неизвестный фотограф наводил объектив, стоя за решеткой института. На изображениях не было ничего сенсационного, наоборот, всё пристойно, но чувствовалось, что ракурсы и кадры подбирались тщательно, невзначай преподнося читателям историю, показывающую скачок романтических отношений между светскими детками. Мэл, открывающий передо мной дверь... Целомудренные объятия на крыльце института... Улыбки, адресованные друг другу... Прикосновение губами к щеке... Мэл, ловящий рукой воздушный поцелуй...

Чудесная парочка, романтическая. Каждый кадр дышит его заботливостью и её нежностью, а их чувства того гляди воспламят газетный лист. Огонь, да и только. Блеск в глазах, горячая влюбленность... Так и хочется пожелать парочке вечного счастья. Ох, господи, это же я — героиня иллюстрированной истории, а Мэл — герой. Надо же так забыть!

Похожие ощущения надлежало испытать и читателям периодического издания.

Продуманный подход и детальная проработка, с коей подошли к обнародованию наших с Мэлом отношений в прессе, дали мне понять, что у истории, разыгранной для обывателей, — хорошие сценаристы, и что, возможно, процесс отбора фотографий контролировал мой отец или Мелёшин-старший. Недаром в Департаменте правопорядка существовал отдел цензуры, который просеивал и допускал к печати нужные материалы. Получается, Мэла заранее посвятили в тонкости опубликования наших с ним отношений, а это означало, что он начал общаться с отцом.

Я возликовала: лед тронулся. Навостряла уши, пытаюсь подслушать. Но телефонные разговоры отца и сына носили официальный и деловой характер, без расспросов о здоровье, о жите-бытье, о маме и сестре. Так, необходимый минимум информации, после получения которой оба рассоединялись. Слово бы и не существовало между собеседниками родственной связи. С Бастой и дедом Мэл общался гораздо эмоциональнее и дольше.

Баста приехала в гости при первом же удобном случае. На машине отца, с шофером. "Эклипс" Мелёшина-старшего встал на прикол у ворот института, а сестрица Мэла ринулась в общежитие.

Оказывается, она терроризировала брата с тех самых пор, как мы вернулись с курорта. Об этом рассказал Мэл перед первой лекцией. Он предупредил утром о визите сестры и напомнил вечером, когда мы возвращались в общежитие после допзаятия по элементарной висорике. Мог бы не повторять, я не забыла, потому что нервничала весь день. Баста посмотрит, в каких ужасных условиях живет её брат, и, вернувшись домой, распишет родственникам в красках отсутствие удобств в быте Мэла. А то, что удобства отсутствовали, не подлежало сомнению. Достаточно вспомнить роскошную обстановку родительского

особняка и провести параллель между обитателями белой зоны.

Наверное, я переволновалась. Позже, перед сном, заново прокрутив вечер в памяти, пришла к выводу, что Баста — девушка непосредственная, дружелюбная и с живым характером, и что она не придавала значения тем мелочам, которые в большом количестве замечают мамы взрослых сыновей. Меня же не отпускало внутреннее напряжение, а в голове безотрывно звенела сигнализация: "Баста = родители Мэла". Я боялась сделать или сказать что-нибудь дурацкое или глупое, боялась поставить Мэла в неловкое положение отсутствием должного воспитания. Ведь Баста училась в элитном лицее, где к манерам приучали с детства. Да и Мэл недалеко ушел от сестры со своей вышколенной вежливостью и учтивостью джентльмена.

Как и следовало ожидать, девушка засунула нос во все доступные места и углы. Периодически она восклицала:

— Ого!

или:

— Вот это да!

или:

— Ничего себе! Ну, ты даешь! — обращаясь, преимущественно к Мэлу. Он, посмеиваясь, следовал за сестрой по нашему жилищу.

Непонятно, что означали экспрессивные восклицания: то ли всё плохо — хуже некуда, то ли... то ли Басту потрясло, что брат отказался от услуг горничных, от посудомоечных машин, от обедов с обязательной сменой пяти блюд, приготовленных личным поваром высочайшей квалификации. Отказался от особняка в белой зоне и от квартиры с панорамным окном и высокими кривыми потолками.

— Ясно, — заключила гостя, закончив обзор, и протянула руку брату: — Дай лапу.

Они обменялись рукопожатием, и я снова заметила, что между близкими родственниками много общего. Хотя имелась и разница. Мэл выглядел зрелым, состоявшимся мужчиной, а из Басты выплескивались озорство и детская ребячливость.

Вечер протек в просмотре фотографий, привезенных из Моццо. Перебирая и разглядывая снимки, мы с Мэлом вспоминали, при каких обстоятельствах заполучили их. Мэл говорил — я дополняла или я поясняла — Мэл уточнял. Высоченные пальмы, необъятное озеро, полоска пляжа, шуточные электромобили вызвали у меня ностальгию по отдыху на курорте.

Общение происходило на кухне, где были сидячие места и холодильник, который понемногу опустошался.

— Теснотища, — заключила Баста с удивлением, изучив небольшое помещение. Наверное, она не подозревала, что есть комнаты гораздо меньших размеров, чем наша кухня. Например, моя швабровка.

Самый лучший способ избавиться от неловкости — расспрашивать человека о нём самом, о его интересах и увлечениях, причем искренне. Это психология. Рассказывая о себе, человек раскрывается, раскрепощается. Ему приятно внимание к своей персоне. Налаживается контакт. Кроме того, меня волновало всё, что имело отношение к Мэлу.

— Осточертел этот лицеище, — поделилась наболевшим Баста. — Лицемер на лицемере. У каждого на губах медок, а в глазах ледок.

— И конечно же, не знаешь удержу, — констатировал брат. — Надеюсь, вслух не высказываешь?

— Наоборот! — заявила с гордостью девушка. — Не могу молчать, видя откровенное тупоумие и тщеславие.

— Погонят тебя оттуда. Когда-нибудь проешь плешь, и отправят восвояси.

— И хорошо! Я в институт переведусь, — парировала с жаром Баста.

— Вряд ли, — усмехнулся Мэл.

— Почему? Эва же учится — и ничего.

— Этого достаточно. А твоего величества институт не выдержит. Крыша рухнет и стены обвалятся.

— Знаешь, что? — вспыхнула гостья. — Иди отсюда, не мешай разговаривать. Иди, иди, проветришь, — вытолкала брата в соседнюю комнату.

Мэл "проветривался" за стенкой, взявшись за конспекты по нематериальной висорике, а мы с Бастой общались между нами, девочками. Она не спрашивала о трудностях ослепшей висоратки, не любопытствовала о коме и выздоровлении, не выпытывала подробности стычки с Эльзушкой в лабораторном кубе. Наверное, брат заранее составил список тем, запрещенных к обсуждению.

— Жуть, — сказала Баста, нагребая ложку мороженого из второго ведерка — того, что сохранилось в запасниках холодильника. — Ем и чувствую, как калории налипают и на глазах превращаются в сало и жир.

— Тогда зачем ешь?

— Потому что вкусно. М-м-м... Персик с ванилью, — возвела она глаза к потолку. — Если бы знала, выпила аннулятор заранее, а теперь пиши пропало.

— Аннулятор? — переспросила я, испытывая неловкость из-за того, что не знаю очевидных вещей.

— Ну да. Обнуляет потребленные калории. Связывает их, не дает расщепляться и всасываться. Не знаю в точности, — махнула она ложкой. — Говорят, что это опасно. Чревато. Вроде как на несколько часов в организме останавливается синтез и прочая биохимия. Но если принимать нечасто, то вреда не будет. Как думаешь?

— Не знаю, — ответила я неуверенно. И об аннуляторе не знаю. Наверное, это снадобье для избранных или запрещенный состав.

— Вот и я о том же, — согласилась Баста, решившая, что девушка брата каждое утро принимает загадочное средство от лишних калорий, а потом обжирается весь день. — Все пьют, и никто умом не тронулся и не умер.

— Расскажи о лицее. Почему тебе не нравится? — перевела я разговор в другое русло. А то выяснится, что калории ведут себя вольно, попадая в мое тело, а биохимия в организме прет и порой работает с нагрузкой.

Баста рассказала, сдабривая повествование эмоциональной жестикой и мимикой. Как оказалось, учебное заведение посещали дочери высокопоставленных чиновников и разных богатеев. Помимо предметов из курса висорики, преподносимых в облегченной и упрощенной форме, манеры породистых девиц подвергали благородной шлифовке и огранке. Обязательное знание четырех иностранных языков, генеалогия, тонкости этикета, умение играть на музыкальном инструменте, умение поддержать разговор на любую тему, философия, история... А еще цинизм лицеисток, словесная травля, сплоченное бойкотирование, дружба по расчету, предательства, стукачество, хладнокровные рассуждения о выгодных партиях, препарирование достоинств и недостатков потенциальных поклонников и ухажеров...

Да уж, люди не меняются — что в интернате, что на заоблачном уровне. У меня голова пошла кругом от услышанного. Лучше бы не спрашивала.

— И ты знаешь четыре языка? — спросила я, заробев. Сестра Мэла вдруг стала далекой, недоступной звездой на небосклоне, как и десятки других лицеисток, которых готовили к высоким и значимым ролям.

— Ну... если с разговорником и со словарем, то осилю. Или с автопереводчиком, — хихикнула Баста и пояснила, заметив мое затруднение: — Вкальываешь дозу и начинаешь понимать чью-то речь. Правда, не полностью и неточно, потому что объем словарного запаса ограничен. Да и инъекция активна недолго, а потом в голове путается, и перестаешь соображать.

Знакомо. Как типун под язык с объемом в несколько тысяч слов и распространенных фраз. Укол, дающий механический приблизительный перевод. Но ведь мало понимать иностранный говор. Чтобы общаться, необходимо отвечать на том же языке.

— И ты вкальывала? — ужаснулась я.

— Надо же как-то сдавать экзамены, — заметила резонно девушка и всколыхнулась: — Гошке не говори! Он меня за ногу подвесит и выпотрошит.

Баста-таки выдавила с меня обещание о молчании. Тут на кухню заглянул Мэл и сказал, что уже поздно, а завтра рано вставать, и вообще, у нас будет уйма времени, чтобы вдоволь наболтаться.

Я, конечно, расстроилась, что не успела расспросить о маме Мэла, о его родственниках и еще много о чём, но и для одного вечера полученной информации хватило, чтобы она переливалась через край. Баста повела себя на редкость послушно, не став спорить с братом. Зато мы с ней обменялись номерами телефонов.

— То-то же, — сказала она, занеся цифры в электронную память, и ткнула пальцем в Мэла: — Надоело передавать приветы через него. Он половину фраз забывает, а вторую половину не считает нужным озвучивать.

Мэл рассмеялся:

— Что поделать, если меня клонит в сон, потому что поток слов не кончается?

Гостья не обиделась и шутливо двинула его тумачком в плечо:

— Радуйся, что я не отличаюсь разговорчивостью. Другая на моем месте не затыкалась бы ни на секунду. Так что гляди и запоминай: рядом с тобой стоит само немногословие.

На лице Мэла изобразилось преувеличенное изумление, мол, что за невероятную новость он сейчас услышал, а я утвердилась во мнении, что брату и сестре доставляло удовольствие беззлобно поддевать друг друга.

Мэл, как настоящий джентльмен, помог нам одеться. Он решил, что мы проводим Басту до машины и заодно прогуляемся. Застегивая пуговицы на куртке, девушка поинтересовалась вполголоса:

— А Гошка сказал, когда сделает предложение?

— О чем? — продемонстрировала я клиническую простоту.

— Как о чем? — удивилась она. — О сва...

— Маська, я всё слышу, — прервал строго Мэл.

— Уже и спросить нельзя, — проворчала Баста. — А когда можно?

— Мы сами разберемся, — продолжал строжиться Мэл. — Не влезай.

Прогулка до институтских ворот состоялась под зонтами, укрывшими от морозящего дождика. Из-за туч, нависших серой плотной завесой, смеркалось раньше, чем в ясные

вечера, поэтому фонари на улице зажглись заблаговременно. Как ни уверяла Баста в своей немногословности, а молчать она не умела. Разговор завертелся вокруг светских мероприятий, начавшись с моего упоминания о кабале в виде концерта в Академии культуры. Выяснилось, что сестра Мэла, по причине недостижения двадцати лет, осталась за кормой столичной жизни для избранных. Однако молодым незамужним девушкам разрешалось посещать неофициальные праздники с родителями, и это ограничение выводило Басту из себя.

— Ненавижу произвол и ущемление прав! — кипятилась она, перепрыгивая лужу. — Почему я не могу побывать на "Лицах года"? Или на открытии сезона в Опере? Кто придумал, что можно после двадцати и ни днем раньше?

Оказалось, что у нас противоположное отношение к сборищам элиты, несмотря на незначительную разницу в возрасте. Я отпихивалась руками и ногами от безмерного счастья светской жизни, а Баста не могла дождаться, когда выпорхнет в общество.

— Достали семейные междусобойчики, — жаловалась она. — Всё те же и всё то же. Знакомые рожи. Хочу туда, где кипит жизнь. Вот уж где можно развернуться!

— Что-то я не понял, — сказал Мэл. — Недавно ты кричала о бесправных клушках, которых волокут под венец, не спрашивая, а теперь опровергаешь свои же слова.

Он объяснил мне, что по правилам этикета любая благовоспитанная девушка, перешагнув двадцатку лет, получала право посещать официальные приемы и рауты, но под ручку с кавалером и лишь после одобрения родителей. Те подходили тщательно к процессу отбора спутников для дочерей, рассчитывая, что со временем кавалер свяжет себя обязательствами, и счастливая девица обзаведется женихом, а заодно стабильным будущим. Таким образом, выход в свет подразумевал скорое замужество, которое обычно приурочивали к окончанию учебы в лицее.

Получается, хочешь взрослой жизни — изволь забыть о детстве и играй по правилам. Сомневаюсь, что Баста совершит революцию. Мелёшин-старший не позволит.

— Подумаешь, — фыркнула девушка в ответ на укол брата. — Я что-нибудь придумаю. Выкручусь.

— Поэтому малявок не пускают на серьезные мероприятия, — заключил Мэл. — У малявок нет терпения и выдержки. И ума не хватает. Ляпнут что-нибудь невпопад и поставят семью в неловкое положение. Придется тебя до старости возить на семейные утреники, а про "Лица года" и Оперу забудь.

— Это мы еще поглядим, — ответила зловеще Баста. — Дайте только дожить до дня рождения.

— Ой, боюсь, боюсь, — притворно испугался Мэл. — Трепещите, граждане! Разбегайтесь и прячьтесь! Ожидается великое пришествие грозы полей и огородов. А-а, нет, грозы банкетов и приемов.

На пустой стоянке за воротами сиротливо мок синий "Эклипс" с номерами 1111. Дворники лениво сбрасывали дождевые струйки со стекла.

— Не разговариваю с тобой три дня. Неделю! И вообще забудь, что я существую. Всегда знала, что от тебя не дождаться поддержки, — сказала Баста брату, складывая зонт, и мило улыбнулась мне: — Пока, Эва. Еще увидимся.

Когда девушка уселась на заднее сиденье автомобиля, и тот вырулил на дорогу, я заметила вдалеке три фургона с тонированными стеклами. Мне стало не по себе. Поздний вечер, безлюдная улица и зловещие машины поодаль.

— Журналисты, — пояснил Мэл, увидев направление взгляда. — Дежурят круглосуточно. Администрации пришлось разделить стоянку на две части. Видишь знак: "Только для учащихся и работников института"? Для всех прочих — на пятьдесят метров левее.

— Нас сейчас фотографируют? — занервничала я.

— И не только.

Боковая дверь фургона отъехала в сторону, и из нее вывалились два человека с телекамерой.

— Поспеши, — подтолкнул к калитке Мэл, в то время как репортеры бросились напрямик по лужам. Из соседнего фургона тоже выгрузились двое.

— Эва Карловна! Эва Карловна! — закричал один из бегущих. — Ваше мнение о судебном процессе! Причины неприязни преподавателя!

— Быстрее! — торопил Мэл, и мы заскочили за решетку. — Иди и не оглядывайся.

Он тянул меня по аллее мимо понурых промокших ангелов. Лишь завернув за угол института, я смогла унять нервную дрожь. Крики журналистов, оставшихся у ворот, стихли.

— Я думала, они ринутся следом.

— Не посмеют. А если попытаются, то огребут по полной, — заверил Мэл.

— И от них никак не избавиться?

— Увы, никак. Ажиотаж стихнет, интерес ослабнет, но в покое всё равно не оставят. Поэтому многие предпочитают жить в закрытых охраняемых зонах, как твой отец или мой. Там можно не бояться, что тебя сфотографируют чихающей или нагишом в ванной.

Подглядывание отвратительно. И ведь не спрятаться от чужой настырности. Наверняка на нас с Мэлом собрано предостаточно материалов и среди них немало скандальных кадров, но лишь благодаря тотальной цензуре они не появляются в прессе.

Мысли побродили по тропинкам вокруг эпизода с нахальными репортерами и переключились на главный тракт — визит Басты. Ее рассказ о лицее задел мое самолюбие. Мэл должен был дать обязательство эрудированной висоратке, умеющей поддержать разговор и развлечь гостей во время семейного торжества. Она стала бы дорогим украшением любого дома из закрытой зоны — белой или алой. Неважно, какой. Снегурочку готовили к этой роли: прививали вкус в стиле и одежде, учили красиво гарцевать на лошади, учили изящно кушать за сервированным столом, учили тонкостям политеса, формам этикета и грациозным жестам, учили позировать для семейных картин и фотографий. А Мэл связался со мной, хотя я не умею и не знаю девяти десятых того, что преподают в лицее. Страшно. Опрофанюсь на каком-нибудь банкете, и меня засмеют. Заодно посмеются и над Мэлом, выбравшим необразованную девку с деревенскими манерами, и его статус провалится в тартарары.

— Маська сказала что-то, не подумав, и ты расстроилась, — заметил Мэл, когда мы вернулись в общежитие.

— Так, мелочи, — отмахнулась я.

— Нет уж, говори. Иначе позвоню ей и вытрясу правду.

Вот ведь шантажист.

— Не надо. Пожалуйста! Баста не при чем. Просто... я плохо разбираюсь в истории искусств... И не знаю иностранные языки... И на пианино играю десять нот одним пальцем... И...

— Зачем нам пианино? Выброси его куда подальше. Твои пальцы и без него творят

чудеса, — прервал Мэл и, обняв меня, поцеловал. — И об искусстве... — снова поцеловал, — ...не раз поговорим... — подталкивая к кровати, целовал на ходу. — И о гибкости языка... И том, что женщина... — опрокинул на спину, — ...должна угождать всегда и во всем... Правильно?

Он знал, как утешить и успокоить.

Позже я спросила у Мэла, устроившись на его руке:

— Баста, наверное, удивилась, что ты живешь в конуре. Она привыкла к большому дому.

— Мне-то что с её удивления? — потянулся он, зевнув. — Главное, чтобы ты не считала так же.

— Конечно, не считаю! Мне здесь очень нравится. Вот нисколечко не вру.

— Вижу, — ответил Мэл, охотно приняв поцелуй, подтвердивший мои слова.

— Она настроена решительно, — вернулась я пламенной речи его сестрицы о независимости. — Почему Баста не может самостоятельно посещать приемы и банкеты?

— Потому. Она может выезжать в свет только с тем, кто отвечает за неё. Ну, или с тем, кто в скором времени даст ей обязательство.

— Получается, это принуждение. Противно. Чтобы посетить Оперу, нужно всего-навсего найти мужа. Делов-то.

— Не нравится, смотри балет по телевизору, — парировал Мэл. — Маська строит из себя революционерку, но, боюсь, отец приструнит её в два щелчка и уже через год найдет подходящего кандидата.

— И ты не заступишься? — ужаснулась я. — А если это будет столетний старик? Или Синяя борода? Или...

— Мой отец — не диктатор, — оборвал он. — Он позволит Маське выбрать. Она еще скажет спасибо. У Альбины... старшей сестры... не было такой возможности.

— И ты спокойно рассуждаешь об этом? — подкинулась я на кровати. — Не пойму, на дворе средневековье, что ли? Как можно выходить замуж по указке?

— Очень просто. Превыше всего — интересы семьи, и правила установил не я. Если думаешь, что поможешь Маське, потакая ее ребячливости, то глубоко заблуждаешься. Она — оранжерейный цветок, а за экзотикой, не привыкшей к засухе и морозу, нужен особый уход.

— Но ты же привык, — пробормотала я менее уверенно, чем минуту назад.

— Нет, Эва, не привык. И сделаю всё, чтобы перекрыть потери. Ты тоже по праву заслужила другую жизнь.

— А мне нравилась моя жизнь. С небольшими поправками, но нравилась, — перевела я взор на темень за окном. — В твоём мире улетают в неизвестность огромные деньги, и на что? На то, чтобы после очередного приема платье повесилось в дальний угол, потому что в обществе не принято появляться дважды в одном и том же наряде. Или на то, чтобы питаться в "Инновации", потому что это престижное заведение. За каждым моим шагом следят журналисты. Я боюсь лишний раз обнять тебя или поцеловать. Прежде чем ответить, вынуждена сто раз подумать, иначе чьи-нибудь адвокаты обвинят меня в преднамеренном оскорблении или в провокации. В твоём мире приняты династические и взаимовыгодные браки. Мне повезло, я вдруг по волшебству оказалась дочерью министра, хотя — о, ужас и скандал! — невидящей. А если бы мой отец работал в институтском архиве за четыреста висов в месяц или открывал перед посетителями двери в "Инновации"? Что тогда?

— Не знаю, — ответил Мэл. — Не задумывался. Опять ты усложняешь со своим "если бы да кабы". Возникает проблема — я решаю её. Нет проблемы — зачем заморачиваться

впустую? Чёрт, есть захотел.

Он поднялся с кровати, прошлепал на кухню и включил свет.

— Иди сюда, — позвал через минуту.

На тарелке лежали бутерброды с расплавленным сыром, от которого шел аппетитный парок. Мэл активно работал челюстями, облизывая пальцы, и запивал соком из коробки. Вот тебе и манеры.

— Нельзя наедаться на ночь, — сказала я поучительно с набитым ртом.

— Знаю. Еще знаю, что тяжело привыкаешь к моему миру. Но теперь это и твой мир. Скажи одно, Эва. Ты со мной?

Перед концертом в Академии культуры я выполнила требование Вивы, наведавшись в салон красоты. И тут произошла накладка. Телохранители намылились присутствовать при всех косметических процедурах, боясь, что их подопечную утопят в ароматической ванне с благовониями или перережут горло пилкой для ногтей. Меня такой расклад не устроил совершенно. В итоге, после телефонных переговоров с вышестоящим руководством, занявших почти сорок минут, я отправилась на долгожданные процедуры в присутствии охранницы. Таким образом руководство ДП* решило вопрос с безопасностью на этапе приведения внешности в пристойный вид. Честно говоря, я опешила, когда в холл салона красоты вошла женщина в пиджаке с прямой юбкой и направилась к моим соглядатаям. Телохранительнице было на вид около тридцати лет. Высокая, стройная. Гладко зачесанные волосы с пробором, цепкий взгляд, безмолвность и та же бесстрастность, что и на лицах её коллег. Может, мимические мышцы охранников замораживают специальными инъекциями?

По возвращению в общежитие ставший привычным мандраж захлебнулся в настойке успокаивающих капель. Мэл проводил меня до третьего этажа и предупредил о двухчасовой готовности.

За взвинченным состоянием я не сразу заметила задумчивость Вивы. Уселась на табурет перед трюмо, а она молчала, скрестив руки на груди. Наверное, удивлялась наглости гостыи. Чай не у себя дома, чтобы без спроса прыгать по чужим сиденьям.

— В общем, так, — сказала девица. — Ежемесячная такса увеличивается до полутора штукарей. Поясняю, почему. Меня вызывали в ДП*. Беседовали, расспрашивали.

— О чем? — изумилась я. — Зачем?

— Затем, что мы с тобой контактируем.

Мое изумление сменилось беспокойством.

— И... о чем спрашивали?

— О том, что нас связывает. Как долго связывает.

— И?

— Что "и"? Порекомендовали вести себя осторожнее, напомнили о трудностях той... с вашего факультета... Штице. Словом, предупредили. И предложили сотрудничество.

— Какое? — не поняла я прямого намека.

— Периодически извещать, что ты делала, куда ходила, о чем говорила... Исключительно в целях твоей безопасности. За умеренное вознаграждение.

Что же получается? Получается, Виву хотели завербовать, чтобы она докладывала обо мне всё, что знает?

— И ты... согласилась? — выдавила я поражено.

— С первых же минут начинаю уставать от твоей простоты. Пораскинь мозгами. Если бы я согласилась, то стала бы рассказывать?

— Н-нет. Наверное, нет.

— Вот именно. Да еще журналисты достают. Они весь институт обложили и тоже предлагают бабло за достоверную информацию о тебе.

— О! — отозвалась я потрясенно.

— В общем, решай. Тариф увеличивается, но в него войдет всё, о чем мы сговорились ранее, плюс добавка за конфиденциальность.

— За конфинцед... За что?

— За молчание. Надо же оправдывать приставку "личная" стилистка.

Да, при желании Вива могла бы поведать многое обо мне как в ДП*, так и репортерам, и у последних потекли бы слюнки от рассказов о том, что когда-то я не умела ходить в туфлях на каблуках, и о зашкаливающем индексе талии и бедер. В этих подробностях нет ничего преступного или шокирующего за одним исключением: если подробности касаются обычного смертного человека, а не дочери министра. Любую новость можно преподнести так, что она станет сенсацией в мгновение ока. И будет моя физиономия красоваться на обложке журнала в ореоле сигнальных овалычиков: "Дочь министра предпочитает одежду с сезонных распродаж!" или "Дочь Влашека самолично сдает одежду в прачечную!" И так далее и в таком же духе.

О-о-о, как же ненавижу отца! С его новой должностью мои проблемы растут день ото дня, час от часу.

— Пользуюсь популярностью, — пробормотала я. — Интересно, сколько денег отваливают за сплетни и стукачество.

— Скажем так, предпочитаю журавля в руках вместо синицы, — ответила Вива. — Журналисты предлагают мало и разово, дэпы* тоже считают каждый висор, потому что отчитываются за потраченное бабло. С ними однажды свяжешься и больше не расстанешься. Овчинка не стоит выделки.

Что ж, стоит отдать должное честности девицы. Она могла промолчать о том, что приняла предложение дэпов* или газетчиков. Журавль — это я, из хвоста которого Вива будет ежемесячно выдергивать перья. Ни много, ни мало, а полторы тысячи. Стабильный и спокойный заработок в отличие от паутины шатких посулов дэпов*. К тому же, у Вивы есть стимул для стараний в создании моего неповторимого стиля. Мы взаимозависимы. Я — ходячая реклама её мастерства, и мне нужны советы, начиная от эффектного макияжа и заканчивая выходами из тупиковых жизненных ситуаций. Но и без хвоста журавлю неохота оставаться. Проверю, заинтересована ли девица во мне, и заодно покажу, что в любой момент могу упорхнуть к другому, более сговорчивому стилисту.

— Замётно на полторы тысячи. И предупреждай заранее. Ты сообщаем об изменении договоренности, когда осталось... — поглядела я на запястье, — два с половиной часа до концерта. За это время не удастся найти другого специалиста.

— Хорошо, — согласилась Вива. Чуть поспешнее, чуть взволнованнее, но по голосу я уловила, что она не намерена разбрасываться ценными клиентами. — Тариф останется неизменным... до некоторых пор.

— До каких? До следующей недели, пока дэпы* не предложат больше? Или ты работаешь на них и на меня?

— С ними дел не имею, — поджала губы стилистка. — А тариф пересмотрим, когда выйдешь замуж за Мелёшина.

Я закашлялась:

— Замуж?

— Не изображай простую. Время уходит, — схватилась Вива за кисточки. — Шмотки с собой?

— Здесь, в пакете.

— Прекрасно. Закрывай глаза.

Пока личная во всех смыслах стилистка водила чем-то мягким по моим щекам и лбу, подкрашивала брови и ресницы, я раздумывала. Если дэпы* вызывали Виву для частного разговора, речь в котором шла обо мне, руководствовались ли они исключительно заботой о моей безопасности? Кого еще могли вызвать в департамент для профилактической беседы? Тех, с кем я общалась чаще, чем с другими. Не так уж много знакомых: Радик, которого теперь нет, Аффа, близнецы Чеманцевы, Петя Рябушкин. Но после возвращения с курорта встречи с ними стали формальными и мимолетными. Выходит, попытка дэпов* прощупать Виву — первая ласточка. Нужно быть осторожнее в высказываниях и общаться с оглядкой. Никому не доверять. Черт, такими темпами недолго превратиться в параноика.

Надо бы обсудить с Мэлом. Пусть объяснит, почему департамент его отца обкладывает меня по всем фронтам, ненавязчиво копая под моих знакомых. Нет, не стоит говорить с ним. Мэл озаботится, начнет выяснять, что и к чему, а дэпы* притворятся, что знать не знают, о чем речь, и зароятся как кроты в землю. Зато начнут действовать хитрее и применят другие доводы для убеждения той же Вивы. Или Аффы. Или еще кого-нибудь, кто перемолвится со мной парой незначущих фраз.

Безвыходно. Любой мало-мальски знакомый человек может оказаться осведомителем. Теперь боязно лишний раз поговорить с Аффой, зная, что её вызовут в департамент, и... она примет предложение о сотрудничестве или поделится информацией с журналистами. Как общаться с соседкой на темы, волнующие всех нормальных девчонок, если расставшись со мной, она сделает звонок и сообщит о содержании нашей беседы? Получается, нужно соблюдать дистанцию и остерегаться всех и каждого. Это изоляция. Я растеряю немногочисленных знакомых, с которыми контактировала, будучи обыкновенной студенткой, а не дочкой министра. С кем же общаться, не боясь, что личные разговоры станут достоянием гласности? С Бастой? С заносчивыми лицеистками? Может, платить Аффе так же как и стилистке, за радость общения и за конфинцед... тьфу, за молчание? Или спросить у соседки напрямик, чтобы не терзаться впустую?

Ненавижу отца, ненавижу его мир. Я превратилась в букашку под микроскопом в прицеле десятков внимательных глаз. Против воли меня заставляют жить в высокой башне, отгородившись толстым забором.

За раздумьями проскользнул мимо внимания момент феерического выхода в объятия Мэла. Руки машинально надевали, застегивали и завязывали, тело покрутилось перед зеркалом, рот воздал заслуженную похвалу мастерству личной стилистки, ноги направились к двери, а голова думала, думала... не о том.

Мэл впечатлился увиденным. Он осторожно довел меня до машины, словно я была хрустальной, и торопливо уселся на водительское сиденье, бросив мокрый зонт назад. "Турба", подняв фонтан брызг, вырулила на дорогу, едва не сбив репортеров, спешащих навстречу.

— Задолбали, — проворчал Мэл, успев объехать того, что снимал нас на камеру, и я согласилась с ним. — Когда-нибудь передавлю на фиг всех до единого.

— Всех не передавишь. На их место придут другие.

— Патриотично, — ухмыльнулся он. — Выглядишь блестяще.

— Спасибо, ты тоже, — ответила я комплиментом на комплимент и не покривила душой.

— Готова, Эвочка?

— Всегда готова.

— Что случилось? — поинтересовался Мэл, когда "Турба" взяла направление на Академию культуры. — Почему плохое настроение?

— Обычное волнение. Как всегда.

На самом деле я продолжала пережевывать, переваривать и усваивать информацию, полученную от Вивы. Пыталась принять и не могла. Потому что отторгалось.

Не хочу жить в вакууме. Не хочу грязных слухов и предательства. Хочу, что бы со мной общались на равных, не льстили и не пресмыкались. Хочу, чтобы не отдалялись от меня из-за отца и нового статуса. Хочу искренности.

Некстати вспомнились слова стилистки. "Когда выйдешь замуж за Мелёшина"... И сестра Мэла тоже заикнулась о свадьбе, это поняла даже беспросветная простота вроде меня. Сказали так, будто дело решенное. Почему-то меня напугали их предсказания — точно в омут с головой и камнем на шее. Вернее, пугала неизбежность события, после которого не будет возврата. Пугали многочисленные родственники Мэла. Клан, семья. Пугали условности, запреты и правила, предписываемые замужним женщинам из светского общества. Пугал не мой, чужой мир.

Меня не заботило официальное закрепление отношений с Мэлом. Он рядом, а Коготь Дьявола — подтверждение намерений и защита от сплетен. Этого достаточно. Да и Мэл, похоже, не готов к серьезному шагу, — взглянула на него искоса. Прежде всего, нужно получить аттестаты, а затем говорить о брачных обязательствах. За полтора года может случиться разное, к чему закабалять себя сейчас, если позже мы можем пожалеть о поспешном решении?

На наши отношения наложена цензура, завистники и недоброжелатели не смеют зубоскалить. Чего бояться? Пока что для всех я — девушка Мэла, хотя мы и живем вместе, чуточку отступив от порядков, установленных сильными мира сего. Ну и пусть служба распорядителей премьер-министра знает о моем месте обитания, и письма на имя Папены Е.К. приходят на адрес Мелёшина Е.А. Мы живем тихо, почти незаметно, учимся изо всех сил, Мэл подрабатывает. Никаких скандалов и громких историй в прессе.

Будем жить, как живется, а там поглядим. Мэл прав, я люблю создавать сложности на пустом месте. Покамест нет проблем — нет повода для паники и беспокойства.

Хороший концерт, добротный. Но без искры, выхолощенный какой-то. Отшлифованный десятками режиссеров, выскобленный до идеальной гладкости. Чтобы на блюдечке да под пресветлые очи ведущего критика Леонисима Рикардовича Рубли, заседающего в бельэтаже колонного зала.

Здание, конечно, монументальное. Освещенный огнями купол я заметила издалека. Чинно, благородно. Широкий вис-козырек от дождя перед входом. Ступени, портик, лепнина. Чересчур консервативно, на мой взгляд.

Толпы приглашенных. Фраки, бабочки, драгоценности, платья в пол, оголенные плечи и спины. Массовка. Ну, мне не привыкать. Репетиция в Доме правительства стала первой ступенькой на крутой лестнице.

Я держусь за локоть Мэла и семеню рядом. Мы идем в зал вместе! На виду у светских

сливок! От осознания этого факта начинают дрожать руки, а из головы напрочь вылетают душевные метания, обуявшие по пути на концерт. Мой кавалер кому-то кивает, пожимает руки. Мне тоже нужно приветливо и открыто улыбаться, чтобы статус Мэла не падал, а рос в бесконечность. Из-за волнения расплывается зрение, отчего невольно радуюсь. Мало хорошего знать, что нахожусь в фокусе сотен любопытных глаз, как и мой спутник. Хорошо, что верхушка правительства рассосалась по ложам, и мой папенька с Мелёшиным-старшим изучают свысока покашливающую публику.

Пятый ряд, места посередине. И Мэл слева от меня. Противу ожиданий он не засыпает едва раздвигается занавес, а с интересом смотрит концерт, который, между прочим, длится чуть дольше двух часов. И хлопает не вяло и скучно, а в благодарность артистам за прекрасные номера. Мне же остается поражаться его живости. Могу только догадываться, что активность Мэла вызвана желанием приобщиться к культуре, а не рентгеновским взглядом премьер-министра, перед которым партер лежит как на ладони.

Стихают последние аплодисменты, занавес закрывается, распаренные зрители стекаются к выходам.

— Ну, как? Понравилось? — вопрошает Мэл, предлагая руку и помогая подняться.

— Да. Вполне, — отвечаю неопределенно. Меня заботит другое: что делать с гардеробом? Если светские мероприятия повалят одно за другим, платяной шкаф вскорости распухнет от шмотья. И потраченных денег жалко. Хотя взгляд Мэла говорит, что тратиться стоило. А еще говорят его руки и губы, когда мы, не доехав до общежития несколько кварталов, останавливаемся в непонятном захолустье, и Мэл споро опускает спинку моего сиденья.

-2-

Разговор с Мэлом о попытках дэпов* проникнуть в мою жизнь остался за кадром. В какой-то момент я уже открыла рот, чтобы спросить и указать перстом обвиняющим, но промолчала. Мир Мэла — война. Он чужд мне. Здесь рвут друг друга на части ради выгоды, и слабые не выживают в мясорубке. Здесь человека обряжают в героя и возводят на пьедестал, а за ширмой прячутся серые кардиналы, управляющие марионеткой. Здесь на устах теплые улыбки, а глаза заморожены льдом. И любой может оказаться врагом. Мэл сказал, из меня получился хороший боец, приспособливающийся к любым условиям. Наверное, он прав. Противник не должен знать, что я знаю. Предупрежден — значит, вооружен. Повезло, что Вива сделала выбор в мою пользу. Цинична до безобразия, но честна. И мне нужна её помощь, чтобы удержаться на плаву в мире Мэла.

А еще я думала об Аффе.

Мы виделись несколько раз, мельком, во время обедов в столовой. Обменивались кивками издали, потому что сидели в разных углах зала. Не единожды я порывалась позвонить ей и откладывала. Глупо общаться по телефону, когда можно спуститься тремя этажами ниже. Но чтобы прийти вниз и поговорить глаза в глаза, требовалось не пять минут и не десять. Чтобы выговориться и рассказать всё-всё-всё, ушел бы не один час и не два. А их у меня не было. Лекции, практические занятия, зубрежка... Мэл, ставший моей вселенной... Подготовка к светским мероприятиям и, собственно, сами мероприятия... Свободного времени — в обрез.

Ладно, если быть честной, при желании всегда можно выкроить минутку. Выбрать номер из списка, нажать кнопочку с зеленой трубкой и сказать: "Привет, как дела?"

Что мешало?

То, что Аффа недолюбливала Мэла, и их чувства были взаимны, хоть и подлатаны соседским перемирием, установившимся после гибели Радика.

В последний раз я общалась с девушкой, живя в Моццо. В первые дни пребывания на курорте мы созванивались, но с приездом Мэла звонки раздавались всё реже, пока не прекратились вовсе. А я и не заметила. Значит, дело было в нем, а еще во мне. Месяц в Моццо превратился для меня в медовый рай. Эйфория от близости Мэла, согласившегося остаться в "Апельсинной", опьяняла пуще отменного коньяка. Торопясь надышаться своим мужчиной, я полностью погрузилась в мирок, в котором не осталось места для посторонних — только мы с Мэлом. И без того редкие телефонные разговоры укорачивались с каждым разом. Я стала рассеянной, теряла нить беседы, а Аффа отвечала сухо и односложно. Наверное, она решила, что своими звонками мешает нам. Или испытывала неловкость, оттого что её могли посчитать назойливой, особенно Мэл. А я закружилась в райской жизни. Каждый вечер думала: "Сейчас позвоню", и руки не доходили.

Не доходили плоть до приезда в столицу и заселения под крышей общежития. А уж шокирующая выходка Эльзушки и сенсационное разоблачение Ромашевичевского и вовсе заслонили горизонт на несколько дней. Когда взбудораженность спала, я решила, что Аффа обязательно позвонит. Неужели ей неинтересны подробности отравления и причина истерии Штице из первых уст? "Прима" то и дело доставалась из сумки в ожидании трели и знакомого номера на дисплее. А можно и не задействовать телефон. Достаточно подняться на четвертый этаж общежития.

Аффа не звонила, не приходила, и Вива ни разу не заикнулась о ней.

Тишина. Игнорирование. Почему?

А потом до меня дошло. "Зазналась?" — спросили глаза Симы на лабораторке.

Ну, конечно! Кем я стала для обычных студентов, свикшихся с вечным ремонтом и вечно стесненных в средствах?

На экране теткинго телевизора — концерты, приемы, изысканная публика. И моя персона в числе приглашенных. Породистая кобылка. На семейном портрете под ветвями плакучей ивы — дочь министра. Подумать только, замухрышка, жившая по соседству, оказалась близкой родственницей одного из влиятельных людей в стране! Конечно, со странностями, но у кого их нет? Питалась хлебом и водой, подрабатывала в архиве, одевалась скромной серой крыской — и вот те на! — засияла. Отмылась. Переменилась в мгновенье ока. Взгляд стал высокомерно-пустым. Смотрит сквозь бывших соседей и не видит. И слепота не мешает, а делает еще высокомернее. Память укоротилась, став избирательной. Общается с теми, чей статус соответствует. Простым смертным чревата лезть, навязываясь с дружбой: охранники сочтут объект представляющим угрозу и арестуют. Сам Рубля проявил заботу о здоровье, а начальник Департамента правопорядка, при упоминании фамилии которого дрожат конечности и пробивает озноб, благосклонно принял, что его сын спит с инвалидной висораткой. Необычный тандем богатеньких отпрысков обсуждают все кому не лень. Хотя почему необычный? Власть тянется к власти, фамилия — к фамилии, а на слепоту можно закрыть глаза, пока есть выгода. Польза и в том, что парочка живет в общежитии. Стратегический ход: простые смертные видят, что в избранных сливках нет тщеславного гонора, и что равны в правах и те, и другие. Ну да, равны, как же. Равноправие для высокородных деток — на четвертом этаже, а прочие обитают у подножия. Ничего, прочие переживут. Не гордые.

Хорошая оплеуха, с размаху. Чтобы не забывала. А я успела забыть, как в интернате

пережила приступ сильнейшего разочарования, начав общаться с девочкой, такой же забитой и незаметной. Поначалу меня распирало от гордости: я не безнадежна и умею заводить друзей! Не успели мы подружиться, как у девочки распознали талант. Она разговаривала с музыкой. Ни слуха, ни голоса, ни знания нотной грамоты. Три десятка нот одной рукой, но что это были за мелодии! Мрачные, демонические и светлые, воздушные. Печальные, смешные, тоскливые, радостные. Призывающие шагнуть вниз с крыши. С девочкой начали заниматься преподаватели. Её возили на конкурсы и возвращались с наградами. Девочка стала популярной. Она изменилась внешне, появилась уверенность и новые друзья. И смотрела на меня как на пустое место без тени.

Теперь роли исполняют другие актеры. Кто они — Аффа, Сима, Капа, Петя — и кто я? Небо и земля. Это не они отгораживаются от меня, это я отдаляюсь от них, потому что боюсь спуститься по лестнице несколькими пролетами ниже.

Продолжу бездействовать и скоро останусь одна, в башне, окруженной высоким забором.

Мэл, узнав о моем намерении, хмыкнул и направился на кухню. В пакет полетели упаковки со съестными припасами.

— Пошли, — подтолкнул меня к двери. — Дипломатическая миссия отправляется в поход.

И миссия отправилась.

Кажется, я сто лет не была в своем закутке, и меня не тянуло сюда. Почему?

Ведь в этом коридорчике поздним зимним вечером Мэл разглядывал залитый клеем замок, а потом предложил переночевать у него. И моя судьба изогнулась под другим углом.

И он же, наутро после апокалипсиса в "Вулкано", остался за закрывшейся дверью, но не ушел. И моя судьба круто развернулась.

И здесь же Мэл провел несколько дней и ночей, пытаюсь достучаться до меня после гибели Радика. Не плюнул, не махнул рукой. И позже не бросил на произвол судьбы, вытащив с того света.

Всё-таки тянет, — приложила я ладони к облупленной двери швабровки и прислушалась, а Мэл, опершись плечом о стену, с ухмылкой наблюдал за процессом духовного единения с недоремонтированным закутком.

Из пищеблока донесся женский смех. Смеялась Аффа, помешивавшая булькающее содержимое кастрюльки на плите, а сосед Сима приобнимал девушку за талию и говорил что-то на ухо. Я бы сказала, весьма недвусмысленно обнимал и нашептывал. Даже у меня загорелись щеки, а что говорить об Аффе?

Вежливое покхыкивание Мэла заставило парня отскочить от поварихи как ошаренного.

— Привет, — сказал как ни в чем не бывало неожиданный гость.

Аффа подняла упавшую ложку.

— Еще раз испугаешь, получишь промеж глаз, — сказала ровно.

— Гульнём? — потряс Мэл пакетом, проигнорировав угрозу. — Где Капитос?

— В комнате, — ответил Сима и, пожав руку Мэлу, протиснулся мимо меня бочком.

Мужская половина общества исчезла за дверью жилища близнецов, а женская половина увязла в неловком молчании. Аффа помешивала с большим вниманием, словно в кастрюлке находилось как минимум спасение всего человечества, а я заметила, что в пищеблоке тесно и темно, потому что окно узкое, а толстый ствол дерева закрывает обзор. И краска

отслаивается, а унылая лампочка сиротливо свешивается с потолка в разводах.

— Надумали прикормить? — спросила вдруг Аффа, не отнимая глаз от варева. — Знаешь же, что живут впроголодь.

— Сима решил, что я зазналась. И я пришла сказать, что он балбес, потому что не видел тех, кто по-настоящему зазнался.

— Нам не с чем сравнивать, — хмыкнула она. — Сегодня у нас праздник. Сиятельные сеньоры почтили визитом немых чужаков.

— Тебя вызывали в ДП*? — проигнорировала я шпильку.

— Нет. Зачем?

— Например, за наградой в обмен на сведения обо мне.

— Если бы предложили, да я согласилась, то не стояла бы здесь, а давно набилась в подружки. Висы-то нужно отрабатывать. Бесплатный сыр, сама заешь, где.

— Значит, еще предложат. А журналисты предлагали?

— Предлагали. Поначалу пятьдесят висов, а теперь обещают сто. А за сенсацию не пожалеют и пятьсот.

Упасть и не встать. Интересно, что считается сенсацией?

— А ты?

— А что я? Им нужны факты, а не слухи и сплетни. Кто расторопнее, тот давно сообщил, что ты подрабатывала в архиве, а теперь живешь с Мелёшиным в общежитии.

— Страшные тайны, — пробормотала я. Меня не удивила деловая хватка прагматичного студенчества. Сто висов на дороге не валяются, а тем более, полтысячи.

В пищеблок заглянул Сима, взял стопку разнокалиберных тарелок и ушел, не сказав ни слова.

— Боишься, что начну трепаться на каждом углу? — спросила Аффа.

— Боюсь. Потому что личное, а они вываляют в грязи. И Вива боится не утерпеть. Чтобы не искушаться, будет сдирать с меня полторы тысячи каждый месяц.

— Неужели?! — не сдержала изумления соседка, но быстро справилась с собой. Выслушав вкратце суть клубящихся интриг, она заметила: — Вива в своем репертуаре. А ты, значит, решила подмазаться? Задабриваешь? Животы набьем — и достаточно?

— Тоже хочешь денег? — спросила я убито, испытав острую горечь оттого, что думала об Аффе... возвышенно? Наивная. Её можно понять. Все хотят урвать от жизни.

В пищеблоке опять появился Сима, прихватил разделочную доску с двумя ножами и исчез.

— Висы лишними не бывают, — заключила философски девушка, проводив его взглядом. — Но я хочу заработать их своими руками и умом, а не шантажом или продажей сплетен.

С моих плеч упала гора. И задышалось легче и глубже, потому что Аффа не разочаровала.

— Вовсе не собираюсь никого задабривать. Я жила в разных общежитиях, и здесь мне нравится больше всего — что на четвертом, что на первом. А внизу особенно — здесь односторонний номер, компанейские соседи, тихо, спокойно. Как Лизбэт? Заарканила свою мечту?

— Рассчитывает получить место на кафедре после окончания института, — ответила сухо соседка. — Говорит, в отношениях с Альриком виден просвет.

Бедняжка Лизбэт. Живет в выдуманном мире и не догадывается, что ей не светит удача

в личной жизни. У профессора есть невеста того же рода-племени, что и Альрик. Или я не поспеваю за сплетнями, а он расстался с суженой и подарил надежду преданной поклоннице? Может, предложить профессору поставить производство полиморфов на конвейер, а для начала обменяться кровью с Лизбэт? И заживет счастливая парочка всем хищникам на зависть, в том числе и бывшим невестам.

— Сима с Капой устраивают дебоши?

— Не устраивают. Слушай, зачем тебе? — повернулась Аффа. — Придешь, уйдешь и больше не появишься.

— Неправда. Появлюсь. Просто я... Тебе не нравится Мэл.

Почему ляпнула? Ведь хотела сказать совсем другое.

— Ну и что? Без него и полшага в сторону не сделаешь?

Легок на помине. Пришел, обнял меня, скопировав Симу, и попросил интимно:

— Дай ключ от своей комнаты.

И ушел, поигрывая брелком.

Аффа развернулась ко мне, лицом к лицу. Это хорошо. Это психология. Пусть выговорится.

Но она выдала нечто неожиданное:

— Нельзя так... растворяться в ком-то. Прежде всего, нужно любить себя, а что останется, бросать ему. Иначе упадешь — и всмятку.

Я смутилась:

— Разве заметно?

— Не зная тебя, решила бы, что вы играете на публику. Красивый спектакль.

— По-другому не могу, — признала я, совсем засмуцавшись. Весь институт видит наши отношения с Мэлом. Кому-то фиолетово, кто-то не верит, кто-то завидует молча, а кто-то не ленится злословить.

— Дамы, просим к столу! — крикнул Сима, забежав в пищеблок. — Аффка, выключай плиту. Пошли за стульями.

В комнате близнецов парни соорудили сдвоенный стол, задействовав трехногого уродца из швабровки, и притащили от соседок пару стульев в дополнение к имеющимся.

Я села рядом с Мэлом, Аффа устроилась между хозяевами.

— Может, позвать Лизбэт?

Как-то неудобно: компания собралась на пиршество и игнорирует соседку по закутку.

— Она не пойдет, — сказала Аффа. — Учит.

Ну и ладно. Наше дело — предложить.

Съедобное изобилие задвинуло отчужденность в дальний угол. Слюнки потекли не только у меня, но и у остальных участников стихийного банкета. Мне понравилось, что никто не церемонился и не ломался. Студенчество вообще живет по принципу: "Лишь бы чё-нибудь жевать", потому что вечно голодное. Аффка ела с аппетитом, да и Мэл удивил, поглощая не меньше близнецов.

Полуфабрикаты оказались теплыми, наверное, парни подогрели их заклинаниями. Сима подтвердил догадку: тяжело распрямил спину и потер плечо.

— Отдачу заработал? — констатировала с укоризной Аффа. — Завтра практикум по нематериалке, а ты сдулся.

— Фигня. К утру рассосется, — отмахнулся парень.

Непривычно. Ни взаимных подколов, ни издевок, ни подшучиваний. Трогательная

забота и мои крепнувшие подозрения.

Когда первый голод поутих, работа вилами переключилась на медленную скорость, и мы стали перемежать жевание разговорами. Выяснилось, что Сима — великолепный рассказчик анекдотов. В его устах самый захудалый юморок превращался в уморительную байку, и мы падали от смеха со стульев. Житейские истории, показанные им в лицах, тоже вызывали взрывы хохота. Определенно, в Симе пропадает комедиант.

Веселясь, я поймала себя на том, перестала обращать внимание на внешность парня, обезображенную *igni candi**. Ведь в человеке главное — не оболочка, а содержимое. Душа.

Животрепещущей темой стало увольнение тётки-вехотки, которой разрешили уйти по собственному желанию, прихватив засаленный халат. На её место два дня как приняли нового коменданта. Об этом сообщил вездесущий Капа. Он разведал, что новый управитель похож на птичку с птичьим носом и хохолком. Всего боится и по десять раз сверяется с приходно-расходными книгами, прежде чем выдать свежие постельные комплекты. Оказалось, тётка-вехотка заграбастала в личную жилую собственность добрую четверть первого этажа. После ее увольнения встал вопрос: что делать с высвободившимися площадями?

— Среди внутренников объявили конкурс на лучшую перепланировку, — поделился Капа новостью. — Займутся нашими жилищными условиями и доведут комфорт до ума. Чтобы не хуже, чем на третьем и четвертом.

— Обещанного полжизни ждут и не факт, что дождутся, — возразила Аффа. — Проживешь в своей хибаре, окончишь институт, а комфорт до тебя не дойдет. Надоело уже. Прежний ремонт тянулся полтора года, и этот никогда не закончится. Променяли шило на мыло.

— Сказали, что управятся до осеннего семестра. Начнут ломать стены на каникулах. А еще избавятся от "мертвых душ". Заживем!

Но пессимистку Аффу восторженность парня не проняла. Зато я обрадовалась и пихнула Мэла ногой под столом, мол, смотри: тектонические плиты сдвинулись из-за нашего сигнала. Процесс пошёл! В ответ Мэл обнял меня, положив руку на плечо. С момента, как мы уселись за стол, он или клал руку на спинку моего стула, или играл с прядками, или поглаживал по спине. И проделывал невзначай, между прочим, — смеясь, разговаривая или отправляя в рот кусочек рыбного филе или бутерброд. Мне ужасно нравилась его ненавязчивая демонстрация перед собравшимися: мы — вместе.

Постепенно разговор сместился в область мужских интересов и увлечений — техники и спорта. Выяснилось, что Капа продолжает тренировки в футбольной секции, и скоро на Большой спортивной арене начнутся отборочные туры среди молодежных команд. Мэл заверил, что мы обязательно придем поболеть, и я согласилась. Одно дело — смотреть на сцену или на футбольное поле в качестве обычного зрителя или болельщика, и совсем другой коленкор, когда в концерте участвует твой парень или сосед по общежитскому закутку. В этом случае азарт окрашивается в цвет заинтересованности в победе.

У Симы с Капой гостилось легко и непринужденно. Давненько я не расслаблялась душевно и физически. Не притворялась и не вымучивала вранье о невидимых волнах. Была собой, и меня не разглядывали как неведомую зверушку, допекая вопросами с подвохом.

Парни разбирали импровизированный стол и носили грязную посуду в пищеблок. Аффа мыла тарелки, я вытирала.

— К концу месяца комендант заставит сдать комнату, — сказала девушка. — Или

рассчитываешь вернуться?

— Нет. Теперь уже не вернусь.

— Собираетесь жениться?

И Аффа туда же. Почему-то в представлении слабого пола свадьба — апогей отношений с мужчиной.

— Разве это обязательно? Нас устраивает, как есть.

— Странная ты, — фыркнула теперь уже бывшая соседка. — Другая на твоём месте проняла бы Мелёшина до печёнок и заставила оформиться, как надо.

На севере, в старом библиотечном журнале мне попала небольшая статейка, которую я прочитала из энциклопедического интереса. Автор, опросив некоторое количество женатых мужчин, узнал, что лишь два процента респондентов самостоятельно пришли к необходимости обзаведения законными половинками. Прочих участников опроса под венец привели: шантаж беременностью ("Да-да, уже пять недель, папуля"), ненавязчивые и прямые намеки изо дня в день ("Дорогой, эти запонки идеально подойдут к моей фате"), слезы избранниц и чувство вины ("Ты меня не любишь! Если бы любил, давно предложил бы руку и сердце!"), помутнение сознания в момент страсти ("Месяц кувыркался в постели. Не помню, в чьей. Очнулся женатым") и вис-принуждения (приворотные снадобья, амулеты, наговоры). Таким образом — заключал автор — мужчины, как полигамные особи, в обычных условиях не испытывают острой потребности в хомутании браком. Поэтому смысл существования любой женщины сводится к тому, чтобы заставить мужчину принять правильное решение. То есть жениться.

Унизительно. Будто подачка.

— Не собираюсь требовать и заставлять. Кроме того, нам нужно созреть.

— Смотрите, не переспейте, — предупредила Аффа.

Мы помолчали.

— Как часто собираетесь прикармливать? — поинтересовалась девушка. — Братцам понравится питаться на халяву — не отвяжетесь.

Я думала, она хотя бы чуть-чуть оттаёт, но язвительность Аффы осталась при ней, не умаслившись сытным перекусом.

— А приходите в гости! — предложила ей.

— Зачем? Наверху воздух чище и коридоры шире?

Понятная едкость. Знакомая зависть, одолевшая меня после первого визита к Виве. Тогда ни я, ни Аффа не подали виду, что впечатлены убранством третьего этажа, но острое чувство несправедливости кололо не один день. Кто умел договариваться с комендантшей, тот катался как сыр в масле, а кому нечего было предложить взамен, тот жался на первых двух этажах.

— И здесь постеляют ковры, — заверила я убежденно. — Прости меня, Аф. В Моццо...

— Проехали. В Моццо я бы тоже забыла обо всем.

— А потом завертелось — со Штице и с Ромашкой. Теперь на меня все смотрят. Ищут, на чем можно выгадать сто висов, а лучше бы пятьсот. Следят днем и ночью. Боюсь зевнуть, не прикрыв рот. Скоро стану неврастеником.

— Кошмар, — усмехнулась девушка. — Как жить, не представляю. А моя тетка умерла две недели назад. Родители не успели на похороны. Пришлось мне организовывать. Спасибо Симе, поддержал. И Капа тоже.

А я не знала и не поинтересовалась, как она живет. Зато вывалила проблемы, которые

не стоили выеденного яйца. Пыталась придумать себе оправдание. Разнесчастная дочка министра, затравленная журналистами.

Так стыдно мне еще не было. От стыда горели уши, лицо. Зачесались руки, и срочно захотелось обкусать маникюр. Разве вправе я просить Афффу о дружбе, к коей сама отнеслась наплевательски?

— Довольна? — спросил Мэл, когда мы вернулись в квартирку. Ему-то хорошо. Он умеет подстраиваться под любую компанию. И со светскими сливками любезничает, и в неприбранной убогой комнате хохочет над шутками Симы.

— Нет, — вздохнула я.

Следующий день прошел в напряженных думах, увенчавшихся телефонным звонком.

— Сколько стоит операция?

Афффа поняла, о чем речь.

— Пятьдесят. Их отец наскреб чуть больше половины и застопорился. Кое-что продал, занял по мелочи. Да еще за старые долги расплачивается. Не хватает двадцати, плюс реабилитация. Итого тридцать в клинике на периферии. Там обойдется дешевле, чем в столице. Так что года за два соберут. Или раньше. Сима устроится на работу, и дело пойдет быстрее.

Мэл, услышав мою просьбу, нахмурился.

— Чувствуешь себя обязанной? Рассчитываешь заполучить его преданность?

— Ничего не рассчитываю. Хочу помочь.

— Почему Чеманцев? Таких, как он, пруд пруди.

— Потому что, — упрямо гнула своё. И ведь не объяснить словами. Потому что хороший парень. И потому что достаточно пережил. Натворил, осознал и живет с чувством вины. Но не гнетса, не ломается. Оптимист. Молодец.

— У тебя с ним что-то было? — голос Мэла подернулся корочкой льда.

— Блондины не в моем вкусе. А еще те, у кого нет шрама над бровью и мозаичных радужек, — заверила я и в качестве доказательства пылко поцеловала своего мужчину.

— Не понимаю. Тебе больше всех надо? — проворчал Мэл, смягчаясь. — Если прознают о благотворительности — повалят толпами. О том, что поможешь Чеманцеву, никто не вспомнит, а о том, что откажешь другим, никогда не забудут.

Но я уперлась, и Мэл понял: от намеченного пути не отступлюсь.

Сима взбунтовался. Он категорически отказался от безвозмездной помощи.

— Нет времени тебя жалеть, — отозвалась я небрежно на возмущенный возглас о том, что ему не нужна ничья жалость. — Вернешь, когда сможешь,

— С возвратом и под проценты! — раздухарился парень.

Я согласилась. И на договор займа на бумажном носителе согласилась. Никаких клятвопожатий, чтобы Чеманцев-старший знал: его сын не ввязался в сомнительную аферу.

Мэл устроил консультацию у знакомого юриста, которого порекомендовал дед. Договор предполагал возврат тридцати тысяч висоров с отсрочкой полтора года по выплатам, начиная с момента подписания, и последующие ежемесячные платежи по займу в размере не менее одной десятой части будущего заработка Симы. Процент по платежам установила я, переборов своей вредностью упёртого заёмщика, жаждавшего влезть в долговую яму. "Один процент годовых, начиная с момента первой выплаты по займу" — вписали строчку в договор.

По моему замыслу Сима получал висоры из банковской ячейки.

— После заключения договора Департамент по ценностям начнет проверку. Я не работаю, но ссуживаю. Возникает вопрос. Как объяснить происхождение денег, которых не существует в природе? — поинтересовалась у Мэла накануне.

Он задумался.

— Для отвода глаз снимем деньги со счетов. Чтобы прослеживалось движение средств.

На следующий день мы с Мэлом посетили Первый правительственный банк. Я активировала карточку премьер-министра, на которую набежали двадцать тысяч за два неполных месяца, и обналичила средства с личной карточки, подаренной Мэлом. Он тоже снял часть денег с авансовой карты.

С ним всё получалось легко и быстро. Мэл знал, к какому окошку подходить, к кому обращаться и как без лишних проволочек получить наличность. Он дождался моего возвращения из банковского хранилища, куда я отправилась в сопровождении старшего консультанта Мокия Лавровича. Половина пачек с висорами перекочевала из банковской ячейки в мою сумку. Я не сказала Мэлу, что забрала из тайника вдвое больше денег, чем озвучила Аффа. Так, небольшой запасец на крайний случай, чтобы не егозить каждый раз, когда скончается нелегальная заначка.

Таким образом, после подписания бумаг Симе вручили предмет договора, Мэл остался с раздутым бумажником, а я — с некоей суммой секретной наличности. Авантюра местного масштаба завершилась, к моей тайной радости.

Мэл тут же вернул мне деньги, предназначенные на личные расходы.

— С карточкой было бы удобнее, не нужно таскать мелочь. А теперь терпи, коли захотела. Зараз много не трать, чтобы не вызвать подозрений.

Учи ученого. О конспирации я знаю всё и даже больше.

Вечером позвонила Аффа.

— Спасибо, — сказала ровно. — Зачем ты это сделала? Он же никто для тебя.

— Ошибаешься. Он мой сосед по общаге.

"А для тебя больше, чем сосед" — вовремя прикусила язык.

— Ну... еще увидимся?

— Конечно! — ответила я с энтузиазмом, перекрывшим натянутость в голосе девушки. Но, несмотря на эйфорию от удачной сделки, я чувствовала, что моя помощь еще сильнее запутала Аффу. С одной стороны, она обрадовалась за Симу. С другой стороны, продолжала дистанцироваться от меня, и возникшая между нами социально-материальная пропасть не собиралась уменьшаться.

Много лет назад, в интернате, я заболела дикой завистью к своей несостоявшейся подружке. Завидовала обрушившейся на неё популярности, успеху, нарядам, всеобщему обожанию. Болезнь оказалась испепеляющей, но скоротечной. Я вдруг поняла: пусть случится чудо, и девочка вспомнит обо мне, у нас не получится прежней дружбы. Бывшая подружка стала частью другого мира — яркого, интересного. А я не изменилась, оставшись серым забитым крысенком. Позже, в одной книжке, мне попала на глаза фраза. "Настоящий друг — не тот, кто сопереживает вашим бедам, а тот, кто искренне радуется вашим успехам". Я до сих пор испытывала неловкость за детскую слабость, которую оправдывала разве что малым возрастом.

Но упрекнуть в том же Аффу не смею. Наоборот, пойму её.

Богатеньким деткам не делали снисхождение.

Преподаватели одолевали не только на лекциях, но и на дополнительных занятиях,

организованных для нас с Мэлом. Отвратительное это дело — допзаятия. Сидишь нос к носу с преподавом, он объясняет материал, а потом определяет степень усвоения и проверяет домашнее задание. И ведь не отвертеться и не спрятаться за спину впереди сидящего, потому что впереди сидящих нет. В общем, безнадега и неизбежная зубрежка.

Царица читала историю своих культов в пределах, оговоренных предметом, не отвлекаясь на личности и посторонние разговоры. Шокирующая новость о том, что Ромашевичевский хотел свести счеты с ней, а не с кем-нибудь другим, не выбила проректрису из равновесия. "Здравствуйте", "до свидания" и в промежутке — новая порция о шаманизме на северных территориях. Не знаю, сообщили ли Царице, что она осталась при дефенсоре* по моему ходатайству. Лучше бы она никогда не узнала. Не хочу, чтобы Евстигнева Ромельевна чувствовала себя обязанной.

Стопятнадцатый, наоборот, на первом же занятии поделился наболевшим.

— Потрясен вашей выдержкой, милочка. Растёте на глазах. А уж Ромашевичевский... — махнул он рукой, устремив взгляд в стену. Наверное, представлял, как Ромашка крутился бы в его кресле и швырялся бумажными шариками. Представлял — и сердце болело за деканскую должность, на которую покусился подлый доцент.

Генрих Генрихович вообще стал рассеянее, чем раньше, и грустнее. Наверное, печалился из-за потрясений, поваливших альма-матер на спину, и винил себя в том, что не доглядел, не уследил. Будь он прозорливее, удалось бы избежать многих бед. А я в задумчивости поглядывала на декана и, поглаживая палец с подарком Некты, выжидала подходящий момент, чтобы побеседовать о жителе институтского подземелья. Да и Мэлу не мешало узнать о происхождении необычного "колечка".

В Моццо наблюдательный Мэл как-то спросил:

— Не вижу татуировку. Удалила, что ли?

Мне пришлось изворачиваться:

— Нет. Она проступает, когда скачет адреналин, а потом исчезает. В этом сезоне модно.

— Не слышал о таком. Кто посоветовал? — продолжился допрос.

Кто, куда, зачем... И ведь не отстанет, пока не докопается до сути.

— Вива. Моя стилистка, — соврала самозабвенно. — Сведу рисунок, когда надоеет.

Мэл посмотрел пристально-задумчиво, и я забеспокоилась. Похожий взгляд бывал, когда он со стопроцентной точностью чувствовал мое вранье. На удивление Мэл промолчал, приняв объяснение.

Пора поставить точку в истории с "колечком" и получить ответы на вопросы: можно ли избавиться от презента таинственного чудища, и как жить, если ответ на первый вопрос окажется отрицательным? Несомненно, единственным в мире специалистом по Нектам, кусающим заблудившихся студенток, являлся Альрик. Он мог бы рассказать многое о существе, оставившем отметину на моем пальце, а прорехи неизвестности заштопал бы серией опытов и анализов. За небольшим уточнением. Ни при каких условиях Мэл не согласится на обследование в лаборатории профессора, впрочем, как и я. Стало быть, Стопятнадцатый оставался единственной надеждой. Но и без привлечения интуиции я знала, что декан будет настаивать на консультации с участием ученого коллеги.

Что делать? Еще немного подождать? Тем более, причин для паники нет. Я вспомнила: подарок подземного жителя прочно обосновался на пальце после гибели Радика и исчез после пробуждения в медстационаре. Даже нападение Эльзушки не пробудило "колечко".

Наверное, потому что больше нет причин для оцепенелого страха, сковывающего рассудок.

После третьего занятия декан сообщил, что наш сигнал по злоупотреблениям комендантши рассмотрен, и начата поспешная проверка административно-хозяйственного комплекса общежития. Подозрения оправдались. Выявлены многочисленные случаи превышения полномочий, взяточничества и воровства. Чтобы не выносить сор из избы, то бишь из института, комендантше предложили добровольно сложить полномочия.

Ну, народную версию трагической судьбы уволившейся тётки-вехотки мы успели выслушать от Капы, а теперь Стопятнадцатый сообщил то же самое на официальном языке от лица администрации. Генрих Генрихович подтвердил слухи о предстоящей грандиозной перестройке первых двух этажей. А еще, дабы впредь должностным лицам неповадно было мечтать о присвоении казенного добра, за исполнением строительных смет обязали следить ревизионную комиссию из числа ректора, проректрисы и деканов трех факультетов. Завхозше объявили строгий выговор за халатность при списании и снятии ежемесячных остатков в общежитии. Сперва её хотели изгнать из института на пару с тёткой-вехоткой за сговор, но завхозше удалось оправдаться и доказать непричастность к махинациям бывшей комендантши.

Бедняга Агнаил, — пожалела я парня. Его возлюбленную оклеветали под горячую руку. Наверное, солнечный горнист утешает подругу в перерывах между звонками.

А Стопятнадцатый басил, витая мыслями в далёком далеке.

Нам с Мэлом, как прожекторам, вскрывшим нарывы и язвы на теле института, администрация решила вручить вознаграждение в виде обещанного комендантшей уголка из мягкой мебели и карнизов. И пары тумбочек. А нескольких стульев с мягкими сиденьями.

Я изумленно уставилась на декана, а потом перевела вопрошающий взгляд на Мэла. Что означают щедрые подарки? Нам предлагают взятку за молчание?

Мэл прокашлялся:

— Видите ли...

— Понимаю ваши сомнения, — согласился Стопятнадцатый, недослушав. — Поверьте, вознаграждение не преследует особого умысла. Мягкий уголок давно списан, а в общежитии нет свободных комнат достаточного размера, в которых можно поместить мебель без ущерба для свободного пространства. Так что придется выбросить диван и кресла, как полагается. Насчет прочего инвентаря можете не беспокоиться. Запасы таковы, что их хватит, чтобы укомплектовать все жилые помещения общежития и карнизами, и тумбочками, и стульями.

Я пригляделась к Генриху Генриховичу. Интуиция сообщила, что он честен с нами и не намеревается просить о молчаливом сговоре. Да и бесполезно шифроваться. Кому надо, тот давно пустил слухи, гуляющие по институту.

Совість колебалась недолго. Сотые доли секунды. Потому как стало жалко мебель, которой забронировали место на помойке.

— Отменные пружины. Класс! — разлегся на диване Мэл, в то время как я обсиживала то одно, то другое кресло. — Иди сюда. Поваляемся.

Мы повалялись с полчаса. Мэл потянулся за футболкой, упавшей на пол.

— Не хватает шгор, — показал на свежеприкрученный карниз с кольцами. — Выбирай любые.

И выберу. В тон, в цвет, в стиль. И еще кучу хозяйственных мелочей по составленному списку. Живем!

После очередного допзаяния Стопятнадцатый вручил заявление об увольнении с

должности младшего помощника архивариуса, подписанное ректором, и Мэл вздохнул с непонятным облегчением. Неужели стыдится, что его девушка подрабатывала за гроши в архиве? А я не испытываю неловкости. Любая работа имеет право на уважение.

— Теперь можете увольняться, милочка. Процедура аналогична приему на работу, — объяснил декан.

Процесс проистекал при молчаливом присутствии телохранителей, следовавших за мной по пятам. Слагая с себя трудовые обязанности, я посетила отдел кадров с получением обходного листа, бухгалтерию, столовую для персонала, библиотеку и медпункт.

Картавый специалист по дебетам и кредитам насчитал к вручению шестьдесят три с половиной висора, объяснив, что больничный лист за два с половиной месяца оплачивается в половинном размере оклада, плюс мне полагается компенсация за вынужденный отпуск по вине работодателя. Поначалу я брезгливо взяла расходный ордер на выдачу мелочевки, но потом вспомнила совет Вивы: деньги на дороге не валяются. Нужно ценить каждую монетку.

Морковка заявила, что типун на языке со временем исчезнет.

— Периодическое обновление типуна — раз в полгода. К указанному времени введенный состав растворится.

Фельдшерица не забыла удалить с пятки фискальную полоску, отчитывавшую рабочее время тщательнее любого табеля.

Распрощалась я и заведующей преподавательской столовой, ни разу не побывав в изысканном общепите и не заказав индивидуальное меню. А в библиотеке произошло неожиданное спотыкание. Бабетта Самуиловна уведомила, что на мне числятся два справочника.

"Куда заныкала?" — вопрошал суровый взгляд из-за очков. — "Порвала на туалетную бумагу?"

Куда, куда? — лихорадочно вспоминала я, выискивая ответ в закоулках памяти. Книги остались в швабровке! В тумбочке!

И чтобы процедура увольнения завершилась, нужно вернуть книги.

Мэл, сам того не подозревая, облегчил мне жизнь. Вечером он принес пару пустых коробок.

— Ты теперь "мертвая душа". Завтра соберешь вещи, и сдадим твою комнату.

Я растерялась. Конечно, рано или поздно швабровка переключалась бы в фонд незанятого общежитского жилья. Но "рано" наступило неожиданно быстро. Захудалая комнатка оставалась для меня пятнышком личного пространства в противовес совместным просторам на четвертом этаже. Секретным запасным аэродромом.

— Мало? — показал Мэл на коробки, по-своему истолковав замешательство.

— Достаточно, — отозвалась я невразумительно.

И складывать-то нечего. Основная часть вещей активно обживалась наверху, в квартирке, а в швабровке осталась заваливающая мелочевка.

Назавтра после занятий Мэл проводил меня на первый этаж. Сам он намеревался отлучиться к знакомому автомеханику, чтобы показать машину. Мэл вообразил, что в салоне поскрипывает при быстрой езде. Меня вообще не волновало, скрипит или пищит — лишь бы не глохло на перекрестке, а заботливый хозяин "Турбы" извелся, вычисляя источник звука.

— Слышишь? Нет? А теперь? — спрашивал у меня.

Мэл допускал три звуковых состояния в салоне любимого автомобиля. Тишину, музыку

и... голосовое озвучивание нашего интимного уединения. Стон, к примеру, или выжатое как лимон: "Мэ-эл..." или лихорадочно-требовательное: "Не останавливайся". Хоть убей, не помню такого. А Мэл сообщил буднично, между делом, роясь с недовольным видом в бардачке, куда недавно засунул диск с песнями.

Перед тем, как поцеловать на прощание, он дал инструкции:

— Я скоро вернусь. Дождись меня. Коробки не поднимай и не передвигай тяжести. При малейшем подозрении вызывай дэпов*. Никому не открывай и ни с кем не разговаривай.

Столько запретов! Проще поселить меня на необитаемом острове.

— Даже с Аффой?

— С ней можно, — разрешил Мэл, не заметив иронии в вопросе. Хорошо, что не повелел общаться с девушкой через закрытую дверь.

Швабровка, швабровка, швабровка моя!

Родные и милые сердцу края,

Которые скоро покину.

Отправлюся на чужбину.

О, да я могу составить конкуренцию Стопятнадцатому в части стихотворчества!

Вещей оказалось не так уж много. Кое-то из одежды, остатки бывшего бардака в тумбочке и загроможденный подоконник, на который Мэл второпях скинул всё, чем был завален стол перед банкетом у близнецов.

Уж если съезжать, то съезжать. Что-то выбросить, а что-то оставить. Заберу полюбившийся коврик-циновку, купленный по дешевке в районе невидящих. И плафончик заберу, повешу на кухне. Пусть он смешной и простенький, но мне нравится. Только бы снять, не рухнув с шаткого стула. Я бы забрала и голубое страшнучее дерево, усыпавшее меня не хуже снотворного. Выломала бы кусок стены и утащила наверх художественный шедевр братьев Чеманцевых, но соседки вряд ли скажут спасибо за сквозную дыру в их комнату. Попрошу Мэла сфотографировать раскидистые ветви на память, пока по этажу не прошелся ураган перепланировки.

В тумбочке среди хлама отыскались забытые библиотечные справочники. Книжки легли в коробку поверх сложенной одежды — чтобы потом быстро отыскать их, не перерывая содержимое.

Телефонная трель отвлекла от раскладывания вещей на нужные и ненужные кучки. Звонил Петя Рябушкин. Что ему понадобилось? Мы периодически сталкивались в институте, и каждый раз чемпион активно пожимал руку Мэлу. Даже чересчур активно. И со мной здоровался преувеличенно громко, отчего мне делалось неловко.

— Здравствуй, Эва. Я сейчас поблизости от института, могу занести фотографии с приема. Помнишь, нас снимали на "Лицах года"? Ты где?

Энергичность Пети дезориентировала меня. Мэл велел никому не открывать и ни с кем не разговаривать в одиночку. Может, сказать, что у меня не прибрано, или попросить спортсмена зайти попозже, когда вернется Мэл? Очень гостеприимно. Человек проходит мимо института и предлагает занести фотки, а я советую ему поторчать где-нибудь в окрестностях, пока Мэл занимается ремонтом машины.

Петя не способен на подлость. Он добрый и благородный. Спас меня из-под рухнувшей люстры и безвозмездно аннулировал долг, купленный когда-то у Мэла. Чемпион не продаст меня за сто или пятьсот висов.

— Конечно, заходи. Я в общежитии, на первом этаже. Собираю вещи.

— Не волнуйся, я ненадолго. Занесу и побегу дальше.

Всё-таки нужно предупредить Мэла о визите спортсмена.

Похоже, Петя слукавил. Он пробежал не поблизости от института, а прогуливался гораздо ближе, например, по общежитскому коридорчику. Не успела я выбрать номер Мэла из списка, как в дверь постучали.

Дезориентация, начавшаяся при разговоре с Петей по телефону, продолжилась с приходом парня. Я привыкла к скромному домашнему мальчику с коротким русым чубчиком, в шапочке с помпоном-какашкой. Прежний Петя был насквозь понятным — искренним и бесхитростным, хотя и местами топорно прямолинейным. Теперешний Петя стал другим. Уверенным, солидным. Приобрел лоск, возмужал. Иначе одевался. Конечно, с прежней старательностью и аккуратностью, но теперь под ветровкой виднелся элегантный пуловер, а не мамин вязаный свитер. А еще спортсмен периодически вскидывал руку, приглаживая волосы, потому что каждую секунду помнил: на голове стильная стрижка с укладкой, а не беспородный газон из-под машинки.

— Привет. Генеральная уборка? — оглядел Петя швабровку.

— Она самая.

— Вот, держи, — протянул фотографии.

Неплохие вышли снимки, профессиональные. Три штуки. С микроскопическими отличиями, если внимательно и долго разглядывать. Крупный план, удачное освещение. Рубля в центре — громоздкий, бесформенный. С одного боку — воздушная принцесса в синем облаке, с другой стороны — тот, прежний Петя, широкоплечий юноша со сдержанной улыбкой.

— Еще дали фотографию с иллюзией. Я маме отдал, — признался чемпион. — Не обидишься?

— Забирай, конечно, — закивала я. Мне не жалко. Солить их, что ли?

— Спасибо. Ну-у... — парень, видно, хотел сказать "я пошел", но замялся. — Разве Егор не с тобой?

— Нет. Но скоро придет. У него дела.

— Понятно.

Спортсмен прогулялся по комнатухе, обогнув хлипкий стул с коробкой.

— Я ведь тогда и не разглядел толком, как ты живешь... жила, — поправился он, напомнив о визите в общежитие после гибели Радика. — Наверное, до сих пор не простила меня.

— Простила, Петь. Помоги снять плафон, пожалуйста.

Парень убрал коробку, освобождая стул.

— Ого, — пролистал справочник, лежавший на сложенной одежде. — Почитываешь перед сном?

— И по утрам вместо завтрака, — ответила я с улыбкой, и, забрав у чемпиона книгу, положила оба справочника на дно другой коробки. Надо же так глупо спалиться! — заколотилась паническая мысль. Заметил Петя библиотечный штамп или нет? Сейчас начнет задавать вопросы, как мне удалось миновать Монтеморта — грозного стража, охраняющего казенное добро.

Петя промолчал. Балансируя на шатающемся стуле, снял бумажный плафон с прорезанными фигурками и протянул мне.

Символично. Когда-то спортсмен, выполняя мою просьбу, попросил однокурсника

создать шедевр из обычного ватмана.

— Спасибо, — поблагодарила я, испытав немалое облегчение, оттого что Петя не придавал значение книгам, тайно вынесенным из института. Страшно представить последствия, вздумай чемпион засвидетельствовать нарушение кодекса о преступлениях — в ректорате или в кабинете куратора от первого отдела или перед телекамерами журналистов. Статья "Хищение висорической литературы с целью контрабанды"... Всенародная огласка... Скандал... И тогда прости-прощай Мэл и воздушная принцесса в синем облаке. Здравствуй, позор и тюремная роба.

— Не за что. Знаешь, Эва, я часто думаю, почему у нас не получилось...

Что-что? Мои уши, наверное, давно не мылись. Мерещится всякое.

— У нас могло выйти что-то путное, будь я умнее. А на деле бросил тебя в "Вулкано"... Потерял свой шанс...

Петины откровения валили с ног. Минуту назад мы разговаривали как добрые друзья, и вдруг чемпион решил усложнить дружеские отношения непонятым раскаянием. А как же дочка второго замминистра финансов?

— Петя, что было, то прошло. Хватит винить себя. Ты предложил долг, я приняла. Всё честно. И в отделении отсидел. Разве недостаточно?

— Отсидел... — повторил парень. — Заслуженно. Другие хвастают приводами и сравнивают, у кого больше, а мне одного хватило на всю жизнь... Эвочка, помоги! Привод — как бельмо на глазу. Никакими медалями и чемпионскими титулами не замазать. А я... Мне нельзя... Нужно, чтобы чистое досье... С приводом и надеяться не на что!

Эмоциональная бессвязность Пети ошарашила меня. Он метил высоко, может быть, под крылышко к дочке замминистра финансов. А идеальная биография оказалась запачканной случайным арестом. Таких не берут в высшую лигу.

— Один дурацкий привод, и всё насмарку, — жаловался парень. — Тебе ведь нетрудно. Твой отец или отец Егора... Он же твой, ну... почти родственник. Им достаточно щелкнуть пальцами...

Я опешила. Попросить папеньку или Мелёшина-старшего, чтобы из личного дела Пети Рябушкина вымарали строчку о приводе в отделение? Вот так, невзначай попросить об услуге в разговоре за чашечкой воскресного кофе. Если учесть, что ни с отцом, ни с Мелёшиным-старшим я и парой слов не обмолвилась, то просьба чемпиона невыполнима. Абсолютно.

— А других способов нет? — спросила неуверенно.

— Какие могут быть способы? Это клеймо. На всю жизнь, — понурился Петя. — Неужели тебе трудно? С меня причитается.

Ох, Петя, знал бы ты правду о родственных связях в запутанном клубке Мелёшиных-Влашеков, не заглядывал бы с надеждой в глаза.

— Мне не трудно, но...

— Значит, поможешь? — обрадовался парень.

Из патовой ситуации вырвал стук в дверь. На пороге стоял Капа с чайником в руках.

— О, привет! Услышал голоса, дай, думаю, загляну. А Мэл где?

— По делам уехал. Скоро будет. Это Петя Рябушкин, учится на внутреннем факультете, — представила я чемпиона. — А это Капитолий Чеманцев, мой однокурсник и сосед.

Парни пожали друг другу руки.

— Помню, — сказал Капа. — Ты приходил как-то. И перед "Лицами года" приезжал.

— Петя принес фотографии с приема. Хочешь взглянуть?

— Валяй. — Капа протопал в швабровку как к себе домой. — Осторожно, горячий! —

заставил чемпиона посторониться и водрузил чайник на стол. — Решила прибраться?

— Съезжаю. Вот, манатки собираю.

— Ну, и добра у тебя, — присвистнул сосед, оглядывая беспорядок. — Барахольщица.

Чаю хотите?

— С удовольствием, — кивнула я.

— Спасибо, но мне некогда. Опаздываю на тренировку, — сказал воспитанный спортсмен. — До свидания, Эва.

— До свидания, Петя. Спасибо за фотографии.

И парень, бросив на меня отчаянно-многозначительный взгляд, ушел.

— Не знал, что он высокий, — Капа ткнул пальцем в премьер-министра с фотографии. — Метра два или около того.

— Наверное, — ответила я машинально. От облегчения, что сосед нагрнул вовремя, чуть не бросилась к нему на шею со словами благодарности. — А где Сима?

— Они с Афкой в кино ушли. Погоди, сейчас кружки принесу.

Пока Капа организовывал чай с сахарной плиткой, я в задумчивости покачивалась на кровати. После разговора с чемпионом остался осадок. Неприятный, липкий. Не знаю, почему. Может, потому что Мэл предрекал, что ко мне повалят за помощью? И, к полнейшей неожиданности, в числе первых оказался Петя. Его просьба обрушилась как снег на голову. Парень искренне считал, что для меня плевое дело — замолвить словечко перед родителем или начальником дэпов*. И воспринял бы отказ в помощи как гордыню и зазнайство. А ведь Мэл предупреждал об издержках популярности.

Кстати, надо бы позвонить ему и рассказать об успехах в швабровке.

Выслушав краткий рассказ, Мэл сухо обронил:

— Уже еду. Жди, Папена.

Абзац. Предстоит трудный воспитательный вечер.

Воспитатель примчался в швабровку в разгар чаепития, и ему достался стакан с ароматным напитком и куском сахарной плитки. Мэл и виду не подал, что напряжен, но я знала — мне воздастся за безалаберность.

И мне воздалось. Распровавшись с Капой, мы отправились наверх. Мэл нес тяжелую коробку, а я — легкую и полупустую.

— А теперь ты четко и подробно объяснишь, зачем Рябушкин заявился в общагу, — сказал Мэл, устраиваясь в кресле, и заставил сесть к нему на колени.

Я объяснила. О фотографиях, о просьбе Пети, о моем затруднении и о неожиданно выручившем соседе. Правда, умолчала о попытках чемпиона изобразить сожаление неудавшимися отношениями и о щекотливом эпизоде с библиотечным справочником. Мэл слушал, поглаживая по спине, и его молчание пугало.

— Ты проштрафилась, Папена, — заговорил, наконец. — Во-первых, нарушила инструкцию. "Никому не открывать".

— Я хотела позвонить тебе и предупредить! Петя проходил мимо и предложил занести фотографии. Это преступление?

— И его "проходил мимо" вылилось в конкретную просьбу. До сих пор думаешь, что он пришел случайно?

Я потупилась. Мэл прав. Снимки с приема стали поводом.

— Удивляет совпадение. Рябушкин проходил мимо, когда я уехал из общаги, — задумался Мэл. — Надо же так пролететь. Рано сбросил его со счетов...

— Кто кого бросил? — не разобрала я бормотанье.

— Никто. Думаю, зачем Рябушкину срочно понадобился чистый лист в личном деле.

— Кстати, нашёл источник скрипа?

— Нашел. Не увливай от темы. Открыв Рябушкину, ты подвергла свою жизнь опасности.

— Петя не такой! — возмутилась я. — Он не поступит подло.

— Какой "такой"? — усмехнулся Мэл. — Люди меняются. Их меняют обстоятельства.

Заставляют прогибаться.

— Не верю!

— Во-вторых, вы разговаривали с Рябушкиным за закрытой дверью. Наедине, — продолжил Мэл.

— Неужели ты... — захолонуло меня возмущение. — К-как ты мог подумать?!

— У Рябушкина мог быть диктофон. Или жучок. Он мог инсценировать что угодно, а потом передал бы видеозапись заинтересованным лицам.

Я вознегодовала. Обвинения Мэла — абсурдные и беспочвенные. Петина прямолинейность никуда не делась, несмотря на смену имиджа. Чемпион пришел и, как умел, попросил замолвить на него слово. Он придумал повод с фотографиями не для того, чтобы снять меня на видео в домашних условиях и продать запись журналистам.

— Ты не поняла, — повторил Мэл. — Речь не о конкретном Рябушкине. Он пришел без жучка, потому что разговор был щекотливым. Речь идет о любом другом человеке, который решил бы заработать. А ты, наивная и доверчивая, провалила экзамен.

— Ну, знаешь! — дернулась я, порываясь встать, но он не позволил. — Значит, и Капа разгуливает с жучком по общежитию?

— Чеманцев не разгуливает, — сказал жестко. — Но за чаек вдвоем ответит.

— Мы пили чай — и больше ничего!

— Папена, — перебрросил он мою прядку за плечо. — Ты провинилась по самое не хочу. По уши. Тебе придется постараться, чтобы я передумал и оставил Чеманцева живым и относительно здоровым. Однажды вы уже пили чай — и больше ничего. А проснулись в одной кровати.

— Это вышло случайно, — пробормотала я, сконфузившись. И градусы были покрепче.

— И на будущее. На просьбы о помощи отвечай, что теперь я принимаю решения за тебя, — продолжал воспитывать Мэл.

Представив огромную очередь просителей, растянувшуюся от общежития до ворот института, я ужаснулась.

— Ты прав. Наверное, это выход.

— С Рябушкиным я поговорю. Объясню, как устроен мир. Пообщаемся по-мужски. Не бойся, не покалечу, — усмехнулся он. — Он должен был обратиться ко мне, а подставил тебя. Надеюсь, не от трусости, а от незнания.

— Почему важно, чтобы в личном деле не было приводов?

— Потому что каждый привод снижает вероятность устройства на хорошо оплачиваемую работу. Чем больше арестов, тем неблагонадежнее человек. Ему не доверяют и опасаются. В конце концов, на высоких должностях в досье недопустимы отметки об

арестах.

— А у тебя были приводы? — прижалась я к Мэлу, забыв о его недавней ершистости.

— Плохого же ты мнения обо мне, — проворчал он.

Мэл категорически порвал фотографии с приема и вдобавок подпалил их igni candi*. От спонтанного костерка потянулся вонючий дымок. Я поспешно затворила дверь в комнату и открыла на кухне окно для проветривания.

— Обязательно жечь? Почему бы просто не выбросить?

— Потому что, — ответил Мэл. Закрутил пальцами воздушный смерчик и направил к окну, чтобы вместе с aigea candi* вытянулись на улицу остатки неприятного запаха. — У меня уже изжога на Рябушкина. Не усугубляй.

Я извлекла часть вещей из коробок.

Мэл глянул мельком на плафон, и его равнодушие кольнуло обидой. Ну, и пусть ему не нравятся вырезанные фигурки. Главное, что нравятся мне.

Рулончик с карандашным портретом, дожидаясь подходящей рамки, занял место в тумбочке. По сравнению с калеккой, оставшейся в швабровке, красавица с четвертого этажа не кособочилась и плотно закрывалась, а внутри имелись в достаточном количестве полки и ящики.

После того, как в будущем Капы на неопределенный срок засияло солнце, и отступила угроза членовредительства, Мэл лениво поинтересовался:

— Представь, что у тебя появилась возможность убрать отметку о приводе из личного дела Рябушкина. Ты помогла бы?

— Не знаю, — растерялась я. — Дай подумать.

Я думала, думала. Чуть мозги не вывихнула. Странная штука совесть. В ответственный момент маленькую шестеренку намертво заклинивает, и выясняется, что сложный механизм проще выбросить, заменив новым, нежели чинить долго и безнадежно.

— Да, помогла бы, будь помощь честной. Например, аннулирование привода в обмен на уборку улиц или волонтерство в госпитале для жертв вис-воздействий. Не смейся! — воскликнула, заметив улыбку Мэла. — А чтобы стереть строчку из досье баш на баш, по принципу "свои люди, сочтемся"... Нет, так не хочу.

— Волонтерство — это актуально. Если учесть причину, по которой Рябушкин попал в отделение, — усмехнулся Мэл.

— Да ведь и ты мог попасть! Но не у всех отцы — начальники ДП*, — разгорячилась я.

— Всё, Эвка, закругляйся, — посмурнел он. — Утомил меня Рябушкин. Много чести трепаться о нем.

Сам же вернулся к заезженной теме и заставил меня заняться самокопанием, а теперь выговаривает.

И пусть Мэл сделал вид, что отрубился через пять минут, я знала, что он долго лежал, уставившись в потолок, прежде чем закрыл глаза. Потому что тоже не могла уснуть.

На следующий день справочникам-сироткам предстояло вернуться на библиотечный стеллаж. Я перетрусилась при входе в институт, испугавшись, что Монтеморт впал в глобальную амнезию и не узнает подельницу — честную-пречестную и всегда возвращающую экспроприированное имущество. Мэл недоумевал, видя мою нервозность.

Страж, положив морду на лапы, проследил за нами красными угольками глаз, а потом сомкнул очи, всхрапнув. Исполнившись оптимизма, я послала псу мысленную благодарность: "Спасибо за доверие!"

Увольнение по всем правилам завершилось после обеда, когда на смену заступили охранники. Мэлу незачем знать о библиотечных справочниках, циркулирующих туда-сюда мимо Монтеморта. К чему загружать человека ненужностями? Пусть спокойно едет на работу и прислушивается, скрипит в салоне или нет.

Увидев книжки, Бабетта Самуиловна заворковала над ними, забыв обо всем на свете, в том числе и о телохранителях, застывших соляными столбами. Ей и в голову не пришло поинтересоваться, где хранились справочники во время моего лечения, хотя я придумала легенду на случай расспросов.

Убедившись в чистоте и сохранности возвращенных книг, библиотекарьша счастливо вздохнула и поставила закорючку в обходном листе, который перекочевал в отдел кадров. Нинелла Леопардовна самолично поставила в моей карточке штампик: "Уволена по собственному желанию", с несходящей приторной улыбкой и угодническими ужимками. Вместо боязника прямотянувшегося в углу кабинета поселился новый экзот с оранжево-лимонными дырчатыми листьями — попугайник словоохотливый. Название растения точно отразило суть.

Шестьдесят три с половиной висора легли в карман, и дверь кассы закрылась за спиной, поставив точку в увольнении. Институт мне ничего не должен, и я ничего не должна альма-матер. Мы в расчете.

Мэл обрадовался закончившейся истории с подработкой в архиве.

— Нужно отметить, — сказал, достав из шкафчика бутылку вина и пару бокалов. И когда успел купить? Вино, а не шкафчик. Шкафчик приобрела я в последней вылазке по магазинам на машине дэпов*. Охранники стали моими неизменными спутниками в торговых точках, потому что Мэла не заманил бы и румяный калач.

— За свободу, — провозгласил Мэл, подняв бокал с багровой жидкостью.

— За новые свершения, — добавила я, дзынькнув тонким стеклом.

Зачем нам два бокала? Мы пили из одного.

Наутро меня разбудил настойчивый стук в дверь. Стучали долго и терпеливо. Чертыхнувшись, Мэл побрел с полузакрытыми глазами, чтобы потрясти за грудки наглеца, посмевшегося разбудить в несусветную рань.

— Эва, вставай, — сказал через минуту тревожно и откинул край одеяла, заставляя проснуться. — Тебя вызывают в институт. Срочно. Что-то произошло.

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

igni candi*, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

airea candi*, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

-3-

Кто приходил? — Новый комендант.

Зачем? — Передал телефонограмму из института.

Плохую или хорошую? — Непонятную. Приглашают в ректорат. Срочно.

Что за привычка к официозу? К чему гонять дяденьку по этажам? Стопятнадцатый знает номер моего телефона. — Так принято. Это устная повестка с уведомлением о вручении.

Мамочки, о чем? О нарушениях при увольнении? О библиотечных справочниках, вынесенных из института? О смертельном вирусе Некты, гуляющем в крови? О тайных

встречах с горнистами и о подпольно приготовленной мази? О невинности Штице? О троице, посмеявшейся над Радиком? О ненавязчивой просьбе к папеньке по дополнительным финансовым вливаниям? О чем?!

— Не нервничай, — сказал в сотый раз Мэл, когда я, не снимая плаща, сунула ему мокрый зонтик и побежала вверх, на полуторный административный этаж. — Стоило перекусить дома, — посетовал, шагая рядом. — С полным желудком меньше психуется.

— Я не психую! Как думаешь, зачем вызвали?

— Скоро узнаем, — ответил он в тысячный раз на один и тот же вопрос.

Надо ли говорить, что от волнения, помимо неприятия пищи мне не удалось навести утренний марафет? Из рук валилось всё, что в эти руки попадало. Без достойного макияжа, худо-бедно причесавшись и наскоро одевшись, дочь министра отправилась на эшафот.

В кабинете проректрисы нас ждали: проректриса, Стопятнадцатый, Михаслав Алехандрович и Миарон Евгеньевич — три декана трех факультетов — с лицами серьезными и хмурыми. И то славно — ни куратора из первого отдела, ни дэпов*, ни прессы.

Короткий обмен рукопожатиями — между мужчинами, кивки, адресованные мне.

Я рухнула на предложенный стул, Мэл сел рядом. Собравшиеся не стали тянуть с долгим вступительным словом.

— Итак... — оглядел представителей администрации Михаслав Алехандрович. Почему-то ни проректриса, ни Стопятнадцатый не взяли инициативу в свои руки. — Вы узнаете это?

— Резинка для волос, — ответила я удивленно.

Растянутая, полосатая. Похожая на мою, брошенную за ненадобностью на подоконнике в швабровке.

— Она знакома вам?

— Точно такая же есть у меня.

Волосы, конечно, отросли, но недостаточно, чтобы собирать их в куцый хвостик. Поэтому резинка прозябала в бездействии.

— Значит, вы утверждаете, что это ваша резинка для волос?

— Ну... возможно.

— Эва, молчи, — вклинился Мэл. — Прежде всего, я хочу знать, в чем дело. Ваши вопросы провокационны. Здесь находится немало свидетелей, которые могут по-разному истолковать ответы. Сформулируйте обвинение, — повернулся он к проректрисе, — и если такое озвучится, Эва будет отвечать в присутствии адвоката.

Царица не ответила. Она передала полномочия первому по старшинству в этой комнате.

— Деликатность ситуации предполагает попытку ее решения в узком кругу, — продолжил седовласый декан. — Поверьте, это в наших общих интересах. По уставу администрация института обязана сразу же поставить первый отдел в известность, чего мы не сделали.

Мол, оцените, чем рискуют умудренные опытом дяденьки с тётенькой, чтобы увидеть нас с утра пораньше. Они пожертвовали должностным благополучием, пойдя против правил.

— Хорошо, — кивнул Мэл. — Случившееся касается нас обоих?

— Нет. Только Эвы Карловны.

Мэл бросил на меня быстрый взгляд: "Во что и когда ты успела вляпаться?"

Почем я знаю? Чиста как стеклышко, правда, слегка закопченное.

— Итак, повторяюсь... Можете утверждать, что это ваша резинка для волос? — обратился ко мне Михаслав Алехандрович.

— Наверное...

— Эва не может утверждать. Резинка для волос похожа на ту, что она когда-то носила.

Так, Эва? — обратился ко мне Мэл.

— Ну да, — ответила я неуверенно. — Она похожа.

— Причем здесь какая-то резинка? — поинтересовался раздраженно Мэл. — Из-за нас вызвали в институт, не дав позавтракать?

— Эту резинку обнаружили сегодня в кабинете декана нематериального факультета, — сказал Михаслав Алехандрович. — Оттуда пропал артефакт. Древнейший, уникальный Генрих Генрихович обнаружил пропажу, — кивнул он на Стопятнадцатого. Тот сидел с убитым видом. — Мы провели предварительное расследование. В похищении участвовал один человек: невысокого роста, темно-русый, пол не определен. Он беспрепятственно проник в кабинет и вынес раритет. На месте преступления осталась улика, — мужчина потряс резинкой для волос.

Я обомлела. Меня обвиняют в краже?! В краже артефакта из кабинета Стопятнадцатого?!

— Вы, наверное, смеетесь? — спросил с ноткой высокомерия Мэл.

Люди, собравшиеся в кабинете проректрисы, не смеялись.

— Любопытное единодушие, — протянул Мэл. — На основании некоей вещицы вы сделали вывод о причастности Эвы к преступлению. Интересно, как ей удалось совершить кражу при наличии охранных заклинаний помимо подбора двух отмычек — в приемную деканата и в кабинет? Эва не видит волны!

Михаслав Алехандрович объяснил.

Сегодня Стопятнадцатый собирался в Министерство образования за утверждением учебных планов на следующий год. Соответственно, лекции перенесли на другие дни. Получается, об отсутствии декана знали студенты всех трех факультетов, где отменили занятия по теории заклинаний. В последнее время Стопятнадцатый вел себя невнимательно, стал рассеянным. Ничего удивительного, что Генрих Генрихович забыл закрыть кабинет иными способами помимо обычного поворота ключа в замочной скважине. Рано утром Стопятнадцатый вспомнил, что оставил часть документов в институте и вернулся за ними. Так он обнаружил пропажу артефакта и полосатую резинку на полу у стола. Объявили внутреннюю тревогу. Призванный Михаслав Алехандрович показал недюжинные способности ясновидца. Детали похищения не успели выветриться в полной мере, и художественно были восстановлены.

Я молчала в потрясении. Язык прилип к небу. Вот так запросто, на основании какой-то растянутой резинки для волос меня обвинили в краже из кабинета декана — человека, уважаемого мною безмерно.

Стопятнадцатый тоже не проронил ни слова. Непонятно, что его пришибло: потеря бесценного артефакта или разочарование в подшефной студентке?

— Стало быть, похищение произошло в интервале между... — начал Мэл.

— Двадцатью ноль-ноль вчерашнего вечера и семью тридцатью сегодняшнего утра, — пояснил Михаслав Алехандрович.

Мэл фыркнул:

— Со всей уверенностью заявляю: Эва не могла совершить кражу, потому что находилась со мной. Ваше обвинение — абсурд от начала до конца.

— Я понимаю, — кивнул Михаслав Алехандрович. — Но...

Конечно, они понимали, что Мэл, прикрывая меня, обеспечит железобетонное алиби. И не верили ему.

— Любой первоклассник догадается, что Эву подставили, — заявил убежденно Мэл. — Только балбес может спалиться, оставив на месте преступления явную улику. Хороший вор не оставляет следов. Так что кража шита белыми нитками.

— Понимаю, — согласился Михаслав Алехандрович. — Но...

Потеря доверия ужасна. Я осознала это, глядя в лица Царицы, Стопятнадцатого и двух других деканов.

— В конце концов, с чего вы взяли, что это резинка Эвы? — напирал Мэл. — В институте учатся сотни девчонок, и многие из них собирают волосы в хвост.

Но только у меня была полосатая растянутая резинка. Толстая. Она собирала грязно-серые волосы в жалкий крысиный хвостик, маяча бельмом перед преподавателями. Её заметили Стопятнадцатый, Царица и два других декана в медстационаре после падения люстры. Они вспомнили о ней, хотя прошло четыре месяца с тех пор, как Щтице запулила *сгусис** в волосы. Моя резинка перестала быть нужной, и я забросила ее на подоконник, где она валялась, покрываясь пылью.

Очевидно, Мэл думал, как и я.

— Хорошо. Эва принесет вам свою резинку, — заявил он. — Ведь так? — обратился ко мне.

Не помню. При переезде её не оказалось в коробках, хотя я расчистила завалы на подоконнике и в тумбочке.

— Эва, ты ведь забрала резинку наверх? — повторил Мэл.

Сдалась им эта резинка, — взглянула я сердито на сборище доморощенных дознавателей. Разве можно построить обвинение на какой-то растянутой резинке? Хотя если потребуется, можно высосать вину из пальца.

Нет, не взяла! Потому что резинки не было на подоконнике. Её не было!

А значит, кто-то забрал её! — заработали лихорадочно извилины. Кто сумел попасть в швабровку, миновав сложный замок Олега?

— Складывая вещи, ты заметила резинку? — допытывался Мэл.

— Не знаю... Не помню. Не обратила внимания!

— Так... Мы двигали стол, — задумался он. Потер ладонью глаза, вспоминая. — Черт!

Хлопнула дверь, и со сквозняком в помещение зашел... Альрик Герцевич Вулфу! Прохромал к столу и сел рядом с проректрисой, вытянув вечную ногу. Михаслав Алехандрович обернулся к нему, чтобы ввести в курс дела, но профессор взмахом руки сказал: "Не стоит. Я в курсе". Он и с мужчинами не стал здороваться, очевидно, они виделись с утра.

Мэл напрягся.

— Позвольте узнать о пропавшем артефакте. Что это?

— *Spesillum verity**. Зеркало правдивости, — объяснил Миарон Евгеньевич.

Единственное зеркало в кабинете Стопятнадцатого — то, в которое декан поначалу любил разглядывать меня. Значит, это артефакт. Немудрено. Не удивлюсь, если в кабинете Генриха Генриховича каждая вторая вещь — древний и бесценный раритет.

— Вы по-прежнему уверены в своих подозрениях? — обратился профессор к Михаславу Алехандровичу.

— Мы хотим разобраться, — отозвался тот. — Ведь кто-то проник в кабинет и

позаимствовал уникальный предмет.

— Думаю, кражу совершил тот, что хотел переложить вину на Эву... Карловну, — Альрик произнес отчество с заминкой, и Мэл сжал губы узкой полоской. — Прежде всего, потому что она беспрепятственно выносит разнообразные вещи из института. Ведь так? — перевел он взор на меня, и в груди ухнуло.

Заявление профессора устроило эффект, подобный анафилактическому шоку.

— Разве таковое возможно? — спросил Миарон Евгеньевич, отойдя от изумления. — Страж запрограммирован...

— Страж — живое существо, — ответил Альрик. — Специально выведенная порода. Программа закладывается с помощью глубинного гипноза, — постучал он пальцем по виску, — а дополнительная сетка символов, вживляемых под кожу, обеспечивает связь с базой данных института.

— Невероятно! — воскликнул Миарон Евгеньевич. — Верно ли заявление профессора? — обратился ко мне.

Насмешливый взгляд Альрика не оставил шансов.

— Да... но я всегда возвращала... — пролепетала я после мучительного молчания и внутренней борьбы.

Мэл сжал мою руку.

— Я заставлял её, — сказал громко. — Эва выносила книги из библиотеки, потому что я приказывал. И угрожал. Шантажировал, что расскажу всем...

— Нет! — вскочила я. — Это я виновата во всем! Мэл не при чем! Я... булочки... расстегаи из столовой... справочники, учебники... Но всегда возвращала книги! Он не знал, — показала на Мэла.

— Определитесь, пожалуйста, — обронил небрежно профессор. Сказал так, будто мы — два ребенка, выгораживающих друг друга в попытке уменьшить степень вины каждого.

— Я... потрясен, — подал голос Стопятнадцатый. — Не ожидал. Скажите, милочка, как вам удалось?

Что удалось: украсть артефакт или вступить в сговор с Монтемортом?

— Страж не виноват! — заговорила я горячо. — Он не знал. Он не при чем.

Альрик засмеялся, красиво и весело, а руки Мэла сжались в кулаки.

— Выходит, страж не справляется с обязанностями. Если Эва Карловна сумела вынести книги из института, это может сделать любой, — выдвинул предположение Миарон Евгеньевич.

— Мы узнаем об этом... скоро, — заверил профессор, взглянув на часы. — Но могу с уверенностью сказать, что Эва Карловна никоим образом не причастна к краже.

— Как?! — хор голосов мог бы сравниться по стройности с профессиональным певческим коллективом.

— Очень просто. Объясню с легкостью, и, пожалуй, начну издалека. Люблю долгие вступления, — улыбнулся Альрик, но собравшиеся не разделили веселье. — Но сначала хочу напомнить о профессиональной этике и о клятве неразглашения должностными ответственными лицами личных тайн. — Деканы кивнули, соглашаясь. — Итак, будем считать отправной точкой гражданскую войну, случившуюся почти пятьдесят лет назад, а точнее, её последствия. Тогда побежденных вместе с семьями насильственно ссылали на западное побережье. Об этом знают все, не так ли? — Молчание подтвердило слова профессора, я же впила в него глазами. — Но мало кто знает, что победители установили

для каждого жителя побережья уплату долга отчизне. И дети, и внуки ссыльных при рождении получали и получают долг, который переходит по наследству. Любой без исключения, кто живет на побережье, обязан вернуть долг отечеству. Вы знали об этом Егор Артёмович? — обратился он к Мэлу, и тот вздрогнул. — Наверняка ваш родственник немало рассказал о западном побережье.

Меня словно обожгло пощечиной. Мэл знает? Кто рассказывал ему о побережье — отец, дед? И Мэл молчал. Всё это время он скрывал. Не заикнулся. А я, наивная балда выпытывала подробности у Агнаила.

— Кое-что слышал, — ответил скупое Мэл.

— Кое-что, — глаза профессора сверкнули... торжеством? — Итак, долг перед отечеством на Большой земле. Его уплачивали и платят по-разному. В научных лабораториях, в качестве прислуги, в изматывающем физическом труде... Продолжительность определяется степенью тяжести. Обычно — от года до трех, а иногда дольше.

Альрик говорил, прочие молчали. Я пожирала его глазами, а он, казалось, рассказывал мне одной, потому как его взгляд не отрывался от моего лица. Он рассказывал то, о чем я должна была услышать от Мэла.

— Смешно думать, что победители не обезопасились от повторных попыток неповиновения. Мало изолировать побежденных. Их нужно контролировать и пресекать в корне подозрительные вспышки способностей. Вам, Егор Артёмович, должно быть известно, что ссыльных насильственно заставляли принимать препараты, подавляющие активность мозга. Для достижения максимального эффекта лекарства перевели в растворимую форму в виде прививок, причем регулярных, в течение нескольких лет. До сих пор живущие на побережье проходят регулярные осмотры с замерами вис-потенциалов — обязательные для каждого.

— Откуда вы знаете? — спросила я хрипло, словно простуженная. Точнее, каркнула как ворона.

— Из первоисточников. Из научных работ Иссака Гобула. Помните?

Помню ли я? Как-то профессор упомянул об ученом, изучавшим мутацию, когда у видящих родителей рождается слепой ребенок. *Sindroma unicum*.

Нет, исследования Гобула — не обо мне.

— На тот момент я ознакомился с наработками ученого крайне поверхностно, в чем корю себя. А ведь Гобул — первопроходец в изучении вис-аномалии. Именно он дал рекомендации по методам подавления сверхъестественных способностей у ссыльных и о необходимости периодического контроля потенциалов. И еще я виноват перед вами, Эва Карловна, тем, что дал ошибочное определение синдрому. Первоначально Исаак Гобул вкладывал в это понятие несколько иной смысл, но зашифровал его, боясь кражи открытия. Гобул проводил исследования в своей лаборатории. Он изучал способности ссыльных, вернее, отсутствие таковых.

— В лаборатории? — голос отказал мне.

— Да. Гобул проводил опыты с теми, кто уплачивал долг, — усмехнулся профессор. — И среди ссыльных попадались интересные экземпляры. Висорические потенциалы испытуемых объектов стабильно равнялись нулю, но в некоторых случаях в непосредственной близости от обследуемых наблюдалось самопроизвольное возмущение вис-волн: слабые и незаметные взгляду колебания или резкие скачки. Гобул выделил

необычную вис-аномалию в отдельную группу, которую назвал западным синдромом или *sindroma unicum Gobuli**. И, как ни странно, вы, Эва Карловна, входите в эту крайне немногочисленную общность, хотя ваш батюшка и принадлежит волне нового висоратства.

— Я?!

Стоило бы не изумляться, выпучивая глаза, а сказать спасибо Альрику за то, что, упомянув папеньку, он намекнул непричастным слушателям: волны когда-то мне подчинялись. Мол, я — ребенок-полукровка, появившийся на свет от союза слепой с висоратом и перенявший способности от обоих родителей.

— М-м-м... — Альрик раздумывал, как обойти щекотливый вопрос и не подавиться собственным языком. — Носители *sindroma unicum Gobuli* не могут сознательно воздействовать на волны. Они не влияют на события, те самостоятельно меняют нормальное течение. Гобул позиционировал каждого испытуемого как своеобразный катализатор процессов, вспыхивающих спонтанно вблизи от объекта исследования. В частности, он зафиксировал случаи самовозгорания различных предметов, левитацию, психологическое и эмоциональное воздействие на мозг, минуя защиту дефенсоров*, как-то: попытки суицида, адреналиновую жажду и программирование поступков людей. В присутствии некоторых респондентов менялись свойства воды — она не замерзала при нулевой температуре и не кипела при ста градусах; менялись физические законы — уменьшалась сила тяжести или, наоборот, увеличивалась; причем обследуемые никоим образом не умели и не могли влиять на происходящее.

Я-то причем? — взглянула раздраженно на профессора. Не томи!

Но тот тянул.

— Гобул секретничал. Он рассчитывал на мировую сенсацию и признание в научных кругах, поэтому боялся сообщать правду в регулярных отчетах. Он прикрывал настоящие исследования вымышленными, и в результате, совершенно неожиданно его работы прикрыли в одночасье. Гобула лишили доступа в лабораторию, а наработки свалили в ящики и отправили в архив Министерства науки. Не удосужившись прочитать! Думаю, причиной поспешного избавления от Гобула явились обычные интриги. Старик увлекся наукой и не заметил, что стал помехой в дележе грантов. Гобул до последнего момента рассчитывал вернуться и восстать из пепла как феникс, — хмыкнул Альрик, — но жадность подвела его. Он так и не рассказал о западном синдроме, унеся открытие с собой в могилу. Если вы считаете исследования Гобула вымыслом сумасшедшего ученого, приведу пример для подтверждения. Каждый из присутствующих знаком с ярким проявлением синдрома, которое вы могли наблюдать в течение многих лет в нашем институте.

— Здесь?! — хор изумленных голосов опять показал удивительную слаженность.

— Конечно. Носитель *sindroma unicum Gobuli* родился на западном побережье, но волею судьбы попал в институт и работал здесь до недавнего времени.

— Это... Швабель Иоганнович? — выдавила я, не веря своим словам.

— Да, это он, — кивнул профессор. — В присутствии Штусса жизненные процессы в растениях ускорялись в десятки, сотни раз, разве не помните? Однажды студенты внутреннего факультета провели специальное научное исследование, выясняя благоприятность среды в архиве, и пришли к выводу, что в подвале сконцентрирована необычная природная аномалия. Аномалия, которая разрушилась с отъездом Штусса.

Я вспомнила благоухающие дебри и глянцевые листья. Реанимированный пукодел, мыльнянка модифицированная, восстановившаяся вне привычной среды обитания...

Тропические заросли погибли в считанные дни, когда архивариус повез тело племянника на родину.

Невероятно. Немыслимо. Не укладывается в голове.

А профессор говорил.

— Штусс не имел ни малейшего понятия о природе своих способностей. Но их у него и нет. Это дар, которым он не может управлять. Как и вы, Эва Карловна. Вы — катализатор исполнения чужих желаний.

Обалдеть. Упасть и не встать. Поваляться в отключке часик-другой. Что за сказки тут плетут? Вешают лапшу на уши. Ничего необычного в моем организме не наблюдается. Химические реакции протекают в штатном режиме.

Стопятнадцатый заворочался в кресле, закряхтев как старик.

— Можете подтвердить на примерах? — пробасил неуверенно. Мне показалось, он оживился.

— Я набирал статистику, начиная с первых дней пребывания Эвы Карловны в нашем институте. Случай с упавшей люстрой. Студентка реализовала желание, давно вертевшееся в ее голове. Инцидент с указкой Лютеция Яворовича. Он мечтал поставить шумных студентов на место, но боялся. До определенной поры. Затем... Думаю, Ромашевичевский решился на преступление после экзамена по теории снадобий, на котором побеседовал с Эвой Карловной. Далее... случай в лаборатории, — Альрик посмотрел на проректрису, и та ответила взглядом, полным узнавания. Кусочки паззла вставляли на свои места.

— Какой случай? — влез Михаслав Алехандрович. — Не припомню.

— Не обращайтесь внимания, — махнула рукой Царица. — Мелочи.

Ничего себе мелочишка. Кровожадный монстр, кромсающий без разбору живое и неживое.

— Касаемо стража. Думаю, он также попал под влияние Эвы Карловны. Неспециальное, заметьте. Не могу знать, какие желания возникают у пса особой породы, но факт налицо — животное игнорировало прямые обязанности, несмотря на стопроцентно надежный гипноз. Прием, на который отправилась Эва Карловна, состоялся при небывалом количестве скандалов и провокаций. Вспомните пожар в институтской столовой. Один из участников инцидента заявил, будто что-то подтолкнуло его. "Всегда хотел попробовать, но боялся рисковать". Каждый день вокруг вас происходили и происходят события, подчас незаметные, подчас шокирующие, и люди, их творящие, подпадают под ваше влияние, — обратился ко мне профессор.

На меня словно ушат ледяной воды вылили. Куда катится белый свет?

— Значит, кто-то подрался, а вина — на мне? Я не умею внушать! — воскликнула срывающимся голосом.

Разве драка в "Вулкано" — предел мечтаний? А ненависть Штице — тоже моя вина? А патологическая антипатия Касторского?

— Нет, Эва Карловна, вы — катализатор скрытых желаний, которые при обычных обстоятельствах ни в коем случае не воплотились бы в жизнь из-за неуверенности, страхов, предрассудков. У каждого человека есть мечты — большие и маленькие. Есть желания. Например, с утра мне хочется мороженого. До прихода в ректорат я думал: "Дотерплю до обеда и закажу мороженое в преподавательской столовой". Но чем дальше сижу здесь, вблизи от вас, тем отчетливее приходит в голову мысль: "А не бросить ли всё к чертям собачьим и пойти в столовую сейчас?"

— Ну, идите. Я вам не мешаю, — промямлила растерянно. Зачем оправдывать слабости выдуманным синдромом?

— Мороженое — это мелочи. Помимо него в записной книжке, — Альрик постучал по голове, — огромный список желаний, и многие из них не столь безобидны, как десерт. И мне стоит огромного труда удержаться и не воплотить некоторые из них здесь и сейчас.

Мэл сощурился, размяв с хрустом пальцы.

— Звучит фантастично, но многие из тех, с кем вы сталкивались, в привычной жизни никогда не повели бы себя... Словом, они ни за что не вытащили бы из закровов свои желания, чтобы воплотить в действительность. Слабый вдруг становился храбрым, незаметный оказывался подлецом, добрый и справедливый превращался в завистливого мелочного скрягу, — вещал профессор.

— Прекрасно, — ответила я, вложив в словечко накопившийся скепсис. — Все творят, что хотят. Но тогда, по идее, рядом со мной должны непрерывно происходить необычные события. Кругом полно народа, и у каждого в голове роятся тучи желаний. Что-то не вижу особого ажиотажа. Ау, где вы? Дед Мороз здесь!

— Не все желания масштабны, — пояснил Альрик. — И, кстати, за свою жизнь вы не придали значения ни одному из них, принимая необычные события как данность.

— Значит, Эва Карловна — ускоритель выполнения желаний? — вклинился Стопятнадцатый.

— Скорее, она — косвенный воплотитель. Представьте, что произойдет, если с ней повстречается, например, фанатик, мечтающий устроить Армагеддон! Эве Карловне достаточно пройти мимо, а в голове потенциального маньяка загорается лампочка, и он определяет первую жертву.

— Бред.

Это сказал Мэл, и собравшиеся посмотрели на него.

— Я допускаю наличие неуправляемого дара у Штусса, но способность Эвы надуманна. Вы пытаетесь объяснить происходящее, притянув за уши невероятную историю. Миф.

Взгляд профессора стал колючим.

— Я тоже совершил ряд поступков... Воплотил несколько спонтанных желаний, будучи под влиянием Эвы Карловны, — признался он. Жестко, констатируя факт. — А вы, Егор Артёмович, разве не попали под воздействие дара?

Получается, я принудила Альрика делать то, чего он не хотел. И заставила Мэла быть со мной. Перед ним маячило светлое будущее, а появилась серая крыска и спутала карты. В другой ситуации он поглядел бы на меня и, подумав: "Зачетные сиськи", отвернулся и больше не вспоминал. Потому что мы разные — он порхал наверху, я жила внизу. Небо и земля. Два берега реки. Два полюса — северный и южный.

Но Мэлу приспичило. Он увидел и наплевал. И чем чаще мы сталкивались, тем активнее он смирялся с мыслью: "Ну, и пусть она слепая. Ну и пусть ее мать — ссыльная. Мне всё равно".

Выходит, я заставила. Если бы не мой дар, Мэл обручился бы со Снегурочкой и слыхом обо мне не слыхивал. А так... Небо и земля — но сошлись у горизонта. Два полюса — но оказались на одной планете. Два берега реки — но между ними вырос мост. Крепкий, нерушимый. Потому что я влияю на Мэла и на его желания.

— Ваша версия, Альрик, звучит сказочно, хотя и с долей правдоподобности, — резюмировала проректриса мелодичным голосом. — Но мы ни на шаг не приблизились к

разгадке пропажи артефакта.

— Скоро, — посмотрел на часы профессор. — Если я не ошибся, человек, что украл зеркало правдивости, тоже попал под чары Эвы Карловны.

Я поджала губы с обидой. Валите, мне не жалко. Конечно же, виновата во всём.

Кто мог меня подставить? Кто взял резинку для волос? Тот, кто бывал в швабровке. Аффа, Капа...

— Твоя теория объясняет многое, — отметил задумчиво Стопятнадцатый, погладив бородку. И этот туда же. Какие желания декана исполнила золотая рыбка?

— Эва Карловна, вы — не золотая рыбка, — озвучил мои мысли профессор, чем вызвал убийственный жар на щеках. Альрик всегда читал меня как раскрытую книгу. — Вы не можете исполнять чужие желания по заказу. Вы лишь подталкиваете людей. Свои желания они воплощают сами. Вот, например, я страстно хотел совершить опыт по материальному переносу триэттакварца, а вы случайно проходили мимо. И вот те на! — получилось. Эксперимент удался, помните?

— Получается, любое свое желание, которое просится на волю, я могу объяснить присутствием Эвы Карловны? — поинтересовался Миарон Евгеньевич.

— Думаю, не все люди в равной степени подвержены влиянию. У кого-то стопроцентный иммунитет, кто-то борется с переменным успехом, кто-то сдается сразу. Возможно, возмущение возле Эвы Карловны возникает нерегулярно, а иногда бывает слабым и не оказывает воздействия на окружающих. Также существует зависимость от глубины желания. Если оно выстраданное, лелеемое, но запретное, противоестественное... Если желание осудят и не поймут... Хозяин скандального желания не хочет признаваться в нём даже себе самому... Тогда он будет бороться до последнего вздоха, подавляя искушение.

Проректриса поднялась из кресла и подошла к окну, отвернувшись от собрания.

— Почему вы решили, что виновник кражи скоро объявится? — поинтересовался Михаслав Александрович.

— Мало похитить уникальный артефакт. Нужно миновать стража при входе, иначе затея окажется пустой. Потерпите. Осталось немного, — успокоил Альрик. Ах да, его слух позволяет слышать сенсацию за пару-тройку километров.

В приемной послышался шум. Дверь распахнулась, и парочка дюжих мужчин заволокла в кабинет... Петю Рябушкина!

Я узнала вошедших. Мужчины работали в хозслужбе и чистили зимой дорожки у института.

Щеки Пети украсила неестественная бледность, ноги заплетались.

Следом ввалились еще двое мужчин. Один из них передал Альрику что-то, завернутое в тряпицу.

Надо сказать, кроме Альрика со своих мест повскакали все присутствующие. Даже я.

Петя Рябушкин! Он приходил в общежитие и видел справочники. Чемпион вообразил, что коли я без проблем выношу библиотечные книжки из института, то и он сможет беспрепятственно вынести артефакт. Петя и подумать не мог, что дело вовсе не в болезном Монтеморте, а во мне, внушившей стражу витание в облаках и тоску о воле, которой пес был лишен всю сознательную собачью жизнь.

— Вы свободны, — бросила отрывисто проректриса работникам хозслужбы. — Ждите в приемной. И вызовите Клариссу Марковну для оказания первой медпомощи.

Оказывается, у Пети порвалась штанина, и на ноге запеклась кровь.

Меня замутило.

— На, выпей. — Мэл усадил меня на стул и сунул стакан с водой.

— Спасибо, — ноги не держали, зубы стучали по стеклу.

Петя Рябушкин... Кто бы мог подумать? Вернее, я бы додумалась, но мне не дали времени. Трепались непрерывно о том, о сем... О всяких золотых рыбках, и о том, что я воздействую на людей, пробуждая в них нехорошие стороны.

— Сволота, — заключил тихо Мэл, усаживаясь рядом. — Лучше?

— Я тебя тоже заставила? — схватила его за руку.

— Ты о чем? — удивился он.

— О том, что мы вместе. Ты не хотел, а я заставила. Внушила. И ашшавару* тоже внушила.

— Эвка, ты же в коме была, — объяснил он, словно перед ним сидела тяжелобольная аутизмом.

— Ну и что? Лежала и внушала: отдай свою жизнь.

— Всё, кончай истерить, — поднялся Мэл. — Лично я не верю в сказочки с желаниями.

Пойду-ка лучше потрясу чемпиончика за шкуру.

А Петю и без него потрясли. Вернее, Петя сотрясся сам. И да, он признался во всем. После того, как не менее потрясенная Морковка обработала раны от зубов Монтеморта, вколола экстражизняющие препараты и забинтовала пострадавшую конечность парня.

Сошлось всё. Петя, заметив библиотечные справочники в швабровке, мгновенно сопоставил, сделал выводы и придумал план. Прихватил с подоконника резинку для волос, вспомнив, что видел, как она стягивала мой куцый хвостик. Удача бежала за чемпионом вприпрыжку. Выяснилось, что Стопятнадцатый собирался отсутствовать сегодня весь день. О том, что зеркало правдивости хранится в кабинете Генриха Генриховича, знал весь институт. Петя рассчитывал, что следы успеют выветриться, и ясновидение не поможет в расследовании. Парню немыслимо повезло, что в последнее время декан факультета нематериалки забывал об охранных заклинаниях-ловушках. А отмычки Петя изготовил в кузне. Кража состоялась вечером, незадолго до закрытия института, и артефакт пролежал ночью в раздевалке спортивной секции, потому как великий взломщик в последний момент испугался.

Парень удивился тому, что присутствующих не сотрясла новость о библиотечных книжках, вынесенных мной из альма-матер.

— Прости, Эва, — покаялся он, заикаясь. — Не знаю, что на меня нашло. И ведь не хотел, а увидел — и перемкнуло в голове. Прости.

Деканы переглянулись с пониманием. Ну, конечно, теперь любое преступление можно оправдать так: "Ах, в голове перемкнуло", а виновата в замыкании клемм Папена, прошедшая по коридору не в то время и не в том месте.

— Я бы понял, если бы ты просто стырил, но ведь ты подставил её, гад, — прошипел Мэл, и деканы, струсившие возле парня, вежливо оттолкали его в сторону.

— Понимаю, — промямлил побелевший как бумага Петя. — Признаюсь.

Да, знатно он перетрухал.

— Как же так, Рябушкин? — утер пот со лба Миарон Евгеньевич. Оно и понятно, распереживался человек. Чемпион по легкой атлетике, ведущий кузнец, проектировщик подземных судов, гордость курса — и влип в пренеприятнейшую историю. Украл, подставил невинного человека и попался.

— Не знаю. Мне пришло в голову, что Монька... Монтемонт стал рекламной афишкой, — выдавил Петя. — Позирует впустую. Лежит, сопит и не чует.

— Но в начале года страж задержал охранника с деньгами из кассы, — заметил воодушевившийся Стопятнадцатый. Как ни странно, его обрадовало, что виновником кражи оказалась не я, а другой человек. Словно бы Генрих Генрихович сбросил груз вины за то, что возвел на меня напраслину.

Стопятнадцатый сказал, и деканы снова переглянулись, а затем посмотрели в мою сторону. Ну да, я как раз пробежала мимо и получила несколько висоров в качестве аванса за трудоустройство в архив. Заодно нашептала охраннику, что хватит бездействовать.

— Так то ж было в январе, — промямлил Петя. Осознание содеянного грозило обвалить его рассудок. — А в апреле Монька почти сдох. То есть я решил, что он того... болен.

— Капздец тебе, спортсмен, — пробился к несчастному парню Мэл, потирая кулак, но Стопятнадцатый опять оттеснил его в сторону.

— Почему вы решились? — спросила проректриса, кивнув на зеркало. Артефакт извлекли из тряпицы и поставили на столе. — Зачем?

— Деньги... — Петя еле ворочал языком, наливаясь краснотой. — Хотел продать... О ужас! — закрыл он лицо руками.

Я воочию видела, как мечутся мысли в его голове. Что будет с родителями, когда они узнают? Отчислят из института — стыд и позор. Привлекут первый отдел, начнется следствие, суд, приговор. А дочка второго замминистра финансов? Ведь всё задумывалось ради того, чтобы закрепиться наверху и стать кем-то значимым вместо домашнего мальчика в шапке с помпоном-какашкой.

Эх, зря во мне тренировали шестое чувство. Простодушный Петя был как на ладони.

После того, как парня вывели из кабинета и велели ждать в приемной, собрался спонтанный консилиум. Решали судьбу чемпиона.

Мэл уперся и ни в какую не соглашался на полюбовное разрешение инцидента. Только огласка, чтобы впредь неповадно было.

— Сколько можно? Травят, нападают, подставляют, — возмущался он. — Вижу выход в том, чтобы бороться активными методами.

Альрик посмотрел на него снисходительно, мол, кто виноват в том, что травят, нападают и т. д.? Пострадавшая сторона как раз виновата в том, что её травят, нападают и т. д. Не фиг ходить и растравлять в людях тщательно гасимые желания. Вот, к примеру, Ромашка сдерживался из последних сил, а не утерпел и накапал яду в бокал.

Деканы и проректриса как люди, умудренные опытом, вели себя не столь категорично.

— Надо проявить осмотрительность, — сказал Михаслав Алехандрович.

А Миарон Евгеньевич молчал, пришибленный новостью о чемпионе-воре.

Консилиум заседал, и я, скучая, придвинула к себе легендарный артефакт, из-за которого разгорелся сыр-бор. Надо же, зеркало правдивости, — оглядела его со всех сторон. Обычное дамское, овальное, на подставке. Везет мне, однако, на артефакты.

Попробовать, что ли, заглянуть, как Стопятнадцатый? Что за невидаль в нем скрывается? Надеюсь, не очередное пророчество.

Первым в поле зрения попался мой любимый декан. В отражении он глядел на меня задумчиво, даже печально, и я бы сказала, с отеческой заботой. И вдруг я увидела, что он одинок. Что к зрелому возрасту, неуклонно скатывающемуся к той поре, когда его назовут преклонным, Генрих Генрихович неожиданно осознал, что рядом никого нет. Что грустно

возвращаться домой в пустую квартиру, что наука больше не радует, что счастье девочки-подшефной ослепляет ярче солнца, заставляя пробуждаться зависть, которую он подавляет изо всех сил.

Я отпрянула от зеркала и воровато оглянулась. Реальный Стопятнадцатый спорил о чем-то с Михаславом Александровичем, и на лице его расцвели краски жизни, утраченные после известия о покушении Ромашевичевского.

Чудеса.

Следующей в плен отражения попала проректриса. Реальная Царица участвовала в дебатах о судьбе чемпиона, а Царица зеркальная смотрела на Миарона Евгеньевича с... Мои щеки загорелись, словно их натерли наждачной бумагой. Но вот зеркальная проректриса перевела взгляд с декана Пиния на меня, и на ее лице нарисовались неприязнь и холодность. Ноль симпатии, скорее, минус. Вынужденное терпение.

Почему-то увиденное в отражении не удивило. Интуитивно я чувствовала то, что подтвердило *specellum verity**

Однако затягивает.

Собственно, Пиний Миарон Евгеньевич. Отражение в зеркале возвестило о горячности собственной молодости, и о намерении совершить сенсационный прорыв в висорике, для чего не грех воспользоваться идеями группы второкурсников, всё равно обалдуи не догадываются о значимости открытия. А еще Миарон Евгеньевич знал о неоднозначном внимании проректрисы и застрял на перепутье. Декан находился в смущении, но склонялся к тому, чтобы извлечь выгоду из симпатии немолодой женщины.

Боже мой, — отодвинула я зеркало. Правдивость вышла боком. Теперь реальный Пиний виделся в другом свете. Меркантильный и расчетливый. Не так уж он хорош. Совсем нехорош.

Интересно, в каком свете увидел меня Стопятнадцатый, поглядывая по первости в зеркало? И почему позже стал разворачивать артефакт к стене? Потому что доверился?

Посидев, я снова потянулась к *specellum verity*. Определенно, оно как наркотик.

Следующим в объектив попал Альрик. Признаться, я взглянула на него не без внутренней дрожи возбуждения. Как и предшественники, реальный профессор о чем-то говорил, а профессор зеркальный смотрел на меня и... я растаяла в мгновение как мороженое. Вспыхнула спичкой и сгорела в шквале, коим одаривал его взгляд... Нежил, ласкал... Нет, это полиморфная составляющая, пробудившись, рвалась к нему и раздиралась в кровь. И внезапно меня осенило, к кому приводили лесные сны... Путались тропки, шуршала трава, приминался мох, в веселом беге мелькали опушки и рощицы... Я поняла, почему хозяин леса оттолкнул свою самку. Он позволил мне уйти, несмотря на наипрочнейшую нить, связавшую его с моим вторым "я", просыпающимся каждое полнолуние. Он отпустил. Разрешил. Но его доброта не беспредельна.

Отодвинув дрожащими руками зеркало, я оглянулась на Альрика. Реальный профессор смотрел на меня так же, как в отражении, и он знал о том, что показало *specellum verity*. Затем его взгляд, обугливающий нервы, переключился на проректрису. Доли секунды, а для меня — вечность. Животная составляющая заскреблась, завывала, порываясь к нему. Я залпом влила в себя стакан воды. Противная и теплая. Эх, охладить бы *gelide candi**, но увы, не сумею. Могу лишь катализировать исполнение желаний.

— Спорим, обсуждаем, а между прочим, Эва Карловна имеет право решающего голоса как пострадавшая сторона, — сказал Михаслав Александрович, и все посмотрели на меня.

— Эва, прими правильное решение, — подтолкнул ненавязчиво Мэл.

А я давно приняла. Сразу же. Петя искренне раскаивался, даже интуицию не потребовалось призывать.

— Не хочу на занятия, — сказала Мэлу, когда суматоха улеглась, и чемпиона препроводили в деканат родного факультета. — Покатай по городу.

Должно улечься. Перевариться. Осмыслиться.

Мэл не стал спорить.

Странное мы являли зрелище. Поток разноцветных зонтиков тёк в институт по аллее, огибая нас, а мы неспешно шли в противоположную сторону, к воротам. И свора журналистов, метнувшихся к "Турбе" аки гончие, не вызвала прежнего раздражения.

Колеса автомобиля прорезали лужу, создав брызги выше кабины.

— Через квартал, — попросила я, и Мэл свернул в район, где жили невидящие. По стеклу машины ползли дождевые струйки, методично работали дворники.

— Нету ливнёвки, что ли? — пробурчал Мэл, бороздя глубокие озера на дороге.

Дома — низенькие, неприметные, с потеками промокших стен. Тихие сонные улочки... Мокро... Вселенская сырость — снаружи и в груди.

Дело с неудавшейся кражей решили умолчать. Пете предложили перевестись в другой ВУЗ по собственному желанию. Похожий факультет оказался на севере, где я проучилась почти полгода. Думаю, Петя ужасно обрадовался. Еще больше он радовался тому, что родителей не поставили в известность.

Мэл искрил недовольством, но сдержался.

Мне объявили устный выговор за нарушение студенческого кодекса. Я покаялась и заверила, что впредь не преступлю закон и порядок в альма-матер.

Консилиум принял решение перепрограммировать Монтеморта, углубив и расширив гипноз.

Когда улеглась эйфория после разоблачения неудачливого преступника, Стопятнадцатый неловко крикнул.

— Ну-с, любезные, подскажите, что нам делать с даром Эвы Карловны? Как прикажете защищаться? Альрик, тебе задание — разработать доспехи, — засмеялся громко и раскатисто. Давненько я не слышала смех своего декана.

— В сложившихся обстоятельствах можно заявить о *sindroma unicum Gobuli** в научных кругах, — предложил профессор. — Провести серию опытов, исследований... При правильном подходе открытие может стать сенсацией. Опубликуем дневники Гобула, расскажем правду о его работах.

— Об открытии можете заявлять сколько угодно, но Эву не впутывайте, — сказал Мэл. — Ваша теория об её якобы даре — блеф. Вы оправдываете свои и чужие слабости, сваливая вину на одного человека. Это недоказуемо и пахнет некрасиво.

— Если желаете, я докажу, — произнес профессор с угрозой.

— Нет, — возразил Мэл. — Обнародуете домыслы о "даре" Эвы — и я тоже не стану молчать. Поверьте, мне есть, что рассказать. Читайте, Эва оказывает влияние и на меня.

Я метнула испуганный взгляд на профессора. Ни о чем предосудительном никому не говорила! А если бы сказала, то задушилась бы собственным языком.

Деканы примолкли, не стала высказываться и проректриса. Однако Альрик не испугался.

— Кто дал вам право принимать решения на неё? — кивнул на меня. — Уж не Ungis

Diavoli*? По-моему, этого недостаточно.

— Более чем, — ответил Мэл.

Серое насупившееся небо, мокрый асфальт, дождь плачет.

Мой дар и проклятие — быть катализатором чужих желаний.

Кто знает, может быть, Некта передумал и вместо того, чтобы сожрать, вывел меня из подземелья, подарив на память странное "колечко"? И Радик поступил неадекватно, сперва признавшись черствой девице в светлых чувствах, а затем лишив себя жизни. Вот почему бесплотный дух парнишки указал на меня! Радик ни за что не решился бы на отчаянный шаг, не будь меня рядом.

Тао Сян в сортировочной утиля обвинил, что я напевала и подзуживала, но, в конце концов, его "хоца" поддалась давлению.

Возможно, девица на новогоднем банкете станцевала канкан со стриптизом на столе под влиянием моего дара. Захотелось ей, видите ли. Кому-то хочется мороженко, кому-то — срочно устроить Армагеддон, а кому-то — сплясать спьяну на скатерти-самобранке.

А драка в "Вулкано", начавшаяся спонтанно? И мужчины, не бросившие меня в дыму. На них тоже повлиял мой дар?

Быть может, Алесс согласился на большую сумму при торге коньячной фляжки из особых соображений, но к решению подтолкнула я?

Если вспоминать ворохи событий, что случались с моим участием или без, то ни разу я не задумалась над логичностью их происхождения — ни в интернате, ни ВУЗах, где доводилось учиться. Жизнь текла, преподнося сюрпризы — хорошие и не очень, — и то, что я могла быть катализатором, не приходило в голову.

Профессор сказал, что совершил ряд беспшибашных поступков, поддавшись моему влиянию. Пойдя на принцип, он настоял на обете с обменом кровью, и теперь я — полиморф по прихоти злодейки-судьбы, а моя животная составляющая крепко привязана к своей половине. То есть к Альрику. Что делать? Как разорвать цепь?

В зеркале правдивости я не успела увидеть Михаслава Алехандровича и Мэла. Наверное, к лучшему.

Прежде чем забрать артефакт, Стопятнадцатый заботливо протер носовым платком отражающую поверхность.

— Spesillum verity* открывает правду единицам, — поведал мне. — Это древняя магия, доступная избранным. Есть предположение, что артефакт создавался для вершителей судеб мира и их потомков. А на деле требуется особое восприятие. Сочетание диоптрий, так сказать.

Стало быть, или мои диоптрии совпали, или я — чей-то потомок, что маловероятно, или дар распространяется и на неживые предметы.

"Турба" вырулила на унылую набережную.

— Останови где-нибудь, — попросила я.

Мэл притормозил у обочины. Выйдя из машины, я пошла к реке. Дождик накрапывал, в тучах наметился просвет. Мэл выскочил следом и поднял над головой зонт, укрывая.

— Радик погиб из-за меня, — сказала я, глядя на серую речную рябь, изъеденную дождевыми точками.

— Нет, Эва. Он сдался из-за трусости. Он был слаб.

Я покачала головой. Совсем не утешает.

— А Петя тоже оказался слаб к моим чарам?

Ведь красиво начиналось — спасение под люстрой, плафон, аннулированный долг... Дальше понеслось хуже.

— Да. Взгляни на свою соседку. На Афку. Она не поддалась.

У Аффы всё впереди. Или у нее иммунитет. Как сказал Альрик, одни сдаются с потрохами, а других не берет. Мой дар разъедает как ржа. Кто-то стоек как нержавейка, а кто-то гниет трухой. Но ведь люди не при чем! Виновата я, толкая их на безрассудства.

Наверное, сказалось вслух.

— Твоей вины нет, — ответил серьезно Мэл. — Ты как лакмусовая бумажка проявляешь в окружающих плохие или хорошие качества.

— Хорошие качества незаметны, а плохие отражаются на мне. Штице чуть не изувечила, Касторскому страсть как хотелось подрессировать, в "Вулкано" едва не сожгли.

— Эва, я приложу все усилия, чтобы оградить тебя от неприятностей, — сказал Мэл. — Но ты сама им потворствуешь. Зачем-то пригласила Рябушкина в общежитие. А ведь я предупреждал относительно него.

— Мне хочется, чтобы Петя остался в институте, — пробормотала я, глядя на пластиковую бутылку, болтающуюся на волнах.

— Он должен осознать, — отозвался Мэл резко. — Пожалей ты Рябушкина, и он ничему не научится. Видишь, ему не хватало денег на хорошую жизнь. Полюбив семгу и красную икру, начинаешь воротить нос от кильки и мойвы. Кстати, из Рябушкина вышел никчемный вор. Я бы на его месте подложил артефакт в твою сумку и забрал бы, когда ты вынесла из института. Обычно таким образом выбирают лопухов-курьеров.

— Как бы он подложил, если мы с тобой постоянно вместе? — удивилась я.

— Так же, как попал в общежитие, когда я уехал, — заметил Мэл, вызвав мое смущение. Ведь я доверяла Пете. Я верила чемпиону и сейчас. Парень творил глупости не со зла. — Радуйся, что котелок Рябушкина варит туго, и по каким-то причинам спортсмен пошел провальным путем. Наверное, благодаря твоему дару, — хмыкнул он.

— Значит, ты все-таки поверил Альрику?

— Ну, скажем так... Я примерил к себе его гипотезу.

— Мэл, если я заставила тебя быть вместе... Прости. Не хочу удерживать насильно.

Он обнял меня и прислонился нос к носу. Мой — холодный, его — горячий.

— Замерзла, — констатировал и создал сверху теплый колпак. — Ты так и не поняла концепцию теории символика. Эва... Я хотел быть с тобой с первой же минуты, как увидел. Хотел и боролся. "Нельзя, — говорил себе. — Кто ты и кто она?"... Заставлял, приказывал, пытался забыть... Но чем дальше, тем становилось хуже. Символистик прав. Желание жгло. Выедало кислотой. Ворочалось где-то в груди, отравляло неисполненностью. Подгоняло... Неудовлетворенное желание... А сейчас оно выполнилось, — улыбнулся он. — И теперь вот здесь — штиль, — положил мою ладонь к себе на грудь, у сердца. — Так что, Эва, если бы ты продолжила играть в кошки-мышки, я доконал бы тебя, себя, всех вокруг... Я не дал бы спокойной жизни ни тебе, ни себе, пока не добился бы своего. У меня, сама знаешь, терпения с гулькин нос. Что захотел — то беру, не раздумывая, и уже не отпускаю.

Приятно, что ни говори. Согревает не хуже теплого колпака над головами.

Мы помолчали.

— Что за опыты по материальному переносу? — спросил недовольно Мэл.

Ишь ты, вспомнил случайно оброненную фразу.

Я объяснила, когда и при каких обстоятельствах стала свидетельницей научного

прорыва.

— Чтобы никаких опытов, — заявил он беспрекословным тоном. — И никаких символистиков. Вот он где у меня, — провел ребром ладони по шее.

Дождь опять зарядил мелкой моросью.

— Альрик рассказал о побережье много интересного, — поежилась я зябко. — Очень ценная информация. О каком родственнике он упомянул?

— Мой двоюродный дед. Комендант побережья в первые годы существования, — ответил Мэл. — Он делился со мной немногим. Я не знал о прививках. И о Гобуле не знал.

— А о долге?

— Знал. В нашем доме часть прислуги набирают с побережья. Неплохо, да? — хмыкнул он. — Платить не нужно. Только кормежка и одежда. Три года. Читай людей слева направо, внушай им что угодно...

Моя мама могла работать в доме Мелёшина-старшего. Я могла намывать там полы. А могла и не удостоиться высокой чести. Отправили бы в закрытую лабораторию, чтобы отрабатывать заклинания, например, deformi*.

Меня затрясло.

— И ты внушал? Читал мысли?

— Я не умею, — отрезал Мэл, нахмурившись. — Кроме того, не особо разделял тех, кто работал по найму, а кто — из-за долга.

К парапету набережной прибило волнами ветку с набухшими почками. Столица готовилась к взрыву юной зелени.

— Помню, отец приехал на побережье и попросил маму о разводе. Она согласилась, и он забрал меня на Большую землю. Сюда.

— Он спас тебя от уплаты долга. По-своему спас.

— Предлагаешь поблагодарить? — бросила я едко. — И тогда, и сейчас он считает меня ничтожеством. Каторжанская дрянь, бестолочь, недоумок... Думаешь, приятно слушать? Называй человека изо дня в день свиньей, и он начнет хрюкать.

— Перебор, не спорю, — согласился Мэл. — Но он воспитывал в тебе...

— ... бойца, — прервала его. — Знаю-знаю. Спасибо папуле за счастливое детство.

— Наверное, он тоже находился под влиянием дара. Отец заставлял тебя держаться настороже, всего бояться. Если бы он сюсюкал, заваливал заботой и обеспеченной жизнью, ты расслабилась бы и дала промашку. Сытость замусоливает глаза. Пропадает чувство опасности. А ты выжила и не сдалась. Научилась конспирировать во враждебном мире.

Скорее, враждебный мир представить не мог, что его надуют самым наглым образом, и афера узаконится, став величайшей авантюрой века. Я — единственная слепая, которая не видит волны и получает за это неслыханные бонусы.

— Мне даже болеть не разрешалось, чтобы не загреметь в больницу!

— Риск того стоил, — заключил Мэл. — Ты получила блага, о которых никогда не узнала бы, оставшись на западном побережье: ходишь свободно по улицам, носишь дефенсор*, изучаешь висорику. Ты имеешь право обижаться на отца, а я понимаю его.

Обижаться? Да я ненавижу родителя! Он выбрал жестокие воспитательные меры не ради моего счастья, а потому что сомневался. Думал, не справлюсь, не осилю, и притворство с поддельным висоратством раскроют. Но в дилемме "уплатить долг отечеству и прозябать в диком краю на задворках страны или прятаться по углам висоратского мира незаметной, но свободной тенью" Мэл встал на сторону отца.

— Почему ты не рассказывал о побережье? — повернулась к нему. — Знал и не говорил. Возможно, твой дед знает о моей маме.

Мэл долго молчал.

— До недавнего времени я не особо вникал в тонкости политического устройства. Моя жизнь текла с другой скоростью и на иных уровнях. Меня не заботило существование какого-то побережья. Единственное, что внушали нам с детства, и что усвоилось на уроках истории, — там живут преступники, отбросы, отщепенцы. Они заслужили наказание, и долг — малая часть того, что они обязаны вернуть стране, которую предали. А когда мы с тобой... Когда ты сказала, что родилась там... Ведь ты могла работать прислугой под крылышком Рубли. Или уплатила бы долг иначе, — его передернуло. — Зачем тебе знать об этом? Я не смог рассказать. Прости.

— А твой отец и дед? Неужели они спокойно отнеслись к известию о матери-каторжанке?

— Им проще. Дед был лично знаком со многими из участников восстания и до сей поры отзывается о них с уважением.

— Может быть, он знает что-нибудь о моих корнях? — уцепилась я за Мэла. — Бобылев на допросе сказал, что знал мою маму.

— Мы найдем её и твою семью по линии матери, — пообещал Мэл. — Почему не хочешь поговорить с отцом напрямик?

— Нет, — замотала я головой. — Ни за что. Нам не о чем говорить. На пушечный выстрел не подойду по своей воле.

— Хорошо, — вздохнул он. — Не хочешь проще — пойдем в обход.

— А мой дар или проклятие... Если он существует на самом деле... От него не избавиться. Что мне делать с ним? — заглянула я в глаза Мэла в поисках поддержки.

— Жить, — ответил он просто.

И мы стали жить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

crucis *, круцис (перевод с новолат.) — крестовина

specellum verity*, спецеллум верити (перевод с новолат.) — зеркало правдивости

sindroma unicuma Gobuli*, синдрома уникама Гобули (пер. с новолат.) — уникальный синдром Гобула

aвшавара аба — поцелуй смерти

gelide candi*, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

Ungis Diavoli*, Унгис Дьяволи (перевод с новолат.) — Коготь Дьявола

deformi *, деформи (перевод с новолат.) — деформация

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник